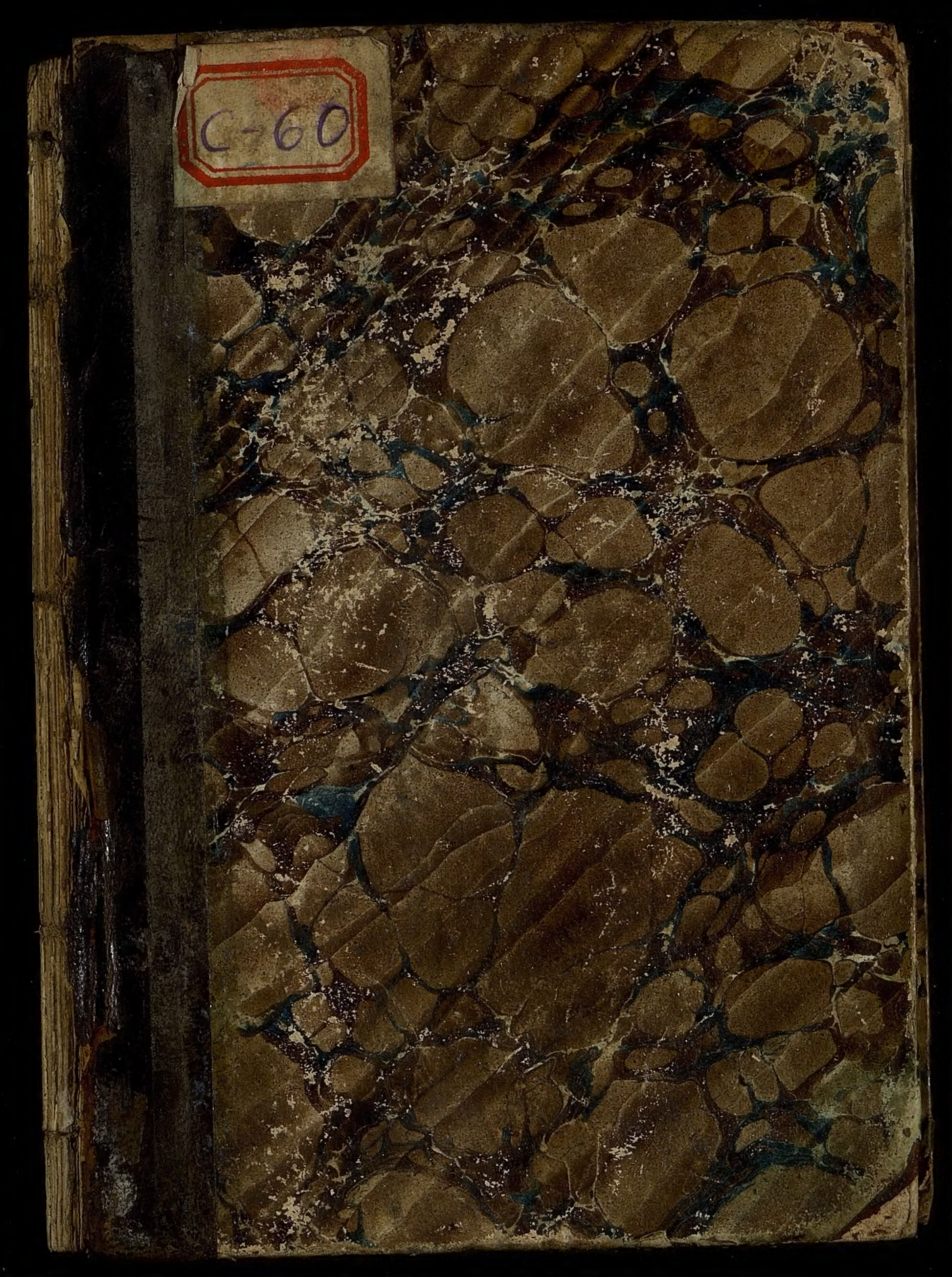
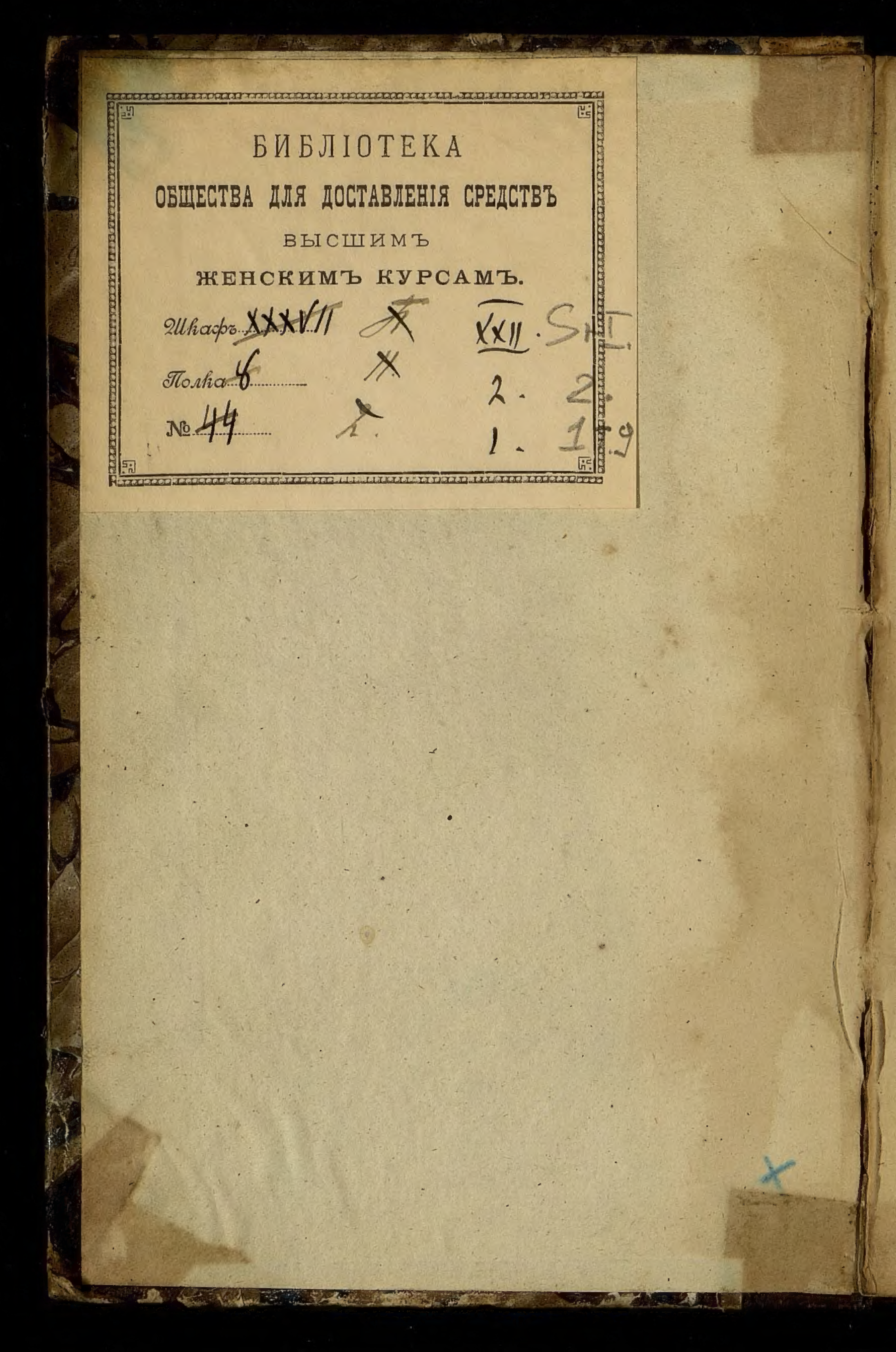

C-60

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ XXXVII
Полка 6
№ 44

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.
1859.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 20-го, 1859 года.

Ценсоръ *И. Безсомыкинъ.*

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ӨЕОДОРОВИЧА.

Посольство отъ собора къ новоизбранному царю. Наказъ посламъ. Переговоры пословъ съ Михаиломъ и его матерью. Причины, почему новый царь не могъ бояться участи своихъ предшественниковъ. Выѣздъ Михаила изъ Костромы въ Ярославль. Переписка его съ соборомъ и боярами изъ Ярославля и съ дороги изъ этого города въ Москву. Въѣздъ Михаила въ Москву. Его царское вѣнчаніе. Бѣдственное состояніе государства при вступленіи на престолъ Михаила. Грамоты царя и собора по городамъ и къ Строгановымъ. Дѣло Шульгина. Война съ Заруцкимъ. Переписка правительства съ казаками. Ссора Заруцкаго съ Астраханцами и Терскимъ городомъ. Дѣйствія стрѣлецкаго головы Хохлова противъ Заруцкаго. Поимка Заруцкаго. Казнь его, сына Марины и Андронова, смерть Марины. Движенія воровскихъ казаковъ на сѣверѣ. Дѣйствія противъ нихъ князя Лыкова. Возстаніе Татаръ и Черемисы въ понизовыхъ городахъ. Сношенія съ Польшею. Посольство туда Аладьина. Военныя дѣйствія: взятіе Бѣлой московскими войсками, неудачная осада Смоленска. Война съ Лисовскимъ. Дѣйствія и гибель Черкасъ на сѣверѣ. Грамота пановъ радныхъ къ боярамъ. Посольство Желябужскаго въ Польшу и свиданіе его съ Филаретомъ Никитичемъ. Неудачные переговоры подъ Смоленскомъ. Сношенія съ Австріею, Турціею, Персіею, Крымомъ. Посольства въ Голландію и Англію. Пріѣздъ Англійскаго посла Джона Мерика съ цѣлію содѣйствовать заключенію мира между Россіею и Швеціею. Положеніе

Новгорода Великаго подъ Шведскимъ владычествомъ. Военныя дѣйствія противъ Шведовъ. Оборона Тихвина. Неудача Трубецкаго и Мезецкаго. Взятіе Гдова Густавомъ Адольфомъ. Неудачная осада Пскова Дедеринскіе переговоры при посредничествѣ Англійскаго и Голландскихъ пословъ. Столбовскій миръ. Очищеніе Новгорода. Переговоры съ Мерикомъ, награды ему. Взглядъ Густава Адольфа на столбовскій миръ. Посольство князя Борятинскаго въ Швецію для окончательнаго подтвержденія мира.

(1613—1617 г.)

Провозгласивши царемъ шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳедоровича Романова, соборъ назначилъ ѣхать къ нему въ челобитчикахъ: Ѳеодориту, архіепископу Рязанскому, троимъ архимандритамъ — Чудовскому, Новоспасскому и Симоновскому, Троицкому келарю Авраамію Палицыну, троимъ протопопамъ, боярамъ—Ѳедору Ивановичу Шереметеву, родственнику молодаго царя, и князю Владиміру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому, окольничему Ѳедору Головину съ стольниками, стряпчими, приказными людьми, жильцами и выборными людьми изъ городовъ. Соборъ не зналъ подлинно, гдѣ находился въ это время Михаилъ и потому въ наказѣ, данномъ посламъ, говорилось: «ѣхать къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руси въ Ярославль, или гдѣ онъ государь будетъ». Посланные, бивъ челомъ новоизбранному царю и его матери и увѣдомивъ ихъ объ избраніи, должны были говорить Михаилу: «Всякихъ чиновъ всякіе люди бьютъ челомъ, чтобъ тебѣ великому государю умилиться надъ остаткомъ рода христіянскаго, многорасхищенное православное христіянство Россійскаго царства отъ разплѣненія сыроядцевъ, отъ Польскихъ и Литовскихъ людей, собрать воединство, принять подъ свою государеву паству, подъ крѣпкую высокую свою десницу, всенароднаго слезнаго рыданія не презрить, по изволенію Божію и по избранію всѣхъ чиновъ людей, на Владимірскомъ и на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Рос-

сійскаго царствія государемъ царемъ и великимъ княземъ всея Руси быть, и пожаловать бы тебѣ великому государю, ѣхать на свой царскій престолъ въ Москву и подать намъ благородіемъ своимъ избаву отъ всѣхъ находящихъ па насъ бѣдъ и скорбей; а какъ ты государь на своемъ царскомъ престолѣ будешь на Москвѣ, то, послыша про твой царскій приходъ, Литовскіе люди и всѣ твои государевы недруги будутъ въ страхѣ, а Московскаго государства всякіе люди обрадуются. А какъ твой государевъ подвигъ въ царствующій градъ будетъ, то изъ Москвы митрополитъ и архіепископы со всѣмъ освященнымъ соборомъ, бояре и всякіе люди встрѣтятъ тебя съ чудотворными иконами и животворящими крестами, по вашему царскому достоинству, и служить тебѣ государю и прямить и головы свои за тебя класть всѣ люди отъ мала и до велика рады». Въ заключеніи наказа говорилось: «Если государь не пожалуетъ, станетъ отказывать, или начнетъ размышлять, то бить челомъ и умолять его всякими обычаями, чтобъ милость показалъ, былъ государемъ царемъ и ѣхалъ въ Москву вскорѣ: такое великое Божіе дѣло сдѣлалось не отъ людей и не его государскимъ хотѣньемъ, по избранью Богъ учинилъ его государемъ. А если государь станетъ разсуждать объ отцѣ своемъ митрополитѣ Филаретѣ, что онъ теперь въ Литвѣ и ему на Московскомъ государствѣ быть нельзя для того, чтобъ отцу его за то какого зла не сдѣлали: то бить челомъ и говорить, чтобъ онъ государь про то не размышлялъ: бояре и вся земля посылаютъ къ Литовскому королю, за отца его даютъ на обмѣнъ Литовскихъ многихъ лучшихъ людей.»

Послы выѣхали изъ Москвы 2-го марта; но еще прежде, отъ 25 февраля разосланы были грамоты по городамъ съ извѣстіемъ объ избраніи Михаила: «И вамъ бы, господа, писалъ соборъ, за государево многолѣтіе пѣть молебны и быть съ нами подъ однимъ кровомъ и державою и подъ высокою рукою христіянскаго государя, царя Михаила Ѳеодоровича. А мы, всякіе люди Московскаго государства отъ мала до велика и изъ городовъ выборные и невыборные люди всѣ обрадовались сердечною радо-

стію, что у всѣхъ людей одна мысль въ сердце вмѣстилась — быть государемъ царемъ блаженной памяти великаго государя Ѳедора Ивановича племяннику, Михаилу Ѳедоровичу; Богъ его государя на такой великій царскій престолъ избралъ не по чьему либо заводу, избралъ его мимо всѣхъ людей, по Своей неизреченной милости; всѣмъ людямъ о его избраніи Богъ въ сердце, вложилъ одну мысль и утвержденіе». Вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ разослана была и крестоцѣловальная запись, въ которой нѣтъ ничего о порчѣ на слѣду и тому подобныхъ вещахъ, встрѣчаемыхъ въ Годуновской записи. Присяга областей послѣдовала быстро: уже 4 марта воевода Переяславля Рязанскаго далъ знать въ Москву, что жители его города присягнули Михаилу; за этимъ извѣстіемъ послѣдовали другія изъ областей болѣе отдаленныхъ. Наконецъ пришло извѣстіе отъ пословъ соборныхъ, которые нашли Михаила съ матерью въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Послы доносили собору, что 13 марта они пріѣхали въ Кострому въ вечерни, дали знать Михаилу о своемъ пріѣздѣ, и онъ велѣлъ имъ быть у себя на другой день. Послы повѣстили объ этомъ Костромскому воеводѣ и всѣмъ горожанамъ, и 14 числа, поднявши иконы, пошли всѣ съ крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь. Михаилъ съ матерью встрѣтили образа за монастыремъ, но когда послы объявили имъ, зачѣмъ присланы, то Михаилъ отвѣчалъ «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ», что онъ государемъ быть не хочетъ, а мать его Марѳа прибавила, что она не благословляетъ сына на царство; и оба долго не хотѣли войти за крестами въ соборную церковь: насилу послы могли упросить ихъ. Въ церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты отъ собора и говорили рѣчи по наказу, на что получили прежній отвѣтъ; Марѳа говорила, что «у сына ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быть государемъ; онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а Московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались, давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили». Марѳа упомянула объ измѣнѣ Годунову, объ убійствѣ Лжедимитрія, сведеніи съ престола и

выдачѣ Полякамъ Шуйскаго; потомъ продолжала: «Видя такіе прежнимъ государямъ крестопреступленія, позоръ, убійства и поруганія, какъ быть на Московскомъ государствѣ и прирожденному государю государемъ? Да и потому еще нельзя: Московское государство отъ Польскихъ и Литовскихъ людей и непостоянствомъ Русскихъ людей раззорилось до конца, прежнія сокровища царскія, изъ давнихъ лѣтъ собранныя, Литовскіе люди вывезли; дворцовыя села, черныя волости, пригородки и посады розданы въ помѣстья дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ служилымъ людямъ и запустошены, а служилые люди бѣдны; и кому повелитъ Богъ быть царемъ, то чѣмъ ему служилыхъ людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и противъ своихъ недруговъ стоять»? Потомъ Михаилъ и Марѳа говорили, что быть ему на государствѣ, а ей благословить его на государство только на гибель; кромѣ того, отецъ его митрополитъ Филаретъ теперь у короля въ Литвѣ въ большомъ утѣсненьи, и какъ свѣдаетъ король, что на Московскомъ государствѣ учинился сынъ его, то сейчасъ же велитъ сдѣлать надъ нимъ какое нибудь зло; а ему Михаилу безъ благословенья отца своего на Московскомъ государствѣ никакъ быть нельзя. Послы со слезами молили и били челомъ Михаилу, чтобъ соборнаго моленья и челобитья не презрилъ: выбрали его по изволенію Божію, не по его желанью, положилъ Богъ единомышленно въ сердца всѣхъ православныхъ христіянъ отъ мала и до велика на Москвѣ и во всѣхъ городахъ. А прежніе государи—царь Борисъ сѣлъ на государство своимъ хотѣньемъ, изведши государскій корень царевича Димитрія, началъ дѣлать многія неправды, и Богъ ему мстилъ кровь царевича Димитрія богоотступникомъ Гришкою Отрепьевымъ; воръ Гришка разстрига по своимъ дѣламъ отъ Бога месть принялъ, злою смертью умеръ; а царя Василья выбрали на государство немногіе люди, и, по вражью дѣйству, многіе города ему служить не захотѣли и отъ Московскаго государства отложились: все это дѣлалось волею Божіею да всѣхъ православныхъ христіянъ грѣхомъ, во всѣхъ людяхъ Московскаго государства была рознь и междо-

усобіе. А теперь Московскаго государства люди наказались всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ. Послы молили и били челомъ Михаилу и матери его съ третьяго часу дня до девятаго, говорили, чтобъ онъ воли Божіей не спималъ, былъ на Московскомъ государствѣ государемъ. Михаилъ все не соглашался; послы стали грозить ему, что Богъ взыщетъ на немъ конечное раззоренье государства; тогда Михаилъ и Маrθа сказали, что они во всемъ положились на праведныя и непостижимыя судьбы Божіи; Марθа благословила сына, Михаилъ принялъ посохъ отъ архіепископа, допустилъ всѣхъ къ рукѣ и сказалъ, что поѣдетъ въ Москву скоро.

Слова Θеодорита съ товарищами, что Михаилу нечего было бояться участи своихъ предшественниковъ, потому что люди Московскаго государства наказались и пришли въ соединеніе— эти слова были вполнѣ справедливы. Страшнымъ опытомъ люди Московскаго государства научились, что значитъ рознь и шатость, развязывающія руки ворамъ. Земскіе люди имѣли столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказаніемъ, встали, соединились, очистили государство, и будутъ въ состояніи поддержать новаго государя, не смотря на отсутствіе матеріальныхъ средствъ, на которое указывала Марθа. Казны нѣтъ и взять не откуда, ибо государство раззорено, земля наполнена воровскими козаками, незнающими мѣры своему буйству; Заруцкій грозитъ съ юговостока, Шведы и Поляки съ запада; новый государь—неопытный, мягкій молодой человѣкъ, около котораго нѣтъ людей сильныхъ умомъ и доброю волею, и не смотря на все это Михаилъ удержался на престолѣ: при первой опасности, при каждомъ важномъ случаѣ подлѣ царя видимъ соборъ, одушевленный тою же ревностію, съ какою послѣдніе люди шли на очищеніе государства. До какой степени въ лучшихъ людяхъ 1613 года крѣпко было убѣжденіе, что должно пожертвовать всѣмъ для поддержанія, охраненія новаго царя, возстановлявшаго нарядъ, до какой степени лучшіе люди наказались въ этомъ отношеніи, показывалъ всего лучше подвигъ Сусанина. Когда Михаилъ, выѣхавши

изъ Москвы послѣ сдачи кремля, жилъ въ Костромѣ, отрядъ Поляковъ (какъ говоритъ грамота, но по всѣмъ вѣроятностямъ, воровскихъ козаковъ, ибо Поляковъ не было тогда болѣе въ этихъ мѣстахъ), узнавши объ избраніи новаго царя, отыскивалъ мѣсто его пребыванія съ цѣлію умертвить нежеланнаго имъ возстановителя наряда; въ этихъ поискахъ враги схватили крестьянина Ивана Сусанина изъ Костромскаго уѣзда села Домнина, принадлежавшаго Романовымъ, и начали пытать его страшными пытками, вымучивая показаніе, гдѣ скрывался Михаилъ? Сусанинъ зналъ, что онъ въ Костромѣ, но не сказалъ и былъ замученъ до смерти.

19 Марта выѣхалъ Михаилъ изъ Костромы въ Ярославль, куда пріѣхалъ 21-го числа. Въ другой разъ Ярославль становился мѣстомъ великаго стеченія народнаго, мѣстомъ великаго торжества: недавно его жители видѣли ополченіе Пожарскаго, теперь видѣли желанный конецъ подвиговъ этого ополченія; Ярославцы и съѣхавшіеся къ нимъ отовсюду дворяне, дѣти боярскіе, гости, люди торговые съ женами и дѣтьми встрѣтили новаго царя, подносили ему образа, хлѣбы, дары и отъ радости не могли промолвить ни слова. 23 Марта Михаилъ писалъ въ Москву къ собору, говорилъ, какъ были у него въ Костромѣ послы, какъ онъ долго отказывался отъ престола: «у насъ того и въ мысляхъ не бывало, что на такихъ великихъ государствахъ быть по многимъ причинамъ, да и потому, что мы еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, а государство Московское теперь въ раззореньи, да и потому, что Московскаго государства люди по грѣхамъ измалодушествовались, прежнимъ великимъ государямъ не прямо служили. И видя такіе прежнимъ государямъ крестопреступленія, позоры и убійства, какъ быть на Московскомъ государствѣ и прирожденному государю, не только мнѣ?» Въ заключеніи, увѣдомивъ о своемъ согласіи, Михаилъ прибавляетъ: «И вамъ бы боярамъ нашимъ и всякимъ людямъ, на чемъ намъ крестъ цѣловали и души свои дали, стоять въ крѣпости разума своего, безо всякаго позыбанія намъ служить, прямить, воровъ царскимъ именемъ

не называть, ворамъ не служить, грабежей бы у васъ и убійствъ на Москвѣ и въ городахъ и по дорогамъ не было, быть бы вамъ между собою въ соединеньи и любви, па чемъ вы намъ души свои дали и крестъ цѣловали, на томъ бы и стояли, а мы васъ за вашу правду и службу рады жаловать.»

Соборъ отвѣчалъ, что всѣ люди со слезами благодарятъ Бога, молятся о царскомъ здоровьи, и просилъ: «тебѣ бы, великому государю, насъ сирыхъ пожаловать, быть въ царствующій градъ поскорѣе;» о томъ же писалъ соборъ и къ посламъ своимъ, Өеодориту съ товарищами, прося дать знать, когда государь будетъ у Троицы и гдѣ прикажетъ себя встрѣтить. Но изъ Ярославля пріѣхалъ князь Троекуровъ съ запросомъ собору: «къ царскому пріѣзду есть ли на Москвѣ во дворцѣ запасы, и послано ли собирать запасы по городамъ, и откуда надѣются ихъ получить? кому дворцовыя села розданы, чѣмъ царскимъ обиходамъ впредь полниться и сколько царскаго жалованья давать ружникамъ и оброчникамъ? Бьютъ государю челомъ стольники, дворяне и дѣти боярскіе, что у нихъ дворцовыя села отписаны и государю отъ челобитчиковъ докука большая: какъ съ этимъ быть? чтобъ на Москвѣ и по дорогамъ грабежей никакихъ не было! Дворяне и дѣти боярскіе и всякіе люди съ Москвы разъѣхались, — великому государю неизвѣстно, по вашему ли отпуску они разъѣхались, или самовольствомъ?» Соборъ отвѣчалъ: «Для сбора запасовъ послано, и къ сборщикамъ писано, чтобъ они наскоро ѣхали въ Москву, съ запасами, а теперь въ государевыхъ житницахъ запасовъ немного. О грабежахъ и воровствахъ заказъ учиненъ крѣпкій, воровъ и разбойниковъ сыскиваемъ и велимъ ихъ наказывать. Дворянъ и дѣтей боярскихъ безъ государева указа съ Москвы мы никуда не отпускали, а которые разъѣхались по домамъ, тѣмъ всѣмъ велѣно быть къ государеву пріѣзду въ Москву.» Прошелъ мартъ; 1-го апрѣля соборъ опять написалъ къ посламъ своимъ, Шереметеву съ товарищами, чтобъ доложили государю, когда онъ будетъ въ Москву и гдѣ его встрѣчать? 8 Апрѣля царь отвѣчалъ на это слѣдующею грамотою: «писали вы къ намъ съ княземъ

Иваномъ Троекуровымъ, чтобъ намъ походомъ своимъ не замедлить, и прислали съ княземъ Иваномъ роспись, сколько у васъ въ Москвѣ во дворцѣ всякихъ запасовъ; по этой росписи хлѣбныхъ и всякихъ запасовъ мало для обихода нашего, того не будетъ и на пріѣздъ нашъ. Сборщики, которые посланы вами по городамъ для кормовъ, въ Москву еще не пріѣзжали; денегъ ни въ которомъ приказѣ въ сборѣ нѣтъ; а Московское государство отъ Польскихъ и Литовскихъ людей до конца раззорено, города и уѣзды многіе отъ войны запустѣли, наши дворцовыя села и волости розданы были въ помѣстья и запустошены, а иныя теперь въ раздачѣ, и на нашъ обиходъ запасовъ и служилымъ людямъ на жалованье денегъ и хлѣба сбирать не съ кого. Атаманы и козаки безпрестанно намъ бьютъ челомъ и докучаютъ о денежномъ жалованьи, о своихъ и конскихъ кормахъ, а намъ ихъ пожаловать нечѣмъ и кормовъ давать нечего. Мы, по вашему челобитью и по челобитью всѣхъ чиновъ людей, идемъ къ Москвѣ вскорѣ, а котораго числа изъ Ярославля пойдемъ, о томъ мы къ вамъ велимъ отписать. И вамъ бы богомольцамъ нашимъ, и боярамъ, и окольничимъ и приказнымъ людямъ, о томъ приговоръ учинить съ стольниками, стряпчими, съ дворянами Московскими, съ дворянами и дѣтьми боярскими изъ городовъ, съ атаманами, козаками, стрѣльцами, съ гостями, торговыми и всякими жилецкими и пріѣзжими людьми: чѣмъ намъ всякихъ ратныхъ людей жаловать, свои обиходы полнить, бѣдныхъ служилыхъ людей чѣмъ кормить и поить, ружникамъ и оброчникамъ всякіе запасы откуда брать? И объ этомъ учинить вамъ полный приговоръ и къ намъ отписать вскорѣ. Вамъ самимъ вѣдомо: учинились мы царемъ по вашему прошенью, а не своимъ хотѣньемъ, крестъ намъ цѣловали вы своею волею; такъ вамъ бы всѣмъ, помня свое крестное цѣлованье, намъ служить и о всякомъ дѣлѣ радѣть, и приговоръ свой учинить, какъ тому всему быть. Сами вѣдаете, недруги наши — Польскій и Литовскій и Нѣмецкій король многими городами государства нашего завладѣли и въ тѣхъ городахъ сидятъ ихъ люди, а по вѣстямъ, ждемъ прихода

Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей подъ свои города вскорѣ, а подъ Торопцомъ Литовскіе люди теперь стоятъ и Торопцу ниоткуда помощи нѣтъ. Да многіе дворяне и дѣти боярскіе бьютъ намъ челомъ о помѣстьяхъ, что вы у нихъ помѣстья отнимаете и раздаете въ раздачу безъ сыску: и вамъ бы тѣ докуки отъ насъ отвести и велѣть дворянъ и дѣтей боярскихъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ расправливать по сыску въ правду, чтобъ намъ о томъ не били челомъ.»

До сихъ поръ царь переписывался съ соборомъ; по 11 Апрѣля писали къ нему одни бояре, опять Ѳедоръ Ивановичь Мстиславскій съ товарищами, что въ городахъ воеводъ нѣтъ. а безъ воеводъ городамъ быть нельзя; бьютъ челомъ атаманы, козаки и стрѣльцы о кормѣ, сказываютъ, что прежде для нихъ сбирали кормы съ дворцовыхъ и монастырскихъ селъ. Мы, пишутъ бояре, стали было отпускать воеводъ въ города и кормы собирать; но воеводы, атаманы, стрѣльцы и козаки говорятъ, что воеводы отпускаются по городамъ, и сборщики кормовъ по селамъ отъ государя: и мы воеводъ и сборщиковъ посылать безъ твоего государева указа не смѣемъ. Наконецъ 18 Апрѣля царь увѣдомилъ духовенство и бояръ что походъ его къ Москвѣ замедлился за дурною дорогою, зимній путь испортился, а какъ большой ледъ прошелъ и воды сбыло, то онъ выѣхалъ изъ Ярославли 16 Апрѣля, и 17 пріѣхалъ въ Ростовъ, откуда 19 намѣренъ отправиться дальше къ Москвѣ, «а идемъ медленно за тѣмъ, писалъ царь, что подводъ мало и служилые люди худы: стрѣльцы, козаки и дворовые люди многіе идутъ пѣшкомъ.» Но и послѣ этого Михаилъ двигался очень медленно: 25 Апрѣля писалъ онъ со стану изъ села Любимова, что многіе стольники, стряпчіе и жильцы, обязанные сопровождать его, до сихъ поръ не явились, и онъ приказываетъ боярамъ отписать у этихъ нѣтчиковъ помѣстья и вотчины; число нѣтчиковъ простиралось до 42. Царь писалъ также боярамъ, чтобъ они приказали приготовить для него золотую палату царицы Ирины съ мастерскими палатами и сѣнями, а для матери его деревянныя хоромы жены царя Василія Шуй-

скаго; бояре отвѣчали, что приготовили для государя комнаты царя Ивана да грановитую палату, а для матери его хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ гдѣ жила царица Марѳа; тѣхъ же хоромъ, что государь приказалъ приготовить, скоро отстроить нельзя да и нечѣмъ, денегъ въ казнѣ нѣтъ и плотниковъ мало, палаты и хоромы всѣ безъ кровли, мостовъ, лавокъ, дверей и окошекъ нѣтъ, надобно дѣлать все новое, а лѣсу пригоднаго скоро не добыть.

Открылось еще новое затрудненіе, новое неудовольствіе молодаго царя: 28 Апрѣля Ѳеодоритъ и Шереметевъ писали собору: «Писалъ къ вамъ государь много разъ, чтобъ у васъ на Москвѣ, по городамъ и по дорогамъ убійствъ, грабежей и никакого насильства не было; а вотъ 23 Апрѣля пришли къ государю на станъ въ село Сватково дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ переграблены до нога и сѣчены, въ разспросѣ сказали, что одни изъ нихъ посланы были къ государю съ грамотами, другіе по городамъ сбирать дворянъ и дѣтей боярскихъ и высылать на службу: и на дорогѣ, на Мытищахъ и на Клязьмѣ козаки ихъ перехватали, переграбили, саблями сѣкли и держали у себя въ станахъ два дня, хотѣли побить, и они у нихъ, ночью развязавшись, убѣжали; а стоятъ эти воры на Мытищахъ, другіе на Клязьмѣ, человѣкъ ихъ съ 200, конные и пѣшіе. Писали къ государю изъ Дмитрова приказные люди, что прибѣжали къ нимъ изъ селъ и деревень крестьяне жженые и мученые огнемъ, жгли ихъ и мучили козаки, 26 Апрѣля эти воры пришли и въ Дмитровъ на посадъ, начали было его грабить, но въ то время случились въ Дмитровѣ дворяне и дѣти боярскіе, козаки кормовые и торговые, и они имъ посада грабить не дали, съ ними бились; и отъ этихъ воровъ Дмитровцы, покинувъ городъ, хотятъ всѣ брести врознь, а по селамъ и деревнямъ отъ воровъ грабежи и убійства большіе. Козаки, посланные въ разныя мѣста на службу, берутъ указные кормы, да сверхъ кормовъ воруютъ, проѣзжихъ всякихъ людей по дорогамъ и крестьянъ по селамъ и деревнямъ бьютъ, грабятъ, пытаютъ, огнемъ жгутъ, ломаютъ, до смерти побиваютъ.

И 26 Апрѣля государь и его мать у Троицы на соборѣ говорили всякихъ чиновъ людямъ съ большимъ гнѣвомъ и со слезами, что воры кровь христіянскую льютъ безпрестанно; выбрали его государя всѣмъ государствомъ, обѣщались служить и прямить и быть всѣмъ въ любви и соединеніи: а теперь на Москвѣ, по городамъ и по дорогамъ грабежи и убійства; позабывъ добровольное крестное цѣлованье, воры дороги всѣ затворили гонцамъ, служилыхъ и торговыхъ людей съ товарами и ни съ какими запасами не пропускаютъ. И государь и мать его, видя такое воровство, изъ Троицкаго монастыря идти не хотятъ, если всѣхъ чиновъ люди въ соединеніе не придутъ и кровь христіянская литься не перестанетъ. Государь и мать его намъ говорили: вы намъ били челомъ и говорили, что всѣ люди пришли въ чувство, отъ воровства отстали: такъ вы намъ били челомъ и говорили ложно. И мы, господа, слыша такія слова отъ государя и опалу, стали въ великой скорби и, съ соизволенія государя, послали къ вамъ выборныхъ изъ всякихъ чиновъ, сказать вамъ, чтобъ вы, помня души свои и крестное цѣлованье, воровъ сыскивали, отъ воровства и грабежа ихъ уняли». О томъ же писалъ собору и самъ царь: «Можно вамъ и самимъ знать, говорится въ царской грамотѣ: если на Москвѣ и подъ Москвою грабежи и убійства не уймутся, то какой отъ Бога милости надѣяться? никакіе люди въ Москву ни съ какими товарами и съ хлѣбомъ не поѣдутъ, дороги всѣ затворятся, и если не будетъ изъ Москвы въ города, а изъ городовъ въ Москву проѣзду, то какому добру быть? Да и то намъ подлинно извѣстно, которые гости, торговые и всякіе жилецкіе люди въ Московское разоренье разбѣжались изъ Москвы по городамъ, а теперь велѣно имъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ ѣхать въ Москву, и отданы они въ томъ на крѣпкія поруки: и тѣ всѣ люди, для убійства и грабежей, въ Москву ѣхать не смѣютъ.» Царь или его мать не удовольствовались и отвѣтомъ бояръ на счетъ невозможности отдѣлать кремлевскія палаты къ ихъ пріѣзду; отъ 29 Апрѣля царь писалъ боярамъ: «По прежнему и по этому нашему указу велите

устроить намъ золотую палату царицы Ирины, а матери нашей хоромы царицы Марьи; если лѣсу нѣтъ, то велите строить изъ брусяныхъ хоромъ царя Василья; вы писали намъ, что для матери нашей изготовили хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ: но въ этихъ хоромахъ матери нашей жить не годится.»

30 Апрѣля соборъ приговорилъ: боярамъ князю Ивану Михайловичу Воротынскому да Василью Петровичу Морозову, окольничему князю Мезецкому и дьяку Иванову съ выборными изъ всякихъ чиновъ ѣхать къ государю, бить челомъ, чтобъ онъ умилосердился надъ православными христіянами, походомъ своимъ въ Москву не замѣшкалъ; а про воровство про всякое митрополитъ и бояре заказъ учинили крѣпкій, атаманы и козаки между собою уговорились, что два атамана черезъ день осматриваютъ каждую станицу и чье воровство сыщутъ, тотчасъ про него скажутъ и за воровъ въ челобитчикахъ быть не хотятъ; въ Москвѣ во всѣхъ слободахъ и въ козачьихъ таборахъ велѣли заказъ крѣпкій учинить, чтобъ воровства и корчемъ не было нигдѣ, объѣзжихъ головъ по улицамъ росписали, а гдѣ воры объявятся по дорогамъ, то на нихъ станутъ изъ Москвы посылать посылки. Воеводы ополченія — князь Трубецкой и князь Пожарскій послали царю челобитную: «Были мы, холопи твои, Митька Трубецкой и Митька Пожарскій, на твоей государевой службѣ подъ Москвою, голодъ и нужду великую терпѣли, и въ приходы гетманскіе въ крѣпкихъ осадахъ сидѣли, съ раззорителями вѣры христіянской бились не щадя головъ своихъ и всякихъ людей на то приводили, что, не увидя милости Божіей, отъ Москвы не отхаживать. Милостью Божіею и всякихъ людей прямою службою и кровью, Московское государство очистилось и многіе люди освободились: а теперь приходятъ къ намъ стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе, приказные люди, жильцы, городовые дворяне и дѣти боярскіе, которые съ нами были подъ Москвою, и бьютъ челомъ тебѣ государю, чтобъ имъ видѣть твои царскія очи на встрѣчѣ; но мы, безъ твоего государева указу, на встрѣчу къ тебѣ ѣхать

не смѣемъ, ожидаемъ отъ тебя милости и указу, какъ ты намъ повелишь.»

Посланные отъ собора, князь Воротынскій съ товарищами, нашли Михаила въ селѣ Братовщинѣ, на половинѣ дороги отъ Троицкаго монастыря къ Москвѣ. Государь и мать его, выслушавъ ихъ челобитье, сказали милосердое слово, что будутъ на послѣдній станъ отъ Москвы, въ село Тайнинское 1-го мая, а въ Москву въѣдутъ 2-го мая. Въ этотъ день, въ воскресенье поднялись въ Москвѣ всякихъ чиновъ люди, отъ мала до велика и вышли за городъ на встрѣчу къ государю. Михаилъ и мать его слушали молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, послѣ чего всякихъ чиновъ люди подходили къ рукѣ царской и здравствовали великому государю.

11-го іюля происходило царское вѣнчаніе. Передъ тѣмъ какъ идти въ Успенскій соборъ государь сидѣлъ въ золотой подписной палатѣ и тутъ сказано было боярство двоимъ стольникамъ: родственнику царскому, князю Ивану Борисовичу Черкасскому и вождю-освободителю, князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому; у сказки послѣднему назначенъ былъ стоять думный дворянинъ Гаврила Пушкинъ, который билъ челомъ, что ему у сказки стоять и меньше князя Дмитрія быть невмѣстно, потому что его родственники меньше Пожарскихъ нигдѣ не бывали. Государь указалъ, для своего царскаго вѣнца во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ, и велѣлъ этотъ свой указъ при всѣхъ боярахъ въ разрядъ записать. Выступилъ дьякъ Петръ Третьяковъ и объявилъ, что бояринъ князь Мстиславскій будетъ осыпать государя золотыми, бояринъ Иванъ Никитичь Романовъ будетъ держать шапку Мономахову, бояринъ князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой скипетръ, новый бояринъ князь Пожарскій яблоко, — и опять послышалось обычное челобитье: Трубецкой билъ челомъ на Романова, что ему меньше его быть невмѣстно. Государь сказалъ Трубецкому: «извѣстно твое отечество передъ Иваномъ, можно ему быть тебя меньше, но теперь быть тебѣ меньше его потому, что мнѣ Иванъ Никитичь по родству дядя; быть вамъ безъ мѣстъ.» Когда дѣло такимъ

образомъ уладилось, государь пошелъ въ соборную церковь, гдѣ вѣнчался царскимъ вѣнцомъ отъ Казанскаго митрополита Ефрема. На другой день, 12 іюля праздновались царскія имянины (св. Михаила Малеина): для этого торжества пожаловалъ государь въ думные дворяне Кузьму Минина [1].

Милостей, льготъ народу новый государь не могъ дать для торжества своего царскаго вѣнчанія: казна была пуста; а между тѣмъ обстоятельства были тяжелыя. 24 мая царь принужденъ былъ писать Строгановымъ: «Бьютъ намъ челомъ на Москвѣ дворяне и дѣти боярскіе, козаки, стрѣльцы и всякіе ратные люди, что они, будучи подъ Москвою, многія нужды и страсти терпѣли и кровь проливали; помѣстья и вотчины у нихъ отъ долгой войны запустѣли, и службы своей исполнять имъ нечѣмъ; стрѣльцы и козаки служивую рухлядь проѣли и на нашей службѣ имъ быть нельзя за великою бѣдностью; въ казнѣ нашей денегъ и хлѣбныхъ запасовъ въ житницахъ нѣтъ, служивымъ людямъ жалованья дать нечего. Выходцы и языки въ разспросѣ боярамъ нашимъ сказываютъ, что Литовскіе люди хотятъ идти подъ Москву, а въ нашей казнѣ денегъ и въ житницахъ хлѣба нѣтъ нисколько. Сколько вы съ своихъ вотчинъ въ нашу казну денежныхъ доходовъ платите, намъ про то подлинно не вѣдомо; и теперь, по нашему указу, посланъ къ вамъ Андрей Игнатьевичъ Вельяминовъ, велѣно ему съ вашихъ вотчинъ за прошлые годы и за нынѣшній годъ, по книгамъ и по отписямъ, наши денежные доходы взять сполна и привезть къ намъ. Да у васъ же мы приказали просить взаймы, для христіанскаго покою и тишины, денегъ, хлѣба, рыбы, соли, суконъ и всякихъ товаровъ, что можно дать ратнымъ людямъ; а сколько чего взаймы дадите, деньгами, хлѣбомъ и товаромъ, и то приказали мы записывать въ книги, а вамъ давать съ книгъ выписи, за архимандричьими, игуменскими и сборщиковыми руками, почему вамъ тотъ заемъ изъ нашей казны взять; хотя теперь и промысловъ убавьте, а ратнымъ людямъ на жалованье дайте, сколько можете; а какъ въ нашей казнѣ деньги въ сборѣ будутъ, то мы вамъ велимъ заплатить тотчасъ. Такъ вамъ бы непре-

мѣнно ратнымъ людямъ на жалованье дать безъ кручины: лучше всякой милостыни ратнымъ людямъ помочь и этою помощію Божіи церкви въ лѣпотѣ и святую вѣру въ цѣлости учинить, православныхъ христіанъ отъ нахожденія иновѣрцевъ освободить! Что вы дадите, мы непремѣнно велимъ заплатить, и службу вашу къ намъ и радѣнье ко всему Московскому государству учинимъ на вѣки памятными. Если же вы намъ въ займы денегъ, хлѣба и товаровъ не дадите, и ратные люди, не терпя голоду и нужды, изъ Москвы разойдутся, то вамъ отъ Бога не пройдетъ такъ даромъ, что православная христіанская вѣра раззорится.» Духовенство, отъ имени всего собора, писало Строгановымъ: «Ратные люди великому государю бьютъ челомъ безпрестанно, а къ намъ, царскимъ богомольцамъ и къ боярамъ, приходятъ съ великимъ шумомъ и плачемъ каждый день, что они отъ многихъ службъ и отъ раззоренья Польскихъ и Литовскихъ людей бѣдны и служить не могутъ, на службѣ имъ ѣсть нечего, и отъ того многіе изъ нихъ по дорогамъ ѣздятъ, отъ бѣдности грабятъ, побиваютъ, а унять ихъ никакими мѣрами, не пожаловавъ, нельзя; только имъ не будетъ царскаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья, то всѣ они отъ бѣдности поневолѣ станутъ воровать, грабить, разбивать и побивать. И теперь мы, царскіе и ваши богомольцы, также бояре, окольничіе и всякіе люди всѣхъ городовъ всего великаго Россійскаго царствія, поговоря на вселенскомъ соборѣ, били челомъ государю, чтобъ онъ послалъ къ вамъ во всѣ города для денежныхъ сборовъ, хлѣбныхъ и всякихъ запасовъ сборщиковъ, дворянъ большихъ, отъ своего царскаго лица и ото всѣхъ насъ вскорѣ, чѣмъ бы ему великому государю всякихъ ратныхъ людей пожаловать.» Въ заключеніи грамоты духовенство благословляетъ тѣхъ, которые исполнятъ требованіе царя и собора, и грозитъ клятвою ослушникамъ. Такія же точно грамоты разосланы были по всѣмъ городамъ; правительство убѣждало гражданъ къ щедрости примѣромъ Москвитянъ: «Непремѣнно бы вамъ ратнымъ людямъ помочь, не огорчаясь; а не такъ сдѣлать, какъ Московскіе гости и торговые люди: сначала себя

пожалѣли, ратнымъ людямъ на жалованье денегъ не дали, и оттого увидали надъ собою конечное раззоренье, имѣнія своего всего отбыли.»

Ногаи пустошили Украйны, переправились чрезъ Оку, повоевали Коломенскія, Серпуховскія, Боровскія мѣста, и приходили даже въ Домодѣдовскую подмосковную волость. Ратные люди грабили по дорогамъ, не получая жалованья; сборщики податей, ѣздя по областямъ за жалованьемъ ратнымъ людямъ, тоже грабили, такъ что правительство выпуждено было отзывать ихъ и на самихъ крестьянъ возлагать обязанность сбирать деньги и привозить ихъ въ Москву. Монастыри жаловались на раззоренье отъ Литовскихъ людей, просили льготъ, старыхъ и новыхъ. Купцы иностранные также жаловались на раззоренье, просили льготъ, и правительство, чтобъ усилить торговлю, исполняло ихъ просьбы, «для иноземства, для бѣдности и раззоренья». Въ отдаленныхъ городахъ оказывалось явное сопротивленіе финансовымъ мѣрамъ правительства: такъ нужно было наказать Чердынцевъ «трехъ человѣкъ бивъ батоги, вкинуть на мѣсяцъ въ тюрьму, чтобъ имъ впередъ не повадно было ослушаться». Но Чердынцы ослушались и прибили сборщика. На Бѣлѣозерѣ посадскіе люди также не хотѣли платить податей, и когда воеводы велѣли ихъ поставить на правежъ, то они на себѣ править не дали, велѣли звонить въ набатъ и воеводъ хотѣли побить, послѣ чего сборщики податей являлись въ селенія уже съ вооруженными отрядами. Коломенскій воевода писалъ къ государю: «велѣно дать посланникамъ, которые ѣдутъ въ Турцію, 250 человѣкъ гребцовъ: но на яму всѣхъ ямщиковъ десять человѣкъ, собрать гребцовъ не съ кого; мы хотѣли взять съ посадскихъ людей, но тѣ намъ гребцовъ не даютъ, двое изъ нихъ приходятъ на насъ съ шумомъ и слушаться насъ не велятъ; и изъ другихъ мѣстъ такія же отписки, что денегъ, запасовъ и гребцовъ для посланниковъ собрать нельзя, не съ кого, и посланники ждутъ.» Изъ Рязани архіепископъ, духовенство, дворяне и дѣти боярскіе били челомъ: «съ тѣхъ поръ какъ воръ началъ

называться царскимъ именемъ, пошли усобицы и войны, наши отчины и помѣстья раззорены до конца, всѣ мы домовъ своихъ отбыли и жили съ людишками своими въ Переяславлѣ, а какъ земля соединилась, начали приходить Татары часто и досталь домишки наши выжгли, людишекъ и крестьянишекъ нашихъ остальныхъ перехватали, и самихъ многихъ нашу братью на пустошахъ взяли и побили, и теперь Татары у насъ живутъ безъ выходу; пріѣхалъ къ намъ твой государевъ посланникъ, что ѣдетъ въ Царьградъ, живетъ въ Переяславлѣ три недѣли и насъ изъ подводъ и запасовъ мучитъ на правежѣ, а намъ взять негдѣ.» При такихъ обстоятельствахъ новое правительство должно было вести упорную войну съ врагами внутренними и внѣшними. Внутри свирѣпствовали козаки — надежда тѣхъ, которые хотѣли продолженія смутнаго времени. Никаноръ Шульгинъ, по приказанію собора, выступилъ съ Казанскимъ войскомъ въ походъ противъ Заруцкаго, но, узнавъ объ избраніи Михаила, остановился въ Арзамасѣ, написавъ 15 Марта въ Москву, что не будетъ продолжать похода по приговору ратныхъ людей, которые издержали свои запасы и болѣе не могутъ оставаться на службѣ; въ тоже время Шульгинъ извѣщалъ соборъ, что все Казанское войско присягнуло Михаилу, а между тѣмъ внушалъ этому войску, что не должно признавать новаго царя, который избранъ безъ совѣта съ Казанскимъ государствомъ. Никаноръ надѣялся на козаковъ, и чтобъ возмутить ихъ, оставилъ войско въ Арзамасѣ и отправился въ Казань; но здѣсь не хотѣли больше козацкаго царства, и когда Шульгинъ пріѣхалъ въ Свіяжскъ, то уже тамъ ждали его послы изъ Казани, которые объявили ему, что Казань присягнула Михаилу, и что ему, Никанору, туда ѣхать незачѣмъ, а чтобъ онъ не вздумалъ ослушаться, посадили его за приставовъ. Государь удивился, узнавши, что Никаноръ за приставами, и послалъ изъ Ростова приказъ собору развѣдать, въ какомъ онъ дѣлѣ попался? Дѣло объяснилось, и Шульгина сослали въ Сибирь, гдѣ онъ и умеръ [2].

Шульгинъ надѣялся на козаковъ, и козаки еще не теряли

надежды: у нихъ оставался Заруцкій. Опустошивши Михайловъ, Заруцкій ушелъ въ Епифань, оставивъ въ Михайловѣ своего воеводу; но 2 Апрѣля Михайловцы міромъ схватили этого воеводу, посадили за пристава, козаковъ вольныхъ перехватали и посажали въ тюрьму, и дали знать объ этомъ въ Зарайскъ и Переяславль Рязанскій, прося помощи. Вскорѣ послѣ этого два козака прибѣжали изъ Епифани въ Каширу и въ разспросѣ сказывали: «побѣжало ихъ отъ Заруцкаго дѣтей боярскихъ и козаковъ человѣкъ съ двѣсти, за то къ Заруцкому пришло Черкасъ человѣкъ съ триста; Заруцкій хочетъ идти въ Персію, а Марина съ нимъ идти не хочетъ, зоветъ его съ собою въ Литву, у козаковъ былъ объ этомъ кругъ, и многіе козаки хотятъ обратиться къ государю.» Потомъ пріѣхали въ Каширу четырнадцать человѣкъ козаковъ и объявили, что у Заруцкаго 2,500 козаковъ кромѣ новоприбылыхъ Черкасъ, и что онъ сказалъ своему войску походъ на Украйну. Получивъ эти вѣсти, бояре, князь Мстиславскій съ товарищами 13 Апрѣля рѣшили идти изъ Москвы на Заруцкаго воеводѣ князю Ивану Одоевскому съ воеводами — изъ Михайлова, Зарайска, Владиміра, Суздаля и другихъ городовъ; но въ тоже время боярамъ дали знать, что Заруцкій убѣжалъ изъ Епифани, выграбилъ Дѣдиловъ, сжегъ Крапивну, хочетъ идти на Тулу. Царь отвѣчалъ на эти донесенія боярамъ, чтобъ они всякими мѣрами промышляли, надъ Заруцкимъ поискъ учинили и съ Литовскими людьми ему сойтись не дали. Князь Одоевскій выступилъ изъ Москвы 19 Апрѣля; въ Маѣ дали знать въ Москву, что Заруцкій приступалъ къ Ливнамъ и оттуда пошелъ къ Лебедяни, вслѣдствіе чего князю Одоевскому въ Тулу былъ посланъ приказъ идти со всѣми людьми на Заруцкаго въ Донковъ и къ Лебедяни. Одоевскій выступилъ изъ Тулы, и скоро пришла отъ него вѣсть, что онъ сошелся съ Заруцкимъ у Воронежа, бился съ нимъ два дня безъ отдыха и побилъ на голову, нарядъ, знамена, обозъ взялъ, языковъ многихъ схватилъ, коши всѣ отбилъ, и Заруцкій съ немногими людьми побѣжалъ въ степь, за Донъ, къ Медвѣдицѣ. Такъ доносилъ воевода; по лѣтопи-

сецъ говоритъ, что воеводы Заруцкому ничего не сдѣлали, что онъ побилъ множество Воронежцевъ и ушелъ къ Астрахани. Нѣкоторые козаки не хотѣли слѣдовать въ степь за Заруцкимъ и пришли съ повинною въ Москву, говоря, что въ слѣдъ за ними будутъ и другіе ихъ товарищи; царь простилъ ихъ и послалъ подъ Смоленскъ.

Между тѣмъ воевода Одоевскій съ товарищами писалъ къ козакамъ на Волгу, что «ихъ атаманскою и козачьею службою, радѣньемъ и дородствомъ Московское государство очистилось и учинилось свободно; и нынѣ ваша братья атаманы и козаки многіе по вѣрѣ христіанской побораютъ, враговъ и раззорителей доходятъ и Литовскую землю воюютъ; а въ великихъ государствахъ государя нашего строится все доброе, всякіе люди пришли въ познанье и между собою учинились въ любви, въ совѣтѣ и соединеніи; только теперь отъ всего Московскаго государства отлучася, въ одной Астрахани вѣдомый воръ и желатель крови христіанской, Черкашенинъ Ивашка Заруцкій съ Маринкою заводятъ воровство и смуту.» Воеводы увѣщеваютъ козаковъ, чтобъ они не приставали къ Заруцкому и къ Люторкѣ еретицѣ Маринкѣ, а шли бы въ сходъ къ нимъ воеводамъ и промышляли съ ними вмѣстѣ надъ ворами: «а чѣмъ будете вы скудны, — то знайте, съ нами государевъ запасъ, вино, денежная казна и сукна есть, ничѣмъ скудны не будете.» Воеводы писали и къ жителямъ Астрахани съ увѣщаніемъ оставить Заруцкаго: «Сами вѣдаете, какое нынѣ у васъ въ Астрахани зло учинилъ: кровь многую православныхъ христіанъ пролилъ, окольничаго и воеводу, князя Ивана Дмитріевича Хворостинина и иныхъ многихъ безъ милости побилъ, на которыхъ прежде и смотрѣть не смѣлъ онъ злодѣй Ивашка Черкашенинъ безвѣрникъ; а Маринка Люторка еретица о разлитіи крови христіанской не жалѣетъ, то себѣ въ похвалу ставятъ, отъ истины на ложь соблазняютъ, и съ Персидскимъ шахомъ ссылаются, великаго государя нашего искони вѣчную отчину, Астраханское царство, и въ ней всѣхъ васъ православныхъ христіанъ шаху отдать хотятъ, желая великаго го-

сударя нашего и его великія Россійскія государства съ Аббасомъ шахомъ ссорить.»

Возбуждая противъ Заруцкаго Волжскихъ козаковъ, Московское правительство возбуждало противъ него и орду Ногайскую, извѣщая князя ея Иштерека, что Заруцкій выпустилъ въ Астрахани изъ тюрьмы врага его, мурзу Джанъ-Арслана. Посланы были грамоты и къ Донскимъ казакамъ вмѣстѣ съ царскимъ жалованьемъ, сукнами, селитрою, свинцемъ, зельемъ и запасами; духовенство, во имя православія, увѣщевало Донцовъ, чтобъ немедленно шли въ Сѣверскую землю противъ Литовскихъ людей, за что получатъ благословеніе отъ Бога и славу отъ людей. Донцы приняли съ честію Московскихъ посланниковъ, извѣщавшихъ ихъ объ избраніи новаго царя, обрадовались царскому имени, въ звоны звонили, молебны пѣли, изъ наряда стрѣляли; били батогами нещадно одного изъ своихъ, который объявилъ, что Калужскій воръ живъ, обѣщались служить и прямить Михаилу точно также, какъ и его предшественникамъ, но отказались идти въ Сѣверскую землю на Литовцевъ. Желая мира съ Турками, правительство требовало отъ Донцовъ, чтобъ они прекратили свои поиски надъ Азовомъ; козаки обѣщали быть въ мирѣ съ Азовцами, но до тѣхъ поръ только, пока Русскіе послы возвратятся изъ Константинополя, и требовали отъ царя жалованья, денегъ, суконъ, запасовъ, чтобъ было чѣмъ имъ прокормиться и одѣться во время мира съ Азовомъ. Царь долженъ былъ согласиться на это условіе, обѣщалъ и больше, послалъ на Донъ знамя. «И вамъ бы съ тѣмъ знаменемъ, говорится въ царской грамотѣ, противъ нашихъ недруговъ стоять, на нихъ ходить и, прося у Бога милости, надъ ними промышлять, сколько милосердый Богъ помощи подастъ; къ намъ, великому государю, по началу и по своему обѣщанью, службу свою и радѣнье совершали бы, а наше царское слово инако къ вамъ не будетъ».

Донцы, получивъ государево жалованье, вынесли царское знамя, составили около него кругъ, а подъ знаменемъ лежалъ человѣкъ осужденный на смерть; когда царскій посланникъ Опух-

тинъ спросилъ, что это за человѣкъ? то ему сказали: «двое пьяныхъ казаковъ проговорились, что атаманы и козаки за посмѣхъ вертятся, а отъ Ивашки Заруцкаго не избыть, быть подъ его рукою.» Одного изъ этихъ козаковъ прежде повѣсили, а другой приговоренъ къ смерти и лежитъ теперь подъ знаменемъ. При этомъ многіе козаки били челомъ посланнику, чтобъ онъ для имени царскаго величества отпросилъ у нихъ этого молодца отъ казни, потому что онъ виноватъ безъ хитрости, неумышленьемъ, сопьяна. Посланникъ, зная, что такъ бывало и прежде, и видя, что тутъ было много козаковъ съ Волги и Яика, что ихъ государскою милостію обнадежитъ, началъ говорить: «Вы этому козаку ничего не сдѣлали до меня, я теперь пріѣхалъ съ царскимъ жалованьемъ, у васъ у всѣхъ теперь радость, а государь милосердъ и праведенъ, всѣхъ насъ виноватыхъ пожаловалъ, ничьихъ винъ не помянулъ: такъ и вы бы теперь этого виноватаго, для имени царскаго величества, пощадили; а царское величество Богъ въ сохраненьѣ держитъ, и враги ему никакого зла сдѣлать не могутъ». Только что посланникъ выговорилъ эти слова, козаки завопили: «Дай Господи государю царю здоровья на многія лѣта! сами мы знаемъ, что государь милосердъ и праведенъ, Божій избранникъ, никто ему зла сдѣлать не можетъ». Осужденнаго подняли, и атаманъ Епиха Радиловъ сталъ его бранить, тазалъ его долго; «пора придти въ познанье: сами знаемъ, сколько крови пролилось въ Московскомъ государствѣ отъ нашего воровства и смутныхъ словъ, что вмѣщали въ простыхъ людей; мы уже по горло ходимъ въ крови христіанской; теперь Богъ далъ намъ государя милостиваго, и вамъ бы собакамъ перестать отъ воровства, а не перестанете, то Богъ всѣхъ васъ побьетъ, гдѣ бы вы ни были».

Скоро пришла въ Москву страшная вѣсть, что Заруцкій ссылается съ Волжскими и другими сосѣдними козаками, сзывая ихъ на обычную войну съ государствомъ. Грамота за грамотой пошли изъ Москвы на Донъ и на Волгу: сперва отъ царя, потомъ отъ духовенства, наконецъ отъ бояръ и всякихъ чиновъ людей, съ увѣщаніемъ не соединяться съ Заруцкимъ, но стоять про-

тивъ него. Грамоты по прежнему льстятъ козакамъ, хотятъ выставить государственные подвиги ихъ и тѣмъ сильнѣе заставить ихъ служить государству. Заруцкій выставляется человѣкомъ, который первое злое дѣло Московскому государству завелъ: «думнаго дворянина и воеводу Прокофья Ляпунова, который сперва за неправду Жигимонта короля стоялъ, Заруцкій, учиня сеймъ, велѣлъ совѣтникамъ своимъ убить, чтобъ Польскихъ и Литовскихъ людей обнадежить». Здѣсь грамоты виновникомъ смерти Ляпунова выставляютъ прямо Заруцкаго; но мы видѣли, что въ грамотѣ Пожарскаго къ областнымъ жителямъ съ жалобою на Шереметева, виновникомъ смерти Ляпунова выставленъ этотъ Шереметевъ. Въ приведенныхъ грамотахъ къ козакамъ главнымъ виновникамъ возстанія противъ Поляковъ выставленъ Ляпуновъ, а въ другихъ грамотахъ о Ляпуновѣ не говорится ни слова, и вся честь приписывается Трубецкому. Вообще въ грамотахъ того времени не заботились о согласномъ свидѣтельствѣ, а выставляли событія, смотря по обстоятельствамъ. Продолжая перечислять дурныя дѣла Заруцкаго, Московскія грамоты говорятъ, что по смерти Ляпунова, онъ взялъ къ себѣ Поляковъ, Евстаѳія Валявскаго да Казановскаго и другихъ, и съ ними вмѣстѣ умышлялъ раззоренье Московскаго государства, звалъ къ себѣ тайно и гетмана Сапѣгу со всѣмъ войскомъ, ссылался съ Поляками, осажденными въ Кремлѣ и Китаѣ, условливался съ ними, что зажжетъ станъ подмосковный въ то время, какъ Поляки сдѣлаютъ вылазку изъ города; но что лазутчиковъ его схватили и пытали, а пановъ Валявскаго и Казановскаго казнили всею ратью. Въ грамотахъ говорится также, что еще въ 1612 году Сигизмундъ присылалъ къ Заруцкому ротмистра Синявскаго, убѣждая его мутить Московское государство до тѣхъ поръ, пока онъ, король, заключитъ миръ съ Турками и заплатитъ жалованье войску, а тамъ онъ пойдетъ на Москву, взявши которую, дастъ Заруцкому въ отчину Новгородъ Великій или Псковъ съ пригородами или Смоленскъ, и сдѣлаетъ его великимъ у себя бояриномъ и владѣтелемъ.

Чтобъ грамоты были подѣйствительнѣе для козаковъ, царь

послалъ на Волгу деньги, сукна, запасы, вина: «И вы бъ, атаманы и козаки, видя къ себѣ нашу царскую милость и призрѣнье, намъ, великому государю, служили и прямили и на измѣнниковъ нашихъ стояли; а мы, великій государь, учнемъ васъ держать въ нашемъ царскомъ милостивомъ жалованьѣ и въ призрѣньи свыше прежнихъ царей Россійскихъ». Наконецъ отправлены были двѣ грамоты и къ самому Заруцкому отъ царя и духовенства; царь обѣщалъ помилованіе въ случаѣ обращенія; духовенство грозило проклятіемъ въ случаѣ ослушанія царской грамотѣ. Донскіе козаки писали къ Волжскимъ своимъ собратіямъ о покоѣ и тишинѣ, но въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, вѣроятно потому, что козаки имѣли о покоѣ и тишинѣ неясное понятіе, «Великому и славному рыцарскому Волжскому, Терскому и Яицкому войску и всѣхъ рѣкъ пресловутыхъ господамъ атаманамъ и козакамъ и всему великому войску. Прислалъ къ намъ самодержавный государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руси свои царскія грамоты и жаловальное слово, и жалованье денежное, и селитру, и сукна и запасъ, и къ вамъ на пресловутую рѣку писалъ тоже жалованье многое денежное, и сукна, и селитру, и запасъ. И мы къ вамъ, господа, послали его царскія грамоты ко всему войску, и въ Астрахань, и къ Заруцкому, и ко всѣмъ чинамъ Россійскаго царства и Московскія области, чтобъ Господь Богъ гнѣвъ свой отвратилъ и на милосердіе преложилъ, чтобъ покой и тишину вы воспріяли и въ соединеніи были душами и сердцами своими, и ему государю служили и прямили, а бездѣльникамъ не потакали; заднее забывайте, на переднее возвращайтесь, ожидайте, государи, будущихъ благъ, а вѣдаете и сами святаго Бога писаніе: тысячи лѣтъ яко день единъ, а день единъ яко тысячи лѣтъ. А мы, господа, къ вамъ много писывали прежде о любви, да отъ васъ къ намъ ни единой строки нѣтъ, мы и атамановъ большихъ у васъ не знаемъ; а вы, господа наши, на насъ не дивитесь (не сердитесь)». Но почему же Донцы думали, что Волжскіе козаки будутъ на нихъ дивиться? Любопытна также и надпись на грамотѣ: «Великія Россійскія дер-

жавы и Московскія области оберегателямъ, Волжскимъ, Терскимъ и Яицкимъ атаманамъ и молодцамъ и всему великому войску».

Между тѣмъ къ князю Одоевскому съ товарищами приходили вѣсти съ сѣвера, что шайки козаковъ тянутся изъ уѣздовъ Бѣлозерскаго, Пошехоньскаго, чрезъ уѣзды Углицкій, Ярославскій и Романовскій къ юговостоку, пробираясь къ Заруцкому. Ногайскій князь Иштерекъ сначала былъ въ ссорѣ съ Заруцкимъ, но потомъ помирился, далъ сыновей въ заложники и поклялся, что весною пойдетъ со всѣми Ногаями осаждать Самарскую крѣпость, а Заруцкій объявилъ, что весною же отправится на стругахъ вверхъ по Волгѣ противъ льду съ пушками подъ Самарскій городъ и подъ Казань. Городъ Терскій объявилъ себя за Заруцкаго; но въ Астрахани добрые люди повиновались ему невольно и съ нетерпѣніемъ ждали государевыхъ полковъ. Зимою передъ Николинымъ днемъ Заруцкій и Марина выслали въ міръ какую-то грамоту, и велѣли всякихъ чиновъ людямъ прикладывать къ ней руки, а смотрѣть въ нее не дали никому; духовенство и всѣ люди прикладывали руки, по неволѣ. Марина видѣла нерасположеніе гражданъ и боялась возстанія; памятенъ ей былъ страшный звонъ Московскихъ колоколовъ 17 мая, она боялась того же и въ Астрахани и запретила ранній благовѣстъ къ заутренямъ, подъ предлогомъ, что звонъ пугаетъ ея маленькаго сына. Купцы иноземные, Бухарцы, Гилянцы и другіе, ограбленные Заруцкимъ, разбѣжались. Днемъ и ночью на пыткахъ и казняхъ лилась кровь добрыхъ людей, а Заруцкій разъѣзжалъ за городъ съ Ногайскими Татарами, которые въ числѣ пяти или шести сотъ пили и ѣли у него съ утра до вечера, онъ прикармливалъ ихъ, чтобъ заставить идти съ собою на весну подъ Самарскій городъ и подъ Казань; онъ говорилъ: «Знаю я Московскіе наряды: покамѣсть люди съ Москвы пойдутъ, я до той поры Самару возьму да и надъ Казанью промыслъ учиню». Какъ видно, Заруцкій выдавалъ себя въ Астрахани за Димитрія; по крайней мѣрѣ до насъ дошла отъ 1614 года челобитная съ обращеніемъ къ царю Димитрію Ивановичу,

царицѣ Маринѣ Юрьевнѣ и царевичу Ивану Дмитріевичу. Заруцкій надѣялся также на шаха, но Персидскіе купцы увѣряли Астраханцев, что Аббасъ Астрахани не возьметъ, своихъ людей не пришлетъ и казны Заруцкому не дастъ, потому что не захочетъ ссориться съ Московскимъ государствомъ. Что касается до Волжскихъ козаковъ, то ближайшая къ Астрахани станица подъ атаманомъ Верзигою тянула къ вору; но въ верхнихъ козачьихъ городкахъ козаки были противъ Заруцкаго; очевидцы разсказывали, что когда пришла туда съ Дону уже извѣстная намъ грамота, то съѣхавшіеся козаки, прочтя грамоту, обрадовались, Заруцкаго, Марину и сына ея проклинали и ругали, не смотря на то, что Заруцкій, приглашая воевать государство, обѣщалъ пожаловать тѣмъ, чего у нихъ и на разумѣ нѣтъ; козаки говорили: «Отъ нашего воровства уже и такъ много пролилось христіанской крови, много святыхъ обителей и церквей Божіихъ раззорено, такъ уже теперь намъ больше не воровать, а приклониться къ государю царю Михаилу Ѳедоровичу и ко всей землѣ». Но козаки, по своему обычаю, хотѣли сдѣлать службу государю и всей землѣ какъ можно для себя выгоднѣе; для этого они собирались ѣхать въ Астрахань, взять у вора обманомъ жалованье да и учинить надъ нимъ промыселъ; потомъ сбирались идти на море, дожидаться шаховыхъ судовъ, чтобъ ихъ погромить; а если не удастся погромить Персидскихъ кораблей, то идти подъ Астрахань грабить Татарскія юрты: пока змѣя въ норѣ, такъ тутъ надъ нею и промыселъ чинить, говорили атаманы. Но молодые козаки говорили иное: «намъ все равно, гдѣ бы ни добыть себѣ зипуновъ, а то почему намъ и подъ Самарскій нейдти съ Заруцкимъ?» 560 такихъ охотниковъ до зипуновъ перешли къ Заруцкому въ Астрахань; говорятъ, что Заруцкій, обрадовавшись приходу козаковъ и ненавидя многихъ гражданъ за ихъ нерасположеніе къ себѣ, хотѣлъ въ самое Свѣтлое Воскресенье перерѣзать всѣхъ подозрительныхъ ему людей. Въ самомъ ли дѣлѣ Заруцкій имѣлъ такое намѣреніе, или только Астраханцы, испуганные пріѣздомъ козаковъ, подозрѣвали умыселъ,—рѣшить трудно; но какъ бы то

ни было, между Астраханцами и козаками произошли ссоры; Заруцкій принужденъ былъ запереться въ Кремлѣ, а граждане сѣли на посадѣ, и въ среду на страстной недѣлѣ завязался между ними бой (1614 г.).

Между тѣмъ пришла вѣсть, что и Терскъ отложился отъ Заруцкаго. Здѣсь также какъ и въ Астрахани не всѣ жители усердствовали вору съ ворухою и воренкомъ, а были за нихъ больше потому, что жили далеко отъ Москвы и не получали оттуда никакихъ вѣстей. Терскій воевода Петръ Головинъ былъ особенно подозрителенъ Заруцкому, который послалъ въ Терскій городъ взять воеводу и привезти его въ Астрахань; но Терскіе люди не выдали Головина и сказали посланцамъ Астраханскимъ: «али вы и Петра Головина хотите погубить также, какъ погубили князя Ивана Хворостинина? намъ съ вами въ совѣтѣ воровскомъ не быть, и отъ Московскихъ чудотворцевъ не отстать». Въ половинѣ великаго поста пріѣхалъ на Терекъ Михаилъ Черный отъ Заруцкаго; Черный пробирался въ Кабарду возбуждать Горцевъ на Русь; но Терскіе люди были уже въ разладѣ съ Заруцкимъ и подозрѣвали его въ дурныхъ замыслахъ на счетъ своего города; они схватили Чернаго и привели къ воеводѣ на допросъ; сначала Черный не хотѣлъ ничего говорить о замыслахъ Заруцкаго, наконецъ пытка развязала ему языкъ: онъ объявилъ, что Заруцкій неистовствуетъ въ Астрахани, гдѣ большинство жителей не на его сторонѣ, казнитъ, сажаетъ въ воду добрыхъ людей, духовенство, грабитъ ихъ имѣнія, святотатствуетъ: взялъ изъ Троицкаго монастыря кадило серебряное и слилъ себѣ изъ него стремя; сердится на Терскій городъ, хочетъ быть тамъ на Великъ День, казнить воеводу Головина и съ нимъ многихъ людей. Послѣднее извѣстіе заставило воеводу и весь міръ принять мѣры рѣшительныя: они тотчасъ же цѣловали крестъ царю Михаилу, и отправили подъ Астрахань стрѣлецкаго голову Василья Хохлова съ 700 человѣкъ. Прибывъ подъ Астрахань, Хохловъ привелъ къ присягѣ Ногайскихъ Татаръ, въ томъ числѣ обратился также къ царю и извѣстный уже намъ Иштерекъ-бей, напи-

савшій къ князю Одоевскому грамоту, въ которой очень наивно представлено положеніе зависимаго Татарина въ смутахъ Московскаго государства: «Его милость царь далъ намъ грамоту, изволилъ обязаться защищать насъ противъ всѣхъ враговъ, а мы его милости царю обязались служить во всю жизнь нашу вѣрою и правдою. Между тѣмъ Астраханскіе люди и вся Татарская орда начали тѣснить насъ: «служи, говорятъ, сыну законнаго царя. Весь христіанскій народъ, собравшись, провозгласилъ государемъ сына Дмитрія царя. Если хочешь быть съ нами, такъ дай подписку, да еще и сына своего дай аманатомъ. Не хитри, пестрыхъ рѣчей не води съ нами, не то мы Джана-Арслана съ Семиродцами подвинемъ и сами пойдемъ воевать тебя. По этой причинѣ мы и дали улановъ своихъ аманатами».

Хохловъ нашелъ Астраханцевъ въ явной войнѣ съ Заруцкимъ; но война эта была невыгодна для первыхъ, потому что на нихъ съ кремля обращены были пушки. 2000 мужчинъ и 6000 женщинъ и дѣтей выбѣжали въ станъ къ Хохлову. Но и Заруцкій, видя, что ему нельзя въ Астраханскомъ кремлѣ дожидаться царскихъ воеводъ, 12 мая, ночью бѣжалъ изъ Астрахани и поднялся не много вверхъ по Волгѣ; Хохловъ бросился за нимъ, нагналъ и нанесъ сильное пораженіе; Заруцкому съ Мариною и сыномъ ея удалось уйти на море; но Хохловъ отправилъ за нимъ новыя погони. Между тѣмъ царскіе воеводы, узнавъ, что Заруцкій стѣсненъ въ Астрахани, поспѣшно двинулись къ этому городу; на дорогѣ узнали они, что Астрахань уже очищена отъ воровъ; это извѣстіе, какъ видно, было непріятно князю Одоевскому, потому что вся честь подвига принадлежала теперь не ему, а Хохлову. Онъ писалъ къ послѣднему, чтобъ тотъ не извѣщалъ царя объ Астраханскихъ событіяхъ до его приходу, а если ужь послалъ гонца, то воротилъ бы его съ дороги «потому что имъ воеводамъ надобно писать къ государю о многихъ государевыхъ дѣлахъ». Не участвовавши нисколько въ освобожденіи Астрахани, воевода требовалъ отъ Хохлова, чтобъ тотъ заставилъ Астраханцевъ тор-

жественно встрѣтить его. «А насъ велѣть встрѣтить Терскимъ и Астраханскимъ людямъ, по половинамъ, отъ Астрахани верстъ за тридцать или за двадцать». Узнавъ, что Заруцкій бросился на Яикъ, Одоевскій 6 іюня отрядилъ туда двухъ стрѣлецкихъ головъ, Пальчикова и Опучина для его поимки. 23 Іюня посланные настигли бѣглецовъ, и начали битву собственно не съ Заруцкимъ, но съ его хозяевами—козаками, атаманами Усомъ съ товарищи, потому что этотъ Усъ владѣлъ всѣмъ, а Заруцкому и Маринѣ не было ни въ чемъ воли. Пальчиковъ и Опучинъ осадили козаковъ въ ихъ городкѣ, и тѣ, видя крайность, принуждены были добить челомъ, цѣловать крестъ государю Михаилу Ѳедоровичу и выдать Заруцкаго съ Мариною, сыномъ и чернецомъ Николаемъ. Это было 25 Іюня. Плѣнниковъ привезли въ Астрахань, откуда немедленно же отправили въ Казань, потому что, писалъ Одоевскій, въ Астрахани мы ихъ держать не смѣли для смуты и шатости. Заруцкій былъ отправленъ отдѣльно отъ жены; Марину провожали 600 стрѣльцовъ, Заруцкаго 230; въ случаѣ нападенія сильнѣйшаго воровскаго отряда провожатымъ велѣно было побить плѣнниковъ. Изъ Казани ихъ отправили въ Москву; здѣсь Заруцкаго посадили на колъ, сына Марины повѣсили; сама Марина умерла въ тюрьмѣ, съ горя, по Московскимъ извѣстіямъ, а по Польскимъ была утоплена, или задушена [3]. Тотъ же лѣтописецъ упоминаетъ и о казни Ѳедора Андронова».

Избавились отъ Заруцкаго, успокоена была Астрахань; но козаковъ оставалось еще много внутри государства, почти не было ниодной области, которая бы не страдала отъ ихъ опустошеній. Объ этихъ опустошеніяхъ лѣтописецъ говоритъ, что и въ древнія времена такихъ мукъ не бывало; воеводы доносили: «тамъ и тамъ стояли козаки, пошли тудато, села и деревни раззорили и поевали до основанія, крестьянъ жженныхъ видѣли мы больше семидесяти человѣкъ, да мертвыхъ больше сорока человѣкъ, мужиковъ и женокъ, которые померли отъ мученья и пытокъ, кромѣ замерзшихъ». Особенно отличался между козаками атаманъ Баловень. 1-го Сентября 1614 года, въ тогдашній новый

годъ, государь говорилъ на соборѣ съ духовенствомъ, боярами, думными и всѣхъ чиновъ всякими людьми: «Пишутъ къ намъ изъ за Московныхъ и изъ Поморскихъ городовъ, что пришли въ уѣзды воры козаки, многіе люди, православныхъ христіанъ побиваютъ и жгутъ разными муками, денежныхъ доходовъ и хлѣбныхъ запасовъ сбирать не дадутъ, собранную денежную казну въ Москву отъ ихъ воровства провезти нельзя. Дворяне и дѣти боярскіе бьютъ челомъ, чтобъ имъ съ ворами управиться самимъ: такъ на этихъ воровъ посылки ли послать, или писать къ нимъ объ обращеньѣ, чтобъ отъ воровства отстали?» Приговорили: «Послать къ ворамъ изъ (духовныхъ) властей, бояръ и всякихъ чиновъ людей, и говорить ворамъ, чтобъ они отъ воровства отстали. Для этого посланы были Суздальскій архіепископъ Герасимъ съ двумя еще духовными лицами, бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и дьякъ Ильинъ, съ выборными изъ дворянъ, гостей, изъ торговыхъ людей и козаковъ. Они должны были ѣхать въ Ярославль и оттуда повѣстить козакамъ: которые изъ нихъ хотятъ стоять за имя Божіе, государю служить и прямить, тѣмъ отъ воровъ, которые хотятъ воровать, отобраться, списки именъ своихъ прислать къ государю и итти на службу. Которые государю служить не станутъ, станутъ впередъ государю измѣнять, церкви Божіи раззорять, образа обдирать, православныхъ христіанъ грабить, жечь, ломать, на такихъ всякимъ государевымъ людямъ, атаманамъ и козакамъ, стоять за одно и надъ ними промышлять, потому что они пуще и грубнѣе Литвы и Нѣмцевъ; и козаками этихъ воровъ не называть, чтобъ прямымъ атаманамъ, которые служатъ, безчестья не было. Если козаки станутъ договариваться съ княземъ Лыковымъ, а безъ заклада къ нему не поѣдутъ, то ему давать заклады, смотря по ихъ людямъ, и уговаривать ихъ всякими обычаями, чтобъ ихъ отъ воровства отвести и выслать на государеву службу, обѣщать имъ жалованье, должнымъ и крѣпостнымъ людямъ свободу. Которые атаманы и козаки станутъ пріѣзжать въ Ярославль къ князю Лыкову для зговоровъ и всякихъ государевыхъ дѣлъ, тѣхъ поить и кормить. Которые ата-

маны и козаки отъ воровства отстанутъ и пойдутъ на государеву службу, тѣмъ велѣть кормы давать, сбирая съ посадовъ и уѣздовъ какъ можно сытымъ быть, а лишняго брать и насилья дѣлать не велѣть. Которые атаманы и козаки отъ воровства не отстанутъ, на службу не пойдутъ, уговоръ ихъ не возьметъ, на такихъ князю Лыкову сбираться съ городами, съ дворянами и дѣтьми боярскими, сбирать также охочихъ всякихъ людей и даточныхъ, и надъ ворами промышлять всякими обычаями.

Лыковъ далъ знать государю, что онъ къ козакамъ писалъ и уговаривать посылалъ много разъ; но воры отъ воровства не отстаютъ и унять ихъ никакъ нельзя, стали воровать пуще прежняго; которые козаки хотятъ отстать отъ воровства, тѣмъ отъ воровъ уйти нельзя, потому что воры умножились. Государь въ отвѣтъ приказалъ Лыкову промышлять надъ козаками. Послѣ этого Лыковъ писалъ, что онъ на козаковъ ходилъ и посылки посылалъ и воровъ во многихъ мѣстахъ побивали. Тогда козаки прислали объявить Лыкову, что они отъ воровства отстали, и пошли на государеву службу къ Тихвину противъ Шведовъ, и государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ къ нимъ прислать воеводъ изъ Москвы, съ кѣмъ имъ ходить и промышлять надъ Нѣмецкими людьми. Изъ Москвы отправилось къ нимъ двое воеводъ—князь Никита Волконскій до Чемесовъ; но скоро эти воеводы дали знать государю, что когда они пришли на Тихвину, и хотѣли смотрѣть козаковъ по спискамъ, то козаки на смотръ не пошли, ѣздятъ себѣ по селамъ, деревнямъ и дорогамъ, грабятъ, бьютъ, села и деревни жгутъ, крестьянъ ломаютъ, воровство отъ нихъ чинится пуще прежняго, приходятъ и на нихъ, воеводъ, съ великимъ шумомъ, съ угрозами, хотятъ грабить и побить. А послѣ того прибѣжали съ Тихвины въ Москву козаки, которые государю прямили, и въ разспросѣ боярамъ сказали: которые козаки отстали отъ воровства, начали служить государю, стали было отъ воровъ отбираться и пришли къ воеводамъ, князю Волконскому и Чемесову, на тѣхъ пришли козаки воры, перехватали и

переграбили ихъ, также и самихъ воеводъ царскихъ, многихъ добрыхъ атамановъ и козаковъ побили до смерти, и теперь идутъ по городамъ войною. Прискакалъ гонецъ и отъ воеводы съ Устюжны: пришли къ его городу козаки многіе, говорятъ что идутъ къ Москвѣ, а невѣдомо, для какого умышленья? Поэтимъ вѣстямъ царь отписалъ въ Ярославль къ князю Лыкову и въ Кашинъ къ воеводѣ Бояшеву, чтобъ по всѣмъ дорогамъ посылали подъѣзды провѣдывать про козаковъ, куда ждать ихъ похода? и если воры пойдутъ прямо подъ Москву, то Лыковъ и Бояшевъ должны идти за ними также къ Москвѣ.

Козаки дѣйствительно явились подъ Москвою и стали по Троицкой дорогѣ въ селѣ Ростокинѣ, приславши къ государю бить челомъ, что хотятъ ему служить, воровать впередъ не станутъ и на службу идти готовы. Государь послалъ въ Ростокино дворянъ и дьяковъ переписать и разобрать козаковъ, сколько ихъ пришло? Козаки къ смотру не шли долго и едва дали себя переписывать, говоря, что они атаманы знаютъ сами сколько у кого въ станицѣ козаковъ. Они ставили по дорогамъ отъ Ростокина къ Москвѣ и по Троицкой дорогѣ сторожи днемъ и ночью, посылали по всѣмъ дорогамъ подъѣзды и станицы, всё провѣдывали про князя Лыкова съ товарищи, а между тѣмъ прислали другое челобитье къ государю, чтобъ велѣлъ имъ дать торгъ, иначе они станутъ воевать и въ загоны посылать: по государеву указу изъ Москвы къ нимъ съ торгомъ посылали, только бы въ загонъ не ѣздили. Государь велѣлъ также перевести ихъ изъ Ростокина къ Донскому монастырю: отсюда они начали пріѣзжать въ Москву ратнымъ обычаемъ и говорить, что будутъ Московскихъ людей грабить, а другіе говорили: только ихъ государь не пожалуетъ, и они пойдутъ къ Лисовскому въ сѣверскую страну. Тогда послали къ Лыкову и Бояшеву приказъ, чтобъ они тотчасъ же со всѣми людьми шли подъ Москву проселочными дорогами, тайкомъ, и пришедши подъ Москву стали бы также утаясь, гдѣ пригоже. Лыковъ и Бояшевъ наконецъ пришли, и государь велѣлъ взять изъ козацкаго табору въ Москву атамановъ, ясауловъ и

козаковъ, разспросить и сыскать: били челомъ бояре и дворяне и дѣти боярскіе, что они козаки помѣстья и вотчины ихъ раззорили; да били челомъ воеводы, князь Волконскій и Чемесовъ, что козаки ихъ били и грабили. Козаки были взяты къ допросу, и въ тоже время изъ Москвы къ Симонову монастырю двинулся окольничій Артемій Измайловъ, велѣно ему было стать противъ козачьихъ таборовъ и послать сказать козакамъ, чтобъ они не смѣли выходить изъ нихъ никуда, и стояли бы безо всякаго опасенья, потому что онъ, Измайловъ, присланъ ихъ оберегать; если же они станутъ подниматься со становъ, то Измайлову и Лыкову велѣно итти на нихъ чтобъ ихъ подъ Москву не упустить. Но какъ скоро Измайловъ пришелъ къ Симонову монастырю и сталъ противъ козачьихъ таборовъ, то воры бросились бѣжать изъ-подъ Москвы Серпуховскою и другими дорогами; Измайловъ и Лыковъ двинулись за ними, по дорогѣ нѣсколько разъ побивали ихъ отряды и настигли главную толпу въ Малоярославскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Лужѣ. Здѣсь козаки были побиты на голову, а остальные, видя надъ собою отъ государевыхъ людей тѣсноту, добили челомъ и крестъ цѣловали. Всѣхъ этихъ козаковъ, по государеву указу, Лыковъ и Измайловъ привели въ Москву въ числѣ 3256 человѣкъ, ихъ всѣхъ простили и отослали на службу, только Баловня повѣсили, да нѣкоторыхъ другихъ атамановъ разослали по тюрьмамъ. Но этимъ государство еще не успокоилось отъ козаковъ: въ 1616 году государь получилъ вѣсти изъ Владимира, Суздаля, Мурома, Балахны и Нижняго, что собрались воры, боярскіе холопи и всякіе безыменные люди, и называются козаками, пришли въ Суздальскій и Владимирскій уѣзды, въ Шую и другія мѣста; по селамъ, деревнямъ и дорогамъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ людей побиваютъ до смерти, села и деревни жгутъ, крестьянъ пытаютъ, довѣдываясь, гдѣ ихъ пожитки, и хотятъ идти по городамъ. Государь приказалъ промышлять надъ ворами князю Димитрію Петровичу Лопатѣ-Пожарскому и Костромскому воеводѣ Ушакову. Какъ они исполнили порученіе, неизвѣстно.

Въ томъ же году дали знать государю изъ Казани и другихъ понизовыхъ городовъ, что Татары и Черемисы заворовали, государю измѣнили, села и деревни жгутъ, людей въ полонъ берутъ и побиваютъ, къ городамъ приступаютъ, дороги отъ Казани къ Нижнему отняли. Противъ нихъ отправлены были бояринъ князь Сулешовъ и стольникъ князь Львовъ. [4]

Кромѣ козаковъ, Татаръ и Черемисъ, надобно было раздѣлываться съ Литовскими людьми, съ Лисовскимъ и козаками Малороссійскими или Черкасами. Тотчасъ по избраніи Михаила въ Москвѣ начали думать, какъ бы прекратить войну Литовскую и, главное, высвободить изъ плѣна отца государева. 10 Марта 1613 года соборъ уже отправилъ дворянина Дениса Аладьина къ королю съ грамотою, въ которой, прописавъ всѣ неправды Сигизмунда, требовалъ размѣна плѣнныхъ. Струсь отъ лица всѣхъ своихъ собратій писалъ также къ королю, умоляя его прислать Филарета съ товарищами и тѣмъ освободить своихъ подданныхъ изъ неволи Московской. Въ наказѣ Аладьину говорилось: Скажутъ:« намъ подлинно извѣстно, что Польскихъ и Литовскихъ людей, разосланныхъ по городамъ послѣ кремлевскаго взятья, всѣхъ мужики побили,»—отвѣчать: «сосланы были Польскіе и Литовскіе люди съ Москвы въ города для береженья: къ Соли-Галицкой, да въ Галичь, да на Чухлому, а на Унжу, и пришли къ тѣмъ городамъ изгономъ воры, ваши же Черкасы, и тѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей немногихъ побили ваши же Черкасники, а по другимъ городамъ всѣ цѣлы. «Хотѣли скрыть отъ Поляковъ объ избраніи Михаила, чтобъ тѣмъ легче высвободить Филарета, и потому Аладьину было наказано: Если скажутъ, что въ Москвѣ выбрали въ цари Михаила Θедоровича Романова, то отвѣчать:» Это вамъ кто-то сказалъ неправду; въ Москву всякихъ чиновъ люди съѣхались и о государскомъ избраніи совѣтуются, но поджидаютъ изъ дальнихъ областей совѣтныхъ же людей.» — Станутъ говорить про измѣнниковъ, про Θедьку Андронова съ товарищами, за что ихъ пытали? вѣдь они за правду стояли, то отвѣчать:» Михалка Салтыковъ да Θедька Андроновъ

съ товарищами первые измѣнники и всякому злу начальники: изъ-подъ Смоленска на Московское государство королевскую рать подняли, и вмѣстѣ съ Польскими и Литовскими людьми придумали Москву раззорить, царскую многую неисчетную казну, собраніе прежнихъ великихъ государей, къ королю отослали, а иную ратнымъ людямъ раздавали: и они злодѣи не только пытокъ, но и всякихъ злыхъ смертей достойны.» — Аладьину наказано было въ задоръ ничего не говорить; посолъ долженъ былъ править королю челобитье отъ освященнаго собора, отъ бояръ, окольничихъ и проч., отъ всякихъ чиновъ людей всего великаго Россійскаго царствія. Если паны скажутъ, что Русскіе Владиславу измѣнники, то отвѣчать изложеніемъ неправдъ королевскихъ, и между прочимъ сказать: «царскія утвари, и царскія шапки и коруны и всякое царское достояніе, и чудотворные образа Михайла Салтыковъ да Ѳедька Андроновъ къ вамъ отослали.»—Если будутъ при королѣ или при панахъ во время посольства Московскіе измѣнники—Михайла Салтыковъ, Иванъ Грамотинъ, Василій Яновъ, или иной кто, то Аладьину жаловаться на это, говорить, что прежде такъ не бывало. Если же эти измѣнники станутъ какія непригожія рѣчи на задоръ говорить, то Аладьину говорить при панахъ вслухъ безстрашно, что тѣ Михайла съ товарищами первые всякому злу начальники и Московскому государству раззорители, и имъ было теперь надобно помянить Бога и свою христіянскую природу, отъ такихъ своихъ дѣлъ перестать, а только не перестанутъ, и имъ вскорѣ отъ Бога отмщенье будетъ.

Аладьинъ могъ увѣрить соборъ, что скоро нельзя ждать отъ короля сильныхъ движеній на Москву: одинъ Полякъ говорилъ ему на дорогѣ: «видѣлъ ты самъ, какъ здѣсь жолныри (солдаты) пустошатъ королевскіе города и мѣста, и много городовъ и мѣстъ запустошатъ до тѣхъ поръ, пока имъ дадутъ жалованье.» Въ Вильнѣ бурмистръ говорилъ Аладьину: «здѣсь у насъ стоятъ жолныри, и житья намъ отъ нихъ нѣтъ, насильство чинятъ великое, кормы берутъ большіе и правятъ деньги, женамъ и дѣтямъ нашимъ чинятъ тѣсноту и насиль-

ство, лучше бы намъ отъ нихъ земля разступилась!» Такимъ образомъ безурядица въ Польшѣ давала Московскому государству возможность оправляться отъ своего безнарядья. Въ Іюнѣ 1613 года Аладьинъ возвратился и привезъ отвѣтъ отъ пановъ, которые, разумѣется, оправдывали во всемъ Сигизмунда и складывали всю вину на Москву; относительно Владислава писали. «Намъ хорошо извѣстно, что еще при князѣ Димитріи Ивановичѣ, котораго вы зовете Гришкою Отрепьевымъ, князь Василій Ивановичь Шуйскій съ братьями и со многими боярами, чрезъ нѣкоторыхъ Польскихъ, Литовскихъ и Московскихъ людей говорили и били челомъ королю, чтобъ пожаловалъ, отъ разстриги Гришки Отрепьева ихъ самихъ и государство Московское очистилъ, а на государство Московское далъ сына своего Владислава Жигимонтовича.» Въ заключеніи паны пишутъ, что они и вмѣстѣ съ ними императоръ Нѣмецкій Матвѣй склоняютъ Сигизмунда къ миру съ Москвою; паны требуютъ отъ думы, чтобъ она прекратила всѣ непріятельскія дѣйствія противъ Поляковъ до пріѣзда императорскихъ пословъ, при посредствѣ которыхъ приступлено будетъ къ мирнымъ соглашеніямъ. О королѣ паны пишутъ, что онъ не могъ самъ отвѣчать на грамоту собора, потому что она наполнена словами укорительными, несправедливыми, гордыми и срамотными.

Между тѣмъ непріятельскія дѣйствія продолжались: въ Мартѣ 1613 года соборъ двинулъ войска противъ Литовскихъ людей, которые пришли войною въ Бѣлевскія, Мещовскія, Калужскія и Козельскія мѣста и большими людьми стали на Брынѣ; въ Апрѣлѣ бояре отправили воеводъ въ Сѣверскую землю, гдѣ дѣла шли удачно для Русскихъ людей; но изъ-подъ Козельска приходили дурныя вѣсти: князья Андрей Хованскій и Семенъ Гагаринъ стояли отъ Козельска за 16 верстъ, а князь Иванъ Хворостининъ сталъ отъ нихъ за шесть верстъ; Хованскій посылалъ ему говорить, чтобъ онъ подошелъ поближе, и вмѣстѣ съ ними промышлялъ надъ Литовскими людьми; но Хворостининъ не послушался и пошелъ назадъ во Мценскъ со всею ратью. Была между Хованскимъ и Хворостининымъ рознь ве-

ликая и государеву дѣлу въ ихъ розни прибыли не было. Къ тому же обговоренъ былъ еще воевода, Артемій Измайловъ, будто ссылается съ Литовскими людьми. Царь велѣлъ и Хованскаго и Хворостинина перемѣнить, а объ Измайловѣ сыскать крѣпкими сысками, но, какъ видно, ничего не сыскали. Въ Іюлѣ пришли вѣсти еще хуже: Черкасы и Литовскіе люди взяли Серпейскъ, Мещовскъ, Козельскъ, Болховъ, Лихвинъ, Перемышль, въ Бѣлевѣ овладѣли острогомъ, а въ городѣ отсидѣлся отъ нихъ воевода князь Семенъ Гагаринъ. Измайловъ писалъ изъ Калуги, что Черкасы приходили уже подъ этотъ городъ, думаетъ, что придутъ еще; изъ Можайска писалъ Нащокинъ, что непріятель хочетъ приходить къ его городу. Государь говорилъ на соборѣ съ духовенствомъ и боярами, какъ ему надъ Литовскими людьми и Черкасами промышлять? и приговорилъ идти на нихъ стольникамъ — князю Дмитрію Мамстрюковичу Черкасскому и Михайлѣ Матвѣичу Бутурлину. Когда эти воеводы пришли подъ Калугу, то Литовскіе люди и Черкасы, послышавъ ихъ приходъ, ушли изъ Серпейскихъ и Мещовскихъ мѣстъ къ Вязьмѣ и Дорогобужу. Воеводы пошли за ними, заняли покинутыя Литовцами Вязьму и Дорогобужъ, и подступили подъ Бѣлую. Литовцы сдѣлали было изъ нея сильную вылазку, но были побиты и въ Августѣ принуждены были сдаться. Царь наградилъ воеводъ золотыми и велѣлъ имъ идти подъ Смоленскъ. Воеводы отправились осаждать Смоленскъ, стали въ двухъ верстахъ отъ него, но ничего не могли сдѣлать по недостатку войска: Украинскіе дворяне и дѣти боярскіе многіе подъ Смоленскъ не бывали, а иные изъ-подъ Смоленска сбѣжали. Черкасскій и товарищъ его, князь Троекуровъ (потому что Бутурлинъ былъ тяжело раненъ подъ Бѣлою), стояли подъ Смоленскимъ безъ всякаго дѣйствія до Іюня 1615 года, когда имъ на смѣну были отправлены туда воеводы, бояринъ князь Иванъ Андреевичь Хованскій и Миронъ Вельяминовъ. Когда Черкасскій пріѣхалъ въ Москву, то государь велѣлъ ему быть у своего стола, а послѣ стола пожаловалъ за службу шубу на соболяхъ, атласъ золотный да кубокъ.

Въ то же время пришли вѣсти, что Лисовскій усиливается въ Сѣверской странѣ, Литовцы тѣснятъ Брянскъ, захватили Корачевъ. Противъ Лисовскаго отправлены были воеводы: бояринъ князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій и Степанъ Исленьевъ. Зная образъ веденія войны Лисовчиковъ, воеводамъ дали наказъ въ походѣ и на станахъ соблюдать величайшую осторожность: «Разспрося про дорогу накрѣпко, послать напередъ себя дворянъ, велѣть имъ на станахъ, гдѣ имъ ставиться, мѣста разъѣздить и разсмотрѣть, чтобъ были крѣпки, да поставить надолобы; а какъ надолобы около становъ поставятъ и укрѣпятъ совсѣмъ накрѣпко, то воеводамъ идти на станъ съ великимъ береженьемъ, посылать подъѣзды и провѣдывать про Литовскихъ людей, чтобъ они безвѣстно не пришли и дурна какова не учинили.» Изъ Бѣлева черезъ Болховъ шелъ Пожарскій на Лисовскаго; тотъ испугался осады въ Корачевѣ, выжегъ городъ и пустился верхнею дорогою къ Орлу. Князь Дмитрій, узнавъ объ этомъ, быстро пошелъ также къ Орлу: въ одинъ день и въ одно утро столкнулись они на одномъ мѣстѣ; Иванъ Пушкинъ, шедшій впереди, началъ бой; Русскіе не устояли противъ Лисовскаго, воевода Исленьевъ обратился въ бѣгство; но не тронулся Пожарскій съ 600 человѣкъ и долго отбивался отъ 3,000 Лисовчиковъ, обгородился телѣгами и сѣлъ въ обозѣ. Лисовскій не догадывался, что у Пожарскаго такъ мало людей, и потому не смѣлъ напасть на него, а раскинулъ станъ въ двухъ верстахъ; Пожарскій не хотѣлъ покинуть своего стана: «Всѣмъ намъ помереть на этомъ мѣстѣ,» отвѣчалъ онъ своимъ ратнымъ людямъ, которые уговаривали его отступить къ Болхову. Вечеромъ возвратился назадъ бѣглый воевода Исленьевъ, ночью стали съѣзжаться и другіе бѣглецы; на другой день, видя около себя сильную рать, Пожарскій началъ наступательное движеніе на Лисовскаго; тотъ быстро снялся съ мѣста и сталъ подъ Кромами; видя, что преслѣдованіе не прекращается, въ однѣ сутки прошелъ 150 верстъ и явился передъ Болховомъ; отбитый отсюда воеводою Волынскимъ, сжегъ Бѣлевъ; потомъ приступилъ было къ

Лихвину, но потерпѣлъ здѣсь неудачу и сталъ въ Перемышлѣ, откуда воевода со всѣми ратными людьми выбѣжалъ въ Калугу. Пожарскій остановился въ Лихвинѣ; здѣсь, подкрѣпивъ себя Казанскою ратью, погнался опять за Лисовскимъ; тотъ началъ по прежнему отступать, выжегъ Перемышль и пустился на спѣхъ между Вязьмою и Можайскомъ; Пожарскій отрядилъ противъ него воеводъ, но самъ, истомленный невѣроятно быстрою погонею за самымъ неутомимымъ изъ наѣздниковъ, слёгъ отъ тяжкой болѣзни и отвезенъ былъ въ Калугу. Съ удаленіемъ Пожарскаго преслѣдованія кончились: ратные люди не пошли за Лисовскимъ, потому что Казанцы побѣжали въ Казань. Лисовскій могъ свободно броситься подъ Ржевъ Володимировъ, въ которомъ едва отсидѣлся отъ него бояринъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, шедшій на помощь Пскову. Отступивъ отъ Ржева, Лисовскій былъ подъ Кашинымъ и подъ Угличемъ, гдѣ также едва отъ него отсидѣлись. Послѣ этого Лисовскій уже не приступалъ болѣе къ городамъ, но пробирался какъ тѣнь между ними, опустошая все на пути: прокрался между Ярославлемъ и Костромою къ Суздальскимъ мѣстамъ, потомъ между Владиміромъ и Муромомъ, между Коломною и Переяславлемъ Рязанскимъ, между Тулою и Серпуховомъ до Алексина. Нѣсколько воеводъ было отпущено въ погоню за Лисовскимъ, но они безплодно кружили изъ одного мѣста въ другое; только въ Алексинскомъ уѣздѣ сошелся съ нимъ разъ князь Куракинъ, но не могъ причинить ему большаго вреда и перехватить путь въ Литву, куда явился наконецъ Лисовскій послѣ своего изумительнаго въ военныхъ лѣтописяхъ круга и надолго памятнаго въ Московскомъ государствѣ. Съ тою же чудесною быстротою дѣйствовали на отдаленномъ сѣверѣ козаки Малороссійскіе: такой войны, говоритъ лѣтописецъ, отъ начала міра не бывало; не понимали Русскіе люди, куда и какъ пробирались Черкасы? изъ Вологодскаго уѣзда пошли они въ Поморскіе города, воевали Вагу и Тотемскія мѣста и Устюжскія, потомъ пошли въ Двинскую землю къ морю, шли мѣстами непроходимыми, Богъ знаетъ гдѣ

они не были, и вышли въ Новгородскомъ уѣздѣ къ Сумскому острогу. Нигдѣ не могли остановить ихъ; только въ Заонѣжскихъ погостахъ побили ихъ много, а Олончане добили и послѣднихъ; воевали они Московскую землю все проходомъ, говоритъ лѣтописецъ, подъ городами и по волостямъ нигдѣ не стояли, земли много запустошили, но и сами всѣ пропали же.

Во время этихъ военныхъ дѣйствій въ разныхъ мѣстахъ, шли продолжительные, хотя и безплодные переговоры о мирѣ. Въ Ноябрѣ 1614 года паны-рада прислали Московскимъ боярамъ грамоту, въ которой упрекали ихъ въ измѣнѣ Владиславу, и въ томъ, что сперва бояре сами хотѣли отдать свое дѣло съ Польшею на рѣшеніе императора, а потомъ съ гордостію отвергли это посредничество, продолжаютъ войну и держатъ Польскихъ плѣнниковъ въ тяжкомъ заключеніи; не смотря на то, они, паны, снова предлагаютъ завести мирные переговоры на рубежѣ. Бояре отвѣчали, что имъ и принять панскій листъ было непригоже, не только что по нему какія государскія дѣла дѣлать, потому что писано въ немъ не по прежнему обычаю, великаго государя имени не описано, и во всемъ писано высоко, не по прежнему обычаю. Не смотря однако на то, по миролюбію своему, бояре рѣшились принять грамоту отъ пановъ и отвѣчать на нее. Они оправдываются во всемъ, что взвели на нихъ паны. «Богу извѣстно, потомъ и окрестнымъ всѣмъ государямъ христіанскимъ и музульманскимъ, что мы во всемъ томъ, что вы на насъ пишите, невинны. Тѣ всѣ неправды учинились отъ государя вашего и съ вашей стороны, а наши души отъ того чисты; вамъ, братьѣ нашей, панамъ-радѣ, нынѣ и впередъ и поминать непригоже, что быть государя вашего сыну, Владиславу королевичу, на Московскомъ государствѣ: то дѣло уже бывшее.» Касательно сношеній съ императоромъ о посредничествѣ бояре отвѣчаютъ, что когда еще второе ополченіе стояло подъ Москвою, тогда воеводы его послали Нѣмецкаго переводчика Еремѣя Еремѣева

къ императору съ просьбою, чтобъ онъ уговорилъ Сигизмунда отстать отъ неправдъ, «а о томъ мы къ цесарскому величеству не посылали и не приказывали, чтобъ цесарское величество насъ съ государемъ вашимъ взялъ на свой судъ: нечего намъ съ государемъ вашимъ судиться! Всемогущему Богу, и цесарскому величеству, и всѣмъ окрестнымъ государямъ неправды королевы передъ великими Россійскими государствами вѣдомы.» Бояре пишутъ, что императоръ прислалъ переводчика назадъ съ обѣщаніемъ писать Сигизмунду; что царь Михаилъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, отправилъ къ императору пословъ, которые уже исполнили свое посольство; послѣ этого боярамъ показалось странно, что въ предѣлахъ Польскихъ явился императорскій гонецъ Сингель, присланный не къ царю, а къ боярамъ. Боярамъ не слѣдовало бы и входить съ Сингелемъ въ какія-либо сношенія; но уже государь, въ уваженіе прежней крѣпкой любви царей Московскихъ съ императорами, велѣлъ боярамъ принять Сингеля; сдѣланы были поэтому нужныя распоряженія, но Нѣмецкій гонецъ и посолъ Польскій почему-то не явились къ боярамъ, равно какъ Польское правительство до сихъ поръ не присылаетъ опаснаго листа для посла царскаго къ Сигизмунду. Потомъ бояре отвѣчаютъ на упреки въ дурномъ обхожденіи съ плѣнными: «У васъ, пишутъ они, наши не плѣнники, но послы, митрополитъ Филаретъ и князь Голицынъ, разлучены, по разнымъ мѣстамъ сидятъ въ темницахъ; а у насъ плѣнники ваши, Струсь съ товарищами живутъ въ Москвѣ, дворы имъ даны добрые, пищу и питье получаютъ достаточно, людямъ ихъ вольно всюду ходить по дѣламъ господскимъ, скудости и тѣсноты нѣтъ никакой.» Бояре заключаютъ грамоту извѣщеніемъ, что государь позволилъ имъ отправить своихъ пословъ на рубежъ, на съѣздъ съ Польскими послами. Любопытно взглянуть на боярскія подписи на грамотѣ: сначала видимъ имена старыхъ бояръ, князя Мстиславскаго, И. В. Голицына, И. Н. Романова, Шереметева, Куракина и другихъ; на десятомъ мѣстѣ подпись князя Д. Т. Трубецкаго, на одиннадцатомъ князя Д. М. Пожарскаго, на

девятнадцатомъ Минина, въ дьякахъ подписалъ Сыдавный Васильевъ.

Съ этою грамотою отправленъ былъ Желябужскій, который получилъ такой наказъ: станутъ говорить, что Московскаго государства всякихъ чиновъ люди цѣловали крестъ королевичу Владиславу, то отвѣчать: «Московскаго государства всякихъ чиновъ люди передъ великимъ государемъ вашимъ Жигимонтомъ королемъ и передъ сыномъ его во всемъ томъ невинны. Вся неправда и невинное христіанское кроворазлитіе учинились со стороны великаго государя вашего, а всего Московскаго государства людей души отъ того чисты. И вамъ за неправду государя вашего, нынѣ и впередъ, поминать непригоже, что государя вашего сыну, Владиславу королевичу, быть на Московскомъ государствѣ, и пословъ о томъ посылать незачѣмъ, то уже дѣло бывшее и давно о томъ государю вашему и вамъ ото всего Московскаго государства отказано накрѣпко». — О Заруцкомъ Желябужскій долженъ былъ говорить: «Вора Ивашку Заруцкаго и воруху Маринку съ сыномъ для обличенья ихъ воровства привезли въ Москву, Ивашка за свои злыя дѣла и Маринкинъ сынъ казнены, а Маринка на Москвѣ отъ болѣзни и съ тоски по своей волѣ умерла, а государю и боярамъ для обличенья вашихъ неправдъ надобно было, чтобъ она жила. И теперь отчина царскаго величества отъ воровской смуты очистилась и воровская смута вся миновалась.

Желябужскій долженъ былъ видѣться съ Филаретомъ, ударить ему челомъ отъ сына и говорить: «Великій государь сынъ вашъ васъ великаго государя велѣлъ о здоровьѣ спросить, а про свое здоровье велѣлъ сказать, вашими отеческими святительскими и государыни моей матери великой старицы иноки Мароы Ивановны многоусердными къ Богу молитвами на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ здравствуемъ, только оскорбляемся тѣмъ, что вашихъ отеческихъ святительскяхъ очей не сподобляемся видѣть; молимъ милосердаго Бога, и радѣемъ и промышляемъ и хотимъ того, чтобъ милосердый Богъ вашу святыню изъ такой тягости высвободилъ.»

Грамота царская къ отцу начинялась такъ: «Великаго и всещедраго въ Троицѣ славимаго Бога нашего, иже достойному святительскимъ и богоукрашеннымъ саномъ почитаему и украшаему, и нашему христіанскому роду истинному учителю, и непорочно ходатайственнолюбнымъ тщаніемъ ко Господу о насъ прилежно молителю, и показателю словесныхъ христовыхъ овецъ и выну о овцахъ, паче же заблудшихъ, попремногу многовзыскательному тщателю, и разрѣшителю недоумѣннымъ, еже есть духовнымъ сплетеніемъ, поборнику и страдателю за святыя благосіятельныя христіанскія наши церкви и крѣпкому столпу въ православіи, и еже о Христѣ любезное на землѣ житіе чающе небеснаго рая жителю, старѣйшему и превысочайшему священноначаліемъ отцу отцемъ, великому государю моему преосвященному митрополиту Филарету Никитичу, Божіею милостію и Его крѣпкою непобѣдимою десницею, содержай скипетръ великаго Россійскаго царствія, въ месть врагамъ, въ похвалу добродѣтелямъ, сынъ твоего изрядносіятельнаго отечества Михаилъ, Божіею милостію царь и великій князь, всея Русіи самодержецъ, главу свою усерднѣ до земли преклоняетъ, касаяся твоимъ святительскимъ честнымъ стопамъ и со слезами у васъ, великаго государя моего отца, прося еже за ны святительскихъ вашихъ молитвъ и благословенія.» — Желябужскій долженъ былъ также править челобитье Филарету отъ иноки Марѳы Ивановны, потомъ отъ духовныхъ властей, бояръ и всей думы. Князя Василья Васильевича Голицына и товарищей его Желябужскій долженъ былъ о здоровьѣ спросить и говорить имъ рѣчь: «Служба ваша, радѣнье и терпѣнье вѣдомы, и о томъ мы, великій государь, радѣемъ и промышляемъ, чтобъ васъ изъ такой тяжкой скорби высвободить.» Потомъ Желябужскій долженъ былъ править имъ челобитье отъ властей и бояръ; такую же рѣчь отъ царя долженъ былъ сказать и Шеину, если съ нимъ увидится. Бывшаго царя, Василья Ивановича Шуйскаго и брата его Димитрія уже не было въ живыхъ; относительно же брата ихъ, князя Ивана Ивановича, послу ничего не было наказано. Филарету наединѣ (если это

только возможно) Желябужскій долженъ былъ объявить, что въ Москвѣ дѣлается все доброе, всѣ великіе государи присылаютъ съ дарами и съ поминками великими, прося царской къ себѣ любви и дружбы.

Въ Варшавѣ паны приняли Желябужскаго по обычаю, спросили о здоровьѣ бояръ; Желябужскій отвѣчалъ, что бояре при великомъ государѣ далъ Богъ всѣ въ добромъ здоровьѣ. Когда онъ сказалъ: «при великомъ государѣ», то изъ всѣхъ сенаторовъ отозвался невѣжливо одинъ Левъ Сапѣга: «Еще де то у васъ не пошлый (настоящій) государь!» Филаретъ жилъ въ домѣ Льва Сапѣги, который былъ его приставомъ; Желябужскому позволено было здѣсь съ нимъ видѣться. Принявши государеву грамоту, Филаретъ спросилъ: «какъ Богъ милуетъ сына моего?» Желябужскій отвѣчалъ что слѣдуетъ. Послѣ этого Филаретъ началъ говорить послу и товарищамъ его: «Не гораздо вы сдѣлали, послали меня отъ всего Московскаго Россійскаго государства съ наказомъ къ Жигимонту королю прошать сына его Владислава королевича на Московское государство государемъ; я и до сихъ поръ дѣлаю во всемъ въ правду, а послѣ меня обрали на Московское государство государемъ сына моего, Михаила Ѳедоровича: и вы въ томъ передо мною не правы; если уже вы хотѣли выбирать на Московское государство государя, то можно было и кромѣ моего сына, а вы это теперь сдѣлали безъ моего вѣдома». Посолъ отвѣчалъ: «Царственное дѣло низачѣмъ не останавливается: хотя бы и ты, великій господинъ, былъ, то и тебѣ было перемѣнить того нельзя, сдѣлалось то волею Божіею, а не хотѣньемъ сына твоего». Филаретъ сказалъ на это: «То вы подлинно говорите, что сынъ мой учинился у васъ государемъ не по своему хотѣнью, изволеніемъ Божіимъ да вашимъ принужденьемъ», — и, обратясь къ Сапѣгѣ, прибавилъ: «Какъ было то сдѣлать сыну моему? остался сынъ мой послѣ меня молодъ, всего шестнадцати лѣтъ, и безсемеенъ, только насъ осталось—я здѣсь, да братъ мой на Москвѣ одинъ, Иванъ Никитичь». Сапѣга отвѣчалъ ему грубо, срывая сердце: «Посадили сына твоего на Московское государ-

ство государемъ одни козаки Донцы». На это возразилъ Желябужскій: «что ты, панъ канцлеръ, такое слово говоришь! То сдѣлалось волею и хотѣньемъ Бога нашего, Богъ послалъ Духа Своего Святаго въ сердца всѣхъ людей.» Сапѣга замолчалъ. Желябужскій сталъ править челобитья, и Филаретъ, прочтя грамоты, отдалъ ихъ Сапѣгѣ. О князѣ Голицынѣ Сапѣга сказалъ, что онъ остался въ Маріенбургѣ, Шеинъ съ женою и дочерью въ его Сапѣгиной вотчинѣ въ Слонимскомъ повѣтѣ, а сынъ въ Варшавѣ. Филаретъ замѣтилъ при этомъ: «Я не знаю, живъ ли или нѣтъ бояринъ князь Василій Васильевичь Голицынъ, потому что мы съ нимъ давно разстались».

Кромѣ Сапѣги тутъ былъ еще другой приставъ, панъ Олешинскій. Филаретъ, обратясь къ нимъ обоимъ, сказалъ: «Насъ царь Борисъ всѣхъ извелъ: меня велѣлъ постричь, трехъ братьевъ уморилъ, велѣлъ задавить, только теперь остался у меня одинъ братъ Иванъ Никитичь». Олешинскій спросилъ у Сапѣги: «Для чего царь Борисъ надъ ними это сдѣлалъ?» Сапѣга отвѣчалъ: «Для того царь Борисъ велѣлъ надъ ними это сдѣлать, блюдясь отъ нихъ, чтобъ изъ нихъ котораго брата не посадили на Московское государство государемъ, потому что они люди великіе и близки къ царю Ѳедору». Панъ Олешинскій опять началъ говорить, обращаясь къ послу: «На весну пойдетъ къ Москвѣ королевичь Владиславъ, а съ нимъ мы всѣ пойдемъ посполитою рѣчью; Владиславъ королевичь учинитъ вашего митрополита патріархомъ, а сына его бояриномъ». Филаретъ сказалъ на это: «Я въ патріархи не хочу;» а Желябужскій сказалъ: «Ты, панъ, говоришь слово похвальное (хвастливое), а мы надѣемся на милость Божію, да на великаго государя Михаила Ѳедоровича, на его государское счастье, дородство, храбрость, и на премудрый разумъ надежны; нынѣ во всѣхъ его государствахъ миръ, покой и тишина, всѣ люди ему, великому государю, служатъ и радѣютъ единодушно, и будемъ стоять противъ Владислава вашего королевича и противъ всѣхъ васъ. И прежде король вашъ съ королевичемъ и съ вами со всѣми приходилъ доступать государства Московскаго и при-

шелъ подъ Волокъ Ламскій, а Волокъ въ великомъ государствѣ Московскомъ какъ бы деревенька малая, и тутъ короля вашего людей побили, и отошелъ король вашъ изъ-подъ Волока съ невеликими людьми». Олешинскій на это не сказалъ ничего, а спросилъ Желябужскаго: «Помнишь ли ты меня, какъ я былъ на Москвѣ?» — «Помню, отвѣчалъ Желябужскій, какъ ты при царѣ Васильѣ былъ на Москвѣ и на отпускѣ въ палатѣ крестъ цѣловалъ о перемирныхъ лѣтахъ, чтобъ лиха надъ Московскимъ государствомъ ничего не дѣлать». Олешинскій замолчалъ. Тутъ вошла жена Струся и начала просить Филарета написать къ царю Михаилу, чтобъ мужа ея жаловалъ. Филаретъ обѣщалъ, а Желябужскій сказалъ ей: «Великій государь нашъ милосердъ и праведенъ, не только мужа твоего жаловалъ, мужъ твой человѣкъ имянной, но которые и хуже твоего мужа, и тѣхъ всѣхъ жалуетъ». На это Левъ Сапѣга сказалъ: «Что вы говорите, что государь вашъ милостивъ и на кровь христіанскую не посягаетъ! видимъ мы и то, что государь вашъ посылалъ къ Турскому царю закупать, чтобъ царь Турскій стоялъ съ нимъ за одно на Польское и Литовское государство, а грамоты тѣ государя вашего теперь у насъ». Желябужскій отвѣчалъ, что ничего объ этомъ не знаетъ. Этимъ свиданіе кончилось.

На отпускѣ у пановъ-рады Левъ Сапѣга опять говорилъ невѣжливо: «Еще де то у васъ не пошлый государь; два у васъ государя: одинъ у васъ на Москвѣ, а другой здѣсь, Владиславъ королевичь, ему вы всѣ крестъ цѣловали». Желябужскій отвѣчалъ по наказу, что это дѣло бывшее и дальнее, и поминать о томъ не пригоже. Онъ требовалъ, чтобъ въ отвѣтной грамотѣ было описано имя царя Михаила какъ слѣдуетъ; Сапѣга отвѣчалъ: «Теперь мы, паны-рада, васъ отпускаемъ съ добрымъ дѣломъ отъ кого вы пришли, къ братьѣ своей боярамъ, а государева титула писать нельзя, о томъ будутъ большіе послы съ обѣихъ сторонъ, и обо всѣхъ великихъ дѣлахъ будутъ говорить и судиться предъ Богомъ; и какъ постановятъ великое доброе дѣло, тогда станутъ государево имя и титулъ писать.» Желябужскій провѣдалъ, что всѣ Литовскіе сенаторы хотятъ мира

съ Москвою, кромѣ Льва Сапѣги, который одинъ короля манитъ; а большой посягатель на вѣру христіанскую самъ король да сенаторы Польскіе, а всѣхъ пуще канцлеръ, панъ Крицкій да маршалокъ Литовскій, панъ Дростальскій. На сеймѣ король будетъ просить побору, чтобъ идти къ Москвѣ посполитымъ рушеньемъ: но въ Литвѣ приговорено, что побору отнюдь не дать и посполитымъ рушеньемъ съ королевичемъ не хаживать, то уже дѣло минуло, королевичу къ Москвѣ идти непочто, стало намъ самимъ до себя: дѣйствительно на сеймѣ Литовскіе сенаторы не согласились на войну. На дорогѣ, въ имѣніи Льва Сапѣги, Желябужскій видѣлся съ Шеинымъ, который приказывалъ къ государю и къ боярамъ: «Какъ будетъ размѣна съ Литовскими людьми, то государь бы и бояре приказали посламъ на крѣпко, чтобъ береглись обману отъ Литовскихъ людей; посламъ бы сходиться между Смоленскомъ и Оршею на старомъ рубежѣ; у Литвы съ Польшею рознь большая, а съ Турками мира нѣтъ; если государевы люди въ сборѣ, то надобно непремѣнно Литовскую землю воевать и тѣсноту чинить, теперь на нихъ пора пришла;» да приказывалъ, чтобъ никакъ плѣнниками порознь не размѣнивались. Желябужскій разузналъ также, что король приказывалъ Филарету писать къ сыну грамоты, какія ему, королю, надобны, и Левъ Сапѣга тоже приказывалъ, но митрополитъ за то сталъ и королю отказалъ, что отнюдь ему такихъ грамотъ не писывать; за то Желябужскаго и не пустили проститься съ митрополитомъ. Самъ панъ Гридичь, котораго король и Сапѣга посылали къ Филарету, говорилъ посламъ: «Какъ свѣдалъ Филаретъ, что сынъ его учинился государемъ, то сталъ на сына своего надеженъ, сталъ упрямъ и сердитъ, къ себѣ не пуститъ и грамотъ не пишетъ».

Желябужскій привезъ боярамъ грамоту, въ которой паны предлагали съѣздъ уполномоченныхъ на границѣ между Смоленскомъ и Вязьмою. Въ грамотѣ паны писали также: «Пока холопи вами владѣть будутъ, а не отъ истинной крови великихъ государей происходящіе, до тѣхъ поръ гнѣвъ Божій надъ собой чувствовать не перестанете, потому что государствомъ

какъ слѣдуетъ управлять и успокоить его они не могутъ. Изъ казны Московской нашему королю ничего не досталось, своевольные люди ее ростащили, потому что не справедливо и съ кривдою людскою была собрана». Несмотря на такія грубости, предложеніе было принято, и въ Сентябрѣ 1615 года, по соборному рѣшенію, отправились къ Литовской границѣ великіе уполномоченные послы, бояре-князья Иванъ Воротынскій и Алексѣй Сицкій и окольничій Артемій Измайловъ; съ Польской стороны уполномоченными были: Кіевскій бискупъ князь Казимирскій, гетманъ Литовскій Янъ Ходкевичъ, канцлеръ Левъ Сапѣга, староста Велижскій Александръ Гонсѣвскій; посредникомъ былъ императорскій посолъ Еразмъ Ганделіусъ. Переговоры должны были происходить между Смоленскомъ и Острожками. Воротынскій съ товарищами должны были сначала изложить неправды короля, начиная съ нарушенія перемирія при царѣ Борисѣ приводомъ Лжедимитрія. Если паны скажутъ, что еще при ворѣ князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ братьями и многими боярами билъ челомъ королю, чтобъ ихъ отъ разстриги оборонилъ и далъ въ цари сына своего, то князь Воротынскій долженъ былъ отвѣчать: «Я князь Иванъ Михайловичъ въ тѣ поры былъ въ своей братьѣ въ боярахъ честенъ и любили меня мои братья всѣ, а Шуйскіе были мнѣ друзья и ни въ чемъ отъ меня не скрывались. Вы это теперь говорите для того, что князя Василья Ивановича съ братьею нѣтъ, и хотите на мертвыхъ что-нибудь затѣять; а мы того не дѣлывали и въ разумѣ нашемъ того не бывало». Если паны скажутъ, что бояре наказывали объ этомъ королю съ Иваномъ Безобразовымъ, да съ Михайлою Толочановымъ, то отвѣчать: «Иванъ Безобразовъ и Михайла Толочановъ Разстригѣ были изъ Русскихъ людей первые друзья и вѣрники: какъ еще Разстрига пришелъ въ Монастыревскій, то Михайло Толочановъ тогда уже учинился у него вѣрникомъ, за Михайлову измѣну царь Борисъ жену и дѣтей его разослалъ по городамъ по тюрьмамъ; а Иванъ Безобразовъ по ворѣ Ѳедькѣ Андроновѣ сталъ Разстригѣ близокъ на Москвѣ, а какъ Разстригу убили, то онъ съ Москвы сбѣжалъ и въ Тушинѣ у вора

былъ, и съ такими какъ было приказывать?» Если Александръ Гонсѣвскій скажетъ, что послѣ Разстригина убійства былъ онъ у князя Димитрія Шуйскаго и говорилъ, чтобъ попамятовали, о чемъ къ королю приказывали, и князь Дмитрій не запирался,— то отвѣчать: «Князя Дмитрія теперь нѣтъ, что захочешь, то на него и затѣешь».

Воротынскій долженъ былъ такъ жаловаться на поведеніе Гонсѣвскаго и Поляковъ въ Москвѣ: «Немногіе тогда наши братья бояре жили на своихъ дворахъ, многихъ бояръ и боярскихъ женъ съ дворовъ посослали, а стали жить Польскіе и Литовскіе люди, имѣніемъ и запасами ихъ завладѣли. Какъ гетманъ пошелъ подъ Смоленскъ, то послѣ его ты, Александръ Гонсѣвскій, сталъ жить на царевѣ Борисовѣ дворѣ, а Михайла Салтыковъ, мимо своего дворишка, на дворѣ Ивана Васильевича Годунова, а Ѳедька Андроновъ на дворѣ Благовѣщенскаго протопопа, на которомъ никогда никто не ставалъ и не живалъ; меня, князя Ивана, да князя Андрея Голицына, да окольничаго князя Александра Засѣкина подавали за приставовъ; по воротамъ по всѣмъ поставили сторожей своихъ, рѣшетки у улицъ посломали, и Московскимъ никакимъ людямъ съ саблею не только при бедрѣ, и купцамъ съ продажными и плотникамъ съ топорами ходить и ножей при бедрѣ никому носить не велѣли, дровъ мелкихъ на продажу и крестьянамъ привозить не давали; женъ и дочерей брали на блудъ, и по вечерамъ побивали всякихъ людей, кто идетъ улицею изъ двора во дворъ, къ заутрени не только мірскимъ людямъ и священникамъ ходить не давали. Ѳедькѣ Андронову велѣлъ государь вашъ быть казначеемъ и думнымъ дворяниномъ, Степану Соловецкому въ Нижегородской четверти думнымъ дьякомъ, Васькѣ Юрьеву у денежныхъ сборовъ, Евдокиму Витовтову въ разрядѣ думнымъ первымъ дьякомъ, Ивану Грамотину печатникомъ, посольскимъ и помѣстнымъ дьякомъ; въ Большомъ приходѣ князю Ѳедору Мещерскому, въ Пушкорскамъ приказѣ князю Юрію Хворостинину, въ Панскомъ приказѣ вѣдомому вору Михалкѣ Молчанову, въ Казанскомъ дворцѣ Ивану Салтыкову; а ты Александръ Гонсѣвскій,

по королевской же грамотѣ, учинился на имя бояриномъ въ Стрѣлецкомъ приказѣ. Ты видѣлъ самъ, какую бѣду мы бояре отъ твоихъ совѣтниковъ, отъ худыхъ людей, отъ Ѳедьки Андронова съ товарищами терпѣли, никто насъ такъ при прежнихъ государяхъ не безчещивалъ, какъ тотъ дѣтина, а ты его на все попускалъ; только бы не ты, то ему самому какъ было и помыслить чтобъ противъ насъ говорить и насъ безчестить? Раззоренье Московскому государству учинилось отъ государя вашего и отъ васъ, мститель за то будетъ вамъ и женамъ вашимъ и дѣтямъ Богъ, сами увидите; самъ себя государя вашего сынъ отъ Московскаго государства отженулъ многими своими неправдами и кровопролитіемъ. Какъ приходилъ съ войскомъ гетманъ, ты Карлусъ Ходкѣвичь, то ты, Александръ Гонсѣвскій, намъ всѣмъ говорилъ, чтобъ намъ быть подъ королевскою рукою, измѣнниковъ, князя Юрія Трубецкаго, Ивана Грамотина, Василья Янова ты за этимъ къ намъ присылалъ».

Если скажутъ: «бояре сами присылали къ королю, что отъ васъ на Москвѣ смута, присылалъ воръ къ Москвѣ попа Харитона съ грамотами, а къ вору присылка была же; бояре сами сыскивали, и по сыску дошло до него, князя Ивана Михайловича, до князей Андрея Голицына и Засѣкина, и за то ихъ бояре сами велѣли беречь: и если въ васъ, большихъ людяхъ, была измѣна, то королю какъ было сына своего на государство дать? Если станутъ класть боярскія грамоты, какъ о томъ писали, — то отвѣчать: «На меня, князя Ивана съ товарищами затѣяли вы и вора попа научили, а боярамъ, что вы велѣли, то они и дѣлали. Отъ васъ большая смута, и ссора, и кроворазлитіе. Только бы тогда государь вашъ положился на насъ природныхъ бояръ, а тебя Александра въ урядъ и измѣнниковъ воровъ въ приказы не прислалъ, худыхъ людей, то ничего бы худаго и не было, было бы все хорошее. Видали мы и отъ прежнихъ государей себѣ опалы, только во всемъ государствѣ справа (управленіе) всякая была на насъ, а худыми людьми насъ не безчестили, и чести нашей природной не отнимали; а

какъ обрали мы на государство государя вашего сына, то онъ еще не бывалъ, а у насъ у всѣхъ честь отнялъ: прислалъ тебя, велѣлъ тебѣ государственныя и земскія дѣла всякія вѣдать въ такомъ великомъ государствѣ, а у государя своего ты и до сихъ поръ въ радѣ не бывалъ; да съ тобою прислалъ Московскаго государства измѣнниковъ, самыхъ худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ, молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ, а подавалъ имъ окольничество, казначейство, думное дьячество; ужь и не было въ худыхъ никого, ктобъ отъ государя вашего думнымъ не звался; кто дастъ Льву Сапѣгѣ пару соболей, тотъ дьякъ думный, а кто сорокъ, тотъ бояринъ и окольничій. Такой мы отъ государя вашего чести дожили, потому такъ и сталось».

А если скажутъ: «Еще въ бытность гетмана Жолкѣвскаго въ Москвѣ Василій Бутурлинъ посыланъ былъ отъ бояръ въ Рязань, тамъ съ Прокофьемъ Ляпуновымъ сговорился, и Ляпуновъ подъ столицу сталъ подступать, а Василій Бутурлинъ воротился назадъ въ Москву, пѣхоту Нѣмецкую уговаривалъ королю измѣнить, самъ на себя у пытки сказалъ»,—отвѣчать: «Если Василій Бутурлинъ какое дурно и помыслилъ съ молодости, то бояре сами велѣли его пытать, а Василій съ пытки на себя никакого умышленья не говорилъ, пріѣзжалъ къ нему Прокофья Ляпунова человѣкъ спрашивать о томъ, что на Москвѣ дѣлается? ты, Александръ Гонсѣвскій, съ совѣтникомъ своимъ, съ торговымъ дѣтиною Ѳедькою Андроновымъ, съ казначеемъ государя своего, походили въ казнѣ государей нашихъ, царскія сокровища осмотрѣли, и тебя взяла зависть, что отъ роду такого богатства не видывалъ; писалъ ты объ этомъ къ государю своему да къ пріятелю своему Льву Сапѣгѣ, захотѣли вы царскую казну у себя видѣть, и отъ того все зло сдѣлалось; и въ лѣтописецъ будемъ это для будущихъ родовъ писать».

Если станутъ говорить, что королю Московской казны ничего не досталось, то отвѣчать: «Какъ вы паны не стыдитесь! Ты Александръ съ Ѳедькою Андроновымъ лучшее выбирали и къ королю отсылали, а иное ночью къ тебѣ возили. Для прилики

вы велѣли казну переписывать боярамъ, но у казны были ваши же совѣтники; какъ бояре запечатаютъ и придутъ опять въ казну, а печатей боярскихъ уже нѣтъ, печать Өедьки Андронова. Өедькѣ о томъ говаривано отъ насъ бояръ много разъ, и онъ сказывалъ, что велѣлъ распечатать ты, Александръ Гонсѣвскій.»—Послы должны были показать панамъ списокъ вещамъ, которыя отосланы были къ королю, и при этомъ сказать: «Это извѣстно, да и немного здѣсь, а больше того и лучшія узорочья взяты изъ казны и посланы къ королю тайно; а иное ты, Александръ Гонсѣвскій, себѣ бралъ и пріятелямъ своимъ посылалъ». Если будутъ говорить, что король не хотѣлъ брать Москвы себѣ, а хотѣлъ послать сына, то уличить грамотами, писанными къ князю Ивану Куракину, къ Михайлѣ Салтыкову и къ Андронову. Если Гонсѣвскій будетъ говорить, что онъ владѣлъ въ Москвѣ Польскими людьми, до Московскаго же управленія ему и дѣла не было, а какъ онъ пойдетъ бывало вверхъ къ боярамъ поговорить о какихъ-нибудь дѣлахъ, то ему на дорогѣ и на дворѣ у него русскіе люди подавали многія челобитныя, и онъ всѣ челобитныя у нихъ бралъ и приносилъ къ боярамъ, и по этимъ челобитнымъ дѣлали и указывали всѣ бояре, а подписывали челобитныя ихъ Русскіе дьяки, грамоты къ королю писали бояре же, а онъ этихъ грамотъ не передѣлывалъ:—отвѣчать: «Это точно такъ, панъ Александръ, было: къ боярамъ ты ходилъ, челобитныя приносилъ: только пришедши, сядешь, а возлѣ себя посадишь своихъ совѣтниковъ, Михайлу Салтыкова, князя Василья Мосальскаго, Өедьку Андронова, Ивана Грамотина съ товарищи, а намъ и не слыхать, что̀ ты съ своими совѣтниками говоришь и приговариваешь, и что̀ велишь по которой челобитной сдѣлать, такъ и сдѣлаютъ, а подписываютъ челобитныя твои жь совѣтники, дьяки Иванъ Грамотинъ, Евдокимъ Витовтовъ, Иванъ Чичеринъ, да изъ торговыхъ мужиковъ Степанка Соловецкій, а старыхъ дьяковъ всѣхъ ты отогналъ прочь. И то была намъ всѣмъ боярамъ смерть, что къ тому недостойный торговый дѣтина Өедька Андроновъ прійдетъ и сядетъ съ нами, съ Мстиславскимъ и со мною Во-

ротынскимъ и съ иными нашими братьями вмѣстѣ, и намъ указывалъ и мимо насъ распоряжался; Богъ видитъ сердца наши: въ то время мы всѣ живы не были. А грамоты отъ бояръ всѣ писали по твоей волѣ, бояре у васъ были все равно что въ плѣну, приказывали руки прикладывать, и они прикладывали». Если паны скажутъ, что сами они бояре многую казну прежнихъ государей продавали, сосуды серебряные переливали въ деньги и давали Польскимъ и Литовскимъ людямъ, которые стояли въ Москвѣ для ихъ бережелья отъ вора, и станутъ класть объ этомъ боярскую грамоту, которая послана съ Иваномъ Безобразовымъ 19 Генваря:—отвѣчать: «Бояре были въ казнѣ невольны, владѣли всею казною Андроновъ, а надъ нимъ Гонсѣвскій, продавали казну и мягкую рухлядь и платье, приговаривали быть у продажи боярамъ и дьякамъ, а они лишь только сидѣли да смотрѣли». Въ заключеніе наказа говорится: «выговаривать гладко, а не ожесточить, чтобъ съ ними жестокими словами не разорвать».

Но трудно было подобныя вещи выговаривать гладко, и трудно было исполнить это князю Воротынскому, котораго Гонсѣвскій озлобилъ еще въ Москвѣ. Когда въ Ноябрѣ мѣсяцѣ открылись съѣзды, и Московскіе послы по наказу начали дѣло тѣмъ, что стали вычитать многія неправды Жигимонта короля, то Литовскіе послы стали сердиться, кричать и браниться: «намъ за позоръ государя своего стоять и биться!» кричали они. Посредникъ, цесаревъ посолъ былъ тутъ, но въ дѣло не вмѣшался, и этимъ первый съѣздъ кончился. На второмъ съѣздѣ бискупъ Кіевскій говорилъ рѣчь изъ бытій и изъ хроникъ Польскихъ о клятвопреступленіи при прежнихъ Израильскихъ и Римскихъ царяхъ, приводя къ тому, что Московскіе послы на первомъ съѣздѣ вычитали неправды королевскія. Потомъ говорилъ рѣчь по письму Янъ Гридичь про Разстригу, оправдывая государя своего короля, наконецъ говорилъ рѣчь по письму Александръ Гонсѣвскій, вычитая неправды государя Бориса и государя Василья, сношенія ихъ съ иностранными государствами на короля. Между прочимъ Гонсѣвскій читалъ:

«Давно, еще при Димитріи, котораго вы называете Гришкою Разстригою, бояринъ князь Василій Ивановичь Шуйскій съ братьею и другіе многіе Московскіе бояре знатные люди, нѣкоторымъ панамъ—радамъ тайно объявляли свою мысль, что хотятъ видѣть господаремъ своимъ королевича Владислава. Потомъ князь Василій Голицынъ, забывши свое крестное цѣлованіе королевичу, желалъ себѣ господарства Московскаго, какъ скоро выѣхалъ изъ Москвы подъ Смоленскъ, то съ дороги сослался съ воромъ Калужскимъ и промышлялъ, чтобъ емусъ своими совѣтниками сдѣлать на Москвѣ господаремъ вора Калужскаго, а потомъ убить, точно также какъ прежняго Димитрія Разстригу убили, и сдѣлаться самому господаремъ какъ прежде Шуйскій сдѣлался. Я, Александръ Гонсѣвскій, оставшись на Гетманскомъ мѣстѣ съ войскомъ, не былъ бояриномъ и никакимъ урядникомъ Московскимъ, въ дѣла земскія Московскія не вмѣшивался, а будучи только намѣстникомъ гетманскимъ, правилъ войскомъ, и ратниковъ своихъ за самыя малыя вины строго и сурово наказывалъ, по артикуламъ гетманскимъ. Помните, какъ въ скорости по отъѣздѣ гетманскомъ войсковой товарищъ Тарновецкій, пивши вмѣстѣ съ попомъ побранились, и онъ ударилъ попа рукою по лицу до крови. Я присудилъ его къ смертной казни; но патріархъ и бояре присылали ко мнѣ, а князь Мстиславскій съ другими многими боярами и съ тѣмъ самымъ попомъ приходилъ ко мнѣ на подворье и просилъ, чтобъ я Тарновецкаго выпустилъ изъ тюрьмы и не велѣлъ казнить; уважая патріарха и бояръ, я долженъ былъ это сдѣлать, но чтобъ впередъ другимъ своевольникамъ неповадно было воровать и людей Московскихъ, простыхъ и неразсудительныхъ, отъ господаря отводить, велѣлъ у Тарновецкаго отсѣчь правую руку, что и было исполнено въ Китаѣ городѣ, противъ Фроловскихъ воротъ, передъ всѣмъ міромъ; бояре и всѣ Русскіе люди этому дивились и самъ патріархъ послѣ мнѣ выговаривалъ, что за такую малую вину непригоже было тамъ люто казнить. Потомъ гайдуки наши побранились, надѣлали шуму подлѣ церкви, гдѣ служилъ патріархъ: я осудилъ ихъ на смертную

казнь; въ ту же ночь два пахолика въ Китаѣ городѣ яблоки и орѣхи продажные разграбили: я и тѣхъ велѣлъ казнить смертью: но патріархъ, зазвавши меня къ себѣ, не выпустилъ до тѣхъ поръ, пока я не приказалъ всѣхъ этихъ людей освободить отъ смертной казни, которую замѣнилъ кнутомъ. Нѣмцевъ за церковный грабежъ я велѣлъ казнить смертью и такъ ихъ настращалъ этимъ, что послѣ они и слова дурнаго не смѣли сказать Русскому человѣку. Вспомните и то, какъ Полякъ аріанской вѣры въ пьяномъ видѣ выстрѣлилъ въ образъ Владимирской Богородицы у Никольскихъ воротъ: я велѣлъ ему руки и ноги отсѣчь, самого живаго огнемъ сжечь, а руки отсѣченныя велѣлъ подъ образомъ гвоздями прибить. Не только въ столицѣ, но и на сторонѣ никакея вина безъ наказанья не проходила; живой тому свидѣтель князь Борисъ Михайловичь Лыковъ: я осудилъ на смерть ротмистра, который пограбилъ его деревни, и самъ князь Борисъ едва его отъ смертной казни отпросилъ. А въ меньшихъ дѣлахъ поставлены были судъ и управу чинить между Литовскими и Московскими людьми князь Григорій Петровичь Ромодановскій, а отъ меня и отъ войска полковникъ Дунниковскій да поручикъ Войтковскій. И такъ съ нашей стороны не было подано нималѣйшаго повода къ неудовольствію и возстанію. А съ вашей стороны какія неправды были, это мы докажемъ не голыми словами, а на письмѣ. Вопервыхъ когда гетмамъ Жолкѣвскій вошелъ въ Москву, то стольникъ Василій Ивановичь Бутурлинъ, отпросившись у бояръ на время въ свое помѣстье, съѣзжался въ Рязани съ Прокофьемъ Ляпуновымъ, придумали они и на словѣ тайно между собою положили, какъ вновь смуту въ Московскомъ государствѣ завести, Польскихъ и Литовскихъ людей въ Москвѣ побить, противъ короля и королевича войною стоять. Ляпуновъ самъ замышлялъ сдѣлаться царемъ, и говорилъ съ своими совѣтникамм: «Вѣдь Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій и Гришка Отрепьевъ не лучше меня были, а на государствѣ сидѣли.»

Возвратясь въ Москву ,Бутурлинъ насъ обманывалъ, клялся, что служитъ царю Владиславу, а самъ, высматривая все въ

Москвѣ, передавалъ Ляпунову въ Рязань, Нѣмцевъ тайно подговаривалъ и на насъ подкупалъ; посланецъ Ляпунова съ грамотами смутными схаченъ и въ пыткѣ на Бутурлина измѣну сказалъ и на колъ посаженъ; а Бутурлина всѣ бояре съ дворянами, старостами и сотскими велѣли пытать, и онъ самъ на себя сказалъ, что хотѣлъ съ Нѣмцами и Ляпуновымъ почью на насъ ударить и побить.

Потомъ въ скорости послѣ гетманскаго отъѣзда, лазутчики начали метать грамоты отъ вора Калужскаго; одного изъ этихъ лазутчиковъ, попа, схватили, пытали при дворянахъ, гостяхъ, старостахъ и сотскихъ, и онъ сказалъ, что князь Василій Голицынъ, идучи подъ Смоленскъ, съ дороги тайно къ вору въ Калугу писалъ, звалъ его на Литовское государство, а князь Андрей Васильевичъ Голицынъ о томъ зналъ же; тотъ же попъ сказалъ, что воръ по ссылкѣ со многими Московскими людьми умышлялъ придти почью подъ Москву, побить насъ, бояръ, дворянъ большихъ родовъ и всякихъ людей Московскихъ, которые съ нимъ въ воровскомъ совѣтѣ не были, а женъ, сестеръ и имѣніе ихъ отдать холопямъ козакамъ, которые ему добра хотѣли. А Гермогенъ патріархъ мнѣ Александру ласку и любовь свою показывалъ, въ подарокъ кушанья и питья присылывалъ, устами цѣловалъ, а въ сердцѣ гнѣвъ безъ причины на господаря своего Владислава и на насъ держалъ. Призвавши насъ въ городъ для собственной защиты, онъ тотчасъ началъ заводить смуту и кровь; священникамъ въ Москвѣ приказывалъ, чтобъ васъ, сыновей своихъ духовныхъ противъ насъ въ гнѣвъ и ярость приводили: доказательство тому письмо вашего священника Московскаго, который меня остерегалъ, и описалъ прежнія многія дѣла патріарха, какъ онъ въ Донскихъ козакахъ и потомъ попомъ въ Казани былъ; по этому письму поповскому найдены были въ приказѣ Казанскаго Дворца многіе доводы на Гермогена, которые при прежнихъ государяхъ Русскіе люди Казанцы на него дѣлали. Когда воръ въ Калугѣ умеръ, то патріархъ тайно разослалъ по городамъ грамоты смутныя; тогда же пойманъ въ Москвѣ на измѣнѣ Ѳедоръ Погожій

и въ разспросѣ разсказалъ весь злой заводъ и совѣтъ митрополита Филарета, какъ онъ ѣдучи изъ Москвы, на словѣ съ патріархомъ положилъ, чтобъ королевичу на Московскомъ государствѣ не быть, патріархъ взялся всѣхъ людей къ тому приводить, чтобъ посадить на царство сына его Михаила; а Филаретъ изъ-подъ Смоленска смутныя грамоты въ Ярославль и въ иные города писалъ, будто король королевича на Московское государство дать не хочетъ. По такимъ заводамъ отъ патріарха и отъ Филарета люди ваши Московскіе что надъ нашими людьми дѣлали? Вездѣ нашихъ заманя на посадъ, въ Деревянный городъ и въ иныя тѣсныя мѣста, или позвавъ на честь, давили и побивали, а пьяныхъ извощики примапя на сани, давили и въ воду сажали. А торговые люди на торгу живность, рыбу и мясо продавали нашимъ вдесятеро дороже, да при этомъ еще слугъ нашихъ облаютъ и опозорятъ. Когда Ляпуновъ съ товарищами своими спѣшили къ Москвѣ, мы въ воскресенье съ боярами въ палатѣ совѣтовались, а въ Бѣломъ городѣ на Кулишкахъ людишки черные безъ причины на людей нашихъ ударили, до пятнадцати ихъ ранили, саней девять съ лошадьми взяли и разграбили, людей земскихъ и посланцевъ боярскихъ ругали и побить хотѣли: мы все это стерпѣли. Въ понедѣльникъ нарядъ по воротамъ разставляли; во вторникъ рано ротмистръ Козаковскій пушку къ водянымъ воротамъ въ Китаѣ везъ, а я съ полковниками и ротмистрами въ Кремлѣ обѣдню слушалъ; панъ Зборовскій тоже въ Китаѣ-городѣ дѣлалъ; о задорѣ мы и не думали и кровопролитія начинать не хотѣли. А въ это время въ Китаѣ подлѣ той пушки мужикъ Москвичь жердью ударилъ по головѣ пана Грушецкаго, такъ что тотъ на землю мертвый палъ, другіе въ колокола ударили; а за Живымъ мостомъ на многихъ мѣстахъ новыя знамена развернули. Я въ полъобѣдни въ Китай-городъ побѣжалъ и уже за Фроловскими воротами меня съ конемъ моимъ догнали: вскочивши на лошадь, я началъ кровь унимать и палашомъ нѣсколько пахоликовъ ранилъ; но въ это время Москвичи и по мнѣ самомъ начали стрѣлять изъ самопаловъ; тутъ войско наше разсердилось и пошло на прямой бой. Мос-

ковскіе люди множествомъ насъ перемогли; въ ночь Плещеевъ съ товарищами отъ Ляпунова съ великимъ войскомъ въ Деревянный городъ по Коломенской дорогѣ пришелъ и вмѣстѣ со всѣми измѣнниками надъ нами промышлять началъ. На другой день въ середу большіе бояре всѣ выѣхали въ Бѣлый городъ, хотѣли увѣщаніями кровь унять, но Москвичи ихъ не послушали и стали по нихъ стрѣлять. Тогда мы пошли на жестокій бой.»—Московскіе послы отвѣчали на все по наказу, при чемъ противъ королевскаго имяни не вставали и шапокъ не снимали. Этимъ кончился второй съѣздъ.

Между тѣмъ Московскіе послы видѣлись съ Ганделіусомъ, который говорилъ съ ними старымъ славянскимъ языкомъ безъ толмача. Онъ говорилъ: «Вы называете своего государя, а Польскіе послы называютъ государемъ своего королевича, и у одного государства стало два государя; тутъ между вами огонь и вода: чѣмъ воду съ огнемъ помирить?» Когда дворяне Московскаго посольства провѣдывали у дворянъ Австрійскаго, на чѣмъ Поляки хотятъ мириться, то Нѣмцы отвѣчали:» «Литва вамъ зло мыслитъ, мириться вамъ съ нею вотъ чѣмъ» (указывая на самопалъ). Когда узнали обо всемъ этомъ въ Москвѣ, то посламъ отправили грамоту: «Вы бы цесареву послу сами ни о чемъ говорить не посылали, и на съѣздѣ сами ничего не говорили, и ни въ чемъ на него не ссылались и не полагались, въ третьи его не призывали. А если станетъ самъ говорить, то вы бы съ нимъ говорили, во всемъ отъ него остерегаясь и ни въ чемъ ему не вѣря.» Послѣ этого Ганделіусъ прислалъ сказать Воротынскому, что хочетъ съ нимъ видѣться; послы приняли его у себя въ острогѣ и улаживали съ нимъ, какъ съѣзжаться съ Польскими послами опять. Но когда они дали знать объ этомъ въ Москву, то получили такую грамоту: «Мы тому подивились, какими обычаями вы такъ дѣлаете? сами вы къ намъ писали, что цесаревъ посолъ доброхотастъ королю, да и по всему, по пріѣзду его и по листамъ, которые онъ писалъ къ боярамъ и къ вамъ, и по разговору, что онъ съ вами говорилъ, явно, что онъ доброхотаетъ королю; а вы его пустили въ

острогъ и все ему показали и писать ему велѣли. Ясно, что онъ писалъ не все о томъ только, какъ вамъ съ Польскими послами съѣзжаться, а писалъ, что высмотрѣлъ и примѣтилъ въ острогѣ. И вы бы впередъ цесарева посла въ острогъ не пускали, о съѣздѣ его не задирали и ни о чемъ не задирали, къ его словамъ говорили бы, смотря по дѣлу, а не жестоко, гладко, чтобъ его не ожесточить.»

На третьемъ съѣздѣ Янъ Гридичь опять говорилъ рѣчь по тетради мало не до самаго вечера; вся рѣчь писана много и пространно о преступленіи крестнаго цѣлованья, писано изъ Польскихъ и Литовскихъ хроникъ, приложено многими притчами и философскими науками; все говорилось въ оправданіе короля и пановъ во всемъ и приводилось нато, чтобъ королевича взять на государство. Между прочимъ Гридичь читалъ: «Часто вы говорите о Ѳедорѣ Андроновѣ, что человѣку гостиной сотни непригоже было казеннымъ урядникомъ быть: но это случилось по утвержденію вашихъ же большихъ людей, что и при прежнихъ государяхъ такіе у такихъ дѣлъ бывали. Да и теперь у васъ не лучше Андронова Кузьма Мининъ, мясникъ изъ Нижняго Новгорода, казначей и большой правитель, всѣми вами владѣетъ, и другіе такіе же многіе по приказамъ у дѣлъ сидятъ.» «И мы, доносятъ послы, тѣхъ ихъ рѣчей слушать не хотѣли, говорили противъ твоего государева наказа съ бранью и съ шумомъ, что того намъ не слушать, да и имъ о томъ говорить непригоже, восхищая судъ Божій на себя: то дало минущее. И Литовскіе послы говорили съ шумомъ: мы вашихъ рѣчей у всѣхъ васъ слушали порознь, а вы только не станете нашихъ рѣчей слушать, то намъ съѣзжаться нечего; какъ выслушаете наши рѣчи, тогда и будете говорить. Когда Литовскіе послы стали съ нами разъѣзжаться и давать намъ свои рѣчи на письмѣ, то мы этихъ рѣчей у нихъ не взяли, потому что въ нихъ писаны многія непригожія слова про тебя, великаго государя, все для того, чтобъ привесть королевича къ Московскому государству. Стоявши съ ними за твое государево имя накрѣпко и отказавъ имъ, что впередъ отъ

нихъ о королевичѣ и слушать не хотимъ, разъѣхались». Государь отвѣчалъ посламъ: «Вы то сдѣлали хорошо, что за наше царское имя стояли и письменныхъ у нихъ рѣчей не взяли. И выбъ дѣлали, какъ васъ Богъ вразумить, по ихъ рѣчамъ».

1-го Декабря былъ четвертый съѣздъ. Московскіе послы письменно отвѣчали на рѣчи Польскихъ пословъ, которыя были читаны на третьемъ съѣздѣ. Бискупъ оправдывалъ во всемъ Гонсѣвскаго, говорилъ, что Гонсѣвскій панъ радный и человѣкъ честный, и потому про него говорить такихъ рѣчей не надобно. «И мы, доноситъ Воротынскій государю, говорили, что знали мы Александра Гонсѣвскаго тогда, когда онъ въ Москвѣ со Львомъ Сапѣгою былъ въ подъячихъ, а теперь онъ у государя вашего честь выслужилъ бездушествомъ и Московскимъ раззореньемъ, а только бы не то, и онъ по прежнему былъ бы въ подъячихъ. Александръ Гонсѣвскій говорилъ на это сердитыя и укорительныя не пригожія рѣчи про тебя, великаго государя, будто выбирали тебя одни козаки, а Христофъ Радзивилъ говорилъ, что цѣловали крестъ королевичу всѣ, и нынѣ онъ королевичь на Московское государство готовъ, и только его на государство не возьмутъ, то они за его позоръ готовы всѣ головы свои положить сейчасъ. И мы противъ тѣхъ ихъ рѣчей говорили съ ними въ брань, что никакихъ рѣчей слушать про то не хотимъ. Александръ Гонсѣвскій ставилъ то себѣ въ оправданье и въ похвалу, что онъ, будучи въ Московскомъ государствѣ, царскую казну бралъ и къ королю и къ королевичу посылалъ, потому: какъ всякіе люди королевичу крестъ цѣловали, тогда вы всѣ и казна была его, какъ хотѣлъ, такъ и владѣлъ; а когда Московскіе люди начали королевичу измѣнять, то онъ Гонсѣвскій противъ нихъ стоялъ, этимъ королю своему честь сдѣлалъ, а себѣ похвалу. А Филаретъ Никитичь будто бы еще съ Москвы не поѣхавъ, договаривался съ патріархомъ Гермогеномъ, чтобъ быть на Московскомъ государствѣ тебѣ, великому государю, а князь Василій Васильевичь Голицынъ будто бы хотѣлъ государствовать самъ. Стояли всѣ Польскіе послы

за Гонсѣвскаго: мало задорьне стался, да и разъѣхались; а на разъѣздѣ Гонсѣвскій говорилъ съ угрозами: «Либо изъ своего горла кровь источу, либо, пришедъ подъ Москву, столицу вашу подпалю!» Мы ему говорили: «По милости Божіей поспѣешь туда же, гдѣ и совѣтникъ твой Ѳедька Андроновъ».

Между тѣмъ въ Москву доносили, что Польша находится въ затруднительномъ положеніи: Турки напали на нее, шляхта сердится на короля за дѣла Московскія, не хочетъ ему помогать. На основаніи этихъ слуховъ царь писалъ посламъ: «Если послы станутъ съ вами говорить шумно и сердито, то и вы бы съ ними говорили, смотря по ихъ рѣчамъ, смѣло же и сердито, смотря по тамошнему дѣлу; а если Литовскіе послы станутъ съ вами говорить пословно, то и вы бы также говорили съ ними гладко и пословно.» Наконецъ Гanделіусъ вступился въ дѣло. Оправдывая себя въ неосторожномъ обращеніи съ нимъ, послы писали царю: «Мы на то его привели, что онъ твое, великаго государя, имя почиталъ и противъ твоего имени вставалъ и шапку снималъ, и потому чаяли отъ него всякаго добра; а пока онъ въ острогѣ у насъ былъ, то у насъ въ тѣ поры было урядно, а видѣть ему въ острогѣ было ничего нельзя, ѣхалъ онъ въ саняхъ, а по обѣ стороны стояли стрѣльцы, и ему черезъ людей видѣть ничего нельзя.» Послѣ этого Воротынскій съѣхался опять съ Гanделіусомъ, который началъ тѣмъ, что императоръ велитъ ему ѣхать назадъ, спрашивалъ, зачѣмъ Московскіе послы съ Литовскими не съѣзжаются? Воротынскій отвѣчалъ, что вина на сторонѣ Литовскихъ пословъ, которые толкуютъ все о королевичѣ; во всѣхъ государствахъ ведется, что избираютъ на царскую степень государей для пожитку, для обороны и защиты, а у насъ при королевичѣ конечное раззоренье учинилось. Гanделіусъ: За такими рѣчами никакому покою не бывать: Литовскимъ посламъ за королевича своего стоять; но если вы перестанете государя своего называть, то и Литовскіе послы о королевичѣ говорить перестанутъ. Воротынскій: Намъ того и помыслить нельзя; только Литовскіе послы впередъ о королевичѣ говорить

не перестанутъ, то намъ съ ними никакого добра не дѣлывать. Гапделіусъ: Можно сдѣлать такъ: оставить съ обѣихъ сторонъ государскія имена и мириться землѣ съ землею. Воротынскій: Такъ дѣлается въ безгосударное время, а намъ Богъ далъ государя, у насъ земля не своевольная, безъ государева повелѣнья ничего не дѣлаемъ. Гапделіусъ: Цѣловали вы крестъ королевичу, а теперь его государемъ принять не хотите, и вамъ чѣмъ его успокоить и на чемъ ему прожить? Воротынскій: У насъ про то давно отказано, впередъ о томъ говорить и слушать не хотимъ, и въ Московскомъ государствѣ ему нигдѣ мѣста нѣтъ: и такъ отъ его имени Московское государство раззорилось. Гапделіусъ: Слышалъ я у Литовскихъ пословъ, что они о королевичѣ впередъ говорить не станутъ, а хотятъ говорить о томъ, какъ бы успокоить государства и чѣмъ бы надѣлить королевича за то, что онъ отъ государства Московскаго отступится. Воротынскій: Королевичу отказано и надѣлу ему у насъ никакого нѣтъ; паны говорятъ черезъ судъ Божій: Богъ того не похотѣлъ, что ему нами владѣть и государемъ быть, а намъ черезъ волю Божію какъ то дѣлать? И за то ли его надѣлять, что онъ Московское государство раззорилъ и выжегъ и кровь христіанскую многую пролилъ? Великому государю Михаилу Ѳедоровичу Московское государство поручилъ Богъ отъ прародителей; ему за то дару никому не давать, и черезъ волю Божію того ни у кого не выкупать, царство даръ Божій.» — Послѣ этого Ганделіусъ опять говорилъ, чтобъ мириться землѣ съ землею; не именуя государей; послы отказали по прежнему; Ганделіусъ продолжалъ: «у государя вашего съ королемъ войны не будетъ потому что король въ Литвѣ безъ пановъ радъ и безъ всѣхъ сеймовыхъ становъ ничего не сдѣлаетъ.» Послы отвѣчали: «у насъ въ Московскомъ государствѣ того искони не повелось, чтобъ безъ государскаго указа земля что сдѣлала; изначала ведется, что владѣетъ всѣмъ государствомъ одинъ государь, а бояре и вся земля безъ царскаго повелѣнья не могутъ ничего сдѣлать.»

Пятый съѣздъ Московскихъ пословъ съ Литовскими 26 Декабря начался опять шумно: поднялась брань за то, что во время переговоровъ съ обѣихъ сторонъ продолжается война: «за то у насъ съ ними, доноситъ Воротынскій, была брань большая, съ обѣихъ сторонъ принимались за сабли, Александръ Гонсѣвскій грозилъ боемъ, а цесаревъ посолъ насъ съ ними разнималъ». Когда поуспокоились, Литовскіе послы предложили мириться землѣ съ землею, о королевичѣ же у нихъ отъ пановъ радъ и отъ всей посполитой рѣчи науки никакой нѣтъ, что имъ у него Московскій титулъ отставить, объ этомъ пусть бояре пошлютъ изъ Москвы пословъ на сеймъ, чтобъ королевичь Московскій титулъ съ себя сложилъ: этимъ бояре окажутъ ему почесть. Воротынскій отвѣчалъ на это прежнее; тогда Литовскіе послы объявили, что иначе они не заключатъ ничего и окончатъ переговоры, потому что должны ѣхать на сеймъ. Тѣмъ съѣздъ и кончился. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то послали Воротынскому послѣднюю мѣру: заключить перемиріе съ уступкою всего, что за Литвою, и чтобъ Владиславъ обязался въ перемирные годы Московскаго государства не доступать никакими мѣрами и умыслами.

Между тѣмъ шла переписка между боярами и Польскими панами радными, также между боярами и послами, находившимися подъ Смоленскомъ. Бояре писали къ панамъ радныбмъ, жалуясь на Литовскихъ пословъ и, между прочимъ писали слѣдующее: «Вы бы не смотрѣли на тѣхъ, которые всякое злое дѣло и ссору между государствами дѣлали для своей корысти, а отцы ихъ и дѣды въ такой чести не бывали и никакихъ добрыхъ дѣлъ между государствами не дѣлывали.» Бояре намекали здѣсь на Гонсѣвскаго. Послы, узнавши объ этой грамотѣ, оскорбились и послали въ Москву къ боярамъ отъ себя грамоту, въ которой жаловались на поведеніе Московскихъ пословъ и объявляли, какъ они согласны помириться: перемирье должно быть заключено между государствами, а не государями, съ условіемъ, чтобъ рѣчи посполитой былъ уступленъ Смоленскъ со всѣми городами и волостями, которые приписаны къ нему въ докон-

чальныхъ записяхъ. Что же касается до намековъ боярскихъ на Гонсѣвскаго, то послы отвѣчали: «Удивляемся мы очень словамъ вашимъ, что вы такъ грубо, укорительно и не пригоже пишете: между нами въ посольствѣ все люди отецкіе, честные, старожилыхъ знатныхъ родовъ; да и не ведется этого въ народѣ нашемъ, чтобъ въ такихъ великихъ дѣлахъ припускать людей недостойныхъ, какъ, по грѣхамъ, у васъ теперь на Москвѣ повелось, что люди простые мужики, поповскіе дѣти и мясники негодные мимо многихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ не по пригожу къ великимъ государственнымъ и земскимъ и посольскимъ дѣламъ припускаются. И вамъ бы, братьѣ нашей, самимъ поостеречься, и такимъ недостойнымъ мужикамъ не давать воли, которые воровствомъ научились жить, и злостью и упрямствомъ своимъ васъ, великихъ честныхъ людей, заводятъ на кровь людскую стоять. Если вы упрямствомъ будете стоять, то и мы всѣмъ государствомъ начнемъ крѣпко стоять; король и королевичь, сославшись съ великими государями, передъ послами ихъ произведутъ судъ надъ Филаретомъ митрополитомъ, и, уличивши его листами патріарховыми, живымъ Шеинымъ и другими многими свидѣтельствами, людьми и грамотами, что онъ всему Московскому государству и прирожденному истинному государю своему Владиславу неправду и измѣну явную учинилъ, и подъ нимъ сыну своему Михаилу государства Московскаго неправдою подъискивалъ, по тѣмъ его дѣламъ надъ нимъ и покончатъ, а противъ сына его съ войскомъ къ столицѣ королевичь Владиславъ, поспѣшить.» — Бояре отвѣчали имъ: «Еслибы митрополитъ Филаретъ государства сыну своему подъискивалъ, то въ то время, какъ мы бояре съ гетманомъ Жолкѣвскимъ договаривались, онъ бы дѣло портилъ и на то не произволилъ; потому что онъ былъ тогда въ Москвѣ самою большою властью подъ патріархомъ, а братья его и племянники бояре большіе же; и въ послахъ къ государю вашему онъ не пошелъ и сына своего въ Москвѣ съ вашими людьми не оставилъ. А какъ великій государь нашъ Михаилъ Ѳедоровичь сидѣлъ въ Москвѣ у вашихъ людей въ плѣну, и

если бы действительно такъ было, какъ вы теперь па митрополита Филарета пишете, то вы бы ему, великому государю смолчали ли? на кого вы не по правдѣ думали, тѣхъ за приставовъ давали и пытали, а иныхъ и смертью казнили. Ты, Александръ Гонсѣвскій, всѣмъ намъ боярамъ говорилъ, что Московскаго государства ищетъ Прокофій Ляпуновъ; потомъ паны—рада писали къ намъ, что ищетъ князь Василій Васильевичь Голицынъ въ совѣтѣ съ митрополитомъ Филаретомъ, а теперь пишете, что митрополитъ искалъ государства сыну своему! И вы сами себя своимъ письмомъ обличаете, сами не знаете, какое лукавство на кого взвести. Пишете, что у насъ недостойные люди къ великимъ дѣламъ припускаются: но у великаго государя въ думѣ и во всякихъ чинахъ и приказахъ отецкіе дѣти, кто чего достоинъ по своему отечеству, разуму и службѣ. А государь вашъ и его сынъ черезъ крестное цѣлованіе прислали па Москву въ казначеи кожевника дѣтину Ѳедьку Андронова, въ думные дьяки овчинника Степанку Соловецкаго, да ключника Баженка, да суконника Кирилку Скоробовицкаго, Ваську Юрьева поповича. И вамъ, братьѣ нашей, надобно о томъ писать разсудивъ.»

На шестомъ съѣздѣ, когда Литовскіе послы услыхали отъ Московскихъ, что тѣ безъ государева именованья никакихъ дѣлъ не будутъ дѣлать, то разъѣхались съ бранью и съ шумомъ, отказали, что впередъ съѣзжаться не будутъ и ѣдутъ въ Польшу. Въ Москвѣ испугались и отписали Воротынскому: «вы бы теперь съ Литовскими послами на съѣздахъ говорили гладко и пословно, а не все сердито, чтобъ вамъ съ ними никакъ не разорвать.» Литовскіе послы объявили чрезъ Ганделіуса, что до тѣхъ поръ не поѣдутъ на съѣздъ, пока Московскіе не объявятъ, что согласны па перемиріе «государства съ государствомъ.» Воротынскій далъ знать объ этомъ въ Москву и получилъ оттуда позволеніе согласиться на такое перемиріе: «Сперва, писалъ царь, говорили бы вы о дѣлахъ; а какъ наше имя писать, о томъ бы вы съ ними въ началѣ не говорили, чтобъ ихъ больше въ дѣло втянуть; и какъ уже о всякихъ

дѣлахъ съ ними договоритесь, и дойдетъ до записей и утвержденья, то вы бы тогда о нашемъ и королевскомъ имени съ ними говорили, а съѣздамъ сроки откладывали бы вы подолѣе, чтобъ съ Литовскими послами попроволочить до тѣхъ поръ, пока послы наши съ Шведскими послами совершатъ и закрѣпятъ.» Послѣ этого Московскіе послы нѣсколько разъ съѣзжались съ Ганделіусомъ, который требовалъ, чтобъ они сказали ему послѣднюю мѣру; но они настаивали, чтобъ былъ съѣздъ съ самими Литовскими послами, съ которыми они и станутъ толковать. Наконецъ Ганделіусъ сказалъ, чтобъ послы объявили ему послѣдній отказъ, а больше уже онъ на съѣздъ не будетъ, поѣдетъ къ государю своему, и всѣ неправды и безчестье, оказанное ими, послами цесарскому маестату и ему самому, что они его задерживали и тѣмъ его безчестили, все государю своему разскажетъ, а государь его за свое безчестье самъ станетъ; Литовскіе же послы передъ Московскими во всемъ правы, сдѣлали его посла у себя третьимъ и хотятъ черезъ него узнать отъ Московскихъ пословъ, какъ они согласны мириться, а тѣ ему ничего не объявляютъ. Воротынскій отвѣчалъ, что они переговаривать о мирѣ готовы; тогда Ганделіусъ сказалъ: «теперь бы говорить о томъ, какъ королевича въ записяхъ закрѣплять, чтобъ право его по гетманскому договору и крестное цѣлованье не нарушено было; до перемирныхъ лѣтъ короля и королевича они закрѣпятъ, что имъ войны не начинать, а послѣ перемирныхъ лѣтъ право королевича въ цѣлѣ и ненарушимо было бы; да Сѣверскихъ бы городовъ всѣхъ поступиться въ Польскую сторону, да къ Смоленску городовъ Смоленскаго княжества—Бѣлыя, Дорогобужа, Торопца со всѣми уѣздами, какъ замирено было между королемъ Казимиромъ и великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ; заплатить деньги Польскому войску, и на этихъ условіяхъ заключить перемиріе на полтора года. Воротынскій отвѣчалъ: «мы согласились заключить миръ между землями, а теперь ты говоришь, что Литовскіе послы хотятъ писать о ненарушеніи гетманскаго договора? Это опять они начинаютъ

новое безмѣрье.» Ганделіусъ уѣхалъ съ сердцемъ. Получивъ объ этомъ донесеніе, царь отправилъ посламъ своимъ образцовыя грамоты, какъ заключить перемиріе: «Божіею милостію великаго государя (слѣдуетъ титулъ) бояръ и всѣхъ думныхъ людей и всего великаго Россійскаго царствія великіе послы (имена) съѣзжались съ такими-то послами и говорили» (слѣдуютъ обвиненія Полякамъ), потомъ: «учинили мы между великаго государя Михаила Ѳедоровича великими Россійскими государствами и между великими же государствами — короною Польскою и великимъ княжествомъ Литовскимъ перемирье.» Понятно, что Польскіе послы никакъ не могли согласиться на такую форму, ибо имъ прежде всего нужно было, чтобъ имени новаго царя московскаго не упоминалось. Воротынскій прислалъ въ Москву за разрѣшеніемъ еще новаго затрудненія: Гонсѣвскій говорилъ, что Михаилъ Ѳедоровичь королевичу Владиславу крестъ цѣловалъ, и они послы сказали, что не цѣловалъ? Царь отвѣчалъ: «Вы Гонсѣвскому отказали не подумавши: и такъ литовскіе послы пишутъ, будто великій господинъ отецъ нашъ Московскаго государства намъ подъискивалъ и домогался; а только о томъ объявить, что насъ Богъ соблюлъ, креста королевичу не цѣловали, то Литовскіе послы за то и больше начнутъ стоять и себя оправдывать, а на отца нашего станутъ взводить, что онъ намъ государства подъискивалъ и отъ того насъ соблюлъ, что мы королевичу креста не цѣловали; и вамъ бы на съѣздѣ посламъ говорить, что мы королевичу крестъ цѣловали, и то дѣлалось судьбами Божіими.»

28 Генваря былъ послѣдній съѣздъ. Пріѣхали Литовскіе послы, не всѣ только, и Ганделіусъ, требовали перемирія на условіяхъ, уже предложенныхъ послѣднимъ. Московскіе послы не согласились и объявили, что о Смоленскѣ обошлются съ государемъ. Съѣздъ кончился. Когда Воротынскій дѣйствительно послалъ въ Москву спросить на счетъ Смоленска, то получилъ такой отвѣтъ: «Вы это сдѣлали слабостію, некрѣпко, объявили про Смоленскъ на обсылку, не дождавшись у нихъ у

самихъ большихъ уступокъ и ворочали ихъ сами дважды, какъ бы добивая челомъ. Вы бы за Смоленскъ стояли накрѣпко, и о съѣздѣ сами Литовскихъ пословъ не задирали, а ждали присылки отъ нихъ.» Но въ Москвѣ сильно ошибались. Пріѣхалъ къ посламъ Ганделіусъ проститься, при чемъ извинялся: «не подосадуйте, что на съѣздѣ говорилъ я съ вами не пословно, съ сердцемъ; мнѣ и самому отъ Литовскихъ пословъ было великое безчестье; вашу правду и сходство къ доброму дѣлу, а Литовскихъ пословъ упрямство я разскажу государю своему.» Потомъ Ганделіусъ далъ знать что Литовскіе послы стоятъ на прежнихъ условіяхъ и уѣзжаютъ; Воротынскій, вопреки наказу, послалъ требовать съѣзда, но ему отвѣчали, что Литовскіе послы уже уѣхали.

Въ Москвѣ приписывали поруху доброму дѣлу дьяку Петру Третьякову, который медлилъ отсылкою указовъ царскихъ къ посламъ подъ Смоленскъ. Но во всякомъ случаѣ трудно предположить, чтобъ перемиріе могло состояться при тогдашнихъ условіяхъ: Поляки требовали слишкомъ многаго, потому что предшествовавшія событія возбудили слишкомъ большія надежды; а Москва не была еще въ такомъ положеніи, чтобъ могла согласиться на все для краткаго и ничего не обезпечивавшаго перемирія [5]. Ганделіусъ не могъ ничего тутъ сдѣлать, да и не хотѣлъ, какъ видно. Вообще сношенія съ Австрійскимъ дворомъ при царѣ Михаилѣ не имѣли прежняго дружественнаго характера; Австрійскій дворъ счелъ нужнымъ перемѣнить тонъ въ сношеніяхъ съ государствомъ, которое уже не могло болѣе присылать богатыхъ мѣховъ въ Вѣну; притомъ здѣсь не были убѣждены, что новый царь можетъ утвердиться на престолѣ послѣ такихъ смутъ, и потому не хотѣли смотрѣть на него какъ смотрѣли на его предшественниковъ.

Еще въ Іюнѣ 1613 года государь велѣлъ дворянину Степану Ушакову, да дьяку Семену Заборовскому идти къ Матьяшу (Матѳею) цесарю Римскому въ посланникахъ. Путь былъ дальній: въ слѣдствіе войны съ Литвою и Швеціею послы должны были ѣхать черезъ Архангельскъ. Посланники полу-

чили наказъ: говорить, чтобъ Матьяшъ цесарь, вѣдая братскую любовь и дружбу предковъ своихъ съ предками великаго государя, былъ съ нимъ въ братской любви, дружбѣ и ссылкѣ, и прежде всего любовь свою показалъ, послалъ бы къ Польскому королю отъ себя посла или посланника нарочно, въ его неправдахъ его пообличить и выговорить, чтобъ онъ передъ великимъ государемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и передъ Россійскими государствами въ своихъ неправдахъ исправился, крови христіанской не разливалъ, и учинилъ бы миръ и покой, чтобъ враги креста Христова Турки и иные государи мусульманскаго закона христіанской розни не радовались.—Если цесаревы думные люди спросятъ о лѣтахъ государя, то отвѣчать: лѣтъ государю нашему 18, только Богъ украсилъ его царское величество дородствомъ, образомъ, храбростію, разумомъ, счастьемъ, ко всѣмъ людямъ онъ милостивъ и благонравенъ, всѣмъ Богъ украсилъ его надъ всѣми людьми всѣми благами, правами и дѣлами. Наконецъ посланникамъ было наказано: «какъ они будутъ у цесаревыхъ думныхъ людей и тѣ станутъ говорить: въ прошломъ 1612 году былъ цесарскій подданный Юсуфъ Григорьевъ вмѣстѣ съ Шаховымъ посланникомъ въ Ярославлѣ на отпускѣ у князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, и говорилъ князю: если захотятъ на Московское государство цесарева брата Максимиліана, то цесарь брата своего имъ дастъ и съ Польскимъ королемъ помиритъ вѣчнымъ миромъ.» Князь Дмитрій отвѣчалъ: «если цесарь брата своего на Московское государство дастъ, то они цесарю много челомъ бьютъ и брата его примутъ съ великою радостью. Юсуфъ, пріѣхавши, цесарю объ этомъ сказалъ; цесарь обрадовался и далъ знать объ этомъ брату свному Максимиліану, но тотъ отписалъ, что онъ на старости лѣтъ хочетъ быть въ покоѣ, молиться Богу; тогда цесарь приказалъ съ Юсуфомъ къ князю Дмитрію, что есть у него двоюродный братъ Пиліушъ, и если его на Московское государство захотятъ, то онъ его дастъ; и для этого дѣла цесарь послалъ въ Московское государство посла своего, великаго ближняго человѣка, именемъ Размысла,

а къ Польскому королю послалъ Грота: такъ съ ними, Ушаковымъ и Заборовскимъ, есть ли теперь какой нибудь объ этомъ приказъ?—отвѣчать: намъ извѣстно, что цесаревъ посланникъ Юсуфъ Григорьевъ въ Московское государство пришелъ и у бояръ былъ, но о томъ, что князь Дмитрій Пожарскій приказывалъ къ цесарю о братѣ его, мы ничего не слыхали, да и въ мысли у бояръ, воеводъ и всякихъ Русскихъ людей небывало, чтобъ изъ иныхъ государствъ не греческой вѣры государя выбирать; развѣ о томъ приказывалъ съ Юсуфомъ князь Дмитрій Пожарскій безъ совѣту всей земли Московскаго государства, или Юсуфъ, или переводчикъ Еремѣй сами собою затѣяли, хотя у цесарскаго величества жалованье какое-нибудь выманить. Вамъ думнымъ людямъ можно самимъ разумѣть, что и не такое великое дѣло безъ совѣта всей земли не дѣлается; вамъ о томъ и говорить не пригоже, и пословъ государю вашему за этимъ посылать не для чего: это дѣло нестаточное и между государями нелюбовное.»

Посланники привезли въ Москву грамоту отъ императора; но въ этой грамотѣ не упоминалось о царѣ Михаилѣ, говорилось только, что императоръ принялъ къ сердцу печальное положеніе Московскаго государства и надѣется, что король польскій на его волю положится, миръ учинитъ. Призвали посланниковъ къ допросу: какимъ образомъ случилось, что отъ цесаря грамота не къ государю и государева имени въ ней не написано? Ушаковъ и Заборовскій отвѣчали, что принялъ ихъ цесарь и о государевомъ здоровьѣ спрашивалъ любительно; думные люди во всемъ говорили имъ съ царскимъ именованьемъ и царское имя во всемъ почитали; на отпускѣ цесарь приказалъ государю поклонъ любительно же, сказалъ, что восшествію на престолъ государя обрадовался и хочетъ быть съ великимъ государемъ въ братствѣ, любви и ссылкѣ и посла своего къ государю шлетъ. Они, посланники тому повѣрили и тотъ листъ взяли за грамоту, а подписи на немъ прочесть не велѣли безъ хитрости, повѣря тому, что цесарь ихъ принялъ отъ государя и отпустилъ къ государю. Спросили толмача

тотъ сказалъ, что дѣйствительно въ рѣчахъ отъ цесаря царское имя говорили ко многимъ статьямъ, и почесть посланникамъ отъ цесаря и отъ думныхъ людей была, только государя называли царемъ и великимъ княземъ, а Михаиломъ Ѳедоровичемъ не называли; цесарь къ государеву имени немного только приклонялся и шляпу снималъ, приказывалъ къ государю челобитье сидя же, а посланники ему объ этомъ ничего не говорили, Листъ, что привезли посланники къ государю и подпись на немъ онъ толмачь посланникамъ переводилъ, и сказывалъ, что государева имени нигдѣ нѣтъ; а когда были въ Голландіи, и получили грамоты отъ Голландскаго князя и Штатовъ съ полнымъ царскимъ именованьемъ, то онъ толмачь указывалъ посланникамъ на эту разницу между цесарскою и Голландскою грамотами, но они отвѣчали ему: «уже это дѣло сдѣлано.» Призвали опять посланниковъ къ допросу; они отвѣчали: «что цесарь на посольствѣ и на отпускѣ не всталъ и имени государева не именовалъ и они о томъ цесарю и его думнымъ людямъ не говорили:—то они учинили спроста безъ хитрости, потому что имъ не заобычай, думали, что у нихъ въ государственныхъ поведеньяхъ и въ посольскихъ обычаяхъ такъ издавна ведется. И которая будетъ безхитростная вина ихъ предъ государемъ взыскалась, и въ тѣхъ ихъ безхитростныхъ винахъ воленъ Богъ да государь: учинили они то простотою, а не измѣною и не умышленьемъ. А что они взяли у цесаря вмѣсто грамоты отвѣтъ, писанный на ихъ рѣчи безъ царскаго именованья: того они себѣ въ толкъ не взяли, что не только грамоты, и отвѣту безъ царскаго именованья не бываетъ, и надѣялись они на то, что имъ противъ ихъ посольства и противъ рѣчей заодно грамота и отвѣтъ учинены, потому что имъ не заобычай: въ посольствахъ прежде никогда не бывали; и то они учинили безъ хитрости жъ, хотѣли лучшаго, да по грѣхамъ, ихъ простотою учинилось безхитростно; и въ томъ они виноваты жъ, что вчера запирались, будто подписи прочитать переводчику не давали: подпись имъ переводчикъ читалъ и списокъ переводилъ, и имъ то вѣдомо, толь-

ко положили то запросто, а цесарь ужь изъ Лница поѣхалъ, если бы и послать, то безъ цесаря ничего сдѣлать было нельзя. И въ тѣхъ ихъ винахъ воленъ Богъ да государь, а имъ своихъ безхитростныхъ винъ утаить и покрыть нечѣмъ.» Бояре говорили дьяку Заборовскому: «Степанъ (Ушаковъ) человѣкъ служилый; а ты сидѣлъ въ посольскомъ приказѣ и въ разрядѣ въ подъячихъ, тебѣ это дѣло за обычай. И какъ вы смѣли такъ сдѣлать? хотя бы вы смерть свою тамъ видѣли, а такого отвѣта безъ государскаго имени не должны были брать.» Призванъ былъ къ допросу опять толмачь и показалъ, что у посланниковъ ни какихъ тайныхъ сношеній съ цесаревыми людьми и непригожихъ рѣчей про государя не было; но посланники и люди ихъ вели себя дурно: шла мимо Степанова двора дѣвка, и Степановы люди эту дѣвку ухватили и повалили, за что у нихъ съ Нѣмцами была драка; да Степановъ же человѣкъ на томъ дворѣ, гдѣ стоялъ, хотѣлъ у дворника жену обезчестить, и дворникъ за нимъ гонялся съ протазаномъ, хотѣлъ его убить, а Степанъ, зная воровство людей своихъ, отъ того ихъ не унималъ, Степановы же люди пьяные чуть пожара не сдѣлали; онъ, толмачь ихъ унималъ, говорилъ, чтобъ они, будучи въ чужой землѣ, такого безчестья не дѣлали, а они его за это били. Сами Ушаковъ и Заборовскій пили и между собою бранились. Въ Гамбургѣ человѣкъ Ушакова безчестилъ дочь Англійскаго воеводы, въ Голландской землѣ хватался руками за дочь казначея, въ домѣ котораго стояли посланники; да и во многихъ мѣстахъ Степанъ и Семенъ пировали, пили и многія простыя слова говорили, которыя въ тамошнихъ земляхъ государеву имени къ чести не пристойны. Сперва цесарь хотѣлъ дать посланникамъ цѣпи съ своими парсунами (портретами), но потомъ велѣлъ портреты снять, сказавши: «слышалъ я про нихъ, что они люди простые, неученые, ничего добраго, кромѣ дурости, не дѣлаютъ; прежніе послы и посланники, которые прихаживали отъ Московскихъ государей, такъ непригоже не дѣлывали, и такимъ бездѣльникамъ собакамъ парсуны моей давать непригоже.»

Чтобъ поправить дѣло, въ Августѣ 1614 года, отправленъ былъ къ императору наскоро гонецъ, переводчикъ Иванъ Ѳоминъ съ грамотою, въ которой говорилось, что посланники Ушаковъ и Заборовскій привезли листъ съ отвѣтомъ посланникамъ, невѣдомо чьимъ и невѣдомо кому именемъ; а передъ приходомъ посланниковъ Ушакова и Заборовскаго, писалъ императорскій гонецъ Сингель, что онъ идетъ передъ цесаревымъ посломъ, который отправленъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всякимъ людямъ: «и мы, великій государь (продолжаетъ грамота), тому удивляемся, какимъ это образомъ у васъ, брата нашего, дѣлается не по прежнему обычаю? Прежде кромѣ братства и любительной ссылки, недружбы никакой не бывало, государь государю честь по достоинству воздавали, и одинъ другаго выславляли и межъ себя дружбы и любви на обѣ стороны искали. Мы на посланниковъ нашихъ за то, что они нашей царской чести не остерегали, опалу свою положили и велѣли имъ казнь учинить.» Когда Ѳоминъ правилъ поклонъ императору отъ государя, то императоръ, сидя на мѣстѣ, тронулъ у себя на головѣ шляпы немного и противъ царскаго именованья не всталъ. Ѳоминъ замѣтилъ, что этимъ цесарь показываетъ брату своему нелюбье; канцлеръ отвѣчалъ, что цесарь не помнитъ, когда прежде цесари Римскіе противъ именованья царей Россійскихъ вставали; Ѳоминъ, въ свою очередь, отходя отъ цесаря, поклонился ему по среднему, не низко. Цесарь обидѣлся поведеніемъ гонца, прислалъ къ нему думныхъ секретарей съ выговоромъ и велѣлъ приставить къ его двору стражу, чтобъ безъ вѣдома думныхъ людей никто къ нему и отъ него не ходилъ. Приставъ Яковъ Бауръ говорилъ гонцу: «когда были здѣсь царскіе посланники Ушаковъ и Заборовскій, то онъ же Яковъ былъ у нихъ въ приставахъ, и они сажали его Якова у себя на мѣстѣ, какъ цесарь сидитъ въ своемъ величествѣ на мѣстѣ, и учились у него кланяться три дня; а когда они были у цесарскаго величества, то кланялись до земли.» Ѳоминъ отвѣчалъ: «посланники дѣлали не гораздо, что великаго государя чести не остерегали, а ему Ѳомину пе-

редъ цесаремъ до земли не кланяться, да и во всей вселенной не ведется, чтобъ посланники и гонцы до земли кланялись, подобаетъ это дѣлать подданнымъ.» Бауръ говорилъ: «теперь цесарское величество увѣрился, что великій государь вашъ на Московскомъ государствѣ утвердился, а до пріѣзда его, Ѳомина вѣсти у нихъ были, что великій государь на Московскомъ государствѣ не утвердился и Московскіе люди еще не въ соединеніи.» Послѣ этого стражу сняли; но приставъ опять началъ выговаривать гонцу, какъ онъ осмѣлился сказать императору, чтобъ онъ всталъ при царскомъ имени; «ты цесарское величество этимъ обезчестилъ, и цесарь хочетъ писать объ этомъ ко всѣмъ государямъ и курфюрстамъ, что̀ они приговорятъ. Слыхали они, что при царѣ Иванѣ Васильевичѣ былъ посолъ, и вошелъ онъ въ палату къ царю не снявши шапки, такъ царь Иванъ тутъ же велѣлъ шапку прибить гвоздемъ къ головѣ; да если бы и при цесарѣ Рудольфѣ такіе ты рѣчи сказалъ, велѣлъ бы ему противъ царскаго имени встать, то онъ бы велѣлъ тебя тутъ же изъ окна выбросить или на алебардахъ поднять.» Ѳоминъ отвѣчалъ: «что я говорилъ, то говорилъ по царскому приказу; а при царѣ Иванѣ Васильевичѣ ничего такого небывало, что ты говоришь; и нашему великому государю есть что писать ко всѣмъ государямъ о цесарскомъ нелюбьѣ; и у великихъ государей христіанскихъ не ведется, чтобъ надъ посланниками или гонцами что дѣлать.» Твердость гонца произвела свое дѣйствіе: по поведенію Ушакова и Заборовскаго судили о слабости государя, ихъ приславшаго, по отвѣтамъ Ѳомина начали судить иначе и, по австрійской привычкѣ (tu, felix Austria, nube), задали вопросъ гонцу: «Не изволитъ ли царское величество у цесаря жениться?» Ѳоминъ отвѣчалъ, что царская мысль въ Божьей рукѣ; кромѣ Бога кому то знать?

Болѣе полутора года прожилъ Ѳоминъ въ Вѣнѣ, невѣдомо для чего, какъ онъ выражался. Ему не давали отпуска, все дожидаясь, чѣмъ кончится у Москвы съ Польшею и Швеціею, утвердится ли Михаилъ на престолѣ? наконецъ дали грамоту,

но не съ полнымъ государевымъ именованьемъ; Ѳоминъ грамоты не взялъ и уѣхалъ. Не дождавшись Ѳомина, государь въ Іюнѣ 1616 года послалъ въ Вѣну извѣстнаго Лукьяна Мяснаго, которому поручено было провѣдывать тайно всякими мѣрами: какъ цесарь съ Польскимъ королемъ? для чего цесарь присылалъ на съѣздъ подъ Смоленскъ своего посла Ганделіуса, для добраго ли дѣла, или доброхотая Польскому королю, и не хочетъ ли цесарь съ королемъ на Московское государство стоять? и что Ганделіусъ цесарю и думнымъ людямъ про съѣзды подъ Смоленскомъ разсказывалъ? Въ грамотѣ своей къ императору, посланной съ Мяснымъ, царь писалъ, что миръ не заключенъ подъ Смоленскомъ по несходительству Польскихъ пословъ и просилъ не помогать королю казною и людьми и своимъ ратнымъ людямъ не велѣть наниматься у Поляковъ. Новаго посланника встрѣтили жалобами на Ѳомина: про свой пріѣздъ онъ прежде не отписалъ, что ѣдетъ отъ царскаго величества; цесарь велѣлъ кардиналу распросить Ѳомина, отъ кого онъ присланъ, отъ царя или отъ земли, и съ какимъ дѣломъ? но Ѳоминъ у кардинала не былъ и сказалъ: присланъ я отъ царскаго величества къ цесарскому величеству, а не къ попу, и не бывъ у цесарскаго величества, къ подданнымъ мнѣ не хаживать.» Потомъ, какъ былъ Ѳоминъ передъ цесаремъ, то говорилъ невѣжливо, будто съ угрозою; а цесарю противъ царскаго имени встать было нельзя, потому что у него ноги очень болѣли; наконецъ грамоты цесаревой Ѳоминъ не взялъ. — Но и Мясной отвѣчалъ то же самое, что теперь цесарскаго величества думные люди начинаютъ новыя причины, чего никогда не бывало да и не ведется нигдѣ: посланникамъ, не бывъ у цесарскаго величества и не исправя своего посольства, напередъ идти къ подданнымъ не пригоже; и если они это начинаютъ сами собою, то они такими новыми небывалыми причинами между великими государями братскую любовь и дружбу нарушаютъ; а если они приказываютъ съ цесарскаго повелѣнья, то цесарь начинаетъ новое, и царскому величеству нелюбье свое показываетъ. Мяснову объявили отъ

имени кардинала Мельхіора Клёзеля: «если ты, посланникъ по цесарскому приказу у меня не будешь, то тебѣ за это цесарскихъ очей не видать, и доброе дѣло между великихъ государей не станется; не съ тѣмъ ли и ты пріѣхалъ, что передъ цесаремъ говорить невѣжливо и насъ безчестить, какъ Иванъ Ѳоминъ?» Лукьянъ уступилъ и поѣхалъ въ кардиналу, который также началъ жалобами на Ѳомина: «Ѳоминъ цесаря во всемъ прогнѣвалъ, говорилъ передъ нимъ невѣжливо и меня безчестилъ; знаемъ мы и сами, что въ Московскомъ государствѣ ближнихъ людей и церковныхъ причетниковъ почитаютъ; а этотъ Иванъ худякъ все дѣлалъ своимъ глупымъ разумомъ, все государево дѣло потерялъ, изъ-за него между двумя великими государями дружба и любовь не сталися. И если вы присланы съ тѣмъ же, то вамъ на удачу у цесарскаго величества не быть, а если цесарское величество и соизволитъ вамъ у себя быть, то чести вамъ отъ него не будетъ.» Потомъ Мяснову объявили, что послѣ представленія цесарю, идти ему къ императрицѣ. Мясной отвѣчалъ: «Государь прислалъ насъ къ цесарскому величеству, а у цесаревы намъ быть не наказано, и что̀ великой государынѣ говорить мы не знаемъ. Прежде послы и посланники у цесаревъ не бывали.» Кардиналъ велѣлъ сказать на это: «прежній цесарь Рудольфъ не былъ женатъ; а теперь цесарь и цесарева, жалуя васъ, велятъ вамъ быть — въ томъ ихъ государская воля.» Кардиналъ прислалъ и титулъ, какъ передъ цесаревою говорить. Назначенъ былъ день представленія; цесарь принялъ посланниковъ стоя, и противъ цесарскаго поклона приподнялъ съ себя шляпу; также и цесарева приняла ихъ стоя. Мясной поднесъ императору рысь и сорокъ соболей, императрицѣ сорокъ соболей, и кардиналу послалъ также сорокъ соболей; кардиналъ, принявши подарокъ, велѣлъ ему сказать, что онъ во всемъ царскому величеству будетъ радѣть. Слѣдствіемъ этого радѣнья былъ отвѣтъ, что у Польскаго короля цесарское величество не ищетъ ничего и на Московское государство королю казною и людьми помогать не хочетъ и ратнымъ людямъ въ своихъ государствахъ нанимать-

ся не велитъ. Цесарскому величеству подлинно извѣстно, что Польскому королю война съ Турками и Шведами, стало ему теперь до себя, а не до Московскаго государства; если же Польскій король съ царскимъ величествомъ мира не учинитъ, то цесарь пошлетъ къ королю посла, чтобъ передъ царскимъ величествомъ въ своихъ неправдахъ исправился. Съ этимъ отвѣтомъ Мясной возвратился въ Москву, гдѣ подвергнулся выговору, зачѣмъ стоялъ въ Прагѣ на одномъ дворѣ съ другими послами, зачѣмъ былъ у кардинала прежде цесаря и т. п. Но государь Лукьяна Мяснаго и товарища его подъячаго Посникова пожаловалъ, опалы на нихъ не положилъ, для того что имъ было не за обычай: Лукьянъ человѣкъ служилый, у такихъ дѣлъ въ посольствѣ прежде не бывалъ, и подъячій у такихъ дѣлъ не бывалъ же, у большаго дѣла нигдѣ не сиживалъ, и простъ, и худъ [6].

Одновременно съ Ушаковымъ и Заборовскимъ, въ Іюнѣ 1613 года отправлены были въ Константинополь къ султану Ахмету посланники — дворянинъ Соловой - Протасьевъ и дьякъ Даниловъ. Они должны были объявить султану, что новый царь хочетъ быть съ нимъ въ дружбѣ и любви свыше всѣхъ великихъ государей и на всякаго недруга стоять за одно, и чтобъ султанъ присылалъ въ Москву пословъ своихъ съ полнымъ наказомъ; да чтобъ султанъ, видя неправду Польскаго короля и пановъ радныхъ, мстилъ имъ за ихъ неправды, послалъ повелѣнье Крымскому царю идти со всею ордою въ Польскую и Литовскую землю, а на Русскую землю ходить имъ не велѣлъ. — Великій визирь отвѣчалъ: «что султанъ хочетъ быть съ великимъ государемъ въ братствѣ, дружбѣ и любви, хочетъ стоять на Литовскаго короля, послалъ приказъ Крымскому царю идти на Литву отъ Бѣлагорода (Акермана), да изъ Царягорода посылаетъ 10,000 ратныхъ людей съ Волохами и Молдаванами на Литву, а на Черномъ морѣ у Днѣпровскаго устья велѣлъ поставить отъ Днѣпровскихъ Черкасъ два города и козаковъ съ Днѣпра сбить, васъ, посланниковъ велѣлъ отпустить и съ вами вмѣстѣ посылаетъ къ государю вашему своего чауша.»

Визирь прибавилъ, что султанъ очень доволенъ дружественнымъ предложеніемъ со стороны Московскаго государя: «всѣмъ намъ извѣстно, говорилъ онъ, что подъ солнцемъ два великихъ государя: въ христіанскихъ странахъ вашъ великій государь, а въ мусульманскихъ Ахметъ салтанъ, и противъ нихъ кому стоять?» Въ Августѣ 1615 года отправились изъ Москвы въ Константинополь новые посланники: Петръ Мансуровъ и дьякъ Самсоновъ уговаривать султана, чтобъ велѣлъ Крымскому хану идти на Литву, потому что Польскій король, узнавши любительную ссылку между царемъ и султаномъ, безпрестанно ссылается съ цесаремъ, папою, королемъ Шведскимъ и другими государями, умышляя всякое лихо на Россію и Турцію; послы должны были также жаловаться на набѣгъ Азовцевъ на Русскія украйны. Посланники застали Донскихъ козаковъ въ войнѣ съ Азовомъ; Азовскій паша говорилъ Мансурову и Самсонову съ досадою: «Добро бы было вамъ Донскихъ козаковъ съ Азовцами помирить, козаки Азовцамъ теперь чинятъ тѣсноту и вредъ большой, становятся они намъ хуже жидовъ, а если вы козаковъ съ Азовцами не помирите, то мы всѣмъ городомъ отпишемъ султану, и вамъ къ нему пріѣхать не къ чести.» Въ это время Азовскіе люди привезли съ Мертваго Донца плѣнниковъ, Донскаго атамана Матвѣя Лисишникова и болѣе 20 человѣкъ козаковъ; атамана страшно пытали, ременья изъ хребта рѣзали и повѣсили на томъ самомъ кораблѣ, который былъ приготовленъ для посланниковъ; съ пытки козаки сказали, что царь съ Мансуровымъ прислалъ къ нимъ на Донъ жалованье, деньги, сукна, хлѣбные и воинскіе запасы. Посланники объявили пашѣ, что они не поѣдутъ на томъ кораблѣ, на которомъ былъ повѣшенъ воровской мужикъ. Паша отвѣчалъ: «Здѣсь живутъ воры же вольные люди, такіе же, что на Дону козаки, взяли они воровскихъ козаковъ и повѣсили на кораблѣ не по моему приказу,— самовольствомъ, а корабль я вамъ дамъ другой.» Наконецъ Донскіе козаки—атаманъ Смага Чертенскій съ товарищами прислали въ Азовъ троихъ атамановъ, которые и заключили пе-

ремирье съ Азовцами, послѣ чего царскіе посланники отправились въ Константинополь.

Въ Константинополѣ ждалъ ихъ почетный пріемъ: великій визирь сказалъ имъ: «вы у насъ гости добрые, приходите къ намъ съ дѣломъ добрымъ и любительнымъ, и государь нашъ велѣлъ вамъ почесть воздавать свыше всѣхъ пословъ великихъ государей, и ставитъ себѣ государя вашего великимъ и неложнымъ другомъ и пріятелемъ.» Но козаки не замедлили помѣшать дѣлу: визирь прислалъ сказать посланникамъ, что Донскіе козаки приступали къ Азову двѣнадцать дней, на Міусѣ много кораблей погромили, и теперь на семидесяти стругахъ идутъ подъ городъ Кафу: «и вы посланники, велѣлъ сказать визирь, пришли къ государю нашему не для добраго дѣла, съ обманомъ.» Посланники должны были запѣть старую пѣсню, что на Дону живутъ воры, бѣглые люди боярскіе, утекая изъ Московскаго государства отъ смертной казни, живутъ на Дону, переходя съ мѣста на мѣсто разбойническимъ обычаемъ. Но визиревъ посланецъ возразилъ:« вы говорите, что на Дону живутъ воры: а для чего же вашъ государь теперь съ вами прислалъ къ нимъ денежное жалованье, сукна, сѣру, свинецъ и запасы? Визирь велѣлъ вамъ сказать: если Донскіе козаки какое дурно на морѣ или надъ Кафою учинятъ, то вамъ здѣсь добра не будетъ, можно васъ здѣсь за вашу неправду казнить смертью. Пишите къ козакамъ, чтобъ они отъ своего воровства отстали.» Посланники отвѣчали: «присланы мы для общихъ большихъ добрыхъ дѣлъ; когда мы будемъ у визиря и объ этихъ большихъ дѣлахъ переговоримъ, тогда и о Донскихъ козакахъ договоримся.» Но скоро опять пришли другія вѣсти: приходили моремъ во многихъ стругахъ Донскіе козаки, города Трапезунтъ и Синопъ взяли, выжгли, людей многихъ побили и въ плѣнъ побрали. Визирь долго не присылалъ за посланниками, которые обратились къ казначею, визиреву зятю, подарили ему сорокъ соболей, чтобъ онъ похлопоталъ у визиря объ ихъ дѣлѣ; визирь прислалъ сказать имъ, чтобъ ни о чемъ не печалились, всѣ ихъ дѣла будутъ сдѣланы, и

дѣйствительно скоро послѣ того прислалъ за ними. Разговоръ начался не очень пріятно для посланниковъ, визирь сказалъ имъ: «не извѣстить мнѣ государю своему о козачьемъ воровствѣ нельзя, но какъ скоро я ему объ этомъ объявлю, то вамъ добра не будетъ, говорю вамъ прямо; да государь же нашъ велитъ въ вашу землю послать Татаръ войною, и государю вашему какая отъ этого прибыль будетъ?» Посланники отвѣчали прежнее, что «на Дону живутъ воры, которые и Московскому государству много зла надѣлали, первые къ Гришкѣ Отрепьеву и къ Польскимъ людямъ пристали, а послѣ многихъ воровъ назвали государскими дѣтьми. Царское величество съ Дону ихъ сослать велитъ для дружбы къ султану. То не диво, что воры бѣглые люди воруютъ; но Азовскіе люди не козаки, живутъ въ городѣ, а каждый годъ приходятъ на государя нашего украйны.» Визирь возразилъ: «но вѣдь Крымцы на ваши украйны не ходятъ?» Посланники отвѣчали: «мы говоримъ не о Крымцахъ; говоримъ, чтобъ султанъ унялъ Азовцевъ.» Визирь замолчалъ, и, помолчавши, началъ опять говорить: «скажите мнѣ, сколько ратныхъ людей васъ провожало до Азова, и сколько подъ вами и подъ ратными людьми было струговъ, и теперь эти ратные люди и струги гдѣ? До насъ дошелъ слухъ, что этихъ ратныхъ людей и струги всѣ вы оставили у козаковъ на Дону, и на этихъ вашихъ стругахъ теперь козаки на морѣ воруютъ, корабли громятъ, поморскія волости и деревни пустошатъ.» Посланники отвѣчали, что на Дону ни ратныхъ людей, ни струговъ не осталось. Визирь сказалъ на это: «если государь вашъ теперь козаковъ не смиритъ, то нашъ государь можетъ и своимъ войскомъ ихъ смирить, только между государями дружбы не будетъ и вамъ здѣсь будетъ задержанье. Но полно говорить объ этомъ дѣлѣ, станемъ говорить о добрыхъ дѣлахъ.» Добрыя дѣла состояли въ томъ, что посланники объявили визирю: «если ты на Польскаго короля войско пошлешь вскорѣ, всѣ великаго государя нашего дѣла передѣлаешь и насъ отпустишь скоро съ добрымъ дѣломъ, то мы тебѣ бьемъ челомъ — семь сороковъ соболей добрыхъ.» —

«Визирь очень развеселился и сталъ говорить: «султанъ непремѣнно войско на Польшу пошлетъ и васъ велитъ отпустить съ добрымъ дѣломъ, государя вашего напишетъ съ полнымъ именованьемъ, за то я вамъ ручаюсь и на старости своей великому государю вашему работу свою и службу хочу показать.» Посланники съ своей стороны выставили дружбу государя своего къ султану, объявили, что посланники Персидскій и Австрійскій задержаны въ Москвѣ, потому что цесарь, шахъ Персидскій и король Польскій другъ съ другомъ ссылаются.

Но эти пріятныя отношенія въ слѣдствіе соболей были непродолжительны; козаки пересиливали соболей: визирь объявилъ посланникамъ, что султанъ посылаетъ рать свою на Литву, но чтобъ они, посланники поручились, что Донскіе козаки, во время этого похода Турецкаго войска въ Литву, не причинятъ никакого вреда Турецкимъ областямъ. Посланники отказывались ручаться, говоря, что у нихъ въ наказѣ объ этомъ ничего нѣтъ, что для окончательнаго договора о козакахъ султанъ долженъ отправить своего посла въ Москву. Визирь сказалъ на это: «добро было вамъ Донскихъ козаковъ себѣ на душу взять; а если вы козаковъ себѣ на душу не возьмете, то вамъ отъ нашего государя какого добра ждать? Отпуску вамъ не будетъ, между государями любви не будетъ же, государь нашъ вашему государю на Польскаго короля помогать не станетъ, а на Донскихъ козаковъ нашъ государь хочетъ послать воеводъ своихъ, наши ратные люди всѣхъ козаковъ побьютъ, юрты ихъ разорятъ, и вашему государю то не къ чести же будетъ.» Посланники отвѣчали: «хотя бы Турскіе люди Донскихъ козаковъ до одного человѣка побили, то нашъ великій государь вашему за то не постоитъ; нашъ великій государь самъ о томъ промышляетъ, чтобъ козаковъ на Дону не было, и чтобъ отъ ихъ воровства между обоими государями дружбѣ помѣшки не было.» Визирь: «вы называете Донскихъ козаковъ ворами и разбойниками: за что же вашъ государь прислалъ къ нимъ запасы многіе? и они съ этими запасами по морю ходятъ безпрестанно и нашему государю многіе убытк и

дѣлаютъ.» Посланники: «государь нашъ послалъ Донскимъ козакамъ запасы, потому что они надъ Ногайскими людьми поискъ чинятъ, полонъ у нихъ русскій отбиваютъ; кромѣ того Донскіе козаки встрѣтили съ честію нашихъ посланниковъ Соловаго-Протасьева съ товарищами и вашего посланника и всю зиму кормили. На Дону живутъ воры разбойническимъ обычаемъ, переходятъ съ мѣста на мѣсто; а вашего государя Азовскіе люди живутъ въ городѣ, и на нашей украйнѣ разбойничаютъ!» Визирь отвѣчалъ, что султанъ велитъ унять Азовскихъ людей. Въ тоже время былъ у визиря Польскій посланникъ Янъ Кохановскій, котораго визирь посадилъ ниже Московскихъ посланниковъ. Кохановскій твердилъ визирю, что на Черномъ морѣ разбойничаютъ не Запорожскіе, а Донскіе козаки; Московскіе посланники говорили визирю: «вамъ самимъ извѣстно, что разбойничаютъ Черкасы».

Это былъ послѣдній разговоръ нашихъ посланниковъ съ визиремъ Ахметъ-пашею: султанъ велѣлъ его смѣнить за утайку дурныхъ вѣстей о Персидской войнѣ, и на его мѣсто поставилъ визиремъ Халиль-пашу. Посланники обратились къ патріарху Тимоѳею, не можетъ ли онъ имъ помочь у новаго визиря? патріархъ отвѣчалъ: «Самимъ вамъ извѣстно, что старый визирь на насъ православныхъ христіянъ Грековъ былъ гонитель и ругатель великій, чуть меня къ смерти не привелъ, и мнѣ при немъ помогать вамъ никакимъ образомъ было нельзя; новый визирь, думаю, ко мнѣ расположенъ, и потому буду о государевыхъ дѣлахъ промышлять; вамъ бы завтра послать къ визирю въ подарокв сорока два или три соболей добрыхъ, а я съ вашими людьми пошлю своего дьяка Мануила, чтобъ онъ отъ меня визирю и его дворецкому побилъ челомъ; этого дьяка Мануила визиревъ дворецкій знаетъ и очень любитъ, а дворецкій визирю дядя родной, вамъ бы и ему послать сорокъ соболей». Посланники исполнили совѣтъ патріарховъ, и визирь обѣщалъ хлопотать о ихъ дѣлѣ, но объявилъ, что все задержанье имъ изъ за Донскихъ козаковъ, за то, что государь прислалъ козакамъ жалованье; Польскій король обѣ-

щается Черкасъ унять, и если уйметъ, то султанъ съ нимъ помирится и пошлетъ рать свою на Донскихъ козаковъ; если же король Польскій не пошлетъ на Черкасъ своего войска, и Донскіе козаки перестанутъ на морѣ разбойничать, то султанъ хочетъ стоять съ царемъ за одно на Польскаго короля и ихъ, посланниковъ отпуститъ въ Москву. Опять отправили посланники къ визирю шубу соболью, съ просьбою, чтобъ великому государю службу свою показалъ, всѣ государственныя дѣла передѣлалъ. Визирь отвѣчалъ, что съ султановою грамотою къ царю будетъ отправленъ одинъ изъ посланниковъ, а другой долженъ остаться въ Царѣградѣ, потому что посланники не хотятъ поручиться за Донскихъ козаковъ, которые воруютъ, Турецкіе поморскіе города и волости воюютъ. «Ступайте къ муфтію, побейте ему челомъ», прибавилъ визирь. Посланники поѣхали къ муфтію, и отъ того услыхали тѣже рѣчи, что долженъ ѣхать въ Москву одинъ посланникъ, по примѣру цесарскихъ пословъ, изъ которыхъ одинъ, большой остался въ Царѣградѣ для справки въ государственныхъ, любительныхъ дѣлахъ. Явилось и старое требованіе, чтобъ царь уступилъ султану Казань и Астрахань. Халиль-паша ушелъ въ Персидскій походъ; его мѣсто заступилъ Магометъ-паша, отъ котораго посланники должны были выслушивать прежнія рѣчи: «Если вы къ козакамъ не отпишете и ихъ не уймете, то государю вашему отъ нашего государя какого пріятельства ждать, а вамъ за козаками изъ Царягорода отпуску не будетъ». Посланники подослали Грековъ къ сыну и дворецкому муфтія; тѣ велѣли сказать имъ: «Мы у муфтія ихъ дѣломъ промыслимъ, но чтобъ насъ не забыли, почтили своими заморскими поминками, что у нихъ случится». Муфтій дѣйствительно прислалъ за посланниками, но объявилъ: «Если государь вашъ уступитъ нашему старинные музульманскіе города—Казань и Астрахань, то государь нашъ тотчасъ ему поможетъ на Польскаго короля; по нашей музульманской вѣрѣ христіанамъ даромъ помогать не велѣно.» Съ тѣмъ и отпустилъ. Посланики поѣхали къ визирю Магометъ-пашѣ, и сказали ему, что если султанъ пошлетъ

войско на Польшу, то государь пришлетъ ему, визирю жалованья мягкою рухлядью на три тысячи золотыхъ, дали ему и заемную память на эту сумму. Визирь, подержавъ память въ рукахъ, отдалъ назадъ и сказалъ: «Память мнѣ ваша не надобна, а дѣлами вашего государя стану непремѣнно и радѣтельно промышлять». Послѣ этого далъ знать посланникамъ посольскій дьякъ, что ему велѣно писать грамоту отъ султана къ царю, что посланникамъ скоро будетъ отпускъ, при чемъ велѣлъ сказать: «Посланники живутъ въ Царѣ-городѣ другой годъ, многимъ людямъ отъ нихъ подарки были, только я отъ нихъ ничего не видалъ; а имъ бы слѣдовало и насъ государевымъ жалованьемъ взыскать, за мною государево жалованье не пропадетъ, отработаю великому государю, гдѣ силы достанетъ». Прислалъ и дворецкій визиревъ; «Я безпрестанно говорю визирю о государевыхъ дѣлахъ, дѣла эти къ концу приходятъ: такъ посланникамъ слѣдовало бы визиря почтить да и меня не позабыть». Посланники отправили всѣмъ шубы. Прислалъ муфтій и сынъ его напомнить посланникамъ о ихъ обѣщаніи; отправились и туда собольи шубы. Благодаря всѣмъ этимъ шубамъ, посланниковъ послѣ тринадцатимѣсячнаго задержанія, отпустили въ Москву съ объявленіемъ, что противъ Польскаго короля стоитъ Турецкое войско у Хотина, а какъ визирь Халиль-паша придетъ изъ Персіи, то султанъ пошлетъ тогда на Польшу всѣхъ своихъ ратныхъ людей.

Отправлены были посланники и въ Персію, дворянинъ Тихоновъ и подъячій Бухаровъ: шахъ Аббасъ объявилъ, что хочетъ быть съ царемъ Михаиломъ въ крѣпкой дружбѣ, помогать ему и ратными людьми, и казною, если и царь будетъ помогать ему и тѣмъ и другимъ; смотря на небо, шахъ сказалъ: «Богъ меня убьетъ, если я брату моему царю Михаилу Ѳеодоровичу неправду сдѣлаю». Шахъ извинялся предъ государемъ въ томъ, что сначала, по просьбѣ Марины и Заруцкаго, обѣщалъ помочь имъ ратными людьми, казною и хлѣбными запасами: они его увѣрили, что при нихъ находится царь Московскій Иванъ Дмитріевичь, а Москва занята Литовцами, отъ

которыхъ они хотятъ ее очищать; какъ же скоро онъ, шахъ узналъ о воровствѣ Маринки и Заруцкаго, то не далъ имъ никакой помощи. Царь отправилъ дворянина Леонтьева просить у шаха денегъ въ помощь противъ Литовскихъ людей, и въ концѣ 1617 года шахъ прислалъ легкую казну, серебра въ слиткахъ на 7000 рублей.

Новый царь, разумѣется, долженъ былъ начать сношенія и съ Крымомъ, гдѣ царствовалъ Джанибекъ-Гирей. Сношенія эти носили прежній, уже хорошо намъ извѣстный характеръ; главнымъ содержаніемъ переговоровъ по прежнему была торговля: Крымцы запрашивали, хотѣли взять какъ можно больше, Русскіе старались дать какъ можно меньше, представляя опустошеніе государства, оскудѣніе казны. Разбойники не трогались этимъ представленіемъ: въ Іюлѣ 1614 года, въ Ливнахъ, гдѣ, по обычаю, происходилъ размѣнъ посланниковъ, Крымскій посолъ Ахметъ-паша Сулешовъ объявилъ: «Если не станетъ государь присылать ежегодно по 10,000 рублей кромѣ рухляди, то мнѣ добраго дѣла совершить нельзя; со мною два дѣла, доброе и лихое, выбирайте! Ногайскіе малые люди безвыходно васъ воюютъ, а если мы съ своими силами на васъ же придемъ, то что будетъ? Вы ставите шесть тысячъ рублей въ дорого, говорите, что взять негдѣ; а я и на однихъ Ливнахъ вымещу: хотя возьму тысячу плѣнныхъ, и за каждаго плѣнника возьму по 50 рублей, то у меня будетъ 50,000 рублей». Наконецъ Ахметъ-паша согласился взять 4,000 рублей поминковъ для хана и далъ за него шерть, когда Московскій посолъ далъ слово, что по веснѣ рано государь пришлетъ хану большіе поминки. Но когда посолъ князь Григорій Волконскій пріѣхалъ въ Крымъ брать шерть, то ханъ Джанибекъ-Гирей объявилъ: «Шерти мнѣ теперь дать незачто, поминковъ ко мнѣ и къ калгѣ прислано мало, къ ближнимъ людямъ прислано не ко многимъ и не по многу, и за это ближніе люди на насъ злобятся, шерти дать не хотятъ, и намъ шерть отговариваютъ». Наконецъ и ханъ далъ шерть съ условіемъ, что если государь рано весною поминковъ не пришлетъ, то шерть не въ шерть. Послѣ

этого посылались въ Крымъ ежегодные поминки какъ для того, чтобъ удерживать Крымцевъ отъ нападенія на Московскія украйны, такъ и для того, чтобъ побуждать ихъ къ нападеніямъ на Литву. Послѣдняя цѣль плохо достигалась, потому что ханъ былъ занятъ войною Персидскою, усобицею у себя въ Крыму, и боялся Запорожцевъ, которые сильно опустошали его улусы. Послы Московскіе по прежнему постоянно жили въ Крыму, на смѣну однихъ пріѣзжали другіе, по прежнему имъ чинилось тамъ многое насильство и неволя, поминки брали на нихъ многіе, въ неволѣ, чуть чуть не правежомъ; по прежнему за выгодами Московскаго государя наблюдала фамилія князей Сулешовыхъ, сначала Ахметъ-паша, а потомъ братъ его, Ибрагимъ-паша.

Болѣе чѣмъ гдѣ-либо участія новый государь Московскій нашелъ на далекомъ западѣ, у морскихъ державъ Голландіи и Англіи; разумѣется это участіе было корыстное: внутреннія смуты въ Московскомъ государствѣ и опустошенія, причиняемыя войною Польскою и Шведскою, вредили ихъ торговлѣ, имъ выгодно было успокоить Московское государство и въ награду пріобрѣсти здѣсь еще бо́льшія торговыя выгоды. Извѣстныя уже намъ лица, Ушаковъ и Заборовскій, отправивъ посольство свое у императора, должны были ѣхать въ Голландію, и тамъ требовать помощи на враговъ. 1-го Мая 1614 года Ушаковъ и Заборовскій пріѣхали въ Гагу; пріѣхали они въ жалкомъ положеніи, и Голландское правительство тотчасъ же снабдило ихъ всѣмъ нужнымъ, приказавъ выдать имъ единовременно 1000 гульденовъ. Послы, по отзыву Голландцевъ, приводили всѣхъ въ удивленіе своею скромностію и учтивостію, и были очень боязливы. Они просили у Генеральныхъ штатовъ помощи царю войскомъ и деньгами. Штаты отвѣчали, что они сами недавно освободились отъ войны, и потому не могутъ подать царю никакой помощи, но употребятъ всѣ усилія, чтобъ склонить къ миру короля Шведскаго. Въ Англію, въ Іюнѣ 1613 года отправленъ былъ дворянинъ Алексѣй Зюзинъ. Описавши неправды Поляковъ въ Москвѣ, Зюзинъ долженъ былъ сказать коро-

лю: «во время Московскаго раззоренья вашихъ гостей и торговыхъ людей Марка Англичанина съ товарищами Литовскіе люди захватили, товары всѣ у нихъ отняли и держали ихъ за крѣпкими приставами, а послѣ того побили». Зюзинъ долженъ былъ говорить министрамъ королевскимъ, что царь велѣлъ просить помощи казною, своимъ ратнымъ людямъ на жалованье, а наемные люди государю нашему не надобны, денегъ имъ на наемъ въ нынѣшнее время дать нечего; Зюзинъ долженъ былъ просить, чтобъ король помочь учинилъ казною, товарами, зельемъ, свинцомъ, сѣрою и другою воинскою казною, а государь своею любительною и братственною дружбою и любовью будетъ воздавать и свыше того; непремѣнно уговаривать, чтобъ король государю помочь учинилъ казною и товарами и пушечными запасами тысячь на сто рублей, по самой послѣдней мѣрѣ на 80,000 или на 70,000, а по самой нуждѣ на 50,000. Если королевскіе совѣтники станутъ говорить, что они знаютъ навѣрное, что Марка Англичанина били Русскіе козаки въ то время, какъ у Польскихъ и Литовскихъ людей Китай взяли, и имѣнье его все захватили тѣже козаки, и государь бы велѣлъ это имѣнье отдать Англичанамъ торговымъ людямъ, то отвѣчать: намъ навѣрное извѣстно, что Марка захватили Польскіе люди и держали по самое Китайское взятье за крѣпкими приставами на Англійскомъ дворѣ въ Китаѣ городѣ; и какъ Китай-городъ у Польскихъ людей взяли, то Марка съ тѣхъ поръ безъ вѣсти нѣтъ, неизвѣстно—Польскіе и Литовскіе люди его убили, или можетъ быть чернью не разсмотря въ то же взятье его убили, потому что въ то время и Русскихъ многихъ людей, которые сидѣли неволею у Поляковъ, побили. Зюзинъ долженъ былъ навѣдаться о посланномъ при Годуновѣ въ Англію для науки Григорьѣ Григорьевѣ съ четырьмя товарищами, требовать ихъ назадъ, потому что они государю нужны къ посольскому дѣлу.

Въ Англіи Московскаго посланника приняли не такъ какъ въ Австріи. Король Іаковъ отвѣчалъ, что онъ будетъ съ царемъ Михаиломъ вести дружбу свыше прежнихъ королей.» Мнѣ

извѣстно, говорилъ онъ, какое зло Поляки надѣлали въ Москвѣ, и мы короля Сигизмунда за то укоряемъ и съ нимъ ни о чемъ не ссылаемся; и Шведскаго короля неправды намъ извѣстны же.» Король говорилъ посламъ, чтобъ надѣли шапки, дважды и трижды о томъ припоминалъ и своимъ королевскимъ словомъ гораздо понуждалъ и приклякивалъ (присѣдалъ), чтобъ шапки надѣли. А самъ король и сынъ его королевичь Карлъ шляпъ ни разу на себя не надѣли, держали ихъ сами, а королева тутъ же стояла по своему королевскому чину и обычаю. На увѣщаніе короля надѣть шапки послы отвѣчали: «Видимъ къ великому государю нашему твою братскую любовь и крѣпкую дружбу, слышимъ рѣчи ваши государскія, великаго государя нашего царское имя славится, а ваши королевскія очи близко видимъ, и намъ, холопямъ въ такое время какъ на себя шапки надѣть?» Король, королева и королевичь посламъ приклякнули, за то похвалили, жаловали ихъ и любезно почитали.

Въ слѣдствіе этого посольства, въ Августѣ 1614 года въ Москву пріѣхалъ давно уже извѣстный здѣсь Англійскій купецъ Джонъ Мерикъ, но съ новымъ значеніемъ; въ королевской грамотѣ названъ онъ былъ княземъ, рыцаремъ, дворяниномъ тайной комнаты. Мерикъ объявилъ желаніе королевское, чтобъ государь далъ Англійскимъ купцамъ повольную торговлю и открылъ имъ путь въ Персію по Волгѣ. Ему отвѣчали, что государь уже далъ позволеніе Англійскимъ купцамъ пріѣзжать въ Холмогоры къ корабельной пристани и въ иныя мѣста и торговать повольною торговлею всякими товарами безпошлинно, и жалованную грамоту за царскою печатью имъ дали. А чрезъ Московское государство рѣкою Волгою въ Персію и въ иныя восточныя государства Англійскимъ гостямъ въ нынѣшнее время ходить страшно: князю Ивану (Мерику) самому извѣстно, что смута была, въ Астрахани былъ Заруцкій съ Маринкою; теперь воеводы Астрахань взяли и Заруцкаго въ Москву прислали, но многіе воры, которые были съ Заруцкимъ, убѣжали на Волгу и тамъ теперь воруютъ, нашихъ многихъ торговыхъ людей пограбили; а шахъ Пер-

сидскій въ нашу подданную Грузинскую землю вступился, между нами съ нимъ о томъ ссылка, и наши торговые люди теперь въ Персію не ходятъ. А какъ дастъ Богъ, дорога въ Астрахань очистится и съ Персидскимъ шахомъ о Грузинской землѣ постановится, то государь съ Якубомъ королемъ о томъ сошлется.— Послѣ этого между Мерикомъ и княземъ Иваномъ Семеновичемъ Куракинымъ былъ разговоръ, какъ помириться государю съ Шведскимъ королемъ. Мерикъ: Свѣйскій король къ государю нашему о томъ писалъ самъ, чтобъ государь нашъ его съ великимъ государемъ вашимъ помирилъ, и отдался въ томъ Свѣйскій король на волю государя нашего, а наказъ мнѣ данъ — велѣно дѣлать съ Шведскими послами по наказу великаго государя царя. Куракинъ: Вѣдомо тебѣ, въ какой мѣрѣ были великіе государи цари съ Свѣйскими королями, ссылались Свѣйскіе короли съ намѣстниками Новгородскими, и теперь царскому величеству къ Свѣйскому о мирѣ послать непригоже; а ты безъ нашего посла или посланника къ Свѣйскому идешь ли? Мерикъ: Я готовъ идти, или пошлю напередъ себя дворянина, а потомъ самъ пойду. Куракинъ: ручаешься ли, что Свѣйскій помирится на государевой волѣ? Мерикъ: Свѣйскій положился на короля нашего, и ему съ государемъ царемъ какъ не мириться? Куракинъ: Только Свѣйскій Якуба короля вашего не послушаетъ, съ великимъ государемъ по его волѣ не помирится, то Якубъ король съ великимъ государемъ на Свѣйскаго за одно стоять и царскому величеству помогать станетъ ли? Мерикъ: Если Свѣйскій не послушаетъ, и позабудетъ любовь короля нашего, который помирилъ его съ Датскимъ, то онъ будетъ государю нашему недругъ, и король нашъ царю на него, думаю, помогать будетъ. Куракинъ: Объяви подлинно, есть ли съ тобою Якуба короля наказъ, какъ государь вашъ государю нашему противъ его недруговъ помогать хочетъ, когда и чѣмъ, и закрѣпить тебѣ это велѣно ли? Мерикъ: Государь нашъ Якубъ король Андреевичъ не только казною, всякими мѣрами царскому величеству помогать и всякое добро чинить хочетъ; онъ хотѣлъ послать казну и съ по-

сломъ царскимъ Зюзинымъ, да казнѣ его расходъ былъ большой. А послѣ царскаго посла государь нашъ Якубъ король учинилъ соборъ (парламентъ) съ боярами своими и со всѣми земскими людьми о сборѣ казны на его королевскіе расходы и на вспоможенье царскому величеству, и какъ я отъ государя своего поѣхалъ, то соборъ еще объ этомъ на мѣрѣ не постановилъ, и закрѣпить мнѣ о томъ не наказано; а какое будетъ царскаго величества у государя нашего объ этомъ прошенье, то государь нашъ велѣлъ мнѣ объ этомъ къ себѣ написать. Куракинъ: Ручаешься ли, что государь вашъ вспоможенье учинитъ этою весною? Мерикъ: Какъ мнѣ ручаться? дорога дальняя и кромѣ Шведской земли другой дороги нѣтъ. Куракинъ: Ручаешься ли, что помочь учинитъ? Мерикъ: Думаю, что учинитъ.

Еще только подавъ надежду на помощь, Мерикъ спѣшилъ представить просьбы своего короля. Іаковъ просилъ, чтобъ позволено было Англичанамъ ѣздить Волгою въ Персію, рѣкою Обью въ восточную Индію: «мы думаемъ, говорилъ Мерикъ, что дорога Обью рѣкою отыщется, и станутъ Англійскіе и Русскіе люди въ Индію ходить, и такія прибыли царской казнѣ будутъ, какихъ прежде не бывало; отыскана въ Индію дорога, но далеко оборачивается, въ три года, это время долгое! Другая просьба: нашли Англійскіе люди новую землю, слыветъ Гирлянь, пуста, людей нѣтъ, а промыслъ—бьютъ котовъ, моржей, берутъ сало и зубъ рыбій, и инаго въ ней угодья много, и оленей очень много: такъ государь бы пожаловалъ, отпустилъ изъ своей отчины, Лопской земли, людей, которые умѣютъ оленями владѣть, и тѣми промыслами, что у нихъ въ Лопской землѣ промышлять, по договору, сколько человѣкъ пригоже, чтобъ Англійскимъ людямъ указали; а какъ они тамъ побудутъ и Англійскіе люди тому у нихъ навыкнутъ, тогда этихъ Лопарей опять отпустятъ въ государеву землю: за это я берусь. Потомъ есть въ царскаго величества землѣ на рѣкѣ Сухонѣ руда желѣзная и оловянная: такъ государь бы позволилъ изъ Англійской земли привезти знат-

цевъ и кузнецовъ: они руду найдутъ и станутъ дѣлать, а государю отъ этого будетъ прибыль, да и Русскіе люди выучатся сыскивать и дѣлать, и тутъ станутъ жить. Да около Вологды есть много земли пустой, болотной, ни къ чему негодной: государь бы пожаловалъ, позволилъ Англичанамъ тутъ своихъ людей привести для промысла; они станутъ Русскихъ людей нанимать, пашню пахать, сѣять ленъ, и полотна станутъ дѣлать такія, что и за море будутъ ходить.» Бояре отвѣчали, что прежде всего надобно покончить Свѣйское дѣло, и Мерикъ отправился въ Новгородъ для переговоровъ.

Мы оставили Новгородъ въ рукахъ у Шведовъ. Еще 25 Декабря 1611 года, по приговору митрополита Исидора, воеводы князя Одоевскаго, (который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ получилъ отъ короля богатое помѣстье), и всякихъ людей, отправлены были въ Стокгольмъ къ королю Карлу послы: Юрьева монастыря архимандритъ Никандръ, Благовѣщенскаго монастыря игуменъ Антоній, изъ свѣтскихъ—дворяне: Колычевъ, Боборыкинъ и дьякъ Копшинъ—бить челомъ, чтобъ король далъ имъ въ государи одного изъ сыновей своихъ, «а прежніе государи наши и корень ихъ царскій отъ ихъ же Варяжскаго княженья, отъ Рюрика и до великаго государя Ѳедора Ивановича былъ.» Какъ мало были увѣрены Новгородскіе послы въ полномъ и общемъ согласіи согражданъ на избраніе королевича, и какъ они боялись перемѣны, доказываетъ то, что митрополитъ, воевода и всякіе люди должны были поклясться имъ: «Намъ митрополиту, архимандритамъ и игуменамъ за нихъ Бога молить, а намъ боярину, дворянамъ и всякимъ людямъ домовъ ихъ оберегать, имъ помогать и не выдать ихъ сколько милосердый Богъ помочи подастъ.» Новгородцы отправили этихъ пословъ отъ всего Московскаго государства; но мы видѣли чѣмъ кончились переговоры князя Оболенскаго съ Пожарскимъ. Когда Москва была очищена отъ Поляковъ, и Новгородцы опять напомнили вождямъ ополченія о Шведскомъ королевичѣ, тѣ отвѣчали: «Намъ теперь такого великаго государственнаго и земскаго дѣла, не обославшись и не-

учиня совѣта и договора съ Казанскимъ, Астраханскимъ, Сибирскимъ и Нижегородскимъ государствами и со всѣми городами Россійскаго царства, со-всякими людьми отъ мала и до велика, однимъ учинить нельзя; и мы теперь, объ избраніи государскомъ и о совѣтѣ, кому быть на Московскомъ государствѣ, писали во всѣ города, чтобъ изо всѣхъ городовъ прислали къ намъ въ Москву.» Всѣ города выбрали Михаила Ѳедоровича, и несчастные Новгородцы стали между двухъ огней: отдѣлиться отъ Москвы значило оторваться отъ всѣхъ жизненныхъ началъ; порвать связь съ Швеціею не было никакой возможности, ибо они были въ рукахъ Делагарди.

Карлъ IX умеръ, и въ Іюнѣ 1613 года преемникъ его Густавъ-Адольфъ прислалъ въ Новгородъ грамоту, въ которой извѣщалъ объ отправленіи брата своего Карла Филиппа въ Выборгъ, куда должны явиться уполномоченные отъ Новгорода и отъ всего Россійскаго царства для порѣшенія дѣла. Новгородцы повиновались и отправили въ Выборгъ пословъ бить челомъ королевичу, чтобъ шелъ немедленно въ Новгородъ. По пріѣздѣ въ Выборгъ, начальный человѣкъ посольства, Хутынскій архимандритъ Кипріанъ писалъ въ Новгородъ, что государь королевичь и его бояре, полномочные послы сильно сердятся, что многіе люди изъ Великаго Новгорода отъѣзжаютъ къ ворамъ: «у насъ, что было въ наказѣ писано, продолжаетъ Кипріанъ, и мы то исполнили, государю и полномочнымъ великимъ посламъ много разъ били челомъ обо всемъ; но государь нашъ королевичь Карлусъ Филиппъ Карлусовичь и полномочные послы намъ отказываютъ, что государю королевичу на одно Новгородское государство не хаживать до тѣхъ поръ, пока Владимирское и Московское государство съ Новгородскимъ не соединятся. Вамъ про то давно вѣдомо, что государю никакъ на одно Новгородское государство не хаживать, а вы пишете къ намъ въ грамотахъ, велите промышлять, смотря по тамошнему дѣлу: вы насъ этими своими грамотами съ государемъ и его боярами остужаете, а на себя

худобу наводите; намъ какъ промышлять смотря по здѣшнему дѣлу, мимо вашего наказа и вашихъ грамотъ?»

Но если затруднительно было положеніе Кипріана и товарищей его въ Выборгѣ, то не менѣе затруднительно было и положеніе Новгородцевъ. Делагарди вышелъ изъ Новгорода, и преемникъ его, фельдмаршалъ Евертъ Горнъ, въ Генварѣ 1614 года объявилъ Новгородцамъ: «Его королевское величество хочетъ Новгородскаго государства всякимъ людямъ, безо всякаго льстиваго отсроченія и отбѣганія, сполна и окончательно мысль свою откровенно объявить: хотите ль вы его королевское величество и его королевскихъ наслѣдниковъ своими прямыми государями и королями имѣть и почитать, его королевскому величеству и имъ прямую покорную вѣрность и послушаніе свое оказать, присоединиться къ Шведской коронѣ не какъ порабощенные, но какъ особенное государство, подобно тому, какъ Литовское государство соединено съ Польскимъ королевствомъ? Королевское величество соизволилъ, чтобъ вы ему и его наслѣдникамъ, какъ великому князю Новгородскаго государства, непремѣнно крестъ цѣловали, и если Вседержитель Богъ подастъ его королевскому величеству болѣе одного сына, то одному изъ нихъ быть государемъ и великимъ княземъ па Новгородскомъ государствѣ; если же Богъ дастъ королю только одного наслѣдника, то вы ему и его наслѣдникамъ такимъ же образомъ должны крестъ цѣловать, какъ и нынѣшнему королю цѣлуете. А если вы при своемъ упрямствѣ останетесь и короля не послушаетесь, то знайте: такъ какъ королевское величество Новгородъ мечемъ взялъ, когда вы ни подъ какимъ прямымъ государемъ и властію не были, и васъ противъ вашихъ недруговъ оборонялъ, то онъ имѣетъ право Новгородское государство за собою и за своими наслѣдниками навѣки удержать. Такъ какъ вы поддались подъ оборону его королевскаго величества и короны Шведской, то вамъ надобно рѣшить — какъ быть къ Московскимъ людямъ, друзьями или врагами, потому что къ двоимъ государямъ вамъ вдругъ прилѣпиться нельзя; королевское величество хочетъ знать, что

ему дѣлать.» Въ слѣдъ за тѣмъ архимандритъ Кипріянъ извѣстилъ Новгородцевъ, что королевичь Филиппъ уѣхалъ изъ Выборга въ Стокгольмъ.

Долго Новгородскіе начальные люди не отвѣчали на страшный запросъ; наконецъ послѣ неоднократнаго повторенія его выпросили отсрочку, чтобъ о такомъ великомъ царственномъ дѣлѣ посовѣтоваться съ гостями и земскими людьми, и взять у всякихъ людей о томъ письмо, за ихъ и за отцовъ ихъ духовныхъ руками. И въ самомъ дѣлѣ пятиконецкимъ старостамъ велѣно было немедленно спросить во всѣхъ улицахъ и слободахъ, у гостей, улицкихъ старостъ, у посадскихъ, жилецкихъ и всякихъ людей; но вопросъ былъ сдѣланъ хитро, не прямо, спрашивали: «хотятъ ли цѣловать крестъ королю Густаву Адольфу, или хотятъ остаться при прежней присягѣ королевичу Филиппу?» Разумѣется, всѣ отвѣчали, что остаются при прежней присягѣ, и начальные люди били челомъ Густаву Адольфу, что всѣ люди Новгородскаго государства помнятъ свое крестное цѣлованье королевичу Филиппу, и за его пресвѣтлѣйшество вездѣ ради головы свои положить, «о защитѣ же, государь, отъ недруговъ, что Новгородское государство оберегать вашему королевскому величеству, въ томъ воленъ Богъ да великій государь нашъ королевичь, какъ его пресвѣтлѣйшество съ вашимъ королевскимъ величествомъ о томъ договорится и утвердится, и намъ подданнымъ холопамъ его пресвѣтлѣйшества о такомъ великомъ дѣлѣ мимо великаго государя своего королевича, договариваться и укрѣпляться нельзя, потому что въ Новгородскомъ государствѣ и въ насъ, холопахъ своихъ, воленъ великій государь нашъ королевичь. Бьемъ челомъ и молимъ ваше королевское величество со слезами, чтобъ ваше королевское величество, по своему природному и благонравному обычаю, пожаловали, умилосердились надъ нами, велѣли учинить намъ, всякихъ чиновъ людямъ Новгородскаго государства, по утвержденнымъ записямъ какъ договорился и укрѣпился съ Новгородскимъ государствомъ вашего королевскаго величества бояринъ и воевода Яковъ Пун-

тусовичь Делагардъ святымъ Евангеліемъ съ клятвою и утвержденными записями, за руками и за печатями, что Новгородскаго государства, городовъ и уѣздовъ его подъ свейскую корону не подводить; а за тѣхъ бы, государь, непостоятельныхъ и малодушныхъ людей, которые отъѣхали изъ Новгорода къ ворамъ, на насъ, которые по своему крестному цѣлованію вѣрно служимъ, опалы и гнѣва не положить; тѣ люди отъѣзжали изъ Великаго Новгорода не съ нашего вѣдома и думы; вашему королевскому величеству вѣдомо, что и въ иныхъ окрестныхъ государствахъ измѣнники бываютъ же, и которые вѣрные и справедливые люди, и тѣ отъ государей своихъ не отстаютъ и служатъ вѣрно; а Владимирскаго и Московскаго государства люди сдѣлали такъ не съ нашего же совѣта: мы съ ними о такомъ непостоятельствѣ не ссылались, и впередъ ни о какомъ непріязненномъ дѣлѣ ссылаться не станемъ, держимся во всемъ вѣрно государя своего королевича, пресвѣтлѣйшаго и высокорожденнаго великаго князя Карлуса Филиппа Карлусовича.»

Но вовсе не съ такою покорностію отвѣчали Новгородцы Еверту Горну, когда тотъ настаивалъ на присягѣ королю, утверждая, что королевичь Филиппъ отказался отъ Новгородскаго престола: упомянувъ о договорѣ, заключенномъ между ними и Делагарди, Новгородцы продолжали: «Послѣ этого утвержденья, честныя обители и святыя Божія церкви отъ Нѣмецкихъ ратныхъ людей раззорены и разграблены, святыя иконы поруганы, расколоты и пожжены, многія мощи святыхъ изъ гробовъ выметаны и поруганы, колокола изъ многихъ монастырей и церквей, городовой большой нарядъ и всякій вывезенъ въ Свейское государство, и около Новгорода Литовскіе люди, которые служатъ здѣсь королевскому величеству, уѣздныхъ людей и крестьянъ жгутъ и мучатъ и на смерть побиваютъ, на правежѣ отъ вашихъ приказныхъ людей въ налогахъ безъ сыску иные на смерть побиты, иные повѣсились и въ воду пометались, иные изувѣчены и до сихъ поръ лежатъ. А мы всякихъ чиновъ люди Новгородскаго государства, по своему

крестному цѣлованію и утвержденнымъ записямъ, во всемъ стояли крѣпко и впередъ также стоять хотимъ за государя своего королевича непоколебимо и отдали на подмогу Нѣмецкимъ людямъ все до послѣдней деньги, отъ того стали въ конечной скудости и многіе разбѣжались розно; а что для нашего грѣха, государь нашъ королевичь въ Новгородское государство походу своего не пожаловалъ не учинилъ, и въ томъ воля его пресвѣтлѣйшества, гдѣ онъ великій государь нашъ въ своей отчинѣ произволитъ быть, только мы, холопы его, по своему крестному цѣлованью, его пресвѣтлѣйшества держимся и служить хотимъ вѣрно. Вы говорите, что намъ отъ его королевскаго величества и отъ окрестныхъ государей безсловесными и неблагодарными загосками (кукушками) слыть и гонимымъ быть: но мы утѣшаемся Христовымъ словомъ: блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное. И теперь намъ мимо государя своего королевича и мимо прежней нашей записи, вельможному королю и его наслѣдникамъ Свейскимъ королямъ креста цѣловать нельзя и подъ Свейскою короною быть не хотимъ; хотя бы и помереть пришлось за свое крестное цѣлованіе, не хотимъ слыть крестопреступниками, а если надъ нами что и сдѣлаете за прямое наше крестное цѣлованье, въ томъ намъ судья общій нашъ Содѣтель». Въ тоже время князь Никифоръ Мещерскій, согласясь съ немногими людьми, пришелъ въ Хутынь монастырь къ архимандриту Кипріану, и объявилъ, что надобно умереть за православную вѣру, а королю креста не цѣловать; Кипріанъ благословилъ ихъ пострадать за вѣру; тогда Мещерскій съ товарищами пошелъ къ Горну, и отказалъ ему впрямь: «Вы хотите души наши погубить, а намъ отъ Московскаго царства на отлучаться и королю креста не цѣловать.» Горнъ велѣлъ всѣхъ ихъ разсадить за крѣпкую стражу, и приступилъ къ остальнымъ Новгородцамъ, чтобъ дали рѣшительный отвѣтъ. Для продленія времени они били ему челомъ, чтобъ позволилъ обослаться съ Московскимъ государствомъ, напомнить боярамъ ихъ прежнее обѣщаніе, и если они не послушаются, то Нов-

городцы поцѣлуютъ крестъ королю. Горнъ согласился, и отправлены были въ Москву Хутынскій архимандритъ Кипріанъ, дворяне Яковъ Боборыкинъ и Матвѣй Муравьевъ. Послы явились къ боярамъ и били челомъ о своихъ винахъ, что неволею цѣловали крестъ королевичу, а теперь хотятъ просить милости у государя, чтобъ онъ вступился за Новгородское государство и не далъ бы остальнымъ бѣднякамъ погибнуть. Бояре донесли государю о Новгородскомъ челобитьѣ; Михаилъ допустилъ пословъ къ себѣ и велѣлъ дать имъ двѣ грамоты: одну явную къ митрополиту и ко всему Новгородскому государству, въ ней бояре сурово отвѣчали Новгородцамъ, называли ихъ измѣнниками за совѣтъ покориться Шведскому королевичу; другая грамота была тайная: въ ней государь писалъ къ митрополиту и ко всѣмъ людямъ, что онъ вины имъ всѣ отдалъ. Послы возвратились, объявили отвѣтъ боярскій, но тайно роздали списки съ милостивой государевой грамоты. Однако тайна была открыта: думный дьякъ Петръ Третьяковъ увѣдомилъ Горна изъ Москвы о милостивой грамотѣ. Горнъ принялся за пословъ, особенно потерпѣлъ много Кипріанъ: его били на правежѣ до полусмерти, морили голодомъ и холодомъ.

Между тѣмъ шли военныя дѣйствія: еще въ Мартѣ 1613 года Соборъ писалъ новоизбранному царю, что Псковскіе воеводы, князь Хованскій и Вельяминовъ просятъ помощи противъ Шведовъ, которые безпрестанно грозятся притти подъ Псковъ изъ Новгорода; Соборъ отправилъ къ нимъ нѣсколько козачьихъ атамановъ. Но Шведы осадили не Псковъ, а Тихвинъ, и побили русскій отрядъ, высланный на помощь къ городу подъ начальствомъ Исака Сумбулова; государь отправилъ на выручку другой отрядъ подъ начальствомъ Ѳедора Плещеева; но въ Устюжнѣ Плещеевъ узналъ, что Тихвинцы съ воеводами княземъ Семеномъ Прозоровскимъ и Леонтьемъ Воронцовымъ-Вельяминовымъ отбили Шведовъ и нарядъ у нихъ взяли. Въ Сентябрѣ 1613 рѣшили дѣйствовать наступательно противъ Новгорода, и отправили подъ него боярина князя

Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго и окольничаго князя Данилу Ивановича Мезецкаго; къ нимъ въ сходъ велѣно было идти стольнику Василію Ивановичу Бутурлину съ полками, собранными въ Ярославлѣ. Воеводы стали въ Бронницахъ, но не съумѣли выбрать мѣста; и здѣсь въ станѣ у Трубецкаго повторились тѣже явленія, какія мы видѣли въ его подмосковномъ станѣ: было у нихъ въ рати нестроеніе великое, говоритъ лѣтописецъ, грабежи отъ козаковъ и отъ всякихъ людей. Делагарди осадилъ воеводъ, сдѣлался голодъ. Трубецкой съ товарищами прислали къ государю бить челомъ отъ имени ратныхъ людей, что стала имъ отъ Нѣмецкихъ людей тѣснота. Государь велѣлъ имъ отъ Бронницъ отойти къ Торжку; при этомъ отступленіи потеряно было много людей, воеводы едва ушли пѣшкомъ. Густавъ-Адольфъ самъ явился въ Русскихъ предѣлахъ и осенью 1614 года овладѣлъ Гдовомъ послѣ двухъ приступовъ, но возвратился въ Швецію съ намѣреніемъ начать военныя дѣйствія въ будущемъ году осадою Пскова, если до тѣхъ поръ Русскіе не согласятся на выгодный для Швеціи миръ. Король дѣйствительно желалъ этого мира, не видя никакой выгоды для Швеціи дѣлать новыя завоеванія въ Россіи и даже удерживать всѣ уже сдѣланныя завоеванія: такъ онъ не желалъ удерживать Новгородъ, нерасположеніе жителей котораго къ Шведскому подданству онъ хорошо зналъ: «Этотъ гордый народъ, писалъ онъ о Русскихъ, питаетъ закоренѣлую ненависть ко всѣмъ чуждымъ народамъ.» Делагарди получилъ отъ него приказаніе—въ случаѣ нужды, если Русскіе будутъ осиливать, бросить Новгородъ, разоривши его: «Я гораздо больше забочусь, писалъ король, о васъ и о нашихъ добрыхъ солдатахъ, чѣмъ о Новгородцахъ.» Причины, побуждавшія Шведское правительство къ миру съ Москвою, высказаны въ письмѣ канцлера Оксенштирна къ Горну: «Хотя у насъ, пишетъ Оксенштирнъ, до сихъ поръ и не обнаруживались внутренніе раздоры и смуты, однако есть сѣмена, изъ которыхъ много ихъ можетъ родиться. Изъ сосѣдей нашихъ большая часть открытые враги, остальные невѣрные друзья; много у насъ

долговъ, денегъ мало; во время войны поправиться намъ нельзя. Король Польскій безъ крайней необходимости не откажется отъ правъ своихъ на Шведскій престолъ, а нашъ государь не можетъ заключить мира, прежде чѣмъ Сигизмундъ признаетъ его королемъ Шведскимъ: слѣдовательно съ Польшею нечего надѣяться крѣпкаго мира или перемирія. Вести же войну въ одно время и съ Польшею и съ Москвою, нетолько неразумно, но и просто невозможно, вопервыхъ, по причинѣ могущества этихъ враговъ, если они соединятся вмѣстѣ, вовторыхъ, по причинѣ Датчанина, который постоянно на нашей шеѣ. И такъ по моему мнѣнію, надобно стараться всѣми силами, чтобъ заключить миръ, дружбу и союзъ съ Москвою на выгодныхъ условіяхъ. Москву должно привлекать къ миру частію словами и письмами, частію побуждать ее оружіемъ сколько хватитъ у насъ на это казны». Такъ и дѣйствительно поступалъ Густавъ-Адольфъ: съ одной стороны онъ задиралъ Московское правительство о мирѣ, другія государства о посредничествѣ; съ другой—продолжалъ военныя дѣйствія.

30 Іюля 1615 года Густавъ-Адольфъ осадилъ Псковъ, гдѣ воеводами были бояринъ Василій Петровичь Морозовъ и Ѳедоръ Бутурлинъ. У короля было 16,000 войска, въ числѣ котораго находились и Русскіе Черкасы. Первая сшибка съ осажденными кончилась для Шведовъ большою неудачею: они потеряли Еверта Горна въ числѣ убитыхъ. 15 Августа непріятель подошелъ къ Варламскимъ воротамъ, и, по совершеніи богослуженія, началъ копать рвы, ставить туры, плетни, дворы и городки малые, а подальше устроили большой городъ дерновый, гдѣ стоялъ самъ король; всѣхъ городовъ было больше десяти, и два моста были наведено на Великой рѣкѣ. Три дня съ трехъ мѣстъ били Шведы по городу, пустили 700 огненныхъ ядеръ, а другимъ чугуннымъ числа нѣтъ; но Псковъ не сдавался. 9 Октября Шведы повели приступъ, но и онъ не удался. А между тѣмъ Джонъ Мерикъ хлопоталъ о мирѣ; положено было рѣшить дѣло на съѣздѣ уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ, съ Шведской стороны назначены были Клосъ

Флемингъ, Генрихъ Горнъ, Яковъ Делагарди и Монсъ Мартензонъ; съ Русской—князь Данила Мезецкій и Алексѣй Зюзинъ. Будучи въ Осташковѣ, Русскіе уполномоченные получили отъ Мерика изъ Новгорода извѣстіе, что Густавъ-Адольфъ осадилъ Псковъ; Мерикъ писалъ: «Король въ грамотѣ своей ко мнѣ вѣрно и крѣпко обѣтъ далъ, что никакого утѣсненья городу Пскову не сдѣлаетъ, пока не узнаетъ, что̀ отъ васъ, великихъ пословъ, на съѣздѣ въ нынѣшнихъ дѣлахъ отродится; а теперь онъ, король обѣтъ нарушилъ къ своему безчестью и къ невѣркѣ, а тотъ его листъ у меня за его рукою и печатью, и сколько я у нихъ ни былъ, правды мало находилъ.» Русскіе послы хлопотали, чтобъ еще больше разсердить Мерика на Шведовъ, указывали ему, что Шведы въ своихъ грамотахъ не величаютъ его какъ должно; Мерикъ отвѣчалъ на это: «Вы господа, великіе послы, мнѣ объявляете, что Свейскіе послы меня не подостоинству пишутъ: я это себѣ ни во что ставлю, честь мнѣ дана отъ великаго моего государя, а имъ того у меня не отнять; и не дивлюсь я, господа, тому, что они такъ пишутъ, имъ на меня нелюбо: какъ имъ случится говорить про царское величество и про васъ, великихъ пословъ, и про нынѣшнее дѣло не пригоже, то я ихъ встрѣчаю прямою правдою, и самому королю въ томъ я не молчалъ, такъ ему за то на меня и нелюбо стало; но я знаю, отъ кого я посланъ, и не постыжусь правду говорить. Они показываютъ видъ будто радѣютъ о нынѣшнемъ добромъ дѣлѣ: какъ Богъ принесетъ насъ къ съѣзжему мѣсту, то ихъ радѣнье объявится; а мое радѣнье и промыселъ Богъ видитъ: на этомъ свѣтѣ ничего больше не желаю, какъ только чтобъ это дѣло къ доброму концу пришло.»

Началась предварительная переписка между уполномоченными, изъ которыхъ Русскіе жили въ Осташковѣ, а Шведскіе въ Новгородѣ, пошли споры о титулахъ: Шведы писали Михаила только великимъ княземъ и сердились, зачѣмъ онъ называется Лифляндскимъ и Новгородскимъ; они писали Мезецкому и Зюзину: «Даемъ вамъ знать, что вы наполнены преж-

нею спѣсью, и не подумаете, каковъ нашъ король родствомъ противъ вашего великаго князя: нашъ король прирожденный, королевскій сынъ, а вашъ великій князь не царскій сынъ и не наслѣдникъ Россійскому государству: тотчасъ послѣ смерти царя Θедора не посадили его на престолъ, а послѣ Дмитріевой смерти взяли Василія Ивановича Шуйскаго, потомъ королевича Польскаго.» На это Русскіе послы отвѣчали бранью, приводили примѣры изъ священной и Римской исторіи, что Богъ избиралъ царей славныхъ не отъ царскаго корня, писали, что всѣ Русскіе люди отъ мала до велика за честь государеву готовы противъ Шведовъ стоять и мстить, «а не такъ какъ у васъ дѣлается въ Свеѣ: половина государю вашему доброхотаетъ, а другая Польскому Жигимонту королю, а иные арцуку (герцогу) Ягану. И вы такія непригожія воровскія слова про помазанниковъ Божіихъ оставьте». Шведскіе послы получили эту грамоту уже на дорогѣ изъ Новгорода къ съѣзжему мѣсту, разсердились, и объявили Мерику, что дальше не поѣдутъ; Мерикъ писалъ Мозецкому, что никакими мѣрами и разговорами ихъ унять нельзя. Наконецъ онъ ихъ унялъ и уговорились: быть съѣзду въ помѣстьѣ Хвостова, въ сельцѣ Дедеринѣ, гдѣ стоять Англійскому послу; царскимъ посламъ стоять на Пескахъ, а Шведскимъ въ Селищахъ; съѣзжаться у Англійскаго посла. Явились еще посредники: Голландскіе послы Рейнгоутъ Фанъ Бредероде, Диркъ Басъ, Альбрехтъ Іоахимъ и Антонъ Гетеерисъ; послѣдній оставилъ намъ описаніе этого посольства, замѣчательное для насъ по изображенію тогдашняго состоянія Московскаго государства. На пути изъ Ревеля въ Новгородъ послы должны были проѣзжать черезъ страну, опустошенную козаками, нигдѣ не находили селеній, почти всегда должны были ночевать въ лѣсу, иногда только, по счастію, отыскивали гдѣ-нибудь полуразрушенный монастырь. Изъ Новгорода отправились они въ Старую Русу, которую нашли въ самомъ жалкомъ положеніи. Но всѣ, претерпѣнныя ими до сихъ поръ затрудненія и непріятности были ничтожны въ сравненіи съ тѣми, какія они должны были выносить на пути изъ Ста-

рой Русы: нѣсколько разъ подламывался подъ ними ледъ на рѣкѣ (это было въ Ноябрѣ), люди и вещи падали въ воду, и чтобъ высушиться, надобно было зажигать на берегу опустѣлыя избы. Ночевали въ опустошенныхъ деревняхъ; чтобъ войти въ избу, должно было прежде вытаскать изъ нея трупы прежнихъ ея жителей, побитыхъ козаками; но отвратительный запахъ выгонялъ Голландцевъ изъ избы, и они должны были ночевать на морозѣ. Мерику очень не понравился пріѣздъ этихъ новыхъ посредниковъ; сначала онъ наговаривалъ Русскимъ посламъ и царю, что Голландцы пріѣхали не для того, чтобъ радѣть Москвѣ, но потомъ объявилъ, что они будутъ съ нимъ вмѣстѣ и будутъ ему во всемъ послушны. Царь въ своей грамотѣ къ Мерику настаивалъ на то, что Густавъ-Адольфъ не сдержавъ своего обѣщанія, не слушая представленія его, Мерика, обезчестилъ Якуба короля; царь упрашивалъ Ивана Ульяновича (Мерика), чтобъ онъ Шведамъ ихъ неправды выговаривалъ и побуждалъ ихъ къ доброму дѣлу.

Дедеринскіе переговоры начались 4 Генваря 1616, начались споромъ, потому что Шведскіе послы назвали Густава-Адольфа корельскимъ и представляли, что Корела была отдана Шведамъ еще при Шуйскомъ; это, разумѣется, повело къ спору о томъ, имѣютъ ли право Шведы удерживать уступку Шуйскаго послѣ поведенія ихъ подъ Клушинымъ. Шведы жаловались на Шуйскаго, что онъ не платилъ имъ выговоренныхъ денегъ, выставляли свои заслуги въ битвахъ противъ Литвы и Тушинцевъ. Русскіе возражали, что противъ Литвы воевали не одинъ Делагарди и Нѣмецкіе люди, больше было въ то время съ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Русскихъ людей, и промыслъ весь былъ князя Михаила. Делагарди отвѣчалъ на это: «Вы говорите, что не однимъ мною и Шведскими людьми города очищались и Польскихъ людей побивали, а были съ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ многія Русскія рати; такъ скажите намъ, которыхъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе съ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ были?» Мезецкій: Было князю Михаилу съ кѣмъ города очищать и съ Польскими людьми биться:

были стряпчіе, стольники и дворяне изъ городовъ, Новгородцы, Смольняне, Дорогобужане, Вязмичи и иныхъ городовъ дворяне. Делагарди: Съ княземъ Михаиломъ было 15 человѣкъ дворянъ; когда Смольняне пришли въ Тверь, то я началъ биться съ Литвою, а Смольняне и другихъ городовъ дворяне побѣжали. Шведы одни пошли къ Колязину, разбили Литву, завладѣли Александровскою слободою, выручили этимъ Москву. Мезецкій: при Колязинѣ Шведовъ было не много, и князь Михаилъ Васильевичъ платилъ имъ хорошо; а воръ бѣжалъ потому, что царь Василій посылалъ на него воеводъ своихъ и бояръ. Делагарди: Назовите хотя кого-нибудь изъ Русскихъ, кто бы раненъ былъ въ этихъ битвахъ? а за мою службу царь Василій могъ бы не только давать наемъ по договору, но и дарить многими подарками, служилъ я ему прямо, какъ своему прирожденному государю. Мезецкій: Воевали бояре, князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищи, а кто раненъ или убитъ, какъ наизусть упомнить? Наемныя деньги были вамъ выплачены, тебя же Якова, капитановъ, ротмистровъ и дьяка Моншу царь Василій сверхъ найму жаловалъ изъ своей царкой казны дорогими соболями, запонами, сосудами и платьемъ, да и къ государю вашему Карлусу Свейскому царь дорогіе подарки посылалъ. А когда царь послалъ брата своего, князя Дмитрія и тебя на Польскихъ людей подъ Смоленскъ, то выплатилъ тебѣ сполна впередъ за два мѣсяца, и ты тѣхъ денегъ ратнымъ людямъ не далъ, а хотѣлъ дать послѣ боя: которыхъ людей побьютъ и ты ихъ деньгами хотѣлъ корыстоваться. Евертъ Горнъ измѣнилъ и ты, Яковъ дѣлалъ неправдою, отъѣхалъ къ Жолкѣвскому и воевалъ противъ боярина князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго. Делагарди: Измѣнили не Шведы, а Нѣмцы. Вы насъ чужеземцевъ называете измѣнниками, а гдѣ ваша правда? государя своего съ государства ссадили, постригли и въ Литву отдали! Когда мы на Поляковъ выходили, то царь Василій призвалъ меня къ себѣ въ комнату, и я ему говорилъ, чтобъ онъ велѣлъ дать ратнымъ людямъ наемъ сполна, и этимъ къ службѣ ихъ

пріохотилъ, а только имъ найму не дать, и отъ нихъ чаять всякаго дурна; царь говорилъ, что деньги за мною вышлетъ въ Можайскъ и не прислалъ; былъ въ то время у царя Василья въ комнатѣ дьякъ Телепневъ, онъ свидѣтель. Мезецкій: Казна отдана была тебѣ при мнѣ въ селѣ Мышкинѣ передъ боемъ; а хотя и одни Нѣмцы измѣнили, то все же твоя вина, потому что царь Василій во всемъ вѣрилъ тебѣ. А что ты говоришь, что мы государя своего ссадили, то царь Василій самъ царство оставилъ, а потомъ Жолкѣвскій его постригъ; и только бы Нѣмецкіе люди не измѣнили, и ты бъ того не похотѣлъ, то тебѣ было идти къ царю Василію въ Москву, а не къ Новгороду. Делагарди: Знаю я, что со многими дьяками казна за княземъ Дмитріемъ и за мною была прислана и мнѣ ее объявили, только я ею не корыстовался, самого меня ограбили до нага; все это сдѣлалось не Горновою измѣною и не моею неправдою, а потому что князь Дмитрій пошелъ изъ Можайска въ самые жаркіе дни и шелъ со всею ратью наспѣхъ до Клушина сорокъ верстъ, ратные люди и подъ ними лошади истомились, а иные остались назади; и князь Дмитрій, не дождавшись остальныхъ людей, сталъ на стану не укрѣпясь, а зналъ, что непріятель передъ нимъ. Нѣмецкіе люди, которымъ найму не дали, были шатки, и только бы они всѣ не разсержены были за неплатежъ денегъ, то они бы не измѣнили. А къ царю Василію съ того разгрома я не поѣхалъ, потому что былъ ограбленъ и остался самъ-осьмъ, къ князю Дмитрію было пріѣхать не съ кѣмъ; а съ дороги я посылалъ къ царю Василію двухъ Нѣмцевъ сказать, что собравшись опять къ нему приду на помощь; царь Василій съ этими Нѣмцами ко мнѣ писалъ, чтобъ я сбирался въ Новгородскомъ уѣздѣ, бралъ тамъ людскіе и конскіе кормы, и собравшись, шелъ бы къ нему на помощь; но мнѣ кормовъ давать нестали. Делагарди сильно разсердилъ Русскихъ пословъ, сказавши: «Князь Иванъ Никитичъ Одоевскій и всякихъ чиновъ люди крестъ королевичу Карлу цѣловали: и вамъ бы теперь въ томъ своемъ приговорѣ устоять и королевича Карла Филиппа

на Московское государство принять». Мезецкій отвѣчалъ ему: «что ты за бездѣльное дѣло затѣваешь? Мы королевича не хотимъ, да и самъ государь вашъ къ боярамъ писалъ, что кромѣ Московскихъ родовъ, никого на Московское государство изъ иноземцевъ не выбирать, а кого государемъ выберутъ, и онъ король съ нимъ будетъ въ дружбѣ и любви, да и сами вы намъ про то объявили; и только впередъ станете объ этомъ говорить, то намъ не слушать.» Делагарди: Бояре и воеводы били челомъ о королевичѣ въ Ярославлѣ? Мезецкій: Говорить объ этомъ не пригоже: дѣлалось это безъ вѣдома всей земли. — Съ сердцемъ Русскіе послы встали изъ за стола; третьи, т. е. Англійскіе и Голландскіе послы начали говорить: «Дѣла никакого добраго отъ васъ въ зачинѣ не бывало, и вамъ бы такія безмѣрныя дѣла и несходительныя слова оставить.» Русскіе и Шведы по привычкѣ и въ жару спора могли и нечувствовать стужи, сидя въ Генварѣ мѣсяцѣ въ шатрѣ, но сильно чувствовали ее третьи, и потому объявили, что впередъ въ шатрахъ съѣзжаться нельзя, предложили съѣзжаться на квартирѣ Англійскаго посла: дворъ былъ разгороженъ на двое, и положили, чтобъ съ передняго входа приходили Русскіе, а съ задняго Шведскіе послы; столы и скамьи были поставлены также какъ и въ шатрѣ: съ большаго двора съ пріѣзда скамьи государевымъ посламъ, а отъ задней стѣны противъ него Шведскимъ, третьимъ столы и скамьи по конецъ государева стола противъ комнатныхъ дверей.

На съѣздѣ 5-го Генваря Русскіе послы приступили къ дѣлу, потребовали отъ Шведовъ, чтобъ они объявили, какъ ихъ государь приказалъ о вѣковѣчной вотчинѣ великаго государя царя, о Новгородѣ, Старой Русѣ, Порховѣ, Ладогѣ, Ивань-городѣ, Ямѣ, Копорьѣ, Гдовѣ? Делагарди отвѣчалъ, что еще не кончены переговоры о главномъ дѣлѣ: не только что Новгородъ съ пригородами за королевичемъ Филиппомъ, выбранъ онъ и на все Владимірское и Московское государства. Мезецкій отвѣчалъ, что они объ этомъ ни говорить, ни слушать

не хотятъ: «у насъ теперь царемъ Михаилъ Ѳедоровичь, онъ учинилъ у насъ миръ, покой и соединенье, всѣ великіе государи ищутъ его дружбы и любви, и вамъ бы непригожія слова о королевичѣ Филиппѣ оставить, а мы о немъ и слушать не хотимъ. Вы Новгородъ взяли обманомъ; ты Яковъ, на чемъ крестъ цѣловалъ Новгороду, ничего не исправилъ; бояре королевича не выбирали, а если и было какое письмо къ вамъ отъ кого-нибудь безъ совѣту всей земли, то ему вѣрить было нечего.» Говорили послы между собою сердито, съ бранью, хотѣли разъѣхаться. Третьи уговаривали ихъ, чтобъ не сердились, и сказали Русскимъ посламъ: «Мы уговаривали Шведскихъ пословъ не поминать о королевичѣ, потому что это дѣло уже минулось, и впередъ станемъ ихъ уговаривать, только они упрямятся).» Мезецкій отвѣчалъ имъ: «Какъ имъ не стыдно говорить о королевичѣ Филиппѣ Карлусовичѣ, да и вамъ какъ не стыдно говорить о немъ: присланы вы къ великому государю Михаилу Ѳедоровичу для мирнаго постановленія, а не о королевичѣ Филиппѣ говорить; услыша такія несхожія слова и помня государей своихъ приказъ, вы Шведскимъ посламъ о такомъ дѣлѣ не молчали бы, что они, оставя великія дѣла, говорятъ бездѣлье.» Говорилъ это Мезецкій Голландскимъ посламъ съ пенями и съ вычетомъ сердито.—Поговоривъ со Шведами, третьи объявили Русскимъ, что Делагарди съ товарищами не станутъ говорить о королевичѣ Филиппѣ, но чтобъ Русскіе уступили королю Новгородъ съ пригородами, которые цѣловали крестъ королевичу. Мезецкій отвѣчалъ, что они пяди земли изъ отчины государевой не уступятъ. Третьи продолжали: «Мы станемъ говорить Шведскимъ посламъ, чтобъ они многія мѣры оставили, а поискали бы, какъ привести дѣло къ доброму концу; да ивамъ бы то же сдѣлать».

Какъ Русскихъ пословъ сердили рѣчи Шведскихъ о королевичѣ Филиппѣ, такъ Шведскихъ сердило требованіе Русскихъ, чтобъ король уступилъ царю Лифляндію. На съѣздѣ 7-го Генваря, услыхавъ это требованіе, Шведы встали изъ за стола и сказали: «Если бъ мы знали, что вы и теперь про Лиф-

ляндскіе города будете поминать, то мы бы и на съѣздъ не поѣхали, то и былъ бы у насъ разрывъ.» Третьи уняли ихъ; Шведы опять усѣлись и опять начали говорить о королевичѣ Филиппѣ; Русскіе по прежнему разсердились; наконецъ Шведы обѣщались не говорить о королевичѣ, и начались толки объ уступкѣ земель. Русскіе требовали возвращенія Лифляндскихъ городовъ и Новгорода, потому что все это изначала отчина великихъ государей Россійскихъ; Шведы отвѣчали: «Не только что Лифляндская земля не отчина государя вашего; но и Новгородомъ недавно вы начали владѣть; а Лифляндскою землею Московскіе государи завладѣли неправдою, и за то Богъ имъ месть воздалъ.» Русскіе: Лифляндія за нами отъ прародителей государей нашихъ, отъ государя Георгія Ярослава Владиміровича, который построилъ Юрьевъ Ливонскій въ свое имя; а Новгородское государство было за Россійскими государями во времена Рюрика и ни за кимъ, кромѣ Россійскихъ царей не бывало.» Шведы: Видали ль вы Юрьевъ Ливонскій? Ливонскихъ городовъ вамъ за государемъ своимъ невидать, какъ ушей своихъ. Русскіе: Вы такъ говорите, снимая помощь съ Бога; а мы, прося у Бога милости, будемъ доискиваться своего: не отдадите безъ крови—отдадите съ кровью. Шведы: Оставьте говорить высокія слова: Лисовскій и не Богъ знаетъ кто, обычный человѣкъ, и тотъ съ невеликими людьми прошелъ все Московское государство; рати ваши, Русскія и Татарскія, мы знаемъ.» Русскіе: Вы наши рати знаете, а помните, какъ вашъ государь нашему государю Ѳедору Ивановичу отдалъ города Ивань-городъ, Копорье и другіе; и когда государь нашъ велѣлъ стрѣлять по Ругодиву (Нарвѣ), то Нѣмцы ваши всѣ тотчасъ замахали съ города шляпами и били челомъ, чтобъ государь кровь ихъ пролить не велѣлъ; а когда государь послалъ князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, то помните, какая была отъ нашихъ людей въ вашей землѣ война и плѣнъ! и нигдѣ тогда нашимъ людямъ ваши люди противны не были: такъ государю вашему надобно того остерегаться: въ правдѣ всякому Богъ помогаетъ, а не

въ правдѣ сокрушаетъ.» Третьи прекратили этотъ споръ: «Съ обѣихъ сторонъ, говорили они, надобно добраго дѣла искать, чтобъ ближе къ миру и покою, а въ такихъ великихъ спорныхъ словахъ добраго дѣла не будетъ». Но споръ не прекратился: Делагарди началъ толковать, что царь Василій не выплатилъ Шведамъ денегъ; Русскіе послы возражали ему, что деньги были заплачены и еслибъ Делагарди не измѣнилъ при Клушинѣ, то Поляки не овладѣли бы царскою казною. Делагарди отвѣчалъ: «Эти вамъ убытки отъ самихъ себя; и теперь если подружитесь съ Поляками и возьмете на насъ Литовскихъ людей тысячь съ десять или двѣнадцать, то они у васъ опять Москву отнимутъ.» Русскіе говорили: «Что вы намъ Польскихъ людей въ дружбу причитаете?» называли Делагарди измѣнникомъ и спрашивали, зачѣмъ онъ послѣ Клушинской битвы не шелъ въ Москву къ царю Василію? Делагарди отвѣчалъ: «Тамъ бы и меня постригли съ нимъ вмѣстѣ.»

Наконецъ повели дѣло объ уступкѣ городовъ; Русскіе послы говорили Мерику: можно ли ему заговорить Якову Делагарди, чтобъ теперь государю города всѣ отдалъ и очистилъ вскорѣ, а послѣ захочетъ выѣхать на государево имя, то государь его пожалуетъ, велитъ дать ему городъ или мѣсто великое въ вотчину, и велитъ жить ему на покоѣ какъ захочетъ, да сверхъ того пожалуетъ, чего у него и на мысли нѣтъ. Мерикъ отклонилъ отъ себя это порученіе, отвѣчалъ, что не смѣетъ въ этомъ положиться на Якова. Шведы уступали всѣ занятыя ими мѣста кромѣ Корелы и за уступленное требовали 40 бочекъ золота, а въ бочкѣ по 100,000 цесарскихъ ефимковъ; если же государь денегъ дать не захочетъ, то пусть уступитъ Ивань-городъ, Орѣшекъ, Яму, Копорье и Сумерскую волость. Русскіе отдавали Корелу и 70,000 рублей, потомъ надбавили до 100.000. Дѣло протянулось за половину Февраля, приближалось время распутицы, Шведы объявили, что имъ ѣсть нечего и потому уѣзжаютъ. 22 Февраля заключили перемиріе отъ этого числа до 31 Мая, чтобъ въ это время между обеими государствами войнѣ и задорамъ никакимъ не быть,

а къ 31 Мая съѣхаться великимъ посламъ между Тихвинымъ и Ладогою.

По истеченіи срока Московскіе послы, тѣ же самые, что были въ Дедеринѣ, отправились въ Тихвинъ, Шведскіе жили въ Ладогѣ, третьимъ былъ теперь одинъ Мерикъ, потому что Голландцы не явились. Послы пересылались грамотами и гонцами съ 12 Іюня до 18 Сентября, Русскіе звали Шведовъ на съѣздъ, но тѣ не ѣхали, и объявили Мерику: если имъ не будетъ окончательнаго отвѣта на статьи ихъ, заданныя въ Дедеринѣ, то они на съѣздъ не поѣдутъ. 25 Сентября Мерикъ поѣхалъ въ Ладогу къ Шведскимъ посламъ: по наказу онъ долженъ былъ уступить Иваньгородъ, Ямы, Копорье, и въ придачу 100,000 денегъ, но крѣпко стоять за Орѣшекъ и за погосты, которые по сю сторону Невы, заневскіе же погосты и Сумерскую волость могъ уступить; если Шведы никакъ не согласятся отдать Орѣшекъ, то за него пусть дадутъ Копорье и четыре погоста, которые по сю сторону Невы, да Сумерскую волость; въ крайности требовать только Сумерской волости и четырехъ погостовъ, хлопотать о мирѣ, чтобъ Шведы не исполнили своей угрозы, не раззорили св. Софіи и Новгородцы не цѣловали креста королю съ великой бѣдности; наконецъ Мерику позволено было за Сумерскую волость и четыре погоста дать 100,000 рублей. Шведы не соглашались, а между тѣмъ царь писалъ своимъ посламъ: «Съ Шведскими послами никакъ ни зачѣмъ не разрывать, ссылайтесь съ ними тайно, царскимъ жалованьемъ ихъ обнадеживайте, сулите и дайте что-нибудь, чтобъ они доброхотали, дѣлайте не мѣшкая для Литовскаго дѣла и для истомы ратныхъ людей, ни подъ какимъ видомъ не разорвите». Съ другой стороны приходили вѣсти, что приступъ Русскихъ къ Шведскому острожку подъ Псковомъ не удался, что въ Новгородѣ утѣсненье отъ толмача Ирика Андреева, отъ Гриши Собакина и отъ Томилки Присталцова, правежи великіе: кто не перетерпя правежа, крестъ поцѣлуетъ королю, на тѣхъ не правятъ ничего, а ссылаютъ съ женами и дѣтьми въ Иваньгородъ, Иваньгородцы же королю прямо крестъ цѣловали и на нихъ

не правятъ ничего, а Новгородцамъ всѣмъ, не перетерпя муки, цѣловать крестъ королю. Мерикъ предлагалъ Шведамъ подѣлиться: два погоста по сю сторону Невы имъ, а два Русскимъ, которые заплатятъ за нихъ 10,000 рублей; но Шведамъ нужна была вся Нева, и потому они не соглашались, или требовали невозможнаго—за два погоста 100,000 рублей. Наконецъ Мерикъ договорился: въ царскую сторону: Новгородъ, Руса, Порховъ, Гдовъ, Ладога, со всѣмъ уѣздомъ, и Сумерская волость; въ королевскую сторону: Иваньгородъ, Ямы, Капорье, Орѣшекъ со всѣмъ уѣздомъ и 20,000 рублей денегъ; Гдовъ, Ладога и Сумерская волость останутся за Шведами до тѣхъ поръ пока города размежуютъ и государи закрѣпятъ договоръ крестнымъ цѣлованьемъ.

Порѣшивши на этомъ съ Мерикомъ, Шведскіе послы въ концѣ Декабря пріѣхали на съѣздъ въ назначенное мѣсто, которымъ былъ на этотъ разъ Столбово. Но и тутъ начались споры: Русскіе послы требовали, чтобъ Шведы не брали городовъ въ закладъ до утвержденія мира, Шведы не соглашались. Въ это время къ Московскимъ посламъ явились пятиконецкіе старосты Новгородскіе тайно и били челомъ со слезами, что въ Новгородѣ жилецкихъ всякихъ людей Нѣмцы въ солдатскихъ кормахъ и подводахъ побиваютъ на смерть, а откупиться имъ уже нечѣмъ; только дѣло продлится, и они думаютъ, что Шведы примутся за Софійскую казну и за церковное строенье: такъ имъ бы, государевымъ посламъ, со Шведскими послами мирное постановленье совершить поскорѣе, и пока договоръ станется, послы дали бы имъ государевой казны на выкупъ, чѣмъ имъ откупиться отъ правежей хотя на полмѣсяца, и какъ царскому величеству Богъ очиститъ великій Новгородъ, то они государю тѣ деньги заплатятъ; а только у государевыхъ пословъ съ Шведскими дѣло продлится, то имъ по неволѣ идти въ королевскую сторону. Послы отвѣчали, чтобъ они попомнили Бога и свои души: хотя имъ отъ Нѣмцевъ въ солдатскихъ кормахъ и иныхъ податяхъ какое утѣсненье и есть, то имъ бы малое время потерпѣть и многолѣтняго своего терпѣнія и мученія

однимъ часомъ не потерять; и они, послы станутъ говорить Англійскому послу, чтобъ уговорилъ Шведовъ Новгороду утѣсненья не дѣлать. Кончились споры о закладныхъ городахъ; Русскіе послы стали требовать, чтобъ изъ уступленныхъ Шведамъ городовъ было отпущено духовенство; Шведы соглашались выпустить только монаховъ, а не бѣлыхъ священниковъ, ибо въ такомъ случаѣ останутся у нихъ только одни стѣны: Русскимъ людямъ какъ безъ отцовъ духовныхъ быть? Русскіе послы настаивали, чтобъ внесено было условіе: Москвѣ и Швеціи на Польскаго короля стоять за одно; но Шведы не согласились. Осталось еще два затрудненія: Шведскіе послы требовали, чтобъ королю ихъ писаться Ижерскимъ и чтобъ для окончательнаго скрѣпленія договора царь отправилъ своихъ пословъ къ Англійскому королю, который долженъ къ договору приложить свою руку и привѣсить печать; Русскіе никакъ на это не соглашались, а Шведы безъ этого не хотѣли съѣзжаться и грозились уѣхать въ Ладогу. Наконецъ 19 Февраля 1617 года Шведы согласились не требовать ручательства Англійскаго короля и написать договоръ съ короткими титулами, съ условіемъ однако, что если государи пожелаютъ внести въ договорную грамоту полные титулы, то въ титулѣ Шведскаго короля будетъ названіе: Ижерскій. 27 Февраля написанъ былъ договоръ вѣчнаго мира: Шведы обязались отдать и очистить Великій Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, съ ихъ уѣздами и Сумерскую волость, въ присутствіи Мерика или назначенныхъ отъ него дворянъ, двѣ недѣли спустя послѣ того, какъ договоръ будетъ утвержденъ великими послами; три недѣли спустя будетъ отдана и очищена Ладога съ уѣздомъ, причемъ Шведы обязаны никакихъ Русскихъ людей не выводить, насильства имъ и грабежа не чинить и наряду не вывозить; а Гдову съ уѣздомъ и людьми побыть въ сторонѣ короля Густава-Адольфа на время, пока договоръ будетъ утвержденъ королевскою клятвою и царскимъ крестнымъ цѣлованіемъ, межи уложены и прямо размежеваны будутъ и послы отъ обоихъ государей съ добрымъ довершеннымъ дѣломъ назадъ до рубежа дойдутъ.

всѣмъ монахамъ съ ихъ имѣніемъ, также всѣмъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и посадскимъ людямъ съ женами, дѣтьми домочадцами и всѣмъ имѣніемъ вольно выходить въ царскаго величества сторону въ продолженіе двухъ недѣль отъ утвержденія договора въ Столбовѣ, но всѣ уѣздные попы и пашенные люди въ уступленныхъ королю городахъ и уѣздахъ должны остаться и жить подъ Свейскою короною, равно тѣ дворяне, дѣти боярскіе и посадскіе люди, которые не выйдутъ въ продолженіе двухъ недѣль. Королю Густаву-Адольфу взять у царя Михаила Θеодоровича 20,000 рублей деньгами готовыми, добрыми ходячими безобманными серебряными Новгородскими; тотчасъ, какъ скоро мирное постановленіе между послами совершится, деньги эти отдастъ Шведскимъ посламъ великій посолъ короля Англійскаго, Джонъ Мерикъ. Пушки, воинскій запасъ, колокола и все другое, что вывезено изъ Русскихъ городовъ, взятыхъ королемъ до 20 Ноября, остается за Шведами; но тотъ нарядъ, который теперь въ городахъ, возвращенныхъ царю, тамъ и остается. Для размежеванія границъ къ 1-му Іюню 1617 года должны съѣхаться полномочные послы, по три человѣка съ обѣихъ сторонъ, между Орѣшкомъ и Ладогою, на устьѣ рѣки Лавуи въ Ладожское озеро, на этой рѣкѣ среди моста, а къ 1-му Іюлю съѣхаться другимъ посламъ на рубежѣ между Корельскимъ уѣздомъ Соломенскаго погоста и Новгородскаго уѣзда Олонецкаго погоста, у Ладожскаго озера; этимъ межевальнымъ посламъ прежде дружнаго окончанія дѣла не разъѣзжаться. Царь Михаилъ Θеодоровичь отказывается отъ всякаго права на Лифляндскую землю и Корелу и отъ титула, въ пользу Шведскаго короля и его потомковъ. Торговля должна быть вольная и безпомѣшная между обоими государствами всюду; Шведскіе купцы получаютъ прежніе дворы свои въ Новгородѣ, Москвѣ и Псковѣ, гдѣ вольно имъ отправлять свое богослуженіе въ хоромахъ, а церквей по своей вѣрѣ не ставить; Русскимъ же купцамъ отдается ихъ дворъ въ Колывани, также даются имъ дворы въ Стокгольмѣ и Выборгѣ; въ этихъ городахъ они отправляютъ свое богослуженіе въ хоромахъ, а въ Колывани

имѣютъ церковь какъ изстари было. Старые долги купцамъ съ обѣихъ сторонъ выплачиваются. Посламъ, посланникамъ и гонцамъ Шведскимъ вольно чрезъ земли Московскаго государства ѣздить въ Персію, Турцію, Крымъ и другія страны, которыя въ мирѣ съ царскимъ величествомъ, но торговыхъ людей съ товарами съ собою не возить; также Русскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ вольно ѣздить черезъ Швецію къ Римскому царству, въ Великую Британію, во Французское королевство, въ Испанію, въ Датскую, Голландскую и Нидерландскую земли, и другія страны, которыя съ королемъ въ мирѣ, а торговыхъ людей съ товарами не возить. Всѣ плѣнники съ обѣихъ сторонъ освобождаются на рубежѣ безъ всякаго окупа; которые же захотятъ добровольно остаться, тѣмъ воля. Съ обѣихъ сторонъ подданныхъ не подзывать и не подговаривать; перебѣжчиковъ выдавать. Изъ за порубежныхъ ссоръ и досадительствъ мира не нарушать, ссоры эти рѣшаются на рубежѣ тамошними воеводами, а которыя поважнѣе отсрочиваются до посольскаго съѣзда. Къ 1-му числу будущаго Іюня на прямомъ рубежномъ раздѣленіи, между Орѣшкомъ и Ладогою, на рѣкѣ Лавуѣ съѣхаться великимъ полномочнымъ посламъ обоихъ государствъ, показать и дать прочитать другъ другу подтвержденныя грамоты, потомъ взять другъ у друга прямыя съ нихъ списки, а подлинныя отдать назадъ и идти Шведскимъ посламъ въ Москву, а Московскимъ въ Стокгольмъ, для окончательнаго подтвержденія. Если корабли или суда подданныхъ обоихъ государствъ разобьетъ бурею и принесетъ къ берегу или Соленаго моря или Ладожскаго озера, то ихъ отпускать безъ замѣшки со всѣмъ имѣніемъ, которое сберегутъ, а прибрежнымъ людямъ имъ помогать и беречь ихъ имѣніе. Королю Польскому и его сыну другъ на друга не помогать и другими государями не умышлять и не подъискивать.

5-го Марта великіе послы прислали въ Новгородъ царскую грамоту съ извѣстіемъ о заключеніи мира: царь писалъ, что «отторженную искони вѣчную нашу отчину Великій Новгородъ со всѣми вами православными христіянами опять намъ великому

прирожденному христіянскому государю въ руки Богъ далъ: Шведскій король ее намъ отдалъ, а васъ милосердый Богъ отъ такихъ нестерпимыхъ бѣдъ и отъ иновѣрцевъ, тѣмъ нашимъ царскимъ о васъ многимъ промысломъ и безпрестаннымъ попеченіемъ освободилъ, и вмѣсто скорбей, бѣдъ и золъ, благое, полезное и радостное вамъ подаетъ, что уже и сами видите подлинно. И вы, бы видя такую неизрѣченную милость Божію и наше царское къ себѣ призрѣніе, молили Бога о нашемъ здравіи, объ отцѣ нашемъ и матери и о всемъ государствѣ, и нашего царскаго жалованья ожидали къ себѣ съ радостію; а пока отчину нашу Великій Новгородъ очистятъ и Шведскихъ людей выведутъ, вы бы стояли крѣпко и мужественно. Ты бы, богомолецъ нашъ митрополитъ, и весь духовный чинъ, православныхъ христіянъ утверждали, чтобъ жили въ Новгородѣ, на нашу царскую милость были надежны, Шведскимъ людямъ не передавались и въ ихъ сторону не ходили: мы во всемъ всѣхъ жаловать и льготить хотимъ, и деньги, что дать за васъ за всѣхъ Шведскимъ посламъ, мы собрали и къ великимъ посламъ прислали, и ни зачѣмъ уже нашему дѣлу па съѣздѣ замедленья не будетъ. А которые Русскіе люди Нѣмецкимъ людямъ прямили и на Русскихъ людей посягали, или у которыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстья и вотчины въ тѣхъ городахъ, которые остались за Шведскимъ, или вновь кому Шведскій король или Яковъ Пунтусовъ въ тѣхъ городахъ или въ своихъ помѣстья и вотчины подавалъ: вы бы и тѣхъ уговаривали и нашимъ жалованьемъ обнадеживали, чтобъ они попомнили православную вѣру и насъ природнаго христіянскаго государя, родителей своихъ гробы и свою природу, къ иновѣрцамъ Нѣмецкимъ людямъ не приставали, были на нашу милость надежны и своей бы братьи, православныхъ христіянъ не смущали, того бы грѣха на свои души не брали, къ Нѣмцамъ ни кого не перезывали и сами изъ Новгорода въ Колывань и въ другіе города, которые остаются за Шведскимъ, жить не ходили, всякую боязнь нашей царской опалы оставили: если чья и вина была, то мы ни накомъ не поищемъ, всѣ вины покроемъ на-

шимъ царскимъ милосердіемъ, тѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, у которыхъ помѣстья и вотчины въ Шведскихъ городахъ, пожалуемъ за нихъ помѣстья и вотчины въ нашихъ городахъ, и сверхъ того станемъ ихъ жаловать нашимъ царскимъ жалованьемъ. Сами мы знаемъ подлинно, кто что ни дѣлалъ, дѣлалъ отъ боязни нѣмецкихъ людей, боясь смертнаго убійства, грабежа и раззоренья: были въ ихъ рукахъ, то какъ было воли ихъ не творить и имъ не служить? Никтобъ ни въ чемъ нашей опалы не опасался, всѣ бы, отъ мала до велика, были на нашу царскую милость надежны: мы Великій Новгородъ отъ невѣрныхъ для того освободили, чтобъ васъ всѣхъ православныхъ христіянъ видѣть въ нашемъ царскомъ жалованьѣ по прежнему, а не для того, чтобъ наши царскія опалы на когонибудь класть. Ни накакую прелесть Шведскихъ людей вамъ бы не прельщаться: теперь въ чемъ нибудь поманятъ, посулятъ или дадутъ, чтобъ отъ нашей царской милости отвести и въ свои города подъ свою власть привести: но впередъ отъ нихъ всякаго лиха и насильствъ не миновать, сами вы все это знаете. Да кромѣ того, за отступленіе отъ истинной христіянской вѣры и отъ насъ прирожденнаго государя своего, отъ своей единокровной братьи и прародительскихъ гробовъ, душами своими отъ Бога на вѣки погибнутъ; и хотя послѣ въ раскаяніе и придутъ, но помощи себѣ никакой уже не получатъ».

Черезъ двѣ недѣли по заключеніи договора, Новгородъ былъ очищенъ, и 14 Марта великіе послы, Мезецкій и Зюзинъ вошли въ него съ чудотворною иконою Богородицы, взятою изъ Хутыня монастыря; за полверсты отъ города икону встрѣтилъ митрополитъ Исидоръ съ крестнымъ ходомъ и со всѣмъ народомъ, съ великимъ слезнымъ рыданіемъ и радостію; когда вошли всѣ въ Софійскій соборъ, то послы митрополиту и всѣмъ людямъ государево милостивое слово сказали, о здоровьѣ ихъ отъ государя спрашивали и подали грамоту, въ которой государь писалъ: «О васъ, богомольцѣ нашемъ Исидорѣ митрополитѣ слышали мы отъ истинныхъ сказателей, о вашемъ благоподвизательномъ страданіи и о исправительномъ словесному стаду па-

стырствѣ, какъ вы за православную вѣру и за христіанскія души много разъ многоболѣзненными постами и страданіями подвизались, многія ереси и неправды обличали, христіанскія души къ свѣту благоразумія наставляли: многія христіанскія души, отпадшія отъ православной вѣры, которыхъ насильники Германскаго рода приводили къ крестному цѣлованію на королевское имя, прочихъ же въ свою землю идти прельщали и понуждали, ты, добрый пастырь, со всѣмъ освященнымъ чиномъ, простерши духовную мрежу, уловили въ нетлѣнное благоразуміе, многихъ своимъ учительствомъ и наказаніемъ душевно освободили: и это ваше о христіанскихъ душахъ многое попеченіе и усердіе и страданіе не будетъ забвенно предъ Богомъ. А васъ, дворянъ, дьяковъ, дѣтей боярскихъ, гостей и всякихъ людей Новгородскаго государства за ваши терпѣнья и скорби хотимъ жаловать, всякого по достоинству; васъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей льготить во всемъ хотимъ, смотря по вашему разоренью и бѣдности. А которые люди, будучи у Свейскихъ людей, имъ доброхотали и служили и во всемъ были имъ покорны, и волю ихъ творили волею и неволею, и тѣхъ, по нашему царскому милостивому праву, жаловать хотимъ, никто бы ничего отъ насъ не опасался; какъ было, будучи у Свейскихъ людей въ рукахъ, воли ихъ не творить?»

За Новгородскую службу, что Нѣмецкіе послы Новгородъ отдали, государь пожаловалъ князю Мезецкому боярство, Зюзину окольничество изъ дворянъ. Оставалось трудное дѣло — удовлетворить третьяго, Англичанина Мерика за его труды при заключеніи мира. Бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, назначенный быть съ нимъ въ отвѣтѣ, говорилъ ему отъ имени государя: «Ты, князь Иванъ, по наказу брата нашего любительнаго Якуба короля, будучи на съѣздѣ, намъ великому государю служилъ, о нашихъ дѣлахъ радѣлъ и промышлялъ и съ нашими послами совѣтовалъ, какъ бы нашему царскому имени было къ чести и къ повышенью: и мы брату нашему любительному за ту его любовь и дружбу будемъ нашею царскою

любовію и дружбою также воздавать, какъ нашему царскому величеству будетъ возможно. А тебя за твою службу и радѣнье похваляемъ и нашимъ жалованьемъ жаловать тебя хотимъ противъ твоей къ намъ службы, и къ брату нашему любительному о той твоей службѣ и радѣньѣ отпишемъ и впередъ ту твою службу и радѣнье учинимъ памятными во вѣки». Мерикъ возобновилъ прежнюю просьбу, чтобъ позволено было Англійскимъ купцамъ ѣздить Волгою въ Персію. Шереметевъ отвѣчалъ: «Наши русскіе торговые люди оскудѣли, теперь они у Архангельска покупаютъ у Англичанъ товары, сукна, возятъ ихъ въ Астрахань и продаютъ тамъ Кизиль-башамъ (Персіянамъ), мѣняютъ на ихъ товары, отъ чего имъ прибыль и казнѣ прибыль; а станутъ Англичане прямо ѣздить въ Персію, то они у Архангельска Русскимъ людямъ продавать своихъ товаровъ не будутъ, повезутъ ихъ прямо въ Персію, и Кизиль-баши съ своими товарами въ Астрахань ѣздить не станутъ, будутъ торговать съ Англичанами у себя. Да и потому нельзя: шахъ за Иверскую землю на государя досадуетъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя надобно проходить въ Персію, война, воюетъ Персидскій съ Турскимъ; да и по Волгѣ проѣздъ страшенъ, кочуютъ большіе Нагаи: и это дѣло надобно теперь отложить до другаго времени, пока государь съ Польскимъ королемъ поуправится, Московское государство отъ многихъ убытковъ поисправится, и у шаха съ государемъ, а у Турскаго съ шахомъ миръ станетъ».

Мерикъ возражалъ, что Русскимъ торговымъ людямъ будетъ прибыль, а захотятъ съ Англійскими торговыми людьми торговать сообща, то Англичане государевыхъ людей станутъ ссужать товаромъ, смотря по людямъ и по промысламъ, на тысячу, двѣ, шесть тысячь и больше безъ росту; которыми товарами государевы люди станутъ торговать съ Персидскими людьми, тѣми товарами Англичане торговать не будутъ; извѣстное дѣло, гдѣ больше съѣзду торговымъ людямъ, тутъ больше товаровъ и таможенныхъ пошлинъ, и все дешевле: вѣдь изъ Англійской земли ходить въ Персію, а изъ Персіи въ Англійскую землю

государевою землею. Бояре говорятъ, что путь страшенъ; но Англійскіе купцы скоро не сберутся, пройдетъ годъ, другой, и пойдутъ, когда государь прикажетъ, только бы государь далъ теперь жалованную грамоту.—Бояре отвѣчали, что Англичане Русскимъ людямъ своихъ товаровъ продавать не станутъ, а хотя и станутъ, то цѣну положатъ вдвое или втрое; отговаривали бояре всякими мѣрами, но отговорить не могли; спросили о подробностяхъ, какъ будутъ торговать Англичане съ Персіею, и Мерикъ обѣщалъ прислать все на письмѣ.

Потомъ князь Иванъ Ульяновичь сталъ просить позволенія отыскивать Обью рѣкою ходу въ Индію и Китай. Бояре отвѣчали, что Сибирь далеко, до первыхъ городовъ съ полгода ходу и то зимою; сами туземцы не знаютъ, откуда Обь рѣка вышла и куда пошла? сторона та самая студеная, больше двухъ мѣсяцевъ тепла никакъ не живетъ, а на Оби всегда ледъ ходитъ, никакими судами пройдти нельзя, а вверхъ по Оби, гдѣ потеплѣе, тамъ многія кочевыя орды; про Китайское государство сказываютъ, что не великое и не богатое, добиваться къ нему нечего. Государь, изъ дружбы къ Якубу королю, пошлетъ въ Сибирскіе города нарочно къ воеводамъ, велитъ провѣдать, откуда Обь рѣка вышла, куда пошла, въ какое море, какими судами можно по ней ходить, какія орды у верховья Оби, какія рѣки въ нее впали, гдѣ Китайское государство и какъ богато, есть ли чего добиваться? а теперь, не зная про то подлинно, какъ о томъ говорить и дѣлать? Бояре и по этому дѣлу спрашивали подробностей, какъ Англичане будутъ въ Индію ходить? Мерикъ обѣщалъ отвѣчать на письмѣ. На просьбу его дать Лопарей въ Новую землю государь согласился. Потомъ Мерикъ просилъ, чтобъ смолу не отпускали за море никуда, даже и въ Англію, потому что отъ вывоза смола вздорожала, и Англичанамъ въ судовой подѣлкѣ убытки большіе; просилъ позволенія Англичанамъ брать алебастръ, находящійся въ 150 верстахъ отъ Холмогоръ; просилъ чтобъ между прочими иноземцами не ссылали въ Казань нѣкоторыхъ Англичанъ: на это бояре отвѣчали ему, что ихъ ссылаютъ не въ

опалѣ, а потому что въ Москвѣ дороговизна большая, а въ Казани все дешево и имъ тамъ будетъ жить гораздо удобнѣе. Мерикъ билъ челомъ также, чтобъ отпустили домой Англійскаго дворянина Астона, который боленъ отъ ранъ, и на его мѣсто будетъ служить сынъ его; бояре отвѣчали, что издавна повелось изъ государевой службы никого не отпускать, а здѣсь князь Артемій Астонъ пожалованъ всѣмъ по его достоинству; Мерикъ билъ челомъ, чтобъ отпустили, по крайней мѣрѣ, жену его, потому что у нихъ уже больше дѣтей не будетъ; бояре отвѣчали: неслыхано, чтобъ мужа съ женой развести. Наконецъ Мерикъ билъ челомъ на Голландскаго посланника, Исака Аврамова: приходилъ на Англійскій дворъ братъ Исака Аврамова торговать сукна, слово за слово съ Англичанами разбранился и въ той брани непригожее слово молвилъ про государя ихъ Якуба короля, примѣнилъ его къ себѣ, сказалъ: «король вашъ все равно что и я; онъ человѣкъ, и я человѣкъ». Ему, князю Ивану за великую кручину, что такой мужикъ про такого великаго государя такое непригожее слово молвилъ, только бы такое слово онъ молвилъ въ ихъ землѣ, то никакъ бы висѣлицы не избылъ.—Бояре отвѣчали: царскому величеству о томъ извѣстно, царское величество о томъ кручинился, пришелъ онъ въ большой гнѣвъ, что такой мужикъ, невѣдомо кто про такого великаго государя такое непригожее слово говорилъ; царское величество велѣлъ выговорить за это съ великою кручиною, и дьякъ Романчуковъ Исаку Аврамову говорилъ, что онъ въ Нидерландской землѣ самый послѣдній худой человѣкъ, братъ же его хуже и не сыскать, и про такого великаго государя такое слово молвилъ, изъ этого и видно, что они люди худые, ничего не знаютъ. Исакъ въ томъ винился, говорилъ, что братъ его сдуровалъ простотою, и онъ за то брата своего бранилъ и билъ.

Мерикъ удовольствовался, и, спустя нѣсколько времяни, подалъ обѣщанное письмо о томъ, какъ ѣздить Англичанамъ въ Персію: ѣздить имъ изъ Архангельска до Ярославля сухимъ путемъ, а оттуда по Волгѣ; суда дѣлать близъ Устюжны

Желѣзной; и прежде здѣсь же дѣлали и лѣсъ къ тому годный здѣсь есть, царь Иванъ Васильевичъ волю имъ въ томъ лѣсѣ далъ; для Волжскаго хода Англичане будутъ дѣлать струги крытые, а для морскаго корабль, спустятъ изъ Ярославля корабль на низъ весною, въ полую воду; мастеръ корабельный будетъ Англичанинъ, плотники Русскіе наемные; для обороны на Волгѣ привезутъ наряду, пищалей, пороху, свинцу и ядеръ. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ, когда Англійскіе гости шли въ Персію мимо Астрахани, Астрахань была осаждена Турскими людьми, и Англичане, человѣкъ 100, заодно съ Русскими, службу свою показали, и царское величество службу ихъ гораздо похвалилъ. Мерикъ выставлялъ на видъ, что Англійскіе купцы никогда не торгуютъ въ розницу и не отнимаютъ промыслу у Русскихъ купцовъ, какъ то дѣлаютъ Голландцы, которые не только сами продаютъ товары свои врознь, но еще посылаютъ товары свои мелкимъ обычаемъ по всему Московскому государству и тѣмъ у подданныхъ царскаго величества хлѣбъ изо рта вырываютъ, за что при царѣ Өеодорѣ имъ не велѣно было ѣздить дальше Архангельска. Что касается до проѣзду въ Китай, то дорога на востокъ и къ полуночи Русскимъ людямъ очень извѣстна, они дальше Енисея ходили, объ этомъ письмо было дано бывшему царю Борису Өедоровичу; у него, Мерика есть письмо о томъ же, только не переведено. Наконецъ Мерикъ объяснялъ, почему не должно допускать вывоза смолы: если смолу повезутъ за море, то и пеньку туда же посылать, и царскаго величества людямъ никакой прибыли изъ того не будетъ; государи и власти не позволяютъ товаръ не изготовленный и не исправленный изъ своей земли отпускать и у людей своихъ промыслъ отнимать; изъ Англійской земли въ прежніе годы шерсть баранью вываживали въ другія государства, и отъ того въ Англійской землѣ многіе люди обнищали было; разсудивъ то дѣло поразумнѣе, королевское величество заказалъ шерсть вывозить изъ земли и тѣмъ опять бѣдныхъ людей воскресилъ, сукна въ своей землѣ дѣлать велѣлъ, и теперь лучше этихъ суконъ ни въ которыхъ

государствахъ не дѣлаютъ, этимъ иноземцевъ мастеровъ въ Англійскую землю привели, землю и подданныхъ обогатили такъ, что славнѣе и богаче нашего государя нѣтъ между окрестными. И теперь недавно королевское величество заказалъ изъ Англійской земли бѣлыя сукна возить въ другія государства, потому что прежде иноземцы наши сукна красили и справляли, отъ того богатѣли, а теперь это поворотилось къ королевскимъ подданнымъ.

По выслушаніи письма, въ думѣ было положено отвѣчать гладостью, что такого дѣла теперь рѣшить безъ совѣту всего государства нельзя ни по одной статьѣ, а какъ скоро рѣшатъ, то государь дастъ знать королю; а теперь бы королю на царское величество мнѣнья за то не держать, впередъ то все ихъ братскою дружбою и любовью исправится. Гостей и торговыхъ людей теперь же распросить: если дать дорогу Англійскимъ гостямъ въ Персію, и позволить имъ Обью рѣкою искать дороги въ Китайское государство, то государевой пошлинѣ и имъ торговымъ людямъ убытка отъ того не будетъ ли? также спросить о желѣзной рудѣ, о смолѣ и бѣломъ камнѣ. Гости отвѣчали: думаютъ они, что Англійскимъ гостямъ не Персія дорога, пріискиваютъ дороги въ Индѣйское государство; ходятъ они въ Индѣйское государство моремъ на Турцію и Персію, и этотъ путь имъ очень тяжекъ, а государевою землею ходить имъ будетъ легче; только отъ того государю прибыли не будетъ, потому что съ нихъ и съ ихъ товаровъ, по государеву жалованью, пошлинъ не берутъ, и товаровъ у нихъ не пересматриваютъ, а Русскимъ людямъ въ томъ изъянъ будетъ: здѣсь гости привели ту же причину, какую приводили бояре Мерику. Русскимъ людямъ, продолжали гости, сообща съ Англичанами торговать нельзя, Англичане люди сильные и богатые, у нихъ съ нашими ни въ чемъ не сойдется. О дорогѣ въ Китай гости сказали, что они Китайскаго государства не знаютъ, мало про него и слыхали, въ Сибири не торговали, а слыхали они, что давно уже Англичане туда дороги ищутъ, да ненайдутъ, и впередъ имъ туда

не дорога жъ, поискавъ да и покинутъ. — Про желѣзную руду гости сказали: только государь велитъ искать Англійскимъ людямъ руды желѣзной на пустыхъ мѣстахъ, то убытка государю и никому изъ нихъ не будетъ, убытки и заводъ весь Англичанъ, а какъ только найдутъ, то Русскимъ людямъ кормленье отъ того будетъ и желѣзо будетъ дешевле, потому что изъ государевой земли за море желѣзо нейдетъ, а идетъ желѣзо въ государеву землю отъ нихъ изъ за моря; а если найдутъ желѣзо, которое льется какъ мѣдь, то это будетъ въ Московскомъ государствѣ диковина. Англійскіе же люди завели и канатное дѣло, и отъ того было кормленье многимъ Русскимъ людямъ бѣднымъ, которые у нихъ работали да и научились у нихъ Русскіе люди канаты дѣлать.—Про ленъ, что около Вологды сѣять и про пеньку гости сказали: думаютъ они, что Англійскіе гости за этотъ промыслъ хватаются для того, что изъ Пскова ленъ теперь къ нимъ нейдетъ, а изъ Вязьмы, Смоленска и Бѣлой, пеньки также нѣтъ; Русскимъ людямъ, которые торгуютъ пенькою и льномъ, помѣшка будетъ, а что хотятъ дѣлать полотна на парусы, и на то они привозятъ полотна съ собою, а Русскія полотна на парусы не годятся, за море Русскія полотна нейдутъ, а ленъ, посконь и пряжа идутъ; которые этимъ торгуютъ, тѣмъ убытокъ будетъ, а бѣднымъ людямъ у Англичанъ отъ того кормленье будетъ, какъ станутъ заводъ заводить и работать. Но нѣкоторые торговые люди, имянно Юдинъ, Булгаковъ и Котовъ сказали, что Русскимъ людямъ убытка не будетъ, а только ленъ въ Московскомъ государствѣ подешевле будетъ, да и Англійскимъ гостямъ тутъ прибыли будетъ мало, вѣдь имъ не 500 четвертей сѣмени льнянова сѣять, и на свой имъ судовый обиходъ льну и посконн не напахать, да и земли тутъ нѣтъ такой, чтобъ пеньку родила, и ленъ обойдется имъ дорого, а если Русскіе люди увидятъ у нихъ тутъ какой-нибудь промыслъ, то и сами за тотъ же промыслъ ухватятся. — О смолѣ сказали: если смолы за море не отпускать, то смола дешевле, и государевымъ людямъ прибыли меньше; когда смолу отпускаютъ за море, тогда бочка

смолы стоитъ рубль, а какъ ее за море не отпустятъ, тогда таже бочка двѣ гривны, и государевой пошлинѣ убытокъ. Но другіе торговые люди, которые у Архангельска бывали въ таможенныхъ головахъ, сказали, что напротивъ, если смолы не отпускать, то пошлинѣ прибыльнѣе будетъ, потому что пойдетъ три пошлины: 1) съ крестьянъ, которые торговымъ людямъ продаютъ; 2) когда купцы продаютъ ее къ канатному дѣлу; 3) съ канатовъ вѣсовая пошлина; а отпускать смолу за море, то съ нея пошлины меньше, а съ канатовъ никакой, станутъ возить сырую пеньку да смолу и станутъ канаты смолить за моремъ, канатное дѣло за смолою остановится, бѣднымъ людямъ кормиться будетъ не съ чего, и мастера канатные переведутся; на этомъ основаніи бояре приговорили: безъ государева указа смолы за море пропускать никому не велѣть, а у Архангельскаго города вольно всѣмъ иноземцамъ смолу покупать. — Объ алебастрѣ гости сказали, что его горы большія, лѣтъ въ 50 его не выбрать; когда его отъ берега будутъ брать, то судамъ легче ходить, и какъ станетъ у Англичанъ какой промыслъ, то и государевы люди станутъ тѣмъ же промышлять.

Согласно съ этими отвѣтами гостей, Мерику предложены были статьи докончанья; онъ соглашался на все, но отклонилъ отъ себя заключеніе наступательнаго союза Англійскаго короля съ царемъ на Польскаго короля, хотя и обнадежилъ крѣпко, что если государь сошлется объ этомъ съ его королемъ, то Іаковъ поможетъ ему на Сигизмунда. Въ заключеніе Мерику предстояло отдѣлаться еще отъ одного требованія бояръ. Мы видѣли, что Московскій посланникъ Зюзинъ долженъ былъ требовать отъ Англійскаго правительства возвращенія тѣхъ Русскихъ, которые были отправлены Годуновымъ для науки. Ему ихъ не отдали; потомъ подъячій Грязевъ, отвозившій царскую грамоту королю Іакову въ 1615 году, доносилъ, что Англичане скрываютъ этихъ Русскихъ людей и привели ихъ всѣхъ въ свою вѣру; одного изъ нихъ, Никифора, поставили въ попы и живетъ у нихъ въ Лондонѣ, а другой въ Ирландіи секрета-

ремъ королевскимъ, третій въ Индіи въ торговлѣ отъ гостей; Никифоръ за Англійскихъ гостей, которые ходятъ на Русь, Бога молитъ, что вывезли его изъ Руси, а на православную вѣру говоритъ многую хулу. Бояре приступили къ Мерику съ вопросомъ объ этихъ четырехъ робятахъ, которыхъ онъ самъ при Годуновѣ вывезъ изъ Москвы въ Англію. Мерикъ отвѣчалъ, что они выучились, и ихъ хотѣли отпустить въ Россію, но они сами не хотятъ. Бояре отвѣчали: «Какъ же ихъ не отпустить, вѣдь они нашей вѣры? если имъ сюда не быть, то и отъ вѣры отстать?» Мерикъ отвѣчалъ: «Есть теперь одинъ изъ нихъ въ Англіи, Никифоромъ зовутъ, другой въ Ирландіи, два въ Индіи, какъ будутъ въ Англіи, то ихъ пришлютъ.»

При отпускѣ, когда бояре сказали Мерику, что государь пожалуетъ его за его службу, то онъ отвѣчалъ: «Царскихъ мнѣ милостей и жалованья много, а служить я царскому величеству радъ, это я долженъ дѣлать: у себя я въ Англійской землѣ родился, а на Руси взросъ; столько хлѣба не ѣдалъ въ своей землѣ, сколько въ Московскомъ государствѣ, и мнѣ какъ не служить?» Мерикъ получилъ за свои хлопоты на съѣздахъ съ Шведскими послами: цѣпь золотую съ парсуною (портретомъ) царскаго величества, ковшъ съ каменьемъ, платно Персидское, шелкъ лазоревъ да червчатъ съ золотомъ на соболяхъ, образцы низаны жемчугомъ съ каменьемъ, шапку лисью черную, кусокъ бархату, кусокъ атласу, камку, пять сороковъ соболей, 5,000 бѣлки.

Неизвѣстно, былъ ли доволенъ князь Иванъ Ульяновичъ своимъ дѣломъ и его слѣдствіями, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ и въ Стокгольмѣ были очень довольны Столбовскимъ миромъ: возвращеніе Новгорода и избавленіе отъ Шведской войны при опасной войнѣ съ Польшею дѣлали нечувствительною потерю нѣсколькихъ городовъ: теперь было не до моря! Густавъ-Адольфъ, съ своей стороны былъ очень доволенъ по причинамъ уже извѣстнымъ; онъ такъ говорилъ на сеймѣ 1617 года: «Великое благодѣяніе оказалъ Богъ Швеціи тѣмъ, что Русскіе, съ которыми мы изстари жили въ неопредѣленномъ состояніи

и въ опасномъ положеніи, теперь навѣки должны покинуть разбойничье гнѣздо, изъ котораго прежде такъ часто насъ безпокоили. Русскіе—опасные сосѣди; границы земли ихъ простираются до Сѣвернаго, Каспійскаго и Чернаго морей, у нихъ могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города, они могутъ выставлять въ поле большое войско; а теперь этотъ врагъ безъ нашего позволенія не можетъ ни одного судна спустить на Балтійское море. Большія озера—Ладожское и Пейпусъ, Нарвская область, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него; у Россіи отнято море и, Богъ дастъ, теперь Русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть чрезъ этотъ ручеекъ».

Для окончательнаго подтвержденія мирнаго договора король назначилъ полномочными послами въ Москву Густава Стейнбока, Якова Бата и секретаря Монса Мартенсона; съ Русской стороны въ Стокгольмъ были назначены дворянинъ князь Өеодоръ Борятинскій, дворянинъ Осипъ Прончищевъ и дьякъ Кашкинъ. Въ Сентябрѣ 1617 года Московскіе послы, по договору, съѣхались съ Шведскими на рубежѣ, на рѣкѣ Лавуѣ, на мосту, чтобъ показать свои грамоты, такъ ли написаны? Оказалось, что не такъ, начались споры за титулъ, и дѣло затянулось, начали посылать къ государю на обсылку, тогда какъ государю нужно было какъ можно скорѣе кончить дѣло: онъ писалъ къ Борятинскому, что Польскій королевичь Владиславъ Дорогобужъ взялъ, хочетъ идти на Москву; послы, по его наказу, должны были говорить Шведскимъ посламъ и, будучи въ Стекольнѣ (Стокгольмѣ), Шведскимъ думнымъ людямъ, чтобъ король Густавъ-Адольфъ помогъ царю, послалъ свое войско въ Ливонію, а царь послѣ воздастъ за это; Борятинскій долженъ былъ говорить Шведамъ, что Владиславъ, доступя Москвы, хочетъ доступать и Швеціи, что Владиславъ называетъ Густава-Адольфа измѣнникомъ своимъ. Шведскіе послы отказали: «велѣно намъ о томъ говорить какъ будемъ у государя на Москвѣ, а съ вами намъ о томъ говорить не велѣно.»

Только 15 Февраля 1618 года послы двинулись съ рубежа—

одни въ Москву, другіе въ Швецію. Борятинскаго съ товарищами долго держали въ Упсалѣ, не везли въ Стокгольмъ, отговариваясь тѣмъ, что дороги нѣтъ, и что король хоронитъ брата своего Іоанна; только 2 Іюня пошли изъ Упсалы въ Стокгольмъ. Здѣсь Борятинскому удалось выговорить, чтобъ король писался не государемъ Ижерской земли, но государемъ въ Ижерѣ, на томъ основаніи, что не вся Ижерская земля за Шведами. Густавъ-Адольфъ согласился заключить договоръ, чтобъ стоять на Польскаго короля за одно и не мириться одному государю безъ желанія другаго, но требовалъ, чтобъ царь не писался никогда ни къ кому Ливонскимъ, отказался отъ всѣхъ притязаній на эту землю, чтобъ Шведскимъ купцамъ отведены были особые торговые дворы въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они будутъ просить; чтобъ Шведскимъ купцамъ позволено было ѣздить во всѣ Русскіе города, торговать въ Архангельскѣ, въ Холмогорахъ, на рыбной ловлѣ въ Бѣломъ морѣ, на Лопскомъ берегу, въ устьѣ Колы и около Онѣжскаго озера, ѣздить въ Онѣжское озеро на своихъ судахъ; чтобъ вольно было имъ ѣздить въ Персію и Татарскую землю, въ Крымъ и Армянскую землю и обратно; чтобъ пословъ, гонцовъ и купцовъ не запирать въ дворахъ по Московскому обычаю, ходить имъ просто и вольно, быть имъ какъ у друзей, а не какъ плѣнникамъ. Послы отвѣчали, что они на заключеніе такого договора полной мочи не имѣютъ; и король рѣшилъ послать съ ними въ Москву нарочно для этого секретаря своего. Послы настаивали, чтобъ король съ ними же договорился стоять на Польскаго короля заодно съ Москвою и войско на него послать, а о другихъ статьяхъ пусть шлетъ договариваться въ Москву; имъ отвѣчали: государя нашего люди въ Лифляндскихъ городахъ противъ Поляковъ стоятъ, а намъ Сигизмунда короля, здѣсь живучи, бояться нечего, живемъ на острову, около насъ вода; только впредь Польскій король нашему королю лиха не учинитъ, то государю нашему для чего на Польскаго короля людей своихъ посылать и его взять добровольно на свои головы? Послы возра-

жали, что статьи, изъ которыхъ дѣло останавливается, уже внесены въ Столбовскій договоръ, и ихъ переговаривать нечего, а другихъ статей имъ безъ наказа утвердить нельзя. Канцлеръ отвѣчалъ; «правда, что статьи внесены, но не подробно, и такъ не дѣлается, какъ уговорились, надобно снова подтвердить». Ясно было, что Шведы или хотѣли новыхъ уступокъ за союзъ противъ Польши, или хотѣли дождаться, чѣмъ кончится борьба у Поляковъ съ Москвою. Она кончилась безъ ихъ вмѣшательства [7].

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

Военныя дѣйствія противъ Литвы. Затруднительное положеніе Русскихъ воеводъ подъ Смоленскомъ. Дѣйствія князей Сулешова и Прозоровскаго. Приготовленія королевича Владислава къ Московскому походу. Сношенія его съ Донскими козаками. Рѣчь архіепископа–примаса. Выступленіе Владислава. Шеинъ и Новодворскій въ Смоленскѣ. Занятіе Дорогобужа и Вязьмы. Грамота Владислава къ жителямъ Москвы. Князь Дм. М. Пожарскій въ Калугѣ; его дѣйствія противъ Чаплинскаго. Дѣйствія князя. Д. П. Пожарскаго. Неудачныя сношенія о мирныхъ переговорахъ. Неудачные приступы Поляковъ къ Борисову. Движенія воеводъ: Черкасскій и Лыковъ въ Можайскѣ, Пожарскій въ Боровскѣ. Отступленіе Пожарскаго и Лыкова изъ Можайска къ Москвѣ. Рѣшеніе въ Польскомъ станѣ. Вторая грамота Владислава въ Москву. Соборъ въ Москвѣ. Приближеніе гетмана Сагайдачнаго. Болѣзнь Пожарскаго. Неудачныя дѣйствія князя Волконскаго противъ Сагайдачнаго. Воровство козаковъ. Королевичь въ Тушинѣ. Сагайдачный у Донскаго монастыря и безпрепятственно соединяется съ королевичемъ. Ужасъ въ Москвѣ. Комета. Переговоры о мирѣ. Неудачный приступъ къ Москвѣ. Смерть

Чаплинскаго и Коная Мурзина. Переговоры на Прѣснѣ. Движеніе королевича на Переяславскую дорогу и Сагайдачнаго къ Калугѣ. Побѣда князя Тюфякина. Деулинскіе переговоры и перемиріе. Размѣнъ плѣнныхъ на Поляновкѣ. Возвращеніе Филарета Никитича въ Москву. (1616—1619 г.).

Послѣ прекращенія переговоровъ подъ Смоленскомъ, 1-го Іюля 1616 года, государь указалъ идти воевать Литовскую землю воеводамъ: князю Михайлѣ Конаевичу Тинбаеву, да Никитѣ Лихареву съ отрядомъ тысячи въ полторы человѣкъ; они повоевали окрестности Суража, Велижа, Витепска и другія мѣста. Съ другой стороны по вѣстямъ, что Литовцы пришли подъ Стародубъ, противъ нихъ выступили воеводы: Михайла Дмитріевъ и Дмитрій Скуратовъ съ отрядомъ около 5,000 человѣкъ. Въ Декабрѣ Скуратовъ далъ знать, что у нихъ съ Литовцами былъ бой подъ Болховомъ, и воеводу Дмитріева убили; на мѣсто убитаго былъ посланъ князь Иванъ Хованскій, которому, между прочимъ, наказано было: «писать отъ себя и словомъ приказывать въ Литовскіе полки къ Русскимъ людямъ, чтобъ они, помня Бога и православную вѣру, невинной христіанской крови не проливали и въ муку вѣчную душъ своихъ не предали, отъ Польскихъ и Литовскихъ людей отстали, великому государю Михаилу Ѳедоровичу вину свою приприпесли и ѣхали въ его полки безъ всякой боязни: великій государь вины ихъ имъ отдастъ, и пожалуетъ своимъ жалованьемъ, станетъ ихъ держать въ своей царской милости незабвенно; посылать къ нимъ лазутчиковъ добрыхъ, кому можно вѣрить и приведши ко кресту; лазутчики должны были раздавать Русскимъ людямъ грамоты отъ духовенства, въ которыхъ владыки писали: «знаемъ мы, господа и братья, что вы волею и неволею служите ищущимъ нашей погибели, не разсуждали

гдѣ вы стояли и куда ниспали! Не льстите себя, что вы христіяне: если четыре конца міра вопіютъ на мудрствующихъ съ папою, то вы какъ будете христіянами, поклоняясь звѣрю, котораго Даніилъ Пророкъ и Іоаннъ Богословъ видѣли глаголющаго глаголы хульные на Бога вышняго? Не вѣрьте намъ, но узнайте отъ житій св. Отецъ прежде бывшихъ вашихъ, которыхъ не только тѣла, но и персть чудеса несказанныя творитъ: за что они подвизались и съ кѣмъ единомудрствовали въ вѣрѣ — съ патріархами и со всею вселенною, или съ западомъ и съ папою? О мудрые о себѣ! воззрите на прежніе роды, гдѣ ваши родители, гдѣ вы родились, въ какой вѣрѣ крестились и выросли, и чья память осталась—благочестивыхъ или нечестивыхъ? Когда узрите одесную Христа стоящихъ Петра, Алексія, Іону, многострадальнаго Михаила Черниговскаго съ Θеодоромъ и въ любви скончавшихся Бориса и Глѣба: то къ нимъ ли тогда прибѣгнете, благословеніе и миръ получите, или изъ объятій и отъ поцѣлуевъ Формосовыхъ чадъ въ вѣчную погибель отойдете? И гдѣ скроетесь отъ заступниковъ Россійской церкви? Горе будетъ тогда вамъ, отъ таковыхъ отцовъ отступившимъ! Того ради молимъ васъ, пока время не пришло погибели общей, вашей и нашей, перестаньте отъ такого злаго умышленія и повинитесь Богу и Его святымъ угодникамъ, да восхитятъ васъ отъ адова мучительства; обратитесь къ истинной христіянской вѣрѣ, данной намъ отъ Бога, и къ государю царю Михаилу Θедоровичу, а въ отступленіи вашемъ мы васъ простимъ и разрѣшимъ и государю царю будемъ бить челомъ своими головами; еще же совѣтъ царскій и милость вамъ возвѣщаемъ, всѣми благами земными одаритъ васъ, какъ сыновей и братьевъ приметъ».

Князь Хованскій и Скуратовъ писали къ государю, что Литовскіе люди, повоевавъ Карачевскія и Кромскія мѣста, пошли къ Курску, а они воеводы за ними; Литовцы пошли къ Осколу, взяли его внезапно и сожгли, потомъ пошли къ Бѣлгороду и пробрались за рубежъ. Важнѣе были дѣла подъ Смоленскомъ: воеводы, стоявшіе подъ этимъ городомъ, Михайла

Бутурлинъ и Исакъ Погожій писали отъ 22 октября, что Гонсѣвскій съ Польскими и Литовскими людьми хочетъ идти Московскою дорогою, обойти Смоленскіе остроги и стать на Московской большой дорогѣ въ Твердилицахъ. По этимъ вѣстямъ, государь велѣлъ князю Никитѣ Борятинскому идти изо Ржевы въ Дорогобужъ, отсюда помогать Смоленскимъ таборамъ, промышлять надъ Литовскими людьми и посылать подъ Смоленскъ хлѣбные запасы изъ Дорогобужа. Въ Ноябрѣ князь Борятинскій далъ знать, что онъ со всѣми ратными людьми пришелъ въ Дорогобужъ, а Гонсѣвскій пришелъ и сталъ между Дорогобужемъ и Смоленскомъ въ Твердилицахъ, дороги всѣ отъ Смоленска отнялъ. Бутурлинъ изъ-подъ Смоленска писалъ тоже самое, и что съ запасами пріѣзду къ нимъ ни откуда нѣтъ, долгое время сидятъ они отъ Литовскихъ людей въ осадѣ, хлѣбными запасами и конскими кормами оскудѣли, такъ что иные ратные люди начинаютъ ѣсть кобылятину; Литовскіе люди съ двухъ сторонъ, изъ Смоленска и изъ Твердилицъ, приходятъ къ острожкамъ каждый день и тѣсноту имъ чинятъ великую. Такъ прошелъ 1616 годъ. 6-го Генваря 1617 государь велѣлъ идти изъ Москвы въ Дорогобужъ выѣзжему Крымскому Татарину, бояриму князю Юрію Яншеевичу Сулешову да стольнику князю Семену Прозоровскому съ 6,000 войска для соединенія съ Борятинскимъ. 30 Марта Сулешовъ писалъ изъ Дорогобужа, что онъ посылалъ головъ Бояшева и Тараканова на Литовскихъ людей, эти головы встрѣтили полковника Вишля, побили его на голову, взяли въ плѣнъ вмѣстѣ со многими другими Поляками, забрали знамена, трубы и литавры; въ Москвѣ сильно обрадовались, Сулешову и Прозовскому, также всѣмъ ратнымъ людямъ, которые были въ бою, послали золотые. Но въ Маѣ пришли другія вѣсти: Сулешовъ писалъ, что Гонсѣвскій, соединившись съ полковникомъ Чаплинскимъ, приступилъ къ Смоленскимъ острожкамъ и вытѣснилъ Бутурлина и Погожаго, которые отступили къ Бѣлой; Чаплинскій подошелъ было и къ Дорогобужу, но былъ разбитъ на голову и потерялъ 240 человѣкъ; Сулешовъ съ товарищами опять получилъ золотые и

приказъ идти къ Москвѣ, оставя въ Дорогобужѣ, Вязмѣ и Можайскѣ воеводъ и ратныхъ людей сколько пригоже, и наполня эти города хлѣбными запасами, устроивъ осады совсѣмъ, чтобъ въ нихъ было сидѣть безстрашно. Въ Дорогобужъ былъ отправленъ стольникъ князь Петръ Пронскій съ товарищемъ Иваномъ Колтовскимъ; но они дали знать царю, что въ Дорогобужъ пройти имъ нельзя — городъ осажденъ Литвою, государь приказалъ имъ быть въ Вязьмѣ, и отсюда помогать Дорогобужу, надъ Литовскими людьми промышлять. Въ Іюлѣ вѣсти еще хуже: Литовскіе люди пришли въ Ржевскій уѣздъ, сбираются воевать Старицу, Торжокъ, Устюжну; въ Іюлѣ писали воеводы изъ Кашина, Бѣжецкаго Верха, изъ Углича, что Литва уже у нихъ, идетъ въ Вологодскія и Бѣлозерскія мѣста; нужно было всюду посылать войско, а между тѣмъ давали знать, что самъ королевичь Владиславъ, величая себя царемъ Русскимъ, идетъ прямо на Москву.

Еще въ Іюлѣ 1616 года Варшавскій сеймъ опредѣлилъ отправить противъ Москвы королевича Владислава, для совѣта которому придано было 8 коммиссаровъ: епископъ Луцкій Андрей Липскій, каштелянъ Бѣльцкій Станиславъ Журавинскій, каштелянъ Сохачевскій Константинъ Плихта, канцлеръ Литовскій Левъ Сапѣга, староста Шремскій Петръ Опалинскій, староста Мозырскій Балтазаръ Стравинскій, сынъ Люблинскаго воеводы Яковъ Собѣскій (отецъ знаменитаго Яна) и Андрей Менцинскій. Коммиссары обязаны были смотрѣть, чтобъ Владиславъ не противодѣйствовалъ заключенію славнаго мира съ Москвою, ибо война предпринята была для испытанія расположенія Московскаго народа къ королевичу; чтобъ имѣлъ въ виду преимущественно выгоды республики, а не ввѣрялъ своего дѣла невѣрнымъ случайностямъ войны; если же Владиславу посчастливится овладѣть Москвою, то чтобъ не забылъ объ отцѣ своемъ и отечествѣ, и клятвенно подтвердилъ условія, которыя подписалъ собственноручно; эти условія были: 1) соединить Московское государство съ Польшею неразрывнымъ союзомъ; 2) установить между ними свободную торговлю; 3) возвратить Польшѣ

и Литвѣ страны, отъ нихъ отторгнутыя, преимущественно княжество Смоленское, а изъ Сѣверскаго города Брянскъ, Стародубъ, Черниговъ, Почепъ, Новгородъ Сѣверскій, Путивль, Рыльскъ и Курскъ, также Невель, Себежъ и Велижъ; 4) отказаться отъ правъ на Ливонію и Эстонію. Всего войска, могшаго выступить съ Владиславомъ, было не болѣе 11,000, не смотря на всѣ старанія Льва Сапѣги, который вошелъ въ большіе долги и настоялъ, что съ Литвы взята была новая подать для похода. Главнымъ начальникомъ войска большая часть сенаторовъ хотѣли назначить гетмана Станислава Жолкѣвскаго, какъ прославившагося въ войнѣ Московской, свидѣтеля присяги Москвитянъ Владиславу, и пользовавшагося у нихъ большимъ уваженіемъ; но Жолкѣвскій отказался, боясь, что въ Московскомъ государствѣ его встрѣтятъ не съ тѣмъ уваженіемъ, съ какимъ проводили, а скорѣе съ упреками въ клятвопреступленіи; предлогъ же къ отказу найти было ему легко: ждали нападенія на Польшу Турокъ, раздраженныхъ козацкими набѣгами. Въ слѣдствіе отказа Жолкѣвскаго главнымъ начальникомъ Владиславова войска былъ назначенъ гетманъ Литовскій, Карлъ Ходкѣвичь, которому также была знакома дорога въ Москву и изъ Москвы.

1616 годъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ войнѣ; думали и о другихъ средствахъ къ успѣху: король поручилъ сенаторамъ уговорить князя Василія Васильевича Голицына, чтобъ написалъ къ боярамъ въ Москву о Владиславѣ; но Голицынъ отказался. Польскіе писатели говорятъ, что являлись къ Владиславу съ приглашеніемъ отъ бояръ князья Трубецкіе, какой-то старый Готиконъ и дьякъ Осиповичь; по всѣмъ вѣроятностямъ, это были старые приверженцы Владислава, остававшіеся въ Польшѣ, князь Юрій Никитичь Трубецкой съ товарищи, принявшіе теперь на себя значеніе депутатовъ отъ бояръ Московскихъ. Но встрепенулись козаки, почуявъ войну и смуту: Донцы прислали къ Владиславу атамана Бориса Юмина и есаула Аѳанасья Гаврилова объявить, что хотятъ ему правдою служить и прямить. Владиславъ 26 Ноября 1616 года отвѣчалъ имъ, чтобъ совершили, какъ начали. Въ Апрѣлѣ

1617 года двадцатидвухлѣтній Владиславъ выступилъ изъ Варшавы, при чемъ архіепископъ — примасъ говорилъ ему рѣчь: «Господь даетъ царства и державы тѣмъ, которые повсюду распространяютъ св. Католическую вѣру, служителямъ ея оказываютъ уваженіе и благодарно принимаютъ ихъ совѣты и наставленія. Силенъ Господь Богъ посредствомъ вашего королевскаго высочества подать свѣтъ истины находящимся во тьмѣ и сѣни смертной, извести заблужденныхъ на путь мира и спасенія, подобно тому какъ привелъ наши народы посредствомъ королей нашихъ Мстислава и Ягелла. Впрочемъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, на которое должны быть устремлены всѣ заботы и попеченія, ваше королевское высочество должны держаться той умѣренности, которая такъ необходима въ новыхъ государствахъ, и привлекать этотъ жестоковыйный народъ къ единенію и св. вѣрѣ не принужденіемъ и насиліемъ, не вдругъ, но мало-по-малу, примѣромъ благочестія какъ своего, такъ и священниковъ, которые будугъ находиться при васъ. Вы будете благодѣтельствовать родинѣ, защищать ее при всякомъ случаѣ, присоедините къ ней то, что несправедливо отторгнуто отъ ея предѣловъ, и будете стараться о томъ, чтобъ, получивъ при помощи Божіей тамошній престолъ, соединить оба народа посредствомъ прочныхъ договоровъ въ одно нераздѣльное общество для бо́льшей пользы и защиты христіанской республики. Мы не только будемъ молить Господа Бога, чтобъ Онъ благословилъ ваше королевское высочество въ этомъ дѣлѣ, но также, если окажется нужда въ дальнѣйшихъ пособіяхъ, будемъ стараться, чтобъ республика наша помогала вамъ; только ваше высочество старайтесь направлять дѣла къ ея благу.» Владиславъ отвѣчалъ: «я иду съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ прежде всего имѣть въ виду славу Господа Бога моего и святую католическую вѣру, въ которой воспитанъ и утвержденъ. Славной республикѣ, которая питала меня доселѣ и теперь отправляетъ для пріобрѣтенія славы, расширенія границъ своихъ и завоеванія сѣвернаго государства, буду воздавать должную благодарность.»

Владиславъ направилъ путь въ Луцкъ, назначенный сборнымъ мѣстомъ для его войска; на дорогѣ, во Владимирѣ Волынскомъ, въ день Вознесенія онъ слушалъ обѣдню въ Русской уніатской церкви; тутъ освящено было знамя съ Московскимъ гербомъ и вручено одному изъ Москвичей, какому-то Евдокиму (Витовтову?) Говорятъ, что это привело въ восторгъ Русскихъ жителей Владимира. Принужденный удѣлить часть своего войска Жолкѣвскому, готовившемуся отражать Турокъ, Владиславъ возвратился въ Варшаву, откуда въ Августѣ пріѣхалъ въ Могилевъ на Днѣпрѣ, а отсюда отправился въ Смоленскъ съ Шеинымъ и другими Москвичами. Говорятъ, что въ Смоленскѣ очень занимали королевича и всѣхъ его окружавшихъ разговоры Шеина съ Мальтійскимъ кавалеромъ Новодворскимъ, принимавшимъ дѣятельное участіе во взятіи Смоленска; Новодворскій разсказывалъ, какъ онъ бралъ, а Шеинъ какъ онъ защищалъ городъ; оба соперника такъ подружились, что поклялись другъ другу въ вѣчномъ братствѣ. Въ концѣ Сентября Владиславъ оставилъ Смоленскъ и соединился съ Ходкѣвичемъ, который уже осаждалъ Дорогобужъ. Страхъ напалъ на воеводъ Московскихъ, когда они узнали, что самъ королевичь при войскѣ. Дорогобужскій воевода Иванисъ Ададуровъ сдалъ свой городъ Владиславу, какъ царю Московскому. Королевичь торжественно принималъ своихъ новыхъ подданныхъ, прикладывался къ образамъ и крестамъ, которые вынесло ему духовенство, одарилъ стрѣльцовъ и позволилъ имъ разойдтись по домамъ, Ададуровъ же съ дворянами и дѣтьми боярскими присоединился къ его войску. Занявши Дорогобужъ, Владиславъ по совѣту Ходкѣвича, хотѣлъ было уже располагаться на зимнія квартиры, какъ пришло извѣстіе, что Вяземскіе воеводы, князь Петръ Пронскій и князь Михайла Бѣлосельскій, узнавши о сдачѣ Дорогобужа, бросили свой городъ и убѣжали въ Москву; козаки ободрились, увидавъ, что опять пришло ихъ время, и бросились отъ Пронскаго грабить Украйну; въ меньшой Вяземской крѣпости сидѣлъ воеводою князь Никита Гагаринъ: онъ хотѣлъ было остаться, но видя, что

посадскіе люди и стрѣльцы бѣгутъ изъ города, заплакалъ и самъ поѣхалъ за ними. Владиславъ, въ концѣ Октября, торжественно вступилъ въ Вязьму; Ададуровъ съ Смоляниномъ Зубовымъ отправлены были въ Москву возмущать ея жителей, къ которымъ повезли грамоту: «отъ царя и великаго князя Владислава Жигимонтовича всея Руси, въ Московское государство, боярамъ нашимъ, окольничимъ» и проч. Владиславъ писалъ, какъ по пресѣченіи Рюрикова дома, люди Московскаго государства, поразумѣвъ, что не отъ царскаго корня государю быть трудно, цѣловали крестъ ему, Владиславу, и отправили пословъ къ отцу его Сигизмунду для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ; но главный посолъ. Филаретъ митрополитъ началъ дѣлать не потому наказу, каковъ данъ былъ имъ отъ васъ, прочилъ и замышлялъ на Московское государство сына своего Михаила. Въ то время, продолжаетъ Владиславъ, мы не могли сами пріѣхать въ Москву, потому что были въ несовершенныхъ лѣтахъ, а теперь мы, великій государь, пришли въ совершенный возрастъ къ скипетродержанію, и хотимъ, за помощію Божіею, свое государство Московское, отъ Бога данное намъ и отъ всѣхъ васъ крестнымъ цѣлованіемъ утвержденное, отыскать, и уже въ совершенномъ такомъ возрастѣ можетъ быть самодержцемъ всея Руси, и неспокойное государство, по милости Божіей, покойнымъ учинить.» Владиславъ обѣщаетъ милости въ случаѣ немедленной покорности, «а о Михайлѣ Филаретовѣ сынѣ, какъ дастъ Богъ будемъ на царскомъ своемъ престолѣ, на Москвѣ, въ то время наше царское милосердіе будетъ по прошенью всей земли.» Владиславъ заключаетъ: «мы нашимъ государскимъ походомъ къ Москвѣ спѣшимъ и уже въ дорогѣ; а съ нами будутъ Игнатій патріархъ, да архіепископъ Смоленскій Сергій, да бояре князь Юрій Никитичь Трубецкой съ товарищами.» Но грамота эта не произвела никакого дѣйствія въ Москвѣ: Ададурова и Зубова схватили и разослали по городамъ; малодушныхъ воеводъ Вяземскихъ, Пронскаго и Бѣлосельскаго высѣкли кнутомъ и сослали въ Сибирь, недвижимое имѣніе у нихъ отняли для раздачи другимъ. А между тѣмъ

движеніе Владислава было остановлено явнымъ возмущеніемъ его войска, которое, не получая долго жалованья, не хотѣло переносить голода и холода. Надобно было размѣстить его по квартирамъ, въ Вязьмѣ и окрестностяхъ.

Въ то время какъ главное войско Владислава сидѣло здѣсь, дожидаясь жалованья, дѣйствовали Лисовчики, подъ начальствомъ Чаплинскаго: страшно опустошая все на своемъ пути, они взяли Мещовскъ и Козельскъ, но не могли взять Калуги, куда, по просьбѣ жителей, былъ отправленъ 18 Октября князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, у котораго было въ распоряженіи 5,400 человѣкъ войска. Чаплинскій засѣлъ въ Товарковѣ, въ разстояніи одного перехода отъ Калуги, которой не было отъ него покоя; Пожарскій также не оставался въ бездѣйствіи; борьба шла сначала съ перемѣннымъ счастіемъ, но Пожарскому удалось наконецъ ворваться къ Полякамъ въ Товарковскій городокъ и истребить тамъ у нихъ всѣ запасы. Другой Пожарскій, князь Дмитрій Петровичь былъ посланъ оборонять Тверь; на дорогѣ въ Клину осадилъ его панъ Соколовскій: Пожарскій бился въ осадѣ, отсидѣлся и провелъ государевы запасы въ Тверь; Соколовскій пришелъ и подъ Тверь: Пожарскій отсидѣлся и здѣсь отъ него; послѣ Соколовскаго пришелъ подъ Тверь полковникъ Копычевскій, стоялъ подъ городомъ двѣ недѣли и не сдѣлалъ ему ничего. Бѣлая также не сдавалась Полякамъ. Попытка Владислава овладѣть внезапно Можайскомъ неудалась: тамошніе воеводы Ѳедоръ Бутурлинъ и Данила Леонтьевъ знали о движеніи непріятеля и были готовы встрѣтить его. Узнавши объ этой готовности, узнавши, что городъ сильно укрѣпленъ и что къ нему на помощь идетъ сильный отрядъ изъ Москвы, Владиславъ не рѣшился ни вести войско на приступъ, ни осадить городъ въ зимнее время, въ Декабрѣ, и возвратился въ Вязьму, потерявши отъ холода много людей, особенно Нѣмцевъ. Когда въ Москвѣ узнали объ опасности, грозящей Можайску, то отправили туда воеводъ, боярина князя Бориса Михайловича Лыкова и Григорія Волуева съ отрядомъ около 6,000 человѣкъ, Волокъ былъ занятъ стольниками, князь-

ями, Дмитріемъ Мамстрюковичемъ и Василіемъ Петровичемъ Черкасскими съ 5,000 войска.

Такъ прошелъ 1617 годъ. Въ концѣ его паны-рада напомнили коммиссарамъ, что лучше было бы окончить войну переговорами, и вотъ въ концѣ Декабря отправился въ Москву королевскій секретарь Гридичь, съ предложеніемъ назначить съѣздъ отъ 20 Генваря до 20 Апрѣля 1618 года, и въ это время не быть непріятельскимъ дѣйствіямъ съ обѣихъ сторонъ; также немедленно размѣняться плѣнными; бояре отвѣчали посланному, что не видя у него вѣрющей грамоты отъ короля и рѣчи посполитой, не могутъ входить въ сношенія съ коммиссарами; что Русскіе полномочные послы безъ охранныхъ листовъ отъ Владислава вступить въ переговоры не могутъ; что срокъ до Апрѣля очень коротокъ; что на прекращеніе непріятельскихъ дѣйствій нельзя согласиться до тѣхъ поръ, пока Поляки не выйдутъ изъ Московскаго государства; что плѣнными нельзя размѣниваться до тѣхъ поръ, пока Поляки не освободятъ митрополита Филарета и князя Голицына; что какъ скоро королевичь пришлетъ охранный листъ, то они, бояре отправятъ къ коммиссарамъ своего посланца, который уговорится о мѣстѣ переговоровъ и о числѣ уполномоченныхъ.

Прошли три первые мѣсяца 1618 года, новаго задора отъ Владислава не было, а между тѣмъ Поляки не переставали опустошать Московскія области, и королевичь не отступалъ изъ Вязьмы назадъ въ Литву; съ весною грозили новыя опасныя движенія врага къ столицѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ въ Москвѣ рѣшили сами задрать Поляковъ о мирѣ, и въ началѣ Апрѣля пріѣхалъ въ Польскій станъ дворянинъ Кондыревъ съ дьякомъ и объявилъ, что готовъ вести переговоры съ коммиссарами о мѣстѣ съѣзда уполномоченныхъ и о числѣ ихъ; требовалъ, чтобъ Поляки вышли изъ Московскихъ предѣловъ, и въ такомъ случаѣ заключено будетъ трехмѣсячное перемиріе. Коммиссары отвѣчали, что войско ихъ не выйдетъ изъ Московскихъ предѣловъ прежде окончанія переговоровъ, которые могутъ начаться 16 Іюня, что о мѣстѣ переговоровъ и числѣ

провожатыхъ посольскихъ должны условиться особые коммиссары за двѣ недѣли до съѣзда. Прошла весна; получено было извѣстіе изъ Варшавы, что сеймъ опредѣлилъ сборъ денегъ для продолженія войны, но немного, и съ условіемъ, чтобъ война непремѣнно была окончена въ одинъ годъ. Въ началѣ Іюня Польское войско двинулось изъ Вязьмы и стало въ Юркаевѣ на дорогѣ между Можайскомъ и Калугою; здѣсь на военномъ совѣтѣ Ходкѣвичь предлагалъ перенести войну къ Калугѣ, въ край менѣе опустошенный и потѣснить самаго знаменитаго Московскаго воеводу князя Пожарскаго, заставить его перейдти на сторону Владислава, къ чему онъ, по мнѣнію гетмана, былъ готовъ, наконецъ подъ Калугою легче было посоединиться съ войскомъ, которое черезъ украйну шло на помощь отъ Жолкѣвскаго. Но коммиссары требовали идти прямо къ Москвѣ, что заставитъ жителей ея передаться королевичу какъ было во время Шуйскаго; они представляли, что удаленіе къ Калугѣ дастъ Московскимъ воеводамъ возможность овладѣть Вязьмою и отрѣзать Поляковъ отъ Смоленска.

Это мнѣніе превозмогло; но прежде чѣмъ идти къ Москвѣ, нужно было овладѣть Можайскомъ, чтобъ не оставить у себя въ тылу князя Лыкова. Взять Можайскъ приступомъ не было никакой надежды по неимѣнію осадныхъ орудій, и потому рѣшили идти къ Борисову городищу, взять его силою или заставить Лыкова вытти изъ Можайска и сразиться въ чистомъ полѣ, гдѣ Поляки, по опыту, надѣялись вѣрнаго успѣха. Два раза Польское войско ходило на приступъ къ Борисову, и два раза былъ отбито. Въ концѣ Іюня Лыковъ писалъ государю, что королевичь стоитъ подъ Борисовымъ городищемъ; Михаилъ велѣлъ князю Дмитрію Мамстрюковичу Черкаскому перейти изъ Волока въ Рузу, оттуда ссылаться съ Лыковымъ и по вѣстямъ идти къ нему въ Можайскъ; Пожарскому велѣно было выйти изъ Калуги въ Боровскъ и помогать оттуда Можайску, изъ Москвы къ Боровску велѣно двинуться Курмашъ-Мурзѣ—Урусову съ юртовскими Татарами и Астраханскими стрѣльцами. 30 іюня Лыковъ опять писалъ въ Москву, что накану-

нѣ, 29-го королевичь и гетманъ приходили изъ подъ Борисова городища къ Можайску, но Русскіе люди изъ острога противъ нихъ выходили, Литовскихъ людей отъ Можайска отбили, языковъ взяли, и королевичь пошелъ назадъ подъ Борисово городище. Прошло двадцать дней. Черкаскій пришелъ въ Можайскъ, и 21 Іюля писалъ государю, что наканунѣ пришли изъ подъ Борисова городища подъ Можайскъ многіе Польскіе и Литовскіе люди, разъѣзжаютъ мѣсто подъ Лужецкимъ монастыремъ по Московской дорогѣ къ Рузѣ, и надобно думать, что хотятъ отнять Московскую дорогу отъ Можайска; князь Лыковъ писалъ что, по словамъ перебѣжчика, королевичь и гетманъ пришли со всѣми людьми изъ подъ Борисова къ Можайску на осаду. Государь немедленно созвалъ бояръ и приговорилъ: Можайское стоянье, и промыслъ, и отходъ положить на воеводъ князей Лыкова и Черкасскаго: если имъ, смотря по тамошнему дѣлу, можно въ Можайскѣ быть, то они бы, прося у Бога помощи, надъ Литовскими людьми промышляли и съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ ссылались, чтобъ надъ Литовскими людьми вмѣстѣ имъ промышлять, какъ Богъ вразумитъ. А если узнаютъ, что королевичь и гетманъ и Литовскіе люди пришли подъ Можайскъ на осаду, и почаютъ отъ нихъ крѣпкой осады и дорожной отнимки, то они бы въ осадѣ не садились, шли бы въ отходъ къ Москвѣ со всѣми людьми, которою дорогою бережнѣе и куда можно, и совѣтовались бы объ отходѣ тайно, чтобъ никто незналъ. А на которую дорогу отходъ свой приговорятъ, и они бы послали отъ себя къ боярину князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому тайно же, чтобъ онъ на ту дорогу подставлялся, остроги или полки подводилъ и помогалъ имъ. А какъ въ отходъ пойдутъ, и они бы въ Можайскѣ оставили съ воеводою Ѳедоромъ Волынскимъ осадныхъ людей къ прежнимъ въ прибавку, чтобъ въ Можайскѣ въ осадѣ сидѣть было безстрашно.

29-го іюля Лыковъ доносилъ, что Литовскіе люди къ ихъ острожкамъ приходятъ каждый день, изъ наряду и мушкетовъ стрѣляютъ и ратныхъ людей побиваютъ, и 27 числа ранили

воеводу князя Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго; и теперь Литовскіе люди шанцевъ прибавляютъ позади Якиманскаго монастыря, и за рѣкою Можаею поставили противъ ихъ острожковъ нарядъ, бьютъ изъ шанцевъ въ оба острожка и тѣсноту чинятъ великую. По Польскимъ извѣстіямъ у Русскихъ побито было болѣе 1000 человѣкъ. Была бѣда и другаго рода: ратные люди, подстрекаемые Ярославцемъ Богданомъ Тургеневымъ, Смоляниномъ Тухачевскимъ и Нижегородцемъ Жедринскимъ, приходили на воеводъ съ большимъ шумомъ и указывали, чего сами не знали, едва дѣло обошлось безъ крови. Тогда государь уже рѣшительно приказалъ остаться въ Можайскѣ осаднымъ воеводою Волынскому, а Черкаскому и Лыкову со всѣми людьми отходить къ Москвѣ какъ лучше и здоровѣе. Пожарскій, стоявшій въ Боровскѣ, получилъ приказъ идти къ Можайску па то мѣсто, гдѣ воеводы ему присрочатъ и помогать имъ, а изъ Борисова свести къ себѣ осадныхъ людей со всѣми запасами въ то самое время какъ Черкаскій и Лыковъ пойдутъ въ отходъ; когда же они отъ Можайска отойдутъ, то Пожарскій долженъ былъ возвратиться въ Боровскъ. Въ первыхъ числахъ августа, выбравши темную бурную ночь, при проливномъ дождѣ, Черкаскій и Лыковъ вышли потихоньку изъ Можайскихъ острожковъ и 6 числа достигли Боровска, откуда двинулись къ Москвѣ. Поляки немедленно заняли покинутый и сожженый Русскими Борисовъ. Сюда къ нимъ пріѣхалъ Левъ Сапѣга, который ѣздилъ въ Варшаву за деньгами; вмѣсто денегъ онъ привезъ одно только обѣщаніе, и тогда войско, въ которомъ иные двѣнадцать дней не видали куска хлѣба, взбунтовалось и толпами начало покидать станъ. Съ большимъ трудомъ коммиссары успѣли успокоить его, обѣщавши выплатить жалованье 28 октября, и не смотря на то четыре хоругви оставили станъ, не считая уже вышедшихъ по одиначкѣ.

Въ такихъ обстоятельстахъ Ходкѣвичь опять предлагалъ расположиться между Калугою и Боровскомъ, въ краю менѣе разоренномъ. Но коммиссары ни какъ не соглашались: они хо-

тѣли во чтобы то ни стало кончить войну къ сроку, а изъ этого годичнаго срока оставалось теперь менѣе пяти мѣсяцевъ, и потому они рѣшили идти прямо на Москву, отправивши туда грамоту, въ которой Владиславъ увѣрялъ, что это только совѣтники Михаила Романова увѣряютъ, что онъ идетъ на истребленіе православной вѣры, а у него этого и на умѣ нѣтъ. Получивши вѣсть изъ Можайска, что Владиславъ идетъ на Москву, Михаилъ 9 сентября созвалъ соборъ и объявилъ что онъ «прося у Бога милости, за православную вѣру противъ недруга своего Владислава обѣщался стоять, на Москвѣ въ осадѣ сидѣть, съ королевичемъ и съ Польскими и Литовскими людьми биться, сколько милосердый Богъ помочи подастъ: и они бы митрополиты, бояре и всякихъ чиновъ люди за православную вѣру, за него государя и за себя съ нимъ государемъ въ осадѣ сидѣли, а на королевичеву и ни на какую прелесть не покушались.» Всякихъ чиновъ люди отвѣчали, что они всѣ единодушно дали обѣтъ Богу за православную вѣру и за него государя стоять, съ нимъ въ осадѣ сидѣть и биться съ врагами до смерти, не щадя головъ своихъ. И тутъ же сдѣланы были всѣ распоряженія, кому и съ кѣмъ защищать разныя части Москвы. Опять пошли изъ Москвы грамоты по городамъ, чтобъ жители ихъ, памятуя Бога, православную вѣру, крестное цѣлованіе и свои души, усердно помогали государству въ настоящей бѣдѣ людьми и деньгами.

Не одинъ Владиславъ съ своимъ небольшимъ войскомъ приближался къ Москвѣ: шелъ на нее съ другой стороны Малороссійскій гетманъ Конашевичь Сагайдачный съ 20,000 козаковъ, раззоривъ на дорогѣ Путивль, Ливны, Елецъ, Лебедянь; послѣдній городъ былъ взятъ потому, что уѣздные люди воеводъ не послушались, въ осаду не пошли; Елецъ былъ взятъ потому, что воеводѣ его Полеву ратное дѣло было не за обычай; Сагайдачный обманулъ его: скрылъ въ одномъ мѣстѣ засаду, а самъ съ остальными людьми пошелъ на приступъ; воевода вывелъ противъ него все свое войско, а между тѣмъ засада вошла въ городъ и овладѣла имъ. Но Ми-

хайловымъ Сагайдачнему не удалось овладѣть. Услыхавъ о приближеніи Сагайдачнаго, царь приказалъ идти противъ него Пожарскому изъ Боровска; Пожарскій выступилъ по дорогѣ къ Серпухову, но сильно занемогъ, ратные люди остановились и не хотѣли идти противъ непріятеля съ больнымъ воеводою; козаки воспользовались этимъ случаемъ и стали воровать. Тогда государь велѣлъ больному Пожарскому ѣхать въ Москву, а товарищу его, князю Григорію Волконскому велѣлъ стать на Коломнѣ и не пропускать Сагайдачнаго черезъ Оку; но Волконскій не былъ въ состояніи удержать гетмана отъ переправы и долженъ былъ заключиться въ Коломнѣ, гдѣ въ полкахъ у него встала рознь между дворянами и козаками; послѣдніе ушли изъ Коломны, стали во Владимирскомъ уѣздѣ, въ отчинѣ князя Мстиславскаго и оттуда много мѣстъ запустошили. 17 сентября королевичь стоялъ въ Звенигородѣ, Сайгадачный въ селѣ Бронницахъ Коломенскаго уѣзда. 20 сентября королевичь сталъ въ знаменитомъ Тушинѣ; Сайгадачный появился у Донскаго монастыря и началъ пропускать обозы свои для соединеія съ королевичемъ; бояре съ войскомъ вышли было изъ Москвы, чтобъ воспрепятствовать этому соединенію, но на Московскихъ людей, по словамъ лѣтописца, напалъ ужасъ великій, и они безъ бою пропустили гетмана мимо Москвы въ таборы къ Владиславу. Ужасъ Москвичей увеличила еще комета, которая головою стояла надъ самымъ городомъ: царь и всѣ люди, смотря на звѣзду, думали что быть Москвѣ взятой отъ королевича. Между тѣмъ подъ Москвою шли переговоры: Владиславъ требовалъ подданства, называя себя царемъ Московскимъ, бояре вымарывали въ грамотахъ дегтемъ этотъ титулъ королевича и тянули дѣло, поджидая союзниковъ — голодъ и холодъ. Но Поляки не хотѣли ихъ дожидаться, и въ ночь на первое октября повели приступъ; осажденные были предувѣдомлены изъ непріятельскаго стана и готовы къ отпору. Кавалеръ Новодворскій сдѣлалъ проломъ въ переднемъ городкѣ и дошелъ до самыхъ Арбатскихъ воротъ; но здѣсь прикладывая къ нимъ петарду, былъ раненъ

въ руку изъ мушкета. Въ слѣдъ за этимъ Русскіе сдѣлали вылазку изъ воротъ и схватились съ непріятелемъ, обстрѣливаемымъ со всѣхъ сторонъ; Поляки держались до свѣта, но, не получая помощи отъ своихъ, отступили. Арбатскіе ворота и мѣста отъ Арбатскихъ до Никитскихъ воротъ вѣдалъ во время приступа окольничій Никита Васильевичь Годуновъ, съ 457 человѣками, а въ Арбатскихъ воротахъ и на воротахъ начальствовали Данила Леонтьевъ, Иванъ Урусовъ и дьякъ Антоновъ. Приступъ къ Тверскимъ воротамъ былъ еще менѣе удаченъ, потому что лѣстницы, принесенныя Поляками, были слишкомъ коротки. Тверскіе ворота и пространство отъ Тверскихъ до Петровскихъ воротъ, до Трубы и до Срѣтенскихъ воротъ были поручены князьямъ Данилѣ Мезецкому и Григорью Волконскому съ 562 человѣками пѣхоты, съ 22 конницы, въ самыхъ же Тверскихъ воротахъ и на воротахъ начальствовали Василій Монастыревъ, Семенъ Дуниловъ и дьякъ Головинъ. Поляки, по ихъ извѣстіямъ потеряли у Арбатскихъ воротъ 30 человѣкъ убитыми и болѣе 100 ранеными. Въ неуспѣхѣ, разумѣется, обвиняли главнаго вождя Ходкѣвича: за чѣмъ не была соблюдена тайна на счетъ приступа? за чѣмъ повѣрили лазутчикамъ, давшимъ невѣрное показаніе о высотѣ стѣнъ? зачѣмъ Новодворскому не было подано помощи, потому что Русскіе у Арбатскихъ воротъ показали было тылъ, но ихъ удержала Нѣмецкая пѣхота, стоявшая у Никитскихъ воротъ? Но по Русскимъ оффиціальнымъ извѣстіямъ у Никитскихъ воротъ не было Нѣмцевъ.

Знаменитый Польскій наѣздникъ Чаплинскій погибъ на Вохнѣ отъ служекъ Троицкаго монастыря послѣ неудачь подъ этимъ монастыремъ; но за то и съ Русской стороны погибъ также знаменитый наѣздникъ, причинявшій много вреда Литовскому войску, Канай Мурзинъ, въ крещеніи названный княземъ Михаиломъ. Начались опять переговоры; рѣшили, что уполномоченные, съ Русской стороны бояре — Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, князь Данила Мезецкій, окольничій Артемій Измайловъ и дьяки Болотниковъ и Сомовъ, а съ Польской — князь

Адамъ Новодворскій, бискупъ Каменецкій, Константинъ Плихта, Левъ Сапѣга и Яковъ Собѣскій—съѣдутся на рѣкѣ Прѣснѣ 20 октября. Русскіе послы, отправлявшіеся отъ бояръ и отъ всей думы, получили наказъ: «противъ королевскаго имени шапки снимать только въ томъ случаѣ, когдѣ Литовскіе послы станутъ снимать шапки къ государеву имени. Говорить Литовскимъ посламъ: сами вы писали, что добраго дѣла и покою христіянскаго хотите, а теперь вы такое несходительство къ доброму дѣлу объявили, великаго государя нашего имени въ рѣчахъ своихъ не именуете: и тутъ какому доброму дѣлу быть, и чьи мы на обѣ стороны послы? вы нашего государя имени въ рѣчахъ своихъ не именуете, а мы вашего короля именовать не станемъ!» и такимъ образомъ съ ними о всякихъ дѣлахъ говорить и въ рѣчахъ своихъ короля не называть, развѣ случится королевское имя вымолвить говоря о разореньи Московскаго государства. Когда Литовскіе послы станутъ просить городовъ, или королевскихъ и королевичевыхъ подъемовъ и накладовъ, или какихъ-нибудь убытковъ, то посламъ отвѣчать: какія убытки учинились отъ государя вашего и отъ Польскихъ и Литовскихъ людей въ Московскомъ государствѣ, того и въ смѣту нельзя положить, что объявилось по запискѣ и что Ѳедька Андроновъ сказалъ, что отослано къ королю всякихъ узорочей и что по королевскимъ грамотамъ дано на рыцарство, депутатамъ и Нѣмцамъ, полковникамъ и ротмистрамъ и Сапѣгина войска депутатамъ, и по договору гетмана депутатамъ же, и Сапѣгѣ, и посламъ Литовскимъ и Польскимъ,—на приказные расходы, и къ Александру Гонсѣвскому на дворъ, и полковникамъ, и ротмистрамъ по Александровымъ картамъ, и Русскимъ людямъ и пушкарямъ и стрѣльцамъ Московскимъ, которые были у васъ, золотомъ, сребромъ и всякою рухлядью по меньшей цѣнѣ на 912,113 рублей и 27 алтынъ, а золотыми польскими 340,379 золотыхъ, 13 грошей. Уполномоченные съѣхались и говорили, т. е. спорили не сходя съ лошадей: Левъ Сапѣга началъ говорить о правахъ Владислава на Московскій престолъ, вычислялъ выгоды для Москвы

отъ его принятія, невыгоды, если не захотятъ принять. Московскіе уполномоченные отвѣчали: «Не дали вы намъ королевича тогда, когда мы всѣ его хотѣли и долго ждали; потомъ кровь многая была пролита, и мы другаго государя себѣ выбрали, крестъ ему цѣловали, вѣнчанъ онъ уже вѣнцомъ царскимъ и мы не можемъ отъ него отступить; хотимъ заключить перемиріе между государями на 20 лѣтъ, если вы уступите намъ Смоленскъ, Рославль, Дорогобужъ, Вязьму, Козельскъ и Бѣлую.» Поляки, смѣясь надъ этими требованіями, продолжали толковать и королевичѣ; Московскіе умолномоченные отвѣчали: «Скажите вы намъ, если мимо королевича хотите доброе дѣло дѣлать, то и мы будемъ къ доброму дѣлу сходительны, и хотимъ вмѣстѣ съ вами искать всякихъ мѣръ, какъ бы съ обѣихъ сторонъ покой установить; если же о королевичѣ говорить не перестанете, то уже мы съ вами съѣзжаться больше не будемъ.» Поляки возражали: «Вамъ же хуже, если переговоры порвете: государь короловичь пойдетъ съ войсками за столицу, и что еще остается у васъ не спаленаго и неопустошеннаго, отъ того останется только земля да вода.» Слѣдующіе съѣзды, 23 и 25 октября прошли въ спорахъ о городахъ, которые Москва должна уступить Литвѣ и о срокѣ перемирія: Поляки требовали много городовъ и назначали слишкомъ краткій срокъ перемирію.

Между тѣмъ наступили холода; Владиславъ снялъ станъ и двинулся изъ Тушина по Переяславской дорогѣ, въ слѣдствіе чего съѣздъ уполномоченныхъ 27 октября былъ уже не на Прѣснѣ, а за Срѣтенскими воротами по Троицкой дорогѣ, и такъ какъ здѣсь не послѣдовало соглашенія, то съѣзды должны были прекратиться, ибо Литовскіе послы не могли оставаться подъ Москвою по удаленіи королевича. Въ такихъ обстоятельствахъ князь Новодворскій съ товарищами отправилъ отъ себя пословъ въ Москву—Христофора Сапѣгу, Карсиньскаго и Гридича, которые и заключили здѣсь предварительный договоръ съ условіемъ, чтобъ окончательно утвердить его на съѣздѣ съ великими послами.

Русскіе согласились уступить: Смоленскъ, Бѣлую, Дорогобужъ, Рославль, городище Монастыревское (Муромскъ), Черниговъ, Стародубъ, Попову гору, Новгородъ Сѣверскій, Почепъ, Трубчевскъ, Серпейскъ, Невль, Себежъ, Красный, да волость Велижскую съ тѣмъ, что къ той волости изстари потянуло.—По Польскимъ извѣстіямъ въ это время въ Москвѣ происходили сильныя волненія между чернью; по извѣстію нашего лѣтописца козаки, не хотя долѣе сидѣть въ Москвѣ и не терпя быть безъ воровства, взбунтовались ночью въ числѣ 3000, проломали острогъ за Яузой и побѣжали; царь послалъ за ними князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго и Данилу Ивановича Мезецкаго уговаривать ихъ возвратиться; князья успѣли ихъ воротить; но козаки остановились у острога и никахъ не хотѣли входить въ городъ боясь наказанія. Тогда царь послалъ другихъ бояръ уговаривать ихъ, и козаки вошли въ городъ. 19 ноября Шереметевъ и Мезецкій получили наказъ: ѣхать на съѣздъ къ бискупу Каменецкому съ товарищами и закрѣпить перемирныя договорныя записи, боярину Ѳедору Ивановичу ѣхать въ Троицкій монастырь и оттуда обослаться съ коммиссарами и съѣздное мѣсто приговорить. На съѣздѣ требовать, чтобъ Поляки отдали боярина князя И апа Ивановича Шуйскаго да князя Юрія Никитича Трубецкаго съ женою и дѣтьми, если они сами захотятъ, и всѣхъ Московскихъ людей, которые теперь при королевичѣ, а которые въ Литвѣ, и захотятъ ѣхать въ Московское государство, то отпустить. Если будетъ можно, то Шереметеву сослаться съ княземъ Шуйскимъ и другими и спросить, надобно ли объ нихъ говорить по договорнымъ записямъ? если они будутъ государеву жалованью рады и захотятъ, чтобъ послы объ нихъ говорили, то говорить; а если Русскіе люди прикажутъ, чтобъ объ нихъ не говорить, то и не говорить.

Королевичь, отступя отъ Москвы, пошелъ къ Троицкому монастырю, но на требованіе сдачи, архимандритъ и келарь съ братіею велѣли бить изъ наряда по Польскимъ войскамъ. Королевичь отступилъ, и сталъ за 12 верстъ отъ монастыря

въ селѣ Рогачевѣ. Гетманъ Сагайдачный прямо отъ Москвы отправился подъ Калугу, и на дорогѣ взялъ острогъ въ Серпуховѣ, но крѣпости взять не могъ. Въ Калугѣ точно также онъ успѣлъ выжечь острогъ, но въ крѣпости отъ него отсидѣлись. Королевичъ распустилъ своихъ людей въ Галицкія, Костромскія, Ярославскія, Пошехонскія и Бѣлозерскія мѣста; но въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ Поляки были настигнуты воеводою княземъ Григоріемъ Тюфякинымъ и побиты. Между тѣмъ уполномоченные — Новодворскій, Левъ Сапѣга и Гонсѣвскій занимали Сватково въ 10 верстахъ отъ Троицкаго монастыря. Пріѣхавши въ монастырь, Шереметевъ послалъ въ Сватково Соловаго — Протасьева спросить уполномоченыхъ Литовскихъ о здоровьѣ и пригласить на съѣздъ; Сапѣга и Гонсѣвскій отвѣчали Протасьеву съ сердцемъ, что посланниковъ ихъ, Христофора Сапѣгу съ товарищами великіе послы въ Москвѣ задержали долго, и вымогли на нихъ неволею, что искони вѣчный лучшій Сѣверскій городъ Брянскъ оставили въ своей сторонѣ къ Московскому государству, и написали въ своемъ перемирномъ образцовомъ спискѣ за Брянскъ Попову гору, а они такого города, Поповой горы не знаютъ и не слыхивали; также у Велижской волости рубежей не описали. Протасьевъ отвѣчалъ, что за Брянскъ уступлено три города: Серпѣйскъ, Псковской пригородъ Красный, да въ Сѣверской странѣ городъ Попова гора, да еще Велижская волость. Левъ Сапѣга сказалъ на это: «Съ вами намъ теперь объ этомъ говорить нечего, станемъ говорить съ вашими великими послами, какъ будемъ на съѣздѣ». Протасьевъ отвѣчалъ: «Только вамъ великимъ посламъ то конченное дѣло начинать теперь съизнова, то царскаго величества великіе послы сверхъ того договора, о чемъ съ вашими посланниками договорились и уложили—ни очемъ съ вами говорить не станутъ.» Гонсѣвскій продолжалъ съ сердцемъ: «Я самъ въ Псковѣ бывалъ и Псковскіе пригороды всѣ знаю, въ Красномъ не только что города, давно и заклади никакой нѣтъ, все пусто.» Потомъ Литовскіе послы начали говорить, чтобъ на другой день съ обѣихъ сторонъ съѣхаться

дворянамъ и розыскать съѣзжаго мѣста, да чтобъ людей было при съѣздѣ по 100 человѣкъ конныхъ да 50 пѣшихъ съ каждой стороны. Левъ Сапѣга прибавилъ: «Какъ вы пріѣдете къ вашимъ великимъ посламъ, то̀ поговорите о насъ, чтобъ они намъ прислали рыбки.» Протасьевъ отвѣчалъ: «Къ великимъ посламъ рыбы никакой изъ городовъ за вашими Литовскими людьми къ Москвѣ не прихаживало ни откуда.»

Дворяне пріискали съѣздное мѣсто въ Троицкой деревнѣ Деулинѣ по Углицкой дорогѣ, отъ Троицы въ трехъ верстахъ, отъ Сваткова въ пяти, и 23 ноября былъ первый съѣздъ. Литовскіе послы начали говорить, что Московскіе послы вымогли силою у ихъ посланниковъ Брянскъ: «вы въ записи своей написали, что мы вамъ говорили о королевичѣ, и вы то дѣло ставите минувшимъ: такъ вамъ бы этого дѣла минувшимъ не называть, то дѣло Божіе; прошлую пятницу видѣли вы на утренней зарѣ звѣзду съ лучемъ, стояла она надъ вашимъ Московскимъ государствомъ, и вы по той звѣздѣ увидите, что надъ вами сдѣлается за такія неправды». Московскіе послы отвѣчали: «Знаменье небесное бываетъ всякими различными образами, и о томъ разсуждать никому непригожіе; Богъ не далъ знать, которому государству что отъ того будетъ. Мы думаемъ, что это знаменіе совершится надъ вашимъ государствомъ; небесное знаменіе тварь Божія, Ему творцу и работаетъ, а разсуждать про то никому не надобно. А если вы посланниковъ своихъ договоръ станете переговаривать, то впередъ чему же вѣрить?» Литовскіе послы стали говорить съ сердцемъ а поощрялъ ихъ на всякое зло Александръ Гонсѣвскій: «Вы на нашихъ посланникахъ вымогли многія статьи не противъ нашей образцовой записи!» кричали Поляки. Московскіе послы отвѣчали: «Если уже ваша посольская вѣрющая грамота, что дали вы вашимъ посланникамъ не пряма стала, то впередъ чему вѣрить? А намъ тѣхъ обѣихъ записей перемѣнить отнюдь нельзя, сверхъ договора и сверхъ совѣта братьевъ нашихъ, великаго государя бояръ и всѣхъ его думныхъ людей, и всего великаго Россійскаго государства.» Гон-

сѣвскій сталъ говорить: «Какое ваше сходительство къ доброму дѣлу? Многія Бѣльскія волости оттягиваете ко Ржеву а Велижскія многія волости написаны къ Торопцу, и за Бѣльскія волости да за Велижскій рубежъ еще крови много литься. А теперь вы пріѣхали къ намъ съ указомъ и велите дѣлать по своему также какъ и посланникамъ нашимъ; не дай Богъ Литовскимъ посламъ и посланникамъ у васъ въ Москвѣ никогда бывать, хорошо съ вами съѣзжаться на полѣ, тутъ вы намъ не указываете, потому что у насъ съ вами все ровное, а въ Москвѣ Литовскимъ посламъ переговоры вести—несчастье: все вымогаете силою; я былъ у васъ въ Москвѣ при царѣ Василіи и едва съ головою выѣхалъ, а многія статьи черезъ мою волю государь вашъ на мнѣ силою вымогъ, чего было мнѣ дѣлать нельзя. Прежде того царь Борисъ на канцлерѣ Львѣ Ивановичѣ перемирье на 20 лѣтъ вымогъ силою, а вы теперь на посланникахъ нашихъ вымогали силою то, чего было имъ дѣлать не наказано, мы бы съ вами на столько лѣтъ перемирья не сдѣлали.» Московскіе послы отвѣчали, что въ Москвѣ всѣмъ посламъ честь оказываютъ, никогда ни у какихъ пословъ силою ничего не вытягивали: «вы это говорите, покрывая свои неправды, потому что никогда по договору перемирныхъ дѣлъ не сдерживаете и крестное цѣлованье нарушаете.» Левъ Сапѣга сказалъ на это: «Птичку хотя въ золотую клѣтку посади да макомъ и сахаромъ ее корми, а воли и свѣту видѣтъ не давай, то ей все ни во что: такъ и человѣкъ, будучи въ неволѣ, что и не годится дѣлаетъ. Я къ вашему царю Борису приходилъ отъ короля въ послахъ и былъ у него задержанъ долгое время, бояре ваши вымогли на мнѣ перемирныя большія лѣта силою, а вы насъ теперь пріѣхали обманывать; но мы еще на своей волѣ, а не въ вашемъ задержаньѣ.» И говорилъ много сердитыхъ, непристойныхъ рѣчей. Тогда Московскіе послы, видя что Литовскіе послы сердиты и боясь отъ нихъ разрыва, взяли у нихъ тетрадь съ ихъ записью, чтобъ сравнить съ своею, и нашли во многихъ статьяхъ многія прибавочныя слова, напримѣръ: прибавлено въ королевскомъ титулѣ

названіе Черниговскій; къ статьѣ: отпустить Смоленскаго архіепископа Сергія — прибавлено: если захочетъ; въ записи у Московскихъ посланниковъ было сказано о государѣ: «котораго у себя теперь (Русскіе) великимъ государемъ Московскимъ имѣютъ,» а въ Польской тетради оказалось: «котораго у себя теперь государемъ Московскимъ именуютъ.» Послѣднюю перемѣну, впрочемъ, Литовскіе послы обѣщали выпустить и на томъ разъѣхались.

Когда Шереметевъ донесъ объ этомъ царю, то получилъ наказъ: стоять накрѣпко; но если захотятъ разорвать, то допустить эти прибавки. Исполняя наказъ, Московскіе послы на второмъ съѣздѣ начали стоять крѣпко противъ прибавокъ. Польскіе послы отвѣчали имъ съ сердцемъ, грозили, что полки гетмана Радзивила, занятые прежде Шведскою войною, теперь, послѣ перемирія со Шведами, стали свободны и придутъ на помощь къ королевичу: «еще вамъ кровь христіанская не надокучила; будто съ нами послуете (посольство отправляете), а на самомъ дѣлѣ только маните, да обманываете; но мы никакихъ вашихъ обмановъ не боимся, а надѣемся на волю Божію, на свою передъ вами правду и на свое рыцарство, можемъ съ вами управиться; если доброе дѣло между нами не сдѣлается, то навесть вамъ этими своими указами такой на себя покой, что ни одного младенца въ Москвѣ и въ другихъ городахъ не останется. Намъ такъ не писать: «кого вы теперь великимъ государемъ имѣете;» много государю вашему отъ насъ и той чести, что мы въ своей записи написали: «котораго у себя нынѣ великимъ государемъ именуютъ». Московскіе послы возражали, что Поляки сами на первомъ съѣздѣ обѣщали оставить по старому о государѣ: имѣютъ, а не именуютъ: «впередъ уже чему вѣрить? какъ вамъ такимъ великимъ и честнымъ людямъ не стыдно? что приговорите и на томъ не стоите!» Польскіе послы отвѣчали: «Если бы вы всѣ въ Московскомъ государствѣ захотѣли себѣ добра да добили челомъ государю своему королевичу: тогда бы всѣмъ вамъ всякій покой былъ и кровь христіанская унялась бы; а то вы, забывъ государя своего,

причитаетесь невѣдомо къ кому»,—и говорили про великаго государя непригожія рѣчи. Московскіе послы отвѣчали: «Мы про вашего государя такія же непригожія рѣчи говорить станемъ, и за то будетъ еще больше крови литься». Литовскіе послы кричали съ сердцемъ: «Мы въ васъ никакой правды не чаемъ, все дѣлаете проволокою. Мы еще изъ Варшавы писали къ вамъ о посольствѣ и послали Яна Гридича, чтобъ вамъ съѣхаться съ нами и говорить о добромъ дѣлѣ на границѣ, а вы Гридича задержали у себя долгое время и къ намъ его отпустили ни съ чѣмъ; пріѣхавши въ Вязьму, мы опять къ вамъ писали, и вы отвѣчали, что съѣхаться между Вязьмою и Волокомъ; мы ждали васъ долго и не дождались; пришедши подъ Можайскъ, опять къ вамъ писали, и вы отвѣчали, что будете на съѣздъ на рѣку Истру, но и тутъ васъ не дождались; потомъ писали, чтобъ съѣхаться на Химкѣ, но вы и на Химкѣ съѣзжаться не захотѣли, а прислали, чтобъ съѣхаться подъ Москвою на рѣкѣ Прѣснѣ, и тутъ едва на съѣздъ поѣхали; вы насъ изволокли мало не два года; теперь вы насъ затруднили въ зиму, а на насъ приходитъ все войско съ шумомъ, кричатъ, что они зимою изъ вашей земли идти не хотятъ, хотятъ королевичу служить всю зиму безъ денегъ». Левъ Сапѣга кричалъ: «Присягаемъ вамъ, что больше съ вами дѣлать не станемъ, завтра же затянемъ на васъ людей, а сами поѣдемъ въ Литву на сеймъ». Московскіе послы отвѣчали: «Грозите намъ войною и сверхъ договора своихъ посланниковъ хотите опять кровь начинать; но рать дѣло Божіе, кому Богъ поможетъ; въ городахъ теперь много людей въ сборѣ, а на весну и изъ другихъ государствъ на помощь много людей придетъ». Явилось и новое затрудненіе: Литовскіе послы не ручались, что Запорожцы, Лисовчики и полкъ Чаплинскаго послушаются ихъ приказа и выйдутъ немедленно изъ Московской земли по заключеніи договора. Московскіе послы говорили, что они объ этомъ и слушать не хотятъ; Поляки соглашались написать, что выведутъ съ собою Лисовчиковъ и полкъ Чаплинскаго, но отказывались вывести Запорожцевъ. Во время этихъ споровъ къ съѣзжей избѣ къ окну, подлѣ кото-

раго сидѣли Московскіе послы, подошелъ Соловой Протасьевъ и сказалъ, что говорилъ ему Литвинъ Мадалинскій: «этою ночью пріѣзжалъ въ Сватково къ Литовскимъ посламъ королевичь, и говорилъ, что пришелъ къ нему изъ Польши листъ, чтобъ съ Московскими послами скоро не мириться, а хочетъ онъ королевичь Полякамъ дать гроши на двѣ четверти года». Услыхавъ эту вѣсть, Московскіе послы начали уступать; но съѣздъ кончился ничѣмъ; Гонсѣвскій говорилъ: «хотя мы, помирясь, изъ вашей земли и выйдемъ, но ваши козаки инаго вора добудутъ, къ нему наши воры пристанутъ, такъ у нихъ и безъ королевича будетъ другой Дмитрій?» Московскіе послы ему отвѣчали: «Тебя еще не насытила кровь христіянская, безъ отмщенья тебѣ отъ Бога не пройдетъ!»

Шереметевъ съ товарищами находился въ тяжкомъ положеніи. Вѣсть за вѣстью, одна хуже другой приходили къ нимъ въ Троицкій монастырь: миру не бывать, приходитъ къ королевичу рыцарство, и говоритъ, что оно миру съ Московскими людьми ни какъ не хочетъ, да и Черкасы, Сагайдачный съ товарищами, присылали къ королевичу козака Путивльца, чтобъ имъ изъ Московской земли вонъ не ходить; да и Донцы съ королевичемъ ссылаются, что всѣ хотятъ ему служить. Во время съѣзда подъѣзжали къ посольскимъ провожатымъ козаки и говорили: Поляки и Литва и все рыцарство стоятъ за королевича и мириться мѣшаютъ, а они всѣ козаки хотѣли отъѣхать къ государю въ Москву, но пріѣхалъ къ нимъ Левка Пивовъ, и сказалъ, будто на Москвѣ ихъ братью козаковъ, которые выѣдутъ изъ Литвы, казнятъ и въ тюрьму сажаютъ: и они отъ того къ государю и не поѣхали. Поляки, подъѣзжая къ посольскимъ провожатымъ, говорили: пріѣзжаютъ къ нимъ козаки Московскіе, которые теперь въ воровствѣ и просятъ дать имъ Чаплинцевъ, Лисовчиковъ и Черкасъ, говорятъ: «вы Поляки лежите на лежѣ, а мы будемъ промышлять подъ Владимиромъ, Суздалемъ и другими городами». Поляки же говорили дворянамъ въ слухъ: есть у нихъ Калужскаго вора сынъ, учится грамотѣ въ Печерскомъ монастырѣ, а на Москвѣ повѣсили не

его, его унесли козаки, и грозили Поляки дворянамъ: если послы добраго дѣла не сдѣлаютъ, то быть нашимъ саблямъ на вашихъ шеяхъ.

Пришлось посламъ дѣлать доброе дѣло во чтобы то ни стало. 1-го Декабря на съѣздѣ они согласились на всѣ перемѣны, внесенныя Поляками въ Московскую запись; но открылось опять затрудненіе: Поляки не соглашались написать, что отдача городовъ въ ихъ сторону и отпускъ митрополита Филарета произойдутъ въ одинъ срокъ, 2 Февраля 1619 года, представляя, что Филаретъ не скоро пріѣдетъ изъ Маріенбурга. Литовскіе послы встали уже и пошли изъ избы, объявляя, что разрываютъ, Московскіе послы воротили ихъ и наконецъ убѣдили докончить дѣло. Поляки говорили: «Для покоя христіанскаго и для вашего, великихъ пословъ, прошенья, видя ваше къ доброму дѣлу сходительство, уступаемъ, чтобъ въ перемирныхъ записяхъ написать отпускъ митрополита Филарета Никитича и князя Василья Васильевича Голицына съ товарищами, полоняникамъ размѣну и городамъ очищенье и отдачу на одинъ срокъ, на 15 число Февраля по вашимъ святцамъ, а по нашему Римскому календарю Февраля 25». На этомъ покончили, и всѣ были очень довольны кромѣ Гонсѣвскаго, который вовремя крестнаго цѣлованья плакалъ и говорилъ: «Я у крестнаго цѣлованья выговариваю: только не развести прямыхъ рубежей между Велижемъ, Бѣлою и Торопцемъ, то мнѣ свои рубежи всегда оборонять, я ихъ выслужилъ у короля кровью». Сказавши это, Гонсѣвскій положилъ подъ крестъ память рубежамъ; но Московскіе послы бумагу съ блюда скинули и сказали: «это къ нашему посольскому дѣлу непристойно». Гонсѣвскій поцѣловалъ крестъ и заплакалъ. Когда записями съ обѣихъ сторонъ размѣнялись, то Литовскіе послы стали очень веселы и говорили съ царскими послами мирно и тихо, гладко и пословно.

Въ записи говорилось: «Божіею милостію великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи Самодержца (титулъ), его царскаго величества бояръ и всѣхъ его царскаго величества думныхъ людей и всего великаго Россій-

скаго царствія великихъ государствъ великіе послы (имена) говорили съ (имена), о королевичѣ Владиславѣ отказали накрѣпко что то нынѣ и впередъ статься не можетъ (т. е. чтобъ ему быть на Московскомъ престолѣ); а паны-рада и великіе послы то дѣло на судъ Божій положили; приговорили между великаго государя нашего великими Россійскими государствами и между великими государствами — короною Польскою и великимъ княжествомъ Литовскимъ перемирье на 14 лѣтъ и на 6 мѣсяцевъ; мы, великаго государя бояре и всего великаго Россійскаго государства великіе послы, по повелѣнію великаго государя нашего, по совѣту бояръ и всего великаго Россійскаго государства всякихъ чиновъ людей, поступились городовъ (имена); отдать города съ нарядомъ и со всякими пушечными запасами, съ посадскими людьми и съ уѣздными съ пашенными крестьянами, кромѣ гостей и торговыхъ людей, а гостямъ и торговымъ людямъ дать волю, кто въ которую сторону захочетъ, а духовенство, воеводъ, приказныхъ и служилыхъ людей выпустить въ Московское государство со всѣмъ имѣніемъ.

По упомянутому выше наказу Шереметевъ послалъ къ князю Ивану Ивановичу Шуйскому и къ Василью Янову, находившимся въ обозѣ у королевича, спросить ихъ: хотятъ ли ѣхать къ государю? и сказать, чтобъ были надежны на государево жалованье, ѣхали въ Московское государство безо всякаго опасенья. Шуйскій и Яновъ отвѣчали: «Вѣдаютъ бояре и сами, что мы Московскому государству не измѣнники, въ Польшу и Литву изъ Москвы не отъѣхали, меня князя Ивана съ братьями выдали, а то я и самъ знаю, что выдали меня не всѣ люди Московскаго государства, многіе люди о томъ и не вѣдали. Судомъ Божіимъ братья мои умерли, а мнѣ вмѣсто смерти наияснѣйшій король жизнь далъ и велѣлъ мнѣ служить сыну своему великому государю царю и великому князю Владиславу Жигимонтовичу, и я ему на томъ и крестъ цѣловалъ; еслибъ мнѣ не только великіе коммиссары позволили ѣхать въ Московское государство, хотя бы и самъ король позволилъ, то я бы

его не послушалъ, потому что я цѣловалъ крестъ не ему королю, а сыну его». Василій Яновъ сказалъ: «Меня послали къ государю королю всѣ бояре съ послами, княземъ Юріемъ Никитичемъ Трубецкимъ, да съ Михайлою Глѣбовичемъ Салтыковымъ просить на Московское государство сына его, и я ему государю крестъ цѣловалъ». Князь Шуйскій прибавилъ: «Если уже мои братья бояре, жалуя насъ, къ намъ присылаютъ, чтобъ мы ѣхали въ Москву, то они бы посылали къ государю нашему королевичу Владиславу, чтобъ онъ съ насъ крестное цѣлованіе снялъ, и если сниметъ, то мы въ Москву поѣдемъ». Чѣмъ на этотъ разъ дѣло кончилось, неизвѣстно.

Въ назначенный срокъ размѣна плѣнныхъ не послѣдовало; дѣло протянулось до половины Іюня 1619 года. Московскіе уполномоченные, тѣже самые, которые заключили Деулинское перемиріе, жили въ Вязьмѣ, дожидаясь Польскихъ уполномоченныхъ съ Филаретомъ, Шеинымъ и другими плѣнными. Князь Василій Васильевичь Голицынъ не увидѣлъ родной земли, онъ умеръ на дорогѣ, въ Гроднѣ, и, по приказанію королевскому, былъ похороненъ въ Вильнѣ, въ братской церкви св. Духа 27-го Генваря. Архимандритъ монастыря, Леонтій Карповичь говорилъ надгробное слово на текстъ: «Пріидетъ часъ, въ оньже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гла́съ Сына Божія»; но въ основаніи слова легло изрѣченіе Греческаго философа, что жизнь человѣческая подобна комедіи. Почтенный отецъ былъ въ большомъ затрудненіи, какъ хвалить покойника при извѣстныхъ отношеніяхъ его къ королю? проповѣдникъ вышелъ изъ этого затрудненія, отказавшись говорить о жизни Голицына, потому что не зналъ этой жизни, и призвалъ слушателей благодарить Бога за добраго короля, который позволилъ похоронить Голицына такъ хорошо, какъ не могли бы похоронить его и въ Москвѣ; ораторъ призывалъ и самого покойника благодарить короля за то, что приготовилъ ему такое мягкое ложе на такой долгій сонъ! Тѣло Голицына, впрочемъ, было перенесено на родину.

Когда Московскіе уполномоченные узнали, что Филаретъ вы-

ѣхалъ уже изъ Орши, то послали къ нему Андрея Усова съ такимъ наказомъ: если дадутъ видѣться съ митрополитомъ безъ приставовъ и безъ Литовскихъ людей, то спросить его, ожидаетъ ли онъ государь себѣ размѣны вскорѣ, не будетъ ли какого задержанья, нѣтъли у Литовскихъ людей какого умышленья, и не чаетъ ли на размѣнѣ какой бѣды, чтобъ онъ государь пожаловалъ, обо всемъ этомъ приказалъ боярамъ, и какъ велитъ собою государемъ промышлять, лучшими ли людьми напередъ размѣняться или всѣми вдругъ, и какъ велитъ съѣзжаться и со многими ли людьми? а Литовскихъ плѣнниковъ будетъ съ боярами человѣкъ 300; обо всемъ бы пожаловалъ, приказалъ къ боярамъ подлинно, о всякихъ вѣстяхъ, а государь царь велѣлъ боярамъ о томъ докладывать его государя; и нѣтъ ли ему государю какого утѣсненія и скудости? зачѣмъ Литовскіе послы размѣномъ замедлили, о чемъ въ Литвѣ у пановъ радныхъ былъ сеймъ? Но Усовъ не могъ добиться тайнаго свиданія съ Филаретомъ. Между тѣмъ отыскали мѣсто, удобное для съѣздовъ: по большей Дорогобужской дорогѣ пустошь Песочну, отъ большой дороги въ сторону версты съ двѣ, а подъ пустошью течетъ рѣчка Поляновка, отъ Вязьмы до пустоши 17 верстъ.

Когда Литовскіе уполномоченные пріѣхали въ Дорогобужъ, то начались переговоры о съѣздахъ. Здѣсь опять Гонсѣвскій началъ жаловаться: бояре дѣлаютъ не по договору, Литовскихъ плѣнниковъ везутъ на размѣнъ не многихъ, а на Москвѣ по боярскимъ дворамъ и по тюрьмамъ много ихъ плѣнниковъ засажено, а иныхъ бояре и дворяне разослали по своимъ помѣстьямъ и вотчинамъ; бояре дѣлаютъ неправдою, чего никогда въ христіанствѣ не дѣлается: иныхъ плѣнниковъ роздали въ подарки Татарамъ въ Крымъ, иныхъ въ Персію и къ Нагаямъ; такъ развѣ христіане дѣлаютъ, христіанъ поганцамъ отдаютъ? въ одной тюрьмѣ держатъ по 150 человѣкъ, принуждаютъ креститься въ Московскую вѣру и цѣловать крестъ государю. А которые королевскіе люди Нѣмцы, Французы, Англичане, Испанцы, Нидерландцы взяты въ плѣнъ, тѣхъ бояре на размѣнъ

отдать не хотятъ, и все это будетъ посольскому договору нарушенье. — Гонсѣвскому отвѣчали, что все это рѣчь затѣйная. Литовскіе уполномоченные назначили съѣздъ на 27 Мая, но Московскіе отказались на томъ основаніи, что не обозначено было, какъ велико должно быть число провожатыхъ. Это разсердило Филарета, и онъ сказалъ дворянамъ, присланнымъ къ нему отъ уполномоченныхъ: «Для чего бояре съ Литовскими послами въ четвергъ 27-го Мая съѣздъ отложили и присрочили съѣздъ въ воскресенье 30-го? намъ и такъ уже здѣшнее житье наскучило, не годъ и не два терпимъ нужду и заточенье, а они только грамоты къ намъ пишутъ и приказываютъ съ вами, что имъ подозрительно, отъ чего изъ Дорогобужа къ нимъ отъ меня никакой грамоты неприслано: а намъ о чемъ уже больше къ нимъ писать? и такъ отъ меня къ нимъ писано трижды; боярамъ давно уже извѣстно, что меня на размѣнъ привезли, а еслибы меня на размѣнъ отдать не хотѣли, то меня бы изъ Литвы не повезли или бы изъ Орши назадъ поворотили».

Если послы отъ уполномоченныхъ Московскихъ ѣздили къ Филарету, то гонцы отъ Литовскихъ коммиссаровъ ѣздили видѣться съ Струсемъ въ Вязьму. Въ одно изъ этихъ свиданій Струсь напился пьянъ; когда гость долго у него засидѣлся, то приставы начали говорить, что пора ему домой. Струсь вмѣсто отвѣта, одного пристава ударилъ въ щеку, другаго въ грудь; гость всталъ и вышелъ; приставы начали говорить Струсю: «Бояре, жалѣя тебя, и оказывая къ тебѣ свою добродѣтель, присылаютъ къ тебѣ Литовскихъ гонцовъ видѣться, а ты, напившись пьянъ, такъ дуруешь и насъ, царскаго величества дворянъ, такъ позоришь! намъ съ тобою драться нечесть, а кликнемъ съ караула стрѣльцовъ и велимъ тебя опозорить, если уже ты самъ надъ собою чести держать неумѣешь; завтра же надъ тобою тѣсноты прибудетъ, и впередъ такъ напиваться и дуровать не станешь». Струсь разсердился еще больше, рвался къ саблѣ; Польскій гонецъ говорилъ приставамъ: «Мы его давно и въ Литвѣ знаемъ: какъ напьется, то не знаетъ самъ,

что съ сердца дѣлаетъ». Послѣ этого не велѣно было Струсевыхъ пахолковъ пускать на торгъ низачѣмъ, а для покупки велѣно посылать стрѣльцовъ, съ кабака покупать ничего не велѣно, и приставамъ запрещено ходить къ нему; если же Литовскіе пахолки станутъ съ стрѣльцами о чемъ-нибудь задираться, то стрѣльцамъ велѣно ихъ бить ослопами.

30-го Мая уполномоченные съѣхались. Гонсѣвскій опять началъ, что многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей бояре похолопили и крестили силою, женили и держатъ неволею, а именно бояринъ князь Дмитрій Пожарскій многихъ людей ихъ разослалъ по своимъ помѣстьямъ, и у себя держитъ на цѣпяхъ скованныхъ неволею; а которые изъ тюремъ выпущены, тѣхъ всѣхъ въ морозы злые отпустили нагихъ и босыхъ и всѣхъ поморили. Бояре отвѣчали, что все это баламутство и смута, объявляютъ они христіанскою правдою, что ничего этого не бывало. Потомъ Литовскіе послы начали требовать новыхъ условій, между прочимъ, чтобъ была вольная дорога мимо Брянска между уступленными Польшѣ городами; Шереметевъ съ товарищами не согласились на это требованіе, какъ новое, и съѣздъ кончился. Московскіе уполномоченные немедленно послали сказать Филарету, что Литовскіе послы вчинаютъ новыя статьи, и доложить, какъ онъ, великій государь, укажетъ? размѣнять ли его напередъ на Струся съ нѣкоторыми именитыми его товарищами, и послѣ того всѣхъ отпустить? Филаретъ, выслушавъ гонца, заплакалъ и сказалъ: «велѣлъ бы мнѣ Богъ видѣть сына моего, великаго государя царя и всѣхъ православныхъ христіянъ въ Московскомъ государствѣ!» Что же касается до новыхъ статей, то онъ ничего не сказалъ, потому что въ шатрѣ у него было много Литовскихъ людей. Потомъ спросилъ гонца: «Есть ли съ боярами какая нибудь отъ сына моего присылка, соболи или что другое? надобно мнѣ чѣмъ нибудь почтить тѣхъ Поляковъ, которые оберегали мое здоровье; и если у бояръ есть соболи, то чтобъ они прислали мнѣ ихъ сегодня же». А Томила Луговской подошелъ къ гонцу, и сказалъ ему именемъ митрополита: «Если бояре станутъ соболей посылать, то

они бы написали имъ цѣну съ убавкою въ половину передъ указною цѣною, а зачѣмъ—про то уже мы здѣсь знаемъ». Бояре исполнили приказъ, выбрали 17 сороковъ, цѣну имъ положили съ убавкою и въ тотъ же день отослали къ Филарету.

Чтобъ подвинуть дѣло, Литовскіе уполномоченные прислали къ Московскимъ съ угрозою, что если всѣ ихъ требованія не будутъ исполнены, то они на съѣздъ не поѣдутъ, отправятся съ Филаретомъ назадъ и начнется опять война. Московскіе послы отвѣчали: «Вы пріѣхали къ намъ съ грозами и вымогаете на насъ силою новыя статьи, а намъ этого, мимо наказа великаго государя и безъ совѣта бояръ, братьи своей, сдѣлать нельзя; угрозъ мы никакихъ не боимся, ратныхъ людей у насъ самихъ въ сборѣ много, да и ближе вашего». Но такая храбрость была только на словахъ, безъ Филарета уполномоченнымъ нельзя было возвратиться въ Москву, и потому они прибавили: «которыя новыя статьи намъ будетъ можно написать, и мы, переговоря между собою, напишемъ ихъ и пришлемъ; но чтобъ быть дорогѣ сухимъ и воднымъ путемъ къ вашимъ городамъ мимо Брянска; и чтобъ сыскивать и отдавать назадъ людей и нарядъ, которые были прежде въ уступленныхъ городахъ, а теперь нѣтъ,—этого намъ никакъ сдѣлать нельзя, это дѣло новое». Посланные, уѣзжая съ этимъ отвѣтомъ, свидѣтельствовались Богомъ, что ихъ уполномоченные безъ исполненія всѣхъ статей размѣна дѣлать не будутъ, и прибавили: «Ваши же про васъ говорятъ, что есть между вами и такіе люди, которые не хотятъ преосвященнаго митрополита на Московскомъ государствѣ видѣть, потому и добраго дѣла не дѣлаете, хотите того, чтобъ митрополита Филарета Никитича повезли назадъ». Послы отвѣчали: «Эти рѣчи говорите вы не отъ себя, а по вымыслу своихъ великихъ пословъ, а если такія рѣчи вы затѣваете отъ себя, то намъ, великимъ боярамъ, не только отъ васъ, но и отъ пословъ вашихъ слышать этого не годится; вамъ бы пригоже говорить по своей мѣрѣ, а у насъ на Москвѣ ни въ какомъ чинѣ нѣтъ такихъ людей, кто бы не

хотѣлъ великаго государя преосвященнаго митрополита Филарета Никитича».

Между тѣмъ Шеинъ далъ знать Шереметеву, чтобъ прислали къ нему человѣка его, если съ боярами есть его человѣкъ въ острожкѣ, или человѣка повинныхъ его, Салтыковыхъ или Морозовыхъ. Уполномоченные велѣли человѣку Морозовыхъ (Бориса и Глѣба Ивановичей), Поздѣю Внукову ѣхать къ Литовскимъ посламъ въ обозъ, а пріѣхавъ, велѣть про себя сказать боярину Михаилу Борисовичу Шеину. Послѣдній черезъ дворянина Коробина велѣлъ сказать Внукову, чтобъ уполномоченные никакъ не медлили размѣномъ, потому что у Литовскихъ пословъ чаять мирному договору и размѣну нарушенья, да чтобъ въ обозѣ у бояръ было бережно и осторожливо. Уполномоченные испугались, согласились на все, и послѣдовалъ размѣнъ. 1-го Іюня Митрополитъ Филаретъ пріѣхалъ къ рѣчкѣ Поляновкѣ въ возкѣ, а Шеинъ, Томила Луговской, всѣ дворяне и плѣнные шли за возкомъ пѣши. На Поляновкѣ сдѣланы были два моста: однимъ долженъ былъ ѣхать Филаретъ со всѣми Московскими людьми, а другимъ Струсь съ Литовскими плѣнниками. Подъѣхавъ къ рѣкѣ, Филаретъ прислалъ Литвина Воронца сказать уполномоченнымъ, чтобъ отпустили къ нему Струся напередъ безо всякаго опасенья, а остальныхъ плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ будутъ пересматривать по списку. Но уполномоченные, опасаясь обмана, отказали Воронцу: «Струся намъ прежде великаго государя Филарета Никитича отпустить никакими мѣрами нельзя, а пересматривать по росписи всѣхъ плѣнныхъ на лице некогда, время уже вечернее, и если на обѣихъ сторонахъ пересматривать, то дѣло втянется въ ночь; мы вѣримъ вашей росписи, кого по росписи и не объявится, то мы за ними тотчасъ въ обозъ пришлемъ». Филаретъ прислалъ въ другой разъ къ уполномоченнымъ, чтобъ выслали напередъ Струся и дурна никакаго не опасались. Тогда они отправили Струся, а сами съ стольниками, стряпчими, дворянами Московскими, жильцами и выборными изъ городовъ дворянами дождались Филарета у съѣзжаго моста пѣши, и какъ

скоро Филаретъ, Шеинъ, Луговской и всѣ дворяне по мосту пошли, то бояре велѣли всѣмъ Литовскимъ плѣнникамъ идти по своему мосту. Переѣхавши мостъ, митрополитъ вышелъ изъ возка, и Шереметевъ началъ говорить ему рѣчь: «Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ тебѣ челомъ ударить, велѣлъ васъ о здоровьѣ спросить, а про свое велѣлъ сказать, что вашими и материнскими молитвами здравствуетъ, только оскорблялся тѣмъ, что вашихъ отеческихъ святительскихъ очей многое время не сподоблялся видѣть». Потомъ Шереметевъ же правилъ челобитье отъ матери царской, Марѳы Ивановны. Филаретъ спросилъ о здоровьѣ царя и о спасеніи его матери, и потомъ пожаловалъ, благословилъ Шереметева и спросилъ его о здоровьѣ. За Шереметевымъ подошелъ князь Мезецкій и правилъ челобитье отъ бояръ и всего государства: «бояре, князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищами, окольничій и вся царскаго величества дума и все великое Россійское государство вамъ, великому государю, челомъ бьетъ и вашего государскаго прихода ожидаетъ съ великою радостью». Филаретъ благословилъ Мезецкаго и спросилъ о здоровьѣ всѣхъ пословъ. Третій уполномоченный, Измайловъ, подошелъ къ Шеину, спросилъ отъ государя о здоровьѣ и говорилъ рѣчь: «Служба твоя, раденье и терпѣнье, какъ ты терпѣлъ за нашу православную христіянскую вѣру, за св. Божіи церкви, за насъ, великаго государя и за все православное христіянство Московскихъ великихъ государствъ, вѣдомы, и о томъ мы, великій государь, радѣли и промышляли, чтобъ васъ изъ такой тяжкой скорби высвободить». Дьякъ Болотниковъ спрашивалъ о здоровьѣ Луговскаго и всѣхъ дворянъ.

Филаретъ ночевалъ въ острожкѣ, потому что размѣнъ происходилъ поздно вечеромъ. На другой день, Іюня 2-го, онъ приказалъ послать отъ себя жалованье Польскимъ людямъ коннымъ и пѣхотѣ, кормъ въ почесть — барановъ, куръ, вина, меду, колачей, и пошелъ въ Вязьму. Въ Можайскѣ встрѣтили его Рязанскій архіепископъ Іосифъ, бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, да окольничій князь Волконскій; подъ

Звенигородомъ въ Савинѣ монастырѣ встрѣтили: архіепископъ Вологодскій, бояринъ Василій Петровичь Морозовъ и окольничій Пушкинъ. Въ селѣ Никольскомъ что на Пескахъ, отъ Звенигорода въ 10 верстахъ: митрополитъ Крутицкій, бояринъ князь Дмитрій Тимоѳеевичь Трубецкой и окольничій Бутурлинъ. По переѣздѣ черезъ рѣчку Ходынку встрѣтили Московскія власти, всѣ бояре, дворяне и приказные люди; послѣ бояръ встрѣчали гости, торговые и всякіе жилецкіе люди. 14 Іюня, не доѣзжая рѣчки Прѣсни, встрѣтилъ митрополита самъ царь и поклонился отцу въ ноги, Филаретъ сдѣлалъ то же самое передъ сыномъ и царемъ, и долго оба оставались въ этомъ положеніи, не могши ни тронуться, ни говорить отъ радостныхъ слезъ. Поздоровавшись съ сыномъ, Филаретъ сѣлъ въ сани, а государь со всѣмъ народомъ шелъ пѣшкомъ напереди, за Филаретомъ шелъ Шереметевъ съ товарищами.

Патріаршій престолъ послѣ Гермогена оставался празднымъ: дожидались Филарета, дожидался его Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, пріѣхавшій въ Москву за милостынею. Вмѣстѣ съ владыками Русскими Ѳеофанъ предложилъ патріаршій престолъ Филарету «ибо знали, что онъ достоинъ такого сана, особенно же потому, что онъ былъ царскій отецъ по плоти, да будетъ царствію помогатель и строитель, сирымъ защитникъ и обидимымъ предстатель». Послѣ обычныхъ отрицаній Филаретъ согласился и 24 Іюня былъ посвященъ [8].

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

Двоевластіе. Различные отзывы современниковъ о Филаретѣ Никитичѣ. Судьба царской невѣсты, Марьи Хлоповой. Посольства въ Данію и Швецію съ предложеніями о сватовствѣ. Поднятіе дѣла о Хлоповой. Ссылка Салтыковыхъ. Женитьба царя на княжнѣ Долгорукой и кончина царицы. Женитьба царя на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой. Сношенія съ Крымомъ и Ногаями. Дѣла Шведскія: царскіе наказы воеводамъ относительно дѣлъ церковныхъ и перебѣжчиковъ; сношенія съ Густавомъ-Адольфомъ по поводу Польши; Русскій человѣкъ Рубцовъ посломъ отъ Шведскаго короля; первый Шведскій резидентъ Меллеръ въ Москвѣ; отправленіе Шведскихъ пословъ чрез Московскія владѣнія къ гетману Запорожскому. Сношенія съ Англіею: вспоможеніе, оказанное Англійскимъ королемъ царю въ войнѣ съ Польшею; пріѣздъ Мерика и переговоры съ нимъ; мнѣнія Московскихъ гостей объ Англійской торговлѣ; прекращеніе вопроса о проѣздѣ Англійскихъ купцовъ въ Персію по Волгѣ. Первый Французскій посолъ въ Москвѣ. Посольства Голландское, Датскія, Венгерское, Персидскія. Дѣла Польскія: причины новой войны, заключавшіяся въ самомъ Деулинскомъ перемиріи; оскорбительныя для царя Михаила грамоты пограничныхъ Польскихъ державцевъ; возвращеніе въ Россію князя Ивана Шуйскаго; перебранка между Русскими воеводами и Польскими державцами; Поляки грозятъ самозванцемъ; Турки побуждаютъ царя къ войнѣ съ Польшею; соборъ 1621 года и приготовленія къ войнѣ; остановка ихъ въ слѣдствіе неудачи султана Ос-

мана; набѣгъ Крымцевъ и оплошность Русскихъ воеводъ; неудачные переговоры съ Польшею; наемъ иностранныхъ солдатъ и обученіе Русскихъ ратныхъ людей иноземному строю; смерть короля Сигизмунда; разрывъ перемирія; мѣстничество главныхъ воеводъ, князей Черкасскаго и Лыкова; назначеніе Шеина и Измайлова; наказъ этимъ воеводамъ; сборъ денегъ и съѣстныхъ припасовъ для войска; счастливое начало войны; осада Смоленска Шеинымъ; прибытіе короля Владислава на помощь къ осажденнымъ; договоръ Шеина съ Владиславомъ; сдача Русскаго обоза королю; событія въ Москвѣ во время Смоленскаго несчастія: кончина Филарета Никитича; соборъ и его рѣшенія; судъ надъ воеводами и казнь ихъ; взглядъ хронографа на дѣло Шеина; упорная защита Бѣлой; стѣсненное положеніе короля; паны предлагаютъ миръ боярамъ переговоры на Поляновкѣ; вѣчный миръ; посольство князя Львова въ Польшу для закрѣпленія мира; дѣло о гетманскомъ договорѣ; церемонія присяги; потѣха королевская; возвращеніе тѣла царя Василія Шуйскаго въ Москву.

(1619—1635.)

Съ возвращеніемъ Филарета Никитича въ Москву начинается здѣсь двоевластіе: было два великихъ государя, Михаилъ Ѳеодоровичь и отецъ его святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичь, и это была не одна форма: всѣ дѣла докладывались обоимъ государямъ, рѣшались обоими, послы иностраные представлялись обоимъ вмѣстѣ, подавали двойныя грамоты, подносили двойные дары. Объ отношеніяхъ обоихъ великихъ государей другъ ко другу можно получить нѣкоторое понятіе изъ ихъ переписки, когда одинъ ѣздилъ на богомолье, а другой оставался въ Москвѣ. Такъ въ 1619 году Филаретъ Никитичь писалъ сыну: «О Крымскомъ, государь, дѣлѣ, какъ вы, великій государь, укажете? А мнѣ, государь, кажется, чтобъ Крымскимъ посламъ и гонцамъ сказать, что вы великій государь, съ братомъ своимъ, съ государемъ ихъ съ царемъ въ дружбѣ и братствѣ стоишь крѣпко, посланника съ поминками и съ запросомъ посылаешь, и ихъ всѣхъ отпускаешь вскорѣ». Въ 1630 году

царь Михаилъ писалъ къ отцу: «Написано, государь, въ твоей государевой грамотѣ, что хотѣлъ ты, великій государь, отецъ нашъ и богомолецъ, быть въ Москву въ Троицынъ день; но въ Троицынъ день тебѣ быть въ Москву не годится, потому что день торжественный, великій, а тебѣ, государю, служить невозможно, въ дорогѣ порастрясло въ возкѣ, а не служить отъ людей будетъ осудно. Такъ тебѣ бы, великому государю въ Пятдесятный день отслушать литургію въ Тонинскомъ и ночевать тамъ же, а на другой день въ понедѣльникъ быть къ намъ въ Москву съ утра; и въ томъ твоя, великаго государя отца и нашего богомольца, воля, какъ ты, государь, изволишь, такъ и добро. Молимся всемогущему Богу, да сподобитъ васъ, великаго государя, достигнуть къ царствующему нашему граду Москвѣ на свой святительскій престолъ по здорову, а насъ да сподобитъ съ веселіемъ зрѣть святолѣпное и равноангельное ваше лице, святительства вашего главу и руку цѣловать, стопамъ вашимъ поклониться и челомъ ударить». Хотя имя Михаила и стояло прежде имени отца его, но понятно, что опытный и твердый Филаретъ имѣлъ очень большую долю въ правленіи при малоопытномъ, молодомъ и мягкомъ Михаилѣ. Этою неопытностію и мягкостію молодаго царя воспользовались люди, которымъ, по заслугамъ ихъ, неслѣдовало быть близко у престола. Иначе пошло дѣло, когда пріѣхалъ Филаретъ; можно принять извѣстіе, что нѣкоторые, привыкшіе къ своеволію при молодомъ царѣ, не желали возвращенія Филарета, который долженъ былъ положить предѣлъ этому своеволію; другіе, наоборотъ, были довольны тѣмъ, что съ пріѣздомъ Филарета, избавлялись отъ смутнаго и тяжкаго многовластія. Отсюда два различныхъ отзыва о Филаретѣ, которые мы встрѣчаемъ у современниковъ: по одному отзыву Филаретъ не только слово Божіе исправлялъ, но и земскими дѣлами всѣми правилъ, многихъ освободилъ отъ насилія, при немъ никого не было сильныхъ людей, кромѣ самихъ государей; кто служилъ государю и въ безгосударное время и былъ не пожалованъ, тѣхъ всѣхъ Филаретъ взыскалъ, пожаловалъ, держалъ у себя въ милости и

никому не выдавалъ. По другому изображенію, Филаретъ «былъ роста и полноты среднихъ, божественное писаніе разумѣлъ отчасти, нравомъ былъ опальчивъ и мнителенъ, а такой владѣтельный, что и самъ царь его боялся. Бояръ и всякаго чина людей изъ царскаго синклита томилъ заточеніями необратными и другими наказаніями; къ духовному сану былъ милостивъ и не сребролюбивъ, всѣми царскими дѣлами и ратными владѣлъ».

Одною изъ главныхъ заботъ Филарета была, разумѣется, женитьба сына, съ которою было связано упроченіе престола въ его домѣ и спокойствіе государства. Еще въ 1616 году выбрана была въ царскія невѣсты и взята ко двору дѣвица Марья Ивановна Хлопова; уже ей, по обычаю, перемѣнили имя, назвали вмѣсто Марьи Настасьею, вѣроятно въ честь знаменитой бабки царя, и стали называть царицею, какъ вдругъ Михаилу донесли, что она опасно, неизлѣчимо больна, и несчастную невѣсту вмѣстѣ съ родными сослали въ Тобольскъ. Съ возвращеніемъ Филарета началось движеніе Хлоповой все ближе и ближе къ Москвѣ: въ Сентябрѣ 1619 года ее перевели изъ Тобольска въ Верхотурье, въ 1620 изъ Верхотурья въ Нижній. Но въ это время Филаретъ Никитичь еще не думалъ поднимать дѣла о Хлоповой: ему хотѣлось женить сына на иностранной принцессѣ.

Въ 1621 году отправлены были князь Алексѣй Михайловичь Львовъ и дьякъ Шиповъ въ Данію, къ королю Христіану съ предложеніемъ: «По милости Божіей, великій государь царь Михаилъ Өеодоровичь приходитъ въ лѣта мужескаго возраста, и время ему государю приспѣло сочетаться законнымъ бракомъ; а вѣдомо его царскому величеству, что у королевскаго величества есть двѣ дѣвицы, родныя племянницы, и для того великій государь его королевскому величеству любительно объявляетъ: если королевское величество захочетъ съ великимъ государемъ царемъ быть въ братствѣ, дружбѣ, любви, соединеньи и пріятельствѣ на вѣки, то его королевское величество далъ бы за великаго государя племянницу свою, которая къ тому великому дѣлу годна.» Посламъ былъ данъ наказъ: Если бу-

дутъ говорить, что королевская племянница для любви супруга своего къ Русской вѣрѣ приступитъ, а креститься ей въ другой разъ непригоже, потому что она и такъ христіанской вѣры и крещена по своему закону — отвѣчать: «королевской племянницѣ въ другой разъ не креститься никакъ нельзя, потому что у насъ со всѣми вѣрами рознь не малая: у иныхъ вѣръ вмѣсто крещенія обливаютъ и миромъ не помазываютъ; такъ король бы свою племянницу на то наводилъ и отпустилъ ее съ тѣмъ, чтобъ ей принять святое крещеніе.» Если король или думные люди скажутъ: «какъ она будетъ за великимъ государемъ, то пусть самъ государь ее къ тому приводитъ, а они у нея воли не отнимаютъ, или пусть послы сами говорятъ объ этомъ съ королевскою племянницею,» — то посламъ отвѣчать, что имъ самимъ говорить о томъ съ высокорожденною королевскою племянницею непригоже, потому что ихъ дѣвическое дѣло стыдливо, и имъ съ нею говорить много для остереганья ихъ высокорожденной чести непригоже. Послы должны были промышлять, родственникамъ и ближнимъ людямъ невѣсты говорить всякими мѣрами, вѣру православную хвалить и на то невѣсту привести, чтобъ она захотѣла быть съ государемъ одной вѣры и приняла святое крещеніе; къ людямъ, которые будутъ этимъ промышлять, быть ласковыми и пріятельными, и, если надобно, то, смотря по мѣрѣ, и подарить, и впередъ государскимъ жалованьемъ обнадеживать. Если король спроситъ: будутъ ли его племянницѣ особые города и доходы, то отвѣчать: «если, по Божественному писанію, будутъ оба въ плоть едину, то на что ихъ государей дѣлить? все ихъ государское будетъ общее, чего она государыня захочетъ, все будетъ ей невозбранно, кого захочетъ, того, по совѣту и повелѣнью супруга своего, жаловать будетъ, и тѣмъ Датскимъ людямъ, которые будутъ съ нею, неволи и нужды не будетъ, а чаемъ, что съ нею будутъ немногіе люди, многимъ людямъ быть не для чего, у великаго государя на дворѣ честныхъ и старыхъ боярынь и дѣвицъ отеческихъ дочерей много.» — Если король согласится на все, то просить позволенія ударить че-

ломъ племянницамъ, и, пришедши къ нимъ, ударить челомъ по обычаю учтиво объ руку, и поминки королевѣ и дѣвицамъ поднести отъ себя по сороку соболей или что пригоже, при чемъ смотрѣть дѣвицъ издалека внимательно, какова которая возрастомъ, лицемъ, бѣлизною, глазами, волосами и во всякомъ прироженьѣ, и нѣтъ ли какого увѣчья, а смотрѣть издалека и примѣчать вѣжливо. Если королева позоветъ ихъ къ рукѣ, то идти, королеву и дѣвицъ въ руку цѣловать, а не витаться съ ними (не брать за руку), и, посмотрѣвши дѣвицъ, идти вонъ, послѣ чего провѣдывать, которая къ великому дѣлу годна, чтобъ была здорова, собою добра, не увѣчна и въ разумѣ добра, и какую выберутъ, о той и договоръ съ королемъ становить, спрашивать, сколько дадутъ за невѣстою земель и казны. Сватовство кончилось ничѣмъ. Подъ предлогомъ болѣзни король отказался говорить со Львовымъ, а тотъ отказался объясняться съ ближними королевскими людьми.

Попытались еще разъ: въ Генварѣ 1623 года отправлено было къ Шведскому королю Густаву Адольфу предложеніе высватать за царя Екатерину, сестру курфюрста Бранденбургскаго Георга, шурина Густаву Адольфу. Но разность исповѣданій явилась непреодолимымъ препятствіемъ этому союзу, ибо царь непремѣннымъ условіемъ поставилъ, чтобъ Екатерина крестилась въ православную вѣру Греческаго закона. Густавъ Адольфъ отвѣчалъ, что ея княжеская милость для царства не отступитъ отъ своей христіанской вѣры, не откажется отъ своего душевнаго спасенія, и потому онъ, король видитъ, что всѣ труды по этому дѣлу будутъ напрасны.

Когда заграничныя сватовства не удались, рѣшились поднять дѣло о прежней Русской невѣстѣ, которая жила въ Нижнемъ въ совершенномъ здоровьѣ. Призвали доктора Валентина Бильса и лекаря Балцера, которые, по порученію кравчаго Михайлы Михайловича Салтыкова, пользовали царскую невѣсту. Бильсъ и Балцеръ объявили, что у Хлоповой была пустая желудочная болѣзнь, которая излѣчивается очень скоро. Тогда взяли къ допросу Михайлу Салтыкова: на какомъ основаніи

онъ объявилъ царю Михаилу, что у Хлоповой болѣзнь неизлѣчимая? Салтыковъ началъ вертѣться, запираться, явно было изъ всего, что онъ солгалъ. Государи призвали на совѣтъ самыхъ близкихъ къ себѣ людей: Ивана Никитича Романова, князя Ивана Борисовича Черкасскаго, Ѳедора Ивановича Шереметева, и на этомъ родственномъ совѣтѣ было рѣшено послать за отцемъ Марьи, Иваномъ и дядею Гаврилою Хлоповыми, чтобъ чрезъ нихъ узнать дѣло обстоятельнѣе. Иванъ Хлоповъ объявилъ, что дочь его была совершенно здорова до тѣхъ поръ, пока привезли ее во дворецъ; здѣсь открылась у нея рвота, которая однако скоро прекратилась, и послѣ того, во время ссылки, не возобновлялась ни разу. Спросили духовника, и тотъ объявилъ тоже самое. Наконецъ пріѣхалъ Гаврила Хлоповъ и объяснилъ дѣло. Однажды государь съ своими приближенными, въ числѣ которыхъ были и новые родственники Хлоповы, ходилъ осматривать вещи въ оружейной палатѣ. Между прочими поднесли царю Турецкую саблю, которую всѣ начали хвалить; одинъ только Михайла Салтыковъ сказалъ: «вотъ невидаль? и на Москвѣ государевы мастера такую саблю сдѣлаютъ,» Государь, обратясь къ Гаврилѣ Хлопову, подалъ ему саблю и спросилъ: «какъ онъ думаетъ: сдѣлаютъ ли такую саблю въ Москвѣ?» Хлоповъ отвѣчалъ: «сдѣлать-то сдѣлаютъ, только не такую.» Тогда Салтыковъ съ сердцемъ вырвалъ у него изъ рукъ саблю и сказалъ, что онъ не смыслитъ дѣла, потому и говоритъ такъ; Хлоповъ съ Михайлою побранился и поговорилъ съ Салтыковыми гораздо въ разговоръ, и съ тѣхъ поръ Борисъ да Михайла Салтыковы стали его нелюбить; вотъ почему, когда Марья Хлопова занемогла, то Салтыковъ объявилъ, что у ней болѣзнь неизлѣчимая. Государи этимъ неудовольствовались, послали боярина Ѳедора Ивановича Шереметева и Чудовскаго архимандрита Іосифа съ медиками въ Нижній разузнать подлинно, точно ли Хлопова здорова? Слѣдователи прислали отвѣтъ утвердительный. Несчастная дѣвушка на вопросъ Шереметева: отъ чего она занемогла? отвѣчала, что болѣзнь приключилась ей отъ супо-

статъ; отецъ ея Иванъ утверждалъ, что ее отравили Салтыковы, давъ ей для аппетита какой-то водки изъ аптеки; но всѣхъ умнѣе говорилъ дядя Гаврила Хлоповъ, что его племянница занемогла отъ неумѣреннаго употребленія сладкихъ блюдъ. Какъ бы то ни было однако, продѣлка Салтыковыхъ была явна: ихъ разослали по деревнямъ, мать заключили въ монастырь, помѣстья и вотчины отобрали въ казну за то, что они «государской радости и женитьбѣ учинили помѣшку. Вы это сдѣлали измѣною (говорится въ указѣ объ ихъ ссылкѣ), забывъ государево крестное цѣлованіе и государскую великую милость; а государская милость была къ вамъ и къ матери вашей не по вашей мѣрѣ; пожалованы вы были честью и приближеньемъ больше всѣхъ братьи своей, и вы то поставили ни во что, ходили не за государевымъ здоровьемъ, только и дѣлали, что себя богатили, домы свои и племя свое полнили, земли крали, и во всякихъ дѣлахъ дѣлали неправду, промышляли тѣмъ, чтобъ вамъ, при государской милости, кромѣ себя никого не видѣть, а доброхотства и службы къ государю не показали.» Паденіе Салтыковыхъ не возвратило однако Хлопову во дворецъ; царь объявилъ, что хотя она и здорова, но онъ все же на ней не женится: говорятъ, будто мать царская, которой Салтыковы доводились племянниками, объявила, что ни зачто не согласится на этотъ бракъ: Хлопову по прежнему оставили въ Нижнемъ, только кормъ велѣли давать передъ прежнимъ вдвое. Отказавши Хлоповой, царь женился на княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ Долгорукой; но молодая царица въ тотъ же годъ умерла: лѣтопись утверждаетъ, что она была испорчена; на слѣдующій годъ царь женился на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой, дочери незначительнаго дворянина. Дѣло Хлоповой всего лучше показываетъ, что дѣлалось безъ Филарета во дворцѣ, и кто были люди, осыпанные царскими милостями и не хотѣвшіе никого другаго видѣть у царя въ приближеніи.

Что касается до внѣшнихъ сношеній, которыми долженъ былъ заняться Филаретъ Никитичь по возвращеніи изъ плѣна, то прежде всего надобно было задарить Крымскаго хана, хотя

сдѣлать это было очень трудно по истощенію казны послѣ войны Польской. Московскій посланникъ Амвросій Лодыженскій писалъ государю: «Велѣлъ я толмачамъ провѣдывать у Татаръ, Жидовъ и Бусурманъ, которые къ царю ходятъ на дворъ, а у меня прикормлены: что царь говорилъ съ ближними людьми, когда прочелъ твою государеву грамоту, и пойдетъ ли царь или калга въ Литву? Татары, Жиды и Бусурманы толмачамъ сказывали, что царь, прочтя грамоту, говорилъ: поминки государь Московскій отложилъ до зимы, съ королемъ помирился, а ко мнѣ о томъ не пишетъ, онъ насъ обманываетъ, для того и поминки отложилъ до зимы, что намъ зимою къ Москвѣ нельзя воевать идти. И если онъ теперь лѣтомъ поминковъ не дастъ, то зимою и подавно ничего не дастъ; а отдохнувши, станетъ стоять на насъ, сложась съ королемъ. И приговорилъ царь послать калгу къ Москвѣ войною, а сказать, что идетъ калга въ Литву черезъ Московское государство. — И я, продолжаетъ Ладыженскій, свѣдавъ, что царь хочетъ калгу послать въ Московское государство, говорилъ ближнимъ людямъ, что великій государь посланника по синему льду съ поминками пришлетъ и, высвободя отца своего и бояръ, съ королемъ велитъ опять войну начать; поминки государь отложилъ до осени потому, что собрать было нельзя: Москва была въ осадѣ, да и за Москвою Польскіе и Литовскіе люди во многихъ мѣстахъ и многіе города разорили и запустошили, откуда государева казна собиралась, и проѣзду ко мнѣ посланнику во всю зиму не было, а посадскіе и пашенные тяглые люди многіе стали въ стрѣльцы и въ козаки, сами жалованья просятъ. Но ближніе люди говорили: «можно было государю и въ одной Москвѣ поминки собрать: Татары, которые были въ Москвѣ, сказываютъ, что нынче тамъ люди богаче прежняго, и если калга пойдетъ самъ подъ Москву, то государь скорѣе поминки дастъ.» И отговорить у царя походу, чтобъ ему не посылать калги въ твою государеву землю, я никакъ не умѣлъ. Ибрагимъ паша мнѣ говорилъ: «если государь нынче лѣтомъ поминки и деньги пришлетъ, то я царя

удержу, къ Москвѣ царь и калга не пойдутъ, а пойдутъ въ Литву; если же государь теперь поминковъ не пришлетъ, то мнѣ царя не удержать; царю за смертную досаду стало, что государь съ королемъ помирился и поминки отложилъ до зимы, насилу я теперь его удержалъ.» — Получивъ такое донесеніе отъ своего посланника, государь приказалъ: «Деньги въ Крымскую кладь сбирать и казенные расходы давать изо всѣхъ приказовъ, чтобъ низачѣмъ не стало, и отпустить гонцовъ поскорѣе, дня въ два или много въ три.» И послѣ характеръ отношеній къ Крыму не измѣнился: ханъ, за недосылку поминковъ, позволялъ себѣ чинить Московскимъ посламъ безчестье, тѣсноту и мученье, вымогать у пословъ записи въ платежѣ денегъ угрозами, что всѣхъ ихъ людей велитъ продать за море; но посламъ этимъ изъ Москвы присылали наказъ: «говорить гладко и пословно, а не торопко, и гдѣ надобно жестоко молвить, то покрыть гладостью, чтобъ въ раздоръ не войдти.»

Нужно было уладить и отношенія къ Нагаямъ, которые въ смутное время отстали отъ Москвы, перенесли свои кочевья съ Нагайской стороны на Крымскую и воевали Московскіе украинскіе города. Воевода князь Алексѣй Михайловичь Львовъ и дьякъ Иванъ Грязевъ, отправленные въ Астрахань еще въ 1616 году, дѣйствовали удачно, Нагайскихъ мурзъ и всѣхъ улусныхъ людей привели подъ царскую руку въ прямое холопство, перевели ихъ опять съ Крымской стороны на Нагайскую, взяли въ заложники въ Астрахань мурзъ, ихъ братьевъ, дѣтей и лучшихъ улусныхъ людей; изъ дальняго кочевья, изъ подъ Хивы и Бухары перезвали въ Астрахань Аблу-мурзу съ братьями и племянниками, а съ ними улусныхъ людей тысячь до пятнадцати, укрѣпили ихъ шертью и велѣли кочевать съ Астраханскими мурзами и Юртовскими Татарами; наконецъ Львовъ и Грязевъ успѣли выручить у Нагаевъ русскаго полону тысячь съ пятнадцать человѣкъ. Съ Швеціею сначала шли долгіе споры о проведеніи границъ. Между Московскимъ государствомъ и областями, уступленными Швеціи существовала

твердая связь-единовѣріе, и правительство Московское старалось поддержать ее: въ 1619 году преемникъ Исидора, Новгородскій митрополитъ Макарій, по царскому указу, разослалъ по этимъ волостямъ грамоты, которыхъ образецъ писанъ былъ въ Москвѣ; въ грамотахъ говорилось: «такъ какъ вы прежде были чада церковныя и служители Христовой вѣры, то я не хочу васъ отвергать, но болѣе хочу присоединять; хотя вы теперь подъ державою другаго владѣтеля, однако не должно вамъ отлучаться духовнаго порожденія. Поэтому напоминаю вамъ, какъ прежде вы были чада нашей паствы и сыны церкви, такъ и теперь, ни въ чемъ не отступая отъ нашего благословенія, крѣпко стойте, мужайтесь, утверждайтесь, не будьте ничѣмъ преткновенны, не умаляя нисколько прежнихъ преданій, держитесь святой апостольской вѣры, отъ отцовъ вамъ преданной; а по повелѣнію великаго государя нашего пріѣздъ и отъѣздъ вамъ въ Великій Новгородъ по духовнымъ дѣламъ будетъ вольный.» Шведы смотрѣли подозрительно на переписку Новгородскаго митрополита съ Русскимъ духовенствомъ въ уступленныхъ имъ волостяхъ, и потому требовали, чтобъ митрополитъ о духовныхъ дѣлахъ переписывался съ Шведскими правителями, а не прямо съ русскими священниками. Новгородскій воевода донесъ объ этомъ требованіи государю, и тотъ отвѣчалъ: «по нашему указу, Новгородскому митрополиту Макарію велѣно о попахъ писать и дѣлать по указу и грамотѣ отца нашего, великаго государя святѣйшаго Филарета Никитича; а если о чемъ-нибудь по этому указу случится писать къ Шведскому маршалку, то къ маршалку писать тебѣ, боярину нашему, по совѣту съ митрополитомъ; а митрополиту съ маршалкомъ не ссылаться, потому что онъ человѣкъ духовный и чину великаго, ему съ иноземцами ссылаться непригоже.» Впрочемъ Шведы болѣе всего опасались, чтобъ Новгородскій митрополитъ вовсе не прервалъ духовныхъ сношеній съ православнымъ народонаселеніемъ уступленныхъ областей, что заставило бы послѣднее бѣжать толпами въ Русскіе предѣлы: вотъ почему Шведское правительство усердно

домогалось у Московскаго, чтобъ Новгородскій митрополитъ посылалъ священниковъ и освящалъ церкви въ Кореле и другихъ уступленныхъ волостяхъ. Не смотря однако на это, русское духовенство плохо уживалось съ Лютеранами, монахи и священники перебѣгали въ Новгородъ; Шведскіе державцы, въ силу договора, требовали ихъ выдачи; царь писалъ по этому случаю къ Новгородскому воеводѣ: «вы бы тѣхъ черныхъ и мірскихъ поповъ и чернецовъ, которые теперь въ нашей сторонѣ живутъ, да и тѣхъ поповъ и чернецовъ, которые впередъ съ Шведской стороны перебѣгутъ и въ нашей сторонѣ объявятся, безъ нашего указе въ Шведскую сторону не отдавали; а если Шведскіе державцы станутъ къ тебѣ писать и ихъ просить, то отвѣчай, что ихъ до сихъ поръ въ нашей сторонѣ не отыскали, а какъ отыщутъ, то дадутъ имъ знать; да отпиши, чтобъ они нашимъ людямъ въ вѣрѣ тѣсноты не чинили и не гнали, а станутъ въ вѣрѣ тѣснить и гоненье чинить, то имъ по неволѣ будетъ бѣгать.» При этомъ царь приказывалъ воеводѣ не держать бѣглецовъ въ порубежныхъ мѣстахъ, но отсылать ихъ во внутреннія области или въ Москву. Любопытна также царская грамота къ Новгородскому воеводѣ о перебѣжчикахъ не изъ духовенства: «Вы бы съ державцами Шведскихъ городовъ ссылались и размѣнъ перебѣжчикамъ дѣлали смотря по ихъ ссылкѣ и отдачѣ, потому что съ нашей стороны въ Шведскую сторону перебѣжчиковъ дано много, а съ ихъ стороны въ нашу сторону мало, многіе не отданы, и держатъ ихъ, мимо мирнаго договора, неволею. А которые люди объявились по вашему сыску въ нашей сторонѣ, а въ Шведскихъ росписяхъ именъ ихъ нѣтъ, то вы этихъ людей сажайте за нами въ дворцовыхъ селахъ, въ волостяхъ, которыя отъ рубежей подальше, подмогу имъ и льготу давайте какъ пригоже, смотря по нихъ и по пашнѣ, а близь рубежей жить имъ не велѣть для того, чтобъ про нихъ въ Шведскихъ городахъ не вѣдали и къ вамъ не писали; сажайте ихъ за нами волею и къ нашей милости пріучайте ласкою, подмогою и льготою, чтобъ имъ за нами на пашняхъ са-

диться было охотно: а если ихъ сажать въ неволю, то они станутъ бѣгать назадъ и сказывать въ Шведскихъ городахъ про другихъ своихъ товарищей, пойдетъ ссора и утаить перебѣжчиковъ будетъ уже нельзя.» Надобно было распорядиться также относительно Русскихъ людей, которые для торговли пріѣзжали изъ уступленныхъ Швеціи городовъ въ Новгородъ. На этотъ счетъ воевода Новгородскій получилъ такую царскую грамоту: «Писали вы къ намъ, что пріѣзжаютъ въ Великій Новгородъ съ Шведской стороны для торгу Русскіе люди и бьютъ челомъ, чтобъ позволять имъ ходить въ Каменный городъ къ соборной церкви св. Софіи и къ Новгородскимъ чудотворцамъ молиться, а у васъ о томъ нашего указа нѣтъ. Такъ вы бы про тѣхъ людей велѣли развѣдывать, не пошатнулись ли они въ вѣрѣ, не присталили къ Лютерской вѣрѣ? если они въ православной вѣрѣ тверды, то вы бъ велѣли ихъ пускать къ церквамъ, которыя на посадѣ, а въ Каменный городъ, въ Соборную церковь ихъ не пускать; если же про которыхъ развѣдаете, что они въ православной вѣрѣ пошатнулись, такихъ и на посадѣ къ церквамъ не пускайте, пуще всего берегитесь, чтобъ нашей православной христіянской вѣрѣ поруганья не было.» Позволено было Русскимъ людямъ ѣздить на обѣ стороны для свиданія съ родственниками: «только смотрѣть, чтобъ Русскіе люди для лазутчества въ Новгородъ не пріѣзжали.» На счетъ Шведовъ, пріѣзжавшихъ въ Новгородъ учиться Русской грамотѣ, воеводѣ было наказано: «Такихъ принимать и велѣть ихъ учить Русской грамотѣ на посадѣ церковнымъ дьячкамъ; а въ церковь некрещенныхъ Нѣмцевъ не пускать, о чемъ дьячкамъ приказывать накрѣпко; а кто изъ Нѣмцевъ захочетъ креститься въ нашу православную вѣру, такихъ крестить, а какъ крестятъ, то ихъ во свою землю не отпускать, (и сказать имъ еще до крещенья, что имъ отпуску съ нашей стороны не будетъ), присылать ихъ къ намъ въ Москву, или велѣть имъ быть въ Новгородѣ, кто къ кому пойдетъ по своей волѣ; а по тѣхъ людяхъ, которые крещенныхъ Нѣмцевъ станутъ къ себѣ принимать, брать поруки съ

записями. А которые Нѣмцы теперь учатся въ Новгородѣ, и захотятъ ѣхать въ свою землю, такихъ отпускать съ прежними грамотами; принимать иноземцевъ грамотѣ учить такихъ только, которыхъ привезутъ отцы, братья и дядья, а не такихъ, которые сбѣжатъ бѣгомъ.»

Съ обѣихъ сторонъ не хотѣли подавать повода къ разрыву: Москва хотѣла успокоиться, собрать хотя сколько нибудь свои силы, и то не для войны со Швеціею; Густавъ Адольфъ, занятый на западѣ, желалъ искренно мира съ Москвою, желалъ союза съ царемъ противъ Польши. Запорожье волновалось, и Густавъ Адольфъ хотѣлъ воспользоваться этимъ, прислалъ въ Москву великихъ пословъ Бремена и Горна съ просьбою, чтобъ царское величество послалъ къ запорожскимъ козакамъ свое повелѣнье и отвелъ бы ихъ отъ Польской короны. Бояре отвѣчали, что этого сдѣлать невозможно, ибо Черкасы запорожскіе люди Польскаго короля, а между Московскимъ государствомъ и Польшею заключено перемиріе. Въ 1626 году пріѣхали Шведскіе послы дворянинъ Юрій Бенгартъ, а другой, къ изумленію Московскаго двора, назывался: Александръ Любимъ Дементьевичъ Рубецъ или Рубцовъ, и по дорогѣ ходилъ въ Русскую церковь. Царь послалъ спросить у пристава: какимъ языкомъ говоритъ посолъ, въ постные дни ѣстъ ли рыбу, по какому указу приставъ пускалъ его въ церковь, какъ онъ въ церкви стоитъ и молится и въ какомъ платьѣ ходитъ? Рубцовъ отвѣчалъ, что онъ русскій человѣкъ, пострадалъ за православную вѣру отъ короля Сигизмунда, сидѣлъ въ Маріенбургѣ въ плѣну 11 лѣтъ и освобожденъ былъ королемъ Густавомъ Адольфомъ. Не смотря на то приставъ въ селѣ Черкизовѣ не пустилъ Рубцова въ церковь, а когда онъ пріѣхалъ въ Москву, то приставы говорили ему отъ имени думнаго дьяка Грамотина: «Вѣдомо, что ты былъ человѣкъ Московскаго государства и вѣры христіянской греческой, а послѣ того былъ въ заточеніи у Литовскаго короля въ Малборкѣ: и ты, будучи въ Малборкѣ, православную нашу вѣру держалъ ли? и въ Римскую и въ иныя вѣры не отступилъ ли, и какъ нынѣ пра-

вославную вѣру держишь?» Послѣ удовлетворительнаго отвѣта, послу позволили ходить въ церковь; потомъ онъ билъ челомъ, чтобъ позволили ему видѣть образъ Пречистой Богородицы, обѣдню слушать въ соборной церкви, святѣйшаго патріарха Филарета Никитича очи видѣть и благословеніе принять; билъ челомъ, что онъ былъ въ Малборкѣ въ заточеніи за христіянскую вѣру и отца духовнаго у него не было долгое время: такъ бы святѣйшій патріархъ пожаловалъ, велѣлъ дать ему запасные дары: гдѣ ему случиться въ дорогѣ или при смерти, и ему бы тѣмъ причаститься, а святѣйшій патріархъ его зналъ въ Малборкѣ. Ему позволили быть въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ онъ видѣлся и съ патріархомъ.

Рубцовъ собственно пріѣхалъ посломъ не къ Московскому двору, а съ цѣлію отправиться чрезъ Московскія области въ Бѣлую Русь и въ Запорожье. Въ грамотѣ своей король увѣдомлялъ царя о своихъ успѣхахъ въ Прусской землѣ противъ Сигизмунда Польскаго и прибавлялъ: «Если ваше царское величество захотите поотомстить за великую неправду, которую Польскіе люди вашей землѣ и подданнымъ сдѣлали, то ваше царское величество никогда не выберете времени удобнѣйшаго, потому что теперь Татары вошли въ Польскую землю съ одной стороны, а мы съ другой, думаемъ, что и съ третьей стороны войдетъ въ Литовскую землю нѣкоторый великій государь: это мы вашему царскому величеству дружелюбно объявляемъ ради той дружбы, которую оба наши величества между собою имѣемъ.» Бояре отвѣчали: «Что король Густавъ Адольфъ города у недруга своего побралъ, тому великій государь порадовался, и всегда радъ слышать, чтобъ государю вашему недруга своего Польскаго короля до конца побѣдить и землями его завладѣть. Король посылаетъ Александра Рубцова въ Бѣлую Русь и въ Запорожье: въ Столбовскомъ договорѣ сказано, что вольно Шведскимъ посламъ чрезъ Московскую землю ходить въ Персію, Турцію, Крымъ, въ иныя страны и восточныя земли, которыя съ его царскимъ величествомъ не въ явной недружбѣ, а про Бѣлую Русь и Запорожье въ договорныхъ

записяхъ ничего не написано; Александра пропустить невозможно, потому что между Россійскимъ государствомъ и Польшею заключено перемирье. Добрый совѣтъ отомстить королю Сигизмунду великій государь принимаетъ въ любовь, мыслить о томъ будетъ, только теперь въ перемирныя лѣта сдѣлать этого нельзя, это будетъ крестному цѣлованью преступленье и на душу грѣхъ; а если хотя и малая неправда объявится отъ Польскаго короля и до урочныхъ лѣтъ, то великій государь на Польскаго короля идти готовъ и съ Густавомъ Адольфомъ королемъ напередъ объ этомъ обошлется.» Съ этимъ послы и отправились назадъ. Патріархъ Филаретъ разослалъ грамоты къ архіереямъ Тверскому и Новгородскому, чтобъ они велѣли въ своихъ епархіяхъ пускать Рубцова въ церкви, ибо онъ страдалъ въ Малборкѣ за православную вѣру, приговоренъ былъ къ казни, и онъ патріархъ его терпѣнье видѣлъ.

Принявши участіе въ великой борьбѣ за протестантизмъ противъ Габсбургскаго дома, Густавъ Адольфъ въ началѣ 1629 года прислалъ въ Москву пословъ своихъ Монира и Бенгарта съ объявленіемъ, что въ прошломъ году Богъ помогъ ему противъ Польскаго короля, можно было ему съ своимъ войскомъ черезъ всю Польшу пройти безпрепятственно, еслибъ не помѣшка была отъ Римскаго цесаря и папежскаго заговора, потому что они съ своею великою силою близко пришли и осадили сильный торговый городъ Штральзундъ, который стоитъ на Варяжскомъ морѣ.» Королевское величество, для обереганья себя и своего великаго государства, также многихъ сосѣдей и единовѣрцевъ, съ большимъ войскомъ пошелъ къ этому городу на помощь и выручку, въ чемъ и успѣлъ. Вашему царскому величеству подлинно извѣстно, что цесарь Римскій и папежане привели подъ себя большую часть евангельскихъ князей въ Нѣмецкой землѣ и взяли лучшія морскія устья въ Датской землѣ, Мекленбургѣ и въ Поморской землѣ. Тутъ они теперь съ великимъ радѣньемъ готовятся, чтобы къ будущему лѣту великосильное корабельное собраніе собрать въ Варяжскомъ морѣ, и этимъ не только торговлѣ помѣшать, но и пограничныя госу-

дарства Шведское, Прусское и Датское подвести подъ себя и подъ папежскую работу. Его королевское величество напоминаетъ, чтобъ ваше царское величество заранѣе подумали, какая великая опасность вамъ и государствамъ вашимъ надъ головою виситъ: если только цесарь съ папежскими заговорщиками одолѣютъ Шведскую землю, то станутъ искать погибели Русскихъ людей и искорененія старой Греческой вѣры; такъ надобно объ этомъ заранѣе подумать. Надобно думать, что ваше царское величество до урочныхъ перемирныхъ лѣтъ съ Польскимъ королемъ войны не начнете; а надобно было бы бѣднымъ и утѣсненнымъ людямъ въ Нѣмецкой и Датской землѣ помочь! Королевское величество хочетъ со всею своею силою промышлять; но такому великому войску многіе запасы надобны, а хлѣбъ въ Шведской землѣ отъ большихъ дождей не родился: такъ проситъ король позволенія купить въ вашихъ земляхъ и вывезть въ его войско 50,000 ржи и другихъ съѣстныхъ припасовъ; а если ваше царское величество захотите помочъ мірскому дѣлу деньгами или хлѣбомъ, то всемогущій Богъ ваше царство свыше иныхъ земель одаритъ. Папа, цесарь Римскій и весь домъ Австрійскій только того ищутъ, какъ бы имъ быть обладателями всей вселенной и теперь они къ тому очень близки; а когда мы видимъ, что сосѣдній дворъ горитъ, то намъ надобно воду носить и помогать гасить, чтобъ свое соблюсти; пора уже вашему царскому величеству подумать, чѣмъ сосѣдямъ помочь и какъ свое уберечь.»

Бояре отвѣчали: «Великій государь нашъ крѣпко о томъ мыслитъ и хочетъ Польскому королю противъ его неправдъ месть воздавать, государю вашему и другимъ христіянскимъ государствамъ евангелицкой вѣры помогать всякими мѣрами, чтобъ кесарева и папежниковъ злаго умысла до себя не допустить и вамъ всѣмъ помочь. Великій государь за неправды Польскаго короля и нарушенье мирнаго договора не хочетъ ждать истеченія перемирныхъ лѣтъ, хочетъ надъ нимъ промышлять и государю вашему помогать. Пусть только король вашъ напишетъ, сколько ему надобно съѣстныхъ припасовъ и великій государь

велитъ покупать ихъ безпошлинно въ который годъ хлѣбъ уродится; государь велѣлъ подданнымъ своимъ съ подданными вашего государя торговать повольною торговлею, всякими товарами безъ всякой пошлины.» Когда переговоры о государственныхъ дѣлахъ были кончены, то послы подали жалобы Шведскихъ купцовъ: въ Новгородской таможнѣ имъ прямаго разчета не дѣлаютъ, только говорятъ имъ: «Положите деньги, мы сочтемъ». А когда Шведы по своему счету смѣтятъ, то и окажется, что на нихъ много лишняго взято. Шведамъ нельзя ходить по улицамъ, потому что имъ кричатъ, называютъ ихъ салакушниками и куриными ворами и другими разными позорными словами. Изъ Нарвы, Ижоры, Орѣшка и другихъ порубежныхъ мѣстъ нельзя проѣзжать извощикамъ въ Русскіе города, потому что берутъ съ нихъ большое мыто. Шведамъ не позволяютъ въ Русскихъ городахъ учиться по русски. Стрѣльцы, стоящіе у воротъ, не пропускаютъ Русскихъ купцовъ къ Шведскимъ на Шведскій гостиный дворъ.

Въ началѣ 1630 года тотъ же Мониръ пріѣхалъ въ другой разъ въ Москву съ извѣстіемъ, что Густавъ-Адольфъ заключилъ перемиріе съ Польскимъ королемъ, дабы тѣмъ удобнѣе обратить всѣ свои силы на цесаря, и съ просьбою позволить купить въ Россіи безпошлинно хлѣба, крупъ, смолы и селитры. Царь велѣлъ отвѣчать, что онъ не сердится на короля за перемиріе съ Польшею, потому что оно было заключено по нуждѣ; повторяетъ, что съ своей стороны не будетъ дожидаться истеченія перемирнаго срока и пойдетъ мстить Польскому королю его неправды, только проситъ Густава-Адольфа, чтобъ это дѣло содержалось въ тайнѣ. Что же касается до просьбы королевской, то хотя бы и не довелось позволить купить вдругъ столько хлѣба, потому что въ Московскомъ государствѣ въ нынѣшнемъ году хлѣбу недородъ: но для дружбы и любви государь позволилъ купить 75,000 четвертей ржи и 4,000 четвертей проса безпошлинно.» И государь бы вашъ съ царскимъ величествомъ за такую великую дружбу былъ въ дружбѣ и

любви и совѣтѣ добромъ. Позволено было также безпошлинно купить 200 бочекъ смолы, равно какъ и селитры, гдѣ сыщутъ.»

И въ слѣдующемъ 1631 году дано было позволеніе купить на короля хлѣба 50,000 четвертей. Въ этомъ году впервые явился при Московскомъ дворѣ Шведскій агентъ Яганъ Меллеръ; объясняя значеніе агента, король писалъ царю, что Меллеръ будетъ исправлять всѣ дѣла легче и съ меньшими издержками, что такія лица и при иныхъ великихъ короляхъ и государяхъ живутъ. Меллеръ долженъ былъ объявить боярамъ о разныхъ слухахъ насчетъ замысловъ Польши и вообще католическихъ державъ противъ Московскаго государства; между прочимъ агентъ объявилъ: въ Смоленскѣ Русскіе люди говорятъ: «только Польскій войну поведетъ, то боярскіе холопи мало не всѣ передадутся на Польскую сторону, рады будутъ вольности». Агентъ объявилъ и слова короля своего: «Еслибъ царскому величеству можно было ко мнѣ въ сердце заглянуть, то онъ бы увидалъ, какъ я ему доброхотаю;» объявилъ, что король его, въ случаѣ войны царя съ Польшею, уступитъ ему собственные два полка съ добрыми начальниками. Въ тоже самое время Шведы, стращая Московскій дворъ опасными замыслами короля Сигизмунда и императора Фердинанда, увѣряя, что Густавъ-Адольфъ съ своимъ войскомъ передняя стѣна Московскаго государства, передовой полкъ, бьющійся въ Германіи за Русское царство, убѣдили царя пропустить двоихъ Шведскихъ посланцевъ къ Запорожцамъ для склоненія ихъ къ возстанію противъ Польши. Посланцы эти получили наказъ: объявить козакамъ доброе расположеніе къ нимъ Шведскаго короля, расположеніе, основанное на борьбѣ противъ общихъ недруговъ, на гоненіи, которое люди Греческой вѣры терпятъ одинаково съ Евангеликами отъ іезуитовъ; объявить, что король хочетъ жаловать ихъ своимъ жалованьемъ, наслышавшись объ ихъ ратныхъ дѣлахъ; считая ихъ друзьями вѣры и вольности, король потому самому считаетъ ихъ врагами папы, прямаго антихриста, и короля Испанскаго, который хочетъ отнять вольность у всѣхъ народовъ. Посланцы должны были объявить козакамъ, что Гу-

ставъ-Адольфъ будетъ давать имъ жалованья гораздо больше, чѣмъ даетъ король Польскій, не требуя ничего кромѣ преданности къ себѣ, и пусть для окончательныхъ переговоровъ пошлютъ они уполномоченныхъ своихъ въ Ливонію. Наконецъ посланцы должны были закинуть мысль о двухъ услугахъ, которыхъ ждетъ Густавъ-Адольфъ отъ козаковъ, а именно: помочь ему при избраніи въ короли Польскіе, и выслать войско въ Австрійскія земли.

Въ Августѣ 1631 года, по указу великихъ государей, въ посольскомъ приказѣ распрашивали Путивльца, Григорія Гладкаго, можно ли ему изъ Путивля провести къ Запорожскому войску двоихъ Нѣмцевъ, посланныхъ изъ Швеціи съ грамотами къ Запорожцамъ и куда ему ихъ провести—въ Кіевъ ли, или иной какой-нибудь городъ Черкасскій? Гладкій отвѣчалъ, что Запорожскіе козаки живутъ въ разныхъ городахъ, а когда имъ службу скажутъ, то они собираются гдѣ приговорятъ, а больше всего собираются въ Масловѣ Ставу, отъ Кіева верстъ съ полтораста, а мѣсто это Масловъ Ставъ—пустое. Если государи прикажутъ ему ѣхать съ этими Нѣмцами къ Черкасамъ, то онъ ѣхать готовъ; если спросятъ у него на дорогѣ, что̀ за люди и куда ѣдутъ? то онъ будетъ говорить, что ѣдутъ къ гетману Запорожскому, а зачѣмъ — того онъ не знаетъ, нанялся онъ у нихъ везти телѣгу съ запасомъ. И приведетъ онъ Нѣмцевъ въ слободы Вишневецкаго, гдѣ живутъ Запорожскіе козаки, и какъ Нѣмцы скажутся, что ѣдутъ къ гетману, то козаки сами проводятъ ихъ къ гетману, Тимохѣ Арендаренкѣ, который живетъ въ Коневѣ, или проводятъ до Кіева. Но государи велѣли сказать Гладкому, чтобъ онъ порадѣлъ, провелъ Нѣмцевъ въ Кіевъ, къ епископу Исакію Луцкому, да къ Порфирію и Андрею Борецкимъ, братьямъ митрополита Іова, а они бы тамъ промыслили, какъ къ Запорожскому войску отпустить, у гетмана же Тимохи и у козаковъ, которые служатъ королю, имъ не быть. Гладкій отправился съ Нѣмцами, и въ Октябрѣ возвратился въ Москву съ вѣстію, что онъ въ Кіевѣ не засталъ ни епископа Исакія, ни Борецкихъ, и Нѣмцы на-

няли монастырскаго служку, чтобъ довезъ ихъ Днѣпромъ до новаго гетмана Ивана Петрижицкаго — Кулаги, потому что стараго Арендаренка козаки перемѣнили. Недѣлю спустя пріѣхалъ Андрей Борецкій; Гладкій отдалъ ему государеву грамоту и про прежнія грамоты распрашивалъ; Борецкій государеву грамоту взялъ и хотѣлъ ее къ Запорожцамъ отвезти самъ, о прежнихъ же грамотахъ сказалъ, что Луцкій епископъ Исакій на погребеніи митрополита Іова Борецкаго обѣ грамоты, и государеву, и Кирилла патріарха Константинопольскаго, отдалъ архимандриту Печерскаго монастыря, Петру Могилѣ; но Петръ до сихъ поръ этихъ грамотъ Запорожскимъ козакамъ не отдалъ, и когда онъ, Борецкій, объ нихъ ему напомнилъ, то Петръ отвѣчалъ: «Достоинъ ты съ этими грамотами кола», послѣ чего онъ Борецкій уже больше говорить объ нихъ не смѣлъ. Скоро пришло извѣстіе въ Москву, что гетманъ Кулага засадилъ Шведскихъ посланцевъ подъ стражу и далъ объ нихъ знать гетману Конецпольскому.

Но, вступая въ тѣсныя сношенія съ Швеціею, надобно было покончить съ Англіею, которая считала себя въ правѣ на благодарность Московскаго правительства, именно за возможность тѣсныхъ сношеній съ Швеціею. Столбовскимъ миромъ затруднительныя обстоятельства Московскаго государства еще не кончились, ибо во время его заключенія грозная туча собиралась надъ Москвою со стороны Польши. Въ Іюлѣ 1617 года отправлены были въ Англію дворянинъ Степанъ Волынскій и дьякъ Маркъ Поздѣевъ съ благодарностію за примиреніе съ Швеціею и съ просьбою о помощи противъ Польши: послы должны были просить, чтобъ Якубъ король послалъ къ Датскому, Шведскому королямъ и Нидерландскимъ владѣтелямъ, съ просьбою стоять за одно съ Москвою противъ Польши, такъ какъ самому Якубу королю свою рать посылать на Польшу не пригоже за дальностію. А Датскому, Шведскому и Нидерландскимъ владѣтелямъ есть за что на Польскаго короля стоять: подъ Шведскимъ королемъ онъ доступаетъ Шведскаго королевства; Датскому королю въ свойствѣ курфюрстъ Бран-

денбургскій и Вильгельмъ князь Курляндскій, а Польскій король Прусскую землю всю у Бранденбургскаго князя хочетъ подъ себя взять, и Вильгельма изъ Курляндской земли выгнать; на Голландскихъ владѣтелей ссылается съ папою Римскимъ, также всякое зло хочетъ надъ ними, надъ ихъ и надъ вашею Англійскою вѣрою дѣлать, а про государя вашего Польскій король непригожія слова говоритъ.» Послы должны были настаивать, чтобъ Англійскій король непремѣнно помогъ великому государю казною, просить казны тысячь на 200 и на 100, по самой послѣдней мѣрѣ на 80 и 70,000 рублей, а меньше 40,000 не брать. Если будутъ требовать у пословъ крестнаго цѣлованія въ томъ, что царь отдастъ деньги королю, то не соглашаться на закрѣпленіе, отзываясь неимѣніемъ наказа, а просить, чтобъ король слалъ своихъ пословъ въ Москву; указывать, что царь Ѳеодоръ послалъ большую казну императору, а никакого письма и укрѣпленія между ними не было. По самой конечной мѣрѣ послы должны были дать письмо, и требовать помощи денежною казною, ефимками и золотыми, чтобъ ратнымъ людямъ можно было давать вскорѣ. Наконецъ посламъ было наказано говорить накрѣпко, всякими мѣрами, чтобъ велѣно было ребятъ, отданныхъ при Годуновѣ въ ученье, сыскать и отдать; а какъ ихъ отдадутъ, взять къ себѣ и держать съ великимъ береженьемъ, тѣсноты и нужды ни въ чемъ недѣлать, ихъ этимъ не отогнать, во всемъ ихъ тѣшить.

Въ слѣдствіе этого посольства, въ 1619 году пріѣхалъ въ Архангельскъ Англійскій посолъ Дюдлей Диксъ съ деньгами, но, узнавъ, какъ видно, объ осадѣ Москвы Поляками, возвратился изъ Холмогоръ, сдавши дѣла дворянину Финчу и купеческому агенту Фабину Смиту, которые и отправились въ Москву. Царь сначала не принялъ ихъ какъ пословъ, потому что въ вѣрющей королевской грамотѣ они не были названы, но потомъ принялъ; деньги, 20,000 рублей были у нихъ взяты на время, съ обѣщаніемъ отдать назадъ. Когда война съ Польшею была окончена, въ Іюлѣ 1620 года пріѣхалъ въ

Москву Мерикъ и былъ принятъ царемъ и патріархомъ: патріархъ сидѣлъ подлѣ царя по правую сторону, бархатное мѣсто его было сдвинуто съ государевымъ мѣстомъ, но образъ надъ партіархомъ былъ особенный съ застѣнкомъ; по правую сторону патріарха на окнѣ стоялъ крестъ на золотой мисѣ; митрополиты, архіепископы и епископы сидѣли отъ патріарха по правую сторону, а бояре, окольничіе и дворяне большіе сидѣли по прежнему отъ государя по лѣвую сторону въ золотыхъ шубахъ и черныхъ шапкахъ; по правую сторону на окольничьемъ мѣстѣ, поотодвинувшись отъ духовенства немного, сидѣлъ окольничій Никита Васильевичь Годуновъ, да казначей Траханіотовъ, потому что Годуновъ встрѣчалъ и являлъ посла, а Траханіотовъ являлъ поминки. Годуновъ, являя посла, обращался къ обоимъ великимъ государямъ, но руку цѣловалъ посолъ только у одного царя. Посолъ говорилъ рѣчи и царю и патріарху; когда патріархъ, выслушавъ рѣчь, всталъ, поклонился по обычаю и спросилъ про королевское здоровье, то царь въ это время для отца своего всталъ же, грамоты посолъ подалъ двѣ— царю и патріарху. Мерикъ говорилъ царю и патріарху особо, (называя царя кесарскимъ величествомъ), что король обрадовался заключенію мира съ Польшею и освобожденію Филарета; потомъ подалъ поминки двойные — царю и патріарху, царю: солонку хрустальную, обложенную золотомъ съ дорогими каменьями и жемчугомъ, инорога серебрянаго вызолоченаго, льва серебрянаго вызолоченаго, птицу струса (страуса) серебряную вызолоченую, пять кубковъ серебряныхъ вызолоченыхъ, двѣ фляги серебряныя вызолоченыя, лахань да рукомойникъ серебряные вызолоченые, сосудъ каменный, покрышка и подонникъ у него золотые, разныя шелковыя матеріи и сукна, два попугая индѣйскихъ, звѣря индѣйскаго антилопа; патріарху: сосудъ хрустальный, обложенный вызолоченнымъ серебромъ, четыре кубка съ вызолоченными покрышками, рукомойникъ да лахань серебряные вызолоченные, бархатъ, атласъ, кресла, обитыя бархатомъ вишневымъ, шитыя золотомъ канителью.

При переговорахъ съ боярами Мерикъ объявилъ, что Дюд-

лей Дикс привезъ государю на вспоможенье 100,000 рублей, но что Финчь и Смитъ всѣхъ этихъ денегъ не отдали, а дали только малую долю—40,000 ефимковъ или 20,000 рублей; король посылая деньги, не велѣлъ просить никакого заклада, велѣлъ только говорить о письмѣ за царскою печатью для укрѣпленья. Потомъ Мерикъ жаловался, что Англійскіе купцы потерпѣли большіе убытки (именно на 144,000 рублей), отъ смутнаго времени, отъ грабежа, и отъ того, что обѣднѣвшій народъ не покупаетъ ихъ товаровъ, наконецъ отъ того, что деньги русскія стали легче вѣсомъ: прежній рубль равнялся 14 шилингамъ англійскимъ, а теперь тотъ же рубль стоитъ всего 10 шилинговъ; кромѣ того убытокъ отъ прикащиковъ и слугъ, которые исхарчили много ихъ гостиныхъ денегъ, да сосватались и поженились на Московскихъ урожденкахъ или вступили въ службу къ государю, нарочно подданство приняли, чтобъ гостямъ Англійскимъ кривду учинить, и отчета господамъ своимъ никакого не отдать: въ слѣдствіе этого Мерикъ просилъ, чтобъ ни одному прикащику и слугѣ нельзя было въ Россіи жениться и въ службу вступать безъ вѣдома и позволенія большаго гостя Англійскаго, чтобъ сперва они ѣхали въ Англію для счета съ гостями, а потомъ уже могутъ вступать въ царскую службу. Наконецъ Мерикъ опять началъ просить дороги Волгою въ Персію. Опять государь велѣлъ собрать гостей Московскихъ, сказать имъ о просьбѣ Мерика, да прибавить, что Англичане за дорогу въ Персію дадутъ въ помощь казны, что̀ будетъ пригоже:» государь царь и святѣйшій патріархъ велѣли вамъ гостямъ объ этомъ объявить, да вамъ же велѣли объявить: вѣдомо вамъ всѣмъ, что по грѣхамъ въ Московскомъ государствѣ отъ войны во всемъ скудость и государевой казны нѣтъ нисколько; кромѣ таможенныхъ пошлинъ и кабацкихъ денегъ государевымъ деньгамъ сбору нѣтъ, а городамъ разореннымъ дана льгота; что собиралось казны съ васъ гостей и торговыхъ людей, пятинной и запросной деньги, то все государь для вашей легости отставилъ, а служивыхъ людей, козаковъ и стрѣльцовъ въ городахъ прибыло, жалованье имъ да-

ютъ ежегодно, докуки государю и челобитье отъ служивыхъ людей, отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ большія, а пожаловать нечѣмъ. Если по грѣхамъ будетъ который недругъ, то казны готовой нѣтъ и впередъ завести не откуда; а если дать Англійскимъ гостямъ дорогу въ Персію, то не будетъ ли отъ того Московскимъ гостямъ и торговымъ людямъ помѣшки и оскудѣнья?

Гости и торговые люди отвѣчали: «Бьемъ челомъ за милость великихъ государей, а въ томъ—дать ли дорогу Англичанамъ въ Персію или нѣтъ? ихъ государская воля; они, гости и торговые люди будутъ говорить по своему крайнему разумѣнію, только бъ государь милость показалъ, за то на нихъ опалы не положилъ, что они будутъ говорить спроста.» Бояринъ, князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій и дьякъ Грамотинъ сказали имъ, чтобъ говорили прямо, безъ всякаго опасенья, и начали спрашивать гостей порознь, по одному человѣку. Гость Иванъ Юрьевъ сказалъ, что если уступить Англичанамъ путь по Волгѣ въ Персію, то убытокъ будетъ государю и гостямъ Русскимъ, ибо теперь Московскіе и Понизовыхъ городовъ торговые люди ходятъ въ Персію многіе, Москвичи, Ярославцы, Костромичи, Нижегородцы, Казанцы, Астраханцы, а съ Тезиковъ, которые пріѣзжаютъ въ Астрахань, берутъ съ рубля по 4 алтына; когда же Англичане станутъ ѣздить въ Персію, то Тезики перестанутъ ѣздить въ Астрахань. Если съ Англичанъ брать пошлину, то государевой казнѣ прибыль будетъ большая, а у торговыхъ людей промыслы отнимутся, потому что имъ съ Англичанами не стянуть; если только отъ того государю будетъ помощь большая, Англичане станутъ платить пошлину большую, то воленъ Богъ да государь, а имъ для собранія государской казны на время и потерпѣть можно, хотя и убыточно. — Гость Григорій Твердиковъ говорилъ: «Въ томъ государская воля: сами они гости видятъ, что государь мыслитъ объ этомъ для скудости; пусть государь только велитъ Англичанамъ торговать указными своими товарами заморскими, а Русскими товарами торговать имъ съ Пер-

сіянами не велитъ; Русскіе товары туда ходятъ: соболи, кость рыбій зубъ, цки бѣльи, кожи юфти; да въ Московское же государство привозятъ изъ Нѣмецкихъ государствъ ефимки, и отъ того государевой казнѣ и имъ гостямъ прибыль большая, пошлина съ ефимковъ сходитъ многая; а теперь если ефимки пойдутъ въ Персію, то государевой казнѣ будетъ убыль многая, а имъ оскудѣнье, въ Персіи лучшій товаръ ефимки и деньги старыя Московскія, а въ Московскомъ государствѣ серебра будетъ мало и торговымъ людямъ помѣшка и оскудѣнье.»—Григорій Никитниковъ говорилъ: «Какъ стало разоренье Московскому государству и думали, что быть ему за Польскимъ королемъ, то Голландцы тотчасъ послали къ Литовскому королю, давали 100,000 рублей, чтобъ король далъ имъ однимъ дорогу въ Персію. Если и Англичане теперь даютъ въ государеву казну много, въ томъ его государская воля, а даромъ давать дороги въ Персію не для чего. Государю было бы прибыльнѣе поторговаться съ Англичанами и Голландцами вмѣстѣ, они одни передъ другими больше дадутъ. Брать съ нихъ не большую пошлину и думать нельзя, потому что Московскимъ торговымъ людямъ быть отъ нихъ безъ промыслу, и государю, думать надобно, челобитье будетъ отъ всей земли, потому что теперь за Персидскіе промыслы торговые люди взялись многіе и отъ того богатѣютъ, а государю идетъ пошлина большая.» Родіонъ Котовъ сказалъ: «Боятся наша братья того: только Англичанамъ дать дорогу въ Персію, и ихъ промыслы станутъ: но этого не угадать, всякому своя часть: и большимъ товаромъ торгуютъ, и малымъ промышляютъ какъ кто сможетъ. Вотъ и у Архангельскаго города торгъ неровный: сначала пріѣзжаютъ мелкіе люди съ небольшими товарами и торгуютъ ими, а послѣ приходятъ съ большими товарами и также торгуютъ, меньшіе не остаются же, а всякій по своей мѣрѣ исторгуется; такъ и тутъ: иные Персіяне станутъ съ Англичанами торговать въ Персіи, а другіе поѣдутъ въ Астрахань, однимъ Англичанамъ своими товарами какъ Персію затворить? много въ Персіи охочихъ торговыхъ

людей, поѣдутъ за Русскими товарами.» Остальные гости были противъ позволенія, развѣ только Англичане дадутъ большія деньги въ казну; говорили также, что надобно спросить купцовъ Ярославскихъ и Нижегородскихъ, потому что они больше всѣхъ торгуютъ съ Персіею.

Въ слѣдствіе этихъ отвѣтовъ бояре спросили у Мерика: какіе товары Англійскіе гости повезутъ въ Персію? какіе будутъ тамъ покупать, и гдѣ имъ этими товарами торговать — въ Московскомъ ли государствѣ или возить за море? какая прибыль будетъ отъ того государевой казнѣ, и какую пошлину станутъ платить или сколько денегъ дадутъ въ казну?» Мерикъ отвѣчалъ, что Англичане будутъ привозить въ Персію сукна, ефимки, олово сухое и другіе Англійскіе товары, а въ Персіи покупать шелкъ сырой, краски, ревень, кисеи, миткали, дороги, камки, а тѣ товары, которые привозили въ Московское государство, и впередъ будутъ привозить, дороги эти товары не будутъ.» Бояре сказали: «Это такъ, но какая прибыль казнѣ государевой, потому что торговля будетъ въ Персіи?» Мерикъ отвѣчалъ: «Если царское величество велитъ устроить торговымъ людямъ иныхъ государствъ съѣздъ и торгъ въ Астрахани, то въ таможенной пошлинѣ будетъ прибыль большая.» Бояре спросили: «Какую пошлину Англійскіе гости будутъ платить?» Мерикъ отвѣчалъ: «Объ этомъ мнѣ не наказано. А если вы, бояре думаете, что отъ нашей торговли съ Персіею государевой казнѣ и людямъ убытокъ будетъ, то я и говорить объ этомъ перестану, король мой убытка государю и его людямъ не желаетъ?»

Такимъ образомъ вопросъ о пошлинѣ разомъ остановилъ все дѣло, ибо Англичане надѣялись безпошлинно провозить свои товары въ Персію. Начали говорить о другихъ дѣлахъ; на жалобу Мерика, что новыя деньги дѣлаются легче вѣсомъ, бояре отвѣчали: «Послѣ царя Θеодора Ивановича въ Московскомъ государствѣ учинилась смута, многое разоренье и земли запустѣнье, царская казна разграблена, а служивыхъ людей умножилось и жалованья дать нечего, государи христіанскіе погра-

ничные помощи не подали: такъ по неволѣ деньги стали дѣлать легче, чтобъ государство было чѣмъ построить и служивыхъ людей пожаловать; да и не новое то дѣло: во многихъ государствахъ то бывало въ воинское время, не только золотые или деньги бывали дороже или легче прежняго, во многихъ государствахъ торговали мѣдными или кожаными деньгами, и теперь мѣдными деньгами торгуютъ мало не вездѣ; а какъ скоро которое государство поисправится, то опять и деньги поправляются, а укоризны въ томъ нѣтъ никакой. Англійскіе гости всякіе товары стали продавать дороже прежняго: при прежнихъ государяхъ продавали золоченое серебро въ дѣлѣ гривенку по три рубля, а бѣлое и безъ четверти, а теперь продаютъ гривенку по пяти рублей и больше, а серебро въ сосудахъ провозятъ не самое чистое, мѣшанное съ мѣдью, также и сукна привозятъ передъ прежнимъ хуже, поставы меньше, короче и уже и въ мочкѣ суконъ убываетъ много, а цѣною дороже передъ прежнимъ мало не въ полтора раза; да и не одни Англійскіе гости въ Московское государство пріѣзжаютъ, торгуютъ и другихъ земель торговые люди, но они убытковъ себѣ въ деньгахъ никакихъ не сказываютъ.» Мерикъ отвѣчалъ: «Голову свою дамъ и честь свою отложу, если серебро хуже стараго; а объ сукнахъ отъ короля крѣпкій заказъ: велѣно сукна дѣлать добрыя и поставы по прежней мѣрѣ, король не хочетъ обманомъ жить.» На счетъ пріема въ службу Англійскихъ прикащиковъ и слугъ бояре отвѣчали: «У насъ иноземцевъ въ царскую службу неволею не берутъ, силою никого не женятъ и въ Московскомъ государствѣ неволею не оставляютъ никого; а кто царскому величеству бьетъ челомъ въ службу, такихъ великій государь не оскорбляетъ, ко всякимъ иноземцамъ милость свою показываетъ и отъ своего царскаго желованья не отгоняетъ. А вотъ при царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ были посланы въ Англійскую землю для науки молодые дѣти боярскія, и они тамъ задержаны неволею, а Никифоръ Алферьевъ и отъ вѣры нашей православной отступилъ, и невѣдомо по какой прелести въ попы сталъ; ко-

роль бы непремѣнно ихъ прислалъ, чтобъ братской дружбѣ и любви нарушенья не было.» Мерикъ отвѣчалъ, что одинъ изъ нихъ умеръ уже, двое въ Индіи: какъ пріѣдутъ такъ ихъ пришлютъ, а Никифоръ объявилъ, что онъ ѣхать въ Москву не хочетъ, неволею же послать король не произволилъ. «Да и говорить теперь объ этомъ нечего,» прибавилъ Мерикъ: «со мною объ этомъ дѣлѣ не наказано.» Мерикъ просилъ, чтобъ къ Англійскимъ гостямъ былъ назначенъ особый попечитель изъ бояръ; на это ему отвѣчали, что вѣдаютъ и будутъ вѣдать Англійскихъ гостей въ одномъ посольскомъ приказѣ, а о дѣлахъ ихъ будутъ доносить царю думные посольскіе дьяки. Мерикъ просилъ, чтобъ государь отдалъ назадъ 20,000 рублей, присланные ему королемъ на вспоможенье противъ Поляковъ, просилъ на томъ основаніи, что король нуждается въ деньгахъ, долженъ помогать зятю своему Фридриху Пфальцскому, королю Богемскому. Деньги отдали. Отъ пустыхъ земель, выпрошенныхъ прежде Мерикомъ, теперь онъ самъ отказался: «Королевское величество рѣшилъ, что въ чужой землѣ пашню пахать не прилично.»

Отдѣлались отъ Англичанъ; явились Французы съ тѣми же требованіями. Еще въ 1615 году царь отправилъ во Францію посланниковъ Ивана Кондырева и подьячаго Невѣрова, съ объявленіемъ о своемъ восшествіи на престолъ и съ просьбою о помощи противъ Поляковъ и Шведовъ: «Послали мы къ вамъ, брату нашему, говорилось въ царской грамотѣ, наше государство обвѣстить, Сигизмунда короля и Шведскихъ прежняго и нынѣшняго королей неправды объявить. А вы, братъ нашъ любительный, великій государь Людвигъ король намъ бы великому государю способствовалъ, гдѣ будетъ тебѣ можно.» Понятно, что Людвикъ XIII ничѣмъ не способствовалъ. Но осенью 1629 года пріѣхалъ въ Москву въ первый разъ Французскій посолъ Людвикъ Дегансъ (Де Гэ Курмененъ). По царскому указу Новгородскій воевода послалъ на встрѣчу къ нему пристава Окунева съ лошадью. Приставъ хотѣлъ ѣхать по правую сторону посла, но тотъ съ лѣвой стороны не по-

ѣхалъ и не трогался съ того мѣста, гдѣ встрѣча была; приставъ ему говорилъ, что у государя бываютъ Турскіе, Персидскіе, Нѣмецкіе и другіе послы и по лѣвую сторону ѣздятъ; Французъ отвѣчалъ, что Турція, Персія, Крымъ—земли не христіянскія, а его король христіянскій, и потому ему по лѣвую сторону не ѣхать, у него о томъ отъ короля приказъ. Приставъ ему говорилъ, для чего онъ объ этомъ прежде не объявилъ до въѣзда въ землю государеву? Посолъ отвѣчалъ, что онъ Русскаго обычая не знаетъ, потому и не писалъ, и хотѣлъ ѣхать назадъ въ Юрьевъ Ливонскій, съ той лошади сошелъ, которую прислалъ ему воевода, подводу, на которой ѣхалъ, покинулъ, сталъ въ телѣгахъ, да и говоритъ, что ему учиненъ позоръ, и онъ за свой позоръ смерть приметъ. Ему говорили, что изъ государевой земли безъ государева указа его не отпустятъ; онъ отвѣчалъ: «если меня назадъ и не отпустятъ, то я буду стоять, кормъ и питье стану покупать на свои деньги, а съ лѣвой стороны не поѣду,» и стоялъ до вечера. Наконецъ Французъ придумалъ средство: пусть ѣдутъ два пристава, одинъ по лѣвую, а другой по правую сторону, а онъ въ серединѣ; Окуневъ, посовѣтовавшись съ Псковскимъ архіепископомъ, согласился, самъ ѣхалъ по правую сторону посла, а по лѣвую ѣхалъ одинъ сынъ боярскій въ видѣ пристава. Окуневъ доносилъ, что Французы, ѣдучи дорогою, государевымъ людямъ чинили насильства и обиды, посолъ ихъ не унималъ, а пристава не слушались.

Пріѣхавши въ Москву, посолъ билъ челомъ, чтобъ государь, велѣлъ ему давать вина Французскаго да Рейнскаго, а что имъ идетъ государева жалованья, питья, и они къ тому питью не привычны, да билъ челомъ еще объ уксусѣ. Вина и уксусу дали. Потомъ онъ сталъ требовать, чтобъ на представленіи государю ему быть при саблѣ и Кондыревъ предъ его королемъ былъ въ саблѣ; чтобъ, изговоря царскаго величества титулъ, рѣчь говорить ему въ шляпѣ; наконецъ чтобъ дали ему возокъ. Во всемъ этомъ отказали. Въ отвѣтѣ бояре прежде всего начали говорить, что титулъ царскій въ королевской грамотѣ

не сполна написанъ. Посолъ отвѣчалъ: «у государя моего въ государствѣ повелось изначала, что онъ ко всѣмъ великимъ государямъ въ грамотахъ своихъ имянъ и титуловъ не пишетъ, нотакже и своего королевскаго имени и титула не пишетъ, и новостей вводить нельзя». Бояре сказали: «отъ чего же съ Кондыревымъ прислана грамота и въ ней царское именованье написано сполна?» Посолъ отвѣчалъ, что король велѣлъ это сдѣлать по просьбѣ Кондырева: «и если такъ писать, какъ государевъ титулъ говорятъ, то въ титулѣ написаны многія мѣста, всего намъ и не упомнить». Бояре говорили, что до сихъ поръ такого образца не бывало ни отъ которыхъ государей. Посолъ отвѣчалъ: «Если угодно, то государь его впередъ царское именованіе и титулъ велитъ описывать, въ томъ онъ клянется именемъ Божіимъ и королевскою головою». Когда кончились споры о титулѣ, то посолъ объявилъ статьи: 1) король хочетъ съ царемъ быть въ крѣпкой дружбѣ и любви, что царю годно въ его государствѣ, товары или какая сила, то король ни за что не стоитъ. 2) Торговля подданнымъ обѣихъ сторонъ безъ явки и безъ пошлины. 3) У Французскихъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ вольности не отнимать и въ заперти не держать; держать имъ священниковъ и учителей своей вѣры; быть у нихъ начальному человѣку и вѣдать ихъ во всемъ. 4) Есть въ ихъ странахъ домъ Австрійскій, въ немъ князь особый (король Испанскій), цесарю другъ и цесарева рода, и съ Польскимъ королемъ они стоятъ за одно, помощь чинятъ немалую; королю Французскому тотъ Австрійскій князь недругъ, а царю недругъ Польскій король; прибыль себѣ тѣ князья получаютъ отъ того, что посылаютъ торговать въ восточную землю и тѣмъ Польскому королю помогаютъ: такъ если царь съ Французскимъ королемъ будетъ въ дружбѣ и любви, торговлю велитъ Французанамъ въ Московскомъ государствѣ дать повольную, то государь его станетъ Австрійскій домъ тѣснить и торговлю ихъ восточную отниметъ, у нихъ силы убудетъ и Польскому королю помогать перестанутъ. 4) Царское величество позволилъ бы Французанамъ ѣздить въ

Персію чрезъ свое государство; отъ того царю и его подданнымъ будетъ прибыль большая: Англичане, Голландцы и Брабантцы покупаютъ товары во Французской землѣ, въ Московкомъ государствѣ продаютъ ихъ дорогою цѣною, и товары привозятъ обычные, а Французжане станутъ товары привозить самые добрые и продавать по своей прямой цѣнѣ. Царское величество глава и начальникъ надъ восточною страною и надъ Греческою вѣрою, а Людовикъ король Французскій начальникъ въ полуденной странѣ, и когда царь будетъ съ королемъ въ дружбѣ, любви и соединеньѣ, то у царскихъ недруговъ много силы убудетъ; цесарь Римскій съ Литовскимъ королемъ за одно, а царю съ королемъ Французскимъ потому же надобно быть въ дружбѣ и на недруговъ стоять за одно. Французскій король Турскому салтану другъ; зная, что царскому величеству Турскій салтанъ другъ, а надъ православною христіанскою Греческою вѣрою царское величество начальникъ,—зная это, король наказалъ посламъ своимъ въ Царѣградѣ, чтобъ они Русскимъ людямъ и Грекамъ, которые при нихъ будутъ, въ Царѣградѣ во всякихъ дѣлахъ помогали. Такіе великіе государи—король Французскій и царское величество вездѣ славны, другихъ такихъ великихъ и сильныхъ государей нѣтъ, и подданные ихъ, всѣ люди во всемъ имъ послушны, не такъ какъ Англичане и Брабантцы дѣлаютъ все по своему хотѣнью, что есть дешевыхъ товаровъ скупятъ въ Испанской землѣ, да Русскимъ людямъ и продаютъ дорогою цѣною, а Французжане будутъ продавать все дешево. Бояре отвѣчали отказомъ въ безпошлинной и въ Персидской торговлѣ, говоря, что Французы могутъ покупать Персидскіе товары у Русскихъ купцовъ, кромѣ заповѣдныхъ—бѣлаго шелка сыраго и селитры; отказали и въ учителяхъ вѣры для Французовъ, потому что у другихъ иноземцевъ такихъ нѣтъ въ Москвѣ, хотя посолъ и утверждалъ, что въ Парижѣ 12 церквей Греческихъ, и у Французовъ обычай бывать у отца духовнаго по четыре раза въ годъ, такъ безъ отцовъ духовныхъ быть имъ нельзя. Такимъ образомъ Курмененъ уѣхалъ, не добившись ничего новаго.

Въ слѣдъ за Французскимъ, въ Августѣ 1630 года явились послы Голландскіе Альбертъ Конрадъ Бургъ и Іоганъ Фелтдриль, били челомъ великимъ государямъ, Михаилу и Филарету за то, что они жалуютъ торговыхъ Голландскихъ людей, и объявили отъ имени штатовъ и принца Генриха Оранскаго, что они начали войну съ королемъ Испанскимъ и его совѣтниками папою Римскимъ и цесаремъ. Король Испанскій, папа Римскій и цесарь ищутъ всюду ввести свою проклятую папежскую вѣру, а православную христіянскую искоренить, и царскому величеству они недоброхоты же: такъ штаты и принцъ Генрихъ велѣли царскому величеству объявить, что они хотятъ имѣть съ нимъ дружбу и соединеніе и торгу въ Московскомъ государствѣ хотятъ прибавить; а когда они съ царскимъ величествомъ будутъ въ дружбѣ и торговля ихъ будетъ прибавлена и укрѣплена, то папежанамъ всѣмъ будетъ поруха большая. Голландцы ведутъ торговлю въ Литовской землѣ, въ Данцигѣ покупаютъ пепелъ и золу, ленъ и пеньку дорогою цѣною, и Польскому королю платятъ пошлины большія, Литовскимъ торговымъ людямъ отъ того барыши большіе; но штатамъ и принцу Генриху извѣстно, что товары эти идутъ въ Литовскую землю изъ Московскаго государства: такъ царское величество учинилъ бы заказъ, чтобъ Московскіе люди этихъ товаровъ, золы, льну и пеньки въ Литовскіе города не возили, а возили бы къ Архангельскому городу, а Голландцы эти товары станутъ у нихъ покупать, царской казнѣ будетъ прибыль большая, а Польскому королю ежегоднаго убытка будетъ по 100,000 ефимковъ большихъ, и подданные его будутъ безъ промыслу и въ скудости; когда царское величество на это согласится, то штаты и принцъ Генрихъ закажутъ своимъ подданнымъ накрѣпко, чтобъ они въ Данцигъ на корабляхъ за товарами не ходили, а ѣздили бы къ Архангельскому городу. Кромѣ того штаты и принцъ Генрихъ велѣли царскому величеству объявить: государь жаловалъ иноземцевъ, велѣлъ въ Московскомъ государствѣ хлѣбъ покупать: но тотъ весь хлѣбъ очутился у нихъ въ Голландской землѣ, иноземцы

продали его у Архангельскаго города Голландцамъ и барыши себѣ взяли большіе, двойныя деньги. Государь бы пожаловалъ, велѣлъ Голландцамъ пріѣзжать къ Архангельскому городу и въ Москву и съ Русскими торговыми людьми торговать повольною торговлею, а пошлину брать умѣренную, какъ съ другихъ иноземцевъ берутъ. Да высокіе же штаты приказали просить, чтобъ царское величество и его святѣйшество приказали вывозить въ Нидерланды хлѣбъ и селитру сколько можно, за что штаты позволятъ царскимъ подданнымъ вывозить изъ Нидерландской земли всякіе товары, деньги и военные запасы, и всякую помощь царскому величеству оказывать.

Посламъ отвѣчали, что многимъ безымяннымъ Голландскимъ торговымъ людямъ торговать въ Москвѣ и въ другихъ городахъ нельзя, потому что государевымъ людямъ оттого будетъ тѣснота и убытки большіе: такъ они бы послы написали именно, сколькимъ ихъ людямъ Голландцамъ торговать въ Москвѣ и по городамъ, ибо и Англичане торгуютъ не многіе же люди. Государь и святѣйшій патріархъ указали Голландцамъ держать въ Москвѣ агента точно также какъ и Англичане держатъ; что же касается до продажи золы, льна и пеньки только Голландцамъ, то когда будетъ Голландскій агентъ въ Москвѣ, онъ станетъ уговариваться съ Московскими торговыми людьми, и Голландцы будутъ покупать эти товары въ Москвѣ и въ указныхъ городахъ. Послы говорили: «слышали мы слухомъ и подлинно знаемъ, что Московское государство землею пространно, и многія земли, на которыхъ можно хлѣбъ пахать, лежатъ пусты: если царское величество и отецъ его святѣйшій патріархъ позволятъ Голландскимъ торговымъ людямъ пріѣзжать многимъ, кто захочетъ, то изъ нихъ тѣ, которымъ пашенное дѣло за обычай, станутъ великимъ государямъ бить челомъ, чтобъ они эти пустыя земли пахать позволили, Голландцы станутъ распахивать по своему обычаю и товары всякіе готовить, какъ у нихъ ведется: отъ этого царской казнѣ будетъ многая прибыль въ пошлинахъ, а Московскимъ торговымъ людямъ будутъ барыши добрые; изъ Швеціи, изъ во-

сточной и западной Индіи и изъ Голштиніи сами присылають и просять у Голландскихъ штатовъ, чтобъ Голландскимъ торговымъ и всякимъ людямъ позволили пріѣзжать и пустыя мѣста распахивать, но штаты этого не позволили, а велѣли просить у царскаго величества, чтобъ Голландскимъ всякимъ людямъ пріѣзжать въ Московское государство для торговли и для пашни.»—Но въ думѣ рѣшили: «въ пашнѣ отказать и всякимъ людямъ мимо письменныхъ торговыхъ людей не ѣздить. Отказано было и въ томъ, чтобъ хлѣбъ и селитру продавали исключительно Голландскимъ купцамъ, государи приказали только продать Голландскимъ посламъ 23,000 четвертей ржи изъ того хлѣба, который назначенъ былъ въ Астрахань. Послы просили, чтобъ позволено было Голландцамъ по Двинѣ рѣкѣ и у Архангельскаго города самимъ лѣсъ рубить и у Русскихъ людей покупать лѣсъ большой дубовый и сосновый, корабли изъ него дѣлать у Архангельска, а другой лѣсъ возить къ себѣ за море. Это было позволено съ условіемъ, чтобъ Голландцы нанимали Русскихъ людей рубить лѣсъ, и покупали бы его только у Русскихъ людей. Наконецъ послы просили, чтобъ позволено было Голландцу Ернесту Филипсу и компаніи производить тридцать лѣтъ исключительную и безпошлинную торговлю съ Персіею черезъ Московское государство, за что компанія будетъ вносить ежегодно въ царскую казну по 15,000 рублей. На это отвѣчали, что быть тому невозможно: Англійскому королю отказано по челобитью торговыхъ людей Московскаго государства. Бояре спросили пословъ: только ли имъ и наказа, что о торговлѣ? послы отвѣчали: «кромѣ торговли намъ ни о какихъ другихъ дѣлахъ не наказано, а торговля дѣло большое: во всѣхъ государствахъ большая дружба и государямъ прибыль, а подданнымъ прибытки бываютъ отъ торговаго промысла.» Бояре сказали на это: «между государями и государствами дружба и любовь бываетъ не для одной торговли.»

За Голландцами явились Датчане съ тѣми же предложеніями. Въ Іюнѣ 1631 года пріѣхалъ въ Москву полномочный

Датскій посолъ Малтеюлъ Гизингарскій для заключенія мирнаго докончанія и съ требованіями, бо 1) чтобъ между обоими государствами была безпошлинная торговля; 2) въ 1630 году позволено было Датчанамъ купить хлѣба 3,000 ластовъ; хлѣбъ купленъ, но не сполна: такъ теперь бы позволено было докупить безпошлинно, и впредь бы съ хлѣба пошлинъ не брать; 3) чтобъ Голландскому купцу Давиду Николаеву позволено было быть агентомъ надъ Датскими торговыми людьми, дать ему жалованную грамоту, написать гостинымъ именемъ; 4) чтобъ дана была дорога Датскимъ купцамъ въ Персію; 5) чтобъ позволено было ему, послу посмотрѣть гробъ королевича Іоанна. Послу отвѣчали, что въ Шахову землю дороги никому давать не велѣно; объ агентѣ указъ будетъ послѣ мирнаго докончанія; хлѣба велѣно купить въ три года 75,000 четвертей ржи, по 25,000 на годъ: пусть такъ и будетъ; о безпошлинной торговлѣ отказано; что же касается до мирнаго докончанія, то для этого царь отправитъ своихъ пословъ къ Датскому королю. Къ отвѣту своему бояре присоединили жалобу, что въ 1623 году приходили въ государеву землю въ Кольское становище шесть Датскихъ кораблей и царскихъ подданныхъ погромили, при чемъ Датчане говорили, что дѣлаютъ это по повелѣнію своего короля за пожитки Нѣмчина Клима Юрьева, который пріѣзжалъ въ Кольскій острогъ въ 1620 году. А тотъ Нѣмчинъ Климъ Юрьевъ, будучи въ Кольскомъ острогѣ, воровалъ, говорилъ про великаго государя и про его землю непригожія слова, дѣлалъ многую ссору и хотѣлъ безъ царскаго повелѣнія идти въ Пустоозеро; за это его взяли на время къ Архангельскому городу, пожитки его были переписаны, а потомъ его за море отпустили и пожитки отдали.

Посолъ просилъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ позволено было на будущіе годы покупать хлѣбъ сверхъ прежде позволеннаго, чтобъ взятыя пошлины съ хлѣба возвратили и впредь не брали; ему отвѣчали: въ будущіе годы каковъ хлѣбу будетъ урожай и какова цѣна, этого теперь знать нельзя; съ недокупленныхъ 25,000 четвертей, которыя пойдутъ на 1632

годъ, пошлинъ брать не велѣно. Наконецъ посолъ обратился къ главному: «я присланъ, говорилъ онъ, для заключенія мира, и не понимаю, зачѣмъ это дѣло откладываютъ до другихъ пословъ, которыхъ отправятъ въ Данію?» Бояре отвѣчали, что онъ присланъ одинъ безъ товарищей, и потому при немъ одномъ царь не будетъ креста цѣловать на докончаньѣ, такъ не повелось. Посолъ возражалъ, что король его всюду посылаетъ по одному послу и ему вѣрятъ по грамотамъ королевскимъ. Но въ Москвѣ боялись, чтобъ мирное докончанье съ Даніею не повредило дружественнымъ отношеніямъ къ Швеціи, и потому бояре отвѣчали послу: «закрѣпить съ тобою нельзя еще потому, что тебѣ ничего не наказано о другѣ царскомъ, королѣ Густавѣ Адольфѣ: хочетъ ли король Христіанъ быть въ такой же дружбѣ съ Шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ, какъ и съ нашимъ государемъ?» Бояре предложили написать договорныя грамоты и послу цѣловать крестъ, чтобъ задора, обидъ и неправдъ никакихъ съ обѣихъ сторонъ не было, пока вѣчное докончаніе совершится; посолъ согласился, но когда надобно было писать грамоты, то вышелъ споръ: посолъ ни какъ не согласился въ своей записи написать имя королевское послѣ царскаго, почему и былъ отпущенъ безъ грамоты и безъ отвѣтнаго списка за его упрямство; при отпускѣ ему не позволено было ничего сказать въ свое оправданіе, у руки царской онъ былъ, но скамейки ему не было, за его упрямство царь и патріархъ сѣсть ему не велѣли, также и стола ему не было.

Въ слѣдъ за этимъ упрямцемъ отправились въ Данію (въ Декабрѣ 1631 года) Московскіе послы, дворяне Василій Коробьинъ, Иванъ Баклановскій и дьякъ Грязевъ, съ наказомъ настаивать, чтобъ имя царское было написано прежде королевскаго; если скажутъ, что Шведскій король имя свое пишетъ въ грамотахъ прежде царскаго, то отвѣчать: «Шведскій король царскому величеству другъ, показалъ великому государю нашему многую дружбу, любовь и правду, великій государь нашъ Шведскому королю подвиженъ своею царскою

дружбою и любовью противъ его многаго добра, а доканчанье учинено съ Шведскимъ королемъ въ то время, какъ Московское государство было въ разореньѣ, и Шведскій король во всемъ ищетъ царскому величеству чести и повышенья».

Пословъ ждалъ дурной пріемъ: ихъ поставили въ Копенгагенѣ у купца, дворъ былъ очень худъ и тѣсенъ, самимъ имъ и малыхъ покоевъ не было, запасовъ положить и людямъ дѣться негдѣ; у посольскаго двора поставили сторожей многихъ людей, солдатъ съ ружьемъ и берегли накрѣпко, государевымъ людямъ со двора и къ посламъ на дворъ никакому человѣку ходить не велѣли. Послы спрашивали у толмачей, что это значитъ? Тѣ отвѣчали, что тѣснота учинена по жалобамъ посла Малтеюла, и особенно толмача Клима Блома, будто имъ въ Москвѣ на пріѣздѣ и на отпускѣ было оскорбленье великое, будто были заперты и во всемъ была имъ скудость, и отпущены ни съ чѣмъ. Послѣ представленія король обѣдать пословъ не позвалъ, а прислалъ кормъ къ нимъ на домъ, при чемъ секретарь королевскій объявилъ, что они Датчане будутъ пить напередъ чашу королевскую, а потомъ царскую и патріаршескую, по Московскому обычаю пить прежде здоровье своего государя; послы не согласились, здоровья королевскаго не пили, пили одни Датчане, а потомъ послы царской чаши уже не предлагали. Начали говорить о вѣчномъ доканчаніи: король не согласился, чтобъ его имя было поставлено послѣ царскаго, и послы были отпущены только съ любительными грамотами, не сдѣлавъ ничего.

Въ 1630 году пріѣхали въ Москву послы отъ Бетлемъ-Габора, называвшагося королемъ Венгерскимъ. То были два Француза — одинъ Карлъ Таллеранъ, Маркизъ Дасседевиль, другой Руссель. Послѣдній обнесъ своего товарища передъ Московскимъ правительствомъ въ злыхъ умыслахъ, и несчастнаго Дасседевиля засадили въ Костромѣ за пристава. Герцогъ Соассонскій, принимая участіе въ судьбѣ Дасседевиля, просилъ Англійскаго короля Карла I-го исходатайствовать у Русскаго царя освобожденіе ему; король согласился, и вмѣстѣ съ Ген-

рихомъ Нассаускимъ прислалъ объ этомъ дѣлѣ грамоты къ царю и патріарху въ 1632 году. Грамоты привезъ Французъ Гастонъ де-Шаронъ, и получилъ такую отвѣтную грамоту къ Англійскому королю: «присылалъ къ намъ пословъ своихъ Бетлемъ-Габоръ, король Венгерскій о дружбѣ и любви, и въ своихъ грамотахъ писалъ, что отправилъ къ намъ пословъ своихъ, Карлуса Тулрандуса, котораго ваше величество пишете теперь Маркизомъ, и Якова Русселя. Когда эти послы были у насъ, то пришла вѣсть, что Венгерскаго короля Бетлемъ-Габора не стало, и посолъ его Карлусъ хотѣлъ ѣхать изъ нашего государства къ Испанскому королю, и хотѣлъ Турецкаго султана Мурада съ Испанскимъ королемъ ссорить; но такъ какъ мы съ Турецкимъ султаномъ въ дружбѣ и любви, то мы этому Карлусу велѣли побыть въ нашемъ Московскомъ государствѣ до времени, чтобъ онъ султана съ королемъ Испенскимъ не ссорилъ; и теперь, не сославшись съ султаномъ Мурадомъ и не сыскавши объ этомъ дѣлѣ до пряма, освободить его нельзя.» Уже въ 1635 году самъ король, Людовикъ XIII прислалъ въ Москву грамоту, въ которой просилъ царя отпустить Таллерана, и просьба была исполнена.

Мы видѣли, что царь Михаилъ началъ очень дружественныя сношенія съ Персидскимъ шахомъ Аббасомъ, который прислалъ даже денегъ ему на помощь. Въ 1618 году поѣхали изъ Москвы въ Персію князь Михайла Петровичь Борятинскій, дворянинъ Чичеринъ и дьякъ Тюхинъ съ благодарностію за присланное и съ просьбою прислать еще денегъ ратнымъ людямъ на жалованье по случаю войны Польской. Эти послы были встрѣчены сухо; шахъ велѣлъ призвать къ себѣ младшаго изъ нихъ, дьяка Тюхина, и тотъ долженъ былъ выслушать сильную выходку противъ обычнаго въ Москвѣ обращенія съ иностранными послами, обращенія, противъ котораго тщетно до сихъ поръ протестовали правительства Европейскія; Аббасъ говорилъ Тюхину съ сердцемъ: «приказываю съ тобою словесно къ великому государю вашему, и ты смотри, ни одного моего слова не утаи, чтобъ отъ того между нами сму-

ты и ссоры не было; я государя вашего прошенье и хотѣнье исполню и казною денежною его ссужу, но досада мнѣ на государя вашего за то: когда мои послы были у него, то ихъ въ Москвѣ и въ городахъ, въ Казани и Астрахани запирали по дворамъ какъ скотину, съ дворовъ не выпускали ни одного человѣка, купить ничего не давали, у воротъ стояли стрѣльцы. Я и надъ вами такую же крѣпость велю учинить, васъ засажу такъ, что и птицей черезъ васъ не дамъ пролетѣть, не только вамъ птицы не видать, но и пера птичьяго не увидите. Да и въ томъ государь вашъ оказываетъ мнѣ нелюбовь: воеводы его въ Астрахани и Казани и въ другихъ городахъ моимъ торговымъ людямъ убытки чинятъ, пошлины съ нихъ берутъ вдвое и втрое противъ прежняго, и не только съ моихъ торговыхъ людей, но и съ моихъ собственныхъ товаровъ, и для меня товары покупать запрещаютъ: грошовое дѣло птица ястребъ! купилъ его мнѣ мой торговый человѣкъ въ Астрахани, а воеводы ястреба у него отняли, и Татарина, у кого купилъ, сажали въ тюрьму, зачѣмъ продавалъ заповѣдной товаръ! Вы привезли мнѣ отъ государя своего птицъ въ подарокъ, а я изъ нихъ только велю вырвать по перу да и выпущу всѣхъ — пусть летятъ куда хотятъ. А если въ моихъ земляхъ мои приказные люди вашего торговаго человѣка изубытчатъ, то я имъ тотчасъ же велю брюхо разпороть.»

Послѣ этого пословъ долго не отпускали; князь Борятинскій и умеръ въ Персіи, а Чичеринъ и Тюхинъ возвратились въ 1620 году съ шаховымъ посломъ Булатъ-бекомъ. Въ грамотѣ, поданной послѣднимъ, Аббасъ писалъ: «Желаемъ, чтобъ между нами, великими государями, дружба, любовь и соединеніе были по прежнему, а если какое дѣло ваше случится у насъ въ государствѣ, то вы намъ объ немъ объявите, и мы станемъ его съ радостію исполнять. Пишемъ къ вамъ о дружбѣ, любви и соединеніи, кромѣ же дружбы и любви ничего не желаемъ». На отвѣтѣ посолъ объявилъ боярамъ о желаніи шаха, чтобы царь велѣлъ поставить въ Кумыцкой землѣ города, въ слѣдствіе чего между шахомъ и царемъ никого другаго въ со-

сѣдяхъ не будетъ, и недругамъ своимъ оба будутъ страшны. Посолъ жаловался также на обиды, дѣлаемыя Персидскимъ купцамъ воеводами, таможниками и толмачами. Думный дьякъ Грамотинъ, въ свою очередь, жаловался на дурной пріемъ, который былъ сдѣланъ въ Персіи Московскимъ посламъ, князю Борятинскому съ товарищами, жаловался и на то, что шаховы войска разорили Иверскую и Грузинскую землю, не смотря на то, что земли эти православныя и находятся подъ властію государя Московскаго. Съ этимъ Булатъ-Бекъ и отправился; а между тѣмъ несчастный дьякъ Тюхинъ дорого платился за то, что ѣздилъ къ шаху одинъ и выслушивалъ его выходки. Когда Чичеринъ и Тюхинъ изъ Астрахани дали знать царю, какъ у нихъ дѣлалось дѣло въ Персіи, то государь говорилъ съ боярами, что Тюхинъ, ѣздившій безъ своихъ товарищей одинъ къ шаху, сдѣлалъ это вопреки прежнимъ обычаямъ невѣдомо для какой мѣры, и потому чаять въ немъ воровства. Въ слѣдствіе этого подозрѣнія указалъ государь послать на встрѣчу къ посламъ дворянина добраго, который долженъ встрѣтить ихъ на дорогѣ между Казанью и Нижнимъ, взять у Тюхина всѣ пожитки и письма, переписать и перепечатать и самого Тюхина привезти въ Москву. Не смотря на то, что Чичеринъ и толмачь оправили Тюхина, показавъ, что онъ ѣздилъ къ шаху по неволѣ, бояре нашли разные другіе грѣхи и приговорили: «Михайлу Тюхина про то про все, что онъ былъ у шаха наединѣ, къ приставу своему Гуссейнъ-беку на подворье ходилъ одинъ и братомъ его себѣ называлъ, Польскихъ и Литовскихъ плѣнниковъ изъ Московской тюрьмы взялъ съ собою, и въ Персіи принялъ къ себѣ обусурманившагося Малороссійскаго козака, — распросить и пытать накрѣпко, ибо знатно, что онъ это дѣлалъ для воровства и измѣны или по чьему-нибудь приказу.» Было несчастному 70 ударовъ, двѣ встряски, клещами горячими по спинѣ жгли, — а въ измѣнѣ и воровствѣ не признался: о Литовскихъ плѣнникахъ сказалъ, что дали ему ихъ изъ разряда по челобитной; Черкашенина взялъ къ себѣ въ Персіи для толмачества; приставъ называлъ

его кардашомъ (братомъ), и онъ называлъ его кардашомъ, безъ хитрости. Не смотря на то бояре приговорили—дьяка Тюхина за измѣну и воровство сослать въ Сибирь и посадить въ тюрьму въ одномъ изъ Сибирскихъ пригородовъ.

Иной пріемъ чѣмъ Борятинскій съ товарищами получили Московскіе посланники, отправленные въ Персію въ 1621 году—Коробьинъ и Кувшиновъ: Аббасъ осыпалъ ихъ любезностями, поднимая руки и глаза къ небу, говорилъ: «государство мое, и люди мои, и казна моя — все не мое, все Божіе, да государя царя Михаила Өеодоровича, во всемъ воленъ Богъ да онъ, великій государь.» Въ 1624 году шаховы послы, Русанъ-бекъ и Булатъ-бекъ поднесли патріарху Филарету драгоцѣнный подарокъ, срачицу Христову, похищенную въ Грузіи. Но Персіянамъ въ Москвѣ и Русскимъ посламъ въ Персіи не счастливилось. На Русанъ-бека царь жаловался шаху, что онъ дѣлалъ всякія непригожія дѣла и былъ у царскаго величества въ непослушаніи, и Русанъ поплатился за это головою. Вмѣстѣ съ Русанъ-бекомъ пріѣхали въ Персію Московскіе послы, князь Григорій Тюфякинъ, Григорій Өеофилатьевъ и дьякъ Пановъ: на нихъ шахъ жаловался царю, что когда они пришли въ Персію, то онъ Аббасъ находился въ то время подъ Багдадомъ и просилъ пословъ прислать къ нему туда кречетовъ, но они не прислали, и когда потомъ представились ему, то поднесли птицъ живыхъ двѣ или три, да поднесли птичьи хвосты и перья; потомъ присланы были съ ними отъ царя къ шаху оконничные мастера, и они этихъ мастеровъ не прислали во время, по шаховой просьбѣ; не пошли представляться къ шаху на томъ основаніи, что не могутъ представляться вмѣстѣ съ другими послами; когда шахъ звалъ ихъ на площадь смотрѣть конское ученье, то они не послушались, не поѣхали; наконецъ не пошли къ шаху въ томъ платьѣ, которое онъ имъ подарилъ. Во всемъ этомъ послы поступили по буквѣ наказа, и бояре объявили шахову послу, что Тюфякинъ съ товарищами не виноваты; не смотря на то однако царь вѣритъ шаху, что послы прогнѣвили его и потому велѣлъ положить на нихъ

наказанье великое. Дѣйствительно положена была на пословъ опала за то, что когда за столомъ у шаха пили царское здоровье, то князь Тюфякинъ не допилъ своей чаши. За такую вину пословъ слѣдовало бы казнить смертью, сказано въ приговорѣ, но государь для сына своего царевича Алексѣя и по просьбѣ отца своего, патріарха Филарета Никитича, велѣлъ только посадить ихъ въ тюрьму, отобравши помѣстья и вотчины. Кромѣ этой вины нашлись еще другія: въ городѣ Ардебилѣ князь Тюфякинъ велѣлъ украсть татарченка, котораго продалъ въ Кумыцкой землѣ, а въ Кумыцкой землѣ велѣлъ украсть дѣвку и вывезъ ее тайкомъ, положивши въ сундукъ.

Съ Австріею не было сношеній и послѣ Деулинскаго перемирія; въ началѣ 1632 года пріѣхалъ было на границы посолъ императора Фердинанда II, но не былъ принятъ, потому что дворъ его состоялъ изъ Поляковъ, съ которыми уже готовъ былъ разрывъ. Хронографъ, который, какъ мы видѣли, не очень пріязненно отзывается о Филаретѣ Никитичѣ, упрекаетъ его и въ томъ, будто онъ былъ виновникомъ второй Польской войны, ибо желалъ отомстить Полякамъ за претерпѣнныя отъ нихъ притѣсненія. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить чувства Филарета относительно къ Польшѣ; но должны замѣтить, что каковы бы ни были эти чувства, война была неминуема. На Деулинское перемиріе согласились въ Москвѣ, не имѣя средства съ успѣхомъ вести войну, желая отдохнуть хотя не много, собраться съ силами и освободить отца государева изъ заточенія; но долго оставаться въ томъ положеніи, въ какое царь Михаилъ былъ поставленъ Деулинскимъ перемиріемъ, было нельзя: Владиславъ не отказался отъ правъ своихъ на Московскій престолъ, Польское правительство не признавало Михаила царемъ, не хотѣло сноситься съ нимъ, называть его— и это при безпрерывныхъ столкновеніяхъ, безпрерывныхъ сношеніяхъ двухъ сосѣднихъ государствъ! Русскіе никакъ не могли войти въ подобныя отношенія, требовали, чтобъ Польскіе державцы называли въ своихъ грамотахъ великаго государя Михаила Ѳедоровича, тѣ отказывались, но одного отказа

было мало; нѣкоторые изъ нихъ осмѣливались писать про Михаила непригожія рѣчи, называть его полуименемъ, порочить его избраніе! Нужна ли была еще къ тому мстительность Филарета Никитича, чтобъ начать войну при первомъ удобномъ случаѣ?

Уже въ Сентябрѣ 1619 года царскіе Вяземскіе воеводы писали къ королевскимъ Дорогобужскимъ воеводамъ, жалуясь что они не называютъ Михаила царемъ; тѣ отвѣчали: «Мы, по наказу и правдѣ, пишемъ царскій титулъ великаго государя Владислава Жигимонтовича всея Руси, да и впередъ писать будемъ, потому что Всемогущій Богъ даровалъ ему это и вашими душами, душами всего народа Московскаго, всякихъ людей утвердилъ; справедливо ли вы поступаете, что мимо его, истиннаго государя своего, называете государемъ Московскимъ Михаила Ѳедоровича Романова? Мы однако съ вами объ этомъ не споримъ и ссоры не начинаемъ, пока Господь Богъ волю свою совершитъ. Говорили много объ этомъ великомъ дѣлѣ великіе послы, когда нынѣшній миръ постановляли, но и они этого не отговорили и не замирили, титула и правъ королевичевыхъ на Московское государство не отставили, а еще и утвердили, потому что дѣло это положили на судъ Божій, чтобъ Богъ Всемогущій, который самъ началъ, самъ же и кончилъ, о чемъ и въ перемирныхъ грамотахъ написано; поэтому и дожидаемся суда Божія». Бояре въ 1619 же году отправили къ панамъ раднымъ посланника Киреевскаго съ грамотою, въ которой писали: «Вы бы, паны радные, впередъ того остерегали, прошлаго, минувшаго, отказнаго дѣла, за которое кровь христіянская лилась, чего государя вашего сыну Богъ не далъ, не начинали, изъ мысли бы то выложили, и королевича Владислава чужаго государства государямъ не описывали. А что вы въ своемъ листѣ писали о бояринѣ князѣ Иванѣ Ивановичѣ Шуйскомъ и о князѣ Юріѣ Трубецкомъ, будто они стоятъ въ правдѣ крѣпко, королевичу служатъ, отъ него милость и жалованье принимаютъ: то намъ извѣстно, что князя Ивана Шуйскаго и другихъ въ Московское государство

не отпустили вы неволею, и сдѣлали это противъ посольскаго договора; а королевичеву милость и жалованье къ князю Ивану и къ князю Юрію мы также знаемъ: князь Иванъ ходитъ пѣшкомъ и служитъ себѣ самъ, по временамъ и за сторожами у гайдуковъ бываетъ; князю Юрію немного получше, содержатъ его побогаче, только и онъ часто отъ пахоликовъ вашихъ бываетъ въ страхѣ.»

Паны отвѣчали, что по ихъ челобитью король велѣлъ князя Шуйскаго отпустить въ Москву; но относительно главнаго дѣла неудовольствія увеличивались. Еще боярамъ, отправлявшимся на Поляновскій съѣздъ, данъ былъ наказъ: «Въ городахъ, которые уступлены въ Литовскую сторону, державцами сдѣланы Московскаго государства измѣнники: въ Дорогобужѣ Ларька Корсаковъ, въ Серпѣйскѣ Юшка Потемкинъ, па Невлѣ Ивашка Мещериновъ; пишутъ они государевымъ воеводамъ листы о всякихъ дѣлахъ, но царскаго величества воеводамъ съ измѣнниками ссылаться не пригоже. Когда бояре будутъ съ панами на съѣздъ, то поговорить имъ, что въ уступленныхъ городахъ державцами посажены Московскаго государства измѣнники и всему Московскому государству они грубны: если имъ быть въ украинскихъ городахъ, то безъ смутъ и ссоры въ порубежныхъ дѣлахъ не обойдется.» Представленіе это осталось безъ дѣйствія, и въ Августѣ 1620 года Мещериновъ прислалъ къ Великолуцкому воеводѣ грамоту, въ которой Михаила Ѳедоровича писалъ безъ государскаго именованья; воевода донесъ объ этомъ въ Москву, и оттуда получилъ грамоту, которую долженъ былъ переслать къ Мещеринову отъ имени Великолуцкаго городоваго прикащика; въ грамотѣ говорилось: «Пишете въ своемъ листѣ не по пригожу, великаго государя описываете безъ государскаго именованья; чего не только тебѣ мужику вору, и великимъ государямъ писать и Богомъ дарованную честь отнимать не годится. Царскаго величества воевода очень удивляется товарищу твоему, что онъ пишетъ не по пригожу, и мирнаго постановленія не остерегаетъ, а на тебя бѣснаго пса пенять нечего, когда ты забылъ

Бога, православную вѣру и свою природную землю: на тебѣ какого добра пытать? ты за свое воровство не только въ будущемъ вѣкѣ Божія праведнаго суда, и здѣсь мщенья не убѣжишь: до того у васъ не долго, что тебя крестопреступника, христіянскаго измѣнника худой гайдукъ или сельскій мужикъ какъ пса на корчмѣ или на иномъ какомъ-нибудь злодѣйствѣ убьетъ.»

Но мало того, что державцы, указывая на мирное постановленіе, не хотѣли называть Михаила Ѳедоровича царемъ; нѣкоторые изъ нихъ начали требовать, чтобъ и Русскіе воеводы не называли его царемъ, а сами начали называть его уничижительнымъ полуименемъ и заподозривать законность его избранія. Литовскій Серпѣйскій державца писалъ Московскому Масальскому воеводѣ Хитрову: «Ты къ намъ пишешь грамоты не по мирному постановленію, своего М. величаешь царемъ, какъ будто не знаешь, что все государство Московское, думаю и самъ ты и М. тотъ королевичу нашему крестъ цѣловали; миръ заключенъ былъ между государствами, а не съ М., посланникъ Киреевскій приходилъ въ Литву не отъ М., но отъ пановъ радъ государства Московскаго!» На эту грамоту отвѣчалъ Калужскій воевода Вельяминовъ: «изъ вашего письма видно, что вы не шляхетскаго, а холопскаго неучтиваго ложа дѣти, и по своей неучтивой, послѣдней, наипростѣйшей природѣ скверныя ваши уста на великаго государя нашего, помазанника Божія отверзаете подобно бѣшеному псу; на такого помазанника Божія вамъ собакамъ непристойно было хульныхъ своихъ устъ отверзать и такимъ простымъ именемъ его государя злословить.» Эта грамота вызвала отвѣтъ, еще болѣе дерзкій: «Описываешь М. Романова, жильца государя царя Владислава Жигимонтовича всея Руси, котораго воры козаки посадили съ Кузьмою Мининымъ на Московскомъ государствѣ безъ совѣта съ вами боярами и дворянами. Нынѣ онъ не на своемъ престолѣ сидитъ, а на того, который искони государь, и сынъ государевъ, а не монашескій.» Вельяминовъ отвѣчалъ: «Вы нынѣшняго короля своего называете Шведомъ; королеву его без-

честите и браните неучтивыми рѣчами и дѣтей ихъ; у васъ повелось издавна, съ государями вашими какъ хотите, такъ и дѣлаете; они на васъ за то не гнѣваются, потому что вспихнете ихъ на королевство, а потомъ сами и спихнете, какъ сдѣлали съ Генрихомъ королемъ, а послѣ того и Стефана короля отравили, который вами хотѣлъ владѣть какъ годно государямъ. Мы великимъ государямъ своимъ никогда такой измѣны не дѣлывали.... И прежде великій государь патріархъ Филаретъ Никитичъ въ мірѣ былъ великій и ближній сенаторъ. Владиславу вашему того великаго государства Богъ не далъ за отца его и за его неправды, за вашу собацкую ложь и за лакомство, и впередъ Владиславу государства Московскаго не видать никогда, пошатавшись по чужимъ землямъ можетъ и даромъ сгинутъ, или отправитъ его на тотъ свѣтъ мачиха, а его родная тетка по матери, что у васъ не новое.» Серпѣйскій державца не остался въ долгу, ругательства усиливались все болѣе и болѣе, дѣло дошло до послѣдней брани...

Бояре послали къ панамъ списокъ съ грамоты Серпѣйскаго державцы, объявляя что подобныхъ вещей терпѣть не будутъ и требуя наказанія баломутамъ. Паны отвѣчали, что они мирнаго постановленія не нарушаютъ ни въ чемъ, и давали знать, что самозванцы готовы, хотя король имъ и не благопріятствуетъ: «Сами знаете, что изъ вашего народа Московскаго нѣкоторые называясь государскими сыновьями, опять грамоты разсылаютъ и людей вольныхъ военныхъ къ себѣ призываютъ, съ Запорожскими и Донскими козаками ссылаются и по примѣру Димитрія войною государства Московскаго доступать хотятъ: отъ того великая смута на вашей украйнѣ была, но король заказъ крѣпкій учинилъ, чтобъ никто изъ людей его не смѣлъ идти.» Относительно царя Михаила паны отвѣчали, что онъ написанъ въ перемирной записи Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, а не государемъ, потому что Владиславъ отъ своихъ правъ не отказывался. Относительно же грамоты державца Серпѣйскаго паны писали: «Мы этотъ списокъ вычитали и видѣли, что они, какъ солдаты, служивые люди, не

зная письменнаго обычая, какъ въ чужія государства пишутъ, по просту писали.» Въ Октябрѣ 1620 года пріѣхали въ Москву посланники отъ пановъ Александръ Слизень и Николай Анфоровичь съ тѣми же рѣчами: «Владиславъ правъ своихъ на Московское государство не оставилъ, и васъ всѣхъ и съ вами Михаила Θеодоровича, котораго вы теперь государемъ у себя называете, отъ крестнаго цѣлованья не освободилъ.» Опять паны писали о воровскихъ заводахъ для угрозы боярамъ, желая показать, что отъ короля зависитъ сдержать и наслать самозванца на Московское государство:» Въ то время, писали паны, какъ коммиссары въ Оршѣ платили жалованье войску, разводили его изъ полковъ и войско разъѣзжалось, объявился новый заводъ: начали метать войску грамоты отъ имени Ивана Дмитріевича царевича Московскаго, Московскимъ письмомъ и за Московскою печатью, пишутъ въ грамотахъ, что онъ живъ и проситъ войско, чтобъ оно, помня къ себѣ жалованье отца его, шло въ Московскую землю и помогало ему доступать отчины, государства Московскаго, а онъ имъ обѣщаетъ добрую награду. Многіе въ войскѣ этому повѣрили и хотѣли было на службу къ нему идти, но коммиссары доказывали рыцарству многими словами, что это выдумка и пригрозили именемъ королевскимъ, чтобъ никто изъ нихъ за такое воровское дѣло не брался; отецкіе дѣти всѣ ихъ послушались, по домамъ разъѣхались, а козаки и пахолики нѣкоторые пошли къ Запорожскимъ козакамъ, чтобъ съ ними вмѣстѣ провожать того Ивана въ землю Московскую; тогда король тотчасъ разослалъ листы во всѣ украинскія мѣста, и Запорожцамъ послалъ приказъ съ угрозою, чтобъ всѣ разъѣхались съ границъ.»

Въ такомъ положеніи находились Польскія дѣла, когда въ Августѣ 1621 года пріѣхалъ въ Москву Турецкій посланникъ, Грекъ Θома Кантакузинъ. Если вѣрить донесеніямъ Французскаго посланника въ Константинополѣ де Сези, объ отправленіи этого посольства хлопоталъ Византійскій патріархъ, Кириллъ, Голландскій посланникъ, и нѣсколько Турецкихъ вельможъ. Султанъ Османъ писалъ, что онъ идетъ съ войскомъ

на Литовскаго короля: такъ чтобъ царь воспользовался этимъ случаемъ отомстить Полякамъ и закрѣпить дружбу съ нимъ султаномъ, шелъ бы немедленно со всѣмъ своимъ войскомъ на короля. Великій визирь Гуссейнъ прислалъ отъ себя особую грамоту любительному другу своему, Московскому королю, въ которой писалъ, что пришло время подпоясатся воинскимъ храбрымъ поясомъ, и чтобъ царь такого времени не пропускалъ. Константинопольскій патріархъ Кириллъ писалъ о томъ же. Филарету Никитичу Кантакузинъ объявилъ отъ имени султана: «слухъ до него дошелъ, что сынъ вашъ Польскому королю послалъ денегъ на помощь и самъ хочетъ идти: такъ онъ бы этого не дѣлалъ, а стоялъ бы съ нами на Польскаго короля вмѣстѣ; а когда султанъ Польскую землю повоюетъ и города поберетъ, то Русскіе города — Смоленскъ и другіе сыну твоему отдастъ даромъ совсѣмъ. Вѣдомо великому государю сыну вашему и тебѣ, великому святителю, продолжалъ Кантакузинъ, что теперь въ Нѣмецкой землѣ у цесаря рознь великая съ Люторами и земли у него отошли многія; на Угорской и Семиградской землѣ султанъ Османъ посадилъ Бетлемъ-Габора, на Волошской сына Михны воеводы, на Молдавской землѣ моего тестя, велѣлъ имъ всѣмъ стоять противъ цесаря, чтобъ цесарю не дать помогать Польскому королю; цесарю теперь стало до себя, и себя ему не оборонить. Султанъ Османъ нарочно послалъ сюда меня, человѣка Греческой вѣры, чтобъ вы во всемъ мнѣ вѣрили и на государя моего были надежны: онъ подлинно сталъ на Польскаго короля на десять лѣтъ и пошелъ уже въ походъ, а меня отпустилъ съ дороги; да и Цареградскій патріархъ Кириллъ велѣлъ вашему святительству говорить на крѣпко, чтобъ сынъ вашъ съ султаномъ стоялъ за одно и помощи Польскому королю не посылалъ; въ томъ я вамъ государямъ душу даю, что Османъ султанъ съ великимъ государемъ сыномъ вашимъ хочетъ быть въ крѣпкой братской дружбѣ и любви, и на Польскаго короля стоять съ нимъ заодно.»

Филаретъ Никитичъ отвѣчалъ: «Бояре съ панами радными

заключили перемирье и города нѣкоторые Литвѣ отданы; перемирье это сынъ мой велѣлъ заключить только для меня, между сыномъ моимъ и Польскимъ королемъ и сыномъ его ссылки и любви теперь нѣтъ, неправды ихъ и Московскаго разоренья забыть намъ нельзя; мы того только и смотримъ: хотя бы въ маломъ въ чемъ Польскій король миръ нарушилъ, то сынъ мой для султановой любви пошлетъ на него рать, и людямъ ратнымъ велѣно быть на готовѣ, а помощи противъ султана сынъ мой Польскому королю никогда не давалъ и не дастъ, чтобъ султанъ вѣрилъ въ этомъ моему слову, да и святѣйшему патріарху Кириллу извѣсти, что наше слово никогда не перемѣнится.» Съ этимъ Кантакузинъ и былъ отпущенъ.

12 Октября 1621 года былъ у великихъ государей соборъ въ золотой большой грановитой палатѣ; на соборѣ было три митрополита—Новгородскій, Ростовскій и Крутицкій, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, соборные старцы, протопопы и весь освященный соборъ; бояре — князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславскій съ товарищами, окольничіе, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе, дьяки, жильцы, дворяне изъ городовъ, выборные и приказные люди, головы, сотники и дѣти боярскіевсѣхъ городовъ, гости и торговые люди, Донскіе атаманы, козаки, и всякихъ чиновъ люди всего Московскаго государства. Говорили великіе государи о неправдахъ и крестопреступленіи искони вѣчнаго врага Московскому государству, Жигимонта короля, сына его Владислава, Польскихъ и Литовскихъ людей:» Жигимонтъ король мирное постановленіе нарушилъ; изъ многихъ Литовскихъ порубежныхъ городовъ урядники пишутъ не по посольскому договору, королевича Владислава называютъ царемъ всея Руси и задоры съ Литовской стороны дѣлаются многіе: въ Путивльскомъ, Брянскомъ, Великолуцкомъ и Торопецкомъ уѣздахъ Литовскіе люди начали въ государеву землю вступаться, остроги и слободы ставятъ, села и деревни, лѣса и воды освоиваютъ, селитру въ Путивльскомъ уѣздѣ въ семидесяти мѣстахъ варятъ, будники золу жгутъ, рыбу ловятъ и звѣрь всякій

бьютъ, на пограничныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ наѣзжаютъ, бьютъ, грабятъ, побиваютъ, съ помѣстій сгоняютъ; плѣнниковъ не всѣхъ отпустили, держатъ въ неволѣ и поруганьѣ. Изъ Серпейска урядники Литовскіе въ листу своемъ писали не по пригожу, со многою укоризною, чего не только имъ собакамъ, и королю ихъ писать негодилось. По злому же умышленію Литовскаго короля въ прошломъ году паны рада прислали къ государевымъ боярамъ посланниковъ своихъ, и въ грамотахъ писали непристойнымъ обычаемъ, нарочно къ нарушенію мирнаго постановленія, государево имя писали безъ государскаго именованья, и отъ царскаго сродства государя отчитываютъ, царя Ивана Васильевича не велятъ писать ему дѣдомъ, и царя Ѳедора Ивановича дядею. И если Жигимонтъ король и паны рада въ своихъ неправдахъ не исправятся, то великій государь, прося у Бога милости и по благословенію отца своего, за святыя Божія церкви, и за православную христіянскую вѣру, за свою честь и за всѣхъ людей Московскаго государства противъ Литовскаго короля и сына его начнетъ стоять, своей чести доходить и всѣхъ людей Московскаго государства неправды мстить. А теперь прислалъ къ нимъ, великимъ государямъ, Турскій Османъ салтанъ пословъ своихъ, чтобъ они были съ нимъ за одно на общаго недруга, Литовскаго короля, и Крымскій царь на Литву также пошелъ. Шведскій Густавъ Адольфъ король присылалъ не однажды, чтобъ на Польскаго короля стоять съ нимъ за одно. И они, великіе государи, еще жалѣя о христіянствѣ и не хотя видѣть кровопролитія, указали боярамъ послать отъ себя къ панамъ радѣ съ грамотою обо всѣхъ этихъ дѣлахъ; если паны къ боярамъ гонца отпустятъ безъ дѣла, государево имя станутъ писать безъ государскаго именованья, или станутъ писать непригожія слова, королевича писать царемъ, и въ обидныхъ дѣлахъ расправы не учинятъ: то за такія великія неправды они великіе государи больше терпѣть не станутъ, сославшись съ Турскимъ и Крымскимъ и съ Шведскимъ королемъ, пошлютъ свою рать на Литву. А если Польскому королю теперь смолчать, и если

они теперь въ своемъ упадкѣ гордости и неправды не убавятъ, когда имъ война и тѣснота отъ Турокъ, Татаръ и Шведовъ, то впередъ, когда имъ отъ недруговъ хотя немного пооблегчаетъ, еще больше станутъ на Московское государство умышлять и всякія неправды дѣлать. Да и того надобно опасаться: если теперь государямъ съ Турскимъ салтаномъ, Крымскимъ царемъ и Шведскимъ королемъ на Польскаго короля не стать, то впередъ бы съ Турками, Татарами и Шведами въ большую недружбу невойти.» Соборъ билъ челомъ государямъ, чтобъ они за святыя Божія церкви, за свою государскую честь и за свое государство противъ недруга своего стояли крѣпко; а они, освященный соборъ будутъ молить Бога о побѣдѣ и мирѣ; а они бояре, окольничіе и т. д. и всякіе служилые люди за нихъ государей и за ихъ государство ради биться не щадя головъ своихъ. Да били челомъ дворяне и дѣти боярскіе, чтобъ государи ихъ пожаловали, велѣли ихъ въ городахъ разобрать, кому можно государеву службу служить, чтобъ ниодинъ человѣкъ въ избылыхъ не былъ. Гости и торговые люди били челомъ, что они въ помощь государевой казнѣ ради съ себя давать деньги, какъ кому можно, смотря по ихъ прожиткамъ.

Въ слѣдствіе этого бояре, дворяне и дьяки отправлены были по городамъ для разбора дворянъ, дѣтей боярскихъ и иноземцевъ, кто изъ нихъ годенъ на службу. На третій же день послѣ собора отправленъ былъ отъ бояръ къ панамъ гонецъ Борняковъ съ такою грамотою: «Только впередъ великаго государя нашего именованье станете писать не по его царскому достоинству, или станете его укорять, или порубежныхъ городовъ державцы станутъ писать не по его царскому достоинству, не потому какъ написано въ нынѣшнихъ посольскихъ записяхъ, а ваши послы съ такимъ полнымъ именованьемъ у Московскихъ пословъ запись взяли, да и въ своей записи ваши послы государя нашего именовали великимъ государемъ, а королевича написали вездѣ королевичемъ, а не царемъ: и только теперь королевича станутъ писать не по посольскому договору,

то мы, царскаго величества бояре, послѣднее вамъ объявляемъ, что мы бояре и всѣ люди Московскаго государства больше того вамъ терпѣть не будемъ и, прося у Бога милости, за честь великаго государя стоять и ваши неправды мстить будемъ. 2-го Февраля 1622 года возвратился Борняковъ изъ Литвы и привезъ боярамъ грамоту отъ пановъ: въ этой грамотѣ король былъ написанъ не по прежнему обычаю, съ прибавочными титулами и обладателемъ; о королевичѣ написали, что его выбрали царемъ бояре и вся земля и крестъ ему цѣловали, «и теперешній государь вашъ Михаилъ Ѳедоровичъ будучи стольникомъ, съ вами и съ другими стольниками товарищами своими, королевичу присягнулъ на вѣрность и подданство», и этого у королевича отнять нельзя; если же боярамъ надобно, то они бы объ этомъ королевичу били челомъ и просили сами. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ написанъ былъ въ грамотѣ просто, безъ государскаго именованья; про царя Ивана Васильевича написаны укорительныя слова, что онъ родился отъ княжны Глинской, которой отецъ Польскому королю измѣнилъ, и теперь Глинскіе князья служатъ королю. На пограничныхъ урядниковъ, которые о государѣ писали непригоже, паны управы не дали и въ грамотѣ своей ничего объ нихъ не писали; въ задорныхъ дѣлахъ и обидахъ также расправы не сдѣлали, писали только, что если бояре хотятъ вести переговоры о государскихъ титулахъ, о королевичевѣ именованьѣ и о вѣчномъ докончаньѣ, то пусть высылаютъ для этого великихъ пословъ на рубежъ между Вязьмою и Дорогобужемъ.

По полученіи этой грамоты, 14 Марта государь указалъ послать въ города свои грамоты о неправдахъ Литовскаго короля и пановъ-радныхъ; въ этихъ грамотахъ объявлялось, что уже послѣ пріѣзда Борнякова Брянскіе воеводы прислали списокъ съ листа Почепскаго державцы, въ которомъ также государь названъ непристойнымъ обычаемъ полуименемъ, а королевичь написанъ царемъ всея Руси: поэтому государь приказывалъ боярамъ, воеводамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ всѣхъ городовъ и всякимъ служилымъ людямъ быть готовыми

на службу тотчасъ и ждать царскихъ грамотъ. Но грамоты о выступленіи въ походъ не приходили: предпріятіе султана Османа противъ Польши кончилось неудачно; Османъ возвратился въ Константинополь и былъ убитъ янычарами; Польша отдохнула съ этой стороны; съ побѣдоносными въ Лифляндіи Шведами также было заключено перемиріе, а безъ союзниковъ Московское правительство не могло рѣшиться начать войну съ Польшею. Какъ слабы были его средства видно изъ того, что Крымскіе разбойники въ Маѣ и Іюнѣ мѣсяцѣ 1622 года въ небольшихъ толпахъ безнаказанно пустошили уѣзды Епифанскій, Данковскій, Одоевскій, Бѣлевскій, Дѣдиловскій, а воеводы спокойно сидѣли въ городахъ. Государь послалъ Ивана Вельяминова сказать воеводамъ: «Вамъ и безъ вѣстей надобно было быть со всѣми людьми на готовѣ, потому что вы воеводы походные, и какъ скоро про Татаръ вѣсть придетъ, то вамъ было тотчасъ идти на спѣхъ и воевать имъ не дать. Да и то вы сдѣлали простотою и глупостью: пришедши къ Татарскимъ станамъ близко, ничего опять имъ не сдѣлали, въ станахъ ихъ не застали, подъѣздовъ за ними не послали, сами по сакмѣ не пошли, отворотныхъ воинскихъ людей нисколько не ожидали и устеречь ихъ не умѣли. Татары пришли подъ Дѣдиловъ немногіе люди, были отъ посаду за три версты, а князь Гагаринъ изъ Дѣдилова на нихъ выйти несмѣлъ, послалъ сотни и самъ пошелъ, какъ Татары, навоевавшись, назадъ пошли. Эта Татарская война учинилась ихъ воеводскою оплошкою и нерадѣньемъ, или, быть можетъ, они для посуловъ ратныхъ людей распустили по домамъ, и отъ того имъ надъ Татарами промышлять было не съ кѣмъ. И они бы впередъ такъ не дѣлали.»

При такихъ обстоятельствахъ вмѣсто войска отправленъ былъ на Литовскій рубежъ на съѣздъ посолъ князь Василій Ахамашуковичь Черкасскій; паны выслали князя Самуила Сангушку; съѣзжались только одинъ разъ, и Сангушка о большихъ дѣлахъ—о титулѣ и о ворахъ, которые присылали листы съ укоризнами на государя, называя его полуименемъ, не говорилъ, отозвавшись неимѣніемъ наказа, говорилъ только о порубеж-

ныхъ спорныхъ дѣлахъ. Разъѣхались безъ дѣла. Но и послѣ этого войны не было 9 лѣтъ; къ ней приготовлялись: видѣли несостоятельность Русскаго войска и положили нанять иноземцевъ; мало того, сдѣлали шагъ рѣшительный, чего при прежнихъ государяхъ не бывало, велѣли Русскихъ ратныхъ людей учить иноземному строю. Въ Генварѣ 1631 года отправленъ былъ старшій полковникъ и рыцарь Александръ Ульяновичь Лесли въ Швецію нанимать 5,000 охочихъ солдатъ пѣшихъ; туда же въ Швецію отправлены были посланники стольникъ Племянниковъ да подъячій Аристовъ купить 10,000 мушкетовъ съ зарядами, да 5,000 шпагъ; если полковникъ найметъ въ Швеціи меньше 5,000 человѣкъ, то для найма остальныхъ велѣно ему ѣхать въ Данію, Англію и Голландію; то же долженъ былъ сдѣлать и Племянниковъ, если бы не удалось ему накупить всего оружія въ Швеціи. Лесли долженъ былъ также приговорить Нѣмецкихъ мастеровыхъ охочихъ людей къ пушечному новому дѣлу, что дѣлалъ на Москвѣ пушечный мастеръ Голландецъ Коетъ, кузнеца, станочника, колесника да мастера, который бы умѣлъ лить пушечныя желѣзныя ядра. Въ Февралѣ отправленъ былъ полковникъ фанъ-Дамъ нанять ригиментъ добрыхъ и ученыхъ солдатъ. Всѣхъ ратныхъ людей въ Московскомъ государствѣ въ 1631 году было 66,690 человѣкъ. Въ Іюнѣ 1631 государь, посовѣтовавшись съ отцемъ своимъ св. патріархомъ и поговоря съ боярами, указалъ послать къ Дорогобужу и Смоленску бояръ и воеводъ князя Дмитрія Мамстрюковича Черкаскаго да князя Бориса Михайловича Лыкова. Когда этимъ воеводамъ сказана была служба, то они больше всего начали смотрѣть Нѣмецкихъ полковниковъ, Александра Лесли съ товарищами, начальныхъ людей ихъ полковъ и Нѣмецкихъ солдатъ, смотрѣли и къ службѣ строили. Прошелъ почти годъ; въ Апрѣлѣ 1632 года умеръ король Сигизмундъ, наступило междуцарствіе въ Польшѣ, избирательный сеймъ, смуты; надобно было пользоваться временемъ; но вотъ въ Апрѣлѣ же билъ челомъ великимъ государямъ князь Дмитрій Мамстрюковичь Черкасскій на боярина князя

Бориса Михайловича Лыкова: «князь Борисъ Михайловичь съ нимъ княземъ Дмитріемъ въ товарищахъ быть не хочетъ, говоритъ будто имъ княземъ Дмитріемъ люди владѣютъ, и обычай у него тяжелъ, и что онъ Лыковъ передъ княземъ Дмитріемъ старъ, служитъ государю сорокъ лѣтъ, лѣтъ съ тридцат ходитъ своимъ набатомъ, а не за чужимъ набатомъ и не въ товарищахъ». Государи указали боярину князю Андрею Васильевичу Хилкову и дьяку Дашкову допросить боярина князя Черкасскаго, при комъ Лыковъ ему говорилъ, что съ нимъ быть не хочетъ и что люди имъ владѣютъ? Черкасскій отвѣчалъ: «государямъ самимъ вѣдомо, что князь Борисъ Лыковъ въ прошломъ году и нынѣ имъ билъ челомъ, что съ нимъ, княземъ Дмитріемъ въ товарищахъ быть не хочетъ, и тѣмъ его обезчестилъ, а онъ князь Дмитрій на ихъ государскую службу готовъ: и они бы, великіе государи, его пожаловали, велѣли ему на князя Лыкова дать оборону.» Великіе государи велѣли сказать князю Лыкову: «Въ прошломъ году сказана ему служба, велѣно быть въ товарищахъ съ княземъ Дмитріемъ Мамстрюковичемъ Черкасскимъ: и онъ князь Борисъ, тому нынѣ годъ, какъ приходилъ въ соборную церковь къ великому государю св. патріарху Филарету Никитичу, и говорилъ въ соборной церкви ему государю такія слова, что всякій человѣкъ, кто боится Бога и помнитъ крестное цѣлованіе, такихъ словъ говорить не станетъ, и наряжался онъ на государеву службу годъ. А какъ службѣ время дошло, и онъ для своей бездѣльной гордости и упрямства и непрямой службы, билъ челомъ на боярина князя Черкасскаго, что ему на службѣ быть съ нимъ нельзя, что у князя Дмитрія Мамстрюковича нравъ тяжелый, и прибыли нечаетъ отъ того, что быть ему вмѣстѣ съ нимъ въ государевомъ дѣлѣ, и тѣмъ своимъ гордостнымъ бездѣльнымъ челобитьемъ службу свою отказалъ, князя Дмитрія Мамстрюковича обезчестилъ и въ государевой службѣ учинилъ многую смуту. Потому великіе государи указали князю Дмитрію Мамстрюковичу Черкасскому на князѣ Борисѣ Лыковѣ доправить безчестье, окладъ его вдвое, 1200 рублей». Два мѣсяца думали кѣмъ замѣнить

Черкасскаго и Лыкова, наконецъ въ Августѣ назначили боярина Михайлу Борисовича Шеина и окольничаго Артемья Измайлова; войска съ ними выступило 32,082 человѣка съ 158 орудіями; другіе воеводы выступили изъ Ржева Володимірова, изъ Калуги, изъ Сѣвска. Воеводамъ данъ былъ наказъ: неправды Польскому и Литовскому королю отмстить, и города, которые отданы Польшѣ и Литвѣ за саблею, поворотить по прежнему къ Московскому государству. Воеводы должны были послать сперва легкіе отряды, рѣзвыхъ людей захватить Дорогобужъ въ расплохъ; если не удастся, то идти къ этому городу всѣми полками, промышлять всякими мѣрами, но подъ Дорогобужемъ долго не стоять, послать тайно грамоты къ его жителямъ, Русскимъ людямъ, чтобъ они попомнили православную вѣру и государево крестное цѣлованіе, государю послужили, надъ Литовскими людьми промыслили и городъ сдали. Если не удастся взять Дорогобужъ скоро, то, оставя подъ нимъ меньшихъ воеводъ, Шеинъ и Измайловъ должны были идти подъ Смоленскъ и промышлять надъ этимъ городомъ точно также какъ надъ Дорогобужемъ. Походъ былъ предпринятъ съ намѣреніемъ возвратить Смоленскъ и Дорогобужъ съ уѣздами Московскому государству; поэтому наказано было воеводамъ, чтобъ они, какъ скоро придутъ подъ Смоленскъ, тотчасъ отписали въ Смоленскій и Дорогобужскій уѣзды, къ старостамъ, цѣловальникамъ и всякимъ людямъ, что они пришли для очищенія Смоленска и уѣзда его къ Московскому государству по прежнему, и потому пусть всякіе уѣздные люди ѣдутъ къ нимъ въ станъ съ запасами и продаютъ ихъ какъ цѣна подниметъ; ратнымъ людямъ наказать не одинъ разъ накрѣпко, чтобъ они ни у кого даромъ не брали, никого не грабили и не били, уѣздовъ не пустошили и уѣздныхъ и всякихъ людей тѣми своими насильствами не разогнали; для сыску надъ виновными по челобитьямъ уѣздныхъ людей выбрать пополамъ особыхъ судей, которымъ приказать накрѣпко, чтобъ они по челобитнымъ сыскивали въ правду, ратнымъ людямъ ни въ чемъ не норовили, и самимъ воеводамъ надсматривать надъ судьями.

Такъ какъ ратнымъ людямъ дано было жалованье большое, Русскихъ и Нѣмецкихъ солдатъ полковникамъ, ротмистрамъ и пѣшимъ людямъ положены были кормовыя деньги помѣсячно безъ перевода, и впередъ безъ дополнительной большой рати съ Литовскими людьми раздѣлаться не было надежды, то государи совѣтовали со всякихъ чиновъ людьми, чтобъ они дали денегъ ратнымъ людямъ на жалованье, чтобъ съ торговыхъ людей взять пятую деньгу, а съ бояръ, окольничихъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ и всякихъ приказныхъ людей взять, кто сколько дастъ. Крутицкій митрополитъ и нѣкоторые другіе архіереи и игумены тутъ же на соборѣ объявили, сколько даютъ своихъ домовыхъ и келейныхъ денегъ; остальное духовенство и свѣтскіе люди объявили, что денегъ дадутъ, а что кто дастъ, тому они принесутъ росписи. Сборъ денегъ порученъ былъ въ Москвѣ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, Симоновскому архимандриту Левкію, Моисѣю Глѣбову и двоимъ дьякамъ; по городамъ собирали архимандриты, игумены и дворяне добрые, гости и торговые люди должны были выбрать изъ себя людей прямыхъ, которые, давши присягу, должны были объявлять, сколько у кого изъ нихъ имѣнія и промысловъ; всѣ собранныя такимъ образомъ деньги присылались въ Москву къ князю Пожарскому, который записывалъ ихъ въ приходныя книги порознь, по статьямъ. Кромѣ того собраны были съ сохъ хлѣбные и мясные запасы—сухари, крупа, толокно, солодъ, масло коровье, ветчина. Наблюденіе за сборомъ этихъ запасовъ и распоряженіе ими поручено было князю Ивану Борятинскому да Ивану Огареву. Всякихъ чиновъ люди дали также подводы везти эти запасы подъ Смоленскъ.

Война началась счастливо: 12 Октября сдался Серпѣйскъ головѣ князю Гагарину; 18 Октября сдался Дорогобужъ головѣ Сухотину и полковнику Лесли. Государи велѣли Шеину идти изъ Дорогобужа подъ Смоленскъ и, чтобъ не было обычной помѣхи успѣшному ходу дѣлъ, приказали всѣмъ воеводамъ, головамъ и дворянамъ быть безъ мѣстъ до окончанія войны съ

тѣмъ, что при послѣдующихъ случаяхъ разряды этой войны не будутъ имѣть значенія. Бѣлая сдалась князю Прозовскому, сдались Рославль, Невль, Себежъ, Красный, Почепъ, Трубчевскъ, Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, Овсей, Друя, Сурожъ, Батуринъ, Роменъ, Иванъ городище, Мена, Миръгородокъ, Борзна, Пропойскъ, Ясеничи и Носеничи; посадъ Полоцкій былъ взятъ и выжженъ съ помощію Русскихъ православныхъ горожанъ; взяты были посады подъ Велижемъ, Усвятомъ, Озерищемъ, Лужею, Мстиславлемъ, Кричевымъ. Шеинъ съ Измайловымъ осадили Смоленскъ; губернаторъ его, Станиславъ Воеводскій отбивался 8 мѣсяцевъ, наконецъ готовъ былъ уже сдаться по недостатку припасовъ, какъ получилъ помощь: въ эти 8 мѣсяцевъ дѣла въ Польшѣ устроились, въ короли былъ избранъ сынъ покойнаго Сигизмунда, Владиславъ, первымъ дѣломъ котораго было идти на помощь Смоленску; собрано было 23,000 войска, козакамъ позволено вторгнуться въ Московскія владѣнія и пустошить ихъ, къ тому же подущены и Крымцы: «не спорю, говоритъ Литовскій канцлеръ Радзивилъ въ своихъ запискахъ, не спорю, какъ это по богословски, хорошо ли поганцевъ напускать на христіанъ, но по земной политикѣ вышло это очень хорошо». Дѣйствительно Крымцы опустошили Московскую украйну; многіе ратные люди, бывшіе въ войскѣ Шеина, услыхавъ что Татары воюютъ ихъ помѣстья и вотчины, разъѣхались изъ подъ Смоленска. 25 Августа 1633 года, король Владиславъ пришелъ подъ этотъ городъ, и сталъ на рѣчкѣ Боровой, въ семи верстахъ отъ него. Прежде всего Владиславу хотѣлось сбить Русскихъ съ горы Покровской, гдѣ укрѣпился полковникъ Русской службы Маттисонъ, а подлѣ стояли въ острожкѣ князья Прозоровскій и Бѣлосельскій. 28-го Августа гетманъ коронный по зарѣцкой сторонѣ нижнею дорогою двинулся подъ этотъ острогъ, но былъ отбитъ съ урономъ, въ тоже время король пробрался по Покровской горѣ въ Смоленскъ, откуда осажденные сдѣлали вылазку и овладѣли шанцами Маттисона, но были вытѣснены изъ нихъ сотнями, присланными Прозоровскимъ и Бѣлосельскимъ. 11-го Сентября послѣдовало

новое нападеніе на Маттисона и на острогъ Прозовскаго, бились два дня и двѣ ночи, наконецъ воеводы, поговоря между собою и съ полковниками, что государевымъ людямъ Польскіе и Литовскіе люди не въ мочь, и городка на Покровской горѣ не удержать, полковника Маттисона вывели ночью къ себѣ въ большой острогъ, при чемъ не мало иностранцевъ перебѣжало къ Полякамъ. Получивши донесеніе объ этомъ, царь писалъ Шеину: «Мы все это дѣло полагаемъ на судьбы Божіи и на Его праведныя щедроты, много такого въ военномъ дѣлѣ бываетъ, приходы недруговъ случаются, потомъ и милость Божія бываетъ. Ты бы нашимъ царскимъ дѣломъ промышлялъ, чтобъ нарядъ уберечь; а если окольничему князю Прозоровскому въ своихъ таборахъ отъ приходу королевскаго стоять нельзя, и въ земляныхъ городкахъ пѣшимъ людямъ сидѣть нельзя, то ты бы бояринъ нашъ, Михайлъ Борисовичь, велѣлъ князю Семену Васильевичу (Прозоровскому) со всѣми людьми идти къ себѣ въ обозъ и стоять бы вамъ со всѣми нашими людьми въ одномъ мѣстѣ». На это Шеинъ отвѣчалъ донесеніемъ, что Прозоровскій перешелъ въ большой обозъ за Днѣпръ, при чемъ покинуто было въ окопахъ нѣсколько пушекъ и запасы; Русскіе, уходя, зажгли было ихъ, но дождь погасилъ; по уходѣ Русскихъ самъ король осматривалъ покинутые ими окопы: по словамъ Поляковъ огромные валы, равнявшіеся высотою стѣнамъ Смоленскимъ, насыпаны были съ изумительнымъ трудомъ, еслибъ ихъ добывать приступомъ, то много пролилось бы крови. Царь писалъ Шеину и Прозоровскому: «Вы сдѣлали хорошо, что теперь со всѣми нашими людьми стали вмѣстѣ. Мы указали идти на недруга нашего изъ Москвы боярамъ и воеводамъ, князю Дмитрію Мамстрюковичу Черкасскому и князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому со многими людьми; къ вамъ же подъ Смоленскъ изъ Сѣверской страны пойдетъ стольникъ Ѳедоръ Бутурлинъ, и уже посланъ къ вамъ стольникъ князь Василій Ахамашуковъ Черкасскій съ княземъ Ефимомъ Мышецкимъ; придутъ къ вамъ ратные люди изъ Новгорода, Пскова, Торопца и Лукъ Великихъ. И вы бы всѣмъ ратнымъ людямъ сказали,

чтобъ они были надежны, ожидали себѣ помощи вскорѣ, противъ враговъ стояли крѣпко и мужественно».

Но въ это самое время Поляки въ тылу Шеина взяли и сожгли Дорогобужъ, гдѣ были сложены запасы для войска. Шеинъ доносилъ, что 6-го Октября король со всѣми людьми съ Покровской горы перешелъ на Богданову околицу вверхъ по Днѣпру, и сталъ обозомъ позади ихъ острогу по Московской дорогѣ съ версту отъ острога, а пѣшихъ людей и туры поставили противъ большаго острога на горѣ. 9-го Октября Шеинъ вывелъ свои войска противъ непріятеля; Польская конница обратила въ бѣгство часть Русской пѣхоты, но отъ другой принуждена была бѣжать, и наступавшая ночь остановила дѣло; по Польскимъ извѣстіямъ Русскіе потеряли 2000 убитыми, у Поляковъ было очень много раненыхъ, убито людей не много, но много погибло лошадей. Шеинъ писалъ, что дороги Московскія непріятель занялъ всѣ, и проѣзду ни откуда нѣтъ. Съ конца Октября Русскіе начали терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, особенно въ конскомъ корму. Стрѣльба продолжалась между обоими обозами; Поляки стрѣляли съ горы Скворонковой на Русскій станъ, Русскіе стрѣляли снизу и потому непричиняли вреда непріятелю; но когда начали бить картечью, то ядра долетали до наметовъ королевскихъ. Шеинъ созвалъ военный совѣтъ и требовалъ мнѣнія, можно ли попытаться ударить на королевскій обозъ и съ которой стороны? Полковникъ Лесли, главный между иноземцами, совѣтовалъ ударить на непріятеля; полковникъ Сандерсонъ Англичанинъ говорилъ противное, Лесли разгорячился и назвалъ Сандерсона измѣнникомъ, едва Шеинъ успѣлъ ихъ развести; рѣшено было принять мнѣніе Лесли; но 2 Декабря Русскіе, терпя отъ холода, пошли въ лѣсъ за дровами; Поляки напали на нихъ и 500 положили на мѣстѣ. Когда узнали объ этомъ несчастіи въ обозѣ, то Лесли уговорилъ Шеина поѣхать на мѣсто и самому счесть сколько погибло Русскихъ; съ Шеинымъ и Лесли поѣхалъ и Сандерсонъ; Лесли, вдругъ обратившись къ нему и показывая рукою на трупы, сказалъ: «это твоя работа, ты далъ

знать королю, что наши пойдутъ въ лѣсъ». —«Лжешь!» закричалъ Англичанинъ; тогда Лесли, не говоря ни слова, выхватилъ пистолетъ и положилъ Сандерсона на мѣстѣ въ глазахъ Шеина.

Въ слѣдствіе голода и холода въ Русскомъ станѣ открылась сильная смертность. Узнавъ объ этомъ, король, въ послѣднихъ числахъ Декабря послалъ Шеину и чужестраннымъ офицерамъ грамоты съ увѣщаніемъ обратиться къ его милости, вмѣсто того чтобъ погибать понапрасну отъ меча и болѣзней. Шеинъ долго не хотѣлъ позволить, чтобъ иноземные офицеры взяли королевскую грамоту, утверждая, что иноземцы не могутъ участвовать ни въ какихъ переговорахъ, ибо это наемные слуги, и указывалъ на примѣръ самыхъ Поляковъ, которые не допускаютъ у себя наемнымъ иноземцамъ сноситься съ непріятелемъ. Поляки отвѣчали, что у нихъ дѣло другое, у нихъ иноземцы находятся въ полномъ подчиненіи гетману, а у Русскихъ этого нѣтъ: Лесли, убивши Сандерсона, не поддался подъ судъ Шеина и остался не наказаннымъ. Послѣ долгихъ споровъ Русскіе уступили: полковникъ Розверманъ взялъ листъ королевскій отъ имени иноземцевъ, а Сухотинъ взялъ листъ отъ имени Шеина. Прочитавши листъ, воевода отослалъ его назадъ безъ всякаго отвѣта на томъ основаніи, что въ немъ были непригожія рѣчи, и когда Поляки не хотѣли брать листа назадъ, то посланные бросили его на землю и уѣхали. Но въ половинѣ Генваря 1634 года Шеинъ, подъ видомъ переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ, началъ обнаруживать готовность свою вступить и въ мирныя соглашенія съ королемъ, особенно понуждаемый, какъ говорятъ, иностранными наемниками, которые не привыкли сносить голодъ и холодъ, какъ привыкли къ тому Русскіе. Шеину отвѣчали, что единственное средство къ тому—черезъ гетмана Литовскаго и другихъ сенаторовъ бить челомъ королю о милосердіи, отдаваясь на всю его волю; эта воля состояла въ слѣдующемъ: Шеинъ долженъ прежде всего выдать всѣхъ Польскихъ перебѣжчиковъ; освободить всѣхъ плѣнныхъ; иноземцы получаютъ свободу или возвратиться въ отечество, или вступить въ службу королевскую; Русскимъ людямъ также позволено

вступить въ службу королевскую, кто изъ нихъ захочетъ; иноземцы должны присягнуть, что никогда не будутъ воевать противъ короля и королевства Польскаго, или какимъ либо другимъ способомъ вредить ему; Русскіе также должны присягнуть, что до истеченія четырехъ мѣсяцевъ не будутъ занимать никакихъ крѣпостей и остроговъ, не соединятся ни съ какими Московскими войсками и не предпримутъ ничего непріязненнаго противъ короля; они должны выдать безъ утайки всѣ знамена, весь нарядъ и оружіе всякаго рода, оставшееся послѣ убитыхъ ратныхъ людей; оставшіеся въ живыхъ ратные люди выходятъ съ тѣмъ оружіемъ, съ какимъ кто служилъ, люди торговые выходятъ съ саблями, а у кого нѣтъ сабли, то съ рогатиною, также должны оставить въ обозѣ всѣ жизненные припасы. Шеинъ согласился. 19 Февраля Русскіе выступили изъ острога съ свернутыми знаменами, съ погашенными фитилями, тихо безъ барабаннаго боя и музыки; поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидѣлъ король на лошади, окруженный сенаторами и людьми ратными, Русскіе люди должны были положить всѣ знамена на землю, знаменоносцы отступить на три шага назадъ и ждать, пока гетманъ, именемъ королевскимъ, не велѣлъ имъ поднять знамена; тогда, поднявши знамена, запаливши фитили и ударивши въ барабаны, Русское войско немедленно двинулось по Московской дорогѣ, взявши съ собою только 12 полковыхъ пушекъ, по особенному позволенію короля; самъ Шеинъ и всѣ другіе воеводы и начальные люди, поровнявшись съ королемъ, сошли съ лошадей и низко поклонились Владиславу, послѣ чего, по приказанію гетмана, сѣли опять на лошадей и продолжали путь.'

Что же во все это время дѣлалось въ Москвѣ? Князья Черкасскій и Пожарскій стояли въ Можайскѣ, какъ видно потому, что еще не всѣ ратные люди собрались. Денегъ также не было. Патріархъ Филаретъ умеръ, 1-го Октября 1633 года; на его мѣсто былъ возведенъ Псковской архіепископъ Іоасафъ «по изволенію царя Михаила Ѳеодоровича и по благословенію патріарха Филарета, потому что былъ дворовый сынъ боярскій;

нравомъ и жизнію онъ былъ добродѣтеленъ, но къ царю не дерзновененъ», какъ говорятъ хронографы. 28-го Генваря 1634 года царь Михаилъ созвалъ соборъ и объявилъ, что Польскій король, видя крѣпкое стояніе боярина Шеина, всѣхъ воеводъ и ратныхъ людей, видя подъ Смоленскомъ тѣсноту, на своихъ людей побѣду, накупилъ на Московское государство Крымскаго царя, который прислалъ сына своего со многими ратными людьми и они украинскіе города многіе повоевали и пожгли; а дворяне и дѣти боярскіе украинскихъ городовъ, видя Татарскую войну, слыша, что у многихъ помѣстья и вотчины повоеваны, матери, жены и дѣти въ полонъ взяты, изъ подъ Смоленка разъѣхались, и остались подъ Смоленскомъ немногіе люди. Литовскій король, послыша, что государевы люди начали разъѣзжаться, пришелъ подъ Смоленскъ; государевы люди Литовскихъ людей многихъ побили, языки, знамена и литавры побрали, и языки въ распросѣ сказывали, что король Владиславъ и Литовскіе люди пришли для того, чтобъ имъ боярина Михаила Борисовича Шеина отбить, Смоленскъ за Литвою удержать по прежнему, и хотятъ идти въ Московское государство, чтобъ, по умышленію проклятаго папы Римскаго, православную вѣру превратить въ свою еретическую и Московское государство до конца разорить. Послѣ того король государевымъ ратнымъ людямъ тѣсноту учинилъ и дороги заступилъ. Теперь государь посылаетъ на Литовскихъ людей князя Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго съ товарищи, и тѣмъ ратнымъ людямъ, которыя посланы съ ними и которые стоятъ подъ Смоленскомъ безъ съѣзду, безъ жалованья на службѣ быть нельзя; а государева денежная казна, которая собрана была въ прошлыхъ годахъ государскимъ разсмотрѣніемъ, а не поборами съ земли, и та денежная многая казна роздана всякимъ ратнымъ людямъ; а которая денежная казна есть теперь, та идетъ безпрестанно на жалованье ратнымъ же людямъ и на мѣсячный кормъ, и впередъ денежной государевой казнѣ на жалованье и на кормъ ратнымъ людямъ безъ добавочной казны быть нельзя. Въ прошломъ году, по соборному уложенью, собирали пятую

деньгу: но гости и торговые люди многіе давали пятую деньгу неправдою не противъ своихъ промысловъ и животовъ. Въ прошлыхъ годахъ Московское государство было въ разореньѣ, денегъ въ казнѣ ничего не было, но когда была назначена пятая деньга, то собрано было противъ нынѣшняго гораздо больше, хотя люди тогда были скуднѣе; послѣ того Московское государство въ тишинѣ и покоѣ было многое время и передъ прежнимъ во всѣхъ своихъ животахъ люди очень пополнились: такъ вамъ бы дать денегъ». — Всякихъ чиновъ люди отвѣчали, что денегъ дадутъ, смотря по своимъ пожиткамъ, что кому можно дать. Государь велѣлъ сбирать эти запросныя и пятинныя деньги боярину князю Борису Михайловичу Лыкову, окольничему Коробьину и Чудовскому архимандриту Ѳеодосію.

1-го Февраля пробрался въ Москву дворянинъ Сатинъ съ вѣстями отъ Шеина, что государевымъ людямъ отъ Литовскихъ людей утѣсненье, въ хлѣбныхъ запасахъ и въ соли оскудѣнье большое; воевода писалъ, что Польскіе полковники говорятъ о перемирьѣ, соглашаются, чтобъ оба войска отступили каждое въ свою сторону, а большіе послы съѣдутся между тѣмъ говорить о мирѣ; государь послалъ сказать Шеину, что соглашается на перемиріе, если король со всѣми людьми отойдетъ въ Польшу и если Поляки позволятъ соединиться съ Шеинымъ государевымъ подхожимъ людямъ, которые должны нарядъ и всякую казну отпровадить. Въ тоже время государь отправилъ окольничаго князя Григорья Волконскаго въ Можайскъ посовѣтоваться съ боярами, князьями Черкасскимъ и Пожарскимъ, какъ бы имъ поскорѣе помочь государевымъ людямъ, подъ Смоленскомъ? Можно ли имъ идти къ Вязьмѣ и Дорогобужу? Бояре отвѣчали, что можно, и государь велѣлъ имъ готовиться къ выступленію; но 3 Марта Черкасскій далъ знать государю, что Шеинъ помирился съ королемъ и отпущенъ въ Москву. На другой же день, 4 Марта отправленъ былъ Моисей Глѣбовъ на встрѣчу къ Шеину съ запросомъ: на какихъ статьяхъ онъ помирился съ королемъ? сколько отдалъ королю наряду и всякихъ пушечныхъ запасовъ? сколько идетъ съ нимъ ратныхъ людей

и сколько осталось подъ Смоленскомъ больныхъ и на королевское имя? Шеинъ могъ догадаться, что въ Москвѣ ждетъ его пріемъ не ласковый: ему Глѣбовъ не привезъ никакого привѣта, а всѣмъ ратнымъ людямъ сказалъ, что служба ихъ, радѣнье, нужда и крѣпкостоятельство противъ Польскихъ и Литовскихъ людей, какъ они бились не щадя головъ своихъ, государю и всему Московскому государству вѣдомы. Шеинъ прислалъ статьи договора и списокъ ратныхъ людей, потерянныхъ и оставшихся у короля; послѣднихъ было очень мало—только 8 человѣкъ и изъ нихъ 6 Донскихъ козаковъ; всего вышло изъ подъ Смоленска съ Шеинымъ 8,056 человѣкъ, изъ этого числа многіе повезены больные и въ дорогѣ умерли, другіе оставлены въ Дорогобужѣ, Вязьмѣ и Можайскѣ, Нѣмцы многіе измѣнили, пошли къ королю и въ дорогѣ померли, но сколько именно измѣнило и померло, то неизвѣстно, потому что воеводы нѣсколько дней просили у Нѣмецкихъ полковниковъ росписей ихъ людямъ, но полковники росписей не дали; больныхъ осталось подъ Смоленскомъ 2,004 человѣка. По пріѣздѣ Шеина въ Москву его осудили какъ измѣнника и казнили смертію; передъ плахою дьякъ читалъ ему слѣдующія обвиненія: «Ты, Михайла Шеинъ, изъ Москвы еще на государеву службу не пошедъ, какъ былъ у государя на отпускѣ у руки, вычиталъ ему прежнія свои службы съ большою гордостію, говорилъ, будто твои и прежнія многія службы были къ нему государю передъ всею твоею братьею боярами, будто твои братья бояре въ то время какъ ты служилъ, многіе за печью сидѣли и сыскать ихъ было нельзя, и поносилъ всю свою братью предъ государемъ съ большою укоризною, по службѣ и по отечеству никого себѣ сверстникомъ не поставилъ. Государь, жалуя и щадя тебя для своего государева и земскаго дѣла, не хотя тебя на путь оскорбить, во всемъ этомъ тебѣ смолчалъ, бояре, которые были въ то время передъ государемъ, слыша себѣ отъ тебя такія многія грубыя и поносныя слова, чего иному отъ тебя и слышать не годилось, для государской къ тебѣ милости, не хотя государя тѣмъ раскручинить, также тебѣ смолчали». За этимъ слѣдовали

обвиненія Шеина и Измайлова въ медленности, что они потеряли лучшую пору, истомили ратныхъ людей, и, дождавшись ненастныхъ дней, пошли въ дальнѣйшій путь, не слушая государева и патріаршаго указа, и этою медленностію своею дали Полякамъ возможность укрѣпиться въ Смоленскѣ; о дурномъ положеніи дѣлъ къ государю не писали, а если и писали, то кратко и несправедливо; дождавшись подкоповъ, приступали къ городу не во время, въ дневную пору; на приступахъ Шеинъ велѣлъ въ государевыхъ людей стрѣлять изъ наряда, отъ чего много ихъ было побито; Русскихъ ратныхъ людей и Нѣмцевъ не слушалъ, самъ государевымъ дѣломъ не промышлялъ, и другимъ промышлять не давалъ; лучшія села и деревни Шеинъ и Измайловъ раздѣлили по себѣ и брали съ нихъ всякіе доходы, а ратнымъ людямъ ничего не давали. Поставлено въ вину строгое исполненіе наказа царскаго, чтобъ ратные люди не смѣли ничего брать даромъ и вообще обижать жителей Дорогобужскаго и Смоленскаго уѣздовъ: «которые служивые люди отъ великой скудости и отъ голоду ѣзжали въ Смоленскій и Дорогобужскій уѣздъ для своихъ и конскихъ кормовъ, тѣхъ ты приказывалъ бить кнутомъ безъ милости, а Смоленскій и Дорогобужскій уѣзды уберегъ Литовскому королю со всѣми запасами». Замѣтимъ при этомъ, что ратные люди могли разъѣзжать по Смоленскому и Дорогобужскому уѣздамъ, когда въ обозѣ у нихъ никакой скудости не было, скудость же началась, когда уже нельзя было выѣзжать изъ обоза —«Вы, продолжаетъ обвинительная сказка, мимо государева указа, измѣною и самовольствомъ, королю крестъ цѣловали, нарядъ и всякіе запасы отдали, только выговорили отпровадить въ государеву сторону 12 пушекъ, да и тѣ пушки ты, Шеинъ, измѣною своею отдалъ Литовскому же королю совсѣмъ; да вы же отдали 36 человѣкъ Поляковъ и Литвы, которые переѣзжали на государево имя отъ короля; да вы же отдали королю Русскихъ людей, которые государю служили, ходили безпрестанно въ королевскіе таборы для всякихъ вѣстей и въ Москву съ государевыми дѣлами прихаживали, и всѣхъ этихъ людей король ве-

лѣлъ казнить смертью. А когда вы шли сквозь Польскіе полки, то свернутыя знамена положили передъ королемъ и кланялись королю въ землю, чѣмъ сдѣлали большое безчестье государскому имени». Наконецъ любопытное обвиненіе: «Будучи въ Литвѣ въ плѣну, цѣловалъ ты крестъ прежнему Литовскому королю Сигизмунду и сыну его королевичу Владиславу на всей ихъ волѣ. А какъ ты пріѣхалъ изъ Польши къ государю въ Москву, тому уже пятнадцать лѣтъ, то не объявилъ, что прежде Литовскому королю крестъ цѣловалъ, содержалъ это крестное цѣлованіе тайно; а теперь, будучи подъ Смоленскомъ, измѣною своею къ государю и ко всему Московскому государству, а Литовскому королю исполняя свое крестное цѣлованье, во всемъ ему радѣлъ и добра хотѣлъ, а государю измѣнялъ».

Отрубили голову и второму воеводѣ Измайлову; виноватѣе всѣхъ, если вѣрить предсмертной сказкѣ, былъ сынъ Измайлова, Василій: «Ты Василій, говорилось въ сказкѣ, будучи подъ Смоленскомъ, воровалъ, государю измѣнялъ больше всѣхъ, съѣзжался съ Литовскими людьми, Захаромъ Заруцкимъ и Меделянскимъ (т. е. Мадалинскимъ) и съ государевыми измѣнниками, Юшкою Потемкинымъ, Ивашкою Мещериновымъ и другими, къ себѣ ихъ въ станъ призывалъ, съ ними пировалъ, потчивалъ и дарилъ, и отъ нихъ подарки съ братомъ своимъ Семеномъ принималъ, почевать ихъ у себя унималъ, они у тебя были и ночевали, а пріѣзжали къ тебѣ съ своимъ кормомъ и питьемъ и провожали тебя до стану, и ты разговаривалъ съ ними обо всемъ, что годно Литовскому королю. Да ты же, Василій, будучи подъ Смоленскомъ и изъ подъ Смоленска пришедши въ Можайскъ, хвалилъ Литовскаго короля, говорилъ: «какъ противъ такого великаго государя монарха нашему Московскому плюгавству биться? каковъ былъ царь Иванъ, и тотъ противъ Литовскаго короля сабли своей не вынималъ и съ Литовскимъ королемъ небивался.» Да ты же, Василій, услыша о смерти великаго государя патріарха Филарета Никитича, говорилъ много воровскихъ непригожихъ словъ, чего и напи-

сать нельзя.» Князей Семена Прозоровскаго и Михайлу Бѣлосельскаго приговорили сослать въ Сибирь, женъ и дѣтей разослать по городамъ, имѣніе отобрать на государя. Отъ смертной казни эти воеводы освобождены потому, сказано въ приговорѣ, что всѣ ратные люди засвидѣтельствовали о раденьи Прозоровскаго и болѣзни Бѣлосельскаго! Сынъ главнаго воеводы, Иванъ Шеинъ, виновный только по винѣ отца, освобожденъ отъ смертной казни по просьбѣ царицы, царевичей и царевенъ, но съ матерью и женою сосланъ въ Понизовые города. Другой сынъ Артемія Измайлова, Семенъ битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь въ тюрьму за то, что, будучи подъ Смоленскомъ, воровалъ, съ Литовскими людьми съѣзжался, говорилъ многія непригожія слова и Литовскихъ людей дарилъ. Тому же наказанью подвергся Гаврила Бакинъ за то, что будучи въ Можайскѣ, хвалилъ Литовскаго короля и Литовскихъ людей передъ Русскими, называя послѣднихъ плюгавствомъ; битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь въ тюрьму Любимъ Ананьевъ за то, что жилъ все во дворѣ у Шеина, былъ у него въ шишахъ (шпіонахъ) и подслушивалъ, кто что про него говорилъ, ссорилъ воеводу со многими знатными людьми. Тимоѳей Измайловъ, родной братъ Артемія, былъ у государева дѣла въ Москвѣ на казенномъ дворѣ, у Большой казны въ судѣ: и, по государеву указу, ему Тимоѳею на казенномъ дворѣ быть не велѣно, а велѣно его съ женою и дѣтьми, для измѣны брата его Артемья, сослать въ Казань.

Участь Шеина объясняется легко. Военная исторія Московскаго государства давно уже обнаружила несостоятельность Русскаго войска въ борьбѣ со Шведами и Поляками, по недостатку искусства ратнаго; правительство очень хорошо понимало это и старалось помочь бѣдѣ; призваны были иностранцы, русскихъ стали учить иностранному строю; но эти первые слабые шаги въ дѣлѣ, разумѣется, не могли тотчасъ же повести къ важнымъ результатамъ. Собравши войско и деньги, нанявши Нѣмцевъ, отправили подъ Смоленскъ воеводу, знаменитаго защитою этого города: но защищать городъ и оса-

ждать двѣ вещи разныя; Шеинъ не успѣлъ голодомъ заставить сдаться Смоленскъ, и скоро самъ былъ осажденъ королемъ Владиславомъ; а тутъ положеніе его было совершенно иное, чѣмъ прежде въ Смоленскѣ: не говоримъ уже о томъ, что острожекъ его не былъ такъ укрѣпленъ и такъ выгодно поставленъ какъ Смоленскъ, такъ защищенъ отъ убійственныхъ выстрѣловъ Сковронковской баттареи, — прежде въ Смоленскѣ Шеинъ былъ окруженъ ратными людьми и гражданами, готовыми биться до смерти за священные интересы, а тутъ въ острожкѣ иноземцы дерзко нарушали въ его глазахъ дисциплину, не хотѣли признавать надъ собою его власти, не хотѣли переносить голода, холода, требовали соглашеній съ непріятелемъ; Русскіе люди толкуютъ: гдѣ Московскому плюгавству сражаться съ Литовскимъ королемъ и его людьми? а изъ Москвы одно обѣщанье, что идутъ со всѣхъ сторонъ воеводы на помощь, и въ три мѣсяца никакого исполненія обѣщаній. Измѣны со стороны Шеина не видно никакой. Но почему же въ Москвѣ постарались обвинить Шеина въ измѣнѣ? Причина ясна: Шеинъ своею выходкою у руки государевой смертельно оскорбилъ многихъ сильныхъ людей; тутъ какъ, наивно говоритъ приговоръ, ему промолчали, потому что имѣли въ немъ нужду, да вѣроятно и Филаретъ не выдалъ бы своего страдальца людямъ, которые за печью сидѣли; но теперь неудача Шеина затмила его прежнія заслуги; Филарета не было въ живыхъ, и сильные люди спѣшили отомстить за свое безчестье.

Хронографъ, который неблагосклонно отзывается о Филаретѣ Никитичѣ, такъ объясняетъ причины неудачи Шеина. «Царь, по совѣту, или, лучше сказать, по приказанію патріархову, призываетъ изъ Датской и изъ другихъ Нѣмецкихъ земель на помощь себѣ полковниковъ, именитыхъ людей и храбрыхъ, а съ ними множество солдатъ, отверзаетъ царскія свои сокровища, жалуетъ Нѣмецкихъ людей нещадно и даетъ русскихъ вольныхъ людей Нѣмцамъ въ наученіе ратному дѣлу. Самъ государь не изволилъ на Поляковъ идти, потому что былъ мужъ милостивый, кроткій, крови не желательный; еслибъ воз-

ложилъ упованіе на Вседержителя Бога и пошелъ самъ, то думаю, что успѣлъ бы въ дѣлѣ. Послали Шеина: тотъ бралъ города какъ птичья гнѣзда, потому что Поляки не ждали прихода русскихъ людей. Но Шеина Богъ наказалъ за то, что, отправляясь изъ плѣна, далъ королю клятву не воевать противъ Литвы, и это было извѣстно и царю и патріарху. Когда бояринъ Михайла пришелъ къ Смоленску, то поставилъ острожки близь самаго города, туры передъ пушками землею наполняетъ, всякія стѣнобитныя козни устроиваетъ, между воеводами и полковниками разсуждаетъ и не мало городской каменной стѣны изъ пушекъ пробиваетъ; Нѣмецкіе полковники подкопомъ городскія стѣны взрываютъ, словомъ сказать все къ нашему строенію дѣлается. Но вотъ царь и патріархъ впадаютъ въ кручину и недовѣріе на счетъ крестнаго цѣлованія Шеина королю; бояре Московскіе, уязвляемые завистію, начали клеветать на него, и Шеину даютъ знать въ полки, что въ Москвѣ на него много навѣтовъ; въ полкахъ воздвигается на него ропотъ великій за гордость и нерадѣніе, онъ же отъ гордости своей на воеводъ и на Нѣмецкихъ полковниковъ пуще злобился, ихъ безчестилъ, ратныхъ людей оскорблялъ, для конскихъ кормовъ по селамъ не велѣлъ отпускать, въ Москву началъ грубо отписывать, а изъ Москвы къ нему грамоты приходили только съ осужденіемъ, да съ опалою; онъ отъ этого пуще злобился, и если бы не Артемій Измайловъ съ сыномъ Васильемъ удерживали его отъ гнѣва, то онъ бы въ кручинѣ и гордости своей скоро умеръ. Пришелъ подъ Смоленскъ король Владиславъ не въ очень большой силѣ, но въ промыслѣ усердномъ, и посылаетъ къ Михайлѣ Шеину, напоминаетъ ему крестное цѣлованіе: Шеинъ опять унываетъ, опять на ратныхъ людей гнѣвается и никакого промысла не чинитъ многое время, а Русскіе люди въ острожкахъ отъ тѣсноты и скудости въ пищѣ оцынжали и сдѣлался моръ большой, изъ Москвы же имъ помощи не даютъ и запасовъ не присылаютъ.»

Выпустивши Шеина изъ подъ Смоленска, король двинулся

къ Бѣлой, надѣясь легко взять этотъ городъ; но вышло иначе. Польское войско пришло подъ Бѣлую полумертвое отъ голода и холода; король помѣстился въ Михайловскомъ монастырѣ въ двухъ миляхъ отъ города и послалъ къ воеводѣ съ требованіемъ сдачи, указывая на примѣръ Шеина; воевода отвѣчалъ, что Шеиновскій примѣръ внушаетъ ему отвагу, а не боязнь, Король велѣлъ опоясать городъ шанцами и вести мины; но отъ этихъ минъ была бѣда только Полякамъ: передовыхъ ротмистровъ завалило землею такъ, что едва ихъ откопали; стрѣльба также не причиняла никакого вреда осажденнымъ. Надмѣнные Смоленскимъ успѣхомъ, Поляки отложили всякую осторожность: этимъ воспользовались Русскіе, сдѣлали вылазку на полкъ Вейгера и схватили 8 знаменъ прежде нежели Поляки успѣли взяться за оружіе. Какъ тяжка была осада Бѣлой Полякамъ видно изъ того, что канцлеръ Радзивилъ совѣтуетъ называть этотъ городъ не Бѣлою, а Красною, по причинѣ сильнаго кровопролитія. Голодъ доходилъ до такой степени, что самъ король половину курицы съѣдалъ за обѣдомъ, а другую половину откладывалъ до ужина, другимъ же кусокъ хлѣба съ холодной водой былъ лакомствомъ; отъ такой скудости начались болѣзни и смертность въ войскѣ. А съ другой стороны приходили вѣсти, что Турецкое войско приближается къ границамъ Польши. Въ такихъ обстоятельствахъ королю нужно было какъ можно скорѣе заключить миръ съ Москвою, миръ вѣчный, который бы упрочилъ за Литвою пріобрѣтенія Сигизмундовы. Паны первые прислали къ боярамъ предложеніе о мирѣ; понятно, что это предложеніе было принято очень охотно, и въ Мартѣ 1634 года назначены были Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ и князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ великими послами на съѣздъ съ Польскими коммиссарами, Якубомъ Жадикомъ, бискупомъ Хелминскимъ съ товарищами; съѣздъ былъ назначенъ на рѣчкѣ Поляновкѣ, тамъ же, гдѣ былъ прежде съѣздъ для размѣна плѣнныхъ. Король стоялъ невдалекѣ, скрытно.

Переговоры начались по прежнему долгимъ перекариваніемъ и напоминаніемъ старыхъ дѣлъ. Поляки настаивали, что король

Владиславъ имѣетъ право на престолъ Московскій, и что Русскіе нарушили Деулинское перемиріе, пославши Шеина подъ Смоленскъ до истеченія перемирнаго срока. Между прочимъ Поляки говорили: «Знаемъ мы подлинно, что война началась отъ патріарха Филарета Никитича, онъ ее началъ и васъ всѣхъ благословилъ.» Московскіе послы объявили, что если Владиславъ не откажется отъ Московскаго титула, то они ни очемъ говорить не станутъ: «У насъ, говорили они, у всѣхъ людей великихъ Россійскихъ государствъ начальное и главное дѣло государскую честь оберегать и за государя всѣ мы до одного человѣка умереть готовы.» Тогда Поляки, соглашаясь на требованія Московскихъ пословъ, предложили вѣчный миръ на условіяхъ мира, заключеннаго королемъ Казиміромъ съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ, при чемъ королю Владиславу за отказъ отъ Московскаго престола и титула, царь долженъ давать ежегодно по сту тысячь рублей и заплатить за издержки послѣдней войны. Московскіе послы отвѣчали, что это слова непригожія: «Мы вамъ отказываемъ, что намъ о такихъ запросахъ съ вами впередъ не говорить; несбыточное то дѣло, что намъ такіе запросы вамъдавать, чего никогда не бывало и впередъ не будетъ, за то намъ, всѣмъ людямъ Московскаго государства стоять и головы свои положить.» Поляки возражали, что Михаилъ Ѳедоровичъ Густаву Адольфу далъ города и деньги не вѣдомо за что, а Владиславу дастъ за отреченье отъ Московскаго государства.

Послѣ продолжительныхъ споровъ Поляки сказали: «Когда учинимъ мирное постановленіе на вѣчное доконьчанье, то королю будемъ бить челомъ, чтобъ онъ крестное цѣлованье съ васъ снялъ и титулъ свой государю вашему уступилъ, а вы объявите, чѣмъ вы за то государя нашего станете дарить?» Московскіе послы отвѣчали: «Намъ этого въ уступку и въ даръ не ставьте, что король хочетъ титулъ Московскій съ себя сложить, дарить намъ государя вашего за это не за что, потому что великій государь нашъ на Московскомъ государствѣ царствуетъ по дару и волѣ Всемогущаго Бога,

по древней своей царской чести предковъ своихъ великихъ государей, а наше Московскихъ людей крестное цѣлованье отъ государя вашего короля и отъ вашихъ неправдъ въ Московское разоренье омылось кровью и мы отъ него чисты.» Наконецъ стали говорить о настоящемъ дѣлѣ; Поляки объявили, что безъ уступки въ королевскую сторону всѣхъ городовъ, которые были отданы по Деулинскому перемирію и взяты Москвичами при разрывѣ его, они не станутъ ни очемъ говорить. На каждомъ съѣздѣ Московскіе послы уступали по городу или по два, Поляки постоянно требовали всѣхъ; изъ Москвы пришелъ наказъ: за города Дорогобужъ, Новгородокъ, Серпѣйскъ и Трубчевскъ, и заустунку титула дать королю денегъ, именно 10,000 рублей и надбавлять до 70,000, а по конечной неволѣ дать 100,000. Въ тоже время бискупъ Жадикъ прислалъ сказать Шереметеву, что король отправилъ уже полкъ къ Можайску, а уговорилъ короля послать полкъ Христофъ Радзивиллъ, ибо пріѣхалъ изъ Москвы къ королю сынъ боярскій съ вѣстями, что на Москвѣ Шеина и Измайлова казнили и за это учинилась въ людяхъ рознь великая, да на Москвѣ же были пожары большіе, выгорѣла Москва мало не вся; въ Можайскѣ ратные люди также погорѣли и разъѣхались; король хотѣлъ надъ Можайскомъ промышлять и подъ Москву идти, но онъ, бискупъ Литовскихъ ратныхъ людей остановилъ, короля отъ войны удержалъ, и сталъ король на рѣкѣ Вязьмѣ отъ Семлева въ 20 верстахъ.

На слѣдующемъ съѣздѣ Польскіе коммиссары требовали всѣхъ городовъ, уступленныхъ въ Деулинѣ, да еще нѣсколькихъ новыхъ за освобожденіе царя и народа Московскаго отъ присяги Владиславу; Московскіе послы отвѣчали, что за освобожденіе царя платить не для чего, царь Михаилъ креста Владиславу не цѣловалъ, потому что въ то время онъ совершеннаго возраста еще не достигъ. Коммиссары за уступку титула начали требовать уже не городовъ, а денегъ; Московскіе послы отказали; тогда Поляки поднялись съ шумомъ и хотѣли порвать переговоры; Московскіе послы начали предлагать деньги

по наказу; Поляки остановились, начали между собою толковать, нѣкоторые изъ нихъ ходили отъ шатра, гдѣ происходили переговоры, къ рѣчкѣ Поляновкѣ, и пришедши, начали съ товарищами своими опять толковать, а государевымъ посламъ сказывали дворяне, что Польскіе коммиссары ходили къ королю, который лежалъ на берегу рѣчки Поляновки на травѣ. Поговоривъ между собою, Поляки не согласились на предложеніе Московскихъ пословъ; тѣ тоже отказали, что городовъ не уступятъ; Поляки начали сердиться, опять встали съ своихъ мѣстъ, государевы послы также встали и изъ шатра хотѣли выйти. Больше трехъ часовъ говорили послы стоя, то говорили съ большимъ шумомъ, то покрывали гладостью, какъ бы къ доброму сходству повести, поговоривши съ шумомъ, расходились розно, выговаривали и вычитали съ обѣихъ сторонъ всякія прежнія ссоры и неправды; Поляки вышли наконецъ изъ шатра, давая знать, что хотятъ разорвать. Тогда Московскіе послы уступили имъ Дорогобужъ, Поляки не согласились; уступили Новгородъ Сѣверскій — не согласились; коммиссары вышли изъ шатра, остались только Жадикъ и Радзиллъ воевода Виленскій и продолжали переговоры: изъ всѣхъ городовъ, отданныхъ по Деулинскому перемирію, они уступали одинъ Серпѣйскъ, но требовали Трубчевска и 100,000 рублей денегъ; потомъ начали спускать деньги, и спустили до 20,000. На этомъ и порѣшили, съ условіемъ однако, чтобъ деньги отдать королю тайно, въ записи ихъ не писать и въ рѣчахъ не упоминать, будутъ знать объ этомъ только бискупъ Жадикъ да Радзиллъ, а товарищамъ ихъ не сказывать, и какъ договоръ крестнымъ цѣлованіемъ закрѣпятъ, то деньги возьметъ бискупъ одинъ и распишется. Коммиссары согласились называть Михаила Θеодоровича царемъ, потому что Польское правительство признало этотъ титулъ прежде, называя Владислава царемъ; но не споря о царскомъ титулѣ, коммиссары спорили о титулѣ: всея Руси; они говорили боярамъ: «великій государь вашъ пишется всея Руси, а Русь и въ Московскомъ и въ Польскомъ государствѣ есть: такъ на-

писать бы въ Польскую докончальную запись великаго государя вашего царемъ своея Руси, чтобъ титуломъ всея Руси къ Польской Руси причитанья не имѣть, а въ Московской докончальной записи и впередъ въ грамотахъ царскихъ къ королямъ Польскимъ писать по прежнему всея Руси..» Московскіе послы отказали: «этого начинать непригоже: ваша малая Русь, которая принадлежитъ къ Польшѣ и Литвѣ, къ тому царскаго величества именованью всея Руси нейдетъ, примѣнять вамъ этой своей Руси ко всея Руси нечего.» Покончивши споръ о титулѣ, послы ударили по рукамъ на вѣчномъ докончаніи. Это было 17 Мая.

Когда надобно было писать условія вѣчнаго докончанія, то коммиссары возобновили попытку Льва Сапѣги при Годуновѣ, предложили слѣдующія статьи: 1) Быть въ вѣчной пріязни, какъ людямъ одной вѣры христіанской, одного языка и народа Славянскаго. Московскіе послы прибавили сюда условіе: описывать великаго государя съ его полными титулами. 2) Имѣть общихъ враговъ. Московскіе послы отвѣчали: написать именно, кто королю непріятель; потому и договоръ будетъ. 3) Съ другими народами ко вреду другъ другу не соединяться, но сноситься съ ними вмѣстѣ, по совѣту; если былъ прежде заключенъ союзъ съ кѣмъ-нибудь ко вреду новаго союзника, то его разорвать. 4) Въ случаѣ непріятельскаго нападенія другъ друга оборонять. Отвѣтъ: у государя нашего только и пограничныхъ государствъ, что Швеція да Крымъ, и съ обоими государь въ докончаніи, такъ помогать на нихъ ему не доведется. 5) Подданнымъ обоихъ государствъ вольно ѣздить къ государямъ на службу при дворѣ, въ войскахъ и земляхъ, и выѣзжать назадъ. О. Какъ государь изволитъ. 6) Чтобъ вольно имъ было жениться и сродствоваться, вотчины и помѣстья выслуживать и покупать, по жонахъ и инымъ всякимъ обычаемъ наживать.—О. Какъ Русскимъ людямъ у Польскихъ людей, такъ Польскимъ у Русскихъ жениться за разницею вѣръ нельзя, отчинъ продавать изъ государства въ государство не годится, да и прежде этого никогда не бывало.

7) Чтобъ вольно было подданнымъ обоихъ государствъ посылать дѣтей своихъ на службу или для науки. О. Объ этомъ великіе государи перешлются между собою. 8) Чтобъ Поляки, которые будутъ служить Московскому государю, могли ставить церкви своей вѣры въ своихъ помѣстьяхъ; чтобъ въ Москвѣ и другихъ городахъ были церкви католическія. О. Церквей иныхъ вѣръ въ Московскомъ государствѣ прежде не бывало и впередъ этому быть нельзя. 9) Король и великій государь Московскій должны вмѣстѣ стараться, чтобъ былъ у нихъ нарядъ пушечный, корабли и люди воинскіе на морѣ Ливонскомъ и на морѣ Великомъ, для расширенія границъ своихъ. О. Государевыхъ воинскихъ кораблей на морѣ Ливонскомъ и на морѣ Великомъ прежде не бывало и впередъ быть негдѣ да и не для чего; а если это понадобится королю, то пусть онъ обошлется съ нашимъ государемъ. 10) Въ знакъ совершеннаго соединенія должны быть двѣ короны: одна въ Польшѣ, ее посолъ Московскій возлагаетъ на Польскаго короля при коронаціи, а другая въ Москвѣ, ее Польскій посолъ возлагаетъ на голову Московскаго государя. 11) По смерти короля паны совѣтуются объ избраніи новаго съ государемъ и со всѣми чинами Московскими. 12) Если будетъ избранъ царь въ короли, то два года долженъ жить въ Польшѣ и Литвѣ, и одинъ годъ въ Москвѣ. 13) Если у царя не будетъ сына, то царемъ становится король Польскій. На всѣ эти статьи одинъ отвѣтъ: пусть государи перешлются между собою.

Въ образцовой царской грамотѣ было написано: «которые люди начнутъ перебѣгать на обѣ стороны, тѣхъ не отдавать для того: только перебѣжчиковъ отдавать, то въ этомъ будетъ большая ссора, душевредство, и исполнить этой статьи никакъ нельзя, потому что Московское государство и Польское велики и пространны, перебѣжчики станутъ жить въ дальнихъ и украинскихъ городахъ тайно, такъ что не только ихъ самихъ, и мѣстъ ихъ сыскать будетъ нельзя.» Вслѣдствіе этого уполномоченные уговорились статью о перебѣжчикахъ изъ докончальной записи вычеркнуть, а постановить: воровскихъ

людей, которые отъ воровства станутъ перебѣгать, тѣхъ на обѣ стороны сыскивать и отдавать. Польскіе коммиссары требовали, чтобъ патріархъ за настоящаго государя, за будущихъ и за всю землю крестъ цѣловалъ на вѣчномъ докончаніи, а при томъ должны еще цѣловать крестъ по два человѣка изъ порубежныхъ городовъ. Московскіе послы отвѣчали: «великій господинъ святѣйшій патріархъ правитъ церковь Божію, а до царственныхъ до градскихъ (политическихъ) и ни до какихъ мірскихъ дѣлъ онъ не касается; также и порубежныхъ городовъ людямъ крестъ цѣловать не для чего, потому что вѣчное докончанье крѣпко будетъ нашимъ посольскимъ крестнымъ цѣлованьемъ, да сверхъ того великіе государи сами закрѣпятъ, а городскіе люди безъ воли государя нашего ничего сдѣлать не могутъ.» Польскіе коммиссары настаивали, чтобъ цѣловать крестъ патріарху, властямъ духовнымъ, боярамъ и изо всѣхъ чиновъ людямъ за себя, за дѣтей, внучатъ и за всю землю; говорили, что и у нихъ въ Польшѣ всѣ крестъ цѣловать будутъ; Московскіе послы отвѣчали: «вашъ архіепископъ и епископы должны цѣловать крестъ, потому что они вмѣстѣ и сенаторы, а нашъ патріархъ и духовенство ни въ какихъ дѣлахъ креста не цѣлуютъ. Да и того въ Московскомъ государствѣ никогда не бывало, чтобъ вмѣстѣ съ великимъ государемъ боярамъ или инымъ людямъ крестъ цѣловать, и теперь тому быть нельзя, крѣпко будетъ докончанье государскими душами, а за бояръ и за всякихъ людей мы, великіе послы закрѣпимъ.» Польскіе коммиссары возражали, что сенаторамъ и боярамъ нужно крестъ цѣловать на случай смерти королевской или царской; Московскіе послы отвѣчали: «то дѣло не статочное, что боярамъ вмѣстѣ съ государемъ нашимъ крестъ цѣловать: всѣ мы холопи великаго государя нашего и во всей его царской волѣ, и намъ безъ царскаго повелѣнья браться за это нельзя.» Поляки все настаивали, чтобъ патріархъ цѣловалъ крестъ; Московскіе послы отвѣчали: «патріарху тутъ быть нельзя, потому что по закону нашей Греческой вѣры не повелось, чтобъ у крестнаго цѣлованья быть

патріарху: они чинъ духовный, великіе слуги Христовы первѣйшіе, всѣмъ архіепископамъ и епископамъ вышніе и ни у какой клятвы человѣческой быть имъ не возможно.» Московскіе послы отговорили также, чтобъ не цѣловать креста боярамъ и порубежнымъ людямъ.

Уговорились, что царь и король пошлютъ къ пограничнымъ христіянскимъ и бусурманскимъ государямъ объявить о своемъ вѣчномъ докончаніи; уговорились на счетъ посольскихъ провожатыхъ: послы съ обѣихъ сторонъ должны пріѣзжать со 100 провожатыми, посланники съ 30-ю, гонцы съ 6-ю; пословъ и посланниковъ больше двухъ мѣсяцевъ не держать. Польскіе коммиссары требовали, чтобъ обоимъ государямъ вольно было нанимать ратныхъ людей—королю въ Московскомъ государствѣ, а царю въ Польшѣ; Московскіе послы отложили эту статью до обсылки съ государемъ, потому что дѣло новое. Поляки требовали, чтобъ Запорожскимъ козакамъ шло жалованье отъ государя ежегодно, какъ имъ на то грамота дана и на самомъ дѣлѣ въ прошлыхъ годахъ бывало. Московскіе послы отвѣчали: «Козакамъ Запорожскимъ какое жалованье, и за какую службу давалось и какая у нихъ грамота есть,—того не упомнимъ; думаемъ, что то могло быть, когда Запорожскіе козаки великимъ государямъ служили, и теперь если начнутъ служить, то имъ государево жалованье будетъ по службѣ.»

Во время переговоровъ къ посламъ пришла изъ Москвы грамота, чтобъ они потребовали у Польскихъ коммисаровъ наряда, взятаго у Шеина подъ Смоленскомъ, потребовали бы этого въ знакъ любви государской: «за то бы стояли и говорили не торопко, потому что Полякамъ разорвать переговоровъ уже нельзя: вѣдомо государю подлинно, что Турскій салтанъ наступилъ на Польшу, въ Польшѣ и Литвѣ отъ Турскаго великое страхованье и король пошелъ назадъ къ себѣ въ Литву; еслибъ государь объ этомъ зналъ во время, то онъ бы имъ, посламъ, съ такою уступкою на стольких городахъ дѣлать не велѣлъ. Главные послы, бояринъ и окольничій должны говорить сердито, а остальные унимать и покрывать гладостью

и разговоромъ, чтобъ договора не разорвать и безславными не быть же.» Исполняя наказъ, Московскіе послы стали говорить коммиссарамъ о возвращеніи пушекъ, сказали и о тѣхъ двѣнадцати пушкахъ, которыя король отдалъ Шеину, но тотъ не взялъ измѣною своему государю. Коммиссары отвѣчали, что донесуть объ этомъ королю, при чемъ гетманъ Литовскій Радзивиллъ прибавилъ: «Вы намъ говорили о двѣнадцати пушкахъ, которыхъ не взялъ Шеинъ, будто бы измѣною своему государю: такъ вамъ бы такого слова не говорить и въ письмѣ не писать потому: взялъ весь нарядъ государь нашъ своею ратною силою, а не почьей-нибудь измѣнѣ, двѣнадцать же пушекъ, которыя были Шеину отданы, онъ подарилъ мнѣ по любви, а не по неволѣ, и тѣ пушки у меня, а не у короля, и отдать ихъ назадъ непригоже, потому что Шеинъ ими меня подарилъ.» Польскіе коммиссары требовали, чтобъ купцамъ ихъ можно было торговать въ Москвѣ и въ замосковныхъ городахъ; но Московскіе послы согласились только позволить имъ торговать въ пограничныхъ городахъ; что же касается до торговли въ Москвѣ и другихъ городахъ, то это дѣло отложили до тѣхъ поръ, пока Польскіе послы будутъ у царя въ Москвѣ. Уговорились — плѣнниковъ всѣхъ отпустить съ обѣихъ сторонъ безъ ограниченія, при чемъ Поляки не согласились на требованіе Московскихъ пословъ, чтобъ не отпускать тѣхъ, которые приняли православную вѣру или женились въ Россіи. Въ образцовой докончальной грамотѣ, присланной изъ Москвы, было внесено условіе, чтобъ въ уступленныхъ Польшѣ городахъ не трогать православіе. Польскіе коммиссары говорили объ этомъ съ великою досадою: «Какое вы въ насъ безвѣрство узнали? всякій человѣкъ себя остерегаетъ, а чужаго дома строить не замышляетъ; у насъ никакому человѣку свою вѣру держать не запрещаютъ; мы обѣщаемъ это подъ клятвою, а въ докончальную запись это внести зазорно, королю и намъ это будетъ въ стыдъ, какъ будто мы раззорители вѣръ?» И отказали съ шумомъ. Образцовая грамота Московская начиналась укоризнами, что Поляки нарушили перемиріе и т. п.; коммис-

сары объявили, что они такой грамоты допустить не могутъ: «заключенъ вѣчный миръ, говорили они, а въ началѣ грамоты будутъ укоризны! мы васъ укорять не хотимъ, и вы насъ не укоряйте» Два часа спорили объ этомъ, и наконецъ порѣшили оставить укорительныя слова.

Все было окончено 4-го Іюня. На прощаньѣ Польскіе комиссары говорили: «Такое дѣло великое и славное сдѣлалось, чего прежніе государи сдѣлать не могли: такъ на томъ бы мѣстѣ, гдѣ такое великое и славное дѣло совершилось, гдѣ стояли шатры, для вѣчнаго воспоминанья насыпать два большихъ кургана и сдѣлать на нихъ два столпа каменныхъ, одинъ на Московской, а другой на королевской сторонѣ, и на тѣхъ столпахъ написать государскія имена, также годъ и мѣсяцъ, какимъ образомъ и посредствомъ какихъ пословъ такое великое дѣло учинилось.» Шереметевъ съ товарищами не согласились на предложеніе, они отвѣчали: «въ Московскомъ государствѣ такихъ обычаевъ не повелось и дѣлать этого не для чего; все сдѣлалось волею Божіею и съ повелѣнія великихъ государей и написано будетъ въ посольскихъ книгахъ.» Шереметевъ далъ знать объ этомъ въ Москву и получилъ такой отвѣтъ: «Государевы послы сдѣлали хорошо, что у Литовскихъ пословъ отговаривали, потому что они начинаютъ дѣло новое; и впредь Литовскимъ посламъ отказывать, что дѣло нестаточное бугры насыпать и столпы ставить, быть тому непригоже и не для чего, потому что доброе дѣло учинилось по Божіей волѣ, а не для столповъ и бугровъ бездушныхъ.»

Въ началѣ 1635 года для закрѣпленія вѣчнаго мира присягою королевскою отправлены были въ Польшу великіе послы, бояринъ князь Алексѣй Михайловичь Львовъ-Ярославскій съ товарищами; ему данъ былъ наказъ: «Непремѣнно за то стоять накрѣпко, чтобъ король поцѣловалъ въ крестъ, а не въ блюдо.» Еще любопытнѣе вторая статья наказа: «Когда король велитъ положить на запись крестъ, то посламъ смотрѣть, чтобъ этотъ королевскій крестъ былъ съ распятіемъ; а если король закона Люторскаго, то ему цѣловать Евангеліе, развѣдать

подлинно, какой вѣры король? — Если будутъ настаивать, продолжаетъ наказъ, чтобъ Польскіе купцы ѣздили торговать въ Москву и замосковные города свободно, то отвѣчать: «Это дѣло не статочное, потому что многіе Польскіе и Литовскіе купцы станутъ пріѣзжать въ Москву и въ другіе города, станутъ привозить съ собою учителей Римской вѣры и приводить людей въ свою вѣру, а наша истинная православная христіанская вѣра Греческаго закона до сихъ поръ стоитъ крѣпко и непоколебимо, и впередъ также стоять будетъ Богомъ хранима и соблюдаема во вѣки, и другихъ никакихъ вѣръ у насъ не принимаютъ. Да въ Московское же государство пріѣзжаютъ иноземцы торговые люди Люторскаго и Кальвинскаго закона, а у Римлянъ съ ними за ту вѣру рознь: такъ ихъ Римской вѣры купцамъ съ Люторами и Кальвинами будетъ ссора; и безъ брани между ними за вѣру не обойдется.» Но, стоявъ накрѣпко, согласиться, чтобъ Польскіе купцы пріѣзжали въ Москву.

Паны потребовали отъ пословъ еще новой статьи, чтобъ въ обоихъ государствахъ были одинакія деньги; послы отвѣчали: «Одной цѣны установить нельзя: у васъ въ Польшѣ и Литвѣ золотымъ и ефимкамъ всегда цѣна бываетъ неровна; золотой у васъ теперь идетъ Русскими деньгами по рублю по двадцати одному алтыну по четыре деньги, а на Москвѣ золотой покупаютъ по тридцати алтынъ; ефимокъ у васъ покупаютъ по тридцати алтынъ, а на Москвѣ по шестнадцати алтынъ; да и потому нельзя, что въ Польшѣ и въ Литвѣ торгуютъ золотыми и ефимками, а для мелкой покупки грошами и шелегами мѣдными, въ Московскомъ же государствѣ Русскими копѣйками и Московками, хотя онѣ и дробны, за то сдѣланы изъ чистаго серебра.»

Когда всѣ переговоры были кончены, открылось для Московскихъ пословъ сильное затрудненіе. Еще на Поляновскомъ съѣздѣ между Шереметевымъ и Жадикомъ было договорено, что Поляки отдадутъ подлинный договоръ Жолкѣвскаго объ избраніи Владислава и всѣ другія бумаги, относящіяся къ смут-

ному времени; но теперь паны-рада прислали сказать Львову, что этого договора ищутъ, но нигдѣ отыскать не могутъ. Послы отвѣчали: «Поканамъ гетманскій договоръ и всякое письмо не отдадутъ, мы никакихъ дѣлъ дѣлать не станемъ и у короля при крестномъ цѣлованіи не будемъ; удивительное дѣло! давно ли то крестное цѣлованіе было, ваши великіе послы и сенаторы клялись, крестъ цѣловали, что гетманскій договоръ и всякое письмо будутъ отданы царскаго величества посламъ въ Варшавѣ, а теперь говорятъ, что договора не сыщутъ». Пріѣхали къ посламъ Христофъ Гонсѣвскій съ Албрехтомъ Гнжицкимъ и говорили: «Мы королю и панамъ-радѣ сказывали, что вы безъ гетманскаго договора никакихъ дѣлъ дѣлать не будете; король отъ этого сталъ печаленъ и паны-рада всѣ кручиноваты, велѣлъ король во всѣхъ скарбахъ своихъ искать договора». Потомъ пріѣхали къ посламъ Якубъ Жадикъ канцлеръ коронный, Албрехтъ Радзивиллъ канцлеръ Литовскій, Александръ Гонсѣвскій и говорили, что договора въ королевской казнѣ не сыщутъ; когда этотъ договоръ гетманъ Жолкѣвскій подъ Смоленскъ къ Жигимонту королю привезъ, то неизвѣстно, взялъ ли его у него король или нѣтъ, одно извѣстно, что Жигимонтъ король сыну своему Московскаго государства не прочилъ; думаютъ они, что договоръ о томъ или у Жолкѣвскаго, или у Льва Сапѣги, или у писаря Соколинскаго, которые всѣ померли, и теперь король послалъ искать договора въ Жолкву, отчину Жолкѣвскаго, также къ сыну Сапѣги и къ Соколинскимъ, а если договора не сыщутъ, то король укрѣпится крестнымъ цѣлованіемъ, что впередъ ему и по немъ всѣмъ будущимъ королямъ гетманскимъ договоромъ къ Московскому государству никакого причитанья не имѣть и не вспоминать во вѣки, также и панамъ-радѣ и всей рѣчи посполитой; а укрѣпленье объ этомъ договорѣ напишутъ, какъ вы сами, великіе послы, прикажете. Послы отвѣчали: «О гетманскомъ договорѣ хотите письмо дать за руками, но вы объ немъ письмо давали, и крестъ цѣловали, да солгали: и вы, паны-рада, какъ такія неправды дѣлаете, чего въ христіанскихъ государствахъ не дѣ-

лается? вѣдь вы зная про тотъ договоръ, что онъ есть у короля въ казнѣ, крестъ цѣловали? а теперь сказываете, что его не сыщете!» Паны отвѣчали: «Намъ самимъ большой стыдъ, что договора не сыщутъ, только это случилось безъ хитрости, не обманомъ, Богъ то видитъ, убей насъ Богъ душою и тѣломъ, если мы договоръ утаиваемъ; отпишите къ великому государю своему объ указѣ, а государь вашъ къ царскому величеству гонца своего пошлетъ, отпишетъ, что онъ, король на томъ крестъ цѣлуетъ, руку свою и печать приложитъ, и они сенаторы всею землею руки свои приложатъ же, что договору не сыскали». Послы продолжали говорить: «Видимъ мы, что вы этого письма намъ не хотите отдать неправдою, а у насъ это начальное дѣло». Паны продолжали клясться; наконецъ положили, что послы отпишутъ объ этомъ къ государю.

Царь прислалъ отвѣтъ, что согласенъ на сдѣлку относительно гетманскаго договора, но съ тѣмъ, чтобъ король отписалъ объ этомъ во всѣ государства. 23 Апрѣля назначено было днемъ королевской присяги; костелъ былъ великолѣпно убранъ, у большаго алтаря горѣло шесть свѣчей въ золотыхъ подсвѣчникахъ, распятіе и статуи на алтарѣ былъ изъ того же металла, музыка гремѣла на четыре хора. Начались толки, какъ Московскіе послы должны идти въ костелъ, передъ королемъ или за нимъ, или вести короля подъ руки, какъ былъ обычай? Они объявили, что вести короля подъ руки непригоже, грѣхъ большой вести кого нибудь къ присягѣ, тѣмъ болѣе короля; согласились идти передъ маршалкомъ. Когда уже процессія двинулась, послы стали требовать, чтобъ король, въ присутствіи всѣхъ, собственною рукою подписалъ обѣщанное утвержденіе. Король исполнилъ ихъ желаніе, и они очень обрадовались, говорили: «теперь видимъ, что вы искренно съ нами поступаете, будетъ вѣчный миръ». Они просили, чтобъ король и царь всегда называли другъ друга братьями; послѣдовало и на это согласіе. Король шелъ въ костелъ съ многочисленною свитою, кромѣ придворныхъ было при немъ два архіепископа и 16 свѣтскихъ сенаторовъ. Помолившись передъ большимъ алтаремъ, король

сѣлъ въ кресла; архіепископъ началъ проповѣдь; такъ какъ, по обычаю, онъ часто вставлялъ латинскіе тексты и сентенціи, то одинъ изъ пословъ сказалъ Литовскому канцлеру Радзивиллу, чтобъ запретилъ проповѣднику употреблять латинскія слова, непонятныя для нихъ пословъ; Радзивиллъ внутренно улыбнулся простотѣ этого народа, какъ самъ разсказываетъ. По окончаніи проповѣди архіепископъ подалъ королю крестъ и присягу; король громко прочелъ присягу и, прибавя условіе о гетманскомъ договорѣ, поцѣловалъ крестъ; но послы потребовали, чтобъ о гетманскомъ договорѣ была особая присяга, и король въ другой разъ долженъ былъ цѣловать крестъ, что очень утѣшило пословъ; за королемъ присягнули шесть сенаторовъ. По окончаніи присяги король, взявши грамоты, подалъ ихъ князю Львову и сказалъ: «Надѣюсь, что за Божіею помощію будетъ у насъ крѣпкая и вѣчная пріязнь съ государемъ вашимъ, братомъ моимъ; отдайте въ его руки этотъ задатокъ нашего братства, и кланяйтесь ему отъ моего имени по пріятельски». Послы низко поклонились; архіепископъ началъ пѣть: «Te Deum» и въ то же время раздалась пушечная пальба. На эту невиданную до того времени церемонію смотрѣли съ хоръ папскій нунцій и посолъ Флорентійскій.

Послы обѣдали у короля; были у него и на потѣхѣ «а потѣха была, какъ приходилъ къ Іерусалиму Ассирійскаго царя воевода Алафернъ, и какъ Юдиѳь спасла Іерусалимъ». Но послѣ потѣхи послы должны были исполнить печальное порученіе: Михаилъ приказалъ имъ выпросить у короля тѣло Шуйскихъ, царя Василія, его брата Димитрія и жены послѣдняго; въ наказѣ говорилось: «Если за тѣло царя Василія Поляки запросятъ денегъ, то давать до 10,000 и прибавить сколько пригоже, смотря по мѣрѣ, сказавши однако: «этого нигдѣ не слыхано, чтобъ мертвыхъ тѣла продавать»; а за тѣло Димитрія Шуйскаго и жены его денегъ не давать: то царскому тѣлу не образецъ». Когда послы сказали объ этомъ панамъ, тѣ отвѣчали, что донесутъ королю, и прибавили: «Отдать тѣло не годится; мы славу себѣ учинили вѣковую тѣмъ, что Московскій

царь и братъ его лежитъ у насъ въ Польшѣ, а погребены они честно и устроена надъ ними каплица каменная». Послы сказали на это: «Царя Василья тѣло уже мертво, прибыли въ немъ нѣтъ никакой, а мы вамъ за то поминки дадимъ, что у насъ случилось;» и посулили послы канцлеру коронному Якубу Жадику десять сороковъ соболей, и другимъ поминки посулили немалые. Тогда паны сказали: «Мы донесемъ объ этомъ королевскому величеству и совѣтовать ему будемъ, чтобъ тѣло отдать». Скоро посламъ дали знать, что король согласенъ; Жадикъ и Александръ Гонсѣвскій сказали имъ: «Королевское величество велѣлъ вамъ сказать, что онъ тѣло царя Василья Ивановича и брата его велѣлъ отдать, любя брата своего, великаго государя вашего; а еслибъ былъ Сигизмундъ король, то онъ бы ни за что не отдалъ, хотябъ ему палаты золота насыпали, то онъ и тогда бы ни одной кости не отдалъ». Посольскіе дьяки отправились въ каплицу, вмѣстѣ съ королевскимъ шатерничимъ и будовничимъ, которымъ она была приказана. Гробы находились подъ поломъ; когда дьяки велѣли взломать полъ, то увидали подъ нимъ палатку каменную, а въ палаткѣ три гроба, одинъ на правой сторонѣ, а два на лѣвой, послѣдніе поставлены одинъ на другомъ; одинокій гробъ на правой сторонѣ былъ царя Василья, на лѣвой на верху князя Димитрія, а подъ нимъ жены его. Изъ земли тѣла вынули честно, встрѣчали ихъ на дорогѣ изъ села Ездова къ Варшавскому посаду послы, стольники и дворяне со всѣми людьми съ великою честью; послы велѣли сдѣлать новые гробы, посмолить и поставить въ нихъ старые гробы. Король прислалъ атласъ золотный Турецкій да кружева кованыя золотныя да гвозди серебряные, велѣлъ гробъ царя Василья обить; на гробъ князя Димитрія прислалъ бархатъ зеленый, а на княгининъ гробъ камку зеленую, и отпустилъ король тѣло съ великою честію, но сенаторамъ и ближнимъ королевскимъ людямъ за этотъ отпускъ дано соболей на 3,674 рубля.

10 Іюня съ утра въ кремлѣ Московскомъ загудѣлъ реутъ, и народъ повалилъ къ Дорогомилову на встрѣчу тѣлу царя

Василія. Отъ Дорогомиловской слободы до церкви Николы Явленнаго на Арбатѣ, тѣло несли на головахъ дѣти боярскіе изъ городовъ, а за тѣломъ шелъ Рафаилъ епископъ Коломенскій, архимандриты, игумены и протопопы, которые были назначены встрѣчать тѣло въ Вязьмѣ; за тѣломъ же шли послы, князь Львовъ съ товарищами. У церкви Николы Явленнаго встрѣчалъ тѣло Павелъ, митрополитъ Крутицкій и Новоспаскій Архимандритъ Іосифъ, съ ними всѣхъ церквей деревяннаго города попы и дьяконы со свѣчами и кадилами; тутъ же встрѣчали бояре, князь Сулешевъ, да Борисъ Михайловичъ Салтыковъ, да окольничій Михайла Михайловичъ Салтыковъ въ смирномъ (траурномъ) платьѣ; служилые люди, гости и купцы встрѣчавшіе вмѣстѣ съ боярами, были также всѣ въ смирномъ платьѣ. Отъ Николы Явленнаго тѣло несли въ Арбатскія ворота Вздвиженкою къ Каменному мосту (черезъ Неглинную въ Кремль) дворяне Московскіе на плечахъ. Патріархъ Іоасафъ совсѣмъ освященнымъ соборомъ встрѣтилъ тѣло у церкви Николы Зарайскаго, (что у Каменнаго моста деревянный храмъ), въ ризахъ смирныхъ, и, учиня начало по священному чину, пошелъ за тѣломъ которое внесли въ Кремль черезъ Ризположенскія ворота. Когда поровнялись со дворомъ царя Бориса, то зазвонили во всѣ кололола, и тѣло внесли въ Архангельскій соборъ въ переднія двери отъ Казеннаго двора; государь встрѣтилъ у собора Успенскаго, недоходя рундука, за государемъ были бояре, думные и ближніе люди всѣ въ смирномъ платьѣ; въ Архангельскомъ соборѣ пѣли панихиду большую, а погребеніе было на другой день, 11 Іюня. ([9])

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

Посольство Песочинскаго и Санѣги въ Москву; неудовольствія противъ Польши, по поводу межевыхъ дѣлъ, умаленія титула и противузаконныхъ поступковъ Литовскихъ купцовъ; мнѣнія бояръ о поступкахъ Польскаго правительства; переходъ Малороссійскихъ козаковъ въ Московскую сторону. Сношенія съ Швеціею; первый Московскій резидентъ Францбековъ въ Стокгольмѣ; взглядъ Московскаго правительства на резидентовъ. Несостоявшійся договоръ съ Голштинскою компаніею о Персидской торговлѣ. Сношенія съ Турціею: посольство Кондырева и Бормосова, ихъ затруднительное положеніе по поводу Донскихъ козаковъ; второе посольство Ѳомы Кантакузина въ Москву и запись имъ данная; посольство Яковлева и Евдокимова въ Константинополь; третье посольство Кантакузина въ Москву; посольство Совина и Алфимова въ Константинополь; убіеніе воеводы Карамышева Донскими козаками; опасность посламъ отъ нихъ; разбой Донскихъ козаковъ на Каспійскомъ морѣ; посольства Прончищева и Бормосова, Дашкова и Сомова, Коробьина и Матвѣева въ Константинополь; грамота царская къ султану съ Буколовымъ; пріѣздъ Ѳомы Кантакузина па Донъ; сборы козаковъ подъ Азовъ; посольство въ Москву атамана Каторжнаго; выступленіе подъ Азовъ; убіеніе Кантакузина; взятіе Азова козаками и защита его отъ Турокъ; соборъ въ Москвѣ, въ слѣдствіе просьбы козаковъ государю взять отъ нихъ Азовъ; козаки оставляютъ Азовъ по приказанію государя; посольство Милославскаго и Лазоревскаго въ Константинополь.

Неудовольствія Донскихъ козаковъ; ихъ намѣреніе уйти на Яикъ. Сношенія съ Персіею и Грузіею. Намѣреніе государя вызвать изъ Даніи жениха для царевны Ирины Михайловны; посольство переводчика Ѳомина для освѣдомленія о сыновьяхъ короля Христіана IV; посольство королевича Вальдемара въ Москву; посольство Проѣстева и Патрикѣева въ Данію для сватовства; ихъ неудача; посольство въ Данію Петра Марселиса, который улаживаетъ дѣло; условія брака; пріѣздъ королевича Вальдемара въ Москву; представленіе его государю; статьи, поданныя Датскими послами боярамъ; разговоръ королевича съ государемъ; увѣщаніе къ принятію православія; письмо патріарха къ королевичу и отвѣтъ Вальдемара; неудачная попытка королевича уѣхать тайно изъ Москвы; разговоръ Марселиса съ Вальдемаромъ; дѣло Басистова; письмо Вальдемара къ царю и къ Польскому послу Стемпковскому.—Вѣсть изъ Турціи о самозванцѣ Иванѣ Дмитріевичѣ. Посольство князя Львова въ Польшу и дѣло о двухъ самозванцахъ. Болѣзнь и кончина царя Михаила.

(1635—1645.)

Такъ кончились войны, порожденныя смутнымъ временемъ; гробъ Шуйскаго съ торжествомъ былъ поставленъ между гробами царей Московскихъ, но гробы Годуновыхъ остались въ Троицкомъ монастырѣ: ибо гробъ Димитрія загораживалъ имъ дорогу въ Архангельскій соборъ. Нравственное и политическое успокоеніе Русскихъ людей, которое хотѣлъ произвести Шуйскій внѣшними средствами, завершилось теперь на гробѣ его, привезенномъ изъ Польши. Все пошло по прежнему: но въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ и городахъ Сѣверскихъ сидѣли Польскіе державцы, а въ землѣ Ижерской Шведскіе. Король Владиславъ искренно хотѣлъ мира и пріязни съ недавнимъ соперникомъ своимъ, царемъ Московскимъ; но послѣдній не переставалъ присылать посольства съ жалобами на подданныхъ Владиславовыхъ. Въ то время, какъ въ Варшавѣ Московскій посолъ князь Львовъ съ товарищами былъ свидѣтелемъ присяги королевской въ соблюденіи Поляновскаго мира, Польскіе послы

Песочинскій, каштелянъ Каменецкій и Сапѣга, писарь великаго княжества Литовскаго, сынъ знаменитаго Льва, были свидѣтелями царскаго крестоцѣлованія въ Москвѣ. Мы видѣли, что на Поляновскомъ съѣздѣ нѣсколько статей, требуемыхъ Польскими коммиссарами, было оставлено до того времени, какъ Польскіе послы будутъ въ Москвѣ; на этомъ основаніи теперь Песочинскій объявилъ боярамъ требованіе, чтобъ послѣ царя цѣловали еще крестъ въ ненарушеніи мира бояре и жители порубежныхъ мѣстъ: получилъ отказъ; потомъ требовалъ, чтобъ въ случаѣ смерти одного изъ государей, присяга возобновлялась его преемникомъ: и въ этомъ получилъ отказъ; требовалъ, чтобъ позволено было королю нанимать ратныхъ людей въ Московскомъ государствѣ: отказано: «Это дѣло новое, отвѣчали бояре: прежде этого не повелось; великаго государя люди ни въ которыя окрестныя государства не хаживали служить, потому что они православной христіянской вѣры Греческаго закона, и если имъ ходить на службу въ чужія государства, а поповъ Русскихъ съ ними не будетъ и въ церкви ходить не станутъ, то они будутъ помирать безъ покаянія.» О вольномъ пріѣздѣ на службу, пребываніи и бракахъ подданнымъ съ обѣихъ сторонъ отказано: «Великій государь нашъ, былъ отвѣтъ, противъ всякаго своего недруга стоитъ своими людьми а по времени смотря прибавляетъ и посторонних государствъ людей; теперь великій государь съ великимъ государемъ вашимъ учинялся въ братской дружбѣ, и потому его царское величество велѣлъ отпустить пріѣзжихъ иноземцевъ, заплатя имъ прямыя заслуги. Если великому государю понадобятся ратные люди, тогда, смотря по мѣрѣ, и мысль будетъ, а теперь принимать и держать у себя ратныхъ людей безъ дѣла убыточно; Польскіе и Литовскіе люди въ Московскомъ государствѣ на Русскихъ женахъ прежде не женивались, потому что великое Россійское государство православной вѣры, а въ Польшѣ и Литвѣ люди разныхъ вѣръ и быть тому соединенью не возможно.»

Первое затрудненіе, подававшее поводъ къ пересылкамъ и

жалобамъ, состояло въ опредѣленіи новыхъ границъ. Въ 1635 году отправленъ былъ къ королю посланникъ Юрій Телепневъ жаловаться на Польскихъ межевыхъ судей и на Польскихъ подданныхъ, поселившихся на Русскихъ Брянскихъ земляхъ. Ему данъ былъ наказъ: «Для того промыслу, чтобъ Литовскіе межевые судьи во всѣхъ мѣстахъ земли развели и захваченныя мѣста всѣ очистили по посольскому договору, послано съ нимъ Телепневымъ соболей на 500 рублей: такъ онъ, смотря по тамошнему дѣлу и развѣдавъ гораздо, кто изъ пановъ радныхъ при королѣ властію сильнѣе, сулилъ и давалъ соболей, кому сколько пригоже.» Но соболи не помогли: межевыя дѣла неоканчивались къ удовольствію Московскаго государя, а тутъ еще новое неудовольствіе, умаленіе титула. Въ Февралѣ 1637 года отправленъ былъ въ Польшу князь Семенъ Шаховской домогаться наказанія Польскимъ пограничнымъ воеводамъ за умаленіе государева титула, также переговорить о межевыхъ дѣлахъ и о плѣнныхъ. Относительно преступленія пограничныхъ державцевъ паны радные оправдывались тѣмъ, что эти державцы люди ратные, а не палатные, писать неумѣютъ, а титулы государевы широкіе, упомнить ихъ трудно. Московскіе послы возражали: «отъ чего же съ нашей стороны ничего подобнаго нѣтъ? кто когда умалялъ титулъ королевскій? Отъ того, что по заключеніи вѣчнаго мира ко всѣмъ пограничнымъ воеводамъ разосланы были образцовые листы какъ писать королевскій титулъ и приказано писать по нимъ подъ великимъ страхомъ. А у васъ что дѣлается? Мартынъ Калиновскій съ товарищами въ царскомъ именованьи написалъ вмѣсто Самодержецъ державца всея Руси! Ясно что умышленьемъ: не только Калиновскому съ товарищами, но и всякому человѣку это знать и разсудить возможно. Такъ королевское величество велѣлъ бы имъ за то учинить наказанье безъ пощады и тѣмъ свою государскую душу отъ грѣха освободилъ.» Паны отвѣчали: «Мартынъ Калиновскій и Лукашъ Жолкѣвскій государское именованье писали не по пригожу, и за то они на сеймѣ передъ всею рѣчью посполитою похулены, названы

людьми простыми, неучеными, и это имъ за великое безчестье и наказанье; покарать же такихъ людей за это нельзя, потому что они сдѣлали это по незнанію, впервые, и Богъ за грѣхи не вдругъ караетъ, милосердуетъ, и государь вашъ великій, христіанскій, набожный, милосердый, праведный государь также надъ ними казни никакой не захочетъ; притомъ королевское величество вольнаго шляхтича мимо установленнаго нашего исконнаго вольнаго права карать не можетъ безъ совѣта рѣчи посполитой; а что ведется по Московскому обычаю кнутить— то дѣло незбыточное, въ нашемъ государствѣ этого не повелось никогда. Оставимъ это дѣло: впередъ ничего такого не будетъ, станемъ говорить о межеваньѣ.» Шаховской возражалъ: «Оставя такое великое начальное главное дѣло, просите вы другаго дѣла; но межевое дѣло передъ тѣмъ послѣднее, самое большое дѣло государскую честь остерегать. Если васъ сенаторовъ кто-нибудь назоветъ не по отечеству, то вы за себя стоять будете ли и что ему за то сдѣлаете!» Паны отвѣчали: «Если кто назоветъ не по отечеству со злости, то за то какъ не стоять? «Шаховской: «Вы паны рада за свое безчестье хотите стоять, а великаго государя нашего именованье пишутъ со злою укоризною, называютъ Михаиломъ Филаретовичемъ, Ѳедоромъ Михайловичемъ: и вы говорите, что ихъ карать не доведется, какая же ваша правда?» Паны: «Карать не доведется, потому что сдѣлано ошибкою, а не со злости, если же станутъ впередъ такъ дѣлать, то ихъ будутъ карать.» Наконецъ паны взяли требованіе пословъ на письмѣ и сказали, что доложатъ объ немъ королю. Отвѣтъ послѣдовалъ такой: «Такъ какъ ошибки въ титулѣ сдѣланы были не хитростію, а по глупости, то царскому бы величеству тѣ ихъ безхитростныя вины отпустить по королевской просьбѣ, вины эти королевское величество на себя принимаетъ; а какъ теперь съ вами о государскихъ именованьяхъ утвердились, то королевское величество и мы паны радные велимъ царскаго величества именованье напечатать по-польски и разослать во всѣ порубежные города, и тогда уже никакой ошибки не будетъ;

если же объявится какая ошибка послѣ перваго Ноября, то уже за нее будетъ каранье безъ пощады; а на сеймѣ король станетъ говорить съ нами со всѣми панами радными и послами повѣтовыми, какое наказанье положить тому, кто впередъ сдѣлаетъ ошибку въ царскомъ титулѣ; что на сеймѣ положатъ, то въ конституціи напишутъ и, напечатавъ, во всѣ порубежные города разошлютъ.»

Уладивши это дѣло, начали споръ о границахъ Черниговскихъ и Путивльскихъ; тутъ между прочимъ паны сказали: «въ старыхъ лѣтописцахъ написано, что великій князь Михаилъ Черниговскій, происходившій отъ Олгерда и подчиненный Литвѣ, умеръ въ Москвѣ въ заточеньѣ.» Послы отвѣчали: «Неправда: Михаилъ Черниговскій замученъ въ ордѣ; да и вѣрить лѣтописцамъ нечего, пишутъ ихъ не съ уложенья, какъ кто захочетъ, такъ и пишетъ, и лѣтописецъ съ лѣтописцемъ не сходится, это не святыхъ отецъ уложенье.» Отпуская посланниковъ, паны радные говорили: «Великій государь нашъ съ братомъ своимъ, великимъ государемъ вашимъ хочетъ быть въ крѣпкой братской дружбѣ и любви какъ есть съ истиннымъ прирожденнымъ своимъ государскимъ пріятелемъ; ему и его дѣтямъ государь нашъ всякаго добра желаетъ, также и впередъ съ нимъ и съ его царскими дѣтьми и потомками самому себѣ и потомкамъ своимъ братства, дружелюбности и соединенія крѣпко желаетъ, чтобъ ихъ обоихъ великихъ государствъ люди жили въ покоѣ и тишинѣ, а поганскіе бусурманскіе народы, видя ихъ дружбу и любовь, были въ страхѣ и на христіянскихъ людей не посягали; мы паны радные и урядники за великаго государя своего и за всю рѣчь посполитую подъ присягою обѣщаемъ, что великій государь нашъ и мы паны радные и урядники и вся рѣчь посполитая ищемъ вседушно и со всякимъ прилежаніемъ желаемъ, чтобъ между государями нашими братская дружба и любовь множилась, а не умалялась, а ссоры и нелюбья съ королевскаго величества стороны отнюдь не будетъ. Также и васъ царскаго величества посланниковъ просимъ, донесите это до его царскаго величества, и

боярамъ и думнымъ людямъ, братьи нашей говорите усердно, чтобъ они великаго государя своего наводили на то, чтобъ онъ съ братомъ своимъ, великимъ государемъ нашимъ, былъ въ братской дружбѣ и любви неподвижно.»

Въ доказательство искренности этихъ желаній въ Іюлѣ 1637 года пріѣхали въ Москву Польскіе посланники, Янъ Оборскій и князь Самойла Соколинскій съ извѣстіемъ о намѣреніи королевскомъ вступить въ бракъ съ Цециліею Ренатою, сестрою императора. Объявивъ царю объ этомъ, посланники говорили: «къ такому великому честному дѣлу и браку радостному соблаговоли царское величество пословъ своихъ отправить и чрезъ это всему свѣту показать, что такими радостными потѣхами короля его милости брата своего истинно тѣшишься и радуешься. Когда ваше царское величество изволишь это сдѣлать, то не только сердце короля его милости въ братствѣ и любви къ себѣ утвердишь, но и подчиненные вамъ народы возрадуются надеждою согласія и любви, и за тѣмъ дай Богъ во вѣки неподвижнаго покоя и тишины; король же государь нашъ также будетъ умѣть показать передъ всѣмъ свѣтомъ свою неподвижную братскую любовь и крѣпкую вѣчную пріязнь.» Посланникамъ отвѣчали, что царь принимаетъ это въ любовь и освѣдомились, когда свадьба; послы отвѣчали, что 6 Сентября; на это бояре замѣтили, что срокъ малъ, послу не поспѣть изъ Москвы въ Варшаву; посланники отвѣчали, что король срокъ отложитъ и будетъ ждать посла. Тогда царь велѣлъ совѣтоваться о дѣлѣ всѣмъ боярамъ, и посланникамъ былъ данъ такой отвѣтъ: «царское величество удивляется, что вы посланники пріѣхали такъ поздно; теперь государю отправить посла своего къ королевскому величеству вскорѣ некогда, потому что пришло время осеннее, дорога будетъ дурная, будутъ грязи, дожди и г р у д ы (кочки), поспѣшить послу никакимъ образомъ нельзя будетъ; хотя бы королевское величество и подождать захотѣлъ, все же послу не поспѣть къ королевскому веселью; а для дружбы и любви великій государь къ брату своему пошлетъ посла для поздравленья, когда зимній путь станетъ.»

Дѣйствительно по зимнему пути были отправлены въ Варшаву окольничій Степанъ Проестевъ и дьякъ Леонтьевъ; они повезли новобрачнымъ богатые подарки, королю: братину золотую съ кровлею, съ яхонтами, лалами, изумрудами и жемчугомъ, цѣною въ 2,000 рублей, четыре сорока соболей на 1,500 рублей, да два соболя живыхъ; королевѣ золотой окладень съ дорогими каменьями, цѣною въ 600 рублей, три сорока соболей на 935 руб., да два соболя живыхъ. Въ наказѣ посламъ говорилось: «Какъ велитъ имъ король быть у себя на посольствѣ, а про королеву имъ скажутъ, что и та съ королемъ тутъ же вмѣстѣ будетъ, то отвѣчать, что они на посольство идти готовы, но прибавить: когда у великаго государя бываютъ послы великихъ государей, то государыня царица тутъ не бываетъ, и у прежнихъ великихъ государей того не бывало же; сказавши это, идти къ королю на посольство. Если позовутъ къ королевѣ особо, то идти, поминки явить и къ рукѣ идти, а если королева станетъ имъ говорить рѣчь, то отвѣтъ учинить и говорить такъ, какъ бы государскому имени къ чести и къ повышенью и государствамъ его къ расширенью. Если король позоветъ къ себѣ обѣдать, то дворянамъ и посольскимъ людямъ приказать накрѣпко, чтобъ они сидѣли за столомъ чинно и остерегательно, не упивались и словъ дурныхъ между собою не говорили, а середнихъ и мелкихъ людей въ палату съ собою не брать для того, чтобъ отъ нихъ пьянства и безчинства не было, велѣть имъ сидѣть въ другой палатѣ, а бражниковъ и пьяницъ и на королевскій дворъ съ собою не брать.»

Но Проестевъ и Леонтьевъ отправлялись не для одной учтивости, не для одного показанія братства и любви отъ царскаго къ королевскому величеству; опять имъ велѣно было требовать наказанія людямъ, ошибшимся въ царскомъ титулѣ: «говорить о томъ панамъ-радѣ и на то ихъ наговаривать всякими мѣрами и многими разговорами и пространными словами. А если паны скажутъ, что велѣно за непригожія письма Дорогобужскаго дьячка поучить, а державцу Поплонскаго съ уря-

ду скинуть, то отвѣчать: про то и слышать стыдно, что за такія великія вины велѣно учинить малое наказанье; такое малое наказанье чинятъ за безчестье простыхъ людей, а не за государское. Бывши у короля и объявя дѣла по государеву наказу, для большаго начальнаго дѣла, государевой чести посланникамъ проситься на сеймъ ко всей рѣчи посполитой, объявить имена тѣхъ людей, которые писали въ листахъ царскаго величества именованье не по его царскому достоинству, требовать, чтобъ паны рада и вся рѣчь посполитая о томъ порадѣли и тѣмъ людямъ учинили, смотря по ихъ винамъ, казнь, а инымъ наказанье жестокое. Если же не будетъ этимъ людямъ казни, то отъ такихъ непригожихъ ссорныхъ дѣлъ между государями какому добру быть? Да и про межевое дѣло на сеймѣ объявить, что оно продлилось мимо посольскаго договора многое время за неуступчивостію и упорствомъ королевскихъ судей; на Путивльскій рубежъ присланъ въ межевые судьи бискупъ Кіевскій, который въ этомъ дѣлѣ самъ истецъ и дѣлаетъ, что ему надобно, въ царскаго величества земли вступался неправдою, угождая Кіевскимъ и Черниговскимъ людямъ, которые тѣ земли засѣли. Говорить, что многіе плѣнники не отпущены; жаловаться, что королевскіе посланники на возвратномъ пути изъ Москвы въ Дорогобужѣ принимали къ себѣ Русскихъ людей, свезли изъ Москвы печатнаго двора мастера Никиту Нестерова, котораго приставъ у нихъ взялъ. Жаловаться на купцовъ Литовскихъ: по вѣчному докончанію купцамъ Польскимъ и Литовскимъ велѣно торговать въ порубежныхъ городахъ, а въ Москву и замосковные города не пріѣзжать, въ Москву пріѣзжать только съ послами; также и Московскимъ купцамъ пріѣзжать въ Вильну и Краковъ только съ послами. Но Польскіе купцы, мимо договора, проѣзжали въ замосковные города и подъ Москву проселочными лѣсными дорогами, провозили вино горячее и табакъ. Которые Литовскіе купцы оставались въ Москвѣ послѣ Литовскихъ посланниковъ для торгу, будто не исторговались, а иные оставались для сыску плѣнныхъ, и тѣ купцы начали воровать, продавать

вино и табакъ, и тѣмъ въ людяхъ многую смуту чинили; табакъ у нихъ вынутъ и сожженъ передъ ними же, чтобъ имъ не повадно было впередъ вино и табакъ на продажу привозить. Литовскихъ купцовъ, которые пріѣзжали въ Оскольскій уѣздъ самовольствомъ съ виномъ и табакомъ, Оскольскій воевода Константинъ Пущинъ ограбилъ; за это великій государь велѣлъ его по сыску казнить смертью, а сыну его и другимъ 25 человѣкамъ, которые также оказались виноваты въ этомъ дѣлѣ, велѣлъ учинить наказанье жестокое при Литовскихъ людяхъ, которые для сыску пріѣзжали, и грабежное имъ отдано. Государь нашъ и за обычныхъ Литовскихъ людей корчемниковъ не пощадилъ воеводы и многихъ людей, а королевское величество и вы паны радные за большое начальное дѣло, за царскаго величества именованье, казни смертной никому учинить не велѣли! Въ Тверь пріѣзжало двое Литовскихъ купцовъ, одинъ изъ Вильны, другой изъ Смоленска, съ виномъ и табакомъ; изъ Твери они высланы назадъ и для обереганья посланъ съ ними приставъ; но они, отъѣхавъ отъ Твери 5 верстъ, пристава отъ себя отбили и поѣхали самовольствомъ къ Ярославлю, многіе города объѣзжая воровствомъ; когда пріѣхали они въ Ярославль, то ихъ изъ Ярославля выслали, а они начали по деревнямъ съ виномъ и табакомъ ѣздить; за такое воровство они посажены въ Ярославлѣ въ тюрьму, и потомъ изъ тюрьмы выпущены, а заповѣднаго товару, бочка съ виномъ у нихъ разсѣчена и табакъ сожженъ.»

Посланники должны были объявить панамъ, что Крымскій ханъ Богатырь-Гирей послалъ брата своего Нурадина на Московскія украйны за то, что Донскіе козаки Азовъ взяли, и Нурадинъ въ грамотѣ своей объявилъ, что съ нимъ идутъ Днѣпровскіе козаки: царское величество Крымской грамотѣ не вѣритъ, чтобъ королевское величество пустилъ Запорожскихъ козаковъ къ Крымскому царю на помощь. Если паны радные скажутъ, что король за то козаковъ смиряетъ, а козаки избывая наказанья, перебѣгаютъ на царскую сторону, то отвѣчать: «въ посольскомъ договорѣ не написано, чтобъ перебѣж-

чиковъ не принимать, а что въ посольскомъ договорѣ не написано, о томъ и вспоминать не пригоже.» Если спросятъ: бываетъ ли у царскаго величества ссылка съ папою Римскимъ? отвѣчать: «съ папою Римскимъ царскому величеству ссылки не бывало и ссылаться съ нимъ не о чемъ: Римская область отъ Московскаго государства далеко, между ними прошли многія государства и земли, и впередъ ссылки быть не для чего». — Наконецъ посламъ велѣно въ Польшѣ и Литвѣ заказать мастеру написать лица порознь: лицо царя Василія Ивановича Шуйскаго, лицо патріарха Филарета, лицо Владислава короля и королевы.

Проестевъ и Леонтьевъ представились королю и поднесли ему поминки, которые Владиславъ велѣлъ положить передъ собою на землю, на коврѣ; но послы сказали, что царскаго величества любительные поминки на землю класть не годится, а достойно ихъ принять честно; тогда король велѣлъ поминки принимать ближнимъ своимъ людамъ, которые стояли подлѣ него. Отъ короля послы ходили представляться къ королевѣ. Король прислалъ звать ихъ во дворецъ смотрѣть комедіи, а по русски потѣха; послы отвѣчали, что готовы ѣхать смотрѣть комедію, но съ тѣмъ, чтобъ при этомъ другихъ пословъ и посланниковъ не было. Приставъ увѣрилъ, что никого не будетъ; но когда они уже пріѣхали во дворецъ, то узнали, что на потѣхѣ будетъ легатъ папскій; паны говорили имъ: Легатъ живетъ въ Варшавѣ для духовныхъ дѣлъ, а не для посольскихъ, во всѣхъ государствахъ даютъ ему съ правой руки мѣсто, и вамъ бы посламъ тѣмъ его почтить.» Но послы отвѣчали: «Только папину легату съ нами сидѣть вмѣстѣ по правую руку, то мы комедіи смотрѣть не пойдемъ.» Доложили королю, который велѣлъ сказать посламъ, что по правую руку отъ королевы будетъ сидѣть братъ королевскій Карлъ, бискупъ Вратиславскій, а по лѣвую сестра королевская Екатерина, а вамъ посламъ велѣно устроить мѣсто отъ королевны Екатерины по правую сторону. Послы согласились и въ статейномъ спискѣ написали, что у королевны съ лѣвой стороны сидѣлъ

папинъ легатъ, а они послы сидѣли на правой сторонѣ, отъ королевина и королевичева мѣста съ полсажени, вровень съ королевичевыми креслами.

На посольскія статьи о нарушеніи государевой чести данъ былъ отвѣтъ, что панамъ, виновнымъ въ умаленіи титула, сдѣланъ выговоръ, а объ дьячкахъ положено: если шляхтичь, то посадить его на полгода въ тюрьму, а если простой человѣкъ, то бить кнутомъ. На счетъ межевыхъ дѣлъ отвѣчали, что вся правда на Польской сторонѣ; о плѣнникахъ,— что много плѣнныхъ еще въ Московскомъ государствѣ; о купцахъ—что сами Московскіе порубежные воеводы отъ Литовскихъ купцовъ посулы и подарки берутъ и грамоты проѣзжія даютъ, а въ другихъ городахъ, не смотря на грамоты, въ тюрьму ихъ сажаютъ; о Запорожцахъ—что Нурадинъ солгалъ, Запорожцевъ въ Турецкомъ войскѣ никогда не бывало. Когда Проестевъ привезъ этотъ отвѣтъ въ Москву, то царь послалъ его въ Тулу, къ боярамъ и воеводамъ, бывшимъ на береговой службѣ, къ князю Ивану Борисовичу Черкасскому съ товарищами, спросить ихъ, что̀ ихъ мысль? Главный воевода Черкасскій отвѣчалъ государю: «мы холопы твои къ твоимъ государевымъ боярамъ и окольничему писали и выписку съ отвѣтнаго письма пановъ радныхъ къ нимъ разослали, каждому особый списокъ, чтобъ они подумали объ этомъ и мысль свою отписали. И я, холопъ твой Ивашка съ товарищами думали о начальномъ, большомъ дѣлѣ, о твоемъ государскомъ титулѣ, о томъ, какое наказаніе сдѣлано Потоцкому и дьячку: паны написали неправдою, вопреки своему сеймовому послѣднему приговору; когда были у тебя королевскіе посланники, то клали передъ боярами книгу печатную своего сейма и въ ней написано: кто станетъ послѣ этого сейма писать твое государево имя съ умаленьемъ, того казнить смертью; а теперь написали малое наказанье.» Князь Прозоровскій писалъ, что за государскую честь должно стоять. Иванъ Шереметевъ писалъ: «какъ государю угодно, такъ и сдѣлаетъ; теперь о такомъ великомъ государственномъ дѣлѣ, не при государскихъ очахъ будучи, и

безъ своей братьи мыслить больше того не умѣть, а за государскую честь должно намъ всѣмъ умереть.» Князь Иванъ Голицынъ писалъ: «которые Литовскіе города, села и слободы поставлены на государевой Путивльской землѣ—всего не упамятовать, грѣхомъ своимъ я безпамятенъ, мысль мнѣ дать на такое великое государственное дѣло по моему малоумію мысль моя не осяжетъ. А что они пишутъ о государевой чести, о титулѣ, то и намъ, его государевымъ холопамъ за наше безчестье управа больше. А союзъ Польскій противъ Крымцевъ намъ не нуженъ: мнится мнѣ, что никакими мѣрами нашимъ Русскимъ людямъ служить вмѣстѣ съ королевскими людьми нельзя ради ихъ прелести, потому: пришлютъ Черкасъ, будутъ съ ними и Поляки, одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины Русскихъ лучшихъ людей, не только что боярскихъ людей, останется кто старъ или служить не захочетъ, а бѣдныхъ людей не останется ни одинъ человѣкъ.» Князь Дмитрій Пожарскій писалъ къ Черкасскому: «мнѣ, князь Иванъ Борисовичь, одному какъ свою мысль отписать? прежде всего нужно оберегать государское именованье; о гонцахъ и купцахъ написано въ утвержденныхъ грамотахъ, а про межеванье и про писцовъ его государская воля, какъ ему государю годно и какъ вы бояре приговорите; а хорошо, еслибъ межевое дѣло Богъ привелъ къ концу, чтобъ ему государю было годно и безкручинно и всѣмъ бы православнымъ христіянамъ быть въ покоѣ и тишинѣ.»

Выслушавши эти отвѣты бояръ своихъ, государь указалъ послать къ королю Владиславу гонца съ грамотою, въ которой предлагалъ спорныя земли измѣрить и подѣлить пополамъ; кромѣ того царь требовалъ, чтобъ король позволилъ сыскивать въ Литвѣ Русскихъ плѣнныхъ. Гонцу былъ данъ наказъ: «Если будутъ говорить: Черкасы королевскому величеству были непослушны, и королевское величество велѣлъ ихъ за то смирить и за вины наказанье учинить: и тѣ многіе Черкасы пошли въ царскаго величества города; этимъ царское величество

учинилъ брату своему королю нелюбовь, что такихъ воровъ и самовольниковъ велѣлъ принять. Если король станетъ объ этомъ писать къ царскому величеству, то государь вашъ велитъ ли ихъ отдать?—На это гонецъ долженъ былъ отвѣчать: «вамъ самимъ вѣдомо, что въ договорѣ не написано перебѣжчиковъ отдавать, а сколько Черкасъ перешло, о томъ изъ городовъ грамоты не бывали, и слухъ есть, что во многія мѣста Черкасы разошлись кромѣ государевыхъ городовъ; а если не спросятъ, то самому не начинать.»—Король отвѣчалъ, что не можетъ согласиться на дѣлежъ спорныхъ земель пополамъ. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ пересылокъ, въ Февралѣ 1640 года пріѣхали въ Москву королевскіе посланники Стахорскій и Раецкій. По случаю ихъ пріѣзда земскій приказъ получилъ память: «вѣдомо государю учинилось, что Литовскіе купцы, которые пріѣхали теперь съ Литовскими посланниками, привезли съ собою на продажу вино горячее и табакъ, продаютъ ихъ самобольно всякимъ людямъ и этимъ между людьми ссоры чинятъ: государь заказалъ всякимъ людямъ накрѣпко подъ смертною казнію, чтобъ не покупали.» Посланники объявили, что пишущіе неправильно царскій титулъ будутъ наказаны, по уложенью, жестоко, безъ пощады; но послѣ этого объявленія подали затруднительную статью о Запорожскихъ Черкасахъ: козаки, разгромленные королевскими войсками, тысячь съ 20 и больше, изъ разныхъ городовъ и мѣстъ пошли и много людей съ собою въ неволю захватили, которыхъ въ разныхъ мѣстахъ продавали, напримѣръ двухъ сыновей и двухъ дочерей пана Длускаго и множество другихъ людей продали или отдали Путивльскому воеводѣ Никифору Юрьевичу Плещееву; этихъ людей у него отыскивали, но онъ не отдалъ и теперь держитъ у себя въ Москвѣ. Тѣ же измѣнники козаки засѣли новыя слободы царскаго величества въ степяхъ, а именно на Усерди, подъ Ливнами, подъ Яблонновымъ, подъ Новосилемъ, подъ Мценскомъ, подъ Осколомъ, подъ Валуйками, подъ Воронежемъ, подъ Михайловымъ, подъ Дѣдиловымъ, подъ Гремячимъ, подъ Дудинскомъ, подъ Рыльскомъ, подъ Кур-

скомъ, подъ Путивлемъ, подъ Сѣвскомъ и подъ иными старыми городами царскаго величества. До королевскаго величества дошелъ слухъ, что самые большіе измѣнники и заводчики того множества, Яцко Остреница да Андрюшка Гуня въ Азовѣ со многими старшинами засѣли и живутъ. Всѣ эти измѣнники перебѣжали въ Московскіе города съ женами и дѣтьми, а царское величество ихъ жалуетъ и на службу свою посылаетъ, а надобно было бы, чтобъ, по суду Божію и по указу королевскаго величества, и колы то тѣ уже подгнили, на которыхъ бы они посажены были. Въ докончательныхъ грамотахъ написано:—кто будетъ недругъ королевскому величеству, тотъ и царскому величеству недругъ, а подданные измѣнники хуже всякаго недруга: такъ царскому бы величеству тѣхъ всѣхъ 20,000 козаковъ со старшинами Яцкою Остреницею и Андрюшкою Гунею выдать непремѣнно, чтобъ королевское величество всему свѣту и всѣмъ христіянскимъ государямъ не жаловался.» Царь отвѣчалъ Владиславу въ своей грамотѣ, что онъ недоволенъ его рѣшеніемъ относительно людей, которые умаляли титулъ: «вы, братъ нашъ, этимъ людямъ казни и наказанія не учинили, и не спрашивая ихъ въ такихъ великихъ винахъ, заочно оправдали не дѣломъ, вымышляя мимо всякой правды, будто они Русскаго письма и рѣчи не знаютъ.» Царь по прежнему требовалъ казни виновнымъ. О Запорожцахъ отвѣчалъ: «пришли немногіе люди, а не 20,000; въ докончальныхъ грамотахъ не сказано, чтобъ перебѣжчиковъ выдавать, а чего въ докончальныхъ грамотахъ не написано, того дѣлать и вновь начинать непригоже.» Такимъ образомъ кромѣ неудовольствій на счетъ умаленія титула и размежеванія границъ, со стороны Малороссіи поднималась туча, готовая разразиться снова страшною войною.

Съ Швеціею не было споровъ ни о титулѣ, ни о границахъ, ни о Черкасахъ Запорожскихъ, а потому дружелюбныя сношенія поддерживались и при наслѣдницѣ Густава Адольфа, Христинѣ. Послѣ заключенія Поляновскаго мира, единственственный интересъ Шведскаго правительства въ сношеніяхъ съ

Московскимъ состоялъ въ томъ, чтобы царь позволялъ Шведамъ покупать въ Россіи хлѣбъ по своей цѣнѣ. Для этого въ 1634 году Христина прислала царю въ подарокъ 10 пушекъ со всѣми снарядами, да 2,000 мушкетовъ, цѣною въ 9,043 рубля. Въ Москвѣ, послѣ Меллера, Шведскимъ резидентомъ былъ Крузбіорнъ, которому царь приказалъ давать корму по 35 рублей въ мѣсяцъ; а въ Стокгольмъ въ 1635 году былъ отправленъ Русскій резидентъ или пребывательный агентъ, Дмитрій Францбековъ (Фаренсбахъ), крещеный иноземецъ, которому королева велѣла выдавать такую же сумму, какая выдавалась Крузбіорну въ Москвѣ, но писала царю, что у другихъ великихъ государей не ведется агентамъ на кормъ деньги давать, не ведется для всякаго неисправленья и ссоры, какая можетъ отъ того приключиться, и потому королева полагается на царскаго величества сосѣдское и любительное изволеніе, получать ли резиденту кормъ отъ своего правительства или отъ того, при которомъ онъ находится. Францбековъ началъ жалобами, что еще на дорогѣ его во многихъ мѣстахъ безчестили, людишекъ били и рухлядь многую покрали; а въ Стекольнѣ поставили его за городомъ на кабацкомъ дворѣ, къ дворнику приходятъ Нѣмцы пьяные, и его, агента безчестятъ; онъ жаловался королевинымъ думнымъ людямъ, но тѣ не обратили на его жалобы вниманія; наконецъ 25 Апрѣля 1635 года ночью пришли на дворъ Нѣмцы и начали его людишекъ сѣчь и посѣкли двухъ человѣкъ; на жалобу его Шведскіе думные люди опять управы не дали, только велѣли мужика съ двора свести, который кабакъ держалъ. Францбековъ жаловался также, что въ Стокгольмѣ выдаютъ ему съ товарищами по 70 ефимковъ въ мѣсяцъ, а хлѣбъ и всякіе запасы передъ Московскою цѣною стоятъ дороже вдесятеро. Онъ говорилъ объ этомъ думнымъ людямъ, но тѣ отвѣчали, что и Шведскому агенту 35 рублей въ мѣсяцъ мало въ Москвѣ, и ему посылаютъ изъ королевской казны въ прибавку двѣ тысячи ефимковъ. Королева въ свою очередь жаловалась царю, что люди Францбекова такъ избили на своемъ дворѣ одного

Шведа, что тотъ скоро послѣ того умеръ. Царь писалъ королевѣ: «Былъ у насъ прежній вашъ агентъ Яганъ Меллеръ, жилъ на Москвѣ четыре года, кормъ и питье получалъ ежемѣсячно, и вы ничего къ нимъ не писали о томъ, чтобъ ему корму не давать; а нашъ агентъ отпущенъ къ вамъ немного больше полугода, и ты пишешь, чтобъ агентамъ на обѣ стороны быть на своихъ проторяхъ. Пишешь, что люди нашего агента били вашего служилаго человѣка, отъ чего онъ и умеръ; но задоръ произошелъ отъ вашего человѣка, который нашего человѣка по лицу шпагою ранилъ; мы вашимъ торговымъ людямъ вездѣ дворы добрые отвели, а нашимъ торговымъ людямъ въ Стекольнѣ до сихъ поръ дворъ не отведенъ.» Къ Францбекову государь писалъ, чтобъ жилъ смирнѣе, въ обидныхъ дѣлахъ билъ челомъ королевѣ, а самъ не управлялся: «ты оказался въ чужомъ государствѣ такимъ дурнымъ дѣломъ, что и слышать стыдно, самому управляться и до смерти побивать человѣка не пригоже.» Положено было, что агенты съ обѣихъ сторонъ будутъ жить на своихъ проторяхъ; но Францбековъ послѣ того не долго оставался въ Стокгольмѣ: въ Апрѣлѣ 1636 года онъ былъ отозванъ въ Москву такою царскою грамотою: «по нашему указу велѣно вамъ быть въ Швеціи и провѣдывать всякихъ вѣстей, и какихъ вѣстей провѣдаете, о томъ велѣно было вамъ писать къ намъ въ Москву часто. Вы жили въ Швеціи не малое время, а къ намъ о вѣстяхъ не писывали, если же и писали, то дѣло не большое, и потому указали мы вамъ ѣхать изъ Швеціи назадъ въ Москву. Но Крузбіорнъ остался здѣсь и продолжалъ подавать въ Посольскій приказъ вѣстовыя письма объ успѣхахъ Шведскаго оружія въ Германіи, во время Тридцатилѣтней войны. Для доброй дружбы и любви, царь велѣлъ дать ему взаймы 3,000 пудъ селитры, потомъ, по вѣрющему письму королевы Христины, дано было ему взаймы 1,000 рублей денегъ. Но въ Москвѣ тяготились резидентами, какъ видно изъ царской грамоты 1642 года къ Псковскому воеводѣ, который извѣщалъ, что въ Ригу отъ королевы Христины пріѣхалъ Петръ Лоффельтъ,

назначенный резидентомъ въ Москву на смѣну Крузбіорна: «про резидентовъ и агентовъ въ мирномъ договорѣ не написано; въ прошлыхъ годахъ пріѣхалъ къ намъ славныя памяти Густава Адольфа короля гонецъ Яганъ Меллеръ съ королевскою вѣрющею грамотою и для хлѣбной покупки, и по королевской грамотѣ велѣно ему быть на Москвѣ для всякихъ государственныхъ дѣлъ въ агентахъ, и былъ онъ на Москвѣ агентомъ года съ два, и какъ его не стало, то на его мѣсто пріѣхалъ агентъ Петръ Крузбіорнъ, а отъ нашего царскаго величества къ государынѣ ихъ королевѣ Христинѣ въ Стеколню въ агенты посланъ былъ Дмитрій Францбековъ для Польскихъ и Литовскихъ вѣстей, потому что у насъ въ то время была война съ Владиславомъ королемъ Польскимъ, а теперь между нами и королемъ Владиславомъ мирное вѣчное докончаніе, также и съ другими окрестными государствами покой и тишина, и мы велѣли нашему агенту Дмитрію Францбекову изъ Швеціи быть къ намъ въ Москву, потому что ему тамъ быть не для чего, и съ тѣхъ поръ нашихъ агентовъ въ Швеціи нѣтъ и дѣлать имъ тамъ нечего, да и за Шведскимъ агентомъ, который теперь живетъ въ Москвѣ, государственныхъ большихъ никакихъ дѣлъ нѣтъ, слѣдовательно и тому новому агенту Петру Лоффельту въ наше Россійское государство ѣхать не зачѣмъ; въ посольскомъ договорѣ про резидентовъ и агентовъ, что имъ жить въ нашихъ государствахъ, не написано, а мимо мирнаго договора дѣлать непригоже, чтобъ вѣчному докончанію противно не было.» Крузбіорнъ однако оставался въ Москвѣ до конца царствованія.

Мы видѣли, что при Филаретѣ Никитичѣ ни Англичанамъ, ни Французамъ, ни Голландцамъ не дано было дороги въ Персію; но по смерти Филарета Никитича взглядъ, какъ видно, перемѣнился, и въ Декабрѣ 1634 года, заключенъ былъ договоръ съ Голштинскими послами Филиппомъ Крузіусомъ и Отономъ Брюгеманомъ о дозволеніи компаніи Голштинскихъ купцовъ торговать съ Персіею и Индіею черезъ Московское государство, въ продолженіи десяти лѣтъ. Компанія обязалась

давать ежегодно въ царскую казну по 600,000 большихъ ефимковъ, за что пошлинъ она уже никакихъ не платила; обязалась представлять въ Посольскій приказъ роспись своимъ товарамъ, и если которые изъ нихъ понадобятся въ государеву казну, то обязана отдать ихъ туда по прямой цѣнѣ. Голштинцы должны были покупать въ Персіи всякіе товары, шелкъ сырой, каменье дорогое, краски и другіе большіе товары, которыми Русскіе купцы не торгуютъ, сыраго шелку въ краску въ Персію не давать, крашеными шелками торговлѣ Русскихъ людей не мѣшать, крашеныхъ шелковъ, бархатовъ, атласовъ, камки Персидской золотой и шелковой, дороги всякой, кутни всякихъ цвѣтовъ, зенденей, киндяковъ, сафьяновъ, краски крутику и мягкой, миткалей, кисей, бязи, кумачей всякихъ, выбойки, бумаги хлопчатой, кушаковъ, ревеню, корня чепучиннаго, пшена сорочинскаго, нашивокъ, поясковъ шелковыхъ, саблей, полосъ, ножей тулунбасовъ, луковъ ядринскихъ и мешецкихъ, поручей и доспѣховъ всякихъ, ковровъ, попонъ, шатровъ, палатокъ, полстей, орѣшковъ чернильныхъ, ладану и москательныхъ всякихъ товаровъ и селитры, которыми прежде торговали Русскіе купцы — этихъ товаровъ не покупать. Голштинцы не могли торговать въ Россіи товарами, которые они будутъ привозить изъ Персіи, должны везти ихъ прямо въ свою землю; если Голштинцы въ Персіи и Индіи станутъ покупать краску крутикъ и мягкую, то они не должны провозить ее мимо Россійскаго государства, но должны отдавать въ царскую казну ежегодно по четыре тысячи пудовъ крутику, если царскому величеству будетъ надобно, а если будетъ надобно меньше, то дать сколько надобно, получая изъ казны денегъ по пятнадцати рублей за пудъ, потому что эту краску покупаютъ въ Индіи по два рубля пудъ, а въ Персіи по семи рублей; ревеню обязаны Голштинцы давать въ казну по 30 пудовъ, да столько же чепучиннаго корня, отдавать ихъ въ казну и Русскимъ торговымъ людямъ по той цѣнѣ, почемъ они въ Персіи станутъ покупать; а если Голштинцы станутъ продавать свои товары, то должны платить пошлину.

Быть въ Голштинской компаніи торговымъ людямъ изъ разныхъ Голштинскихъ городовъ тридцати человѣкамъ, за исключеніемъ всякихъ иноземцевъ. Для обороны своихъ кораблей на Волгѣ компанія посылаетъ на десяти корабляхъ по 400 вооруженныхъ людей, на каждомъ кораблѣ по 40, имѣетъ на корабляхъ середнія и малыя пушечки, ручные самопалы и всякое оружіе, но эти пушки и оружіе Голштинцы не должны оставлять или продавать въ Персіи, мѣди никакой не должны возить туда; если случится имъ на пути грабежъ отъ Русскихъ людей или иноземцевъ, то имъ того не спрашивать у царскаго величества; если имъ понадобятся прибавочные люди, то они могутъ нанимать Русскихъ солдатъ и рабочихъ людей, которые захотятъ добровольно наниматься, но чтобъ только это были вольные люди, а бѣглыхъ съ собою на корабляхъ на низъ не возить. Корабли строить въ землѣ царскаго величества, и лѣсъ покупать у царскихъ подданныхъ вольною торговлею, плотниковъ нанимать царскихъ подданныхъ охочихъ людей, и отъ этихъ плотниковъ корабельнаго мастерства не таить; къ ворамъ не приставать, лиха на государя не мыслить, что узнаютъ дурнаго—извѣщать; костеловъ своей вѣры въ данныхъ имъ мѣстахъ и купленныхъ не строить, Божію службу совершать въ домахъ, папежской вѣры поповъ и учителей и никакихъ Латинской вѣры людей съ собою въ Россійское государство не привозить и тайно у себя не держать, подъ страхомъ смертной казни. Если компанія въ которомъ году не заплатитъ выговоренной суммы, то взять на ней за то вдвое; а если царскому величеству торговля компаніи будетъ не прибыльна, то вольно ему, выждавъ года два или три, а по большой мѣрѣ пять лѣтъ, отказать, и герцогу Фридриху Голштинскому за то на него нелюбья не держать.

Предложеніе было принято, Голштинскіе послы съѣздили въ Персію, получили позволеніе отъ шаха, и было постановлено, чтобъ десятилѣтній срокъ компаніи считать отъ дня ихъ возвращенія изъ Персіи въ Москву, т. е. отъ 2-го Генваря 1639 года; по истеченіи семи мѣсяцевъ отъ этого срока, т. е. 2-го

Августа 1639 они обязались внести половину годовой суммы въ казну царскую, если бы даже Голштинскіе товары и не прибыли къ этому времени въ Ярославль. Когда это дѣло было улажено, Голштинскіе послы подали жалобу, что именитый гость Василій Шоринъ былъ у бояръ и говорилъ имъ сверхъ иныхъ страшныхъ рѣчей и то, будто у герцога Голштинскаго денегъ нѣтъ и заплатить уговорной суммы онъ въ царскую казну не можетъ, послы его у Русскихъ и Нѣмецкихъ людей деньги занимаютъ на ѣду; бояре отвѣчали Шорину и товарищамъ его, что они много врутъ, подали бы свои рѣчи на письмѣ, которое будетъ представлено царскому величеству. Послы объявили, что рѣчи Шорина и товарищей его безчестятъ герцога Голштинскаго, и они, послы объ этомъ молчать не могутъ и требуютъ наказанія Шорину. Кромѣ Шорина послы жаловались на дьяка Назарья Чистова, который объявилъ посламъ, что царь безъ его Назарьевой думы ничего не рѣшитъ о Персидской торговлѣ; послы посулили ему 2,000 ефимковъ, поставили поруками иностранныхъ гостей Петра Марселиса и Андрея фонъ-Рингена, кромѣ того дали въ закладъ запону въ 3,000 ефимковъ; но когда Марселисъ принесъ ему 2,000 ефимковъ чтобъ выкупить запону, то Чистый сталъ просить 3,000, и когда послы отказали, то началъ грозить имъ, запону удержалъ у себя и сталъ вмѣстѣ съ Шоринымъ и его совѣтниками умышлять противъ Голштинцевъ, писать неправедныя и позорныя челобитья. Но Чистой заперся, что никакой запоны не бралъ, и послы уѣхали, не получивши удовлетворенія. Послѣ отъѣзда ихъ Голштинскій агентъ Демушеронъ явился къ боярамъ и объявилъ, что герцогъ его проситъ царское величество пропустить въ Персію Голштинскаго посла съ товарами на 80 возахъ, за что компанія заплатитъ въ царскую казну 25,000 цесарскихъ ефимковъ, а когда назадъ привезутъ въ Москву купленные въ Персіи товары, то еще зиплатятъ 25,000 ефимковъ. — Бояре отвѣчали, что это дѣло не схожее, не заплатя уговорныхъ ефимковъ, договариваться вновь мимо дѣла; онъ бы агентъ объявилъ, ка-

кіе товары изъ Голштинской земли теперь съ послами на 80 возахъ повезутъ, и что за пропускъ ихъ дадутъ, и прежніе уговорные ефимки 300,000 теперь заплатятъ ли, потому что срокъ уже прошелъ, а денегъ не заплачено, а безъ этого прежняго платежа пропустить не пристойно и впередъ вѣрить нечему. Агентъ отвѣчалъ, что повезутъ сукна, ефимки и другіе товары, а какіе именно не знаетъ, уговорнымъ же ефимкамъ платежъ будетъ когда съ шахомъ нынѣшніе послы утвердятся. Бояре запросили 100,000 ефимковъ за пропускъ, обѣщая дать за это подводы до Москвы, а отъ Москвы до Астрахани суда и гребцовъ; агентъ давалъ только 60,000; бояре согласились, и царь увѣдомилъ объ этомъ герцога своего грамотою въ Мартѣ 1640 года, объявляя однако, что уговорные ефимки должно заплатить по посольскому утвержденію; въ этой же грамотѣ Михаилъ жаловался на Голштинскихъ пословъ: «пословъ твоихъ какая правда, будто они въ посуленыхъ ефимкахъ дали Назару Чистову запону въ 3,000 ефимковъ: но они пришли къ намъ, великому государю, посольскимъ обычаемъ, такъ имъ, мимо бояръ нашихъ и думныхъ людей, промышлять тайно и подкупать такихъ нашихъ обычныхъ людей не слѣдовало, и тебѣ, Фридерику князю, довелось вины класть за такія неправды на своихъ пословъ, а бояръ нашихъ и думныхъ людей не безчестить.» Въ Сентябрѣ Гамбурецъ Петръ Марселисъ подалъ въ посольскій приказъ грамоту отъ герцога Голштинскаго къ царю; герцогъ писалъ, что посолъ его Отонъ Брюгеманъ заключилъ договоръ мимо его герцогскаго наказа и писемъ, которыя онъ утаилъ отъ своего товарища, за что и казненъ смертію, а заключеннаго имъ договора онъ герцогъ никакъ подтвердить не можетъ; точно также ложно и послѣднее предложеніе о 80 возахъ товаровъ, сдѣланное агентомъ Демушерономъ по тайному письму Брюгемана, и такъ какъ Демушеронъ умеръ, то на его мѣсто назначается Датскій прикащикъ, Петръ Марселисъ, которому и данъ подлинный наказъ, какъ уговариваться на счетъ Персидской торговли. Царь отвѣчалъ герцогу: «то твоя Фрид-

риха князя какая правда? ты дѣло пословъ своихъ, договорныя письма утверждалъ самъ и закрѣплялъ своею рукою и печатями; посолъ у тебя былъ большой Филиппъ Крузіусъ, а Брюгеманъ былъ съ нимъ въ товарищахъ; и вѣрено во всемъ твоей княжеской рукѣ и печати и посольскому договору, а ты хочешь это дѣло нарушить мимо всякой правды. Нигдѣ не ведется, чтобъ утвержденные съ обѣихъ сторонъ договоры назадъ отдавать, а если такое великое утвержденье некрѣпко, то впередъ чему вѣрить и чѣмъ больше того крѣпиться? А намъ, великому государю, отъ этого дѣла никакъ не отступаться.» Герцогъ отвѣчалъ, что онъ хорошо знаетъ, какъ вести себя съ христіянскими государями, которые въ дружбѣ и свойствѣ съ нимъ находятся, и потому пусть царь не велитъ впередъ писать ему такихъ писемъ; у всякаго государя могутъ быть невѣрные слуги, которые преступаютъ свое полномочіе, и государь за это не отвѣчаетъ; что же касается до Персидскаго дѣла, то онъ, герцогъ, отлагаетъ его до другаго болѣе удобнаго времени. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Съ Польшею и Швеціею былъ вѣчный миръ и близкаго разрыва не предвидѣлось: постарались избѣжать и разрыва съ страшными Турками. Мы оставили Турецкія дѣла съ тѣхъ поръ, какъ султанъ Османъ присылалъ Ѳому Кантакузина съ предложеніемъ воевать вмѣстѣ Польшу. Въ 1622 году вмѣстѣ съ Турецкими посланниками государь отправилъ въ Константинополь своихъ посланниковъ Ивана Кондырева и дьяка Бормосова. Приближаясь къ Дону, посланники дали знать въ Москву: «Ждемъ себѣ задержанья многаго на Дону, потому что Донской атаманъ Епиха Радиловъ, приходя къ намъ, говорилъ:» призывали меня въ Москвѣ къ боярамъ, и бояре приходили на меня съ шумомъ, меня и войско все лаяли и позорили; а наше войско люди вольные, въ неволю не служатъ, и вы посланники на Донъ идете къ началу, какъ войско изволитъ, такъ надъ вами и сдѣлаютъ.» Посланники доносили, что на Дону живутъ Черкасы Запорожскіе, возвратившіеся съ Чернаго моря; что въ казачьихъ городахъ нашли они, пос-

ланники, волжскихъ воровскихъ козаковъ, атамана Богдана Чернушкина съ товарищами человѣкъ съ 50, ходятъ въ рубашкахъ тафтяныхъ, въ кафтанахъ бархатныхъ и камчатыхъ, а были они на морѣ и громили Персидскія суда; Донской атаманъ Епиха Радиловъ взялъ ихъ съ собою на низъ, и когда посланники сказали ему, чтобъ онъ такихъ воровъ къ себѣ не принималъ, то Епиха отвѣчалъ: «Если ихъ не принимать, то они познаютъ чужую землю.» Когда посланники пріѣхали въ козачьи юрты, то нашли ихъ почти пустыми: козаки отправились на море, да и оставшіеся козаки вмѣстѣ съ атаманомъ Епихою Радиловымъ, поѣхали также на море въ присутствіи посланниковъ. Козакамъ однако не хотѣлось потерять и царскаго жалованья, и потому атаманъ Исай Мартемьяновъ прислалъ сказать Кондыреву, что они, козаки стоятъ на морскомъ устьѣ, дожидаются Турецкихъ каравановъ, чтобъ не пропустить ихъ въ Азовъ, и что скоро будутъ въ Монастырскій городокъ, гдѣ остановились посланники: такъ чтобъ они ихъ дождались и никому царскаго жалованья не отдавали. Козаки дѣйствительно возвратились въ Монастырскій городокъ; но когда посланники въ ихъ кругу объявили обычное царское требованіе, чтобъ они жили съ Азовцами мирно до возвращенія ихъ посланниковъ изъ Константинополя, то козаки отвѣчали, что они государеву жалованью ради, но съ Азовцами не управившись помириться не могутъ, почему нельзя скоро отпустить туда и посланниковъ. Давши такой отвѣтъ, козаки взяли у посланниковъ жалованье, деньги, сукна, хлѣбные и пушечные запасы и вино вмѣстѣ съ судами, на которыхъ эта казна была привезена, запасы изъ судовъ выгрузили, положили у часовни середи площади, а суда изъ рѣки выволокли къ себѣ на берегъ. Посланники велѣли сказать имъ, чтобъ они запасы устроили гдѣ нибудь на другомъ мѣстѣ, а не на площади, чтобъ Турскіе люди про запасы не знали, да и судовъ бы къ себѣ не брали. Козаки отвѣчали, что кромѣ площади запасовъ положить негдѣ, а судовъ они прежде никогда съ Дону не отпускали. Пробывъ только одинъ день въ Монастырскомъ городкѣ,

козаки опять отправились на море, въ 50 стругахъ а въ стругѣ человѣкъ по 30 и 40, съ ними вмѣстѣ отправились пріѣзжіе люди изъ Бѣлгорода, Курска, Оскола, Путивля, Ливенъ, Ельца и Московскіе торговые люди, пріѣхавшіе на Донъ съ товарами. На морскомъ устьѣ козаки сошлись съ Турецкими караванами, шедшими въ Азовъ, бились съ ними, взяли корабль, двѣ комеги и съ добычею возвратились въ Монастырскій городокъ; шли они къ себѣ въ курени мимо стана Турецкихъ посланниковъ, и показывали имъ погромную рухлядь, стрѣляя изъ ружей. Тщетно посланники говорили имъ, чтобъ они помирились съ Азовцами; козаки отвѣчали: «Если Азовцы пришлютъ къ намъ, то, можетъ быть, и помиримся, а сами не пошлемъ, ссылайтесь съ ними вы мимо насъ.» Посланники отправили въ Азовъ сына боярскаго объявить о своемъ пріѣздѣ. Посланный возвратился съ извѣстіемъ, что Азовцы приходили къ нему съ великимъ шумомъ и говорили: «Пусть посланники придутъ въ Азовъ: мы съ ними управимся!» Но Азовскіе начальные люди дали знать посланникамъ, что прежніе посланники, идя въ Царь-градъ, замиряли козаковъ съ Азовцами: такъ хотятъ ли козаки помириться и теперь? Посланники обратились съ этимъ вопросомъ къ козакамъ, и тѣ отвѣчали, что они съ Азовцами помирятся и ихъ, посланниковъ въ Азовъ отпустятъ, когда товарищи ихъ придутъ съ моря, а товарищей ихъ теперь на морѣ человѣкъ съ тысячу и больше. Вскорѣ послѣ этого, 8 Августа пришли съ моря Донскіе и Запорожскіе козаки въ 25 стругахъ человѣкъ 700 подъ начальствомъ Запорожскаго атамана Шила, и разсказывали, что они были за моремъ отъ Царь-града за полтора днища, повоевали въ Цареградскомъ уѣздѣ села и деревни и многихъ людей посѣкли, но изъ Царь-града высланы были на нихъ каторги, и Турки побили у нихъ человѣкъ съ 400. Послѣ этого козаки отпустили посланниковъ въ Азовъ; въ Кафѣ Кондыревъ увѣрялъ пашу по обычаю, что если козаки впередъ станутъ ходить на море, то государь изъ дружбы къ султану стоять за нихъ не будетъ; паша отвѣчалъ на это: «Донскихъ коза-

ковъ каждый годъ наши люди побиваютъ многихъ, а все ихъ не убываетъ, сколько бы ихъ въ одинъ годъ не побили, на другой годъ еще больше того съ Руси прибудетъ; еслибъ прибылыхъ людей на Донъ съ Руси не было, то мы давно бы уже управились съ козаками и съ Дона ихъ сбили.»

Въ Константинополѣ посланники нашли страшную смуту: султанъ Османъ былъ убитъ янычарами и на его мѣсто былъ возведенъ дядя его Мустафа; въ Багдадѣ встали за это на янычаръ и перерѣзали ихъ; услыхавши о судьбѣ своихъ собратій въ Азіи, Костантинопольскіе Янычары взволновались; паши прямо велѣли объявить посланникамъ, что теперь имъ не до нихъ. Но этого мало: на посольскій дворъ явились Янычары съ жалобою, что козаки погромили ихъ корабль съ товарами, и требовали, чтобъ посланники заплатили имъ за убытки, посланники не велѣли пускать ихъ къ себѣ; тогда Янычары стали шумѣть и браниться, кричали: «Даромъ мы вамъ этого не спустимъ, приходите всѣ съ обманомъ, а не съ правдою, козаковъ на море посылаете, корабли громить велите, здѣсь въ Царѣградѣ невольниковъ крадете; и за это станемъ у васъ рѣзать носъ и уши.» Янычары вошли въ посольскія комнаты, искали всюду невольниковъ, пересматривали рухлядь, и, не нашедши ничего, ушли съ бранью. Посланники послали жаловаться визирю на такое безчестье; визирь отвѣчалъ: «Теперь мнѣ не до пословъ, хотятъ меня перемѣнить.» Дѣйствительно визирь былъ смѣненъ. Новый визирь Гуссейнъ прежде всего потребовалъ у посланниковъ шубы лисьей черной да соболей добрыхъ на шубу. У посланниковъ шубъ не было, и они послали одни соболи; визирь разсердился и встрѣтилъ ихъ укорами за козацкіе разбои; посланники жаловались, что имъ уже недѣль съ пять корму не даютъ; визирь отвѣчалъ: «Вамъ и безъ корму можно быть сытымъ, соболей у васъ много, а мнѣ ничего не пришлете; соболи у васъ родятся на Москвѣ и съ Москвы ходятъ во всѣ государства; въ Литвѣ соболей не родится, приходятъ изъ Москвы, а Литовскій посолъ прислалъ мнѣ сороковъ съ 50 и больше: такъ вамъ бы

промыслить, купить мнѣ соболей хотя сороковъ съ 20 или больше.» Посланники отвѣчали, что у нихъ соболей нѣтъ, все они роздали прежнему визирю и султановымъ ближнимъ людямъ; а если онъ визирь государевымъ дѣломъ станетъ промышлять, то они хотя займутъ а соболей ему еще промыслятъ сорока два или три. Визирь обѣщалъ промышлять государевымъ дѣломъ. Посланники отправили къ нему три сорока соболей, но онъ разсердился, соболей не взялъ и сказалъ: «Еще они въ Царѣградѣ живутъ не долго, а какъ поживутъ года съ два или съ три, то дадутъ мнѣ и не въ честь столько же, сколько Литовскій посолъ далъ.» Посланники прибавили еще пять сороковъ, цѣною въ 200 рублей, да и дворецкому визиреву послали подарки. Визирь удовольствовался и посланники были отпущены съ отвѣтомъ, что султанъ Мустафа помирился съ Литовскимъ королемъ, хочетъ быть въ мирѣ и съ Московскимъ государемъ и Азовцамъ запретитъ нападать на Московскія украйны; если же Литовцы договоръ нарушатъ, если Запорожцы выйдутъ въ море хотя на одномъ стругу, то султанъ немедленно начнетъ съ королемъ войну и дастъ знать государю въ Москву. Французскій посланникъ де Сези былъ очень радъ, что Кондырева отпустили ни съ чѣмъ. Поведеніе этого посланника представляетъ любопытное явленіе въ исторіи Европейской дипломатіи. Въ описываемое время христіаннѣйшій король, борясь съ своими протестантами внутри страны, не усумнился соединиться съ протестантскими державами сѣверной Европы, чтобъ противодѣйствовать опасному для Франціи усиленію Габсбурскаго дома; король Польскій былъ въ союзѣ съ этимъ домомъ, слѣдовательно Французскій посланникъ въ Константинополѣ долженъ былъ дѣйствовать противъ Польши. Но де Сези прежде всего былъ ревностный католикъ; ему ужасна была мысль, что если Турки въ союзѣ съ Москвою и Бетлемъ-Габоромъ Трансильванскимъ одолѣютъ Польшу, то Польскіе протестанты могутъ воспользоваться этимъ и провозгласить королемъ своимъ Бетлемъ-Габора, протестанта. Вотъ почему онъ старался увѣрить

свое правительство, что Франціи нечего опасаться союза Польши съ Австріею, ибо народъ Польскій питаетъ сильное нерасположеніе къ послѣдней, что слѣдовательно нѣтъ нужды поднимать Турокъ на Польшу. Съ другой стороны де Сези хлопоталъ о сверженіи Константинопольскаго патріарха Кирилла, въ которомъ видѣлъ дѣятельнаго противника католицизму; онъ доносилъ Людовику XIII, что Кириллъ опасный еретикъ, кальвинистъ, который имѣетъ одну цѣль—истребленіе католицизма и распространеніе кальвинизма въ Греціи и на всемъ Востокѣ, что для этого Кириллъ назначаетъ на свое мѣсто одного изъ своихъ родственниковъ, который изучалъ кальвинизмъ въ Англіи. Въ 1623 году де Сези удалось свергнуть Кирилла, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Кириллъ опять успѣлъ занять свой прежній столъ, и де Сези продолжалъ враждовать съ нимъ; по его донесеніямъ, Кириллъ напечаталъ въ Виттембергѣ подъ именемъ ученика своего Захарія и распространилъ по всему востоку наставленіе, наполненное мнѣніями Кальвинскими и Лютеранскими.

Въ Кафѣ ждала посланниковъ бѣда: сюда дали знать изъ Азова, что Донскіе козаки вышли въ море; посланниковъ по этимъ вѣстямъ задержали, Кафинскій народъ грозился ихъ убить; но вѣсти о козакахъ не подтвердились, и посланниковъ отпустили изъ Кафы; но когда они пришли въ Керчь, то подъ этотъ городъ явилось 1000 Донскихъ козаковъ въ 30 стругахъ, стали противъ города, взяли комягу; въ городѣ встало волненіе, посланниковъ схватили изъ корабля, повели въ городъ и засадили въ башню, грозя убійствомъ. Кондыревъ послалъ сказать козакамъ, чтобъ они сейчасъ же шли назадъ на Донъ, иначе ихъ посланниковъ убьютъ; козаки отвѣчали, что имъ безъ добычи назадъ на Донъ не хаживать, и пошли мимо Керчи на Черное море, за Кафу. Посланниковъ выпустили изъ башни, но велѣли имъ ѣхать степью по Черкасской сторонѣ. Подъ Черкасскимъ городомъ Темрюкомъ пришли на нихъ Запорожцы, съ крикомъ, что Донскіе козаки, идучи мимо Темрюка, погромили комяги, взяли въ плѣнъ сына

Таманьскаго воеводы и отдали его на окупъ за 2000 золотыхъ, такъ посланники сейчасъ же отдали бы эти деньги, иначе ихъ убьютъ. Турецкій посланникъ и Азовскій воевода, провожавшій посланниковъ, вступились было за нихъ; но козаки поворотили и посланника и воеводу назадъ въ Кафу, а Кондырева съ товарищемъ оставили въ Темрюкѣ и посадили въ башню. Тогда воевода и посланникъ дали имъ подарки, и едва уговорили отпустить всѣхъ изъ Темрюка въ Азовъ. Потомъ въ степи посланники должны были отбиваться отъ Ногаевъ, при чемъ братъ втораго посланника Бормосова былъ взятъ въ плѣнъ; Ногаи кричали, что весною приходили на ихъ улусы Донскіе козаки, побрали женъ ихъ и дѣтей, лошадей и животину: такъ если козаки отдадутъ полонъ назадъ, то и они отпустятъ плѣнниковъ; насилу Азовскій воевода и Турецкій посланникъ уговорили ихъ отдать плѣнника.

Послѣ такихъ приключеній посланники добрались наконецъ до Азова, но не на радость: только что они успѣли расположиться на посольскомъ дворѣ, какъ ворвались туда Азовскіе люди съ крикомъ и угрозами: одни кричали, что посланниковъ надобно убить, другіе, что обрѣзать носъ и уши и отпустить на Донъ, потому что Донскіе козаки не перестаютъ разбойничать, и теперь стоятъ на Донскомъ устьѣ, дожидаются каравану изъ Кафы. Посланники написали на Донъ, чтобъ козаки помирились съ Азовцами и свели свои струги съ устья Дона, иначе ихъ посланниковъ убьютъ въ Азовѣ. Козаки исполнили это требованіе, прислали мириться, но не согласились въ условіяхъ; когда въ Азовѣ узнали, что козаки не мирятся, то къ посланникамъ въ окна полетѣли каменья и бревна; наконецъ козаки согласились помориться какъ хотѣли Азовцы, и посланниковъ выпустили изъ Азова.

Осенью 1627 года пріѣхалъ въ Москву въ другой разъ Грекъ Ѳома Кантакузинъ въ послахъ отъ султана Мурада IV-го. Султанъ писалъ царю: «Вамъ бы попомнить прежнюю дружбу и любовь и быть съ нами въ сердечной дружбѣ и въ любви и въ послушаніи, какъ были предки ваши; о прямой

своей сердечной дружбѣ къ намъ отпишите и пословъ своихъ къ намъ съ грамотами посылайте безъ урыва, и если вамъ нужна будетъ какая помощь, то мы вамъ станемъ помогать.» Кантакузинъ (выучившійся говорить по-русски безъ толмача), объявилъ Филарету Никитичу, что султанъ Мурадъ хочетъ государя Михаила Ѳеодоровича имѣть себѣ братомъ, а его, святѣйшаго патріарха, хочетъ имѣть отцемъ: они государи будутъ между собою два брата, а ты, великій государь, будешь имъ отецъ, и никто ихъ братской любви не можетъ разорвать. Цѣль такой братской любви была прежняя: воевать вмѣстѣ землю короля Сигизмунда. Филаретъ Никитичь отвѣчалъ: «У сына моего съ султанами Ахметомъ, Османомъ и Мустафою ссылка о дружбѣ была безъ урыву и никакой помѣшки дружбѣ ихъ не бывало; а съ султаномъ Мурадомъ у сына нашего ссылки не бывало, потому что случилась помѣшка отъ воровства Крымскаго калги Шанъ-Гирея, который побилъ нашихъ пословъ, ѣхавшихъ къ султану Мустафѣ. Узнавши о воцареніи Мурада, сынъ нашъ хотѣлъ послать его поздравить, но не послалъ затѣмъ, что не зналъ, куда посылать: на Азовъ послать опасно, чтобъ и надъ этими послами Шанъ-Гирей не сдѣлалъ того же, что надъ прежними, а моремъ послать было нельзя, потому что во всѣхъ Нѣмецкихъ государствахъ была война. А сынъ нашъ съ Мурадомъ султаномъ въ дружбѣ и любви хочетъ быть больше прежняго; Шанъ-Гирей вмѣстѣ съ Русскими послами побилъ также и Турецкихъ, и что взялъ у нихъ казны, отослалъ къ шаху: такъ за это сыну нашему на султана Мурада сердиться не за что, случилось это не по султанову приказанью; а съ королемъ Сигизмундомъ за его неправды сыну нашему въ мирѣ и дружбѣ никакими мѣрами быть нельзя, не отомстивши ему за его неправды.» Кантакузинъ продолжалъ: «Когда я былъ у васъ въ первый разъ и о чемъ ни говорилъ, то все Польскому королю сейчасъ же стало извѣстно, какіе-то люди изъ Москвы писали ему; это намъ извѣстно подлинно, только не знаемъ, кто писалъ.» Филаретъ Никитичь, не отвѣчая на это, обра-

тилъ разговоръ на неисправность въ титулѣ, все султанъ пишетъ королю Михаилу Θеодоровичу вмѣсто царю. Посолъ кончилъ просьбою, чтобъ государь запретилъ Донскимъ козакамъ нападать на Турецкихъ людей и земли; Филаретъ Никитичь отвѣчалъ обычною рѣчью, что на Дону живутъ воры и государя не слушаютъ. По окончаніи посольскихъ рѣчей, Филаретъ Никитичь началъ разспрашивать Кантакузина, какъ давно султанъ Мурадъ царствуетъ, сколько ему лѣтъ, каковъ возрастомъ и какой былъ вѣры, также и паши какой были вѣры? Кантакузинъ отвѣчалъ, что Мурадъ сидитъ на государствѣ четвертый годъ, лѣтъ ему семнадцать, возрастомъ великъ и дороденъ и смышленъ, былъ Греческой вѣры, потому что мать его была за попомъ, очень смышлена и султанъ ее слушается. Визирь Гассанъ-паша Греческой вѣры былъ, султанъ его слушаетъ и жалуетъ, другой визирь Резепъ-паша также Греческой вѣры.

Послѣ этихъ разговоровъ съ Кантакузина взяли запись: «Цѣлую животворящій крестъ за великаго государя своего Мурада султана на томъ, что государю моему съ великимъ государемъ царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ быть въ дружбѣ, любви и братствѣ на вѣки неподвижно, послами и посланниками ссылаться на обѣ стороны безъ урыва; государь мой будетъ помогать царскому величеству ратями своими на недруговъ его и на Польскаго короля стоять за одно; Крымскому царю, Нагаямъ и Азовскимъ людямъ на Московское государство войною ходить не велитъ; въ грамотахъ своихъ царскаго величества именованье велитъ писать сполна». Кантакузинъ требовалъ, чтобъ царь съ своей стороны цѣловалъ крестъ на подобной же записи; но ему отказали на томъ основаніи, что если государь поцѣлуетъ крестъ, то это пронесется въ окрестныхъ государствахъ.

Вмѣстѣ съ Кантакузинымъ, въ 1628 году отправились въ Константинополь царскіе послы дворянинъ Яковлевъ да дьякъ Евдокимовъ и повезли, по обычаю, Донскимъ козакамъ жалованье, 2,000 рублей денегъ, сукна и разные запасы. По преж-

нему послы узнали на Дону, что козаки, подъ начальствомъ атамана Ивана Каторжнаго промышляютъ на морѣ надъ Турскими людьми и что козаки живутъ съ Азовцами не въ миру. По обычаю послы потребовали отъ козаковъ, чтобъ они помирились съ Азовцами и свели своихъ товарищей съ моря; козаки отвѣчали: «Помиримся, Турецкихъ судовъ, селъ и деревень громить не станемъ, если отъ Азовцевъ задору не будетъ, если на государевы украйны Азовцы перестанутъ ходить, государевы города разорять, отцовъ нашихъ, матерей, братью, сестеръ, женъ и дѣтей въ полонъ брать и продавать; если же Азовцы задерутъ, то воленъ Богъ да государь, а мы терпѣть не станемъ, будемъ за отцевъ своихъ, матерей, братью и сестеръ стоять. И въ томъ воленъ Богъ да государь, что наши козаки съ нужды и бѣдности пошли на море зипуновъ добывать, струговъ съ 30, до вашего пріѣзда, не зная государева нынѣшняго указа и жалованья, а намъ послать за ними нельзя и сыскать ихъ негдѣ, они въ одномъ мѣстѣ не стоятъ». Пришелъ Каторжный съ моря, и объявилъ, что Турки погромили его подъ Трапезунтомъ. Помиривъ козаковъ съ Азовцами, послы отправились въ Константинополь, встрѣчены были очень ласково, но пришли вѣсти изъ Крыма, что Донскіе козаки напали на Крымъ, взяли и выжгли два города—Карасу и Манкупъ. Обращеніе перемѣнилось, и на отпускѣ визирь сказалъ посламъ: «Ступайте по здорову, хотя бы васъ и не слѣдовало такъ отпускать за вашихъ людей, козаковъ унимайте и государю своему извѣстите, чтобъ ихъ унялъ, а не уйметъ, то добраго дѣла не будетъ». Послы отвѣчали: «Если царь велитъ насъ отпустить съ добрымъ дѣломъ, то сдѣлаетъ хорошо; а если бы надъ нами за козаковъ какое дурно сдѣлалъ, то этимъ бы себѣ нечесть сдѣлалъ; и такъ дурна и тѣсноты много, а невѣдомо за что; если за козаковъ такая намъ тѣснота, такъ за это не за что насъ тѣснить и голодомъ морить; если козаки на морѣ воруютъ, то пиши на нихъ къ великому государю нашему, и великій государь нашъ станетъ ихъ отъ воровства унимать, а насъ незачто тѣснить и морить голодомъ».

Въ Маѣ 1630 года пріѣхалъ въ Москву въ третій разъ Ѳома Кантакузинъ съ объявленіемъ, что султанъ уже послалъ рать свою на Днѣпровскихъ козаковъ, и съ просьбою, чтобъ царь съ своей стороны наступалъ на Польскаго короля; султанъ просилъ также, чтобъ царь отправилъ и въ Персію свое войско, которое должно тамъ соединиться съ Турецкимъ; наконецъ просилъ унять Донскихъ козаковъ. Филаретъ Никитичь отвѣчалъ послу, что царская рать на Польшу будетъ готова, ибо государь сынъ его до перемирныхъ лѣтъ Польскому королю терпѣть не будетъ. Посолъ объявилъ, что султановъ сердарь съ войскомъ стоитъ на Узѣ совсѣмъ на готовѣ и ждетъ Московскаго гонца съ грамотами: какъ только гонецъ пріѣдетъ съ указомъ, такъ сердарь и пойдетъ на Польскаго короля весною по травѣ. Филаретъ Никитичь замѣтилъ тутъ объ одномъ непріятномъ обстоятельствѣ: Шведскій король Густавъ-Адольфъ заключилъ съ Польскимъ королемъ перемиріе; но за то, прибавилъ патріархъ, теперь у Поляковъ съ Черкасами бои великіе за вѣру: Поляки Черкасъ хотятъ привести въ папежскую вѣру, а Черкасы не хотятъ отстать отъ своей христіанской вѣры, и за то между ними великіе бои. Шведскій Густавъ-Адольфъ король завелъ войну съ цесаремъ, и съ Шведскимъ королемъ вмѣстѣ стоятъ на цесаря короли Англійскій, Датскій и Французскій, да Голандскіе штаты, а цесарю помогать хочетъ Польскій король: такъ отъ этого перемирье между Швеціею и Польшею непремѣнно разорвется. Кантакузинъ отвѣчалъ, что неправды Поляковъ во всѣхъ государствахъ вѣдомы, и многіе Поляки прямятъ султану Мураду, а изъ Кіева Русь и Кальвины присылаютъ къ султану съ тѣмъ: какъ придутъ въ Литву Турецкіе ратные люди, то они, Русь и Кальвины будутъ съ ними вмѣстѣ на Поляковъ готовы. Потомъ Филаретъ Никитичь распрашивалъ посла о Донскихъ козакахъ; Кантакузинъ отвѣчалъ: въ прошломъ 1626 году Донскіе козаки съ Запорожскими Черкасами разгромили монастырь Іоанна Предтечи, на морѣ отъ Царьгорода верстъ съ 200 и много казны взяли; султанъ послалъ на нихъ воеводъ, которые отняли у козаковъ

семь струговъ и привели въ Константинополь; султанъ велѣлъ распросить плѣнныхъ, по чьему приказу ходили они войною на то мѣсто, и козаки сказали, что они ходятъ воевать сами по себѣ, а царскаго повелѣнья на то нѣтъ; султанъ велѣлъ всѣхъ ихъ казнить. Посолъ прибавилъ, что паши сердятся на Московскаго государя за Донскихъ козаковъ, но Капитанъ-паша ему радѣетъ и даже предлагаетъ давать Донскимъ козакамъ жалованье съ обѣихъ сторонъ, и съ Московской, и съ Турецкой, чтобъ войны отъ нихъ и ссоры между государями не было, или даже перевести ихъ на Мраморное море.

Вмѣстѣ съ Кантакузинымъ въ Іюлѣ того же года отправленъ былъ въ Константинополь посолъ Андрей Совинъ и дьякъ Алфимовъ. Совинъ повезъ Донскимъ козакамъ грамоту, въ которой имъ приказывалось идти на Польскаго короля въ сходъ къ Турецкимъ пашамъ, стоящимъ на Узѣ. Козаки, прочтя грамоту, отвѣчали послу: «Изстари при прежнихъ государяхъ не бывало, чтобъ насъ козаковъ на службу въ чужія земли однихъ безъ государевыхъ воеводъ посылали; кромѣ Московскаго государя чужимъ государямъ мы, атаманы, и козаки никогда не служивали; а Турскимъ людямъ никто такъ не грубенъ какъ мы, Донскіе козаки, и у насъ съ Турскими людьми какому быть соединенью? Мы имъ сами грубнѣе Литовскихъ людей. Если государи укажутъ намъ идти на Польскаго короля безъ Турецкихъ пашей съ своими государевыми воеводами, то мы на государскую службу идти всѣ готовы; на море ходятъ Черкасы Запорожскіе, а мы, Донскіе, козаки на море не ходимъ, пишутъ на насъ затѣвая Азовцы по недружбѣ, а хотя бы мы и ходили на море, то намъ прокормиться другимъ нечѣмъ, государскаго жалованья къ намъ не присылывано давно, и теперь не прислано». Въ провожатыхъ у пословъ былъ воевода Иванъ Карамышевъ; изъ Москвы и изъ Валуекъ на Донъ пришли вѣсти, что этотъ Карамышевъ самъ напросился на Донъ козаковъ побивать и вѣшать; по этимъ вѣстямъ козаки бросились съ пищалями и рогатинами къ воеводѣ, прибили его до крови, выволокли изъ струга и повели къ себѣ въ кругъ. По-

слы вступились въ дѣло, говорили козакамъ, чтобъ они не убивали воеводу, не вѣрили затѣйнымъ рѣчамъ, а писали бы объ этомъ въ Москву къ государямъ. Козаки отвѣчали бранью и угрозами: «Намъ дѣло не до васъ, кричали они посламъ: ступайте къ себѣ въ станъ, пока и надъ вами того же не сдѣлаемъ». Карамышева втащили въ кругъ, били саблями, кололи рогатинами, поволокли за ноги къ Дону и бросили живаго въ рѣку, но пословъ отпустили спокойно въ Азовъ.

Московскіе послы пріѣхали въ Константинополь, когда уже Польскій посолъ успѣлъ заключить миръ съ Турками; а съ другой стороны Персіяне брали верхъ надъ послѣдними въ Азіи; наконецъ Крымскій ханъ присылалъ съ вѣстями, что на весну Донскіе козаки, сложась съ Черкасами, сбираются выйти въ Черное море. По этому визирь отвѣчалъ Совину и Алфимову: «Теперь у насъ недруги не одни Польскіе люди, со всѣхъ сторонъ недруговъ у насъ умножилось, и намъ теперь не до Поляковъ, управиться намъ съ ними за ихъ неправды не время». Въ очень учтивыхъ выраженіяхъ, но въ томъ же смыслѣ отвѣчалъ государю и султанъ въ своей грамотѣ.

Послы отправились назадъ и, не доѣзжая до Кафы, встрѣтились съ Донскими козаками, отъ которыхъ насилу ушли; въ Кафѣ встрѣчены они были очень дурно: народъ съ шумомъ подходилъ къ судну, гдѣ находились послы, и рвался на него съ тѣмъ, чтобъ убить Совина и Алфимова за воровство Донскихъ козаковъ; насилу ихъ уняли: съ одной стороны приходили въ Кафу вѣсти, что Донскіе козаки погромили Синопъ съ окольными селами и деревнями, потомъ пошли къ Царюгороду и громили мѣста верстъ за сто отъ него; съ другой стороны пришли въ Кафу изъ Азова два судна съ Русскими плѣнниками, которыхъ взяли Азовцы въ украинскихъ Московскихъ городахъ, Воронежѣ, Валуйкахъ, Осколѣ, Бѣлгородѣ, Ельцѣ и Курскѣ. Въ Керчи посламъ былъ точно такой же пріемъ отъ народа, что и въ Кафѣ; а въ Азовѣ послы нашли царскую грамоту, въ которой говорилось, чтобъ они до государева указа на Донъ не ходили, потому что Донскіе козаки

хотятъ ихъ убить. Дѣйствительно юртовскій астраханскій Татаринъ, пріѣхавшій съ Дона, разсказалъ посламъ, что послѣ убійства Карамышева и отпуска ихъ пословъ въ Азовъ съѣхались козаки съ моря и изъ городковъ всѣмъ войскомъ и шумѣли на атамана Волокитку Фролова: «ты де у насъ отпустилъ пословъ! все равно уже мы заворовали; побить было всѣхъ; а какъ они будутъ назадъ изъ Царягорода, то мы ихъ и тогда побьемъ, все равно наша служба государю нивочто, выдастъ насъ въ руки недругамъ нашимъ Турскимъ людямъ; хотя съ Москвы пришлютъ на насъ и сто тысячь, то мы не боимся, даромъ насъ не возьмутъ, сберемся въ одинъ городокъ и помремъ всѣ вмѣстѣ, а если государь сошлется съ Турскимъ и Крымскимъ царями, и придутъ на насъ ратные люди со всѣхъ сторонъ, то мы отойдемъ къ Черкасамъ въ Запороги, они насъ не выдадутъ». И въ самомъ дѣлѣ послали сказать Днѣпровскимъ козакамъ, что если придутъ на нихъ изъ Москвы ратные люди, то чтобъ ихъ не выдали и приходили къ нимъ на помощь тотчасъ; а сами приговорили изо всѣхъ городовъ собраться въ одинъ, боясь прихода на себя царскаго войска. Въ это время пріѣзжали на Донъ изъ украинскихъ городовъ торговые люди покупать погромную рухлядь, которую козаки привозили изъ за моря: и при этихъ мужикахъ козаки грозились часто на пословъ: «ушли де они у насъ сюда ѣдучи, но не уйдутъ назадъ ѣдучи, непремѣнно всѣхъ ихъ побьемъ». А лазутчики у нихъ во всѣхъ украинскихъ городахъ. Наконецъ несчастные послы были выручены изъ Азова Московскими ратными людьми, посланными на Донъ подъ начальствомъ князя Борятинскаго.

Въ 1632 году Донскіе козаки на Черное море не ходили; за то пошли на Яикъ, и вмѣстѣ съ тамошними козаками выплыли на Каспійское море и погромили береговыя Персидскія области. Лѣтомъ того же года, когда Шеинъ готовъ былъ выступать въ походъ подъ Смоленскъ, дворянинъ Аѳанасій Прончищевъ и дьякъ Бормосовъ отправились послами въ Константинополь, и были приняты съ большою честію. Послы объявили

визирю, что Донскіе козаки въ 1632 году на море не ходили и Крымскихъ улусовъ не громили, теперь многіе изъ нихъ пошли на государева недруга, Польскаго короля и съ Азовцами мирны; но Азовскіе люди приходили войною на государевы украйны, а потомъ приходили войною Крымскіе многіе люди. Послы объявили также, что царское величество послалъ рати свои на Польскаго короля и Мурадъ султанъ писалъ бы въ Польшу, чтобъ тамъ посадили королемъ друга царскаго, Шведскаго короля Густава-Адольфа за его правду и любовь къ государю царю. Визирь отвѣчалъ: «Думаю, что Шведскій король и самъ не захочетъ быть на Литовскомъ королевствѣ; былъ у насъ Шведскій посолъ и при немъ пришла вѣсть, что Польскаго короля Сигизмунда не стало; я далъ ему объ этомъ знать и спрашивалъ, не думаетъ ли онъ, что король его будетъ искать Польскаго Королевства; посолъ думалъ долго и сказалъ: «можетъ быть въ прежнее время король и сталъ бы искать Польскаго королевства, до войны съ цесаремъ, а теперь недумаю, потому что надъ недругами его Богъ руку возвысилъ высоко во всемъ. Да у насъ, продолжалъ визирь, вѣсть подлинная, что выбрали на Литовское королевство королевича Владислава». Послы отвѣчали: «Если королевича Владислава въ короли выбрали, то и отъ него Мураду султану правды никакой не будетъ ни въ чемъ, и онъ станетъ также дѣлать, льстить во всемъ, какъ и отецъ его. И теперь Владиславъ пришлетъ сюда пословъ объявить султану о своемъ избраніи, и Литовскіе послы, по прежнему своему обычаю, станутъ молить, сулить казну многую, да не дадутъ ничего, вѣрить имъ ни въ чемъ нельзя, что ни говорятъ, все лгутъ». Визирь сказалъ на это: «мы и сами про неправды Литовскихъ людей и лукавство ихъ знаемъ, а если Литовскіе послы, будучи здѣсь, станутъ въ чемъ-нибудь лукавствовать, то это узнать можно». Наконецъ послы предложили, что государь ихъ отправитъ пословъ своихъ въ Персію, чтобъ помирить шаха съ султаномъ, если султанъ будетъ стоять съ царскимъ величествомъ за одно на Польскаго короля. На это визирь промолчалъ.

Прончищевъ и Бормосовъ всю зиму прожили въ Константинополѣ; весною визирь объявилъ имъ, что будетъ султана уговаривать, чтобъ послалъ изъ ближнихъ мѣстъ войско свое на Литовскую землю этимъ же лѣтомъ. А при отпускѣ посламъ объявили, что султанъ приказалъ Крымскому хану и Кантемиръ мурзѣ изъ Бѣлгорода идти войною на Литву съ Крымцами и Ногаями; плѣнниковъ, захваченныхъ въ 1632 году на Руси, велѣно всѣхъ отпустить; кромѣ того на Литовскую землю на войну велѣно быть готовыми Абазѣ-пашѣ съ Турецкими людьми, да Молдаванамъ, Волохамъ и Буджакскимъ Татарамъ. Но только что Прончищевъ и Бормосовъ сѣли на корабль, какъ пришла вѣсть въ Константинополь, что Донскіе козаки на 25 стругахъ вышли на Черное море, въ Кафинскомъ уѣздѣ повоевали села и деревни, на морѣ взяли два корабля. Отъ визирева запроса по этому дѣлу послы кой-какъ отдѣлались, но когда корабль ихъ принесло бурею къ Синопу, то жители его пришли съ шумомъ къ нимъ на корабль, крича, что десять дней тому назадъ Донскіе козаки приходили къ городу Иконіи, взяли его, выжгли, людей побили и въ плѣнъ побрали; что жители со всей Анатолійской стороны идутъ въ Царьгородъ бить челомъ султану, что отъ Донскихъ козаковъ впередъ въ тѣхъ мѣстахъ жить нельзя, приходятъ на нихъ войною каждый годъ, города берутъ, села и деревни жгутъ; а изъ Москвы послы ходятъ въ Царьгородъ безпрестанно будто для добраго дѣла, а ходятъ они все для лазутчества, въ городахъ крѣпости всякія разсматриваютъ и козакамъ потомъ разсказываютъ, а козаки потому и на море ходятъ. Послы отвѣчали Синопцамъ, что это не могутъ быть Донскіе козаки, а должно быть Запорожскіе Черкасы; Синопцы сказали на это, что они Донскихъ козаковъ отъ Черкасъ отличить умѣютъ, а отъ Московскихъ пословъ добра никакого нѣтъ. Въ Кафѣ чуть не убили пословъ за тотъ же подвигъ козацкій.

На смѣну Прончищеву и Бормосову пріѣхали въ Константинополь лѣтомъ 1633 года двое другихъ Московскихъ пословъ, дворянинъ Дашковъ и дьякъ Совинъ. Они начали дѣло жало-

бою, что Крымскій ханъ Джанбекъ-Гирей, наруша свою шерть, въ прошломъ году посылалъ своихъ людей на Московскія украйны; что теперь съ ними послами встрѣтились въ степи тысячь восемь Азовскихъ и Ногайскихъ людей, пошли войною на государевы украйны, напали на нихъ, пословъ, приступали къ ихъ обозу два дня и двѣ ночи; подлинно извѣстно также, что Крымскій ханъ хочетъ самъ идти или сына своего послать на государевы украйны по наущенію изъ Литвы: поэтому послы требовали, чтобъ султанъ велѣлъ смѣнить Крымскаго хана. Потомъ послы получили грамоту изъ Москвы, что въ Іюлѣ 1633 года Крымскій царевичь съ семнадцатью мурзами напалъ на Московскіе украйны, переправился черезъ Оку, приступилъ къ Серпухову. По полученіи этой грамоты послы еще сильнѣе начали настаивать на смѣну хана; визирь отвѣчалъ, что къ хану посланъ приказъ идти немедленно со всею ордою на Литву несмотря на зимнее время, и если онъ не пойдетъ сейчасъ же, станетъ отговариваться, то султанъ пошлетъ его смѣнить, а на весну пошлетъ многія свои рати на Литву. Дашковъ и Сомовъ боялись пріѣзда Польскихъ пословъ, которые могли повернуть дѣло иначе; дѣйствительно въ началѣ 1634 года пріѣхали Польскіе послы и привезли вѣсти, что Владиславъ Московскихъ людей побилъ и Смоленскъ очистилъ. Московскимъ посламъ очень важно было узнать, что̀ отвѣтитъ султанъ на грамоту королевскую, и они добыли переводъ съ этой отвѣтной грамоты: султанъ писалъ, что готовъ держать миръ съ королемъ, если Поляки сломаютъ всѣ города и пригородки, поставленныя ими близъ Турецкой украйны, запретятъ козакамъ ходить на Черное море, будутъ присылать Крымскому хану тоже самое, что прежде присылали, и помирятся съ Московскимъ государемъ.

Еще не дожидаясь возвращенія Дашкова и Сомова изъ Константинополя, туда уже были отправлены весною 1634 года новые послы — дворянинъ Коробьинъ и дьякъ Матвѣевъ. Визирь встрѣтилъ этихъ пословъ такими словами: «въ грамотахъ государя вашего, которыя вы подали султану Мураду, написано, чтобъ султанъ съ государемъ вашимъ на Польскаго ко-

роля стоялъ заодно; султаново величество еще по прежнему письму государя вашего послалъ на Польскаго короля рати свои многія; а теперь разнесся слухъ, что государь вашъ съ Польскимъ королемъ помирился, не обославшись о томъ съ султаномъ Мурадомъ: такъ султанъ велѣлъ васъ спросить: «какъ вы поѣхали изъ Москвы, то у государя вашего съ Польскимъ королемъ ссылка о мирѣ была ли, и думаете ли вы, что государь вашъ съ Польскимъ королемъ помирился?» Послы отвѣчали: «съ нами отъ великаго государя нашего объ этомъ дѣлѣ ничего не наказано; извѣстно намъ только то, что у великаго государя нашего съ Польскимъ королемъ былъ бой, ратные государевы люди воевали Польскіе и Литовскіе города многіе, во многихъ мѣстахъ Литовскихъ людей побили; а когда мы пошли изъ Москвы, то дорогою слышали, что присылалъ къ великому государю Польскій король Владиславъ съ великимъ прошеньемъ, чтобъ ссорныя дѣла отставить и кровь христіянскую унять, а онъ, Польскій король, въ прежнихъ своихъ неправдахъ исправится, и великій государь нашъ, по своему милосердому нраву, послалъ на съѣздъ большихъ пословъ своихъ, а сдѣлали ли что государевы послы съ Литовскими послами, или нѣтъ—это намъ неизвѣстно, и думаемъ, что великій государь дастъ объ этомъ знать султанову величеству.»

Визирь, оставивши это дѣло, обратился къ Донскимъ козакамъ, которые, несмотря на увѣренія царя, что онъ запрещаетъ имъ разбойничать въ Турецкихъ владѣніяхъ, и нынѣшнимъ лѣтомъ корабли на Черномъ морѣ погромили и села на берегу опустошили. Послы отвѣчали, что съ козаками дѣлать нечего: «государь послалъ къ нимъ воеводу Карамышева, которому велѣно учинять имъ наказаніе за то, что они, вопреки государеву указу, ходили на Черное море, но воры воеводу убили до смерти; пусть султаново величество велитъ послать на этихъ воровъ своихъ ратныхъ людей, а государь нашъ за нихъ не станетъ.»

Въ слѣдующее свиданіе визирь сказалъ посламъ: «султаново

величество узналъ навѣрное, что государь вашъ съ Польскимъ королемъ помирился, а прежде обѣщалъ, что безъ султанова вѣдома не помирится: султану очень досадно, что государь вашъ съ Польскимъ королемъ помирился.» Послы отвѣчали: «если государь нашъ въ самомъ дѣлѣ съ Польскимъ королемъ помирился, то думаемъ, что въ этомъ дѣлѣ виноватъ Крымскій царь Джанибекъ-Гирей который напалъ на государевы украйны: ратные люди изъ этихъ мѣстъ, узнавши, что ихъ отцы, матери, жены и дѣти побиты или въ плѣнъ взяты и домы пожжены, всѣ съ государевой службы пошли врознь, отъ чего государеву ратному дѣлу учинилась большая поруха.» Визирь отвѣчалъ: «можетъ быть это и такъ было; теперь государь послалъ приказъ Крымскому царю не нападать на ваши украйны, а вашъ бы государь Донскихъ козаковъ унялъ.»

Съ этимъ Коробьинъ и Матвѣевъ и были отпущены, и когда уже сбирались садиться на корабль, 2 Ноября визирь далъ имъ знать, что Донскіе козаки и Днѣпровскіе Черкасы приступали къ Азову, изъ пушекъ по городу били, во многихъ мѣстахъ городъ испортили и едва его не взяли. Послы велѣли отвѣчать визирю: «не въ первый разъ Донскіе козаки безъ государева вѣдома, а Азовцы безъ султанова вѣдома между собою ссорятся и мирятся.» Но послы должны были предугадывать, чтò ихъ ожидало впереди: въ Балаклавѣ и Кафѣ ихъ морили голодомъ и холодомъ, позорили, насилу они откупились отъ Кафинскаго паши десятью сороками соболей. Они возвратились въ Москву уже осенью 1635 года.

Вѣчный миръ съ Польшею отнялъ въ глазахъ Московскаго правительства важность у Турецкихъ сношеній; не послы или посланники, а толмачь Буколовъ въ началѣ 1636 года отвезъ изъ Москвы грамоту къ султану, въ которой царь писалъ къ Мураду: «вы, братъ нашъ, на насъ не сердитесь за миръ съ Польшею: мы его заключили по неволѣ, потому что отъ васъ помощь позамѣшкалась, а отъ Крымскаго царя была война большая.» Царь обѣщалъ унять Донскихъ козаковъ, но прибавилъ: «вамъ самимъ подлинно вѣдомо, что на Дону живутъ

козаки воры и нашего царскаго повелѣнья мало слушають, мы за этихъ воровъ никакъ не стоимъ, что ни велите надъ ними сдѣлать.» Въ заключеніе царь жаловался на ежегодныя нападенія Азовцовъ. Когда Буколовъ уѣзжалъ изъ Константинополя, то съ нимъ вмѣстѣ отправился Ѳома Кантакузинъ для торговли, но подъ видомъ посланника. Пріѣхавши на Донъ, Ѳома послалъ сказать козакамъ, будто султанъ прислалъ къ нимъ жалованье, 4 кафтана; козаки отвѣчали: «прежде къ великому государю посыланы были отъ султана послы и посланники часто, но ничего къ намъ козакамъ отъ султана не привозили: ясно, что онъ Ѳома затѣваетъ это самъ собою и кафтаны даетъ намъ отъ себя; у Донскаго войска государевымъ жалованьемъ всего много и эти его подарки намъ не нужны.» Но кафтаны были привлекательны, и козаки, помедливъ немного, взяли ихъ у Кантакузина.

Въ это время козаки замышляли важное дѣло промыслить надъ Азовомъ; но у нихъ было мало воинскихъ запасовъ, и вотъ они отправили въ Москву къ великому государю атамана Ивана Каторжнаго съ такою грамотою: «въ прошлыхъ во многихъ годахъ была твоя государская къ намъ, холопямъ твоимъ, милость, жалованье денежное, и сукна и запасы всякіе, а въ прошломъ 1636 году твоего жалованья не было, и мы помираемъ голодною смертію, наги, босы и голодны, а взять кромѣ твоей государской милости негдѣ. Многія орды на насъ похваляются, хотятъ подъ наши козачьи городки войною приходить и наши нижніе козачьи городки разорить, а у насъ свинцу, ядеръ и зелья нѣтъ. Да въ прошлыхъ же годахъ выхаживали съ Дону атаманы и козаки къ государю съ войсковыми отписками, а на отпускѣ имъ давали подводы съ Москвы до Воронежа сполна, а съ Воронежа суда и гребцовъ, а нынѣ передъ прежнимъ подводы и суда у нихъ убавлены, а гребцовъ имъ не даютъ. Да съ Дону жъ выѣзжаютъ атаманы и козаки въ города по обѣщанію въ монастыри помолиться, кто въ какой монастырь оброчникъ, а какъ обѣщанье исполнятъ (оброкъ съ души сведутъ) и пойдутъ назадъ, купивъ для себя

запасу или продавъ что-нибудь, то по городамъ цѣловальники берутъ пошлину не въ силу. Милосердый государь, царь, пожалуй насъ холопей своихъ своимъ государскимъ жалованьемъ!» Государь пожаловалъ, велѣлъ исполнить всѣ ихъ просьбы, и послать съ запасами на Донъ дворянина Степана Чирикова, который долженъ былъ также встрѣтить Турецкаго посланника Ѳому Кантакузина. Отправивши Каторжнаго въ Москву, козаки начали сбираться въ походъ, послали въ верховые городки и по всѣмъ рѣчкамъ, велѣли всѣмъ быть на съѣздъ въ Нижній городокъ, которые были отъ войска въ запрещеньѣ и винахъ, тѣхъ всѣхъ простили. Съѣхавшись изъ всѣхъ юртовъ, козаки приговорили — идти всѣмъ войскомъ подъ Азовъ: промыслъ надъ нимъ учинить; въ то же время пришли на Донъ степью на лошадяхъ Запорожскіе Черкасы, человѣкъ съ 1,000, думая, что Донскіе козаки пойдутъ на море: и Черкасы эти приговорили также идти вмѣстѣ подъ Азовъ. Въ 1637 году на другой недѣлѣ послѣ Свѣтлаго Воскресенья, 21 Апрѣля въ середу, союзники выступили въ походъ къ Азову, въ числѣ 4,400 человѣкъ, оставивъ Кантакузина на Яру въ куреняхъ за крѣпкими сторожами. Московскій толмачь Буколовъ, очевидецъ всѣхъ этихъ событій, слышалъ козацкіе разговоры: «Если къ нимъ будетъ государская милость, позволитъ въ Азовъ приходить къ нимъ съ Руси на житье охочимъ и вольнымъ всякимъ людямъ и запасы всякіе къ нимъ привозить, то они Азова не покинутъ, а станутъ въ немъ жить.»

Недѣлю спустя козаки поймали двоихъ людей Кантакузина на протокѣ Аксаѣ въ стружку, и пришли къ Ѳомѣ съ выговоромъ, что онъ людей своихъ посылаетъ по рѣчкамъ самовольствомъ безъ ихъ казачья вѣдома, а войско стоитъ подъ Азовомъ, и они думаютъ, что онъ Ѳома людей своихъ посылалъ въ Азовъ. Кантакузинъ отвѣчалъ, что онъ людей своихъ посылалъ рыбу ловить; но рыболовныхъ сѣтей у людей его козаки не нашли, и дали знать объ этомъ подъ Азовъ въ войско.

За двѣ недѣли до петрова поста пріѣхали на Донъ изъ Москвы Степанъ Чириковъ и атаманъ Иванъ Каторжный, который

отправился подъ Азовъ. Въ Петрово заговѣнье вечеромъ Каторжный возвратился оттуда и на другой день въ понедѣльникъ первой недѣли петрова поста прислалъ сказать Кантакузину, что козаки отпускаютъ его къ государю и хотятъ отдать его дворянину Степану Чирикову: такъ пусть онъ идетъ на струги со всѣми своими людьми. Ѳома вышелъ изъ куреней, чтобъ перебраться на струги, но вотъ къ нему на встрѣчу другой посолъ: атаманы приказали звать его въ кругъ, хотятъ съ нимъ проститься. Ѳома вошелъ къ кругъ, козаки стояли всѣ вооруженные; выступили два атамана и начали говорить Ѳомѣ: «И прежде ходилъ ты къ великому государю отъ Турскаго султана накупаясь обманомъ въ послахъ много разъ, дѣлалъ между великими государями неправдою, на ссору, и въ томъ великому государю многіе убытки и ссору великую учинилъ, а насъ Донскихъ козаковъ хвалился разорить и съ Дону свесть. И теперь накупясь хочешь тоже дѣлать; да ты же писалъ къ государю изъ Азова на атамана Ивана Каторжнаго, чтобъ его повѣсить въ Москвѣ. И за такое воровство Донскіе атаманы и козаки и все войско приговорили казнить тебя смертью». Приговоръ былъ исполненъ немедленно. Люди Кантакузина и Греческіе монахи, шедшіе съ нимъ въ Москву, были также убиты. Расходились козаки: хотѣли убить и Московскаго толмача Буколова, но тотъ спрятался въ часовнѣ. Послѣ Буколовъ слышалъ отъ Донскихъ козаковъ, будто они убили Кантакузина за то, что онъ посылалъ въ Азовъ людей своихъ съ грамотами, приказывая Азовцамъ сидѣть крѣпко, потому что у козаковъ запасовъ не стало.

Послѣ убійства Кантакузина козаки стояли подъ Азовомъ двѣ недѣли; къ нимъ на помощь пришли изъ Астрахани юртовскіе татары, и 18 Іюня Азовъ былъ взятъ: истребивъ всѣхъ жителей, кромѣ Грековъ, и освободивъ плѣнныхъ христіанъ, завоеватели засѣли въ городѣ. 30 Іюля пріѣхали въ Москву послы отъ козаковъ съ извѣстіемъ, что они Турецкаго посланника порубили, Азовъ взяли и ни одного человѣка Азовскаго на степи и на морѣ не упустили, всѣхъ порубили. Царь от-

вѣчалъ: «Вы это, атаманы и козаки, учинили не дѣломъ, что Турецкаго посла со всѣми людьми побили самовольствомъ; нигдѣ не ведется, чтобъ пословъ побивать: хотя гдѣ и война между государями бываетъ, но и тутъ послы свое дѣло дѣлаютъ и никто ихъ не побиваетъ. Азовъ взяли вы безъ нашего царскаго повелѣнья, и атамановъ и козаковъ добрыхъ къ намъ не прислали, кого подлинно спросить, какъ тому дѣлу впередъ быть.» Московскому правительству было непріятно убіеніе Турецкаго посла, но взятію важной Азовской крѣпости у бусурманъ оно радовалось, не желая только явно вмѣшиваться въ дѣло, чтобъ не разсориться съ Турціею. Въ Сентябрѣ 1637 года царь отправилъ грамоту къ султану, въ которой писалъ, что козаки Азовъ взяли воровствомъ, дворянина царскаго Чирикова держали у себя въ великой крѣпости, никуда не пускали и хотѣли также убить; государь и прежде писалъ султану и теперь повторяетъ, что Донскіе козаки издавна воры, бѣглые холопи и царскаго приказанія ни въ чемъ не слушаютъ, а рати послать на нихъ нельзя, потому что живутъ въ дальнихъ мѣстахъ: «и вамъ бы, брату нашему на насъ досады и нелюбья не держать за то, что козаки посланника вашего убили и Азовъ взяли: это они сдѣлали безъ нашего повелѣнья, самовольствомъ, и мы за такихъ воровъ никакъ не стоимъ, и ссоры за нихъ никакой не хотимъ, хотя ихъ воровъ всѣхъ въ одинъ часъ велите побить; мы съ вашимъ султановымъ величествомъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви быть хотимъ.» Но ссоры съ Турками трудно было избѣжать: въ Сентябрѣ Крымцы опустошили Московскую украйну, и ханъ Богадуръ-Гирей писалъ въ Москву, что нападеніе сдѣлано по приказу султана за взятіе Азова козаками, и что на весну придетъ еще больше Татаръ на Московское государство. Но всѣ угрозы ограничились мелкою войною съ козаками, которые могли спокойно сидѣть въ Азовѣ, потому что султанъ былъ занятъ Персидскою войною. Въ 1639 году кончилась эта война и султанъ Мурадъ началъ приготовленіе къ походу на Азовъ, но умеръ въ 1640 году, и только въ Маѣ

1641 года наслѣдникъ его Ибрагимъ 1-й двинулъ подъ Азовъ 240,000 войска съ сотнею осадныхъ орудій; козаковъ въ городѣ было 5,367 мужчинъ и 800 женщинъ, которыхъ надобно считать, ибо и онѣ усердно помогали мужьямъ своимъ при защитѣ города; по другимъ извѣстіямъ осажденныхъ было 14,000 мужчинъ и 800 женщинъ: предположивъ возможность прихода козаковъ въ Азовъ съ разныхъ сторонъ, вспомнивъ извѣстія изъ Польши, что Остраница и Гуня скрывались также въ Азовѣ и конечно не одни, мы не можемъ отвергнуть втораго показанія. Какъ бы то ни было, осажденные съ отчаяннымъ мужествомъ отразили 24 приступа: ни одинъ перебѣжчикъ не приходилъ въ станъ Турецкій, ни одинъ плѣнникъ, подъ самыми страшными муками, не сказалъ о числѣ защитниковъ Азова. Потерявши 20,000 народа, Турки 26 Сентября сняли осаду, веденную дурно при недостаткѣ искусныхъ инженеровъ, при ссорѣ начальниковъ, при скудости жизненныхъ и военныхъ запасовъ.

Козаки прислали въ Москву вѣсть о своемъ торжествѣ, но вмѣстѣ просили помощи, просили, чтобъ государь принялъ отъ нихъ Азовъ: «мы наги, босы и голодны, писали они: запасовъ, пороху и свинцу нѣтъ, отъ этого многіе козаки хотятъ идти врознь, а многіе переранены.» Царь отвѣчалъ: «мы васъ за эту вашу службу, радѣнье, промыслъ и крѣпкостоятельство милостивно похваляемъ; пишете, что вы теперь наги, босы и голодны, запасовъ нѣтъ, и многіе козаки хотятъ разойтись, а многіе переранены: и мы, великій государь, послали къ вамъ 5,000 рублей денегъ. А что писали къ намъ о городѣ Азовѣ и бить челомъ приказывали, то мы велѣли дворянину нашему и подъячему города Азова досмотрѣть, переписать и на чертежѣ начертить. И вы бы, атаманы и козаки, службу свою, дородство, храбрость и крѣпкостоятельство къ намъ совершали, своей чести и славы не теряли, за истинную православную христіянскую вѣру и за насъ, великаго государя стояли по прежнему крѣпко и неподвижно, и на нашу государскую милость и жалованье во всемъ были надежны.» Но побуждая

козаковъ къ крѣпкостоятельству, царь видѣлъ однако, что дѣло не могло на этомъ остановиться, что надобно было или взять Азовъ подъ Московскую державу и защищать его отъ Турокъ, или отдать его послѣднимъ. Черезъ мѣсяцъ по отосланіи приведенной грамоты на Донъ, 3 Генваря 1642 года Михаилъ созвалъ соборъ, указавъ «выбрать изо всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ, среднихъ и меньшихъ, добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ объ этомъ дѣлѣ говорить: изъ большихъ статей человѣкъ по 20 и по 15 и по 10 и по 7, а не изъ многихъ людей человѣкъ по 5, и по 6 и по 4 и по 3 и по 2 человѣка; а кого выберутъ, тѣмъ людямъ принести имена, и имъ про все объявить подлинно.» И объявлено, что писали Донцы изъ Азова, просятъ принять городъ отъ нихъ; но въ тоже время пришли вѣсти, что самъ великій визирь хочетъ идти весною подъ Азовъ, и если не возьметъ скоро города, то, осадя его крѣпко, хочетъ послать Турецкое и Крымское войско на Московское государство: «И государю царю за Азовъ съ Турскимъ и Крымскимъ царемъ разрывать ли, и Азовъ у Донскихъ козаковъ принимать ли? Если принимать и съ Турскимъ и Крымскимъ разорвать, то ратные люди въ Азовъ, въ польскіе (степные), украинскіе и поволжскіе города надобны будутъ многіе, на городовое Азовское дѣло и ратнымъ людямъ на жалованье деньги надобны же многія, хлѣбные, пушечные и всякіе запасы надобны не на одинъ годъ, потому что война бываетъ у Турскихъ людей не по одинъ годъ: и такія великія деньги и многіе запасы на тѣ годы гдѣ брать? Стольникамъ, дворянамъ Московскимъ и дьякамъ, головамъ, сотникамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, гостямъ, гостиныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговымъ и всякихъ чиновъ служилымъ и жилецкимъ людямъ помыслить о томъ накрѣпко и государю мысль свою объявить на письмѣ, чтобъ ему государю про все то было извѣстно.»

Духовенство отвѣчало: «на то дѣло ратное размотрѣніе твоего царскаго величества и твоихъ государевыхъ бояръ и думныхъ людей, а намъ, государь, все то не заобычай. Если,

государь, по настоящему времени твое царское величество изволитъ рать строить, то мы твои государевы богомольцы, ратнымъ людямъ ради помогать, сколько силы нашей будетъ.» Стольники отвѣчали, что взять Азовъ или не взять, разорвать съ Турскимъ или не разорвать, въ томъ его государская воля; а ихъ мысль, чтобъ государь велѣлъ быть въ Азовѣ тѣмъ же Донскимъ атаманамъ и козакамъ, а къ нимъ бы въ прибавку указалъ государь послать ратныхъ людей изъ охочихъ вольныхъ людей; сборамъ рати и запасовъ государь распорядиться воленъ, а они стольники на его службу готовы, гдѣ имъ государь велитъ быть. Дворяне также не хотѣли садиться въ Азовѣ съ козаками, но, чтобъ не обидѣть послѣднихъ, привели особую причину: «людей въ Азовъ велѣлъ бы государь прибрать охочихъ въ украинскихъ городахъ изъ денежнаго жалованья, потому что изъ этихъ городовъ многіе люди прежде на Дону бывали и имъ та служба за обычай:» Гораздо подробнѣе изложили свое мнѣніе Никита Беклемишевъ и Тимоѳей Желябужскій; они сказали, что государю извѣстны неправды Турецкаго султана и Крымскаго хана; послѣдній безпрестанно присягаетъ и безпрестанно измѣняетъ присягѣ; деньги, посылаемыя изъ Москвы въ Крымъ, ничего не помогаютъ, лучше ихъ не посылать, а употребить на жалованье своимъ ратнымъ людямъ. Азовъ надобно удержать, потому что съ тѣхъ поръ какъ онъ взятъ, Татарской войны не было. Послать на подмогу козакамъ охочихъ вольныхъ людей, которымъ сидѣть въ Азовѣ за одно съ козаками подъ атаманскимъ начальствомъ, а государевымъ Московскимъ воеводамъ быть въ Азовѣ нельзя, потому что козаки люди самовольные. Для сбора денегъ на жалованье ратнымъ людямъ пусть государь укажетъ выбрать изо всякихъ чиновъ людей добрыхъ человѣка по два и по три, да чтобъ государь пожаловалъ, сдѣлалъ при сборѣ денегъ разницу между богатыми и бѣдными: указалъ брать съ большихъ мѣстъ, съ монастырей и съ пожалованныхъ людей, за которыми помѣстій и вотчинъ много; а у иныхъ за окладами много лишней земли, да они же ѣздятъ по воеводствамъ,

и бѣднымъ людямъ съ такими пожалованными людьми не стянуть. Беклемишевъ и Желябужскій заключили свое мнѣніе такъ: «будетъ Азовъ за государемъ, то Нагай большой, Казыевы и Кантемировы улусы, Горскіе Черкасы, Темрюцкіе, Кженскіе, Бесленеевскіе и Адинскіе будутъ всѣ служить государю; а только Азовъ будетъ за Турками, то и послѣдніе всѣ Нагаи отъ Астрахани откочуютъ къ Азову.» Головы и сотники стрѣлецкіе отвѣчали, что во всемъ государева воля, а мы, холопи его, служить рады и готовы, гдѣ государь ни укажетъ.» Владимирскіе дворяне и дѣти боярскіе отвѣчали тоже, но прибавили: «а бѣдность нашего города вѣдома ему государю и его боярамъ.» Нижегородцы, Муромцы и Лушане (жители города Луха) отвѣчали тоже, но безъ прибавокъ о бѣдности: «будетъ ему государю годно, и онъ велитъ Азовъ принять; а будетъ негодно, то не велитъ; а гдѣ людей взять въ Азовъ, въ томъ государь воленъ, а гдѣ денегъ взять, въ томъ его же воля, а бояре вѣчные наши господа промышленники.» Но Суздальцы, Юрьевцы, Переяславцы, Бѣличи, Костромитяне, Смольняне, Галичане, Арзамасцы, Новгородцы Великаго Новгорода, Ржевитяне, Зубцовцы, Торопчане, Ростовцы, Пошехонцы, Новоторжцы, Гороховцы сказали: «тебѣ, благочестивому государю царю, прося у всещедраго Бога милости, велѣть Азовъ у Донскихъ козаковъ принять, съ Турецкимъ и Крымскимъ царемъ велѣть разрывать, за ихъ многую предъ тобою неправду. Если не изволишь Азова принять, то онъ будетъ за бусурманами, и образъ Іоанна Предтечи будетъ у нихъ же бусурмановъ: не навесть бы, государь, на всероссійское государство гнѣва Божія и гнѣва великаго свѣтильника Іоанна Предтечи и великаго святителя и чудотворца Николы, которыми поручилъ тебѣ Богъ такой дальній, крѣпкій украинскій городъ, безъ твоей государевой казны и безъ подъема твоихъ большихъ ратныхъ людей? Да они же, великіе свѣтильники отстояли, подавая свою милость и заступленіе малымъ такимъ людямъ.» Дворяне означенныхъ городовъ просили брать даточныхъ людей со всѣхъ обогатѣвшихъ и отяжелѣвшихъ, а съ

имуществъ деньги, равно и съ духовныхъ имѣній, а за утайку наказывать, при чемъ сказали о дьякахъ: «твои государевы дьяки и подъячіе пожалованы твоимъ денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями и вотчинами, и будучи безпрестанно у твоихъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ отъ своего мздоимства, покупили многія вотчины и домы свои построили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя: блаженной памяти при прежнихъ государяхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было достойно въ такихъ домахъ жить. А мы, холопи твои, рады за домъ Пречистой Богородицы и Московскихъ чудотворцевъ, за истинную православную христіянскую вѣру и за тебя благочестиваго государя, за твою великую къ намъ милость, противъ нашествія на твою государскую землю такихъ нечестивыхъ бусурманъ, работать головами своими и всею душею; а бѣдныхъ насъ холопей своихъ, разоренныхъ, безпомощныхъ, безпомѣстныхъ и пустопомѣстныхъ и малопомѣстныхъ вели, государь, взыскать своею милостію, помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ, какъ тебя Богъ извѣститъ, чтобъ было чѣмъ твою государеву службу служить. Да вели, государь, взять роспись вотчинамъ и помѣстьямъ у всей своей государевой земли, у стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ, жильцовъ и у насъ, холопей своихъ, у всякихъ чиновъ людей, у дьяковъ и у подъячихъ, сколько за кѣмъ крестьянъ, съ большимъ твоимъ государевымъ допросомъ, по твоему крестному цѣлованію; а кто крестьянъ своихъ утаитъ, то вели этихъ утаенныхъ крестьянъ отписать на себя безповоротно. Да вели уложить свое государское уложенье, со сколькихъ крестьянъ служить твою государеву службу безъ денежнаго жалованья; а что у кого будетъ крестьянъ лишнихъ, то вели съ этихъ лишнихъ крестьянъ брать деньги въ свою казну, почему укажешь, ратнымъ людямъ на жалованье. А сколько надобно тебѣ на всякихъ служилыхъ людей, тѣхъ денегъ и хлѣбныхъ запасовъ будетъ; если же тебѣ государю казна надобна будетъ вскорѣ, сверхъ твоей казны и того сбора, то вели взять па-

тріархову казну, у митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, въ монастыряхъ лежачую домовую казну; а съ своихъ государевыхъ гостей и со всякихъ торговыхъ людей и со всякихъ черныхъ людей вели съ ихъ торговъ, промысловъ и прожитковъ взять денегъ въ казну, сколько тебѣ Богъ извѣститъ, и тутъ объявится казны передъ тобою много. Да вели, государь, приказныхъ своихъ людей, дьяковъ, подъячихъ и таможенныхъ головъ, на Москвѣ и въ городахъ счесть по приходнымъ книгамъ, чтобъ твоя государева казна безъ вѣдомости у тебя не терялась, и тебѣ была бы въ прибыль ратнымъ твоимъ людямъ на жалованье; а ту свою государеву казну вели сбирать своимъ государевымъ гостямъ и земскимъ людямъ. А которые люди теперь въ твоихъ городахъ по воеводствамъ и по приказамъ у твоихъ дѣлъ, вели имъ быть на твою службу противъ нечестивыхъ бусурманъ съ большою службою, и тутъ будетъ вся твоя государева земля готова противъ такихъ неистовыхъ бусурманъ нашествія. То наша, холопей твоихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ мысль и сказка!» Тоже самое сказали дворяне и дѣти боярскіе южныхъ городовъ, прибавили только: «а хотя и отдать Азовъ, тѣмъ бусурманъ не утолить и не задобрить, войны и крови отъ Крымскихъ и отъ другихъ поганыхъ бусурманъ не укротить, а Турскихъ бусурманъ только пуще того отдачею на себя подвигнуть; лучше, государь, Азовъ тебѣ и всей землѣ принять и крѣпко за него стоять. Вели брать деньги и всякіе запасы ратнымъ людямъ со всякихъ чиновъ людей, сколько за кѣмъ крестьянскихъ дворовъ, а не по писцовымъ книгамъ. А мы, холопи твои, съ людьми своими и со всею своею службишкою на твою государеву службу противъ твоихъ недруговъ готовы, гдѣ ты укажешь; а разорены мы пуще Турскихъ и Крымскихъ бусурмановъ Московскою волокитою, отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ.»

Гости и торговые люди сказали: «Мы, холопи твои, гостишки и гостиной и суконной сотни торговые людишки городовые питаемся на городахъ отъ своихъ промыслишковъ, а по-

мѣстей и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ, службы твои государевы служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городахъ ежегодно безпрестанно, и отъ этихъ безпрестанныхъ службъ и отъ пятинныя деньги, что мы давали тебѣ въ Смоленскую службу ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу, многіе изъ насъ оскудѣли и обнищали до конца; а будучи мы на твоихъ службахъ въ Москвѣ и въ иныхъ городахъ, сбираемъ твою государеву казну за крестнымъ цѣлованьемъ, съ великою прибылью: гдѣ сбиралось при прежнихъ государяхъ и при тебѣ въ прежніе годы сотъ по пяти и по шести, теперь сбирается съ насъ и со всей земли нами же тысячь по пяти и по шести и больше; а торжишки у насъ стали гораздо худы, потому что всякіе наши торжишки на Москвѣ и въ другихъ городахъ отняли многіе иноземцы, Нѣмцы и Кизилбашцы (Персіяне), которые пріѣзжаютъ въ Москву и въ иные города со всякими своими большими торгами и торгуютъ всякими товарами; а въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка, отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ пріѣздахъ торговъ своихъ отбыли. А при прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами между собою, воеводъ въ городахъ не было, воеводы были посыланы съ ратными людьми только въ украинскіе города, для береженья отъ тѣхъ же Турскихъ, Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ.» Подати, необходимыя для настоящей войны, торговые люди полагали на государеву волю и говорили, что рады служить своими головами, за царское здоровье и за православную вѣру помереть: «то за нами, гостишекъ и гостиныя и суконныя сотни торговыхъ людишекъ рѣчи.» Черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе и старостишки и всѣ тяглые людишки сказали тоже, жаловались на свое раззоренье отъ пожаровъ, отъ пятинныхъ денегъ, отъ даточныхъ людей, отъ подводъ, которыя съ нихъ брали для Смоленскаго похода, отъ поворотныхъ денегъ, отъ городоваго землянаго дѣла, отъ великихъ

податей и отъ цѣловальническихъ службъ:» и отъ такой великой бѣдности, говорили они, многіе тяглые людишки изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелись розно и дворишки свои мечутъ.»

Такимъ образомъ дворяне и дѣти боярскіе явно выразили свою готовность къ войнѣ, указывая на необходимость принятія Азова, высказывая опасенія, что въ случаѣ непринятія гнѣвъ небесный можетъ постигнутъ Русское царство; но вмѣстѣ съ тѣмъ, для успѣха дѣла, они требовали сильныхъ мѣръ, требовали прекращенія закоренѣлыхъ злоупотребленій. Торговые люди ясно указывали на свое раззореніе. Сильные голоса раздались противъ людей, въ рукахъ которыхъ было рѣшеніе дѣла; любопытно, что въ выписяхъ, сдѣланныхъ изъ рѣчей, вѣроятно для государя, жалобъ на злоупотребленія не находится. Сильныя возраженія противъ войны найти было легко. Въ Мартѣ пріѣхалъ въ Москву Турецкій посланникъ Мустафа Чилибей. Молдавскій воевода Василій Лупулъ представлялъ царю, какимъ бѣдствіямъ подвергнется Русское войско въ случаѣ малѣйшей неудачи подъ Азовомъ, представлялъ, что на козаковъ, народъ вѣроломный и непостоянный, полагаться нельзя, а это въ Москвѣ знали лучше чѣмъ въ Молдавіи; наконецъ воевода увѣдомлялъ, что султанъ поклялся въ случаѣ войны искоренить всѣхъ православныхъ въ своихъ владѣніяхъ. По досмотру Азова оказалось, что городъ разбитъ и разоренъ до основанія, скоро его поправить никакъ нельзя и отъ воинскихъ людей защищаться не въ чемъ. На этихъ основаніяхъ 30 Апрѣля царь послалъ козакамъ грамоту съ повелѣніемъ покинуть Азовъ; козаки вышли изъ города, но прежде неоставили въ немъ камня на камнѣ. Огромное Турецкое войско, явившееся для новой осады, нашло только груды развалинъ.

Но еще прежде посылки на Донъ приказа оставить Азовъ, въ Мартѣ 1643 года отправлены были въ Константинополь послы: дворянинъ Илья Даниловичъ Милославскій и дьякъ Леонтій Лазоревскій съ объявленіемъ, что великій государь съ

братомъ своимъ Ибрагимъ-султановымъ величествомъ теперь и впредь хочетъ быть въ крѣпкой братской дружбѣ и любви и въ ссылкѣ свыше всѣхъ великихъ государей на вѣки неподвижно, что государская мысль объ этомъ крѣпко утвердилась и слово его никогда неизмѣнится. Послы ѣхали по зимнему пути до Воронежа, изъ Воронежа Дономъ на судахъ по полой водѣ. Они повезли Донскимъ козакамъ государева жалованья 2000 рублей денегъ, кромѣ того сукна, вино и другіе запасы; но должны были везти эти деньги, сукна и вино за свое; провожатымъ должны были заказать накрѣпко не объявлять никому, что везутъ жалованье Донскимъ козакамъ, чтобъ въ Азовѣ про то не узнали; и козакамъ сказать, чтобъ они о присылкѣ жалованья между собою не славили, чтобъ имъ посламъ въ Турецкой землѣ за то утѣсненья и задержки не было. Если же государево жалованье въ Азовѣ не утаится, то посламъ говорить: «прислано съ нами теперь къ козакамъ государево жалованье небольшое за то, что они государя послушались, изъ Азова вышли, а за другое не за что имъ послать.» Если Донскіе козаки станутъ говорить, что имъ жалованья прислано мало, а они государю служатъ и дурнаго отъ нихъ ничего нѣтъ, то отвѣчать: что прислано жалованье съ послами легкимъ дѣломъ, больше послать для скораго отпуску было нельзя, чтобъ они жалованье приняли, государю служили, а онъ впередъ ихъ въ своемъ жалованьѣ не оставитъ; что имъ уже прежде послано много, впередъ пришлется еще больше, и отъ Турецкихъ людей имъ утѣсненья никакого не будетъ: о томъ царское величество въ грамотѣ своей къ султану писалъ съ великимъ подкрѣпленіемъ, про нихъ же писалъ, что на море ходить и Турецкихъ городовъ и мѣстъ воевать не станутъ: такъ они бы, козаки задоровъ никакихъ недѣлали, государя съ султаномъ не ссорили, чтобъ слово государское, которое объ нихъ писано къ султану, ложнымъ не объявилось, а имъ посламъ за то не было вычетовъ, тѣсноты и задержанья. Въ Константинополѣ послы должны были прежде всего видѣться съ переводчикомъ, Зелфикаромъ-агою, отдать

ему государеву грамоту и жалованные соболи, посовѣтоваться съ нимъ о всякихъ тамошнихъ мѣрахъ, какъ бы лучше. Великому визирю Мустафѣ-пашѣ должны были сказать, что служба его и радѣнье великому государю вѣдомы, памятны и впредь забвенны никогда не будутъ; за его службу и радѣнье царское величество прислалъ ему жалованье десять сороковъ соболей и впередъ будетъ присылать, смотря по его службѣ. Впрочемъ послы должны были совѣтоваться съ цареградскимъ патріархомъ Парѳеніемъ, какъ визирю дать государево жалованье, также и другимъ пашамъ и приказнымъ людямъ, отъ которыхъ можно надѣяться государю службъ и правды. Если визирь и другіе ближніе султановы люди станутъ говорить про Азовъ, что Донскіе козаки взяли его по повелѣнію царскаго величества, и помощь имъ государь посылалъ, то отвѣчать: «Вамъ самимъ подлинно извѣстно, что Донскіе козаки издавна воры бѣглые холопи, живутъ на Дону, убѣжавъ отъ смертной казни, царскаго повелѣнья ни въ чемъ не слушаютъ, и Азовъ взяли безъ царскаго повелѣнья, помощи имъ царское величество не посылалъ, впередъ за нихъ стоять и помогать имъ государь не будетъ, ссоры изъ за нихъ никакой не хочетъ: хотя бы ихъ всѣхъ воровъ государь вашъ Ибрагимъ султанъ въ одинъ часъ велѣлъ побить, то царскому величеству будетъ не досадно, потому что они воры, бѣглые люди и живутъ въ дальнихъ мѣстахъ воровскимъ кочевымъ обычаемъ. Прежде много разъ государь посылалъ къ нимъ говорить, чтобъ они отъ своего воровства отстали, на море не ходили, Турскимъ и Крымскимъ городамъ тѣсноты не дѣлали; а въ прошломъ 1632 году государь послалъ усмирить ихъ воеводу Карамышева, а они его убили до смерти.» Если скажутъ: «Какъ же вы говорите, что Донскіе козаки государя вашего не слушаются? когда послѣ Азовскаго взятья пріѣхали они въ Москву помощи просить, то государь велѣлъ ихъ казнить; и потомъ, когда государь послалъ имъ приказъ покинуть Азовъ, то они покинули? Государь вашъ самъ писалъ къ нашему султану, что велѣлъ казнить смертью тѣхъ козаковъ,

которые къ нему прiѣзжали послѣ Азовскаго взятья?» отвѣчать: «Государь объ этомъ къ султану никогда не писывалъ; по дружбѣ къ султану, государь нѣсколько разъ писалъ къ козакамъ, чтобъ они Азовъ покинули и за то сулилъ имъ жалованье не малое, и въ самомъ дѣлѣ послалъ, когда они Азовъ покинули.» Если визирь и паши станутъ говорить: «Когда султановыхъ посланниковъ съ Валуекъ отпустили въ Крымъ, то ихъ проводили только до Сѣверскаго Донца, а до Тора не провожали, и на Торѣ погромили ихъ Запорожскiе Черкасы, изъ которыхъ одинъ, взятый въ плѣнъ объявилъ, что подвелъ ихъ изъ Святогорскаго монастыря старецъ,»—отвѣчать: «ратныхъ людей, которые не пошли провожать Турецкихъ посланниковъ за Сѣверскiй Донецъ, государь велѣлъ казнить смертiю; Черкасы громятъ не однихъ Турецкихъ посланниковъ, но и царскихъ, люди они Польскаго короля, царскаго повелѣнья ни въ чемъ неслушаютъ; а вору Черкашенину вѣрить нельзя: говорилъ онъ про Святогорскаго старца, избывая смерти, покрывая свое воровство, и желая поссорить великихъ государей.»—Послы должны были отдать патрiарху Парѳенiю царскую грамоту и пять сороковъ соболей (на 250 рублей), отдать тайно, чтобъ Турскiе люди не свѣдали. Если визирь и паши будутъ ихъ задерживать, дѣлать безчестье и тѣсноту, то имъ совѣтоваться обо всемъ съ патрiархомъ Парѳенiемъ, и какъ онъ имъ присовѣтуетъ, такъ и дѣлать, говорить патрiарху, чтобъ онъ о царскомъ дѣлѣ промышлялъ, визиря, пашей и ближнихъ людей, которые съ нимъ дружны, наговаривалъ на всякое добро, и приходить къ патрiарху для благословенiя и для дѣлъ чаще; а если Парѳенiй умретъ, то къ новому патрiарху приходить не часто и не совѣтоваться съ нимъ ни очемъ; соболи, которые посланы къ Парѳенiю, отдать новому патрiарху, если онъ благочестивъ, если же еретикъ, то не давать ничего и подъ благословенiе не ходить. Александрiйскому и Iерусалимскому патрiархамъ послано по четыре сорока соболей (по 150 рублей); милостыни на разныя святыя мѣста послано двадцать сороковъ соболей. Кромѣ того

въ запасъ на прибылыхъ людей, на раздачу для государевыхъ дѣлъ и на выкупъ плѣнныхъ, послы повезли соболей на 1500 рублей, да для всякихъ покупокъ на 3000. Они должны были давать, смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ даромъ никому не дать; выкупу давать за плѣнныхъ за дворянъ и дѣтей боярскихъ отъ 20 до 50 рублей, а за мелкихъ людей, стрѣльцовъ, козаковъ и черныхъ отъ десяти до двадцати. — Наконецъ послы должны были настоять, чтобъ султанъ писалъ титулъ царскій какъ слѣдуетъ, чтобъ не писалъ королемъ, потому что королей на Московскомъ государствѣ никогда не бывало.

Пріѣхавъ на Донъ, послы узнали что Турскіе люди побрали и сожгли козачьи городки — Манычь, Яръ, Черкаскъ, людей побили и въ плѣнъ повели; остальные атаманы и козаки перебѣжали въ Верхній Раздорскій городокъ, засѣли тутъ и выбрали въ старшины атамана Ивана Каторжнаго. Послы поѣхали въ Раздоры, отдали козакамъ государеву грамоту и жалованье и говорили рѣчь по наказу; козаки отвѣчали, что они государской милости и жалованью рады, но съ Азовцами помириться никакъ нельзя, потому что Турскіе люди ихъ въ конецъ раззорили. На третій же день, по пріѣздѣ пословъ въ Раздоры, Іюня 6 городокъ этотъ былъ осажденъ Турками и Татарами, которые однако ушли послѣ жестокаго боя съ козаками; послѣдніе помирились съ Азовомъ и послы отправились въ этотъ городъ, откуда переѣхали въ Константинополь. Здѣсь послы встрѣчены были честно: приказные люди Молдавскаго воеводы Василія прислали имъ барановъ, куръ и овощей на 20 блюдахъ; великій визирь прислалъ цареградскихъ овощей 250 блюдъ да 100 хлѣбовъ пшеничныхъ. Чтобъ не раздосадовать визиря послы ѣздили къ нему прежде представленія султану; переводчикъ Зелфикаръ-ага далъ имъ замѣтить, что визирь не податливъ, что надобно послать большіе подарки любимцу его Резепъ-агѣ; послы отослали Резепъ-агѣ четыре сорока соболей на 215 рублей. Дѣло пошло ладъ: визирь далъ слово Резепъ-агѣ, что станетъ дѣлать посольскія

дѣла такъ, какъ царскимъ посламъ годно. Визирю отослано было десять сороковъ соболей цѣною на 2000 рублей, и онъ далъслово, что султанъ будетъ писать государя царемъ съ полнымъ титуломъ. На отпускѣ султанъ сказалъ посламъ: «Скажите великому государю чтобъ онъ для общей нашей братской дружбы и любви велѣлъ послать свое повелѣнье къ Донскимъ козакамъ, чтобъ они на Черное море не ходили, моихъ селъ и деревень не воевали, людей не побивали и въ полонъ не брали; а я пошлю свое повелѣнье къ Крымскому хану, къ Кафинскому пашѣ и къ Азовскому князю, чтобъ они на украйны государя вашего сами не ходили и воинскихъ людей не посылали.»

Послѣ отпуска пришелъ къ посламъ переводчикъ Зелфикаръ-ага и сказалъ, что великій визирь про государево посольское дѣло говорилъ все доброе; только онъ Зелфикаръ-ага думаетъ, что визирь хочетъ отъ пословъ почести: такъ имъ бы послать къ нему подарокъ немалый. Послы, поблагодаривъ Зелфикара за службу и радѣнье, послали визирю изъ запасныхъ четыре сорока соболей цѣною въ 345 рублей; визирь, принявши подарокъ, отвѣчалъ, что онъ радъ служить царскому величеству и его дѣлами промышлять. Хорошія деньги получилъ визирь также и съ Молдавскаго господаря Василія по поводу Московскаго дѣла: послы, ничего не подозрѣвая, разсказывали прямо, что Василій писалъ къ государю, уговаривая его не разрывать съ Турками изъ за Азова; но Визирю очень не понравилось извѣстіе о непосредственныхъ сношеніяхъ султанскаго вассала съ единовѣрнымъ государемъ Московскимъ: услыхавъ объ этомъ отъ пословъ, онъ усумнился и молчалъ не малое время, а потомъ послы узнали, что господарь смѣненъ и на его мѣсто назначенъ другой; но у Василія былъ покровитель, Касимъ-ага, названный отецъ визиря; просьба этого Касима была подкрѣплена тридцатью вьюками ефимковъ (15,000 рублей), принесенныхъ къ визирю прикащиками Молдавскаго воеводы, и Василій остался на своемъ господарствѣ.

Запасные соболи не остались также безъ дѣйствія: визирь объ-

явилъ посламъ, что грамота къ царю отъ султана уже написана съ полнымъ царскимъ именованьемъ, свыше прежняго; что написаны грамоты къ Крымскому хану, Каѳинскому пашѣ и Азовскому князю, чтобъ они не смѣли нападать на Московскія украйны, чтобъ Крымскій ханъ отпустилъ всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ безъ выкупа и наказалъ тѣхъ воровъ, которые приходили войною на Московскіе города. Послы были очень довольны, но потомъ начало ихъ мучить безпокойство, правду ли сказалъ визирь? точно ли исполнено главное, начальное дѣло, грамота написана ли съ полнымъ царскимъ именованьемъ? послали за переводчикомъ Зелфикаромъ: нельзя ли посмотрѣть черновую грамоту? тотъ отвѣчалъ, что она должна быть у думнаго дьяка; послали къ думному дьяку, обѣщали подарокъ: думный дьякъ отвѣчалъ, что грамота у визиря; опять начали просить Зелфикара, сулить подарки немалые — нельзя ли достать грамоту отъ визиря? Зелфикаръ обѣщалъ подкупить ближнихъ визиревыхъ людей, но возвратился съ отвѣтомъ, что никакими мѣрами достать грамоты невозможно, только бы послы были покойны, онъ справлялся у думнаго дьяка и тотъ увѣряетъ, что царское именованье написано сполна; но послы не успокоились, бросились къ патріарху, чтобъ показалъ свою службу и радѣнье — нельзя ли посмотрѣть черновую грамоту? патріархъ отвѣчалъ, «тѣ грамоты вѣдать нельзя, но чтобъ послы не сомнѣвались — титулъ написанъ какъ должно, визирь человѣкъ правдивый, что говоритъ то и дѣлаетъ». Наконецъ Арасланъ-ага, назначенный посломъ въ Москву показалъ Милославскому надпись на султановой грамотѣ: «въ Іисусовѣ законѣ надъ всѣми великими государями великому государю Московскому, царю всея Руси и обладателю, любительному другу Михаилу Ѳеодоровичу». Тотъ же Арасланъ долженъ былъ отвезти въ Крымъ, Каѳу и Азовъ запретъ воевать Московскія области. Что касается до козаковъ, то послы, исполняя наказъ, повторили визирю: «хотя ихъ всѣхъ воровъ государь вашъ въ одинъ часъ велитъ побить, то царскому величеству это не будетъ досадно». Визирь сказалъ: «Если вашему ве-

ликому государю это не будетъ досадно, то нашъ государь съ Донскими козаками управится». Потомъ спросилъ: «Великому государю вашему своихъ ратныхъ людей на этихъ воровъ послать можно ли, чтобъ ихъ отъ воровства унять?» послы отвѣчали: «Когда эти воры были не разорены, то и тогда великому государю своихъ ратныхъ людей посылать было на нихъ нельзя, потому что эти воры, люди многихъ разныхъ государствъ, называясь Донскими козаками, жили въ дальнихъ мѣстахъ воровскимъ кочевымъ обычаемъ, переходя съ мѣста на мѣсто; а теперь и подавна ратныхъ людей посылать не на кого, потому что нынѣшнею весною приходили на ихъ юрты ваши ратные люди, и разорили ихъ безъ остатка; а что эти воры вашими воинскими людьми разорены, то мы тебѣ объявляемъ, что великому государю нашему это не будетъ досадно». Козаки знали, что Московское правительство въ сношеніяхъ съ Турецкимъ постоянно величало ихъ ворами, и жаловались: «Всегда про насъ такъ пишутъ, называютъ ворами, а службы нашей къ нимъ много. На Дону намъ не житье; подождемъ съ моря нашу братью, если они придутъ всѣ поздорову, то мы еще на Дону поживемъ. а если съ моря придетъ немного людей, то намъ на Дону нечего дожидаться, надобно перейти на другое мѣсто, на устьѣ Яицкомъ поставленъ городъ, мы этотъ городокъ сроемъ, станемъ жить на Яикѣ и на море ходить». Узнавши объ этомъ намѣреніи, царь приказалъ Астраханскимъ воеводамъ, что если Донскіе козаки станутъ приходить на Яикъ, то посылать на нихъ ратныхъ людей и промышлять надъ ними всякими мѣрами.

Козаки вмѣшались и въ сношенія съ Персіею. Еще въ Іюлѣ 1621 года Астраханскіе воеводы дали знать въ Москву, что козаки воруютъ на Каспійскомъ морѣ, служилыхъ, торговыхъ и всякихъ людей грабятъ; атаманъ у нихъ Тренка-усъ. Въ 1641 году посолъ наслѣдника Аббасова, шаха Сефи подалъ челобитную царю: «Съ вашей государевой стороны всякіе набродные, худые люди безыменные, бѣглые, собравшись приходятъ на Гилянскія и на Мазандеранскія мѣста, воюютъ, людей

бьютъ, грабятъ, въ полонъ берутъ; тоже дѣлаютъ и надъ торговыми людьми, которые ходятъ по морю. Государь нашъ съ вами будетъ стоять на этихъ набродныхъ козаковъ, и мы ихъ изведемъ заодно». Тутъ же посолъ жаловался на воеводъ, которые притѣсняютъ Персидскихъ купцовъ; но не одни воеводы притѣсняли: «Прежнимъ Персидскимъ посламъ, говорилось въ челобитной, было позволено торговать, продавать и покупать, ворота у нихъ были отворены, всякихъ чиновъ люди ходили и торговали безъ боязни; а мы сидимъ въ заперти, никого къ намъ не пускаютъ; Григорій Никитниковъ намъ приказываетъ, что торговать велѣно съ нимъ однимъ, и мы шаховыхъ товаровъ до сихъ поръ ни на одинъ алтынъ не продали, отъ страху ни кто къ намъ не ходитъ». Послу отвѣчали относительно козаковъ, что давно отправленъ царскій указъ воеводамъ, посылать на козаковъ ратныхъ людей, побивать ихъ, а взятыхъ въ плѣнъ казнить; пусть и шахъ въ своей землѣ этихъ воровъ велитъ ловить и побивать, великій государь за нихъ стоять не будетъ. Что касается до воеводскихъ обидъ, то великому государю неизвѣстно — какія это обиды? въ какихъ городахъ и отъ какихъ именно воеводъ? объявите имена, и государь велитъ сыскать; и Русскимъ купцамъ въ Персіи отъ шаховыхъ воеводъ и приказныхъ людей бываетъ насилье большое. На третью жалобу отвѣчали, что дѣйствительно приказано торговать съ послами гостю Никитникову повольною торговлею: «Неволи вамъ никакой нѣтъ; товары вы у Никитникова смотрѣли и свои казали, а не торгуете и замедленіе себѣ дѣлаете неизвѣстно для чего». Но Персіянинъ никакъ не могъ понять повольной торговли съ однимъ человѣкомъ: «Говорилъ я приставамъ прежде много разъ и теперь сказываю то же: не умѣть мнѣ съ Григорьемъ Никитниковымъ торговать: поставлена у него товарамъ цѣна большая, а я шаховой казны потерять даромъ и безъ головы быть не хочу». Посолъ настоялъ на своемъ и получилъ повольный торгъ со всякими людьми, подъ условіемъ только торговать на посольскомъ дворѣ, а не по улицамъ.

Мы видѣли, что царь, въ качествѣ номинальнаго повелителя Грузіи, требовалъ отъ шаха Аббаса, чтобъ тотъ не опустошалъ этой несчастной страны. Шахъ отвѣчалъ, что онъ готовъ уступить Грузію Московскому государю и возвратить Грузинскому царю Теймуразу его семейство, если тотъ оставитъ сторону Турокъ. Михаилъ велѣлъ объявить объ этомъ послу Теймуразову, епископу Ѳеодосію, бывшему тогда въ Москвѣ (1624 г.) и прибавить, что царское величество не можетъ разорвать съ шахомъ, не можетъ и помочь Теймуразу деньгами, потому что казна истощена Польскою войною. Въ 1636 году пріѣхалъ въ Москву изъ Грузіи Никифоръ, протосинкелъ и архимандритъ, который объявилъ о желаніи Теймураза быть въ подданствѣ у государя, въ слѣдствіе чего, послѣ долгихъ разсужденій и освѣдомленій, весною 1637 года отправились въ Грузію князь Ѳедоръ Волконскій, дьякъ Артемій Хватовъ и пятеро духовныхъ лицъ съ тѣмъ, чтобъ привести Теймураза къ крестному цѣлованію. Съ посланными отправились два иконописца и столяръ съ матеріалами, желѣзомъ, красками. Пріѣхавши въ Грузію, Волконскій нашелъ страну въ самомъ жалкомъ положеніи послѣ недавняго опустошенія, причиненнаго Персіянами, у Теймураза осталась во владѣніи одна только Кахетія. Цѣль посольства была достигнута: Теймуразъ цѣловалъ крестъ царю Михаилу, при чемъ посолъ успѣлъ уклониться отъ всякихъ обязательствъ со стороны царя. Теймуразъ просилъ, чтобъ царь приказалъ построить крѣпость въ горахъ для удержанія Кумыковъ отъ нападенія на Грузію, просилъ также прислать лѣкаря и рудознатца. Съ отвѣтомъ былъ посланъ въ Грузію въ 1641 году князь Ефимъ Мышецкій, который долженъ былъ объявить Теймуразу, что въ настоящее время крѣпости построить никакъ нельзя: въ Москвѣ помнили несчастную участь Русскаго войска въ горахъ при Годуновѣ; лѣкарь былъ присланъ, касательно же рудознатца Мышецкій объявилъ, чтобъ Теймуразъ прежде прислалъ въ Москву образчики минералловъ, добываемыхъ въ его странѣ; наконецъ Мышецкій долженъ былъ вручить Теймуразу 20,000 ефимковъ, кромѣ соболей.

Но въ это время, послѣднее время жизни, вниманіе царя Михаила особенно занимали два тяжелыя дѣла, по отношенію къ Даніи и Польшѣ. Мы видѣли, что прежнія сношенія съ Даніею кончились ничѣмъ по причинѣ споровъ о томъ, на какомъ мѣстѣ ставить королевское имя. Въ началѣ 1637 года пріѣхалъ въ Москву гонецъ Голмеръ съ грамотами короля Христіана IV-го, который просилъ отпустить въ Данію кости королевича Іоанна: просьба была исполнена; а чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ рѣшили послѣдовать примѣру Годунова, вызвать изъ Даніи же принца въ женихи для старшей дочери царской Ирины Михайловны. 9-го Іюня 1640 года потребованъ былъ въ посольскій приказъ Датскаго короля прикащикъ Петръ Марселисъ и допрашиванъ, сколько дѣтей у Датскаго короля и какихъ лѣтъ? Марселисъ объявилъ, что у Христіана IV два сына отъ первой жены, одинъ, наслѣдникъ престола, уже женатый, другой помолвилъ жениться; но есть еще третій сынъ Волмеръ (Валдемаръ) отъ другой вѣнчальной же жены (отъ графини Мункъ, на которой король былъ женатъ съ лѣвой руки); этому принцу 22 года; король съ матерью его не живетъ будто бы за то, что хотѣла его портить, но сына своего Валдемара король любитъ. Въ Ноябрѣ отправили въ Данію гонца, переводчика иностранца Ивана Ѳомина съ жалобою на герцога Голштинскаго, который не исполнялъ условій договора относительно Персидской торговли: этому Ѳомину велѣно было провѣдывать подлинно тайнымъ обычаемъ, сколько у короля дѣтей отъ вѣнчальныхъ прямыхъ женъ отъ королевъ, и сколько не отъ прямыхъ женъ и въ какихъ чинахъ у него эти дѣти? Провѣдать допряма про королевича Волмера, сколько ему лѣтъ, каковъ собою, возрастомъ, станомъ, лицемъ, глазами, волосами, гдѣ живетъ, какимъ наукамъ, грамотамъ и языкамъ обученъ? каковъ умомъ и обычаемъ, и нѣтъ ли въ немъ какой болѣзни или увѣчья и не зговоренъ ли гдѣ жениться, чья дочь его мать, жива ли и какъ живетъ? Промышлять, чтобъ королевича Волмера видѣть ему самому и персону его написать подлинно на лист или на доску, безъ приписи, прямо, про-

мышлять этимъ, подкупя писца (т. е. живописца), хотя бы для этого въ Датской землѣ и помѣшкать недѣли или двѣ, прикинувъ на себя болѣзнь, только бы непремѣнно провѣдать допряма, во чтобы то ни стало, давать не жалѣя; а для прилики, чтобъ не догадались, велѣть написать персоны самого короля Христіана и другихъ сыновей его.

Иванъ Ѳоминъ, возвратившись изъ Даніи, подалъ записку, что королевичь Волмеръ 20 лѣтъ, волосомъ русъ, ростомъ не малъ, собою тонокъ, глаза сѣрые, хорошъ, пригожъ лицемъ, здоровъ и разуменъ, умѣетъ полатыни, пофранцузски, поиталіански, знаетъ нѣмецкій верхній языкъ, искусенъ въ воинскомъ дѣлѣ, самъ онъ Ѳоминъ видѣлъ, какъ королевичь пушку къ цѣли приводилъ; мать его Христина больна, отецъ ея былъ бояринъ и рыцарь большой, именемъ Людвигъ Мункъ и мать ея также боярыня большаго родства. Относительно портретовъ Ѳоминъ доносилъ: «Присылалъ за мною Копенгагенскій державца Улфелтъ и говорилъ: «Слухъ до меня дошелъ, что ты подкупаешь, чтобъ тебѣ написали портреты короля и королевичей подлинно безъ приписи: но ты самъ знаешь, что это невозможное дѣло, потому что живописецъ долженъ стоять передъ королемъ и королевичами и на нихъ глядѣть; но государь нашъ на то соизволилъ, велѣлъ себя и королевичей своихъ написать и послать къ вашему государю». Послѣ этого Улфелтъ спросилъ: «Зачѣмъ это государю вашему нужны портреты?» Ѳоминъ отвѣчалъ: «Государевы мысли въ Божіихъ рукахъ: мнѣ неизвѣстно». Потомъ королевскій секретарь повторилъ тотъ же вопросъ и прибавилъ: «Если государю вашему королевичь Волмеръ надобенъ для воинскаго дѣла, то король отпуститъ его къ царскому величеству». Лѣтомъ 1641 года дали знать въ Москву, что ѣдетъ къ государю необыкновенное посольство изъ Даніи: въ послахъ ѣдетъ королевичь Вальдемаръ, графъ Шлезвигъ-Голштинскій, а вторымъ посломъ Григорій Краббе. Сдѣланы были распоряженія объ особенныхъ почестяхъ; во всѣхъ городахъ воеводы ѣздили къ графу Вальдемару челомъ ударить. Въ Москвѣ пословъ помѣстили на дворѣ

думнаго дьяка Ивана Грамотина въ Китаѣ городѣ, при чемъ велѣно палаты, поварню, всѣ хоромы и конюшню осмотрѣть, вычистить, худыя мѣста починить, столы, скамьи и окончины поставить, навозъ и щепы со двора свозить и посыпать на дворѣ пескомъ; у средней палаты двери были желѣзныя, а мосту передъ нею и всходу не было: такъ велѣно было сдѣлать мостъ съ перилами и лѣстницу, колодезь вычистить, въ двухъ палатахъ, да въ покоевой задней деревянной горницѣ лавки и скамьи обиты были сукнами червчатыми, да въ тѣхъ же палатахъ и въ горницѣ, гдѣ стоялъ графъ Вальдемаръ, одинъ столъ покрытъ былъ ковромъ, а три сукнами червчатыми багрецовыми. Приставамъ данъ былъ наказъ: «Вы бы разсмотрѣли всякими мѣрами подлинно; и у дворянъ и у посольскихъ людей въ разговорахъ тайно развѣдали, какъ графа Вальдемара посолъ Краббе, дворяне и посольскіе люди почитаютъ, государскимъ ли обычаемъ или рядовымъ обычаемъ?» Приставы отвѣчали, что Краббе передъ графомъ шляпу временемъ снимаетъ, по дорогѣ ѣдучи и въ шляпѣ съ нимъ говоритъ, за обѣдомъ сидитъ съ нимъ вмѣстѣ; думные и дворяне графа почитаютъ, говорятъ съ нимъ всѣ снявши шляпы и въ разговорѣ съ нимъ называютъ его королевичемъ, а не посломъ, и во всемъ его почитаютъ государскимъ обычаемъ.

Посольство было принято обыкновеннымъ образомъ, потому что въ грамотѣ королевской Валдемаръ былъ написанъ посломъ, а не королевичемъ; просьба Вальдемара, чтобъ позволено ему было представиться въ шпагѣ, не была исполнена, хотя онъ и говорилъ, что будетъ терпѣть за это вѣчный позоръ. Въ отвѣтѣ съ боярами Вальдемаръ потребовалъ повольной торговли для Датскихъ купцовъ по всему Московскому государству. Бояре отвѣчали: пусть Датскіе купцы пріѣзжаютъ по пяти и по шести человѣкъ и торгуютъ свальнымъ товаромъ, а не порознь, съ обычными пошлинами. Вальдемаръ просилъ позволеніе устроить прядильню для канатнаго дѣла; бояре отвѣчали: безъ смолы прядильнѣ быть нельзя, а смоляной промыслъ отданъ на откупъ съ 1636 года, когда же урочные откупные

годы отойдутъ, то государь велитъ смоляной откупъ отдать Датскимъ людямъ также на урочные годы. Вальдемаръ просилъ позволенія Датчанамъ строить дворы и церкви, и получилъ отвѣтъ, что дворъ у Датскихъ купцовъ въ Москвѣ есть, а въ Новгородѣ, Псковѣ и Архангельскѣ пусть купятъ дворы или поставятъ на посадѣ, но киркамъ не быть; также чтобъ и Русскимъ купцамъ было позволено имѣть свои дворы въ Даніи. Вальдемаръ требовалъ, чтобъ позволено было Датчанамъ имѣть въ Москвѣ агентовъ и прикащиковъ: позволено имѣть одного агента. Требовалъ, чтобъ съ разбитыхъ кораблей вещи сыскивались и возвращались хозяевамъ, а перевозъ былъ бы мирный безъ десятины; согласились съ замѣчаніемъ, что и прежде никогда десятины не брали. Требовалъ позволенія учредить компанію Датскихъ купцовъ для исключительной торговли въ Россіи кожами и юфтью, за что компанія надбавитъ пошлинъ: прежде бралось по 4 со 100, а Датчане будутъ платить по 7 со 100; бояре отвѣчали, что такой невольной торговлѣ быть непригоже: царскаго величества подданнымъ въ томъ будетъ оскорбленье. Вальдемаръ требовалъ позволенія для Датчанъ покупать ежегодно 1,000 ластовъ хлѣба для Даніи и столько же для Норвегіи: ему отвѣчали, что въ Россійскомъ государствѣ былъ хлѣбный недородъ не по одинъ годъ, и свои люди хлѣбомъ еще не наполнились, а если впередъ будетъ урожай, то позволеніе дадутъ. Послѣ этихъ переговоровъ хотѣли писать грамоты на вѣчное докончаніе, но тутъ опять неодолимое препятствіе: Вальдемаръ требовалъ, чтобъ въ Датской грамотѣ имя королевское было написано прежде царскаго, бояре не согласились, и послы по прежнему поѣхали ни съ чѣмъ.

Въ Октябрѣ 1641 уѣхали Датскіе послы, а въ Апрѣлѣ 1642 въ Москвѣ признали за нужное отправить въ Данію посольство съ важнымъ дѣломъ. Отправлены были извѣстный уже намъ окольничій Степанъ Матвѣевичь Проѣстевъ и дьякъ Иванъ Патрикѣевъ для заключенія докончанія, при чемъ должны были отвезти подарки королевичу Вальдемару; въ запасъ дано имъ было соболей на 2,000 рублей, велѣно расходовать, смотря по

тамошнему дѣлу, искрѣпка, безъ чего быть нельзя, чтобъ государское дѣло совершить добромъ. Это государское дѣло состояло въ предложеніи брачнаго союза между королевичемъ Валдемаромъ и царевною Ириною Михайловною. Тайный наказъ посламъ по этому дѣлу говорилъ: Если спросятъ, есть ли съ ними персона царевны? отвѣчать: «У нашихъ великихъ государей Россійскихъ того не бываетъ, чтобъ персоны ихъ государскихъ дочерей, для остереганья ихъ государскаго здоровья, въ чужіе государства возить, да и въ Московскомъ государствѣ очей государыни царевны, кромѣ самыхъ ближнихъ бояръ, другіе бояре и всякихъ чиновъ люди, не видаютъ».

Послы были приняты въ Даніи не очень ласково: когда они на представленіи королю по обычаю сказали, что великій государь велѣлъ королю поклониться, про свое государское здоровье сказать, и брата своего здоровье видѣть, то король на это смолчалъ, про государское здоровье не спросилъ и не всталъ. Послы, не подавая царской грамоты, долго стояли молча, все ждали, что король встанетъ и спроситъ про государево здоровье; наконецъ Проѣстевъ сказалъ, что они ждутъ исполненія обычая; тогда король велѣлъ канцлеру сказать, что радъ слышать про здоровье своего брата. Послы отвѣчали на это, что царь про королевское здоровье спрашивалъ самъ, вставши; король спросилъ ихъ: «Какъ были у вашего государя наши послы, то имъ у васъ что дѣлали?» Проѣстевъ отвѣчалъ: «Когда были ваши послы у нашего государя, то государь нашъ у вашего королевскаго величества чести не умалялъ, а мы теперь видимъ тому противное». Король всталъ, снялъ шляпу и самъ спросилъ про государево здоровье.

Начались переговоры, начались съ вопроса: кого прежде писать въ грамотахъ? канцлеръ сказалъ: «Этому дѣлу по вашей мѣрѣ не быть; государь нашъ во всей Европѣ никакому государю своей чести не уступитъ, и такою дорогою цѣною ни у котораго государя дружбы купить не хочетъ.» И опять дѣло о докончаніи кончилось ничѣмъ. Началось другое дѣло: послы стали говорить о государственныхъ великихъ дѣлахъ,

что великій государь хочетъ быть съ его королевскимъ величествомъ въ пріятельствѣ, крѣпкой дружбѣ, любви и соединеніи свыше всѣхъ великихъ государей, и для того велѣлъ его королевскому величеству объявить, что его государской дщери царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ приспѣло время сочетаться законномъ бракомъ, и вѣдомо ему, великому государю, что у Датскаго Христіануса короля есть добродный и высокорожденный его королевскій сынъ королевичь Вальдемаръ Христіанъ, графъ Шлезвигъ-Голстинскій. И если его королевское величество захочетъ быть съ нимъ великимъ государемъ въ братской дружбѣ на вѣки, то онъ бы позволилъ сыну своему государскую дщерь взять къ сочетанію законнаго брака.» Ближніе королевскіе люди спросили: «Какъ великій государь графа Вальдемара хочетъ имѣть у себя въ присвоеньи и въ какой чести? Какіе именно города и села дастъ ему на содержаніе?» Послы отвѣта на это не дали по неимѣнію наказа, о вѣрѣ же сказали, что Вальдемаръ долженъ креститься въ православную вѣру Греческаго закона. На это послѣдовалъ отказъ, и послы по обоимъ дѣламъ отпущены ни съ чѣмъ. Вальдемара въ это время не было въ Копенгагенѣ, послы отправили къ нему царскій подарокъ—пять сороковъ соболей; когда уже они получили отпускъ, то Вальдемаръ пріѣхалъ въ Копенгагенъ и пришелъ къ нимъ бить челомъ за государское жалованье: «теперь, говорилъ онъ, я милость государя вашего къ себѣ незабытную вижу, потому что пожаловалъ меня своимъ государскимъ многимъ жалованьемъ.» Послы королевича почитали и говорили, чтобъ сѣлъ, но королевичь говорилъ: «Когда вы послы сядете, то и я съ вами сяду.» Послы отвѣчали: «Ты государскій сынъ; мы по указу государя нашего тебя почитаемъ, тебѣ, по твоему достоянью, добро пожаловать сѣсть, и мы съ тобой сядемъ.» Королевичь сѣлъ по серединѣ стола, а по конецъ не сѣлъ. О сватовствѣ онъ сказалъ: «Отецъ все мнѣ разсказалъ объ этомъ дѣлѣ; съ вами много говорить не позволено, да и нечего: во всемъ положился я на волю отца своего.»

Проѣстева и Патрикѣева ждалъ дурной пріемъ въ Москвѣ; ихъ обвинили, что великое дѣло дѣлали не по наказу: въ наказѣ было сказано: радѣть и промышлять всякими мѣрами, уговаривать и дарить кого надобно; а послы, услыхавши первый отказъ, сейчасъ же и уѣхали, съ государемъ не обославшись; для государева дѣла послана была съ ними казна, соболи, давать было что, а они соболи раздавали для своей чести, а не для государева дѣла, съ ближними королевскими людьми говорили самыми короткими словами, что къ дѣлу не пристало, многихъ самыхъ надобныхъ дѣлъ не говорили, и ближнимъ королевскимъ людямъ во многихъ статьяхъ были безотвѣтны. Въ Сентябрѣ возвратились Проѣстевъ съ Патрикѣевымъ въ Москву; въ Декабрѣ государь отправилъ въ Данію Датскаго же коммисссара Петра Марселиса «вѣря ему въ такомъ великомъ дѣлѣ, потому что его Петровъ отецъ Гаврила и самъ онъ Петръ прежде ему великому государю служили вѣрно: какъ былъ въ Польшѣ и Литвѣ отецъ его государевъ, то Гаврила Марселисъ о его государскомъ освобожденьи радѣлъ и всякими мѣрами промышлялъ, да и другія ихъ Гаврилы и Петра къ великому государю многія и вѣрныя службы были.» Марселисъ долженъ былъ объявить королю, что прежніе послы, Проѣстевъ и Патрикѣевъ говорили не по царскому наказу и не противъ ближнихъ людей вопроса о вѣрѣ и крещеньѣ, говорили и дѣлали нерадѣньемъ; имъ велѣно было изъ Копенгагена отписать къ его царскому величеству, если объявится какое-нибудь затрудненіе: но они ни о чемъ не писали и сами пріѣхали не сдѣлавъ ничего; за это царское величество положилъ на нихъ опалу. Великій государь станетъ королевскаго сына держать у себя въ ближнемъ пріятельствѣ и въ государской большой чести, какъ государскаго сына и своего зятя; ближніе и всякихъ чиновъ люди Россійскаго государства будутъ его, королевича почитать большою честію и будетъ онъ обдаренъ всѣмъ: города, села и денежная казна будетъ у него многая: государь велѣлъ дать ему города большіе, Суздаль и Ярославль съ уѣздами и другіе города и села,

которые ему королевичу будутъ годны. Въ вѣрѣ неволи не будетъ королевичу, а въ православную христіянскую вѣру Греческаго закона крещеніе всѣмъ людямъ даръ Божій; кого Богъ приведетъ, тотъ и приметъ, а воля Божія свыше человѣческой мысли и дѣла. Которые ближніе и дворовые люди будутъ при королевичѣ и захотятъ служить при его дворѣ, тѣмъ всѣмъ государская милость будетъ во всемъ по ихъ достоинству, а неволи имъ ни въ чемъ не будетъ.

Марселису нужно было преодолѣть разнаго рода трудности, опровергнуть разныя возраженія; но онъ радѣлъ и промышлялъ всякими мѣрами. Такъ многіе люди въ Датской землѣ говорили: «Какъ это королевичу ѣхать въ Москву, къ дикимъ людямъ, тамъ ему быть на вѣки въ холопствѣ, и что обѣщаютъ, того не исполнятъ, можно ему прожить и отцовскимъ жалованьемъ.» Говорили это тѣ люди, которымъ хотѣлось, чтобъ Вальдемаръ женился на дочери Чешскаго короля (несчастнаго Фридриха Пфальцкаго). Марселисъ отвѣчалъ имъ: «Еслибъ въ Москвѣ люди были дикіе, то я бы столько лѣтъ тамъ не жилъ и впередъ не искалъ чтобъ тамъ жить; хорошо еслибъ и въ Датской землѣ былъ такой же порядокъ, какъ въ Москвѣ; никто не можетъ доказать, чтобъ царь не исполнялъ того, что обѣщалъ, слово свое онъ держитъ крѣпко не только христіянскимъ государямъ, но и бусурманскимъ.» — Королевскіе ближніе люди говорили: «Въ Москвѣ многіе бояре не хотятъ, чтобъ царь выдавалъ дочерей своихъ за государскихъ сыновей для того чтобъ имъ самимъ быть у царя въ родствѣ.» На это Марселисъ отвѣчалъ: «Московскій государь самодержецъ и дѣлаетъ все по своей волѣ, а знаютъ про это великое дѣло ближніе большіе бояре.» Шведы и Голландцы внушали: «Сперва королевичу въ Москвѣ будетъ большая честь, чтобъ отвести его отъ Лютеранской вѣры, а если онъ на это не согласится, то и перестанутъ его почитать.» Марселисъ отвѣчалъ, что Шведы и Голландцы нарочно говорятъ, не желая такого великаго дѣла; начато оно съ добрымъ разсужденіемъ, добромъ и кончится. Наконецъ самъ Вальдемаръ, вывезя изъ

прежней поѣздки своей въ Москву очень непріятныя воспоминанія, обнаружилъ сильное нежеланіе ѣхать въ другой разъ туда женихомъ, и согласился только изъ боязни разсердить короля отца. Онъ упрашивалъ Марселиса, чтобъ все честно дѣлалось; Марселисъ увѣрялъ, что все будетъ хорошо: «Если вамъ будетъ дурно, то и мнѣ будетъ дурно же, моя голова будетъ въ отвѣтѣ, говорилъ ему Марселисъ.—«А какая мнѣ будетъ польза въ твоей головѣ, когда мнѣ дурно будетъ?» отвѣчалъ королевичь, и прибавилъ: «Видно уже такъ Богу угодно, если король и его думные люди такъ уложили, много я на своемъ вѣку постранствовалъ, и такъ воспитанъ, что умѣю съ людьми жить, уживусь и съ лихимъ человѣкомъ, а такому добронравному государю какъ не угодить?»

Король объявилъ Марселису условія, на которыя должны были предварительно отвѣчать въ Москвѣ: 1) въ вѣрѣ королевичу неволи не будетъ и церковь ему будетъ поставлена по его закону. На это въ Москвѣ отвѣчали, что королевичу и его двору въ вѣрѣ и законѣ неволи никакой не будетъ; а о томъ чтобъ дать мѣсто для кирки, договоръ будетъ съ королевскими послами, которые пріѣдутъ съ графомъ Вальдемаромъ въ Москву. 2) Чтобъ королевичу отъ всѣхъ, высокаго и низкаго, духовнаго и мірскаго чина почитаему быть царскимъ зятемъ, чтобъ ему надъ собою никакого начальства не имѣть кромѣ великаго государя и сына его государя царевича, ихъ онъ будетъ почитать своими государями, а больше никого. На это условіе послѣдовало согласіе. 3) Королевичу и его прямымъ наслѣдникамъ обѣщанные города имѣть во вѣки безъ помѣшки; если Вальдемаръ умретъ безъ наслѣдниковъ, то Ирина наслѣдуетъ эти города въ пожизненное владѣніе; если же великій государь кромѣ городовъ и земель изволитъ дать денежное приданое, то это честнѣе и славнѣе будетъ. — Послѣдовало согласіе съ прибавкою: «если послѣ Вальдемара останутся наслѣдники, то имѣнія графа въ Датской землѣ должны быть за Ириною и за его наслѣдниками; также мы, великій государь приданое—всякія утвари и деньгами всего на 300,000

рублей дать изволили. 4) Кромѣ городовъ давать королевичу на дворовое содержанье, ибо неизвѣстны доходы съ городовъ. Отвѣтъ: Съ назначенныхъ городовъ собирается доходу много, а если окажется мало на дворовое содержаніе, то мы прибавимъ городовъ и селъ. 5) Королевичь будетъ одѣвать свой дворъ по своей волѣ; вольно ему слугъ принимать изъ Датской земли и отпускать назадъ. Послѣдовало согласіе, причемъ опредѣлено, чтобъ королевичь взялъ съ собою въ Москву 300 человѣкъ.

Когда Марселисъ съѣздилъ съ королевскими условіями въ Москву и привезъ на нихъ удовлетворительныя отвѣтныя статьи за государскою печатью, то Вальдемаръ съ двумя послами Олавомъ Пассбиргомъ и Стрено Билленомъ въ Октябрѣ 1643 года отплылъ изъ Копенгагена въ Данцигъ, чтобъ черезъ Польскія, а не черезъ Шведскія владѣнія достигнуть Москвы; въ Вильнѣ онъ былъ принятъ съ большою ласкою и честію королемъ Владиславомъ и удивилъ Польскихъ придворныхъ отличнымъ знаніемъ французскаго и италіянскаго языковъ.

Въ Декабрѣ 1643 года Вальдемаръ переѣхалъ Русскую границу, и былъ встрѣченъ подъ Псковомъ бояриномъ княземъ Юрьемъ Сицкимъ и дьякомъ Шипулинымъ. Во Псковѣ встрѣтилъ его воевода; гости и посадскіе лучшіе люди встрѣтили его съ дарами—съ хлѣбами, соболями и золотыми, соболей было два сорока и сто золотыхъ. Вальдемаръ сначала не хотѣлъ брать даровъ, но когда дьякъ Шипулинъ по государеву указу, замѣтилъ ему, что онъ этимъ оскорбитъ Псковичей, то принялъ. Сицкому наказано было: «Королевечу Вальдемару Христіанусовичу всякое береженье и честь держать великую, здоровья его отъ Русскихъ и отъ всякихъ людей остерегать на крѣпко.» Но ото всѣхъ непріятностей остеречь было нельзя; такъ въ Опочкѣ испортили у королевича возокъ, вырѣзавъ бархатъ у дверей. Въ Новгородѣ была королевичу такая же встрѣча, что и во Псковѣ. Въ Москвѣ, куда королевичь въѣхалъ 21 Генваря 1644 года, поднесли ему хлѣбы и дары Московскіе, Голландскіе и Англійскіе гости и торговые люди, а Вальдемаръ

жаловалъ ихъ къ рукѣ. Когда королевичь пріѣхалъ во дворецъ (28 Генваря), то середи грановитой палаты, перешедши столпъ, встрѣтилъ его царевичь Алексѣй Михайловичь, а явилъ царевича Вальдемару бояринъ князь Львовъ; царевичь спросилъ гостя о здоровьѣ, подалъ ему руку, и потомъ пошелъ съ королевичемъ вмѣстѣ по правую сторону. Тотъ же бояринъ князь Львовъ явилъ королевича государю, который сошелъ съ своего мѣста, подалъ королевичу руку (витался) и спросилъ о здоровьѣ, королевичь на государевомъ жалованьѣ билъ челомъ и правилъ поклонъ отъ короля отца своего, сперва государю, потомъ царевичу Алексѣю Михайловичу. Послы королевскіе говорили рѣчь: «Его королевское величество, во имя св. Троицы, послалъ своего любительнаго сына, графа Вальдемара Христіана къ его царскому величеству, чтобъ ему, по царскаго величества хотѣнью и прошенью, законъ принять (вступить въ бракъ) съ царскаго величества дочерью, великою княжною Ириною Михайловною. Король проситъ, чтобъ его царское величество изволилъ для большей вѣрности и укрѣпленья договоръ о сватаньѣ крестнымъ цѣлованьемъ при его королевскихъ послахъ укрѣпить и письмо дать; также принять и почитать королевскаго сына какъ своего сына и зятя, а король накрѣпко наказалъ сыну своему царское величество какъ отца почитать, достойную честь и службу воздавать». Думный дьякъ отъ царскаго имени отвѣчалъ:» Желаемъ чтобъ всесильный Богъ великое и доброначатое дѣло къ доброму совершенью привелъ; хотимъ съ братомъ нашимъ его королевскимъ величествомъ быть въ крѣпкой дружбѣ и любви, а королевича Вальдемара Христіанусовича хотимъ имѣть въ ближнемъ присвоеніи, добромъ пріятельствѣ и почитать, достойную честь ему воздавать какъ есть своему государскому сыну и зятю.»

3 Февраля Датскіе послы были въ отвѣтѣ съ боярами, княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ, княземъ Юріемъ Андреевичемъ Сицкимъ, окольничимъ Васильемъ Ивановичемъ Стрѣшневымъ, да съ дьяками Григоріемъ Львовымъ и Михай-

лою Волошениновымъ. Послы говорили о вѣчномъ докончаньѣ по статьямъ: 1) Подтвердить старинные договоры о мирѣ, соединеніи и вольности торговаго промысла. 2) Датскимъ и Норвежскимъ купцамъ производить безпрепятственную торговлю по всѣмъ мѣстамъ Московскаго государства и заводить прядильни. 3) Позволить Датчанамъ имѣть свои кирхи и дворы. 4) Вольно королю ставить агентовъ и прикащиковъ въ какихъ городахъ будетъ надобно. 5) Въ случаѣ кораблекрушенія отдавать товары владѣльцу ихъ безпошлинно, а тому, кто ихъ перейметъ, давать за береженье умѣренную плату. 6) Вольно королевскимъ подданнымъ покупать въ Россіи хлѣба ластовъ 1,000 или больше или меньше; также и въ Норвежскую землю вывозить по стольку же. 7) Такъ какъ между великимъ государемъ и королемъ Польскимъ идутъ споры и ссоры о порубежныхъ дѣлахъ, то король Датскій берется быть посредникомъ. 8) Что касается до церковныхъ чиновъ при вѣнчаніи королевича съ царевною, то они, послы надѣются, что все будетъ устроено къ чести Бога вышняго. 9) Послы надѣются, что все договоренное съ Петромъ Марселисомъ будетъ подтверждено. 10) Хотятъ они знать, на которомъ мѣстѣ будетъ поставлена церковь для королевича и на которомъ мѣстѣ будетъ у него дворъ и дворовый чинъ? 11) Король приказалъ имъ развѣдать, сколько доходовъ съ городовъ Суздаля и Ярославля, чтобъ знать, можно ли будетъ королевичу и его наслѣдникамъ этими доходами дворовый чинъ свой содержать, и если нельзя, то чтобъ государь, по своему обѣщанію, доходовъ прибавилъ, иначе королевичь войдетъ въ долги. 12) Какимъ образомъ королевичу и его наслѣдникамъ города и земли въ своихъ титулахъ, гербахъ и печатяхъ имѣть? 13) Какъ будетъ поступлено въ случаѣ смерти королевича или жены его? 14) Въ королевскихъ грамотахъ имя короля Христіана должно писаться выше царскаго.

4 Февраля государь посѣтилъ королевича, который жаловался ему на неправду Шведовъ, вторгнувшихся въ Голштинію мимо договора: «поэтому, говорилъ Вальдемаръ, всѣмъ го-

сударямъ можно знать правду Шведовъ и отъ нихъ беречься; особенно же надобно крѣпко беречься отъ нихъ царскому величеству; объ этомъ онъ, королевичь напоминаетъ государю потому, что пріѣхалъ быть съ нимъ въ родственномъ союзѣ; онъ государю и всему Россійскому государству добра хочетъ, потому что если государю будетъ хорошо, то и ему хорошо.» Михаилъ Ѳедоровичь отвѣчалъ: «есть такъ, что правды въ Шведахъ мало и вѣрить имъ нечего; только до сихъ поръ ко мнѣ отъ нихъ задору не бывало, и у меня съ Шведскимъ королемъ заключенъ вѣчный миръ.» Королевичь сказалъ на это: «а какую они неправду Московскому государству сдѣлали? призваны были на помощь отъ царя Василія, и объявились злыми врагами.»

8 Февраля по царскому приказу, патріархъ Іосифъ (преемникъ Іоасафа), прислалъ къ королевичу бывшаго въ Швеціи резидентомъ Дмитрія Францбекова съ такою рѣчью: «великій святитель со всѣмъ освященнымъ соборомъ сильно обрадовался, что васъ, великаго государскаго сына Богъ принесъ къ великому государю нашему для сочетанья законнымъ бракомъ съ царевною Ириною Михайловною: и вамъ бы, государскому сыну съ великимъ государемъ нашимъ, съ царицею и ихъ благородными дѣтьми и съ нами, богомольцами своими, вѣрою соединиться.» Королевичь отвѣчалъ, что ему принять вѣру Греческаго закона никакъ нельзя; не будетъ онъ дѣлать ничего мимо договора, который заключенъ Петромъ Марселисомъ. Если Марселисъ царю обѣщалъ на словахъ, что онъ королевичь перемѣнитъ вѣру, а королю Христіану и ему Вальдемару не сказалъ, то онъ солгалъ, обманулъ, и за это ему отъ короля Христіана и отъ него королевича не пробудетъ. Если бы онъ королевичь зналъ, что будетъ рѣчь о вѣрѣ, то онъ бы изъ своей земли не поѣхалъ. И если теперь царское величество не изволитъ дѣло дѣлать по статьямъ Марселисова договора, то пусть прикажетъ отпустить его, королевича назадъ къ королю Христіану съ честію. Францбековъ отвѣчалъ, что Марселису не было наказано говорить и рѣшать дѣло о

вѣрѣ; теперь ему королевичу назадъ въ свою землю ѣхать нечестно, и онъ бы не оскорблялся, а гораздо помыслилъ, да не угодно ли ему поговорить о вѣрѣ отъ книгъ съ духовными людьми. Королевичь отвѣчалъ: «я самъ грамотенъ лучше всякаго попа, библію прочелъ пять разъ и всю ее помню; а если царю и патріарху угодно поговорить со мною отъ книгъ, то я говорить и слушать готовъ.»

13 Февраля былъ королевичь у царя въ комнатѣ, и Михаилъ обратился къ нему съ такими словами: «послы королевскіе у насъ на посольствѣ говорили, что король велѣлъ тебѣ быть въ моей государской волѣ и послушаньѣ, и дѣлать то, что мнѣ угодно, а мнѣ угодно, чтобъ ты принялъ православную вѣру.» Королевичь отвѣчалъ: «я радъ быть въ твоей государской волѣ и послушаньѣ, кровь свою пролить за тебя готовъ, но вѣры своей перемѣнить не могу, потому что боюсь преступить клятвы отца моего, а въ нашихъ государствахъ ведется, что мужъ держитъ вѣру свою, а жена другую; и если вашему царскому величеству по договору сдѣлать неугодно, то отпустите меня назадъ къ отцу моему.» Царь: «любя тебя королевича, для ближняго присвоенья, я воздалъ тебѣ достойную великую честь, какой прежде никогда не бывало: такъ тебѣ надобно нашу пріятную любовь знать, что мнѣ угодно, исполнять, со мною вѣрою соединиться, и за такое превеликое дѣло будетъ надъ тобою милость Божія, моя государская пріятная любовь и ото всѣхъ людей честь. Не соединясь со мною вѣрою, въ присвоеньи быть и законнымъ бракомъ съ моею дочерью сочетаться тебѣ нельзя, потому что у насъ мужъ съ женою въ розной вѣрѣ быть не можетъ; Петръ Марселисъ въ Московскомъ государствѣ живетъ долго и знаетъ подлинно, что не только въ нашихъ государскихъ чинахъ, но и въ простыхъ людяхъ того не повелось. Отпустить же тебя назадъ непригоже и не честно; во всѣхъ окрестныхъ государствахъ будетъ стыдно, что ты отъ насъ уѣхалъ, не соверша добраго дѣла. Ты бы подумалъ и мое прошенье исполнилъ; да и почему ты не хочешь быть въ православной вѣрѣ

Греческаго закона? Знаешь ли, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ всѣмъ православнымъ христіянамъ собою образъ спасенія показалъ и погрузился въ три погруженія?» Королевичь: «и у насъ въ Лютерской вѣрѣ погруженіе было же, а перестали погружать тому лѣтъ съ тридцать; я погруженія не хулю; только теперь мнѣ креститься въ другой разъ никакъ нельзя, потому что боюсь клятвы отъ отца своего; да и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ было же, что его племянница была за королевичемъ Магнусомъ.» Царь: «царь Иванъ Васильевичь сдѣлалъ это, не жалуя и не любя племянницы своей; а я хочу быть съ тобою въ одной вѣрѣ, любя тебя какъ роднаго сына.» Королевичь просилъ, чтобъ ему съ государемъ сойтись и о вѣрѣ поговорить инымъ временемъ.

16 Февраля королевичь прислалъ государю грамоту съ слѣдующими статьями: 1) Развѣ вашему царскому величеству неизвѣстно, что вы за два года присылали къ отцу моему великихъ пословъ о сватовствѣ, и когда они объявили, что я долженъ перемѣнить вѣру, то имъ прямо отказано? 2) Ваше царское величество на томъ стоите ли, что вы присылали къ отцу моему Петра Марселиса, который, по вашему наказу, объявилъ, что мнѣ въ вѣрѣ никакой неволи и помѣшки не будетъ? 3) Въ грамотѣ вашего царскаго величества, за вашею печатью присланной, не первая ли статья говоритъ о вольности въ вѣрѣ? Мы никакъ не можемъ вѣрить, чтобъ ваше царское величество, государь повсюду славный и извѣстный, рѣшились по совѣту злыхъ людей что-нибудь сдѣлать вопреки вашему обѣщанію и договору, что приведетъ не только нашего отца, но и всѣхъ государей въ великое размышленіе, и вашему царскому величеству недобрая заочная рѣчь отъ того будетъ.» Царь отвѣчалъ: «и теперь мы вамъ тоже объявляемъ, что вамъ въ вѣрѣ никакой неволи нѣтъ, а говоримъ и просимъ, чтобъ вамъ съ нами быть въ одной христіянской православной вѣрѣ, въ разныхъ же вѣрахъ вашему законному браку съ нашею дочерью быть никакъ нельзя; и въ нашемъ отвѣтномъ письмѣ, которое послано съ Петромъ Марселисомъ

къ отцу вашему, нигдѣ не написано, чтобъ вамъ съ нашею дочерью вѣнчаться, оставаясь въ своей вѣрѣ; нигдѣ не написано также, чтобъ намъ васъ къ соединенью въ вѣрѣ не призывать. Мы, великій государь, хотимъ начатое дѣло дѣлать такъ, какъ годно Богу и нашему царскому величеству, и васъ къ тому всякими мѣрами приводимъ, и молимъ съ прошеньемъ, чтобъ вамъ поискать своего душевнаго спасенія и тѣлеснаго здравія, съ нами вѣрою соединиться. Мы совѣта злоподвижныхъ людей не слушаемъ; а его королевскому величеству, другимъ христіанскимъ государямъ и вамъ мимо дѣла и правды размышлять непригоже; про наше царское величество недобрыхъ заочныхъ рѣчей быть не въ чемъ, а ссорѣ бы вамъ ничьей не вѣрить.»

26 Февраля королевичь прислалъ отвѣтъ: «мы ясно выразумѣли изъ вашего отвѣта, что ваше царское величество не по явнымъ словамъ, какъ у великихъ христіанскихъ государей во всей Европѣ ведется, идете, но единственно по своему толкованію и мысли обо всемъ этомъ дѣлѣ становите. Никогда еще не бывало такого договора, въ которомъ бы его королевскаго величества, отца нашего всю основную мысль превратили, и явныя слова въ иную мысль по своему изволенью толковать и изложить хотѣли, какъ теперь въ этой странѣ дѣлается.» Въ заключеніе королевичь просилъ отпуска въ Данію. Но отпуска не было. 21 Марта королевичь пригласилъ къ себѣ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева и просилъ его похлопотать объ отпускѣ: «знаю, говорилъ королевичь, что ты начальнѣйшій бояринъ въ царствѣ, ближній, справедливый, великій, и потому бью тебѣ челомъ, помоги мнѣ, чтобъ царское величество пословъ и меня отпустилъ.» Шереметевъ отвѣчалъ: «хорошо было бы тебѣ съ царскимъ величествомъ соединиться въ вѣрѣ, а ѣхавъ такую дальную дорогу, ѣхать назадъ непригоже.» Королевичь сказалъ на это: «тому статься нельзя, а когда царское величество меня честно велитъ отпустить, то я буду громко это прославлять.» Шереметевъ взялся донести государю о желаніи Вальдемара. Слѣдствіемъ было

то, что 25 Марта стража около королевичева двора была усилена; 29 Марта бояре объявили Датскимъ посламъ о невозможности совершиться браку королевича на царевнѣ безъ соединенія въ вѣрѣ, и требовали, чтобъ послы уговаривали Вальдемара принять православіе. Послы отвѣчали, что этого имъ не наказано, и если имъ хотя одно слово молвить королевичу о соединеніи въ вѣрѣ, то король велитъ съ нихъ головы снять.» Да хотя бы, продолжали послы, королевичь съ царскимъ величествомъ и вѣрою соединился, то ему не сойдется въ иныхъ мѣрахъ, въ постахъ, кушаньяхъ, въ питьѣ, платьѣ; теперь мы ясно видимъ, что нашему начальному дѣлу статься никакъ нельзя, королевичь вѣры своей не перемѣнитъ, и больше говорить не очемъ: такъ царское величество пожаловалъ бы, велѣлъ насъ отпустить назадъ.» 21 Апрѣля явился къ Вальдемару посланный съ письмомъ отъ патріарха и держалъ такую рѣчь: «государь королевичь Вальдемаръ Христіанусовичь! послалъ меня къ тебѣ государевъ отецъ и богомолецъ, святѣйшій Іосифъ, патріархъ Московскій и всея Россіи, велѣлъ о твоемъ здравіи спросить, какъ тебя Христосъ милостію своею сохраняетъ, и велѣлъ тебѣ извѣстить: слухъ до меня дошелъ, что ты государь королевичь у царскаго величества отпрашивался къ себѣ, а любительнаго великаго дѣла, для чего пріѣхалъ, съ царскимъ величествомъ не хочешь совершить. Такъ святѣйшій патріархъ Іосифъ о томъ къ твоему величеству совѣтное за своею печатію письмо прислалъ, чтобъ тебѣ пожаловать вычесть и любительно отвѣтъ учинить.» Въ письмѣ патріархъ писалъ: «прими, государь королевичь Вальдемаръ Христіанусовичь, сіе писаніе и прочти, уразумѣй любительно, и, уразумѣвъ, не упрямься; государь царь ищетъ тебѣ и хочетъ всего добра нынѣ и въ будущій вѣкъ; своею упрямкою добраго, великаго, любительнаго и присвойнаго дѣла съ его царскимъ величествомъ не порушь, но совершенно учини во всемъ волю его, по Богѣ послушай, не отъ Бога тебя онъ отгоняетъ, но совершенно Богу присвояетъ; да и отецъ твой Христіанусъ король показалъ совѣтъ свой къ его царскому вели-

честву и присвоиться захотѣлъ, тебя, любимаго сына своего, къ его царскому величеству отпустилъ, чтобъ тебѣ жениться на его дочери, и съ послами своими приказывалъ, что отпустилъ тебя на всю волю его царскаго величества: такъ тебѣ надобно его царскаго величества послушать, да будешь въ православной Христовой вѣрѣ вмѣстѣ съ нами. Мы знаемъ, что вы называетесь христіянами, но не во всемъ вѣру Христову прямо держите и во многихъ статьяхъ раздѣляетесь отъ насъ.... И тебѣ бы, государь королевичь, принять св. крещеніе въ три погруженія, а о томъ сомнѣнія не держать, что ты уже крещенъ: несовершенно вашей вѣры крещеніе, требуетъ истиннаго исполненія, такимъ образомъ и будетъ едино крещеніе во святую, соборную и апостольскую церковь, а не второе, и у насъ втораго крещенія нѣтъ» и проч.

Королевичь отвѣчалъ на другой день слѣдующимъ письмомъ: «такъ какъ намъ извѣстно, что вы у его царскаго величества много можете сдѣлать, то бьемъ вамъ челомъ, попросите государя, чтобъ отпустилъ меня и господъ пословъ назадъ въ Данію съ такою же честію, какъ и принялъ. Вы насъ обвиняете въ упрямствѣ: но постоянства нашего въ прямой вѣрѣ христіянской нельзя называть упрямствомъ; въ дѣлахъ, которыя относятся къ душевному спасенію, надобно больше слушаться Бога, чѣмъ людей. Мы хотимъ отдать на судъ христіянскихъ государей, можно ли насъ называть упрямымъ. Какъ видно у васъ перемѣна вѣры считается дѣломъ маловажнымъ, когда вы требуете отъ меня этой перемѣны для удовольствія царскому величеству; но у насъ такое дѣло чрезвычайно великимъ почитается, и такихъ людей, которые для временныхъ благъ и чести, для удовольствія людскаго вѣру свою перемѣняютъ, бездѣльниками и измѣнниками почитаютъ. Подумайте о томъ: если мы будемъ Богу своему невѣрны, то какъ же намъ быть вѣрными его царскому величеству? Намъ отъ отца нашего наказа нѣтъ, чтобъ спорить о мірскомъ или о духовномъ дѣлѣ; царское величество насъ обнадежилъ, что намъ, нашимъ людямъ и слугамъ никакой неволи въ вѣрѣ не будетъ. Мы хо-

тимъ вести себя передъ царскимъ величествомъ, какъ сынъ передъ отцемъ, хотимъ исполнять его волю во всемъ, что Богу не гнѣвно, нашему отцу не досадно, нашей совѣсти не противно, и ничего такъ не желаемъ, какъ приведенія къ концу брачнаго договора. Но для этого никогда не отступимъ отъ своей вѣры. Вы приказываете намъ съ вами соединиться, и если мы видимъ въ этомъ грѣхъ, то вы смиренный патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ грѣхъ этотъ на себя возьмете. Отвѣчаемъ: всякій свои грѣхи самъ несетъ; если же вы убѣждены, что по своему смиренію и святительству, можете брать на себя чужіе грѣхи, то сдѣлайте милость, возьмите на себя грѣхи царевны Ирины Михайловны и позвольте ей вступить съ нами въ бракъ.» — Весь Апрѣль прошелъ въ увѣщаніяхъ. По Датскимъ извѣстіямъ, бояре говорили королевичу: быть можетъ онъ думаетъ, что царевна Ирина не хороша лицомъ; такъ былъ бы покоенъ, будетъ доволенъ ея красотою; также пусть не думаетъ, что царевна Ирина, подобно другимъ женщинамъ Московскимъ, любитъ напиваться допьяна: она дѣвица умная и скромная, во всю жизнь свою ни разу не была пьяна. 7 Мая послы потребовали рѣшительно отпуска и назначили день, въ который они хотятъ быть у руки царской на прощаньѣ; требовали, чтобъ и королевичь былъ отпущенъ вмѣстѣ съ ними. Государь отвѣчалъ, что такое требованіе написано непригоже, какъ бы съ указомъ: такъ полномочнымъ посламъ къ великимъ государямъ писать не годится; что же касается до королевича, то они сами послы, по королевскому приказу, подвели его къ нему, государю и отдали его во всю его государскую волю, и потому отпуску ему съ ними не будетъ, а какъ время дойдетъ, то государь велитъ отпустить къ королю Христіану пословъ его однихъ. Отвѣтъ оканчивался такъ: «а что станете дѣлать мимо нашего государскаго велѣнья своимъ упрямствомъ, и какое вамъ въ томъ безчестье или дурно сдѣлается, и то вамъ и вашимъ людямъ будетъ отъ себя, а безъ отпуску послы не ѣздятъ.»

9 Мая въ третьемъ часу ночи, со двора королевичева вы-

шло человѣкъ пятнадцать его людей, пѣшихъ, подошли къ стрѣлецкому сотнику, стоявшему на караулѣ, и начали просить, чтобъ онъ отпустилъ съ ними стрѣльцовъ, а они идутъ за Бѣлый городъ за Тверскіе ворота; сотникъ послалъ сказать объ этомъ головѣ, голова отказалъ, и тогда Нѣмцы начали стрѣльцовъ колоть шпагами и многихъ переранили. Того же числа къ стрѣльцамъ, стоявшимъ на караулѣ у Тверскихъ воротъ, подъѣхали на лошадяхъ и пришли пѣшкомъ Нѣмцы человѣкъ съ тридцать и хотѣли силою проломиться въ ворота, караульные не пускали ихъ, тогда Нѣмцы стали въ нихъ стрѣлять изъ пистолетовъ, шпагами колоть и ворота ломать; на крикъ караульныхъ прибѣжали другіе стрѣльцы и заставили Нѣмцевъ бѣжать отъ воротъ. Одинъ изъ Нѣмцевъ былъ взятъ въ плѣнъ; но когда стрѣльцы привели его въ кремль и поровнялись съ соборомъ Николы Гостунскаго, то отъ королевичева двора прибѣжали пѣшіе Нѣмцы и начали стрѣльцовъ колоть шпагами, одного убили до смерти, шесть человѣкъ ранили и Нѣмца у нихъ отбили. 11-го числа былъ у королевича Петръ Марселисъ и говорилъ: «вчерашнюю ночь учинилось дурное дѣло; жаль, потому что отъ такого дѣла добра не бываетъ.» Королевичь отвѣчалъ: «мнѣ всѣхъ своихъ людей не въ уздѣ держать, а скучаютъ они отъ того, что здѣсь безъ пути живутъ; я былъ бы радъ, чтобъ имъ всѣмъ и мнѣ шеи переломали.» Марселисъ: «вамъ бы подождать и лиха никакого не мыслить, которые люди на дурное наговариваютъ, тѣхъ бы не слушать; а кто такъ сдѣлалъ, сдѣлалъ дурно.» Королевичь: «хорошо тебѣ разговаривать! ты дома живешь, у тебя такъ сердце не болитъ, какъ у меня; хотятъ пословъ отпустить, а меня царское величество отпустить не хочетъ.» Когда Марселисъ уходилъ отъ Вальдемара, то встрѣтилъ его чашникъ королевичевъ, отвелъ въ садъ и сказалъ: «слышалъ ли ты, какое несчастье вчерашнюю ночь сдѣлалось? хотѣлъ королевичь изъ Москвы уѣхать самъ и у Тверскихъ воротъ былъ; а знали про это дѣло только я да комнатный дворянинъ, послы про то не знали; королевичь взялъ съ собою запоны дорогія да зо-

лотыхъ сколько ему было надобно. Въ Тверскіе ворота ихъ не пропустили; хотѣли они отъ Тверскихъ воротъ воротиться назадъ и пытаться въ другіе ворота; но стрѣльцы королевича и дворянина поймали, у королевича шпагу оторвали, били его палками и держали лошадь за узду, тогда королевичь вынулъ ножъ, узду отрѣзалъ и отъ стрѣльцовъ ушолъ, потому что лошадь подъ нимъ была ученая, слушается его и безъ узды. Пріѣхавши на дворъ, королевичь сказалъ мнѣ, что мысль не удалась, комнатнаго его дворянина стрѣльцы ухватили, но онъ не хочетъ его выдать. Сказавши это, королевичь взялъ шпагу да скороходовъ человѣкъ съ десять, выбѣжалъ изъ двора, и, увидавъ, что стрѣльцы ведутъ дворянина, бросился на нихъ, убилъ того стрѣльца, который велъ дворянина, и выручивъ послѣдняго, возвратился домой.» Марселисъ, выслушавши чашника, пошелъ опять къ королевичу и началъ ему говорить, что онъ это сдѣлалъ не гораздо; еслибы ему удалось уйти изъ Москвы, то онъ, Марселисъ погибъ бы отъ царской опалы, стали бы подозрѣвать, что онъ зналъ о побѣгѣ. Королевичь отвѣчалъ: «большой былъ бы я дуракъ, еслибъ объ этомъ дѣлѣ сказалъ тебѣ или другому кому, кромѣ тѣхъ кого съ собою взялъ.» Марселисъ: «что то подумаетъ царское величество, когда узнаетъ, что вы такое дѣло дерзостно учинили?» Королевичь: «я царскому величеству приказывалъ, что хочу это сдѣлать, и кто меня станетъ держать и не пропускать, того убью. И впередъ буду о томъ думать, какъ бы изъ Москвы уйти; а если мнѣ это не удастся, то есть у меня иная статья.» Изъ послѣднихъ словъ Марселисъ заключилъ, что не хочетъ ли королевичь надъ собою чего-нибудь сдѣлать, не опился бы смертоноснымъ зельемъ; и, слыша про такое дѣло, Марселисъ не смѣлъ царскому величеству не извѣстить, чтобъ впередъ отъ него въ гнѣвѣ не быть. 12 числа самъ королевичь объявилъ боярину князю Сицкому, что онъ хотѣлъ уѣхать за Тверскіе ворота и убилъ стрѣльца. Царь, услыхавши объ этомъ признаніи, послалъ сказать посламъ королевскимъ, что и простымъ людямъ такого дѣла дѣлать не

годится, и слышать про него непригоже, а ему царю слышать про это стыдно, и королю Христіану такое дѣло не честно. Послы отвѣчали, что у нихъ съ королевичемъ было улажено ѣхать изъ Москвы явно, днемъ, всѣмъ вмѣстѣ, и еслибы что случилось, то не отъ нихъ, а отъ напраснаго задержанья. Если же королевичь поѣхалъ одинъ, ночью, тайкомъ, то имъ до него дѣла нѣтъ.

13-го Мая королевичь прислалъ царю новую просьбу объ отпускѣ, клянясь, что никогда не перемѣнитъ вѣры, и слѣдовательно жить ему больше не зачѣмъ. Царь отвѣчалъ ему выговоромъ, что онъ, Вальдемаръ за такую его любовь и ласку отплатилъ такимъ непригожимъ дѣломъ, о которомъ скоро будетъ толкъ у бояръ съ послами королевскими. Королевичь отвѣчалъ, что вина этого дѣла на тѣхъ, которые безъ всякой причины насильство чинятъ, и повторялъ просьбу объ отпускѣ. Призвали пословъ королевскихъ и требовали чтобъ они вмѣстѣ съ королевичемъ дали письмо за своими руками и печатями и поцѣловали крестъ, что дѣло о бракѣ королевича съ обѣихъ сторонъ полагается на судъ Божій, и впередъ царю съ королемъ быть въ крѣпкой братской дружбѣ, и любви, и въ ссылкѣ на вѣки неподвижно, послѣ чего королевичь и послы будутъ отпущены въ Данію; вѣчному же докончанію быть по договору царя Іоанна съ королемъ Фридрихомъ. Послы отвѣчали: «Если главное дѣло, свадьба королевича, стало, то намъ никакаго другаго дѣла дѣлать и закрѣплять мимо королевскаго наказа нельзя, хотя бы намъ пришлось и десять лѣтъ еще прожить въ Москвѣ». Послѣ этого на нѣсколько просьбъ объ отпускѣ данъ былъ отвѣтъ, что нельзя отпустить безъ обсылки съ королемъ Христіаномъ «и когда король отпишетъ, то мы, великій государь, выразумѣвъ изъ его грамоты, съ вами и дѣлать станемъ, какъ о томъ время покажетъ». Королевичь писалъ, что сосѣдніе государи, Польскій и Шведскій принимаютъ участіе въ его бѣдѣ, не будутъ равнодушно смотрѣть на его плѣнъ; ему отвѣчали: «мы, великій государь, надъ вами съ пріѣзда до сихъ поръ ведемъ честь государственную большую, и вамъ непригоже

было писать, будто вы въ плѣну находитесь, мы отпускать васъ никогда не обѣщались, потому что отецъ вашъ прислалъ васъ къ намъ во всемъ въ нашу государскую волю, и вамъ, несоверша великоначатаго дѣла, какъ ѣхать?»

Прошелъ Май, Іюнь, половина Іюля въ безполезныхъ просьбахъ королевича и пословъ объ отпускѣ, въ безполезныхъ ежедневныхъ увѣщаніяхъ королевичу креститься въ православную христіанскую вѣру, въ безполезныхъ спорахъ о вѣрѣ придворнаго проповѣдника королевичева съ Русскими и Греческими духовными. 19 Іюля Вяземскій воевода, князь Пронскій прислалъ въ Москву священника Григорія изъ села Большаго Покровскаго. Священникъ этотъ объявилъ слѣдующее: 15 Іюля пріѣхалъ изъ-за рубежа въ село Большево сынъ его съ двумя бѣглыми людьми, Тропомъ и Бѣлоусомъ; эти Тропъ и Бѣлоусъ сказали ему, попу Григорью, что были они въ Смоленскѣ и свѣдали про государево дѣло: пришли изъ Москвы отъ королевича Датскаго Смольнянинъ Андрей Босицкій (или Басистой) самъ другъ съ Михайломъ Ивановымъ, и принесли грамоты. Басистовъ по дружбѣ прочиталъ грамоты имъ, Тропу и Бѣлоусу: въ грамотахъ писано къ воеводѣ Смоленскому о томъ, можно ли Андрею Басистову вѣрить, что онъ Датскаго королевича изъ Москвы проведетъ въ Литовскую землю проселочными дорогами. При нихъ, Тропѣ и Бѣлоусѣ въ Смоленскѣ допрашивали мѣщанъ лучшихъ людей, мѣщане воеводѣ сказали и сказку про Басистаго за руками дали, что ему вѣрить можно, и Смоленскій воевода писалъ Датскому королевичу въ Москву, чтобъ онъ Басистову вѣрилъ. Получивши это извѣстіе отъ Вяземскаго воеводы, въ Москвѣ велѣли попу Григорію опознавать Андрея Басистова тайнымъ образомъ, а для того, чтобы Басистовъ не узналъ попа, послѣднему убавили бороды и выстригли усы съ обѣихъ сторонъ. 31 Іюля попъ Григорій поймалъ Басистова и привелъ въ посольскій приказъ. Государь велѣлъ тотчасъ же боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву и думному дьяку Львову Басистова распрашивать и пытать, и на очныя ставки съ попомъ Григорьемъ, съ Тропомъ и Бѣлоусомъ

ставить, чтобъ про такое великое воровское дѣло сыскать допряма. На житномъ дворѣ Басистова распрашивали и пытали: родомъ сказался онъ изъ Вильны, служилъ козачью службу, а теперь живетъ въ Смоленскѣ и торгуетъ съ мѣщанами, пріѣхалъ въ Москву для своей бѣдности съ табакомъ, а не для того, чтобъ королевича вывести; хотѣлъ онъ вывести ловчаго королевичева, который посулилъ ему за это 50 рублей, но солгалъ, денегъ не далъ, а про королевича онъ ни отъ кого и слова не слыхалъ, и въ умѣ у него того не было, въ томъ его поклепали напрасно. Дали ему двѣ встряски жестокія и пять ударовъ — повинился: хотѣлъ вывесть королевича изъ Москвы въ Смоленскъ вмѣстѣ съ Смолняниномъ Максимомъ Власовымъ, который пріѣхалъ въ Москву уже давно и торгуетъ табакомъ; уговаривался онъ вывести королевича съ ловчимъ, сулилъ ему за это ловчій сто рублей, самого же королевича онъ никогда не видалъ; ждалъ онъ королевича недѣли съ три и больше, и ловчій ему отказалъ, что королевичу выѣхать изъ города нельзя. Про табакъ Басистовъ сказалъ, что привезъ въ Москву восемь пудовъ табаку, пудъ продалъ товарищамъ своимъ двоимъ братьямъ Смольнянамъ, взялъ пять рублей, а стоятъ они теперь на полѣ съ версту или съ двѣ отъ Москвы; два пуда табаку у него украли, а пять пудовъ спряталъ на Ходынкѣ въ лѣсу, закопалъ въ землю. Сейчасъ же отправили стрѣльцовъ схватить Литву съ табакомъ, и стрѣльцы привели пять человѣкъ—Смольнянина Максима Власова, товарища Басистова и четверыхъ Дорогобужанъ, прятались они съ табакомъ въ гумнахъ противъ Бутырокъ, въ деревнѣ князя Репнина. Власовъ съ пытки сказалъ, что слышалъ отъ Басистова о выводѣ королевича изъ Москвы, но самъ въ той думѣ не былъ. Послѣ этого Басистова снова допрашивали: «Смоленскій воевода Мадалинскій что̀ съ нимъ приказывалъ, и король съ панами радными про то знаютъ ли?» Басистовъ отвѣчалъ: «Мадалинскій мнѣ приказывалъ, чтобъ я всей рѣчи посполитой сдѣлалъ добро, королевича въ Литву проводилъ, чтобъ впередъ изъ-за королевича Литовскимъ гонцамъ въ Москву не ѣздить черезъ ихъ имѣнія и убытка коро-

левской казнѣ и имъ не дѣлать; а король и паны-радные о томъ не знаютъ». Потомъ Басистовъ признался, что съ ловчимъ королевичевымъ свелъ его Нѣмецъ Захаръ стекляничный мастеръ, да зять его Данила.

До конца Ноября не произошло ничего особеннаго. 29 числа этого мѣсяца Датскіе послы были у государя и подали присланныя къ нимъ королевскія грамоты: король Христіанъ требовалъ, чтобъ царь исполнилъ все то, въ чемъ обязался по договору, заключенному Петромъ Марселисомъ; въ противномъ же случаѣ чтобъ отпустилъ съ честію королевича и пословъ. 29 Декабря самъ царь лично объявилъ королевичу, что ему безъ перекрещенья жениться на царевнѣ Иринѣ нельзя, и отпустить его въ Данію также нельзя, потому что король Христіанъ отдалъ его ему, царю въ сыновья. Королевичь отвѣчалъ на это письменно 9 Генваря 1645 года: «Бьемъ челомъ, чтобъ ваше царское величество долѣе насъ не задерживали; мы самовластнаго государя сынъ и наши люди всѣ вольные люди, а не холопи; ваше царское величество никакъ не скажете, что вамъ насъ и нашихъ людей, какъ холопей можно силою задержать. Если же ваше царское величество имѣете такую неподобную мысль, то мы говоримъ свободно и прямо, что легко отъ этого произойти несчастію: и тогда вашему царскому величеству какая будетъ честь предо всею вселенною? Насъ здѣсь не много, мы вамъ грозить не можемъ силою, но говоримъ одно: про ваше царское величество у всѣхъ людей можетъ быть заочная рѣчь, что вы противъ договора и всякаго права сдѣлали то, что Турки и Татары только для добраго имени опасаются дѣлать; мы вамъ даемъ явственно разумѣть, что если вы задержите насъ насильно, то мы будемъ стараться сами получить себѣ свободу, хотя бы пришлось при этомъ и животъ свой положить». Получивши такое письмо, царь велѣлъ сказать Датскимъ посламъ, чтобъ они королевича унимали, чтобъ онъ мысль свою молодую и хотѣнье отложилъ; если же по его мысли учинится ему какая-нибудь бѣда, то это будетъ ему не отъ государя и не отъ государевыхъ людей, а самому отъ себя.

Послы отвѣчали: «Думаетъ королевичь обо всемъ этомъ съ своимъ домомъ, съ своими ближними людьми, а не съ нами».

Вступился въ дѣло Польскій посолъ Стемпковскій; началъ уговаривать Вальдемара исполнить царскую волю, стращая, что въ противномъ случаѣ царь можетъ соединиться съ Швеціею противъ Даніи, заточитъ его королевича въ дальнія страны. Вальдемаръ отвѣчалъ Стемпковскому письменно: «Могу уступить только въ слѣдующихъ статьяхъ: 1) пусть дѣти мои будутъ крещены по Греческому обычаю; 2) буду стараться посты содержать сколько мнѣ возможно, безъ поврежденія здоровью моему; 3) буду сообразоваться съ желаніемъ государя въ платьѣ и во всемъ другомъ, что не противно совѣсти, договору и вѣрѣ. Больше ничего не уступлю. Великій князь грози сколько хочетъ — пусть громомъ и молніею меня изведетъ, пусть сошлетъ меня на конечный рубежъ своего царства, гдѣ я жизнь свою съ плачемъ скончаю — и тутъ отъ вѣры своей не отрекусь; хотя онъ меня распни и умертви: я лучше хочу съ неоскверненною совѣстью честною смертью умереть, чѣмъ жить съ злою совѣстью. Бога избавителя своего въ судьи призываю. А что королю отцу моему будетъ плохо, когда великій князь станетъ помогать Шведамъ противъ него, то до этого мнѣ дѣла нѣтъ, да и не думаю, чтобъ королевство Датское и Норвежское не могли справиться безъ Русской помощи. Эти королевства существовали прежде, чѣмъ Московское государство началось, и стоятъ еще крѣпко. Я готовъ ко всему; пусть дѣлаютъ со мною что хотятъ, только пусть дѣлаютъ поскорѣе».

25-го Іюня Петръ Марселисъ извѣстилъ, что королевичь Вальдемаръ съ 24 числа заболѣлъ болѣзнью сердечною, сердце щемитъ и болитъ, что скушаетъ пищи или чего изопьетъ, то сейчасъ назадъ, и если скорой помощи не подать, то можетъ быть ударъ или огневая болѣзнь, и королевичь можетъ умереть. Но 26 числа постельный сторожъ на королевичевѣ дворѣ Мина Алексѣевъ сказалъ, что 25 числа королевичь кушалъ въ саду; маршалокъ, чашникъ, дворяне и ближніе люди при немъ были

всѣ веселы, ѣли и пили по прежнему; послѣ ужина королевичь гулялъ въ саду долго, а маршалокъ звалъ къ себѣ въ хоромы чашника, дворянъ и ближнихъ людей всѣхъ, подчивалъ ихъ, пили вино и романею, и рейнское и иное питье до втораго часа ночи, были всѣ пьяны, играли въ цымбалы, и доктора онъ, Мина сегодня у королевича на дворѣ не видалъ.

Въ то время, какъ тянулось въ Москвѣ это тяжелое для царя дѣло съ королевичемъ, дурныя вѣсти, вѣсти о самозванцахъ приходили изъ Турціи, изъ Польши. Въ Октябрѣ 1644 года Греческій архимандритъ Амфилохій прислалъ грамоту изъ Царяграда, въ которой извѣщалъ, что въ Августѣ мѣсяцѣ двое Турокъ пріѣхали въ Константинополь съ грамотою къ султану, написанною по Русски и требовали переводчика; имъ указали Амфилохія; но тотъ взявши у нихъ грамоту и взглянувши на ея содержаніе, ушелъ съ нею въ Бруссу и потомъ переслалъ ее въ Москву. Грамота эта, написанная по малороссійски, заключала въ себѣ слѣдующее: «Милостивый и вельможный царь! Смилуйся надо мною, бѣднымъ невольникомъ! ты мнѣ отецъ и мать, потому что не къ кому мнѣ прибѣгнуть другому. Когда я шелъ изъ земли Персидской въ Польскую, то встрѣтились мнѣ твои люди, казну у меня взяли, самого меня схватили, къ тебѣ не везутъ, а запродали Жидамъ. Если ты надо мною смилуешься, то будешь отцомъ и матерью мнѣ грѣшному и бѣдному невольнику, Московскому царевичу; если же по милосердію твоему овладѣю землею Московскою, то будетъ она мнѣ пополамъ съ тобою». Подписано: «князь Иванъ Дмитріевичь, Московской землѣ царевичь, рука властная». Но еще прежде пришли вѣсти изъ Польши о двухъ другихъ самозванцахъ.

Въ 1643 году отправлены были въ Польшу полномочные послы, бояринъ князь Алексѣй Михайловичь Львовъ, думный дворянинъ Григорій Пушкинъ и дьякъ Волошениновъ, по старымъ дѣламъ — о титулѣ и размежеваніи Путивльскихъ земель. Имъ даны были два наказа — явный и тайный. Въ первомъ между прочимъ говорилось: Если паны будутъ говорить, что пріѣзжали въ Московскіе города для торговли Литовскіе купцы, Дорого-

бужане посадскіе люди три человѣка, и ихъ схватили, отослали въ Казань, пытали, въ тюрьмѣ держали долго, потомъ имѣнье у нихъ отняли и выбили за рубежь, — то отвѣчать: «Пойманы эти купцы въ Казанскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Волгѣ съ заповѣднымъ товаромъ, табакомъ, везли они табаку въ понизовые города пудовъ съ 15, сперва ѣхали изъ Дорогобужа мимо Вязьмы воровствомъ тайно и Москву объѣзжали, пронимаясь въ Оку рѣку, а изъ Оки въ Волгу, и ѣхали проселочными дорогами, сказывались торговыми людьми Москвичами, крестьянами князя Черкасскаго и другихъ бояръ, табакъ въ селахъ и деревняхъ всякимъ людямъ продавали, и за то довелись они смертной казни: но государь для короля ихъ пожаловалъ, казнить не велѣлъ, велѣлъ учинить наказанье небольшое и отпустить въ Дорогобужъ, а имѣнья у нихъ никакого не брали. Послѣ того, пріѣзжали въ Нижегородскій уѣздъ и на Балахну тайно же шесть человѣкъ Поляковъ, привезли съ собою шесть возовъ табаку и продавали, а съ остальнымъ табакомъ пойманы, табаку у нихъ взято пудовъ съ 6, а сами высланы въ Москву, но на дорогѣ они убили до смерти троихъ провожатыхъ и пропали безъ вѣсти». О Черкасахъ велѣно сказать прежнее, что въ мирномъ договорѣ не условлено перебѣжчиковъ выдавать; Черкасы въ царскаго величества сторонѣ побыли немногое время, много бѣдъ надѣлали и опять въ королевскую сторону отошли.

Въ тайномъ же наказѣ велѣно было сказать панамъ: «Великому государю стало подлинно извѣстно, что въ 1639 году въ Генварѣ пришелъ изъ Черкасъ въ Польшу въ Самборщину къ попу воръ лѣтъ 30 или немного больше, и сталъ у попа жить въ работникахъ и жилъ съ недѣлю; попъ увидалъ у него на спинѣ гербъ, а по Русски пятно, и отвелъ его въ монастырь къ архимандриту, архимандритъ же отвелъ его къ подскарбію коронному Даниловичу; подскарбій пятно осматривалъ и вора допрашивалъ, воръ назвался княземъ Семеномъ Васильевичемъ Шуйскимъ, сыномъ царя Василія Ивановича, и въ доказательство, что онъ царскій сынъ пятно у него на спинѣ;

взяли его въ плѣнъ Черкасы въ то время какъ царя Василія изъ Москвы повезли въ Литву, и съ тѣхъ поръ жилъ онъ у Черкасъ. Подскарбій держалъ его у себя и сказывалъ про него и про его признаки шляхтѣ и всякихъ чиновъ людямъ; шляхта и вся рѣчь посполитая приказали подскарбію его беречь, на кормъ и на платье приказали ему давать изъ скарбу, подскарбій отослалъ вора въ монастырь для наученья русской грамотѣ и языку, и теперь тотъ воръ въ Польшѣ. Да государь же вашъ Владиславъ король больше 15 лѣтъ держитъ въ Брестѣ Литовскомъ въ іезуитскомъ монастырѣ вора, которому лѣтъ 30, на спинѣ у него между плечами также гербъ и сказывается разстригинъ сынъ». Если паны скажутъ, что воръ, который назывался Шуйскимъ, уѣхалъ къ Волохамъ, а Волошскій государь прислалъ его голову въ Москву, то отвѣчать: «Неправда, царскому величеству извѣстно, что воръ у нихъ въ Польшѣ, и они велѣли бы его сыскать и имъ посламъ отдали, или казнили бы смертію».

Дѣла о титулѣ и рубежахъ были покончены: уговорились въ порубежныхъ ссылкахъ писать именованье обоихъ государей на короткихъ титулахъ безъ вычисленія городовъ; касательно межеваго дѣла, два спорные города — Гадичь и Сарскій отошли къ Польшѣ, за это Поляки уступили Москвѣ Трубчевскъ съ уѣздомъ и волостями, село Крупецъ въ уѣздѣ Новгорода Сѣверскаго и другія села и деревни по лѣвой сторонѣ рѣки Клевени, которые вдались въ Путивльскій уѣздъ; уступлены были также Москвѣ городище Недригайловское, Городецкое, Каменное, Ахтырское и Ольшанское; селу Олешковичамъ съ деревнями положено быть къ Комарицкой волости. Но исполненіе тайнаго наказа встрѣтило неодолимыя затрудненія: паны объявили съ самаго начала, что ни королю, ни имъ ничего о самозванцахъ неизвѣстно, но что король послалъ объ нихъ сыскивать. Чрезъ нѣсколько времени объявили, что сыскано: «дѣйствительно приходилъ къ подскарбію Даниловичу человѣкъ и сказывалъ про себя, что зовутъ его княземъ Семеномъ Васильевимъ Шуйскимъ, но подскарбій, зная, что этотъ воръ влы-

гается въ государскаго сына, велѣлъ его бить постромками и отъ себя его сбилъ, а куда послѣ того воръ этотъ дѣлся, мы рѣшительно не знаемъ. О другомъ же ворѣ панъ Осинскій намъ сказалъ, что у него такой человѣкъ есть и живетъ у него въ писаряхъ, этого человѣка въ шутку называютъ царевичемъ Московскимъ, а онъ слыша про себя такія рѣчи, хочетъ постричься, самъ же онъ себя царевичемъ никогда не называетъ; королевское величество и мы, паны радные такого баломута за царевича не держимъ; если бы мы его считали царевичемъ, то мы бы его не допустили жить у Осинскаго въ писаряхъ и ему служить». Послы отвѣчали: «Сильно насъ удивляетъ, что вы паны радные, отринувъ Божій страхъ и людской стыдъ, забывъ посольскій договоръ, вора укрываете. Намъ подлинно извѣстно, что по сеймовому уложенью, этому вору изъ королевской казны, кормъ и жалованье давать велѣно; и теперь, какъ мы ѣхали въ дорогѣ, въ Брестѣ Литовскомъ наши люди этого вора видѣли: онъ не только что называется государскимъ сыномъ, но и во всѣхъ своихъ письмахъ пишется царевичемъ Московскимъ, писемъ его руки у насъ много есть». Паны отвѣчали, что за самозванцемъ послано, и онъ будетъ поставленъ передъ послами. Король въ это время переѣхалъ изъ Кракова въ Варшаву, послы отправились за нимъ и тутъ опять напомнили панамъ о ворахъ, прибавивъ, что въ Краковѣ къ нимъ приходили королевскіе дворяне и говорили: «Если у васъ пословъ съ панами радными въ государственныхъ дѣлахъ соглашенія не будетъ, то у насъ Дмитріевичь готовъ съ Запорожскими Черкасами на войну». Пріѣхалъ къ посламъ коронный канцлеръ Оссолинскій и говорилъ: «Паны радные по вашимъ рѣчамъ королевскому величеству били челомъ, чтобъ выдалъ вамъ мужика, который называется царевичемъ; король намъ сказалъ: для братской дружбы и любви великаго государя Московскаго онъ не постоялъ бы и не за такого мужика, если бы что не къ добру и не къ славѣ великаго государя видѣлъ; но мужикъ этотъ не виноватъ ни въ какомъ злѣ и не царевичь, онъ изъ Подляшья простаго отца сынъ, а

вскормилъ его Полякъ Бѣлинскій и назвалъ царевичемъ Дмитріевымъ сыномъ будто бы родился отъ Марины Мнишекъ, хотѣлъ онъ Бѣлинскій выслужиться и ставилъ его передъ королемъ Сигизмундомъ, король Сигизмундъ велѣлъ его отослать къ Александру Гонсѣвскому, а Гонсѣвскій далъ его учить грамотѣ и велѣлъ его во всемъ покоить для причины, умышляя надъ Московскимъ государствомъ, потому что между обоими государствами была тогда война; а какъ вѣчное доканчаніе учинилось, то этого мужика ни во что поставили и царевичемъ его не называютъ, скитается онъ безъ пріюта, служитъ у шляхты, гдѣ бы только ему сыту быть, а объ Московскомъ государствѣ и не думаетъ, родомъ онъ Полякъ, а не Русскій и хочетъ быть ксендзомъ поскорѣе; а выдать его вамъ не за что и не пристойно; король и мы паны радные дадимъ вамъ въ томъ на себя запись какую хотите, а неповиннаго человѣка по нашему праву выдать вамъ непристойно: передъ Богомъ грѣхъ, и передъ людьми стыдно; теперь этотъ мужикъ приведенъ въ Варшаву и король велѣлъ его для допроса поставить передъ вами». Послы отвѣчали: «Намъ въ великое подивленье, что такое непригожее и злое дѣло со стороны вашего государя начинается, и если король и вы паны рада этого вора намъ не отдадите, то намъ съ вами никакихъ дѣлъ кончать нельзя». Самозванецъ объявилъ въ допросѣ, что онъ не царевичь и царевичемъ себя не называетъ, а зовутъ его Иваномъ Дмитріевымъ Лубою: отецъ его, Дмитрій Луба былъ шляхтичь въ Подляшьи, вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ пошелъ въ Москву при войскѣ въ смутное время и былъ тамъ убитъ; сироту взялъ Бѣлинскій и привезъ въ Польшу выдавая его за сына Лжедимитрія и Марины, котораго будто бы сама мать отдала ему Бѣлинскому на сохраненіе. Когда мальчикъ выросъ, то Бѣлинскій, по совѣту остальной шляхты, объявилъ объ немъ королю и панамъ раднымъ на сеймѣ. Сигизмундъ и паны отдали мальчика на сбереженіе Льву Сапѣгѣ, назначивъ ему по 6,000 золотыхъ на содержаніе, а Сапѣга отдалъ его въ Брестѣ Литовскомъ въ Семеновскій монастырь игумену Аѳанасію учить-

ся по Русски, по Польски и по Латынѣ, и мальчикъ пробылъ у игумена семь лѣтъ. Послѣ, во время мира съ Москвою жалованье Лубѣ уменьшили до ста золотыхъ въ годъ, а когда заключено было съ Москвою вѣчное докончаніе, то объ немъ со всѣмъ забыли. Несчастный Луба обратился съ вопросомъ къ Бѣлинскому: чей же онъ подлинно сынъ, и по какой причинѣ называли его царевичемъ Московскимъ? Бѣлинскій отвѣчалъ, что онъ сынъ шляхтича Лубы, а называли его царевичемъ Московскимъ для всякой причины потому: какъ на Москвѣ Маринина сына хотѣли повѣсить, то онъ Бѣлинскій хотѣлъ вмѣсто Маринина сына на повѣшенье дать его Лубу, а Маринина сына хотѣлъ выкрасть; но на другой же день Маринина сына повѣсили, выкрасть его было нельзя, и потому, вмѣсто Маринина сына, называли его царевичемъ.

Послы на это объявленіе сказали панамъ: «Воръ говоритъ, что царевичемъ себя не называетъ; но онъ говоритъ неправду, избывая своего воровства, у насъ есть письма собственной его руки, гдѣ онъ себя пишетъ царевичемъ». При этомъ послы показали панамъ письмо, которое далъ имъ въ Краковѣ Брестскій игуменъ Аѳанасій, воспитатель Лубы; канцлеръ Оссолинскій показалъ письмо Лубѣ, и тотъ объявилъ, что это его рука. Канцлеръ, прочтя письмо, сказалъ: «Здѣсь этотъ дѣтина приписалъ своею рукою имя свое: Иванъ Фаустинъ Дмитровичь, а царевичемъ себя не называлъ». Послы отвѣчали: «Въ этой грамоткѣ написано, что у царевича на обѣдѣ писано въ его царевичевомъ жилищѣ; ваши пановъ радныхъ неправда и умышленье явны: что и написано, и то укрываете, ваше умышленье по всему видѣть можно и неправды ваши явно васъ обличаютъ, а этому вору и безымянному безъ королевскаго повелѣнья и безъ вѣдома вашего, пановъ радныхъ и всей рѣчи посполитой, какъ было посмѣть называться и писаться такимъ высокимъ званіемъ, царевичемъ?» Паны говорили: «Еслибъ ему писаться и называться царевичемъ Московскимъ, то онъ бы писался не Латинскимъ именемъ; а что написано въ жилищѣ царевичевѣ или на обѣдѣ, то часто бываетъ, что урочища,

мѣста и веси называются: царево или королево». Послы: стыдно вамъ это говорить, такого вора укрывать и за него стоять». Паны: «мы за нимъ никакого воровства не знаемъ, зла Московскому государству не умышляемъ, царевичемъ его не признаемъ, а отдать его вамъ никакъ нельзя, потому что онъ Польскаго народа шляхтичь». Послы повторяли прежнее; паны говорили, что они на сеймѣ подтвердятъ и въ конституціи напечатаютъ, что впередъ отъ Лубы и ни отъ кого другаго подъ Московское государство подъискиванья не будетъ. Послы отвѣчали на это: «Хотя отъ того вора въ Польшѣ и Литвѣ заводу и не будетъ, но онъ для воровства куда нибудь отъѣдетъ и приберетъ къ себѣ воровъ Черкасъ своевольниковъ, или въ иное государство отъѣдетъ и смуту учинитъ: тогда на комъ будетъ взять?» Паны отвѣчали: «мы дадимъ укрѣпленье за своими руками и печатями, что ничего этого не будетъ». Послы: «этому вѣрить нельзя, потому что и теперь этотъ воровской умыселъ объявляется: когда мы были въ Краковѣ, то приходили королевскіе дворяне и говорили: если у васъ съ панами сдѣлки не будетъ, то у насъ на Московское государство Дмитровичь съ Черкасами готовъ; воровской заводъ и умышленье тутъ означились явно». Паны: «Король велѣлъ своимъ дворянамъ за такія рѣчи по сыску наказанье учинить». Послы повторяли свое; паны говорили съ большимъ шумомъ и послѣ многихъ споровъ и разговоровъ отказали впрямь, что имъ мимо своихъ правъ шляхтича отнюдь выдать нельзя.

На слѣдующемъ свиданіи паны сказали: «Вы намъ говорили, будто у Лубы на спинѣ между плечами воровское пятно; если у него такой знакъ есть, что онъ царскій сынъ, то мы за него не постоимъ, отдадимъ его вамъ». Послы: «Есть ли у этого вора пятно или нѣтъ—мы не знаемъ, мы слышали объ этомъ отъ многихъ вашихъ людей.» Паны: «У него на спинѣ никакого пятна нѣтъ и не бывало.» Послы: «Хотя пятна и нѣтъ, однако онъ называется царевичемъ, и за это вамъ надобно казнить его смертію.» Паны: «Богъ видитъ, что этотъ

шляхтичь царевичемъ Московскимъ себя не называлъ; убей насъ Богъ душою и тѣломъ, если мы неправду говоримъ.» Послы: «Намъ это сомнительно, и вы бы этого вора велѣли казнить смертью, или послали его къ нашему государю съ королевскимъ дворяниномъ.» Наконецъ рѣшили, что послы отправятъ въ Москву гонца за указомъ; при этомъ паны говорили, чтобъ послы написали своему государю о невинности Лубы, который будетъ поставленъ въ ксёнзы и за нимъ будутъ наблюдать. Послы отвѣчали: «Намъ этого сдѣлать нельзя потому: хотя онъ будетъ и въ духовномъ чинѣ, но если его теперь намъ не отдадите, то ему и въ ксёнзахъ будучи воровать можно: Гришка Отрепьевъ также былъ постриженъ; только теперь такіе воры царскому величеству не страшны, никто имъ въ Московскомъ государствѣ не повѣритъ, а мы вамъ напоминаемъ, что вору духовный чинъ не смиренье, кромѣ смерти усмирить его нечѣмъ.» Паны отвѣчали: «Король приказалъ этого Лубу сослать за приставомъ въ крѣпкій городъ Маріенбургъ въ башню, года на три или на четыре или на сколько государю вашему годно, и какъ онъ эти урочные годы отсидитъ и сдѣлается ксёнзомъ, то ему ничего дурнаго помыслить будетъ нельзя, и мы вамъ дадимъ укрѣпленье за руками и печатями.» Послѣ этихъ разговоровъ пріѣхалъ къ посламъ Референдарь великаго княжества Литовскаго съ объявленіемъ, что король посылаетъ Лубу въ Москву съ своими великими послами, только чтобы государь казнить его не велѣлъ, и отослалъ назадъ съ тѣми же послами. Князь Львовъ потребовалъ отъ пановъ укрѣпленья за ихъ руками и печатями, что король вора къ царю съ послами своими непремѣнно пришлетъ, а если вскорѣ не пришлетъ, то заключенный теперь договоръ не въ приговоръ и межи—не въ межу. Укрѣпленье было дано и послы отправились въ Москву, гдѣ были очень довольны ихъ поведеніемъ: князь Львовъ былъ пожалованъ дворечествомъ съ путемъ, думный дворянинъ Пушкинъ окольничествомъ, дьякъ Волошениновъ думою.

Въ Ноябрѣ 1644 года пріѣхалъ обѣщанный великій посолъ

королевскій Гаврила Стемпковскій, каштелянъ Брацлавскій, съ товарищами. Послы были помѣщены на дворахъ князей Пожарскихъ—Петра и Ивана: здѣсь въ двухъ палатахъ велѣно обить стѣны и лавки сукнами червчатыми, то же сдѣлать въ деревянной избѣ подлѣ палатъ, да на столъ дано сукно доброе. Стемпковскій привезъ Лубу; король въ грамотѣ своей просилъ царя отпустить несчастнаго шляхтича назадъ съ Стемпковскимъ же; но когда начались переговоры, то бояре объявили послу, чтобъ онъ отдалъ вора царскому величеству, который велитъ объ немъ учинить по своему государскому разсмотрѣнью. Посолъ отвѣчалъ, что шляхтича природнаго ему отдать нельзя, потому что отъ короля не приказано. Бояре донесли объ этомъ отвѣтѣ государю, и тотъ велѣлъ сказать Стемпковскому, что если Луба не будетъ отданъ, то онъ, царь боярамъ и думнымъ своимъ людямъ никакихъ дѣлахъ съ нимъ посломъ говорить и его посольскихъ рѣчей слушать не велитъ. Посолъ не отдалъ и требовалъ, чтобъ позволено было послать гонца на сеймъ за наказомъ; государь согласился и отправилъ своего гонца къ королю съ грамотою, гдѣ писалъ, что Поляки до сихъ поръ не отдаютъ Трубчевска и другихъ уступленныхъ ими мѣстъ, и что великій посолъ Стемпковскій не отдаетъ Лубу, бьетъ челомъ, чтобъ намъ этого вора не казнить; но намъ, великому государю, не принявъ этого вора ни жаловать, ни казнить некого: такъ вамъ бы велѣть этого вора намъ отдать, и какъ вы его отдать велите, то мы объ немъ по вашей грамотѣ и прошенью велимъ учинить по нашему государскому разсмотрѣнію.» Король отвѣчалъ, что немедленно посылаетъ своихъ дворянъ для отдачи Трубчевска и прочихъ мѣстъ. «А про шляхетнаго Яна Фаустина Лубу объявляемъ, что это человѣкъ невинный, никакого лиха и никакой смуты не чинилъ и чинить не будетъ, но монашескаго духовнаго чина желаетъ, и не для того онъ при нашемъ послѣ къ вамъ посланъ, чтобъ его выдать, а только для того, чтобъ невинность его и ни къ какой хит-

рости неспособность передъ вашимъ царскимъ величествомъ была обнаружена; вамъ, брату нашему, извѣстно, что въ нашихъ великихъ государствахъ нельзя и не ведется природнаго шляхтича выдавать, а если окажется виноватымъ, то его тутъ же казнятъ; но на Лубѣ никакой вины не объявилось: и вамъ бы при великомъ послѣ нашемъ этого Лубу поздорову отпустить не задерживая.» Гонецъ привезъ извѣстіе, что игуменъ, который объявилъ про вора, сидитъ въ Варшавѣ въ оковахъ: дожидаются, что сдѣлаютъ въ Москвѣ надъ Лубою.

Дѣло затянулось слишкомъ на полгода; рѣшительнаго ничего не было. Приставъ выговаривалъ Стемпковскому, что пріѣхавшіе съ нимъ Литовскіе купцы съ виномъ и табакомъ ходятъ по улицамъ ввечеру поздно и поночамъ пьяные: царскаго величества всякихъ людей безчестятъ, бранятъ, саблями сѣкутъ, шпагами колютъ. Посолъ въ отвѣтъ просилъ, чтобъ купцамъ позволено было торговать виномъ и табакомъ, потому что въ договорѣ написано торговать всякими товарами. Приставъ отвѣчалъ: «Стыдно такіе товары товарами называть и въ перемирныхъ записяхъ писать; Литовскіе купцы сами знаютъ, что по царскому указу за такіе товары всякимъ людямъ чинятъ жестокое наказанье, носы рѣжутъ, кнутомъ бьютъ безъ пощады и въ тюрьмы сажаютъ.» Посолъ жаловался: «хорошо было у насъ царскаго величества посламъ, князю Львову съ товарищами: сенаторы ихъ почитали, къ себѣ на пиры звали и дарили, жили они въ Польшѣ какъ у родныхъ братьевъ, на поле тѣшиться ѣздили и дома у себя тѣшились; а мнѣ здѣсь, великому послу только позоръ безчестье, живу въ заперти, никуда выѣхать не пускаютъ, людей моихъ не пускаютъ на дворъ къ королевичу Датскому.» Приставы отвѣчали, что царское величество боленъ, за болѣзнію мало изъ своихъ царскихъ покоевъ выходитъ, а какъ его величеству Богъ дастъ облегченье, то думный дьякъ станетъ ему докладывать о всѣхъ дѣлахъ.

Но облегченія не было: неудача въ устройствѣ судьбы дочери нанесла тяжелый ударъ мягкой природѣ царя Михаила, пораженнаго еще въ 1649 году семейнымъ несчастіемъ: въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ потерялъ двоихъ сыновей: царевича Ивана и Василія Михайловичей. Въ Апрѣлѣ 1645 года доктора: Венделинъ Сибелиста, Іоганъ Бѣлоу и Артманъ Граманъ смотрѣли воду и нашли, что желудокъ, печень, селезенка, по причинѣ накопившихся въ нихъ слизей, лишены природной теплоты, и отъ того понемногу кровь водянѣетъ и холодъ бываетъ; отъ того же цынга и другія мокроты родятся. Начали лѣчить государя составнымъ ренскимъ виномъ, приправляя его разными травами и кореньями, чтобъ производить небольшое очищеніе, предписали умѣренность въ пищѣ и питьѣ, запретили ужинать, пить холодныя и кислыя питья. Лѣкарство не помогло; 14 Мая прописанъ другой чистительный составъ; 26 Мая доктора опять смотрѣли воду: оказалась блѣдна, потому что желудокъ, печень и селезенка безсильны отъ многаго сидѣнья, отъ холодныхъ напитковъ и отъ меланхоліи, сирѣчь кручины; опять прописали пургацію, послѣ которой давали составной сахаръ, велѣли мазать желудокъ бальзамомъ; 5 Іюня составили порошокъ отъ головной боли; 12 Іюля, въ свои имянины (Михаила Малеина) царь пошелъ къ заутрени; но въ церкви сдѣлался съ нимъ припадокъ, и его принесли уже въ царскія хоромы. Къ вечеру болѣзнь усилилась, онъ началъ стонать, жалуясь, что внутренности его терзаются, велѣлъ призвать царицу и сына, шестнадцатилѣтняго Алексѣя Михайловича съ дядькою его, Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ, и патріарха; простился съ женою, благословилъ сына на царство, при чемъ сказалъ Морозову: «Тебѣ, боярину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: какъ намъ ты служилъ и работалъ съ великимъ веселіемъ и радостію, оставя домъ, имѣніе и покой, пекся о его здоровьѣ и наученіи страху Божію и всякой премудрости, жилъ въ нашемъ домѣ безотступно въ терпѣніи и безпокой-

ствѣ тринадцать лѣтъ, и соблюлъ его какъ зеницу ока: такъ и теперь служи.» Во второмъ часу ночи, почувствовавъ приближеніе смерти, Михаилъ исповѣдался, пріобщился св. таинъ, послѣ чего, въ началѣ третьяго часа ночи скончался.[10] Кромѣ сына Михаилъ оставилъ еще трехъ дочерей, Ирину, Анну и Татьяну.

ГЛАВА V.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ӨЕОДОРОВИЧА.

Значеніе новаго царя. Слѣдствія смутнаго времени для вельможества Московскаго. Мѣстничество. Судьба Годуновыхъ, Шуйскаго, Трубецкаго, Ляпуновыхъ, Пожарскаго, Мининыхъ, Томилы Луговскаго, Грамотина. Устройство военное. Состояніе городовъ; торговля и промышленность. Состояніе сельскаго народонаселенія. Распространеніе Русскихъ владѣній въ Сѣверной Азіи. Состояніе церкви. Законодателство. Состояніе правосудія. Народное право. Просвѣщеніе и литтература. Путешествіе Олеарія.

Смутное время окончилось избраніемъ царя, и престолъ молодаго Михаила былъ поддержанъ вслѣдствіе того, что люди Московскаго государства наказались, былъ поддержанъ вслѣдствіе стремленія большинства, стремленія земскихъ людей возстановить нарядъ, нарушенный стремленіями меньшинства, возстановить все по-прежнему, какъ было при прежнихъ великихъ государяхъ. Понятно, что при такомъ стремленіи большинства, стремленія слабаго меньшинства къ чему-нибудь дру-

гому не могли быть успѣшны. Есть извѣстіе, что бояре взяли съ новаго царя такую же запись, какую далъ Шуйскій, т. е. «не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, никого смерти не предать и вмѣстѣ съ преступникомъ не наказывать его родственниковъ.» Другое извѣстіе говоритъ, что Михаилъ обязался не казнить вельможъ смертію, а наказывать только заточеніемъ. Но судьба Шеина противорѣчитъ этому извѣстію; а судьба родныхъ Шеина противорѣчитъ и первому извѣстію. Значитъ, если и была взята запись, то имѣла силу только въ началѣ царствованія. Въ 1625 году царь извѣщалъ воеводъ: «По нашему указу сдѣлана наша печать новая, больше прежней, для того, что на прежней печати наше государское титло описано было несполна, а нынѣ прибавлено на печати въ подписи: Самодержецъ; а что у прежней нашей печати были промежь главъ орловыхъ слова, и нынѣ у новой печати словъ нѣтъ, а надъ главами у орла корона.» Касательно отношенія бояръ къ царю и къ остальнымъ частямъ Московскаго народонаселенія въ началѣ царствованія Михаилова любопытно дѣло о бѣгствѣ знаменитаго Ѳедора Андронова и о поимкѣ его. 14 Марта 1613 года князь Ѳедоръ Ивановичъ Волконскій, въ домѣ котораго содержался Андроновъ, далъ знать боярамъ, что 13 числа ночью колодникъ отъ него ушелъ. Бояре тотчасъ разослали ловить его, и Андроновъ былъ пойманъ крестьянами и козаками на Яузѣ за Калининымъ вражкомъ отъ Москвы за семь верстъ. Донося объ этомъ происшествіи царю, бояре пишутъ: «А казнить его (Андронова) дворяне, атаманы, козаки и всякіе люди отговорили, потому что о его побѣгѣ писано во всѣ города, и теперь про того измѣнника пишемъ грамоты во всѣ города, что его поймали, и про него бы во всѣхъ городахъ было вѣдомо и сомнѣнья бы нигдѣ не было; а какъ всѣмъ людямъ про того измѣнника объявимъ, и его, государь, вершатъ по его злодѣйскимъ дѣламъ, какъ всякихъ чиновъ и черные люди объ немъ приговорятъ.» Схваченъ былъ Московскій торговый человѣкъ Григорій Фонарникъ, который бывалъ у Андронова во время его заточенія и ѣздилъ

по городамъ собирать для него деньги. Григорій объявилъ, что эти деньги Андроновъ велѣлъ къ себѣ привезти на постриженье; черезъ того же Григорья Андроновъ приказывалъ къ князю Ѳедору Волконскому, чтобъ тотъ упросилъ бояръ позволить ему постричься въ Соловкахъ. Князь Волконскій отвѣчалъ, что это дѣло не его, въ томъ воленъ Богъ да государь да бояре, а когда онъ Ѳедька Андроновъ Москву раззорялъ, то въ тѣ поры постричься не хотѣлъ. [11]

Послѣ этого ни въ чемъ, ни въ какихъ формахъ и выраженіяхъ мы не замѣчаемъ перемѣнъ въ понятіяхъ о значеніи великаго государя: такъ мы видимъ, что послы по прежнему противополагаютъ значеніе государя въ Московскомъ государствѣ значенію, какое имѣли короли въ Польшѣ; соборы созываются очень часто царемъ Михаиломъ, ибо это явленіе было необходимо по тогдашнему состоянію общества: государственныя средства были истощены въ смутное время; государство было очищено отъ враговъ вслѣдствіе чрезвычайнаго напряженія силъ народныхъ; но это очищеніе не было окончательнымъ, ибо ни внѣшніе ни внутренніе враги не оставляли своихъ притязаній, напряженіе силъ по этому должно было продолжаться, новый царь прямо требуетъ этого, требуетъ, какъ исполненія обѣщанія поддерживать престолъ, содѣйствовать избранному царю въ окончательномъ очищеніи и успокоеніи государства: такъ, по избраніи своемъ, Михаилъ не хочетъ идти въ Москву до тѣхъ поръ, пока соборъ исполнитъ свое обѣщаніе, прекратитъ разбои по дорогамъ и въ городахъ. Но на этихъ частыхъ соборахъ мы не видимъ также никакой перемѣны въ отношеніяхъ земли къ государю. Могущественное большинство, значитъ, смотрѣло попрежнему на значеніе царя, и слабое меньшинство должно было сообразоваться съ этимъ взглядомъ.

Меньшинство дѣйствительно было слабо. Наслѣдственной аристократіи, высшаго сословія не было, были чины: бояре, окольничіе, казначеи, думные дьяки, думные дворяне, стольники, стряпчіе, дворяне, дѣти боярскіе. При отсутствіи сословнаго интереса господствовалъ одинъ интересъ родовой, который, въ

соединенiи съ чиновнымъ началомъ породилъ мѣстничество. Все вниманiе чиновнаго человѣка сосредоточено было на томъ, чтобы при чиновномъ распорядкѣ не унизить своего рода. Но понятно, что при такомъ стремленiи поддерживать только достоинство своего рода, не могло быть мѣста для общихъ сословныхъ интересовъ, ибо мѣстничество предполагало постоянную вражду, постоянную родовую усобицу между чиновными людьми: какая тутъ связь, какiе общiе интересы между людьми, которые при первомъ назначенiи къ царскому столу или береговой службѣ перессоривались между собою за то, что одинъ не хотѣлъ быть ниже другаго, ибо какой-то его родичь когда-то былъ выше какого-то родича его соперника? мы видѣли, что князь Иванъ Михайловичь Воротынскiй, высчитывая, по наказу, неправды короля Сигизмунда, долженъ былъ сказать, что король посажалъ на важныя мѣста въ Московскомъ управленiи людей недостойныхъ, худородныхъ, и въ числѣ послѣднихъ упомянулъ двоихъ князей: такъ князь нечиновныйвъ глазахъ князя чиновнаго былъ человѣкъ худородный.

Въ силу мѣстничества, на верху чиновной лѣствицы постоянно являлись однѣ и тѣже фамилiи: «бывали на насъ опалы и при прежнихъ царяхъ, говоритъ тотъ же Воротынскiй Польскимъ коммиссарамъ, но правительства у насъ не отнимали.» Дѣйствительно и Грозный, заподозрѣвая, опаляясь безпрестанно на вельможъ своихъ, окруживъ себя опричниною, не отнялъ у бояръ земскаго управленiя. Бояре, оставшiеся послѣ Грознаго, были, разумѣется, не похожи даже на тѣхъ, которые пережили опалы Iоанна III и сына его Василiя: у этихъ было еще въ свѣжей памяти прежнее положенiе князей и дружины; они помнили, что еще Iоаннъ III обращался съ ними не такъ круто, какъ сынъ его Василiй, поведенiе котораго поэтому представлялось чѣмъ-то новымъ, еще случайнымъ; но поведенiе Грознаго отняло послѣднiя надежды, сломило всѣ притязанiя, всякое сопротивленiе. Иные, съ инымъ духомъ вышли поэтому бояре изъ тяжелаго испытанiя; но все еще у

нихъ оставалась старина: несмотря на опалы, правительствъ съ нихъ не снимали. Понятно, какое важное значеніе должны были пріобрѣсть фамиліи, которыя постоянно находились у правительственнаго дѣла, всякую думу вѣдали, какъ они сами выражались: при отсутствіи просвѣщенія подобная практика замѣняла все; знаніе обычая, преданія, при исключительномъ господствѣ обычая и преданія, такое знаніе было верховною государственною мудростію, и люди, которые сами, которыхъ отцы и дѣды думу вѣдали, казались ниже стоящимъ, непосвященнымъ, столпами государства, особенно же тѣ изъ нихъ, которые еще при этомъ отличались умомъ и дѣятельностію. Мы видѣли, какъ мелкочиновный по тогдашнему человѣкъ, стольникъ князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій говорилъ о великочиновномъ человѣкѣ, бояринѣ князѣ Василіѣ Васильевичѣ Голицынѣ: «Еслибы теперь такой столпъ какъ князь Василій Васильевичь, то за него бы вся земля держалась, и я бы при немъ за такое великое дѣло не принялся.» Почему же князь Голицынъ могъ казаться такъ высокъ знаменитому воеводѣ освободителю? Самъ Голицынъ объясняетъ намъ дѣло: «насъ изъ думы не высылывали, мы всякую думу вѣдали», говоритъ онъ.

Но Голицынъ не возвратился изъ неволи Литовской; братъ его Андрей погибъ, отстаивая честь думы, оскверненной присутствіемъ Ѳедьки Андронова съ товарищи; оба они сошли со сцены въ слѣдствіе событій смутнаго времени, которое имѣетъ важное значеніе въ судьбахъ древней Московской знати. Такая буря не могла пройдти безъ того, чтобъ не растрясти многаго; особенно сильно было потрясеніе, когда послѣ гибели перваго Лжедимитрія началась усобица между двумя царями— царемъ Московскимъ, Шуйскимъ, и царемъ Таборскимъ или Тушинскимъ, вторымъ самозванцемъ: послѣдній, чтобъ имѣть средства бороться съ Шуйскимъ, чтобъ имѣть и дворъ, и думу и войско, обратился къ людямъ, которые не могли быть при дворѣ, въ думѣ, въ войскѣ Московскаго царя, или, по крайней мѣрѣ, не могли получить въ нихъ важнаго значенія;

Тушинскій самозванецъ и воеводы его возстановляли не одни самые низшіе слои народонаселенія противъ высшихъ, предлагая первымъ мѣста послѣднихъ; сильное броженіе поднялось во всѣхъ сферахъ: все что только хотѣло какими бы то ни было средствами выдвинуться впередъ, получить чины высшіе, какихъ при обыкновенномъ порядкѣ вещей получить было нельзя, все это бросилось въ Тушино, начиная отъ князей, которые изъ стольниковъ или окольничихъ хотѣли быть поскорѣе боярами, до людей изъ черни, которые хотѣли быть дьяками и думными дворянами, и всѣ эти люди получили желаемое. Послѣ Клушинской битвы, уничтожившей окончательно средства Шуйскаго, бояре, чтобъ не подчиниться холопскому царю, второму Лжедимитрію, провозгласили царемъ королевича Польскаго; но Тушинскіе выскочки уже прежде забѣжали къ королю, и готовые на все, чтобы только удержать пріобрѣтенное въ Тушинѣ положеніе, присягнули самому королю вмѣсто королевича, обязались хлопотать въ Москвѣ въ пользу Сигизмунда, и вотъ бояре, которые готовы были на все, чтобъ отдѣлаться отъ ненавистнаго Тушина, съ ужасомъ увидали, какъ Тушинцы ворвались къ нимъ въ думу подъ прикрытіемъ Поляка Гонсѣвскаго, какъ торговый мужикъ Ѳедька Андроновъ засѣлъ вмѣстѣ съ Мстиславскимъ и Воротынскимъ. Это была уже смерть боярамъ, по ихъ собственнымъ словамъ; но дѣлать было нечего, они были въ плѣну у Поляковъ; кто изъ нихъ поднималъ голосъ, того сажали за приставовъ, какъ посадили Андрея Голицына и Воротынскаго. А между тѣмъ земля, обманутая королемъ, поднималась во имя православія; за неимѣніемъ столповъ, земля должна была обратиться къ людямъ незначительнымъ, и вотъ опять пошли впередъ малочиновные люди. Начальниками перваго возстанія были: Ляпуновъ, одинъ изъ первыхъ, который воспользовался смутнымъ временемъ, чтобъ выдвинуться впередъ, Ляпуновъ, враждебно относившійся къ боярамъ и вообще отецкимъ дѣтямъ, а подлѣ Ляпунова Тушинскіе бояре, князь Трубецкой и козакъ Заруцкій. «Какъ такимъ людямъ, Трубецкому и Заруцкому

государствомъ управлять? они и своими дѣлами управлять не могутъ», писали бояре изъ Москвы по областямъ. Русскіе люди были согласны въ этомъ съ боярами, но никакъ не хотѣли согласиться въ томъ, что надобно держаться Владислава, т. е. дожидаться, пока придетъ самъ старый король въ Москву съ іезуитами, и выставили второе ополченіе, главный воевода котораго былъ членъ захудалаго княжескаго рода, малочиновный человѣкъ, стольникъ Пожарскій, а подлѣ него мясникъ Мининъ.

Ополченіе успѣло въ своемъ дѣлѣ; большинство, истомленное смутами, громко требовало, чтобъ все было по-старому; старина была дѣйствительно возстановлена, но не вполнѣ, ибо въ народѣ историческомъ никакое событіе не проходитъ безслѣдно, не подѣйствовавъ на ту или другую часть общественнаго организма. Въ первенствующихъ фамиліяхъ оказался недочетъ: Романовы перешли на престолъ, удалились Годуновы, исчезли Шуйскіе безпотомственно, за ними Мстиславскіе, за тѣми Воротынскіе, изгибли самые важные, самые энергическіе изъ Голицыныхъ; а при чиновномъ составѣ тогдашняго общества, при малочисленности фамилій, стоявшихъ на верху и хранившихъ старыя преданія, исчезновеніе важнѣйшихъ изъ этихъ фамилій имѣло рѣшительное вліяніе. Такъ смутное время доканчивало то дѣло, которое коренилось въ первоначальныхъ отношеніяхъ государственныхъ органовъ при самомъ началѣ исторіи, и ясно вскрылось въ половинѣ XV-го вѣка, когда сложилось Московское государство. Въ это время княжескіе и старые вельможескіе роды, обступившіе престолъ собирателя земли, государя всея Руси, не принесли съ собою средствъ для поддержанія своей самостоятельности. Это не были богатые наслѣдственные владѣльцы цѣлыхъ областей и городовъ, которые бы могли дать средства къ жизни многочисленнымъ подручникамъ, удѣляя имъ земельные участки, содержа ихъ на жалованьѣ съ зависимостію отъ себя. Князья отъ старинныхъ княжествъ своихъ принесли только родовыя прозванія; отчины же ихъ составлялись изъ прежней частной

собственности князей, которая дробилась все болѣе и болѣе, въ слѣдствіе сильнаго распложенія родовъ и отсутствія майората, умалялась въ слѣдствіе обычая отдавать отчины въ монастыри на поминъ души. Одинъ только великій князь, государь всея Руси имѣлъ въ своемъ распоряженіи огромное количество земли, раздавая которое въ помѣстья, онъ могъ создать себѣ многочисленное войско, вполнѣ отъ него зависѣвшее. Умноженіе и поддержаніе этого войска, доставленіе ему возможности быть всегда готовымъ становится главнымъ интересомъ государства, и мы видѣли, какое вліяніе имѣлъ этотъ интересъ на земледѣльческое народонаселеніе въ концѣ XVI вѣка. Для служилыхъ людей, для этой военной массы, для этого большинства интересъ помѣстья былъ интересомъ исключительнымъ, и ему государство поспѣшило удовлетворить. У людей высшихъ чиновъ были другіе интересы, и послѣ долгой и тяжелой борьбы, казалось этимъ интересамъ ихъ будетъ удовлетвореніе, когда Шуйскій далъ извѣстную запись. Но наступила смута; поднялись козаки; бояре были заперты въ Москвѣ; а служилые люди, дворяне и дѣти боярскіе дѣйствовали подъ предводительствомъ своихъ, очистили государство, прогнали козаковъ. Опять они на первомъ планѣ, съ своимъ исключительнымъ интересомъ, интересомъ помѣстья и съ своимъ нерасположеніемъ къ людямъ, которые, имѣя бо́льшія противъ нихъ выгоды, имѣютъ не соотвѣтственные выгодамъ обязанности и труды. Съ этимъ интересомъ своимъ, который постоянно сталкивался съ интересами людей сильныхъ, богатыхъ и вельможныхъ, съ этимъ соперничествомъ и нерасположеніемъ къ нимъ, служилые люди, разумѣется не могли сочувствовать ихъ интересу, не могли поддерживать ихъ стремленія. Подлѣ служилыхъ людей въ дѣлѣ очищенія государства стояли жители городовъ: но у этихъ опять были свои интересы: разгромленные въ смутное время, отбывши своихъ промыслишковъ, угнетаемые пятою деньгою, необходимою для окончательнаго возстановленія государства, ведя постоянную борьбу съ воеводами и губными старостами, защиту отъ которыхъ находили

въ царской власти, не оставлявшей жалобъ ихъ безъ вниманія, горожане нисколько не могли сочувствовать интересу тѣхъ чиновъ, къ которымъ принадлежали ихъ воеводы; надобно читать принадлежащее горожанину Псковское сказаніе о смутномъ времени и о царствованіи Михаила Θеодоровича, чтобъ узнать все нерасположеніе горожанъ къ поступку бояръ относительно записи, обезпечивавшей интересъ боярскій. Наконецъ должно замѣтить, что личность царя Михаила, какъ нельзя болѣе, способствовала укрѣпленію его власти: мягкость, доброта и чистота этого государя производили на народъ самое выгодное для верховной власти впечатлѣніе, самымъ выгоднымъ образомъ представляли эту власть въ глазахъ народа; извѣстная доброта царя исключала мысль, чтобы какое-нибудь зло могло проистекать отъ него, и все, что не нравилось тому или другому, падало на отвѣтственность лицъ, посредствующихъ между верховною властію и народомъ: тоже самое Псковское сказаніе, которое конечно нельзя заподозрить въ оффиціяльной лести, всего лучше выражаетъ этотъ взглядъ народа на царя Михаила.

Князь Θедоръ Ивановичь Мстиславскій въ первое десятилѣтіе царствованія Михаилова, по-прежнему занималъ первое мѣсто въ думѣ, былъ именнымъ представителемъ боярства, ибо по прежнему писалось: «бояре — князь Θ. И. Мстиславскій съ товарищи»; онъ умеръ въ 1622 году; неспособный, какъ мы видѣли, и прежде играть дѣйствительно первенствующую роль, князь Мстиславскій, разумѣется, не могъ пріобрѣсть важнаго значенія при Михаилѣ; энергія князя Воротынскаго ограничивалась, какъ видно, только протестомъ противъ униженія Мстиславскихъ и Воротынскихъ; онъ умеръ въ 1627 году. И дума и дворъ въ первые годы царствованія Михаилова находились въ смутномъ положеніи, изобличали безпорядокъ, бывающій обыкновенно слѣдствіемъ сильныхъ бурь: развалины старины, слабыя, безпомощныя, лишенныя главныхъ подпоръ своихъ, низвергнутыхъ бурею; подлѣ нихъ нанесенный ураганомъ новый слой, также еще не утвердившійся крѣп-

ко, не вошедшій въ свое новое положеніе. При такомъ неопредѣленномъ состояніи и при отсутствіи твердой руки, которая бы все привела въ порядокъ, каждому дала свое мѣсто, всего легче людямъ энергическимъ, ловкимъ, дерзкимъ и неразборчивымъ въ средствахъ, овладѣть волею другихъ и пріобрѣсть видное мѣсто: таковы были въ началѣ царствованія Михаилова Салтыковы, подкрѣпляемые родственною связью съ матерью царскою; Филаретъ Никитичь низвергнулъ ихъ, и во время его правленія они были въ заточеніи необратномъ; но послѣ смерти его немедленно возвращены съ прежними чинами, а въ 1641 году Михайла Михайловичь получилъ боярство. Есть извѣстіе, что во время двоевластія особенно усилился князь Борисъ Александровичь Репнинъ. Эта сила возбудила негодованіе въ другихъ боярахъ, къ которымъ по смерти Филарета Никитича пристала и царица. Боярамъ удалось удалить Репнина изъ Москвы: его послали воеводою въ Астрахань подъ предлогомъ утушенія Ногайскаго возмущенія, и во время отсутствія успѣли очернить передъ царемъ [12]. Достовѣрно о князѣ Борисѣ Репнинѣ намъ извѣстно только то, что онъ пожалованъ въ бояре изъ стольниковъ въ Генварѣ 1640 года; въ Маѣ 1642 онъ былъ отправленъ въ Тверь искать золотой руды, а въ Апрѣлѣ 1643, какъ мы видѣли, онъ дѣйствительно былъ отправленъ въ Астрахань по вѣстямъ объ измѣнѣ Ногайскихъ Татаръ. Мы видѣли также [13], что при Годуновѣ отецъ князя Бориса, Александръ Репнинъ съ Өедоромъ Романовымъ и княземъ Иваномъ Сицкимъ были между собою братья и великіе друзья: поэтому не удивительно, что князь Борисъ, бывшій, какъ видно, дѣятельнѣе и способнѣе старшаго брата своего, князя Петра, могъ пріобрѣсть большую силу въ правленіе Филарета Никитича.

Родовой интересъ съ чиновнымъ началомъ были по-прежнему на первомъ планѣ, и потому, чтобъ понять тогдашнія вельможескія отношенія, мы должны обратиться къ ихъ мѣстническимъ спорамъ. Въ 1613 году, на праздникъ Рождества Богородицы были приглашены къ царскому столу бояре: князь Ө.

И. Мстиславскій, Иванъ Никитичь Романовъ и князь Борисъ Михайловичь Лыковъ. Родной дядя царскій безспорно уступалъ мѣсто князю Мстиславскому, но Лыковъ не хотѣлъ уступить Романову и втораго мѣста и билъ челомъ, что ему меньше Ивана Никитича быть невмѣстно: государь на князя Бориса кручинился и говорилъ ему много разъ, чтобъ онъ у стола былъ, что подъ Иваномъ Никитичемъ быть ему можно, и Лыковъ на этотъ разъ уступилъ убѣжденіямъ царя; но потомъ раскаялся въ своей уступчивости: въ Апрѣлѣ 1614 года, въ Вербное воскресенье опять были приглашены къ царскому столу князь Мстиславскій, Иванъ Никитичь Романовъ и князь Лыковъ, и опять Лыковъ билъ челомъ на Романова; государь напомнилъ ему, что прошлаго года онъ сидѣлъ ниже Ивана Никитича. Лыковъ отвѣчалъ, что ему меньше Романова быть никакъ нельзя, лучше пусть государь велитъ казнить его смертью; а если государь укажетъ быть ему меньше Ивана Никитича по своему государеву родству, потому что ему государю Иванъ Никитичь дядя, то онъ съ Иваномъ Никитичемъ быть готовъ.» Государь возражалъ, что ему Лыкову меньше Ивана Никитича можно быть по многимъ причинамъ, а не по родству, и онъ бы его государя не кручинилъ, садился подъ Иваномъ Никитичемъ; но Лыковъ не послушался, за столъ не сѣлъ и уѣхалъ домой; два раза посылали за нимъ, и все понапрасну, посланнымъ былъ одинъ отвѣтъ: «готовъ ѣхать къ казни, а меньше Ивана Никитича мнѣ не бывать.» Тогда государь велѣлъ его выдать головою Романову. Пріѣхалъ посолъ Персидскій, назначили рындъ на представленіи посла царю; но рынды стали мѣстничаться, въ слѣдствіе чего одинъ изъ нихъ убѣжалъ изъ дворца и спрятался, другой сказался больнымъ; царь долго дожидался—нѣтъ рындъ! наконецъ назначили князя Василія Ромодановскаго и къ нему въ товарищи привели Ивана Чепчюгова, который сказывался больнымъ; но Чепчюговъ билъ челомъ, что ему съ Ромодановскимъ быть невмѣстно. Тутъ вступился въ дѣло князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій по однородству съ Ромодановскими, и

билъ челомъ, что Чепчюговъ весь родъ ихъ обезчестилъ, будучи молодаго отца сыномъ, дѣдъ его былъ Татарскимъ головою, да и то по случаю, потому что былъ Щелкаловымъ свой и тѣ его по свойству вынесли: государь велѣлъ Чепчюгова бить батогами и выдать головою князю Ромодановскому. Съ Чепчюговымъ, молодаго отца сыномъ легко было сладить Пожарскому: но иначе кончилось его собственное мѣстническое дѣло съ Салтыковыми. Пожаловалъ государь въ бояре извѣстнаго уже намъ Бориса Михайловича Салтыкова, а у сказки велѣлъ стоять боярину князю Д. М. Пожарскому; Пожарскій билъ челомъ, что онъ Салтыкову боярство сказывать и меньше его быть не можетъ; началось дѣло въ присутствіи государя и найдено, что родичь Пожарскаго, князь Ромодановскій былъ товарищемъ съ знаменитымъ Михайлою Глѣбовичемъ Салтыковымъ, а Михайла Глѣбовичь, по родству, меньше Бориса Михайловича Салтыкова; найдено, что Пушкины ровны Пожарскому, и въ тоже время гораздо меньше Михайлы Глѣбовича Салтыкова. Когда читались всѣ эти статьи, Пожарскій молчалъ, говорить было нечего; государь потребовалъ отъ него, чтобъ онъ сказалъ боярство Салтыкову, меньше котораго быть ему можно; но Пожарскій не послушался, съѣхалъ къ себѣ на дворъ и сказался больнымъ. Боярство сказалъ Салтыкову думный дьякъ, а въ разрядѣ записали, что сказывалъ Пожарскій; но Салтыковъ этимъ не удовольствовался, билъ челомъ о безчестьѣ, и Пожарскій былъ выданъ ему головою. 10 Іюня 1618 года писалъ изъ Калуги къ государю бояринъ князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, что онъ лежитъ боленъ и ожидаетъ смерти часъ отъ часу; государь указалъ послать къ нему съ милостивымъ словомъ спросить о здоровьѣ стольника Юрія Игнатьева Татищева, но Татищевъ сталъ бить челомъ, что ему къ князю Пожарскому ѣхать невмѣстно; ему отвѣчали, что ѣхать можно; но онъ государева указа не послушалъ, сбѣжалъ изъ дворца и у себя дома не сказался. Его высѣкли кнутомъ и послали къ Пожарскому головою. Въ 1627 году государь указалъ быть у себя въ рын-

дахъ стольникамъ, князю Петру да князю Өедору, дѣтямъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, и съ ними князю Өедору и князю Петру Өедоровичамъ Волконскимъ. Волконскіе били челомъ, что они съ Пожарскими быть готовы, но чтобъ отъ того впередъ ихъ отечеству порухи не было, потому что на князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго били челомъ Гаврила Пушкинъ и другіе, которые имъ въ версту. Государь велѣлъ имъ сказать, что они бьютъ челомъ не дѣломъ, быть имъ съ Пожарскими можно всегда безсловно, Гаврилѣ Пушкину въ челобитьѣ на Пожарскаго отказано, а другимъ было наказанье; Волконскіе были въ рындахъ; но князь Дмитрій Михайловичь этимъ не удовольствовался, билъ челомъ, что Волконскіе своимъ челобитьемъ сыновей его позорятъ, тогда какъ и прадѣдамъ Волконскихъ съ его дѣтьми не сошлось. Государи приказали послать Волконскихъ въ тюрьму. Въ 1634 году Бориса Пушкина посадили въ тюрьму за челобитье на Пожарскаго.

Былъ въ это время въ царской службѣ знатный выходецъ изъ Крыма, князь Юрій Еншеевичь Сулешовъ; когда вмѣстѣ съ нимъ назначили рындою Ивана Петровича Шереметева, то послѣдній билъ челомъ, что «князь Сулешовъ иноземецъ, а въ нашу версту до сихъ поръ никто меньше его не бывалъ, и въ томъ твоя государева воля, какова ты его государь ни учинишь, намъ все равно, только бы нашему отечеству впередъ порухи отъ того не было.» Тутъ стали бить челомъ на Шереметева Бутурлинъ, Плещеевъ, князь Троекуровъ: «бьетъ онъ челомъ на князя Сулешова, сказываетъ, будто въ его версту съ княземъ Юріемъ никто не бывалъ, но мы прежде съ княземъ Юріемъ бывали, а отечествомъ мы Ивана Шереметева ничѣмъ не хуже, и онъ насъ этимъ безчеститъ.» Сулешовъ билъ челомъ: «не только Ивану Шереметеву, хотя бы кто и лучше его, то по вашей государской милости и по моему отечеству можно быть со мною: князя Петра Урусова царь Василій развелъ (сдѣлалъ ровнымъ) съ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Скопинымъ-Шуйскимъ, а наши родствен-

ники въ Крыму гораздо честнѣе Урусовыхъ, и то вамъ государямъ извѣстно.» Шереметевъ отвѣчалъ: «князья Урусовы и Сулешовъ Крымскіе роды въ Московскомъ государствѣ, отечество ихъ невѣдомо, кто кого больше или меньше, это въ государевой волѣ; хочетъ онъ государь иноземца учинить у себя честнымъ и великимъ, и учинитъ, а до сихъ поръ никто въ Шереметевыхъ версту съ княземъ Юріемъ не бывалъ.» Государь велѣлъ сказать Шереметеву, что ему можно быть съ Сулешовымъ по иноземству. Но и послѣ этого мѣстническія придирки не оставили Сулешова въ покоѣ: такъ бояринъ князь Григорій Ромодановскій билъ челомъ, что ему меньше боярина князя Юрія Сулешова быть невмѣстно потому: «когда я въ прошломъ 1615 году посланъ былъ на съѣздъ съ Крымскими послами, то посломъ въ то время былъ большой дядя князя Юрія Ахметъ-паша Сулешовъ, и пріѣзжалъ онъ ко мнѣ на съѣздъ и въ государевомъ шатрѣ у меня былъ.» Государь и патріархъ князю Григорію говорили: какія ему съ Ахметъ-пашою мѣста? Ахметъ-паша служитъ Крымскому царю, а князь Юрій служитъ государю! Ромодановскій успокоился. Окольничій Никита Васильевичь Годуновъ билъ челомъ, что ему меньше боярина Василья Петровича Морозова быть нельзя: государь приговорилъ Годунова послать въ тюрьму за безчестье Морозова; несмотря на то Годуновъ возобновилъ челобитье и указалъ случай, что подъ Кромами племянникъ его Иванъ Годуновъ былъ выше Морозова; тогда весь родъ Морозовы и Салтыковы били челомъ, что никогда Годуновымъ съ Морозовыми и Салтыковыми не сошлось, а что Годуновъ упрекаетъ ихъ племянникомъ своимъ, то царю Борису была тогда воля, по свойству своихъ выносилъ, и говорить было противъ царя Бориса нельзя, вѣдомо было и самому государю, каково было при царѣ Борисѣ: многихъ своею неправдою погубилъ и разослалъ. Годунова посадили въ тюрьму и выдали головою Морозову. Но, выигравши передъ Годуновыми, Морозовъ потерялъ передъ знаменитымъ княземъ Дмитріемъ Тимоѳеевичемъ Трубецкимъ, которому назначено было встрѣчать Филарета Никитича ближе

къ Москвѣ, чѣмъ Морозову; послѣдній при этомъ объявилъ, что уступаетъ Трубецкому потому только, что государь приказалъ всѣмъ быть безъ мѣстъ; но Трубецкой за это объявленіе сталъ его бранить и позорить передъ боярами, называлъ страдникомъ (мужикомъ); на это Морозовъ отвѣчалъ, что въ 1597 году князь Иванъ Куракинъ билъ челомъ о мѣстахъ на большаго брата Дмитріева, князя Юрія Трубецкаго и съ нимъ не былъ, князь Юрій Трубецкой теперь въ измѣнѣ, служитъ королю, а прежнее государево уложенье: которые бывали въ дѣлахъ и отъѣзжали, тѣ у себя и у своего рода теряли многія мѣста. Государи Михаилъ и Филаретъ, выслушавъ челобитье обоихъ бояръ, Трубецкаго и Морозова, приказали боярамъ поговорить объ этомъ дѣлѣ и состоялся приговоръ: сказать Морозову, что онъ билъ челомъ не дѣломъ и посадить его въ тюрьму; но государь, для радостной встрѣчи отца своего, освободилъ Морозова отъ тюрьмы.

Въ 1623 году на свадьбѣ Татарскаго царевича Михайлы Кайбуловича поссорились однородцы Бутурлины: Василій Клепикъ-Бутурлинъ билъ челомъ, что ему велѣно быть на свадьбѣ въ сидячихъ, а брату его, окольничему Ѳедору Левонтьевичу Ворону-Бутурлину въ посаженыхъ отцахъ, и ему въ сидячихъ быть нельзя, потому что онъ по роду своему больше Ѳедора многими мѣстами; а Ѳедоръ билъ челомъ, что Василію можно быть меньше его; «въ родствѣ они съ нами, говорилъ онъ, разошлись далеко, служили по Новгороду и отечество свое истеряли; а дѣды его Ѳедоровы родные, и дядя, и отецъ отечества своего нигдѣ не истеряли, и на свою братью Новгородцевъ этихъ бивали челомъ, чтобъ ими не считаться; эти Новгородцы бывали съ ихъ дѣдами и отцами въ товарищахъ, бывали и въ головахъ; а ихъ отцы и дѣды знатны были, и во всѣхъ государевыхъ чинахъ бывали и въ родословцѣ описаны всѣ по именамъ, а Новгородцевъ этихъ почему знать: сколько ихъ плодилось и кто у нихъ большой и меньшой братъ? и они ихъ не знаютъ, и какъ имъ считаться съ ними по роду?» Государи, слушавъ выписки изъ разрядовъ и родословца, ука-

зали : по разрядамъ окольничаго Θедора Бутурлина оправить, а Василія Клепика да Ивана Матвѣева Бутурлиныхъ обвинить; а что по родословцу Василій да Иванъ пошли отъ большаго брата, а Θедоръ отъ меньшаго, то послѣ родители Василья и Ивана потеряли многими потерками. На государевой свадьбѣ въ 1624 году произошелъ споръ между лицами по знатнѣе. Чтобъ избѣжать мѣстничества, государь указалъ быть на своей радости безъ мѣстъ, и для укрѣпленья велѣлъ подписать указъ думнымъ дьякамъ и приложить государеву печать. Несмотря на то, бояринъ князь Иванъ Васильевичь Голицынъ объявилъ, что ему меньше бояръ князей Ивана Ивановича Шуйскаго и Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго быть нельзя, и на свадьбу не поѣхалъ; на увѣщанія царя и патріарха отвѣчалъ обычными словами: «Хотя вели государь казнить, а мнѣ меньше Шуйскаго и Трубецкаго быть никакъ нельзя». Государь объявилъ объ этомъ боярамъ, и тѣ отвѣчали, что князь Иванъ Голицынъ сдѣлалъ такъ измѣною и по своей винѣ достоинъ всякаго наказанья и разоренья. Въ слѣдствіе этого приговора великіе государя указали: у князя Ивана Голицына за его непослушанье и измѣну помѣстья и вотчины отписать, оставить за нимъ въ Арзамасѣ одно вотчинное село, которое по меньше, а его съ женою сослать въ Пермь. Въ 1642 году племянникъ этого Голицына бояринъ князь Иванъ Андреевичь проигралъ дѣло съ княземъ Черкасскимъ; думный дьякъ сказалъ ему: «Былъ государь при иноземцахъ въ золотой палатѣ, и ты князь Иванъ въ то время хотѣлъ сѣсть выше боярина князя Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго и называлъ его своимъ братомъ, и тѣмъ его обезчестилъ: бояринъ князь Дмитрій Мамстрюковичь человѣкъ великій и честь ихъ старая, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ дядя его, князь Михаилъ Темрюковичь былъ въ великой чести и бывали съ нимъ многіе». Голицына посадили въ тюрьму. Мы видѣли, что князь Лыковъ за свой отказъ быть съ Черкасскимъ долженъ былъ заплатить безчестье послѣднему; Пожарскій соглашался быть съ Черкасскимъ въ младшихъ воеводахъ безспорно; но въ 1633 году князья Куракинъ и Одоевскій, назначенные въ

сходъ къ Черкасскому, били челомъ, что они быть съ Черкасскимъ готовы, но если впередъ кто нибудь изъ равныхъ или меньшихъ имъ не захочетъ быть съ нимъ въ товарищахъ, то чтобъ отъ этого имъ, Куракину и Одоевскому и родичамъ ихъ безчестья и позору не было, при чемъ Одоевскій припомянулъ о дѣлѣ Лыкова. Черкасскій билъ челомъ на Куракина и Одоевскаго, и говорилъ, что Лыковъ билъ челомъ будто ему въ одномъ полку съ нимъ быть нельзя за тяжелымъ его нравомъ, а не за отчествомъ, да и за это недѣльное челобитье доправлено на князѣ Лыковѣ безчестья 1,200 рублей; а въ отчествѣ князю Лыкову бить на него челомъ нельзя: при прежнихъ государяхъ съ его Черкасскаго ближними родственниками бывали князь Шейдяковъ и другіе многіе большіе роды, до которыхъ и лучшимъ въ ихъ родахъ, между Оболенскими, Куракиными и Одоевскими въ отчествѣ многими мѣстами не достало. Бояре приговорили Одоевскаго и Куракина посадить въ тюрьму.

По прежнему не было почти иодного назначенія на службу, при которомъ бы назначенные люди не били челомъ другъ на друга; въ 1624 году въ Тулу были назначены воеводами князья Иванъ Голицынъ и Никифоръ Мещерскій, — и Голицынъ далъ знать государю, что дворяне приходили къ нему въ съѣзжую избу съ великимъ шумомъ, сотенные и подъѣздные списки передъ нимъ пометали, и сказали, что имъ въ головахъ отъ него быть нельзя для товарища его князя Никифора Мещерскаго. Въ 1633 году послалъ государь въ Стародубъ къ воеводѣ Бутурлину въ товарищи воеводу Алябьева, да съ нимъ велѣно быть дворянамъ Московскимъ, жильцамъ и дворовымъ людямъ; но дворяне и жильцы били челомъ государю на Алябьева, что у него въ полку быть нельзя, потому что и послѣдній дворянинъ и жилецъ ему Алябьеву въ версту; тогда государь указалъ дворянамъ и жильцамъ быть съ однимъ Бутурлинымъ, а съ Алябьевымъ указалъ быть дворовымъ людямъ: подымочникамъ, сытникамъ, конюхамъ, кречетникамъ, сокольникамъ, охотникамъ и дѣтямъ боярскимъ царицына чина. Иногда дворянинъ билъ челомъ, что ему нельзя быть въ товарищахъ у

такого-то по мѣстническимъ счетамъ, а на дѣлѣ выходило, что подъ этимъ предлогомъ онъ только хотѣлъ отбыть отъ службы: такъ въ 1614 году Кикинъ билъ челомъ на Михалкова, а потомъ признался, что ему до Михалковыхъ въ отечествѣ дѣла нѣтъ да и не сошлось, а билъ онъ челомъ для того, что онъ человѣкъ бѣдный, подняться ему было въ назначенную посылку нечѣмъ, и онъ думалъ, что его отъ этой посылки отставятъ. Въ 1618 году стольникъ Богданъ Нагово растравилъ себѣ руку, чтобъ не быть въ рындахъ вмѣстѣ съ княземъ Прозоровскимъ. Ревность къ поддержанію родовой чести выводила иногда наружу удивительныя дѣла: въ 1621 году пріѣхалъ въ Москву съ воеводства изъ Бѣжецкаго Верха Максимъ Языковъ и подалъ въ разрядъ послужные списки, какъ приходили къ Бѣжецкому Верху Черкасы, и въ послужныхъ спискахъ написаны отъ него головы съ сотнями: князь Андрей Мордкинъ, Давидъ Милюковъ Алексѣй Ушаковъ; но Мордкинъ и Милюковъ подали челобитья, что все это Языковъ выдумалъ, они въ головахъ у него не бывали, не сошлось имъ быть у такого въ головахъ, да и службу свою Языковъ ложно писалъ къ государю: Литовскихъ людей онъ никогда не побивалъ и приступу къ городу не бывало. По государеву указу обыскивали всѣмъ городомъ и нашли дѣйствительно, что Языковъ Литовскихъ людей никогда не побивалъ, приступу къ городу не бывало, и въ головахъ у него князь Мордкинъ, Милюковъ и Ушаковъ не бывали: государь велѣлъ Языкова за воровство бить батогами нещадно, да жалованья денежнаго убавить 25 рублей и помѣстнаго оклада полтораста четвертей, а за безчестье Мордкина, Милюкова и Ушакова посадить въ тюрьму на три дня. Явилась попытка подчинить родовымъ счетамъ не только назначеніе на мѣста, но и повышеніе въ чины: князь Ѳедоръ Лыковъ билъ челомъ на брата своего, боярина князя Бориса Михайловича Лыкова, что» меньшой мой братъ князь Борисъ въ бояръхъ, а мнѣ позорно быть въ окольничихъ». Но государь челобитья его не послушалъ — велѣлъ ему быть въ окольничихъ. Назначеніе женщинъ къ разнымъ торжествамъ придворнымъ, на обѣды къ

царицѣ подавало поводъ также къ мѣстническимъ спорамъ, и женщинамъ приказывалось иногда быть безъ мѣстъ.

Наскучивъ безпрестанными спорами и челобитными при всякомъ назначеніи, даже при назначеніи въ рынды, велѣли было назначать изъ меньшихъ статей, изъ людей неродословныхъ, которымъ нельзя было считаться службою предковъ; но и тутъ не избѣжали челобитій: такъ стряпчій Ларіоновъ, назначенный въ рынды вмѣстѣ съ другимъ стряпчимъ Телепневымъ, билъ челомъ, что его Ларіонова отецъ былъ городовой сынъ боярскій, а Телепнева отецъ былъ подьячій, и изъ подъячихъ дьякъ, и потому государь бы пожаловалъ, велѣлъ сыскать. Ему отвѣчали, что ему пригоже быть съ Телепневымъ, потому что отецъ послѣдняго былъ у государя думный дьякъ, а его Ларіонова отецъ — рядовой дьякъ, и что они оба люди неродословные, и счету имъ нѣтъ: гдѣ государь велитъ быть, тотъ тамъ и будь. Не смотря на то, Ларіоновъ билъ челомъ въ другой разъ: государь кручинился, велѣлъ его изъ стряпчихъ выкинуть и написать съ города за то, что онъ государева указа не послушалъ; при этомъ думный дьякъ говорилъ государевымъ словомъ, что государь для докуки и челобитья велѣлъ изъ меньшихъ статей выбирать къ чему были и недостойны такіе, но и тѣ бьютъ челомъ!—Но мало того, что неродословные считались съ неродословными же; часто неродословные били челомъ на родословныхъ, что̀ особенно возбуждало негодованіе бояръ, разбиравшихъ мѣстническія дѣла; при такихъ челобитьяхъ родословные люди не хотѣли даже и судиться съ неродословными: такъ князья Ромодановскіе на судъ не пошли съ Левонтьевыми и сказали: «намъ съ Левонтьевыми на судъ идти неумѣстно, потому что они люди неродословные, молодые дѣтишки боярскіе, а неродословнымъ людямъ съ нами родословными людьми никогда счетъ не бываетъ», и называли Ромодановскіе Левонтьевыхъ коновалами. Когда въ 1635 году Фустовъ билъ челомъ на князя Борятинскаго на томъ основаніи, что дядя Фустова при царѣ Иванѣ въ Нѣмецкихъ походахъ былъ больше одного изъ князей Борятинскихъ, то думный дьякъ сказалъ Фустову:

«ты билъ челомъ не дѣломъ: Борятинскіе люди честные и родословные, а ты человѣкъ неродословный, хотя родственники твои и бывали въ разрядахъ больше Борятинскихъ, только быть тебѣ меньше Борятинскихъ можно». Въ слѣдующемъ году, по поводу челобитья Голенищева на князя же Борятинскаго, челобитчику было сказано, что ему можно быть съ Борятинскимъ, ибо Борятинскіе князья нарочитые. Когда тутъ же Мясной билъ челомъ на Ржевскаго, то ему сказано: «вы люди нарочитые, а Ржевскіе нарочитые родословные люди». Неродословнымъ иногда больно доставалось за челобитье на родословныхъ; въ 1617 году Левонтьевъ билъ челомъ на князя Гагарина, за это думный дьякъ билъ его по щекамъ. Въ 1620 году Чихачевъ билъ челомъ на князя Шаховскаго, бояре приговорили челобитчика бить кнутомъ, но думный дьякъ, знаменитый Томила Луговской сказалъ боярамъ: «долго этого ждать», да взявши палку, сталъ бить Чихачева по спинѣ и по ногамъ, а бояринъ Иванъ Никитичь Романовъ другою палкою билъ также по спинѣ и по ногамъ, и оба приговаривали: «не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру». Двоевластіе подало также разъ поводъ къ мѣстническому дѣлу: князь Петръ Репнинъ, посланный отъ патріарха Филарета подчивать Персидскаго посла, билъ челомъ, что князь Сицкій, посыланный прежде потчивать посла отъ государя, хвалится, что онъ этимъ сталъ больше его, князя Репнина; государь велѣлъ сказать Репнину, что каковъ онъ государь, таковъ же и отецъ его государевъ, ихъ государское величество не раздѣльно, тутъ мѣстъ нѣтъ, впередъ бы онъ объ этомъ дѣлѣ не билъ челомъ и ихъ великихъ государей на гнѣвъ не воздвигнулъ. Въ 1621 году государи велѣли сказать боярамъ: «Посылаются въ разныя государства послы, посланники и гонцы изъ дворянъ большихъ и городовыхъ по разнымъ государскимъ дѣламъ, и тѣ дворяне бьютъ челомъ государю, что имъ ѣхать невозможно, потому что прежде посылались въ послахъ и посланникахъ ихъ же братья дворяне, которые имъ въ версту, а ихъ посылаютъ въ посланникахъ, и въ томъ себѣ ставятъ безчестье и мѣста; а прежде

объ этомъ не бивали челомъ и мѣстъ тутъ не бывало, потому что посылка посламъ, посланникамъ и гонцамъ бываетъ въ разныя государства по разнымъ дѣламъ, и не вмѣстѣ посылаютъ и не за однимъ дѣломъ, часто случается быть дворянамъ въ посланникахъ, потомъ въ послахъ, а потомъ опять въ посланникахъ или гонцахъ, смотря по дѣлу; это челобитье дворяне вводятъ новое, для своей чести, а государеву дѣлу чинятъ помѣшку; счетъ и челобитье дворянское прежде бывало въ одномъ: кого съ кѣмъ пошлютъ вмѣстѣ на государеву службу». Бояре приговорили: впередъ по такимъ дѣламъ ничьего челобитья не слушать.

Правительство по прежнему продолжало принимать въ службу и раздавать помѣстья, не обращая большаго вниманія на происхожденіе этихъ новыхъ помѣщиковъ. Но городовые дворяне и дѣти боярскіе не охотно впускали въ свою среду людей низкаго происхожденія. Въ 1639 году Углицкіе дворяне и дѣти боярскіе били челомъ на Угличанина же сына боярскаго Ивана Шубинскаго: «Верстанъ тотъ Иванъ царскимъ жалованьемъ, помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ; а потомъ, не служа государю и не по отчеству, написанъ онъ въ нашемъ городѣ по дворовому списку; а роду ихъ Шубинскихъ въ нашемъ городѣ въ дворовомъ спискѣ не бывалъ никто при прежнихъ государяхъ и при тебѣ государѣ, а были Шубинскіе въ нашемъ городѣ въ денщикахъ, дядя же его Ивашка родичь былъ въ нашемъ городѣ въ нарядчикахъ. Милосердый государь! вели его Ивана изъ двороваго списка выписать, чтобъ намъ отъ него безчестнымъ не быть, потому что онъ пущенъ въ списокъ не по отечеству своему и не по службѣ». Тѣ же Угличане били челомъ на двоихъ изъ своей братьи, Бориса Моракушева и Богдана Третьякова: «Написались тотъ Борисъ да Богданъ по выбору, не за службу, въ осадѣ подъ Смоленскомъ не сидѣли и ранены не были; а мы, холопи твои, служимъ тебѣ государю лѣтъ по 30 и по 40, а ложно о выборѣ не бивали челомъ. Милосердый государь! вели ихъ изъ выбору выписать, чтобъ намъ предъ ними въ позорѣ не быть».

Служба мечемъ считалась честнѣе службы перомъ, и потому для дворянъ было безчестно служить въ дьякахъ; дьякъ Ларіонъ Лопухинъ билъ челомъ, что родители его служили искони въ городахъ по выбору, а онъ до дьячества служилъ въ житьѣ (въ жильцахъ), и потому просилъ отставить его отъ дьячества. Государь пожаловалъ: впередъ ему въ безчестье, упрекъ и случай того, что онъ въ дьякахъ, его братьи дворянамъ не ставить, взятъ онъ изъ дворянъ въ дьяки по государеву имянному указу, а не его хотѣньемъ.

Какъ еще крѣпко было основаніе мѣстничества, родовое единство, видно изъ слѣдующей челобитной. «Царю государю бьетъ челомъ холопъ твой Степанка Милюковъ: указалъ ты, государь, на насъ, холопахъ своихъ, на всемъ родѣ Милюковыхъ взять князю Сонцеву-Засѣкину денегъ сто рублей за его рабу, а за Васькину жену Милюкова и за его Васькина сына, котораго онъ съ нею прижилъ. Тѣ деньги сто рублей платилъ я одинъ занимая въ кабалы, росты давалъ большіе и одолжалъ великимъ долгомъ, а не платили тѣхъ денегъ: Матвѣй Ивановъ сынъ Стараго Милюковъ, Андрей Клементьевъ сынъ Милюковъ, Иванъ Ѳедоровъ сынъ Милюковъ, Давыдъ Михайловъ сынъ Милюковъ, Андрей, Ѳедоръ, Яковъ и Астаѳій, дѣти Ивана Михайлова Милюкова, Ермолай Назарьевъ сынъ Милюковъ, Мосей Емельяновъ сынъ Милюковъ, Сергѣй Ульяновъ сынъ Милюковъ; а по твоему государеву указу велѣно взять тѣ деньги на всемъ роду, потому что о томъ Васькѣ били мы челомъ всѣмъ родомъ Милюковыхъ, а не одинъ я»

Благодаря мѣстническимъ дѣламъ и служебнымъ назначеніямъ, записаннымъ въ разрядахъ, мы можемъ знать сколько-нибудь о судьбѣ людей и родовъ, съ которыми такъ часто встрѣчались въ смутное время. Мы видѣли, что Годуновы должны были отказаться отъ тѣхъ мѣстническихъ отношеній, на которыя давало имъ право положеніе ихъ при царѣ Борисѣ; одинъ изъ нихъ, Матвѣй Михайловичь былъ бояриномъ при царѣ Михаилѣ и воеводою въ Тобольскѣ (1620 г.); въ 1631 году онъ былъ посланъ въ Рязань разбирать дворянъ и дѣтей боярскихъ,

а въ 1632 былъ воеводою въ Казани; въ придворныхъ церемоніяхъ, за столомъ царскимъ не рѣдко упоминается окольничій Никита Васильевичь Годуновъ; жена окольничаго Ивана Ивановича Годунова Ирина Никитична, родная тетка царя была еще жива, упоминается по случаю свадьбы царской въ 1626 году. Дочь царя Бориса Ксенія или Ольга умерла въ 1622 году въ Суздалѣ; передъ смертію она била челомъ царю, чтобъ позволилъ похоронить ее въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, царь исполнилъ просьбу. Послѣдній изъ Шуйскихъ, князь Иванъ Ивановичь, возвратившійся изъ Польши и занявшій между боярами слѣдующее ему высокое по отечеству мѣсто, упоминается дѣйствующимъ только при одномъ значительномъ случаѣ: онъ присутствовалъ при чтеніи обвинительной сказки Шеину передъ казнію. Упоминаются между стольниками и воеводами Нагіе. Князь Дмитрій Тимоѳеевичь Трубецкой, послѣ несчастнаго похода своего противъ Шведовъ и послѣ побѣды, одержанной имъ въ мѣстнической борьбѣ надъ Морозовымъ, былъ посланъ въ 1622 году по Литовскимъ вѣстямъ въ Ярославль для разбора дворянъ и дѣтей боярскихъ, кому можно быть на государевой службѣ; въ 1625 году былъ воеводою въ Тобольскѣ. Сынъ знаменитаго Прокофья Ляпунова, Владиміръ Прокофьичь упоминается въ 1614 году воеводою въ Михайловѣ, потомъ вторымъ воеводою передоваго полка въ Переяславлѣ Рязанскомъ; въ 1625 году, по поводу мѣстничества, обозначились отношенія Ляпуновыхъ къ Рязани, гдѣ этотъ обширный родъ продолжалъ имѣть важное значеніе: въ Переяславль Рязанскій назначены были стольникъ и воевода, князь Петръ Александровичь Репнинъ и князь Иванъ Ѳедоровичь Чермный-Волконскій; въ передовой полкъ на Михайловѣ воевода князь Ѳедоръ Ѳедоровичь Волконскій-Меринъ, да Ульянъ Семеновичь Ляпуновъ. При этомъ назначеніи Ляпуновъ, Владиміръ и Ульянъ били челомъ на Волконскихъ, позоря соперниковъназаконнымъ происхожденіемъ. Второй Рязанскій воевода, князь Иванъ Волконскій испугался и билъ челомъ государю, что ему съ княземъ Петромъ Репнинымъ въ

товарищахъ быть нельзя, потому что били челомъ на нихъ Ляпуновы въ отечествѣ, а князь Петръ Репнинъ Ляпуновымъ свой: дочь Захара Ляпунова за нимъ, а семья Ляпуновыхъ на Рязани великая, и пожалуй князь Петръ станетъ ему мстить за Ляпуновыхъ. Государь велѣлъ отставить Волконскаго и назначить на его мѣсто Ловчикова. Но Ульянъ Ляпуновъ билъ челомъ и на Ловчикова, что ему меньше его быть нельзя; бояре приговорили отказать Ляпунову, потому что Ловчиковы въ чести давно, а Ульяновъ отецъ ни въ какой чести и нигдѣ въ воеводахъ не былъ. Тогда Ляпуновъ сталъ бить челомъ на Михайловскаго воеводу князя Θедора Волконскаго. Бояре и тутъ приговорили Ляпунову отказать, потому что Волконскіе въ чести, въ окольничихъ, въ стольникахъ и воеводахъ, а Ляпуновъ служилъ съ Рязани, ему и то находка, что теперь велѣно ему быть въ воеводахъ. Ляпуновъ на службу пріѣхалъ, но никакого дѣла съ Волконскимъ не сталъ дѣлать; посланъ былъ изъ Москвы Гагинъ заставить Ляпунова дѣло дѣлать, и въ случаѣ ослушанія посадить въ тюрьму; Ляпуновъ не послушался и былъ посаженъ въ тюрьму; но Волконскій доносилъ, что Гагинъ посадилъ Ляпунова въ городню, а не въ тюрьму, Ляпуновъ проломалъ мостъ и ходитъ изъ городни на башню и живетъ все на башнѣ своимъ покоемъ, а не въ тюрьмѣ; тогда отправленъ былъ изъ Москвы Пущинъ—вынуть Ляпунова изъ городни и послать на службу, если же не захочетъ, то посадить въ тюрьму вмѣстѣ съ другими тюремными сидѣльцами, а не въ городню; Ляпуновъ уступилъ. Въ 1629 году Владиміръ Прокофьичъ Ляпуновъ былъ назначенъ вторымъ воеводою сторожеваго полка на Крапивнѣ, и былъ потомъ отставленъ по челобитью дворянъ и дѣтей боярскихъ тамошнихъ городовъ, били челомъ на него недружбою (т. е. что онъ имъ недругъ).

Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго мы встрѣчали часто въ царствованіе Михаила и въ важныхъ случаяхъ, въ походахъ и при сборѣ денегъ ратнымъ людямъ. 27 Сентября 1618 года былъ у государя у стола бояринъ князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, и была ему рѣчь: «Ты былъ на на-

шей службѣ противъ недруга нашего Литовскаго королевича, намъ служилъ, противъ Польскихъ и Литовскихъ людей стоялъ, въ посылкахъ надъ ними многіе поиски дѣлалъ, острогъ ставить велѣлъ, многихъ Польскихъ и Литовскихъ людей побивалъ и съ этихъ боевъ языки къ намъ часто присылывалъ, нашимъ и земскимъ дѣломъ радѣлъ и промышлялъ, боярину нашему, князю Борису Михайловичу Лыкову, когда онъ изъ Можайска шелъ къ Москвѣ, помогалъ». За всѣ эти службы Пожарскій получилъ: кубокъ серебряный позолоченный съ покрышкою, вѣсу въ немъ три гривенки тридцать шесть золотниковъ, шуба — атласъ Турскій на соболяхъ, пугвицы серебряныя золоченыя. Понятно, что Пожарскій, въ слѣдствіи извѣстнаго стремленія Филарета Никитича награждать людей, потрудившихся въ безгосударное время, не могъ ничего потерять съ возвращеніемъ Филарета изъ Польши. Тотчасъ послѣ посвященія Филарета въ патріархи, въ Сентябрѣ 1619 года даны были ему: село, проселокъ, сельцо и четыре деревни за крѣпость и мужество, оказанныя имъ во время послѣдней войны; въ 1621 году вотчина, данная Пожарскому царемъ Василіемъ, пополнена и подкрѣплена новою жалованною грамотою. Въ это время онъ вѣдалъ Разбойный приказъ; на свадьбѣ царя въ 1624 году Пожарскій былъ вторымъ дружкою съ государевой стороны; на второй свадьбѣ въ 1626 году онъ занималъ то же мѣсто; жена его, княгиня Прасковья Варѳоломевна была второю свахою съ государевой стороны, хотя въ мѣстническихъ челобитныхъ и продолжали писать, что Пожарскіе люди не разрядные, при прежнихъ государяхъ кромѣ городничихъ и губныхъ старостъ нигдѣ не бывали. Въ 1628 году Пожарскій былъ назначенъ воеводою въ Новгородъ Великій, гдѣ онъ пробылъ 29 и 30-й годы; въ 1635 году былъ назначенъ въ судный Московскій приказъ. Въ послѣдній разъ Пожарскій упоминается за царскимъ обѣдомъ 24 Сентября 1641 года; въ 1642 году полагаютъ его кончину. Говоря о судьбѣ князя Дмитрія Михайловича, нельзя не упомянуть о любопытной челобитной, которую онъ подалъ царю въ 1634 году, вмѣстѣ съ двоюроднымъ бра-

томъ своимъ, княземъ Дмитріемъ Петровичемъ. Изъ этой челобитной видна также вся крѣпость родовыхъ отношеній въ описываемое время: дядя имѣетъ право бить, сажать на цѣпь и въ желѣза племянника за дурное поведеніе, и когда эти средства не помогаютъ, жалуется царю изъ боязни, чтобъ правительство за дурное поведеніе племянника не положило опалы на дядю, ибо при единствѣ рода старшій родичь отвѣчалъ за младшаго: «Племянникъ нашъ, бьютъ челомъ Пожарскіе, племянникъ нашъ Ѳедька Пожарскій у насъ на твоей государевой службѣ въ Можайскѣ заворовался, пьетъ безпрестанно, воруетъ, по кабакамъ ходитъ, пропился до нага и сталъ безъ ума, а насъ не слушаетъ. Мы, холопи твои, всякими мѣрами его унимали: били, на цѣпь и въ желѣза сажали; помѣстьице, твое царское жалованье, давно запустошилъ, пропилъ все, и теперь въ Можайскѣ изъ кабаковъ нейдетъ, спился съ ума, а унять не умѣемъ. Вели, государь, его изъ Можайска взять и послать подъ началъ въ монастырь, чтобъ намъ отъ его воровства впередъ отъ тебя въ опалѣ не быть». Наконецъ мы должны упомянуть еще объ одномъ случаѣ, когда было произнесено имя Пожарскаго съ указаніемъ на поведеніе его во время избранія царя въ 1613 году; это указаніе впрочемъ мы можемъ только принять къ свѣдѣнію, не имѣя возможности сказать что-нибудь рѣшительное ни за, ни противъ. Въ 1635 году, на размежеваньѣ границъ Русскихъ и Литовскихъ со стороны Псковской области поссорился стольникъ князь Василій Большой Ромодановскій съ дворяниномъ Ларіономъ Сумипымъ, и билъ челомъ, что Суминъ у съѣзжаго шатра говорилъ невмѣстимое слово, а именно «чтобъ онъ, князь Василій не государился и не воцарялся, что и братъ его, Дмитрій Пожарскій воцарялся и стало ему въ двадцать тысячь». Сумина допрашивали, въ какое время князь Дмитрій воцарялся и докупался царства? и Суминъ отрекся, что никогда ничего подобнаго не говаривалъ; но свидѣтели показали, что говорилъ.

Съ именемъ Пожарскаго неразрывно связано имя Минина: за подвигъ, за который Пожарскій получилъ боярство, Мининъ

получилъ думное дворянство, также помѣстья и вотчину, получилъ онъ это «за службу, что онъ съ боярами и воеводами и ратными людьми пришедъ подъ Москву, Московское государство очистилъ». Въ 1615 году царь писалъ Нижегородскимъ воеводамъ: «билъ намъ челомъ думный нашъ дворянинъ Кузьма Миничь, что живетъ онъ на Москвѣ при насъ, а помѣстья и вотчина за нимъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ, и братья его и сынъ живутъ въ Нижнемъ Новгородѣ, и имъ, и его людямъ и крестьянамъ отъ исковъ и поклеповъ чинится продажа великая: такъ намъ бы его пожаловать, братью его и сына, людей и крестьянъ не велѣть судить въ Нижнемъ Новгородѣ ни въ чемъ, а велѣть ихъ судить на Москвѣ. И какъ эта наша грамота къ вамъ придетъ, то вы бъ на Кузмину братью, на людей и на крестьянъ кромѣ татинаго и разбойнаго дѣла суда не давали безъ нашихъ грамотъ.» О дѣятельности Минина мы не знаемъ ничего; разъ только удалось намъ встрѣтить извѣстіе о немъ въ приведенномъ выше дѣлѣ о побѣгѣ Андронова. Торговый человѣкъ Богданъ Исаковъ въ допросѣ показалъ, что онъ прихаживалъ къ Андронову по свойству, и свезъ изъ Москвы сестру Андронова Афимью, жену Василья Болотникова, а пожитковъ онъ съ нею не везъ ничего, только было на ней одно платьишко, что̀ ей далъ Кузьма Мининъ. Въ 1616 году Кузьмы Минича уже не было на свѣтѣ; вотчину его, село Богородицкое съ деревнями царь отдалъ вдовѣ его Татьянѣ и сыну стряпчему Нефедью, подтверждена и прежняя грамота, по которой дядья Нефедья, люди и крестьяне могли судиться только въ Москвѣ. Въ 1625 году, по случаю отпуска Персидскаго посланника, Нефедъ Кузьминъ сынъ Мининъ упоминается въ числѣ стряпчихъ съ платьемъ на осьмомъ мѣстѣ; въ слѣдующемъ году на свадьбѣ царской онъ былъ у государева фонаря; въ послѣдній разъ упоминается онъ въ 1628, по случаю представленія Персидскаго посла; въ 1632 году отчина его, село Богородицкое пожаловано въ помѣстье князю Якову Куденековичу Черкасскому; домъ Кузьмы Минина въ Нижнемъ отданъ былъ на житье несчастной невѣстѣ царской, Марьѣ Хлоповой,

а послѣ ея смерти, случившейся въ 1633 году, отданъ князьямъ Ивану Борисовичу и Якову Куденековичу Черкасскимъ.

Прославившійся гражданскимъ мужествомъ въ безгосударное время, думный дьякъ Томила Юдичь Луговской возвратился изъ Польши вмѣстѣ съ Филаретомъ Никитичемъ и мы встрѣтили уже его въ 1620 году въ короткой расправѣ съ Чихачевымъ, который хотѣлъ мѣстничаться съ княземъ Шаховскимъ; подобная выходка Луговскаго не должна насъ удивлять, ибо при нравственномъ состояніи тогдашняго Русскаго общества твердость и рѣшительность, составляющія величіе человѣка въ случаяхъ важныхъ, соединяются обыкновенно съ склонностію къ крутымъ мѣрамъ и рѣшительнымъ во всякихъ случаяхъ. Послѣ Луговской былъ пожалованъ въ думные дворяне и былъ вторымъ воеводою въ Казани. Не удивительно, что Луговской, съ такой хорошей стороны извѣстный Филарету Никитичу, получалъ повышенія; удивительно, что первымъ дѣльцомъ въ началѣ царствованія Михаилова былъ другой думный дьякъ, Иванъ Тарасовичь Грамотинъ, который, какъ мы видѣли, оставилъ по себѣ очень дурную славу въ Псковѣ, откуда перешелъ въ Тушино, изъ Тушина подъ Смоленскъ къ королю, и потомъ въ Москвѣ былъ ревностнымъ приверженцемъ Сигизмунда, успѣлъ во время отъѣхать опять къ королю, присланъ былъ съ княземъ Мезецкимъ уговаривать Москву къ покорности Владиславу, уже послѣ подвига втораго ополченія, возвратился опять къ королю; неизвѣстно, когда потомъ явился опять въ Москвѣ и успѣлъ получить прежнее званіе печатника. При Филаретѣ Никитичѣ и Грамотина постигла опала: 21 Декабря назначенъ былъ дьякомъ въ посольскій приказъ Ефимъ Телепневъ, которому было сказано: «Былъ въ Посольскомъ приказѣ Иванъ Грамотинъ, и, будучи у государева дѣла, государя царя и отца его св. патріарха указа не слушалъ, дѣлалъ ихъ дѣла безъ ихъ государскаго указа самовольствомъ и ихъ государейсвоимъ самовольствомъ и упрямствомъ прогнѣвалъ, за что на Ивана Грамотина положена ихъ государская опала». Грамотинъ былъ сосланъ въ Алатырь, но по смерти Фи-

ларета Никитича возвратился въ Москву и получилъ прежнее значеніе [14].

Царствованіе Михаила ознаменовано было тяжелыми войнами, которыя все болѣе и болѣе показывали несостоятельность Русскаго войска, слагавшагося, какъ намъ извѣстно, изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, иноземцевъ, атамановъ и козаковъ, испомѣщенныхъ въ разныхъ областяхъ государства. Слѣдовательно, при открытіи военныхъ дѣйствій, нужно было прежде всего собрать этихъ ратныхъ людей, этихъ помѣщиковъ и отвести въ назначенное мѣсто, къ извѣстному воеводѣ. И вотъ назначался кто-нибудь изъ Московскихъ дворянъ или людей, носившихъ придворные чины, ѣхать въ такой-то уѣздъ, собрать и привести ратныхъ людей. Первое препятствіе — назначенный чиновникъ билъ челомъ, что ему по мѣстническимъ отношеніямъ нельзя отводить ратныхъ людей къ такому-то воеводѣ, который меньше его многими мѣстами: надобно было уладить это дѣло, сказать, напримѣръ, челобитчику, что онъ отведетъ ратныхъ людей къ одному старшему воеводѣ, который безспорно больше его. Чиновникъ успокоивался, ѣхалъ и приводилъ немногихъ ратныхъ людей: многіе объявились въ нѣтяхъ, спрятались, не желали разстаться съ теплымъ, покойнымъ угломъ и семействомъ для дальнаго, труднаго и опаснаго похода; другіе явились къ сборщику и пошли съ нимъ къ назначенному мѣсту, но съ дороги разбѣжались. Тогда посылали сборщика вторично, съ наказомъ: собрать тотчасъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по списку, какой ему данъ; а если которые дѣти боярскіе станутъ прятаться, то ему, сыскавши ихъ, велѣть бить кнутомъ и брать поручныя записи; которыхъ не сыщетъ, у тѣхъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ брать прикащиковъ, людей и крестьянъ и держать въ тюрьмѣ, пока сыщетъ самихъ помѣщиковъ; которые дѣти боярскіе государева указа не послушаютъ и, давши по себѣ поручныя записи, не поѣдутъ вмѣстѣ съ сборщикомъ, то сыскивать порутчиковъ, бить ихъ батогами и приказывать искать тѣхъ, за которыхъ поручились; когда сыщутъ, то сысканныхъ бить кнутомъ, сажать въ тюрьмы и

потомъ уже вести на государеву службу. Кромѣ помѣщиковъ, извѣстныхъ правительству, сборщикъ долженъ былъ привести даточныхъ людей и охочихъ всякихъ людей со всякими боями, съ огненнымъ и лучнымъ.

Дворяне, дѣти боярскіе и новики должны были являться на службу въ збруяхъ, въ латахъ, бехтерцахъ, пансыряхъ, шеломахъ и въ шапкахъ мисюркахъ; которые ѣздятъ на бой съ одними пистолями, тѣ кромѣ пистоля должны имѣть карабины или пищали мѣрныя; которые ѣздятъ съ саадаками, у тѣхъ къ саадакамъ должно быть по пистолю или по карабину; если люди ихъ будутъ за ними безъ саадаковъ, то у нихъ должны быть пищали долгія или карабины добрые; которые люди ихъ будутъ въ кошу, и у тѣхъ, для обознаго строенья, должны быть пищали долгія; а если у нихъ за скудостью пищалей долгихъ не будетъ, то должно быть по рогатинѣ, да по топору.

Когда слышались вѣсти о походѣ Крымскихъ Татаръ, то отправлялись въ украинные города воеводы, которые, пріѣхавъ въ назначенный городъ, должны были отписать во всѣ украинные и польскіе (степные) и рязанскіе города къ воеводамъ и приказнымъ людямъ, что пришли они на государеву службу въ такой то городъ, и съ ними велѣно быть дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ украинныхъ и замосковныхъ городовъ, атаманамъ, козакамъ, Литвѣ, Нѣмцамъ и всякимъ иноземцамъ, понизовыхъ и мещерскихъ городовъ князьямъ, мурзамъ и Татарамъ съ головами и сотниками, стрѣльцамъ и козакамъ коннымъ и пѣшимъ съ огненнымъ боемъ, многимъ людямъ для обереганья государевой украйны отъ Крымскихъ и Ногайскихъ людей и отъ Черкасъ. И какія у нихъ въ городахъ про Крымскихъ и Ногайскихъ людей и про Черкасъ вѣсти будутъ, то они бы писали къ нимъ на спѣхъ; да послать имъ по дворянъ и дѣтей боярскихъ высыльщиковъ. Когда дворяне, дѣти боярскіе и всякіе служилые люди съѣдуться, то воеводы должны пересмотрѣть ихъ по спискамъ, всѣхъ на лице, и списки естей и нѣтей прислать къ государю. Которые дворяне и дѣти боярскіе украинныхъ городовъ будутъ въ нѣтяхъ, по тѣхъ нѣт-

чиковъ посылать высыльщиковъ, другихъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; если нѣтчики станутъ скрываться, сыскивать ихъ накрѣпко, бить батогами, сажать въ тюрьму на время, а изъ тюрьмы давать на крѣпкія поруки съ записями; да на нихъ же брать прогоны: за которыми помѣстья и вотчины добры, на тѣхъ брать по цѣлому прогону, а за которыми худы, на тѣхъ брать по разсчету, разсчитывая на всѣхъ одинъ прогонъ. Если будутъ въ нѣтяхъ замосковныхъ городовъ дѣти боярскіе и иноземцы, про тѣхъ распрашивать тѣхъ же замосковныхъ городовъ окладчиковъ и дворянъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ по государеву крестному цѣлованью, сколько за кѣмъ помѣстья и вотчинъ, кто каковъ прожиткомъ, можно ли этимъ нѣтчикамъ государеву службу служить съ ними въ рядъ, и отъ бѣдности ли кто на государеву службу съ ними вмѣстѣ не пріѣхалъ, или воровствомъ, и каковъ каждому нѣтчику помѣстный и денежный окладъ? И что про нѣтчиковъ скажутъ, то все велѣть написать на списокъ и велѣть окладчикамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ къ этимъ своимъ сказкамъ руки приложить, и списокъ прислать къ государю, который велитъ нѣтчикамъ указъ учинить безо всякой пощады. А которые дѣти боярскіе украинныхъ городовъ у смотру не объявятся и высыльщики ихъ не сыщутъ, про тѣхъ распрашивать однихъ съ ними городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, гдѣ они, побиты или померли, или кто въ другихъ городахъ живетъ, и кто ихъ помѣстьями и вотчинами владѣетъ? а выспрося подлинно, написать на списокъ, который прислать государю. Да велѣть сыскивать недорослей, которые въ службу поспѣли и велѣть имъ быть на государевой службѣ, а имена ихъ прислать въ Москву. Какъ скоро придутъ вѣсти о непріятелѣ, то воеводы должны разослать въ станы и волости дѣтей боярскихъ, велѣть изъ уѣзда женъ и дѣтей боярскихъ служилыхъ и неслужилыхъ, вдовъ и недорослей выслать въ городъ въ осаду, велѣть ихъ переписать и смотрѣть часто. А какъ подлинныя вѣсти будутъ про Крымцевъ, то и боярскихъ людей и пашенныхъ крестьянъ всѣхъ велѣть выслать въ городъ съ

женами и дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ до приходу воинскихъ людей заранѣе, а хлѣбъ велѣть молотить и класть по ямамъ, а у животины велѣть оставлять людей немногихъ; да велѣть уѣзднымъ людямъ для осаднаго времени держать въ городѣ всякіе запасы. А если по вѣстямъ которые дѣти боярскіе или ихъ жены и дѣти и неслужилые дѣти боярскіе и вдовы и недоросли въ городъ въ осаду не пріѣдутъ, и возьмутъ ихъ въ плѣнъ Татары, тѣмъ дѣтямъ боярскимъ выкупаться самимъ и женъ своихъ и дѣтей изъ полону выкупать самимъ же, изъ государевой казны выкупу и обмѣну имъ не будетъ: биричамъ о томъ велѣть кликать по нѣскольку дней. Если непослушаются, въ осаду не пойдутъ, то велѣть ихъ сажать въ тюрьму на время, а у вдовъ брать дѣтей и людей и сажать въ тюрьму, а выпустивъ изъ тюрьмы, давать на крѣпкія поруки, чтобъ къ сроку переѣхали въ городъ; если же и тутъ не послушаются, то бить ихъ батогами и сажать въ тюрьму, а у вдовъ брать людей ихъ, бить кнутомъ и сажать въ тюрьму на время. — Во всякія посылки, въ станицы и подъѣзды для вѣстей посылать дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ, чтобъ дворяне и дѣти боярскіе лучшіе во всякія посылки ѣздили, а даромъ на службѣ не жили, а меньшей статьи дѣти боярскіе большихъ статей дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ не ослуживали, чтобъ передъ лучшими младшимъ на службѣ посылокъ лишнихъ никакъ не было. Да по вѣстямъ же въ уѣздѣ на засѣкахъ и топкихъ мѣстахъ поставить головъ, а съ ними ратныхъ людей съ пищалями, да головамъ же велѣть около засѣкъ собрать всякихъ уѣздныхъ людей съ пищалями и со всякими боями; худыя мѣста на засѣкахъ велѣть починить, засѣчь и завалить лѣсомъ, а въ иныхъ мѣстахъ рвы велѣть покопать, у воротъ и башенъ худыя мѣста починить, рвы почистить. Ратныхъ людей вѣдать, по челобитнымъ ихъ судить и расправу между ними чинить безволокитно; а кормы свои и конскіе самимъ и ратнымъ людямъ въ уѣздахъ по селамъ и деревнямъ велѣть покупать цѣною, какъ цѣна подниметъ, а грабежомъ и насильствомъ отнюдь ни

у кого ничего не брать. Смотрѣть воеводамъ ратныхъ людей въ полкахъ часто, по домамъ до сроку не распускать, посуловъ и поминковъ за то ни у кого ничего не брать; беречь на крѣпко, чтобъ отъ ратныхъ людей воровства, грабежу и убійства, татьбы и разбою и другаго никакого насильства не было, корчемъ и распутныхъ домовъ ратные люди не держали бы. До сроку ратныхъ людей распускать запрещалось; какъ же скоро нужда въ войскѣ проходила, то государь посылалъ воеводамъ приказъ распустить ратныхъ людей по волямъ. Ратные люди, отъѣхавшіе изъ подъ Смоленска отъ Шеина, когда заслышали о приходѣ королевскомъ, были наказаны только убавкою денежнаго жалованья; воевода князь Борятинскій, который въ 1615 году шолъ на Лисовскаго мѣшкотно и по дорогѣ села и деревни разорялъ, за такое воровство и измѣну былъ посаженъ въ тюрьму. По какимъ разсчетамъ давалось ратнымъ людямъ денежное жалованье, видно изъ слѣдующаго: въ Декабрѣ 1633 года стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе и жильцы, назначенные въ походъ противъ Поляковъ съ князьями Черкаскимъ и Пожарскимъ били челомъ, что имъ на государевой службѣ быть не съ чѣмъ, помѣстій и вотчинъ за иными нѣтъ, а за иными и есть, да пусты, крестьянъ нѣтъ, а за иными и есть крестьянина по три и по четыре, по пяти и по шести, и имъ съ тѣхъ крестьянъ подняться и на службѣ быть никакъ нельзя: такъ государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ дать денежное жалованье, а они на государеву службу готовы. Государь велѣлъ у нихъ въ разрядѣ взять письмо за ихъ руками, за кѣмъ помѣстій и вотчинъ нѣтъ, за кѣмъ пусты, и за кѣмъ сколько крестьянъ; когда выписки были представлены государю, то онъ пожаловалъ: тѣмъ, у кого нѣтъ помѣстій или вотчинъ или есть да пустыя, дать по 25 рублей; тѣмъ у кого не болѣе 15 крестьянъ, давать по 20 рублей, а закѣмъ больше 15 крестьянъ, тѣмъ жалованья не давать. Мы видѣли, что по судебнику Грознаго не велѣно было принимать въ холопи дѣтей боярскихъ служивыхъ и дѣтей ихъ, которые еще не служили, кромѣ тѣхъ, которыхъ государь отъ службы

отставить. Теперь въ 1641 году дворяне и дѣти боярскіе били челомъ, что ихъ братья и племянники, дѣти и внучата, не хотя съ ними государевой службы служить и бѣдности терпѣть, верстаные и неверстаные, били челомъ въ боярскіе дворы къ боярамъ, окольничимъ, къ стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ и къ своей братьѣ всякихъ чиновъ людямъ. Отвѣтомъ былъ указъ: всѣхъ такихъ съ женами и дѣтьми, если они поженились на крѣпостныхъ женкахъ и дѣвкахъ, взять изъ боярскихъ дворовъ на службу и написать съ городами по помѣстью и по вотчинѣ. А неверстаныхъ дѣтей боярскихъ, которые въ государевыхъ службахъ нигдѣ не объявились и помѣстныхъ и вотчинныхъ дачь за ними нѣтъ: такимъ быть въ дворахъ по-прежнему. Которые дѣти боярскіе, по государеву указу и по боярскому приговору, изъ холопства освободятся, и воровствомъ, не хотя службы служить, станутъ бить челомъ въ иные боярскіе дворы и всякихъ чиновъ людямъ: такихъ отдавать въ холопи тѣмъ, у кого они прежде нынѣшняго указа были; а впередъ съ нынѣшняго указа, дворянъ и дѣтей боярскихъ дѣтей, племянниковъ и внучатъ, верстаныхъ и неверстаныхъ, и недорослей, въ холопи никому не принимать.

Относительно наслѣдства въ отчинахъ, выслуженныхъ и родовыхъ, постановлено вдовамъ послѣ бездѣтныхъ мужей не давать вотчинъ, отдавать ихъ боковымъ родственникамъ. Если послѣ умершаго отчинника останутся дѣти, то вотчины отдавать сыновьямъ, а дочерямъ давать изъ помѣстій на прожитокъ, но когда братьевъ нѣтъ, тогда и дочери вотчинамъ вотчичи. Внуки и правнуки послѣ дѣдовъ и бабокъ родныхъ съ дядьями и тетками своими родными въ старыхъ вотчинахъ вотчичи. Касательно наслѣдства въ помѣстьяхъ первое ополченіе въ 1611 году постановило: послѣ убитыхъ и умершихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ у вдовъ и сыновей ихъ помѣстій не отнимать; послѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, не оставившихъ ни женъ, ни дѣтей, помѣстья отдавать роду ихъ и племени, безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ, а мимо родственниковъ по-

мѣстій ихъ не отдавать. Царь Михаилъ постановилъ: послѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ, или пропавшихъ безъ вѣсти, (а не просто умершихъ, какъ прежде!) помѣстья отдавать женамъ ихъ и дѣтямъ; если женъ и дѣтей послѣ нихъ не останется, то помѣстья давать въ оклады и додачу роду ихъ и племени, а мимо родственниковъ умершаго и мимо дворянъ и дѣтей боярскихъ того города, по которому служилъ умершій, помѣстій его не отдавать. Послѣ умершихъ иноземцевъ помѣстья ихъ никому, кромѣ иноземцевъ, не отдавать. Если дворяне и дѣти боярскіе находились въ плѣну лѣтъ по 10, 15, 25 и больше, и помѣстья отцовъ ихъ въ это время были розданы другимъ, то, по возвращеніи ихъ изъ плѣна, по просьбамъ ихъ, отцовскія помѣстья, розданныя въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ пребыванія ихъ въ плѣну, имъ возвращались; долѣе десяти лѣтъ помѣстья имъ не поворачивались, но испомѣщались они вновь прежде всѣхъ другихъ просителей.

Стрѣльцовъ прибирали головы ихъ изъ вольныхъ охочихъ людей, отъ отцовъ дѣтей, отъ братьи братью, отъ дядь племянниковъ, добрыхъ и рѣзвыхъ, которые бы изъ пищалей стрѣлять умѣли, а худыхъ недорослей, крѣпостныхъ, посадскихъ и пашенныхъ крестьянъ въ стрѣльцы брать было нельзя. О наборѣ козаковъ мы знаемъ изъ распоряженія 1632 года: которые вольные охочіе люди Сѣверскихъ городовъ и Новгородской волости станутъ писаться въ службу въ козаки, такихъ писать на списокъ съ отцами и прозвищами, и велѣть имъ быть въ походѣ, и были бы всѣ козаки съ пищалями; да сказать имъ, что государь велитъ дать имъ жалованья по четыре рубли. Изъ службы, изъ тягла и крѣпостныхъ никакихъ людей въ новоприборные козаки не брать, у новоприборныхъ козаковъ поставить голову изъ дворянъ и сотниковъ и велѣть имъ смотрѣть накрѣпко, чтобъ воровства отъ козаковъ въ полкахъ никакого не было. Что же касается до иноземцевъ, то еще въ 1614 году въ походѣ съ Иваномъ Измайловымъ государь указалъ быть Литвѣ и Нѣмцамъ и всякимъ иноземцамъ, кото-

рыхъ вѣдаютъ въ разрядѣ и панскомъ приказѣ. Въ слѣдующемъ году въ походѣ за Лисовскимъ государь указалъ быть выѣзжему изъ Англійской земли князю Артемью Исакову сыну съ Нѣмцами. Это тотъ самый Артемій Астонъ, объ отпускѣ котораго на родину просилъ Мерикъ; мы видѣли, что Мерику было въ этомъ отказано; но потомъ король Іаковъ присылалъ гонца съ просьбою къ царю, чтобъ отпустилъ Астона и съ семействомъ въ Англію; Астона отпустили и дали ему подарки; но послѣ государю дали знать, что Астонъ, будучи на Москвѣ, ссылался съ Польскимъ королевичемъ, капитана Варнабея изъ Москвы отпустилъ на всякое лихо, и этотъ Варнабей вступилъ въ Польскую службу. Бояре говорили Мерику, когда онъ въ послѣдній разъ былъ въ Москвѣ: «Вѣдомо, что князь Артемій Астонъ и въ Московское государство поѣхалъ по совѣту съ измѣнникомъ Французомъ Маржеретомъ; тотъ же Астонъ, выѣхавши изъ Москвы, пріѣзжалъ къ Польскому королю уже изъ Англіи и жену свою оставилъ въ Польшѣ; а потомъ пріѣхалъ въ Польшу сынъ его и напрашивался у короля сбирать ратныхъ людей, чтобъ идти на Московское государство, про которое говорилъ поносныя и укорительныя слова: такъ король бы князя Артемья наказалъ большимъ наказаньемъ, и впередъ вашимъ людямъ невѣдомо какъ вѣрить?» Мерикъ отвѣчалъ, что ему объ этомъ дѣлѣ наказа нѣтъ, а думаетъ онъ, что Артемью отъ короля за его воровство не пробудетъ.—Мы видѣли также, что Мерикъ упрашивалъ бояръ не ссылать Англійскихъ служилыхъ людей въ Казань, и настоялъ, что тѣхъ Англичанъ и Шотландцевъ, которые пріѣхали съ нимъ и съ Астономъ, двоихъ пріѣхавшихъ изъ Архангельска и одного стараго иноземца, всего 20 человѣкъ, оставили въ Москвѣ, иноземцевъ же, которые пріѣзжали изъ разныхъ мѣстъ отъ голоду и нужды, съ побоевъ или заворовавши, тѣхъ сослали въ Понизовые города на кормъ. Но Англичане, которыхъ оставили въ Москвѣ, убѣжали въ Литву.

Хотя нѣкоторымъ иноземцамъ не нравилось въ Москвѣ, хотя нѣкоторые изъ нихъ не могли свыкнуться съ мыслію остаться

навсегда здѣсь, а отпускъ былъ крайне труденъ: однако охотниковъ вступать въ царскую службу всегда набиралось довольно: капитанъ, родомъ Ирландецъ, бывшій въ Польской службѣ и начальствовавшій въ крѣпости Бѣлой, сдалъ ее русскимъ и самъ со всею ротою своею перешелъ въ царскую службу. Иноземецъ спитардный мастеръ Юрій Безсоновъ получилъ вотчину изъ помѣстья за службу въ приходъ королевича Владислава подъ Москву: въ той вотчинѣ онъ, его дѣти, внучата и правнучата вольны, сказано въ грамотѣ. Иноземцы раздѣлялись на помѣстныхъ, содержавшихъ себя доходами съ помѣстій, и кормовыхъ, получавшихъ жалованье: такъ въ 1628 году въ Большомъ полку на Тулѣ было: иноземцевъ помѣстныхъ Поляковъ и Литвы съ ротмистромъ Яковомъ Рогоновскимъ 118 человѣкъ; съ ротмистромъ Денисомъ Фанъ-Висинымъ (Фонъ-Визинъ) Нѣмцевъ помѣстныхъ 63 человѣка; съ ротмистромъ Кремскимъ кормовыхъ Поляковъ и Нѣмцевъ 120 человѣкъ; Бѣльскихъ (сдавшихъ Бѣлую) Нѣмцевъ съ Томасомъ Герномъ помѣстныхъ 10, да кормовыхъ 54 человѣка; съ ротмистромъ Яковомъ Вудомъ кормовыхъ Грековъ, Сербовъ, Волошанъ и Нѣмцевъ 80 человѣкъ. Чувствуя большую нужду въ иноземныхъ ратныхъ людяхъ, посылая набирать ихъ заграницу, Московское правительство подозрительно смотрѣло на католиковъ и не хотѣло принимать ихъ въ службу: такъ полковникъ Лесли, посланный для найма ратныхъ людей за границу, получилъ наказъ: «нанимать солдатъ Шведскаго государства и иныхъ государствъ, кромѣ Французскихъ людей, а Французжанъ и иныхъ, которые Римской вѣры, ни какъ не нанимать.» Но мы видѣли, что кромѣ наемныхъ и помѣстныхъ иноземцевъ, въ царствованіе Михаила являются полки изъ Русскихъ людей, обученныхъ иноземному строю; у Шеина подъ Смоленскомъ были: наемные многіе Нѣмецкіе люди, капитаны и ротмистры и солдаты пѣшіе люди; да съ ними же были съ Нѣмецкими полковниками и капитанами Русскіе люди, дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди, которые написаны къ ратному ученію: съ Нѣмецкимъ полковникомъ Самуиломъ Шарломъ рейтаръ, дворянъ и дѣтей

боярскихъ разныхъ городовъ было 2,700; Гречанъ, Сербянъ и Волошанъ кормовыхъ 81; полковникъ Александръ Лесли, а съ нимъ его полку капитановъ и майоровъ, всякихъ приказныхъ людей и солдатъ 946; съ полковникомъ Яковомъ Шарломъ 935; съ полковникомъ Фуксомъ 679; съ полковникомъ Сандерсономъ 923; съ полковниками — Вильгельмомъ Китомъ и Юріемъ Маттейсономъ начальныхъ людей 346, да рядовыхъ содатъ 3282; Нѣмецкихъ людей разныхъ земель, которые посланы изъ Посольскаго приказа 180, и всего наемныхъ Нѣмцевъ 3653; да съ полковниками же Нѣмецкими Русскихъ солдатъ, которыхъ вѣдаютъ въ иноземскомъ приказѣ: 4 полковниковъ, 4 большихъ полковыхъ поручиковъ, 4 майоровъ, по русски большіе полковые сторожеставцы; 2 квартирмейстера и капитана, по русски большіе полковые окольничіе, 2 полковыхъ квартирмейстера, 17 капитановъ, 32 поручика, 32 прапорщика, 4 человѣка полковыхъ судей и писарей, 4 обозниковъ, 4 поповъ, 4 судебныхъ писарей, 4 профоса, 1 полковой набатчикъ, 79 пятидесятниковъ, 33 прапорщика, 33 дозорщика надъ ружьемъ, 33 ротныхъ заимщика, 65 капораловъ Нѣмецкихъ, 172 капораловъ Русскихъ, 20 набатчиковъ Нѣмецкихъ съ свирѣльщикомъ, 32 ротныхъ подъячихъ, 68 набатчиковъ Русскихъ, двое Нѣмецкихъ дѣтей недорослей для толмачества; всего Нѣмецкихъ людей и Русскихъ и Нѣмецкихъ солдатъ въ шести полкахъ, да Поляковъ и Литвы въ четырехъ ротахъ 14801 человѣкъ. Когда на помощь Шеину велѣно было выступить князьямъ Черкаскому и Пожарскому, то съ ними было 162 человѣка иноземцевъ — Грековъ, Сербовъ, Волоховъ и Молдаванъ, да съ полковникомъ Александромъ Гордономъ 1567 драгунъ. Что касается до наемной платы иностраннымъ ратникамъ, то полковникъ получалъ въ мѣсяцъ по 400 цесарскихъ ефимковъ, начальный полковой поручикъ по 200, майоръ по 100, квартирмейстеръ по 60, регментъ—шульценъ по 30, секретарь по 25, два попа—каждый по 30, четыре лѣкаря по 60, судный писарь по 12, ерихтесъ-вейбелъ по 8, профостъ по 10, приставъ по 4, палачь по 8; по-

томъ у всякой роты голова по 150, поручикъ по 45, прапорщикъ по 35, сержантъ по 14, капитанъ надъ ружьемъ по 12, фюреръ, фурирь и писарь по 10, набатчикъ по 7, корпоралъ по 8, ротмейстеръ по 6, подротмейстеръ по 5, рядовой солдатъ по $4^1/_2$. Татары по-прежнему входятъ въ составъ Русской рати: такъ съ князьями Черкаскимъ и Пожарскимъ должны были выступить Казанскихъ мурзъ и Татаръ 275 человѣкъ, Свiяжскихъ мурзъ, Татаръ и новокрещеновъ 205, изъ Курмыша Татаръ и Тархановъ 155, Касимовскихъ Татаръ 508, Темниковскихъ 550, Кадомскихъ 347, Алаторскихъ 359, Арзамаскихъ 220. Кромѣ Черкасъ и Донскихъ козаковъ упоминаются въ Московскомъ войскѣ при Михаилѣ и козаки Яицкіе. Что касается до наряда или артиллеріи, то до насъ дошло перечисленіе и описаніе орудій, бывшихъ подъ Смоленскомъ съ Шеинымъ: пищаль пирогъ, ядро пудъ тридцать гривенокъ, на волоку вѣсу въ тѣлѣ 450 пудъ, въ волоку вѣсу 210 пудъ, подъ нею 64 подводы; да къ той же пищали станъ съ колесами, въ немъ вѣсу 200 пудъ, подъ нимъ 10 подводъ. Пищаль пасынокъ, ядро пудъ 15 гривенокъ, на волоку вѣсу въ тѣлѣ 350 пудъ, въ волоку 165 пудъ, подъ нею 52 подводы; пищали волкъ, кречетъ, ахиллесъ, и т. д. Въ 1629 году царь получилъ любопытную челобитную: билъ челомъ Тверской попъ Нестеръ: «Извѣщаю тебя государя о такомъ великомъ дѣлѣ и на страхъ поступаю, паче же страха уповаю на Бога, отъ котораго такое дарованіе я принялъ, что не открылось прежнимъ родамъ при прежнихъ государяхъ, и въ другихъ государствахъ не открылось такое дѣло, какое мнѣ милостивый Господь Богъ открылъ къ твоей государской славѣ и озлобленной землѣ нашей къ избавѣ, твоимъ супостатамъ на страхъ и удивленіе: сострою тебѣ походный городокъ, называемый Рѣдкодубъ, не большими деньгами, походъ ему будетъ не на многихъ подводахъ, а ратные люди могутъ въ немъ держатьса и укрываться какъ въ настоящемъ неподвижномъ городѣ.» Нестера вызвали въ Москву и велѣли ему сдѣлать образецъ деревянный, или на бумагѣ начертить; но онъ требовалъ,

чтобъ его непремѣнно представили государю: «Не видя государскихъ очей, образца мнѣ не дѣлывать, боярамъ въ этомъ дѣлѣ не вѣрю.» Нѣсколько разъ говорили ему, чтобъ сдѣлалъ образецъ, и потомъ представить его государю, и всякій разъ одинъ отвѣтъ. Тогда государи указали; сослать попа Нестера въ Казань въ Преображенскій монастырь подъ началъ, потому что подаетъ челобитныя, сказываетъ за собою великое дѣло, а дѣла не объявилъ; и дѣлаетъ это какъ будто для смуты, не въ своемъ умѣ. — Три года просидѣлъ несчастный изобрѣтатель въ цѣпяхъ въ монастырѣ, на четвертый прислалъ челобитную, гдѣ прописывалъ и прежніе подвиги: въ 1609 году, въ смутное время, проходилъ онъ съ грамотами въ Великій Новгородъ къ князю Скопину и обратно отъ него въ Москву; потомъ ходилъ съ грамотами и съ зельемъ въ Іосифовъ Волоцкій монастырь сквозь Литовскіе таборы. Въ 1611 году ходилъ изъ подъ Москвы отъ Ляпунова и всей земли подъ Смоленскъ къ митрополиту Филарету съ грамотами, былъ схваченъ, приведенъ къ королю, пытанъ, приговоренъ къ смерти, по бѣжалъ, снова схваченъ, пытанъ и приговоренъ къ смерти, и снова ушелъ. — Неизвѣстно, чѣмъ окончилась судьба Нестера, потому что конецъ дѣла объ немъ сгнилъ.

Мы видѣли, какъ заботливо царь Михаилъ избѣгалъ разрыва съ Крымскимъ ханомъ, и причина понятна; все вниманіе было обращено на западъ, всѣ силы государства были направлены туда. Только съ 1636 года правительство нашло возможнымъ заняться укрѣпленіемъ южной Украйны; въ этомъ году были построены города: Чернавскъ (между Ельцомъ и Ливнами), Козловъ, Тамбовъ, Ломовъ, и возобновленъ Орелъ; въ 1640 году построены были: Хотмышскъ на Ворсклѣ и Вольный Курганъ на Рогознѣ. На издержки по этимъ постройкамъ отпущено было 13,532 рубля; работы производились стрѣльцами, козаками, солдатами и даточными людьми; всѣ дѣла по городовымъ постройкамъ вѣдались въ Пушкарскомъ приказѣ. [15]

Первымъ дѣломъ царя Михаила по восшествіи его на престолъ было освобожденіе государства отъ враговъ внутреннихъ

и внѣшнихъ, для этого нужно было войско, для содержанія войска нужны были деньги, казна была расхищена, вся тяжесть слѣдовательно должна была пасть на городское и сельское народонаселеніе; но вотъ въ какомъ положеніи находились многіе города въ началѣ царствованія Михаилова: «На Угличѣ, доносили государю, ратныхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ и иноземцевъ нѣтъ, всѣ посланы на твои государевы службы, стрѣльцовъ и воротниковъ нѣтъ же ни одного человѣка, только шесть человѣкъ пушкарей, да и тѣ голодны, и для осаднаго времени хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ же, а съ Углицкаго уѣзда хлѣбныхъ запасовъ собрать не съ кого; зелейной пороховой казны мало, у острога мосты не домощены, въ башняхъ мосты погнили; посадскіе люди, отъ кабацкаго недобора и отъ нынѣшней великой хлѣбной дороговизны, съ женами и дѣтьми побрели розно; а которые и остались, тѣ къ осадному сидѣнью страшливы и къ приступнымъ мѣрамъ безъ ратныхъ людей торопки, потому что отъ Литвы были выжжены и высѣчены и разорены безъ остатка; а изъ уѣзда сошные люди лѣтнею порою въ осаду совсѣмъ для тѣсноты не пойдутъ, да и потому что въ городѣ у нихъ хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ, бѣгаютъ по лѣсамъ.» Уже въ 1618 году Андрей Образцовъ, отправленный собирать деньги на Бѣло-озеро, получивъ выговоръ за медленность, писалъ: «я государь посадскимъ людямъ не поровилъ и сроковъ не даю; пока не было вѣстей о Литовскихъ людяхъ, то я правилъ на нихъ твои государевы всякіе доходы нещадно, побивалъ на смерть; а теперь государь, на посадскихъ людяхъ твоихъ денегъ править нельзя, въ томъ воленъ ты, государь; а я, холопъ твой, блюдясь приходу Литовскихъ людей, безпрестанно днемъ и ночью стою съ посадскими людьми по острогу и разсылаю ихъ на сторожи.» Когда Филаретъ Никитичь возвратился изъ Польши, то были предприняты мѣры для устройства опустошеннаго края; вотъ какъ говоритъ объ этомъ царская окружная грамота. «За грѣхъ всего православнаго христіанства, Московское государство отъ Польскихъ и Литовскихъ людей и отъ воровъ разорилось и

запустѣло, а подати всякія берутъ съ иныхъ по писцовымъ книгамъ, а съ иныхъ по дозорнымъ, инымъ тяжело, а другимъ легко; дозорщики, которыхъ послѣ Московскаго разоренья посылали по городамъ, дозирали и писали за иными по дружбѣ легко, а за другими по недружбѣ тяжело, и отъ того Московскаго государства всякимъ людямъ скорбь конечная; изъ за Московныхъ и изъ заукрайныхъ городовъ посадскіе люди многіе, льготя себѣ, чтобъ въ городахъ податей никакихъ не платить, пріѣхали въ Москву и другіе города, да и живутъ здѣсь у родни и друзей; изъ иныхъ заукрайныхъ разоренныхъ городовъ посадскіе и всякіе люди бьютъ челомъ, чтобъ имъ для разоренья во всякихъ податяхъ дали льготы; а иные посадскіе и уѣздные люди заложились въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей, и податей никакихъ вмѣстѣ съ своею братьею, съ посадскими и уѣздными людьми, не платятъ, а живутъ себѣ въ покоѣ; другіе многіе люди бьютъ челомъ на бояръ и всякихъ чиновъ людей, жалуются на насильство и обиды, просятъ, чтобъ ихъ отъ сильныхъ людей оборонить. Великій государь съ отцомъ своимъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами, окольничими, думными и со всѣми людьми Московскаго государства, учиня соборъ, о всѣхъ статьяхъ говорили, какъ бы это исправить и землю устроить, и, усовѣтовавши, приговорили: которые города отъ Литовскихъ людей и отъ Черкасъ были въ разореньи, въ тѣ города послать дозорщиковъ добрыхъ, приведя къ крестному цѣлованью, давъ имъ полный наказъ, чтобъ они писали и дозирали всѣ города вправду, безъ посуловъ. А которыхъ украйныхъ городовъ посадскіе люди живутъ въ Москвѣ и по другимъ городамъ, тѣхъ, сыскивая отсылать въ тѣ города, гдѣ они прежде жили, и льготы имъ дать, смотря по разоренью. А которые посадскіе и уѣздные люди заложились за митрополитовъ и за все духовенство, за монастыри, за бояръ и за всякихъ чиновъ людей, тѣмъ закладчикамъ всѣмъ быть тамъ, гдѣ прежде были, а на тѣхъ людяхъ, за которыми они жили, доправить наши всякія подати за прошлые годы. На сильныхъ людей во всякихъ

обидахъ мы велѣли сыскивать и указъ по сыску дѣлать боярамъ своимъ, князю Ивану Борисовичу Черкасскому и князю Данилѣ Ивановичу Мезецкому съ товарищами; а изъ всѣхъ городовъ, для вѣдомости и устроенія, указали мы взять въ Москву изъ каждаго города изъ духовныхъ людей по человѣку, да изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два человѣка добрыхъ и разумныхъ, да по два человѣка посадскихъ людей, которые бы умѣли разсказать обиды, насильства и разоренья, и чѣмъ Московскому государству полниться, ратныхъ людей пожаловать и устроитъ Московское государство такъ, чтобъ пришли всѣ въ достоинство.» Но если, съ одной стороны, заботились о томъ, чтобъ посадскіе люди не покидали тягла и тѣмъ не ставили товарищей своихъ въ бѣдственное положеніе, то, съ другой стороны, само правительство переводило иногда изъ городовъ богатѣйшихъ людей въ Москву: такъ въ 1630 году велѣно было взять изъ Чердыни въ Москву двоихъ посадскихъ людей съ братьею для помѣщенія въ суконную сотню; при этомъ Чердынскій воевода получилъ приказъ, въ случаѣ если посадскіе люди скроются, то дать для отысканія ихъ пушкарей и разсыльщиковъ. Изъ послѣдняго видимъ, съ согласія ли переводимыхъ происходили подобные переводы. Однимъ изъ главныхъ препятствій къ устроенію городовъ, къ благосостоянію ихъ жителей были насилія воеводъ и приказныхъ людей; въ 1620 году правительство принуждено было разослать грамоты такого содержанія: «Извѣстились мы, что въ городахъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, монастырямъ, служилымъ посадскимъ, уѣзднымъ, проѣзжимъ всякимъ людямъ чинятъ насильства, убытки и продажи великія, посулы, поминки и кормы берутъ многіе: великій государь, посовѣтовавшись съ отцемъ своимъ, приговорилъ съ боярами: послать въ города къ воеводамъ и приказнымъ людямъ наши грамоты, чтобъ они насильствъ и продажъ не дѣлали, посуловъ, поминковъ и кормовъ не брали, лошадей, платья и товаровъ, кромѣ съѣстнаго не покупали, на дворъ у себя денщикамъ, дѣтямъ боярскимъ, стрѣльцамъ и козакамъ,

пушкарямъ и затинщикамъ, изъ посадовъ и слободъ водовозамъ и всякимъ дѣловымъ людямъ быть, хлѣбъ молоть, толочь, печь и никакого издѣлья дѣлать на себя во дворѣ, въ посадахъ и слободахъ не велѣли, городскими и уѣздными людьми пашенъ не пахали и сѣна не косили, а если въ которыхъ городахъ воеводы станутъ дѣлать не по нашему указу и будутъ на нихъ челобитчики, то мы велѣли взять на нихъ все вдвое, да имъ же быть отъ насъ въ великой опалѣ. Такъ вы бы архимандриты, игумены и весь освященный чинъ, дворяне, дѣти боярскіе, старосты и цѣловальники, посадскіе и уѣздные всякіе люди, воеводамъ и приказнымъ людямъ посуловъ, поминковъ и кормовъ съ посадовъ и уѣздовъ не давали, лошадей, всякой животины и товаровъ, кромѣ съѣстнаго, имъ не продавали: а если станете воеводамъ посулы и поминки давать и про то сыщется, то всѣ убытки велимъ на васъ доправить вдвое, да вамъ же отъ насъ быть въ великой опалѣ. Пишемъ мы къ вамъ милосердуя о васъ, чтобъ вы, Божіею милостію и нашимъ милостивымъ призрѣніемъ, жили въ покоѣ и тишинѣ, отъ великихъ бѣдъ и скорбей поразживались, тѣсноты бы вамъ, продажи и никакихъ другихъ налоговъ не чинилось, и во всемъ бы на наше царское милосердіе были надежны.» Любопытно наивное выраженіе, которое встрѣчается въ грамотахъ, и которое такъ ясно показываетъ раздѣленіе, особность разныхъ органовъ общественнаго тѣла, усобицу между ними: въ жалованныхъ грамотахъ городамъ говорится, что царь велѣлъ приказнымъ своимъ людямъ оборонять ихъ отъ бояръ своихъ и отъ всякихъ людей. По-прежнему сильно жалуется на воеводъ лѣтописецъ Псковской; подъ 1618 годомъ онъ говоритъ: «Былъ во Псковѣ князь Иванъ Ѳедоровичь Троекуровъ, и взялъ четвертый снопъ на государя съ монастырей и церквей на ратныхъ людей, а села государевы розданы боярамъ въ помѣстья, чѣмъ прежде кормили ратныхъ; но тотъ, кто церкви Божіи оскорбилъ и весь міръ погубилъ, скоро умеръ злою смертію: на Москвѣ испорченный зельемъ отъ своихъ же, кровію изошелъ.» О князѣ Василіи Туренинѣ и дьякѣ Третьякѣ

Копнинѣ онъ говоритъ подъ 1627 и 1628 годами: «Церковныя отчины и монастырскія отписали на государя, вкладчиковъ монастырскихъ вонъ выбили, монастырей и церквей не строили (т. е. не заботились о нихъ), и въ храмовые праздники обѣдни не было. Въ 1632 году при князѣ Никитѣ Мезецкомъ и Пименѣ Юшковѣ выходили многіе выходцы изъ Литовской земли, всякіе люди Русскіе съ женами и дѣтьми, отъ великой нужды, правежа, голода и Литовскаго насильства на православную вѣру. Этихъ выходцевъ многихъ князь Мезецкій и Юшковъ насильно отдавали дѣтямъ боярскимъ въ крестьянство, и многіе изъ нихъ скованные ходили по городу, милостыни просили, а которые не хотѣли, тѣхъ въ тюрьмахъ держали, чтобъ шли къ нимъ служить съ кабалами. Тѣ же Мезецкій и Юшковъ не давали за городъ соли возить больше полупудка всякимъ людямъ, кромѣ крестьянъ дѣтей боярскихъ.»

Мы видѣли, что на соборѣ, держанномъ по случаю взятія Азова козаками, совѣтные люди жаловались, что и во внутреннихъ городахъ посажены воеводы, тогда какъ прежде сидѣли тамъ губные старосты. До насъ дошло и другое извѣстіе, что съ 1613 года при царѣ Михаилѣ въ городахъ поставлены воеводы и приказные люди; до 1613 года, при боярахъ и при Шуйскомъ въ этихъ городахъ воеводы были же, но при царѣ Θедорѣ Ивановичѣ и при царѣ Борисѣ по Разстригинъ приходъ тамъ воеводъ не было, были судьи, губные старосты и городовые прикащики. Такихъ городовъ, которые съ 1613 года получили воеводъ, насчитывается 33. И при Михаилѣ прибѣгали къ старому средству противъ злоупотребленій чиновниковъ, отъ правительства назначаемыхъ, возстановляли грамоты Грознаго, дававшія міру право судиться и рядиться выборными чиновниками: въ 1614 году подтверждена грамота Іоанна IV-го, данная жителямъ Устюжны Желѣзопольской: «Устюжны Желѣзопольской посадскіе люди, старосты и цѣловальники, соцкіе и десяцкіе и всѣ крестьяне, лучшіе, середніе и младшіе люди, отъ волостелина суда и отъ его пошлинныхъ людей отставлены, быть у нихъ въ судьяхъ ихъ же посадскимъ людямъ,

которыхъ себѣ выберутъ всѣмъ своимъ посадомъ.» Подтверждена имъ и другая грамота Грознаго, по которой они выбирали изъ среды себя цѣловальниковъ, соцкаго и дьяковъ, долженствовавшихъ сбирать всякія пошлины. Въ 1622 году жители Устьянскихъ волостей били челомъ, что въ прежніе годы у нихъ приказныхъ людей не бывало, а судили ихъ мірскіе выборные судейки; а послѣ Московскаго разоренья, какъ начали у нихъ быть прикащики, и имъ отъ этихъ прикащиковъ чинятся налоги и убытки, въ посулахъ и кормахъ продажи великія, и отъ этихъ прикащиковыхъ налоговъ и насильствъ и посуловъ они, крестьяне оскудѣли и подати имъ платить нечѣмъ, хотятъ брести врознь: пожаловать бы ихъ, впередъ прикащикамъ быть не велѣть, а велѣть быть у нихъ выборнымъ мірскимъ судейкамъ по-прежнему, и за то бы ихъ оброкомъ обложить, сверхъ стараго оброка, чтобъ имъ отъ прикащиковыхъ насильствъ, посуловъ и продажъ въ конецъ не погибнуть и розно не разбрестись.» Царь исполнилъ ихъ просьбу. Жители города Романова—Борисоглѣбска били челомъ, чтобъ ихъ по прежнему вѣдали дьяки Посольскаго приказа. Доходы съ этого города издавна шли на содержаніе поселеннымъ около него Татарамъ, которые потому и называются Романовскими. Какъ эти Татары служили вѣрою и правдою царю Московскому, видно изъ челобитной Вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря въ 1614 году: «Послѣ Литовскаго разоренья пришелъ въ Вологду для обереганья Сибирскій царевичь Араслань Алѣевичь съ дворянами, дѣтьми боярскими, Татарами и козаками, и началъ на насъ кормы править и мучить на правежѣ цѣлый день нещадно, а на ночь служекъ нашихъ и крестьянъ безъ рубашекъ велѣлъ сажать въ подполъ и вверхъ ногами вѣшать, и вымучилъ на насъ овса 300 четвертей, сѣна 200 возовъ, 25 четвертей муки пшеничной, 100 четвертей муки ржаной, за барановъ и куръ вымучилъ деньгами 150 рублей, пограбилъ лошадь, сосуды, скатерти, приказные его вымучили себѣ 50 рублей денегъ, и съ того мученья одинъ крестьянинъ умеръ, другіе лежали недѣль по пяти и по шести. Потомъ

по царевичеву письму, будто для обереганья, пришелъ изъ Романова Барай-мурза съ Татарами и козаками и досталь насъ разорилъ.»

Въ 1627 году государь указалъ во всѣхъ городахъ устроить губныхъ старостъ, дворянъ добрыхъ по спискамъ лучшихъ людей, которые были бы душою прямы, имѣніемъ пожиточны и грамотѣ умѣли, которымъ бы можно было въ государевыхъ дѣлахъ вѣрить и которыхъ съ губное дѣло стало бы, а впередъ сыщиковъ, для сыску татиныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлъ въ города не посылать, сыскивать всякія такія губныя дѣла въ городахъ губнымъ старостамъ, и о томъ писать къ государю въ Москву. Если дворяне и дѣти боярскіе станутъ выбирать губнаго старосту изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ середнихъ и меньшихъ статей, а лучшихъ людей выбирать не станутъ и выборовъ на нихъ не дадутъ, то мы указали устроить губнаго старосту, по списку лучшаго человѣка, безъ выборовъ, а выборъ на него велимъ на дворянахъ и на всякихъ людяхъ доправить.» Города иногда просили, чтобъ воеводамъ у нихъ не быть, быть одному губному старостѣ; государь соглашался и губной староста получалъ втакомъ случаѣ наказъ, одинаковый съ воеводскимъ. Относительно смѣны губныхъ старостъ и воеводъ до насъ дошли любопытныя челобитныя: такъ Дмитровцы били челомъ: «что былъ у нихъ одинъ губной староста безъ воеводы и умеръ и на его мѣсто выбрать некого, а прежде былъ въ Дмитровѣ одинъ Ѳедоръ Чаплинъ и губныя дѣла были ему же приказаны, и, будучи онъ въ Дмитровѣ, о государевомъ дѣлѣ и обо всемъ радѣлъ, за крестьянишекъ и за посадскихъ людей стоялъ, отъ сторонъ оберегалъ, продажи и убытковъ никакихъ не дѣлалъ: вели, государь, быть въ Дмитровѣ по прежнему Ѳедору Чаплину одному.» Государь велѣлъ, Чаплинъ былъ назначенъ въ Дмитровъ въ 1639 году, но въ 1642 году былъ смѣненъ губнымъ старостою Шестаковымъ по выборамъ; въ 1644 году велѣно быть воеводою въ Дмитровѣ Ртищеву, по челобитью Дмитровцевъ, всякихъ чиновъ людей, а губному старостѣ, по челобитью, въ Дмит-

ровѣ быть не велѣно. Въ 1641 году Угличане били челомъ: «по твоему государеву указу на Угличѣ воевода отставленъ, а городъ велѣно принять губному старостѣ Павлу Ракову на время безъ выбору; но этотъ Павелъ молодъ и окладомъ малъ, многія дѣла дѣлаетъ не по твоему государеву уложенью для своей бездѣльной корысти и бражничаетъ: вели государь его отставить и вели быть на Угличѣ Бѣжичанину Игнатію Мономахову.» Государь указалъ Мономахова отпустить въ Угличь. Въ 1644 году Кашинцы били челомъ: «по твоему государеву указу велѣно быть у насъ въ губныхъ старостахъ Саввѣ Спѣшневу: но онъ срамепъ и увѣченъ, руками и ногами не владѣетъ; теперь у насъ въ Кашинѣ передъ съѣзжею избою и на посадѣ, и въ уѣздѣ воровства, грабежи и убійства многія, насильства великія, а расправы дѣлать некому: прежде въ Кашинѣ были воеводы и губные старосты, и такого воровства, и убійства, грабежа и насильства не было: пожалуй, государь, вели быть по прежнему воеводамъ, и вели быть воеводою изъ Московскихъ дворянъ Дементію Лазареву.» Государь исполнилъ ихъ просьбу.

Отсюда мы видимъ, что города не раздѣляютъ мнѣнія, высказаннаго торговыми людьми на соборѣ, не требуютъ постоянно смѣны воеводъ и замѣненія ихъ губными старостами, какъ выборными чиновниками: города прямо жалуются на губныхъ старостъ и просятъ воеводъ, но при этомъ они указываютъ на извѣстное лицо, которое они хотятъ имѣть воеводою, слѣдовательно и воевода становится такимъ образомъ чиновникомъ выборнымъ или излюбленнымъ. Сильную борьбу съ губными старостами въ царствованіе Михаила выдерживали жители города Шуи: въ 1614 году они жаловались на губнаго старосту Калачева: «въ прошломъ 1612 году пріѣхалъ въ Шую губной староста Посникъ Калачевъ, и началъ на насъ, посадскихъ людишекъ похваляться поклепомъ и подметомъ, и наученьемъ, язычною молкою, велитъ намъ къ себѣ носить кормъ всегда, хлѣбъ, мясо, рыбу, медъ, вино, началъ загонять къ себѣ на дворъ животину всякую, бить, посадскіе люди отъ его

насильства разбрелись, посадскіе дворы запустѣли; а мы того Посника въ губные старосты не выбирали.» Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что Калачевъ пріѣхалъ въ Шую еще въ смутное время, въ 1612 году. Въ 1618 жаловались на сыщика Беклемишева и губнаго старосту Кроткаго, что они научаютъ колодниковъ взводить напрасныя обвиненія на посадскихъ людей, воровъ и разбойниковъ выпускаютъ на выкупъ изъ тюрьмы, и отъ этого умышленья Шуя становится пуста; сами отпустятъ своихъ людей, потомъ схватятъ ихъ какъ бѣглыхъ, да и научаютъ оговаривать посадскихъ людей. Въ 1621 произошла ссора между Шуйскимъ воеводою и губными старостами: воевода доносилъ, что по нерадѣнью губныхъ старостъ колодники изъ тюрьмы разбѣжались, и что, мстя за этотъ доносъ, губные старосты сажаютъ его воеводиныхъ крестьянъ въ тюрьму по напрасну; губные старосты жаловались, что воевода вступается въ ихъ дѣла, не выдаетъ имъ преступниковъ, и одного изъ нихъ, старостъ приказывалъ бить батогами и ослопами: духовенство и посадскіе люди на обыскѣ объявили, что воевода никогда не бивалъ губнаго старосту. Любопытно, что этотъ обвиненный міромъ въ клеветѣ губной староста Волковъ остался на своемъ мѣстѣ: въ 1622 году ему и товарищу его Кишкину царь запретилъ вступаться въ дѣло, если на посадѣ грѣшною мѣрою учинится смерть, который человѣкъ удавится или ушибется, или напившись пьянъ, сгоритъ, или утонетъ, или рѣкою мертвый человѣкъ подплыветъ подъ посадъ, или кто между собою подерется хмѣльнымъ дѣломъ, потому что губные старосты, придираясь къ этимъ дѣламъ, сажали посадскихъ людей въ тюрьму и чинили имъ убытки великіе. На Кишкина Шуяне подали челобитную въ 1635 году, что онъ не даетъ посадскимъ людямъ, которыхъ оговорилъ разбойникъ, очныхъ ставокъ съ оговорщикомъ и не даетъ пытать послѣдняго для своей бездѣльной корысти. Тутъ Шуяне прямо просятъ, чтобъ губной староста и сыщикъ безъ воеводъ татинныхъ и разбойныхъ дѣлъ не вѣдали. — Въ 1627 году били челомъ Устюжане: «Сидятъ на

Устюгѣ въ Съѣзжей избѣ пять человѣкъ подъячихъ: одни изъ нихъ взяты изъ посадскихъ тяглыхъ людей; другіе, пріѣхавши въ Устюгъ, покупили тяглые посадскіе дворы. У этихъ подъячихъ по молодому подъячему, а сами разбогатѣли сильно, въ волостяхъ за ними деревни лучшія, съ посадскими людьми съ своихъ дворовъ податей не платятъ, съ деревень подати платятъ въ половину, а иныя отписи берутъ угрозами, и многія подати за нихъ платятъ міромъ; да они же ѣздятъ перемѣняясь въ волости по государевымъ дѣламъ, и по волостямъ берутъ себѣ почести великія, кормы, вина, пива; четвертные доходы сбираютъ съ насъ они же подъячіе и въ Москву отвозятъ, а на мірскую волю не даютъ, отвоза берутъ съ рубля по алтыну, лишнія деньги противъ развода берутъ, а въ отписи не ставятъ; да они же съ насъ, со всего міра берутъ жалованье по двадцати рублей на человѣка; а можно быть въ съѣзжей избѣ на Устюгѣ троимъ подъячимъ, прежде было трое и безъ найму, изъ одного дохода. Вели, государь, дать изъ Москвы на Устюгъ троихъ молодыхъ подъячихъ, или вели выбрать подъячихъ на Устюгѣ міромъ, а тѣхъ старыхъ подъячихъ вели перемѣнить.» Послѣ обыска, подъячихъ отставили.

Ближайшіе къ Москвѣ города при столкновеніи съ воеводами и губными старостами могли обращаться къ царю; но изъ областей отдаленныхъ, изъ Сибири челобитья не скоро могли достигать Москвы, и жители этихъ отдаленныхъ областей употребляли средство, которое употребляли и жители ближайшихъ городовъ, но не всею массою, брели розно. Посланы были на Лену воеводы и духовныя лица, которымъ велѣно вездѣ давать подводы безъ задержки. Когда они пріѣхали въ Енисейскій острогъ, то воевода здѣшній Веревкинъ велѣлъ созвать къ съѣзжей избѣ служилыхъ, посадскихъ людей, пашенныхъ крестьянъ, пріѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей разныхъ городовъ, и сталъ требовать отъ нихъ подводъ. Служилые люди отвѣчали, что имъ дать подводъ нельзя: «прежде мы ни подъ какою государевою казною и ни подъ какими госу-

даревыми воеводами въ подводахъ не хаживали, гребцовъ не давывали, указу государева о томъ прежде не бывало и теперь нѣтъ; а если съ насъ воевода караулъ городовой, отъѣзжіе заставные караулы и службу сниметъ, то мы поѣдемъ сами головами въ подводахъ, а если службы, и карауловъ отъѣзжихъ и городовыхъ не сниметъ, то у насъ въ подводахъ идти некому, города государева покинуть не смѣемъ.» Пашенные крестьяне сказали: «если съ насъ воевода сниметъ пашню, десятины, то мы побредемъ головами въ подводахъ, а если десятинъ не сниметъ, то у насъ подводъ нѣтъ.» Нѣсколько дней сряду воевода призывалъ ихъ и уговаривалъ дать подводы, но всякій разъ одинъ отвѣтъ, что имъ подводъ не давывать. Тогда воевода велѣлъ лучшихъ служилыхъ и посадскихъ людей и пашенныхъ крестьянъ выборныхъ старостъ пометать въ тюрьму, и вынувъ изъ тюрьмы велѣлъ ихъ бить на правежѣ: но Енисейскіе служилые и посадскіе люди и пашенные крестьяне съ лучшими людьми всѣ пошли головами въ тюрьму и на правежъ, говоря: «метать насъ въ тюрьму и на правежѣ бить всѣхъ, а не однихъ лучшихъ людей; въ томъ воленъ Богъ да государь: безъ государева указа на насъ велитъ подводы править.» И отказавъ въ подводахъ, пошли всѣ врознь. — Якутскій воевода Петръ Головинъ два года держалъ въ тюрьмѣ товарищей своихъ Матвѣя Глѣбова и дьяка Филатова; въ семи тюрьмахъ Головинъ держалъ больше 100 человѣкъ служилыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей. Притѣсненіями и казнокрадствомъ отличился также Мангазейскій воевода Григорій Кокоревъ: по донесеніямъ товарища его, Андрея Палицына: «пріѣдутъ Самоѣды съ ясакомъ, воевода и жена его посылаютъ къ нимъ съ заповѣдными товарами, съ виномъ, несчастные дикари пропиваются до нага, ясакъ, который они привезли, соболи и бобры переходятъ къ воеводѣ, а Самоѣды должны платить ясакъ кожами олеными, иные съ себя и съ женъ своихъ снимаютъ платье изъ оленьихъ кожъ и отдаютъ за ясакъ, потому что всѣ перепились и переграблены. Который торговый или промышленный человѣкъ не придетъ къ воеводѣ, къ

женѣ его и къ сыну съ большимъ приносомъ, такого воевода кидаетъ въ тюрьму, да не только его самого, но и собакъ его посадитъ въ тюрьму, да и беретъ потомъ выкупъ и съ самого, и съ собакъ. Когда у воеводы бываютъ пиры на торговыхъ и промышленныхъ людей, и если кто къ нему, или къ женѣ его или къ сыну принесетъ мало, тому приносъ бросаютъ въ глаза и до воротъ провожаютъ въ шею; люди воеводины берутъ у торговыхъ людей на гостиномъ дворѣ товары безъ платы; къ сыну воеводы промышленные люди ходятъ ежедневно продажное вино пить: кто принесетъ гривну, тому дастъ чарку, кто принесетъ двѣ гривны, тому двѣ чарки, и такъ дальше по разсчету, и какъ эти люди, напившись, пойдутъ отъ него со двора, то люди его кресты, перстни и пояса съ нихъ оберутъ, а съ иныхъ и все платье поснимаютъ въ закладъ. Затѣваетъ торговымъ людямъ напрасныя посылки, велитъ выбрать нарочитыхъ людей 20 или 30 и скажетъ службу на тундру, откуда имъ не воротиться, и тѣ люди, одолживъ свои головы послѣдними долгами, отъ него откупаются деньгами. Исказилъ царскій наказъ и держалъ его въ съѣзжей избѣ, а настоящій наказъ скрывалъ у себя.—Кокоревъ, съ своей стороны, доносилъ на Андрея Палицына, что онъ держитъ корчму, пьянствомъ другихъ раззоряетъ и самъ пьянствуетъ. Одинъ священникъ, духовный отецъ Палицына, доносилъ на Кокорева; другой доносилъ на Палицына и на отца его духовнаго, обвинялъ ихъ въ содомскихъ дѣлахъ, воровскихъ заводахъ и богомерзкихъ словахъ. Палицынъ доносилъ, что Кокоревъ ходитъ въ городъ и въ церковь нарядным воровскимъ обычаемъ, носятъ передъ нимъ мечь оберучный, какъ передъ Разстригою, а люди его всѣ передъ нимъ съ пищалями, саблями и со всякимъ оружіемъ, какъ передъ курфюрстомъ Нѣмецкимъ ходятъ, чины у него учреждены большіе: холопей своихъ зоветъ — инаго дворецкимъ, другаго казначеемъ, иныхъ стольниками. Когда Кокоревъ пойдетъ въ баню, то передъ баню приходятъ къ нему здороваться складчики его и совѣтчики и попы, и на нихъ смотря, боясь его безмѣрнаго страха, всякихъ чи-

новъ люди ходятъ передъ баню челомъ ему ударить; и когда жена Кокорева пойдетъ въ баню, то велитъ всѣмъ женщинамъ посадскимъ приходить челомъ себѣ ударить. Если у Кокоревскихъ людей умретъ ребенокъ, то всѣхъ посадскихъ женщинъ загоняютъ и велятъ надъ ребенкомъ плакать. На кого Кокоревъ накинется недѣломъ, посадитъ въ тюрьму или на правежѣ велитъ мучить, и тѣ люди послѣдніе свои животишки относятъ къ женѣ Кокорева, а приводитъ ихъ попъ Сосна и всѣмъ людямъ говоритъ: кто хочетъ бѣды избыть, тотъ бы шелъ ко всемірной заступницѣ, которая что захочетъ, то и сдѣлаетъ, хотя отъ висѣлицы отниметъ.—Дѣло дошло до того, что оба воеводы вступили другъ съ другомъ въ явную войну: Кокоревъ съ своими совѣтниками и стрѣльцами началъ стрѣлять изъ города въ посадъ, гдѣ сидѣлъ Палицынъ, и нѣсколько человѣкъ было побито; а Кокоревъ въ свое оправданіе говорилъ, что онъ стрѣлялъ въ слѣдствіе приступа къ городу Андрея Палицына и его соумышленниковъ.

Кромѣ притѣсненій отъ воеводъ и приказныхъ людей жители городовъ и областей много страдали отъ разбоевъ, которыхъ, какъ мы видѣли, было много и прежде, а теперь должно было быть еще больше послѣ недавнихъ смутъ и козацкаго господства. Разбойники ходили толпами; правительство наряжало противъ нихъ стольниковъ, которые ходили съ вооруженными отрядами, со всякимъ ратнымъ боемъ. Въ 1618 году били челомъ люди князя Мстиславскаго: передъ Покровомъ шли Черкасы и крестьянъ многихъ посѣкли въ Ярополчевской волости; а послѣ Черкасъ пришли въ волость Ярополчь козаки и стали въ Вязниковской слободкѣ станомъ; тогда люди и крестьяне князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, да Муромскихъ и Гороховскихъ дѣтей боярскихъ люди, крестьяне и Стародубскіе мужики сложились съ этими козаками, да волость Ярополчевскую разорили; къ козакамъ вино и медъ извощики князя Дмитрія Пожарскаго привозили и торгами всякими торговали, а какъ вино и медъ распродадутъ, то нашихъ крестьянъ пожитки, лошадей, коровъ и платье всякое покупали и стада от-

гоняли въ помѣстья и вотчины своихъ бояръ.» Разбойничали прикащики мелкихъ помѣстій съ своими крестьянами, разбойничали мелкимъ разбоемъ, нападали ночью въ лѣсу на проѣзжихъ. Иначе поступали прикащики большихъ, сильныхъ вотчинниковъ; въ 1645 году Шуяне били челомъ князю Якову Куденетовичу Черкасскому: «жалоба намъ, государь, на приказнаго твоего человѣка села Иванова-Кохмы, Безчастнаго Черкашенинова: въ прошломъ году о Николинѣ дни вешнемъ въ селѣ Пупкѣ на торгу онъ Безчастный съ твоими крестьянами прибили до полусмерти нашихъ посадскихъ людишекъ, шалаши у нихъ поломали, товаръ—хлѣбъ, калачи, мясо и пироги въ грязь втоптали; мы тогда били тебѣ челомъ, и ты изволилъ сыскать и, по сыску, указъ учинить. А въ нынѣшнемъ году 24 Іюля, пріѣхалъ онъ Безчастный въ Шую на торгъ, собравшись со многими крестьянами и, сердясь за прежнее наше челобитье на него, хотѣлъ насъ перебить; мы, узнавши, что онъ хочетъ насъ перебить,—которые сидѣли въ лавкахъ, а иные по домишкамъ своимъ, отъ него заперлись, и сидѣли запершись до тѣхъ поръ, пока онъ изъ Шуи выѣхалъ; а онъ, Безчастный по торгу и по улицамъ ѣздилъ съ саблею, а крестьяне твои за нимъ ходили съ топорками, кистенями, ослопами и кольями, ясакомъ кликали, похвалялись на насъ убійствомъ.» Прикащикъ дворцоваго села Дунилова, Сабуровъ билъ челомъ на Творогова, прикащика села Васильевскаго, принадлежавшаго также князю Черкасскому: «ѣздитъ Твороговъ въ Шую на торгъ и на Дунилово, съ нимъ ѣздятъ многіе люди, человѣкъ по двадцати, по сороку и больше, называются козаками и крестьянъ государевыхъ по дорогамъ и по деревнямъ побиваютъ и грабятъ, подводы берутъ, женъ ихъ и дѣтей позорятъ, животину всякую стрѣляютъ и по хлѣбу ѣздятъ. Въ нынѣшнемъ году пріѣхалъ на торгъ и сталъ на дворѣ у крестьянина Невѣрова силою; и какъ торгъ съѣхался, то Твороговъ вышелъ со двора съ своими козаками и крестьянами, и сталъ у крестьянъ государевыхъ сукна и холсты грабить и самихъ крестьянъ побивать. Когда я, Сабуровъ, вы-

слалъ людей своихъ уговаривать его, то онъ велѣлъ людишекъ моихъ бить на смерть и грабить середь торгу; тогда я вышелъ на улицу и сталъ ему говорить: зачто ты государевыхъ крестьянъ велишь грабить, а людишекъ моихъ побивать? а онъ началъ меня бранить всякою неподобною бранью, и велѣлъ козакамъ бить меня до смерти, но меня міромъ отняли; я ушелъ къ себѣ на дворишко и заперся; Твороговъ съ козаками и со многими людьми приступалъ къ дворишку моему, изъ луковъ и пищалей стрѣляли, полѣньемъ бросали и грабили, и я едва отсидѣлся, отняли меня міромъ.» Стрѣльцы при удобномъ случаѣ становились также разбойниками: Архангельскій воевода доносилъ въ 1630 году, что сто человѣкъ стрѣльцовъ, посланныхъ изъ Холмогоръ въ Пустоозерскій острогъ, въ Кедровѣ и на Мезени воровали, крестьянъ били и грабили и женъ ихъ безчестили, сотника своего не слушали. Переводить разбои было трудно въ странѣ малонаселенной, покрытой дремучими лѣсами; кромѣ того средствъ не было: явятся большія разбойничьи шайки, противъ нихъ вооружатся дворяне и дѣти боярскіе, какъ вдругъ придетъ указъ, чтобъ эти дворяне и дѣти боярскіе ѣхали на береговую службу, а за разбойниками пусть идутъ монастырскіе служки, посадскіе и уѣздные люди; воевода пишетъ, что монастырскіе служки худы и безконны; ему отвѣчаютъ изъ Москвы: «вы бы за разбойниками сами ходили, посылали губныхъ старостъ и отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ.» Но уже это походило на насмѣшку, ибо дворяне и дѣти боярскіе отставлялись за старостію, увѣчьемъ и болѣзнями. Слышались жалобы и на губныхъ старостъ, что они норовятъ колодникамъ для своей бездѣльной корысти, а губные Шуйскіе старосты разъ подали вотъ какую челобитную на губнаго цѣловальника: «пришелъ онъ съ кабака пьяный и вынулъ изъ тюрьмы колодницу, разбойничью женку Аксютку къ себѣ на постель, а самъ уснулъ пьяный; тогда женка Аксютка вынула у него изъ пазухи ключи тюремные и выпустила изъ тюрьмы колодниковъ, татей и разбойниковъ семь человѣкъ, а тюремный сторожъ въ то время сошелъ къ себѣ ужинать.»

Если посадскіе люди терпѣли отъ прикащиковъ сильныхъ вельможъ, то и дворяне и дѣти боярскіе били челомъ: которые посадскіе тяглые люди живутъ за сильными людьми и за монастырями въ закладчикахъ: то отъ нихъ имъ, дворянамъ, людямъ ихъ и крестьянамъ обиды и насильство многое въ городахъ, по торжкамъ, по слободамъ и на посадахъ: людей ихъ и крестьянъ грабятъ и побиваютъ, на мытахъ и перевозахъ перевозы и мостовщину берутъ, мимо государева указа; а въ городахъ воеводы и приказные люди на этихъ людей суда не даютъ, отказываютъ, что имъ въ городахъ судить ихъ не указано. Въ слѣдствіе этого челобитья вышелъ указъ: на откупщиковъ и мытовщиковъ судъ давать по приказамъ, изъ котораго приказа кому дано въ откупъ или на оброкъ; кто станетъ брать перевозы и мостовщины мимо государевой грамоты, такихъ бить кнутомъ, да сверхъ того пеня на государя съ откупу ихъ, съ рубля по алтыну. А которые люди всякихъ чиновъ самовольствомъ на своихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ водахъ, по дорогамъ, завели мыты, перевозы и мостовщины, и берутъ перевозъ и мытъ самовольно, вновь поставили мельницы и этимъ воду подняли: то всѣ эти мельницы, мосты и перевозы свезть.

Когда Новгородъ Великій возвращенъ былъ Москвѣ по Столбовскому миру, то жителямъ его дана была льгота на три года отъ всѣхъ податей; воеводами въ него назначены были бояринъ князь Иванъ Андреевичь Хованскій, да стольникъ князь Ѳедоръ Елецкій съ двумя дьяками: воеводы получили наказъ переписать дворянъ и дѣтей боярскихъ, которымъ велѣно быть съ ними на службѣ въ Новгородѣ, нѣтчиковъ сыскивать и наказывать, пустопомѣстнымъ и безпомѣстнымъ, пока испомѣстятся, давать кормъ по осминѣ человѣку; пересмотрѣть нарядъ и пушечные запасы и разставить нарядъ по мѣстамъ, расписать пушкарей и всякихъ людей, гдѣ кому быть въ осадное время, чтобъ всякій свое мѣсто зналъ; ворота воеводамъ и дьякамъ вѣдать, кому которые пригоже; въ городничіе выбрать двоихъ дворянъ добрыхъ и велѣть имъ всякій хлѣбъ и горо-

довое всякое береженье и у наряду у всѣхъ воротъ вѣдать во всемъ, въ городѣ ворота замыкать и отмыкать, а ключи приносить боярину и воеводѣ князю Хованскому въ каменный городъ; жить князю Хованскому въ большомъ каменномъ городѣ, князю Елецкому въ другомъ городѣ, а дьякамъ жить, гдѣ прежде дьяки живали; какъ городъ замыкать и отмыкать— для того сдѣлать колоколъ, а ратный вѣстовой держать другой колоколъ; порохъ и всякій пушечный запасъ держать въ каменномъ городѣ на казенномъ дворѣ или въ крѣпкомъ погребѣ, и приказать тотъ погребъ и порохъ городничему, а для береженья отъ огня учредить объѣзжиковъ; въ осадное время Чухновъ, Латышей и порубежныхъ Русскихъ крестьянъ въ городъ (крѣпость) не пускать, держать ихъ на посадѣ, во рвахъ, а женъ ихъ и дѣтей малыхъ пускать въ городъ. Выбрать дѣтей боярскихъ и велѣть имъ корчмы вынимать у всякихъ людей, чтобъ кромѣ государевыхъ кабаковъ никто питья на продажу не держалъ; дѣти боярскіе, которымъ держать про себя питье непригоже, чтобъ никакъ его не держали, а которымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, приказнымъ людямъ, гостямъ лучшимъ и торговымъ людямъ пригоже питье держать, тѣ бы питье держали про себя, а не на продажу; если у тѣхъ, кому нельзя держать питья, вынутъ корчму впервые, на томъ взять два рубля заповѣди, вынутъ корчму въ другой разъ у сына боярскаго, то вкинуть его на время въ тюрьму, и заповѣди взять вдвое, вынутъ въ другой разъ корчму у посадскаго человѣка, у стрѣльца, козака или пушкаря, то бить кнутомъ и вкинуть въ тюрьму, а заповѣди взять вдвое. Заказъ крѣпкій учинить и биричю велѣть кликать нѣсколько разъ, чтобъ никакого воровства не было, никто бы никого не билъ и не грабилъ и другаго никакого дурна не дѣлалъ; беречь накрѣпко, чтобъ въ лѣтнее время избъ и бань не топили, вечеромъ съ огнемъ не сидѣли, ѣсть бы варили и хлѣбы пекли въ поварняхъ и на огородахъ въ печахъ. Порубежныхъ Латышей и Чухонъ Новгородскаго уѣзда, также зарубежныхъ Нѣмцевъ, Латышей и Чухонъ, если пріѣдутъ съ хлѣбомъ или такъ для

чего-нибудь, въ городъ не пускать, а отвести имъ дворъ или два на посадѣ, приказать ихъ пріѣздъ и отъѣздъ вѣдать сыну боярскому или двоимъ добрымъ и беречь накрѣпко, чтобъ имъ отъ Русскихъ людей обидъ не было, да чтобъ и отъ нихъ Русскимъ людямъ дурна не было же; случится между ними и Русскими людьми тяжба, то судить ихъ на посадѣ головамъ, которымъ приказаны будутъ Нѣмецкіе гостиные дворы, а вершить дѣла воеводамъ. Если посадскіе люди изъ Московскихъ городовъ станутъ приходить въ Новгородъ и захотятъ жить въ немъ, будутъ просить льготы, то, разспросивъ ихъ, велѣть жить на посадѣ, давши имъ мѣста подъ дворы и подъ огороды, записывать имена ихъ въ книги и присылать вѣдомость къ государю въ чети, откуда кто пришелъ и какъ давно. Беречь накрѣпко, чтобъ Нѣмцы и Латыши, пріѣзжая въ Новгородъ, у порубежныхъ людей хлѣба и никакого другаго товара не покупали и скота не гоняли за рубежъ, чтобъ заморскіе торговые люди изъ Новгорода хлѣба и никакого съѣстнаго запаса за рубежъ не вывозили; сдѣлать для Нѣмцевъ гостиный дворъ на торговой сторонѣ, занять мѣсто небольшое острогомъ, дворы извозные извощикамъ сдѣлать, а извощиковъ прибрать сколько пригоже смотря по заморскому водяному пріѣзду и привозу, этимъ извощикамъ изъ судовъ на гостинъ дворъ всякіе товары велѣть возить, а мимо ихъ никому въ извозъ не быть, да изоброчить этихъ извощиковъ оброкомъ. Если товаръ съ Нѣмецкихъ разбитыхъ судовъ прибьетъ къ берегу, то воеводамъ велѣть товаръ сыскивать и отдавать Нѣмцамъ, чей онъ будетъ, взимая на государя десятую выть. Поминковъ воеводамъ у чужеземцевъ и у Русскихъ людей не брать ни подъ какимъ видомъ; если Нѣмцы станутъ какую почесть приносить, то также не брать ничего; пускать ихъ князю Хованскому къ себѣ въ избу въ другомъ городѣ передъ воротами по утрамъ, человѣкъ по пяти и по шести, а не вдругъ, въ каменный же городъ заморскихъ Нѣмцевъ никакъ не пускать. Сдѣлать въ Новгородѣ гостиный дворъ, чтобы гости мимо этого двора нигдѣ не ставились, а Фрязамъ, Французскихъ

судовъ людямъ сдѣлать на тѣхъ дворахъ анбары, гдѣ держать дорогіе товары и всякую мелкую рухлядь; ѣду и питье всякое держать для заморскихъ Нѣмцевъ и для торговыхъ людей дворникамъ тѣхъ дворовъ, а для береженья на дворахъ приставить сына боярскаго, и съ нимъ цѣловальниковъ; служилыхъ людей, дѣтей боярскихъ, пушкарей, стрѣльцовъ и козаковъ на дворы не пускать, чтобъ отъ нихъ пріѣзжимъ людямъ обмана, татьбы и другаго воровства не было. Тяжелый товаръ: сельди, соль, медъ, свинецъ, сѣру горячую, мѣдь класть за городомъ на гостиныхъ дворахъ подъ навѣсами, а мягкій товаръ Нѣмцамъ класть въ анбарахъ. Русскимъ людямъ свой товаръ: ленъ, посконь, сало, воскъ также класть на гостиныхъ дворахъ, а соболи, бѣлки и всякій дорогой товаръ класть въ городѣ, для чего сдѣлать имъ тамъ дворъ съ анбарами. Если будутъ вѣсти не тихи, на то время и Нѣмецкіе большіе товары съ гостиныхъ дворовъ велѣть перевозить въ городъ, и класть въ погреба или въ палаты гдѣ бы крѣпче, а ленъ, сало, воскъ и посконь класть въ каменные погреба, гдѣ было бы отъ огня безстрашно; а по улицамъ на посадѣ всякую ночь должны ходить по два сына боярскихъ да по десяти человѣкъ посадскихъ людей, смотрѣть чтобъ не было никакого воровства, и кругомъ гостинаго двора ходить и береженье держать большое. Пушкарямъ, стрѣльцамъ, козакамъ и воротникамъ съ Нѣмцами торговать запретить и смотрѣть за ними строго, чтобъ надъ Нѣмецкими и надъ Русскими людьми воровства не дѣлали, да смотрѣть, чтобъ стрѣлять умѣли, а которые не умѣютъ, тѣхъ вонъ метать, и на ихъ мѣсто прибирать умѣющихъ; холопей боярскихъ, тяглыхъ людей и съ пашенъ пашенныхъ крестьянъ въ стрѣльцы и козаки не брать, брать вольныхъ охочихъ людей. Былъ до разоренья въ Нов городѣ денежный дворъ: такъ воеводамъ велѣть прежнихъ денежныхъ мастеровъ и новыхъ собрать и денежный дворъ устроить, велѣть деньги дѣлать въ старыхъ деньгахъ и въ ефимкахъ, а для береженья велѣть быть на денежномъ дворѣ сыну боярскому доброму, да гостю или торговому человѣку лучше-

му и цѣловальникамъ, цѣловальниковъ велѣть выбрать городомъ, выборъ взять за руками и къ крестному цѣлованью привести. Денежнымъ мастерамъ сказать, что государь велитъ имъ давать денежное жалованье по-прежнему, и беречь накрѣпко, чтобъ мастера дѣлали деньги изъ чистаго серебра, а мѣдныхъ и оловянныхъ не дѣлали, и въ деньги мѣди и олова не примѣшивали, государевымъ серебромъ не корыстовались. — Обо всемъ воеводамъ промышлять по сему государеву наказу, по указнымъ грамотамъ и смотря по тамошнему дѣлу; а о большихъ и вѣстовыхъ дѣлахъ приходить къ митрополиту и съ нимъ совѣтоваться, какъ которому дѣлу быть пригоже, и какъ бы государеву дѣлу было лучше и прибыльнѣе.»

Въ 1626 году въ Новгородѣ Великомъ людей, способныхъ носить оружіе было 2752 человѣка: изъ нихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ пятинъ 1297, новокрещеновъ, Татаръ и Черкасъ помѣстныхъ и кормовыхъ 36, стрѣльцовъ 564 съ двумя головами и 8 сотниками, козаковъ 355, пушкарей и воротниковъ 20, подъячихъ у дѣлъ и разсылочныхъ 35, посадскихъ и всякихъ тяглыхъ людей съ разными боями 435. Въ Новгородскихъ пригородахъ: въ Ладогѣ 289, въ Порховѣ 75, въ Старой-Русѣ—70; во Псковѣ 4,807, въ томъ числѣ посадскихъ 3,130, несмотря на то, что въ 1615 году выведено было 300 семей въ Москву; въ Торопцѣ 1,103; въ Торжкѣ 567; въ Твери 178, въ томъ числѣ посадскихъ 85; въ Кашинѣ 61; въ Устюжнѣ Желѣзопольской 335, въ томъ числѣ посадскихъ 300, 100 съ пищалями и 200 съ рогатинами; въ Ярославлѣ 2,480, изъ нихъ посадскихъ и всякихъ жилецкихъ людей, дворниковъ и захребетниковъ 457 съ пищалями, да 1669 съ копьями, кромѣ того въ Спасскомъ монастырѣ слугъ, служекъ и всякихъ монастырскихъ людей 73 съ пищалями, до 51 съ копьями; въ Костромѣ 1,297, въ томъ числѣ 1,200 посадскихъ; въ Вологдѣ 1091, въ томъ числѣ посадскихъ 800; во Владимирѣ 370, въ томъ числѣ оброчныхъ огородниковъ 50, посадскихъ 128, дворниковъ 62, патріарховыхъ слободскихъ крестьянъ 17, соборныхъ поповъ крестьянъ 31, Дмитровской слободы крестьянъ 2; въ

Суздалѣ 419, изъ нихъ посадскихъ 258; въ Арзамасѣ 650; въ Коломнѣ 558, изъ нихъ посадскихъ 287; въ Алексинѣ 90, изъ нихъ посадскихъ и чернослободцевъ 5; въ Калугѣ 1068, изъ нихъ посадскихъ 422; въ Вязмѣ 1321, изъ нихъ посадскихъ 302; въ Можайскѣ 431, изъ нихъ посадскихъ 94; въ Волоколамскѣ 106, изъ нихъ посадскихъ 27; въ Боровскѣ 280, — посадскихъ 58; въ Болховѣ 318, изъ нихъ посадскихъ и всякихъ жилецкихъ людей 167; въ Воронежѣ 1168,—посадскихъ 37; въ Ельцѣ 1,486, — жилецкихъ людей 25.—Въ 1635 году уже другія цифры: во Владимірѣ, напримѣръ, вмѣсто 128 посадскихъ — 184, дворниковъ вмѣсто 62 — 100, но число огородниковъ уменьшилось: вмѣсто 50 — 33. Въ Суздалѣ вмѣсто 419 посадскихъ находимъ только 302; въ Боровскѣ вмѣсто 58 — 65; въ Калугѣ тоже самое число; въ Воронежѣ приращеніе большое: вмѣсто 37 посадскихъ 1626 года находимъ 375; положимъ даже, что въ это число вошли 101 человѣкъ крестьянъ монастырской и оброчной слободы, показанные особо подъ 1626 годомъ, и не показанные въ 1635. Въ Новгородѣ Великомъ также большое приращеніе: вмѣсто 435 посадскихъ 1097 посадскихъ людей, ихъ дѣтей, братьевъ, племянниковъ и захребетниковъ! Но во Псковѣ сильное уменьшеніе: вмѣсто 3130 посадскихъ 1626 года въ 1635 находимъ только 1057 съ дѣтьми, братьями, племянниками и захребетниками. Сильное увеличеніе посадскихъ въ Новгородѣ и сильное уменьшеніе ихъ во Псковѣ легко можно объяснить тѣмъ, что Новгородскіе посадскіе люди бѣжали отъ Шведскаго разоренья и преимущественно во Псковъ, а потомъ мало по малу возвращались; во Псковъ же, кромѣ Новгородцевъ, могли сбираться посадскіе люди и изъ другихъ разоренныхъ городовъ, потому что Псковъ въ смутное время непріятелемъ занятъ не былъ [16].

Незначительное число посадскихъ людей въ городахъ, людей, занимавшихся торговлею и промышленностію, уже можетъ показать намъ, что торговля и промышленность въ Московскомъ государствѣ при Михаилѣ не были въ блестящемъ состояніи. Разгромъ смутнаго времени, пожертвованія для тя-

желыхъ войнъ съ Польшею, насилія воеводъ и всякихъ сильныхъ людей, дурное состояніе правосудія, монополіи казны, дурныя дороги, недостатокъ безопасности на этихъ дорогахъ по причинѣ разбойниковъ, отсутствіе образованности, отъ котораго происходила мелкость взглядовъ, мелкость и безнравственность средствъ для полученія барышей, — все это производило то, что Русскіе торговые люди были бѣдны, отбывали своихъ промыслишковъ; если предположимъ даже, что они говорили неправду, нарочно выставляли свою бѣдность, чтобъ отбыть отъ пожертвованій, то побужденія, которыя заставляли ихъ такъ поступать, конечно не могли содѣйствовать развитію торговли и промышленности. До чего доходили откупа, видно изъ слѣдующей царской грамоты 1639 года: «Вѣдомо учинилось: въ городахъ, приписанныхъ къ приказу Новгородской чети, въ недавнее время взяты на откупъ квасъ, сусло, брага, ботвинья, хмельное и сѣнное трушенье, мыльное рѣзанье, овесъ, деготь, и другіе мелкіе промыслы, которыми въ городахъ живутъ, кормятся и тягло платятъ посадскіе и всякіе жилецкіе люди; въ прежнее время такіе мелкіе промыслы никогда въ откупу ни закѣмъ не бывали, а теперь отъ нихъ посадскіе и всякіе жилецкіе люди оскудѣли, и государь указалъ всѣ эти новоприбылые откупа въ городахъ отставить. О томъ же свидѣтельствуетъ и Псковской лѣтописецъ; онъ говоритъ, что въ 1627 и 1628 годахъ умышленіемъ воеводы и дьяка дали на откупъ квасниковъ, извощиковъ, дегтярей и банниковъ на оброкъ и площадныхъ подъячихъ, а въ 1629 году купили на Москвѣ кабаки Псковскіе Ивана Никитича Романова закладчикъ Хмелевскій съ товарищами и продавали вино по 4 алтына стопу, а стопъ убавили; другіе люди откупали кабаки по волостямъ». Человѣкъ съ состояніемъ долженъ былъ находиться въ безпрерывномъ страхѣ за свое имущество и за свое спокойствіе, потому что оно было постоянною цѣлію для людей, хотѣвшихъ поживиться на чужой счетъ, и такіе люди были не между одними козаками: начали пріѣзжать изъ Москвы во Псковъ дворяне, дѣти боярскіе и торговые всякіе люди съ ложными за-

зывными грамотами, требуя зажиточныхъ горожанъ въ Москву на судъ; тѣ, только чтобъ не предпринимать раззорительнаго путешествія, не испытывать знаменитой Московской волокиты, мирились, сами не зная въ чемъ, давали иногда больше десяти рублей. Въ слѣдствіе этого Псковскіе всегородные земскіе старосты били челомъ царю, чтобъ далъ Псковичамъ право судиться у себя во Псковѣ во всякихъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ; царь исполнилъ просьбу. Шуяне били челомъ князю Прозоровскому на его человѣка Акинѳова, что онъ взялъ зазывную грамоту на шестерыхъ Шуянъ посадскихъ людей, поклепавъ напрасно, убытчитъ и продаетъ и впередъ похваляется на многихъ посадскихъ и остальныхъ людишекъ зазывными же грамотами, поклепами и продажами и убытками великими. Мірское устройство городовъ обезпечивало горожанамъ право подавать всѣмъ міромъ безпрестанныя жалобы царю и вельможамъ, не обезпечивая однако, какъ мы видѣли, возможности защищаться всѣмъ міромъ, когда сосѣднему прикащику вздумается въѣхать въ посадъ съ угрозами: однѣ формы не помогутъ, какъ бы онѣ хороши не были. Мірское устройство, съ другой стороны, обезпечивая право жаловаться всѣмъ міромъ на злоупотребленія, не обезпечивало отъ раззоренія и правежа, когда весь міръ долженъ былъ платить за пустые дворы, все болѣе и болѣе въ нѣкоторыхъ городахъ прибавлявшіеся: въ 1640 году Шуяне били челомъ: въ прошломъ 1631 году было у насъ по писцовымъ книгамъ на посадѣ жилыхъ тяглыхъ дворовъ 154, въ прошломъ 1639 году запустѣло 32 двора, да въ нынѣшнемъ 1640 погорѣло 82 двора, осталось у насъ разломаныхъ дворишковъ 40, и пошли мы по міру, промыслишки и товаришки—все пригорѣло; да мы же до пожара и послѣ пожара стоимъ на правежѣ за недоплаченныя въ 1639 году дворовыя деньги. Челобитная оканчивается обычнымъ припѣвомъ: «пожалуй насъ, сиротъ твоихъ, чтобъ намъ въ конецъ не погинуть и розно не разбрестись». Міръ пользовался правомъ жаловаться на злоупотребленія, и жалобы выслушивались, просьбы исполнялись, правительство злоупотребленіямъ не потакало.

Въ 1639 году Шуяне били челомъ: велѣно въ Шуѣ сыскивать корчемныя и табачныя дѣла Ивану Тарбееву и велѣно ему взять у насъ обыскныя рѣчи, и мы указали на людей, которые табакъ пили, а кто имъ табакъ привозилъ, того мы не знаемъ; но Иванъ Тарбеевъ научилъ этихъ бездѣльниковъ клепать насъ табакомъ для своей корысти, многихъ насъ испродалъ и многіе посадскіе людишки разбрелись розно, покинувъ женъ своихъ, дѣтей и животы; и Иванъ Тарбеевъ на ихъ мѣсто взялъ женъ и дѣтей и отдалъ за приставовъ, а изъ за приставовъ беретъ ихъ къ себѣ на постелю на блудъ, угрожая имъ пыткою и торговою казнію и велѣлъ имъ клепать насъ табакомъ». Правительство не оставило безъ вниманія такой жалобы и отправило Андрея Палицына разыскать дѣло; Палицынъ былъ безпристрастенъ относительно Тарбеева; но Шуйскій міръ опять подалъ челобитную теперь уже не государю, а могущественному боярину, князю Ивану Борисовичу Черкасскому, что Палицынъ пытаетъ Тарбеева, но вмѣстѣ пытаетъ и посадскихъ людей, пытаетъ крѣпко на смерть, не противъ ихъ обысковъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ Русскіе торговые люди были бѣдны и не могли стянуть съ богатыми иноземцами, на которыхъ они жаловались одинаково какъ и на воеводъ. Мы видѣли, что въ началѣ царствованія Англичане получили грамоту на свободную и безпошлинную торговлю: торговые Русскіе люди старались представить это дѣло такъ, что Англичане подкупили думнаго дьяка Третьякова; но мы не можемъ принять этого объясненія, зная особенныя отношенія новаго Московскаго правительства къ Англіи. Англичане обязаны были доставлять въ царскую казну сукна и другіе товары по цѣнѣ, по какой они продаются въ Англіи, не вывозить шелку за границу, не привозить табаку и чужихъ товаровъ; по городамъ воеводы должны были смотрѣть, чтобъ Русскіе люди отъ Англичанъ ихъ товарами не торговали, и чтобъ Англичане закладчиками Русскихъ людей не держали. Въ 1613 году дана Нѣмцу Буку жалованная грамота на безпошлинную торговлю за его службы, преж-

нюю и нынѣшнюю къ государю и Московскому государству. Въ томъ же году дана грамота иноземцу Ивану Юрьеву на право безпошлинной торговли во всѣхъ Русскихъ городахъ по причинѣ разоренія, претерпѣннаго имъ отъ Поляковъ; въ 1614 дана была грамота компаніи Голландскихъ гостей на свободную и безпошлинную торговлю, но только въ продолженіе трехъ лѣтъ, и то въ вознагражденіе за потери, которыя компанія понесла въ смутное время, послѣ же трехъ лѣтъ они должны были платить половинную пошлину; для иноземства государь ихъ пожаловалъ, не велѣлъ судить ихъ по городамъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, кромѣ дѣлъ уголовныхъ, въ гражданскихъ же искахъ судятся они въ посольскомъ приказѣ; дойдутъ по суду до крестнаго цѣлованія, то присягаютъ не сами они, а люди ихъ; съ дворовъ ихъ никакія подати, пошлины и повинности не требуются; наконецъ Голландцы могутъ держать при себѣ питье. Въ 1619 году Новгородскіе таможенные головы, гости, старосты и всѣ посадскіе люди жаловались на Голландца Самуила Леонтьева, что онъ живетъ на посадѣ на тягломъ дворѣ, владѣетъ дворомъ невѣдомо почему, на гостиномъ дворѣ съ другими иноземцами не ставится, держитъ товары у себя на дворѣ, для царскихъ пошлинъ въ таможню ихъ не являетъ, торгуетъ всякими товарами врознь, и посылаетъ отъ себя Русскихъ людей для торговаго промысла въ Заонѣжскіе погосты и, покупая хлѣбъ, рыбу и всякіе товары, отпускаетъ въ Нѣмецкіе города; государь приказалъ воеводамъ допросить Голландца, почему онъ такъ дѣлаетъ, взять съ его товаровъ пошлины, выслать вонъ и впередъ запретить ѣздить въ Новгородъ, да запретить ѣздить въ Новгородъ и другимъ Нѣмецкимъ купцамъ, у которыхъ не будетъ царскихъ жалованныхъ грамотъ, кромѣ Шведовъ. Ганзейскіе города, по просьбѣ Голландскихъ штатовъ, получили право свободной торговли, но потомъ потеряли его. Мы видѣли, что по Столбовскому миру Шведы получили право свободной торговли въ Русскихъ городахъ; въ 1629 году царь писалъ Новгородскимъ воеводамъ: «пріѣзжаютъ изъ-за рубежа въ нашу сторону тор-

говые люди и торгуютъ всякими товарами украдкою, ѣздя по деревнямъ, безпошлинно; а еще въ 1625 году велѣно Русскимъ торговымъ людямъ заказъ учинить крѣпкій, чтобъ они въ Швеціи торговали по городамъ, а по селамъ и деревнямъ не торговали, точно тоже и Шведамъ велѣно сказать, чтобъ они у насъ по селамъ и деревнямъ не торговали». Псковской лѣтописецъ жалуется на Нѣмцевъ и вообще на стѣсненіе торговли, подъ 1632 годомъ онъ говоритъ: «Привезли Нѣмцы торговую грамоту изъ Москвы, что ставить имъ дворъ Нѣмецкій во Псковѣ, входить въ городъ и торговать; архіепископъ Іоасафъ и Псковичи били челомъ государю, чтобъ не быть во Псковѣ Нѣмцамъ; но челобитья Псковскаго не приняли, у Іоасафа благословеніе и службу отняли, а Нѣмцы во Псковъ многіе входили и ѣздили по всему городу невозбранно, и отмѣрили мѣсто, гдѣ дворъ Нѣмецкій ставить. Въ 1636 году отняли у Псковичей торговлю, льномъ не торговать всякимъ людямъ, и гость Московскій присланъ, велѣно ему купить на государя по указной цѣнѣ Московской; много отъ этого было убытку монастырямъ и всякимъ людямъ, деньги—корелки худыя, цѣна невольная, купля нелюбовная, во всемъ скорбь великая, вражда несказанная и всей землѣ связа, никто не смѣй ни купить, ни продать». Нѣсколько разъ гостишки, гостинной и суконной сотни торговые людишки и многихъ разныхъ городовъ — Казанцы, Нижегородцы, Костромичи, Ярославцы, Суздальцы, Муромцы, Вологжане, Устюжане, Романовцы, Галичане, Угличане, Каргопольцы, Бѣлозерцы, Колмогорцы и другихъ многихъ городовъ торговые людишки подавали жалобу государю на иноземцевъ, Англичанъ, Голландцевъ и Гамбурцевъ, которые ѣздятъ по государевымъ жалованнымъ грамотамъ въ Москву и по многимъ другимъ городамъ со всякими многими товарами, тогда какъ при прежнихъ государяхъ кромѣ Англійскихъ гостей иноземцы нигдѣ не торговали, торговали только у Архангельскаго города. Теперь же они ѣздятъ по всѣмъ городамъ и привозятъ съ собою другихъ иноземцевъ, у которыхъ нѣтъ государевыхъ жалованныхъ грамотъ, называютъ ихъ своими братьями, пле-

мянниками и прикащиками, ихъ товары выдаютъ за свои, провозятъ товары тайно и безпошлинно; сами всюду ѣздятъ, покупаютъ Русскіе товары и потомъ продаютъ ихъ у Архангельска иноземцамъ заморскимъ тайно и безпошлинно; чинятъ съ этими заморскими Нѣмцами заговоръ вмѣстѣ и торгуютъ у насъ товары въ накладъ, и чѣмъ намъ кормиться и сытымъ быть, все это у насъ отняли; оттого Русскіе торговые люди къ Архангельску ѣздить перестали, ярмарка начала пустѣть, въ государевой казнѣ стали быть недоборы большіе, а мы отъ нихъ въ конецъ погибли. Тѣ же иноземцы и остальныя судовыя промыслишки у насъ отняли: съ Вологды къ Архангельскому городу и отъ Архангельска вверхъ къ Вологдѣ товары свои въ своихъ дощаникахъ возятъ и кладь у Русскихъ людей и у иноземцевъ по найму берутъ».

Мы видѣли, что Астраханская торговля съ востокомъ пострадала при Заруцкомъ, когда Бухарскіе и Гилянскіе купцы, ограбленные воромъ, должны были разбѣжаться; послѣ очищенія Астрахани отъ Заруцкаго торговля возобновилась; въ наказѣ Астраханскому воеводѣ говорится: «переписать на Гилянскомъ и Бухарскомъ дворѣ Тезиковъ, которые живутъ въ Астрахани на государевомъ имени, которой они области, котораго города, какъ давно живутъ въ Астрахани, ѣздятъ ли отсюда въ свою землю, или живутъ въ Астрахани безвыѣздно, какими товарами торгуютъ и сколько доходовъ идетъ съ нихъ въ государеву казну?» Царь Михаилъ далъ Бухарцамъ право ѣздить съ товарами въ Казань, Астрахань, Архангельскъ и приморскіе города, нанимать подводы, покупать суда; воеводы не могли ихъ задерживать, исключая долговыхъ обязательствъ и уголовныхъ дѣлъ. Что касается до Персидской торговли, то Московскіе купцы сами объявили, что ведутъ ее многіе Русскіе торговые люди, изъ многихъ городовъ; относительно же торговли Персіянъ въ Россіи данъ былъ такой наказъ Астраханскому воеводѣ: «велѣть Кизилбашскихъ, Бухарскихъ и Гилянскихъ торговыхъ тезиковъ ставить на Гилянскомъ и Бухарскомъ дворѣ и торговать имъ велѣть съ Русскими людьми и съ юртовскими

Татарами на Татарскомъ базарѣ указными товарами, кромѣ шаховыхъ купчинъ, которые покупаютъ товары на шаха: этимъ позволено покупать на шаховъ обиходъ всякіе товары, Нагайскій ясырь (невольниковъ), птицъ, ястребовъ, соколовъ и балабаловъ, кромѣ кречетовъ, пошлинъ съ шаховыхъ товаровъ не брать, но смотрѣть, чтобъ шаховы купчины на себя не покупали того, что указано только на шаха покупать; если торговые люди изъ шаховыхъ городовъ пріѣдутъ въ Астрахань, то воеводы посылаютъ дѣтей боярскихъ, таможенныхъ цѣловальниковъ и подъячихъ, которые должны переписать, кто именно ѣдетъ, сколько съ нимъ людей, какіе везетъ товары; если эти торговые люди станутъ торговать въ Астрахани, то брать съ нихъ пошлины большія, если же будутъ проситься вверхъ по Волгѣ, въ Казань и другіе города, то отпускать ихъ взявши пошлины проѣзжія; гдѣ товаровъ своихъ не продадутъ, тамъ брать пошлины отвозныя; смотрѣть накрѣпко, чтобъ Персіяне, когда поѣдутъ въ государевы города, Нагайскихъ и государевыхъ людей съ собою не брали; въ Астрахани тезиковъ не задерживать, чтобъ изъ за нихъ съ шахомъ ссоры не было. Турецкимъ купцамъ запрещено было торговать въ Астрахани и на Терекѣ. Нагаямъ и юртовскимъ Татарамъ запрещено было въ Астрахани продавать лошадей Русскимъ людямъ для отсылки въ Русь; они должны были своихъ лошадей непремѣнно гнать въ Москву, и по дорогѣ нигдѣ не смѣли продавать; Астраханскіе воеводы должны были приманивать ихъ обѣщаніемъ, что когда они пригонятъ лошадей въ Москву, то государь будетъ ихъ жаловать, велитъ имъ видѣть свои царскія очи. Въ 1643 году Астраханскіе воеводы получили слѣдующую царскую грамоту: «Бьютъ намъ челомъ Юргенскаго (Хивинскаго) царя послы и говорятъ: ѣздятъ изъ Астрахани Русскіе люди чрезъ Юргенское государство торговать, и Юргенскій царь въ томъ имъ заказа чинить не велитъ, и какъ они исторговавшись поѣдутъ въ Астрахань, то онъ ихъ и провожать велитъ; а когда Юргенскіе торговые люди поѣдутъ въ Астрахань и пріѣдутъ къ морю, то наши торговые люди бьютъ челомъ приказ-

нымъ людямъ, чтобъ они Юргенскихъ торговыхъ людей на суда не сажали, для того, чтобъ они товары свои продавали въ неволю, дешевою цѣною, и приказные люди Юргенцевъ на суда не сажаютъ, говорятъ, чтобъ они торговали тутъ, а если не хотятъ торговать, то пусть везутъ свои товары назадъ. Такъ вы бы велѣли Юргенцевъ на суда сажать и въ Астрахань отпускать». Какъ стѣснялась торговля, подчиняясь другимъ интересамъ и требованіямъ, видно изъ царскаго указа въ Астрахань—не продавать Персіянамъ дорогихъ мѣховъ, чтобъ не умалить цѣны царскимъ подаркамъ, посылаемымъ къ шаху.

Иностранцы охотно покупали хлѣбъ въ Россіи; но продажа хлѣба за границу была монополіею казны. Въ этомъ отношеніи замѣчательна царская грамота 1630 года гостю Таракапову съ товарищами, которые закупали хлѣбъ для казны: «Велѣно вамъ покупать на насъ хлѣбъ на Вологдѣ и въ другихъ городахъ: рожь, ячмень, пшеницу, крупу гречневую, просо толченое, сѣмя льняное и ссыпать этотъ хлѣбъ въ амбары, а весною на судахъ везти къ Архангельску и продавать Нѣмцамъ, амбары же, куда хлѣбъ ссыпать, и суда велѣно дѣлать вамъ деньгами нашей казны. Но теперь билъ намъ челомъ игуменъ Антоніева Сійскаго монастыря, что монастырь этотъ обыкновенно закупаетъ хлѣбъ на Вологдѣ, потому что своею пашнею прокормиться ему нельзя, а вы, по нашей грамотѣ, хлѣба ему покупать не велите. Такъ вы бы Сійскаго монастыря старцамъ покупать хлѣбъ велѣли по прежнему; только бы берегли накрѣпко, чтобъ монастырскіе прикащики, крестьяне и всякіе люди Нѣмецкимъ гостямъ, купцамъ и ихъ уговорщикамъ, которые скупаютъ хлѣбъ на Нѣмцевъ, хлѣба никакого не продавали, и которые люди станутъ Нѣмцамъ хлѣбъ продавать, тѣхъ сажать въ тюрьму, а хлѣбъ отбирать на насъ» [17].

Если Русскіе купцы, видя, что имъ не стянуть съ иностранными, желали удаленія послѣднихъ изъ внутреннихъ городовъ государства, то они не имѣли никакихъ побужденій желать того же относительно промышленниковъ иностранныхъ, которые одни могли показать имъ выгоду извѣстныхъ промысловъ,

научить ихъ извѣстному мастерству. Больше всего правительство хлопотало о вызовѣ изъ-за границы искусныхъ рудознатцевъ, которые бы помогли открыть золотую и серебряную руду и дорогими металлами пополнили бы истощенную казну царскую. Въ 1626 году дана опасная грамота въ Англійскую землю урожденному шляхтичу Ивану Булмерру, который своимъ ремесломъ и разумомъ знаетъ и умѣетъ находить руду золотую и серебряную и мѣдную и дорогіе каменья и мѣста такія знаетъ достаточно. Въ 1628 году видимъ въ Москвѣ рудознатцевъ-цесарцевъ—Фрича и Герольда. Въ 1640 году Англичанинъ Картрейтъ съ одиннадцатью мастерами взялся искать руду золотую и серебряную, но не нашелъ ничего и долженъ былъ заплатить, по обязательству своему, всѣ издержки, сдѣланныя по этому поиску. Мы видѣли, что въ 1642 году бояринъ князь Борисъ Репнинъ ѣздилъ въ Тверь для отыскиванія золотой руды, но поиски были напрасны. Сильно также нуждались и въ неблагородныхъ металлахъ и въ искусной ихъ обработкѣ. Желѣзо давно уже выдѣлывалось въ Московскомъ государствѣ изъ глыбовой руды, вынимаемой изъ земли близь города Дедилова, въ тридцати верстахъ отъ Тулы, также на Устюжнѣ-Желѣзопольской, изъ болотной руды. Тула съ XVI вѣка уже была извѣстна выдѣлкою оружія; въ 1619 году Тульскіе кузнецы, ствольники, замочники и ложечники, 25 человѣкъ били челомъ государю, что они дѣлаютъ государево самопальное дѣло день и ночь безпрестанно, и потомъ еще тянутъ во всякія подати съ посадскими людьми: такъ чтобъ государь велѣлъ имъ дѣлать одно самопальное дѣло по прежнему. Но этого Тульскаго самопальнаго дѣла было очень недостаточно: мы видѣли, въ какомъ большомъ количествѣ выписывалось оружіе изъ-за границы; въ большомъ количествѣ выписывалось и прутовое желѣзо изъ Швеціи; такъ напримѣръ въ 1629 году выписано было 25,000 пудовъ по 21 алтыну 4 деньги за пудъ. Поселившійся въ Россіи Голландскій купецъ Андрей Денисовичь Виніусъ съ братомъ Авраамомъ и другимъ купцомъ Вилкенсономъ подалъ царю Михаилу челобитную, чтобъ позволено

имъ было въ окрестностяхъ Тулы завести заводъ для отливанія разныхъ чугунныхъ вещей и для выдѣлки желѣза по иностранному способу изъ чугуна. Въ Февралѣ 1632 года Виніусъ получилъ государеву грамоту, въ которой позволялось ему построить мельничные заводы для дѣланія изъ желѣзной руды чугуна и желѣза, для литья пушекъ, ядеръ и котловъ, для ковки досокъ и прутьевъ, дабы впередъ то желѣзное дѣло было государю прочно и государевой казнѣ прибыльно, а людей государевыхъ имъ всякому желѣзному дѣлу научать и никакого ремесла отъ нихъ не скрывать. Въ казну положено было принимать съ этихъ заводовъ пушки по 23 алтына 2 деньги, ядра по 13 алтынъ 2 деньги за пудъ, желѣзо прутовое по стольку же, а досчатое по 26 алтынъ 4 деньги за пудъ. Не нужное для казны количество желѣза и другихъ вещей, даже пушекъ, заводчики могли продавать на сторону и вывозить въ Голландію. Виніусъ выбралъ для своихъ заводовъ мѣсто въ 12 верстахъ отъ Тулы, на рѣчкѣ Тулицѣ, именно на томъ изъ ея протоковъ, который теперь называется большою Тулицею, руда же копалась въ 40 верстахъ отъ завода, въ 5 верстахъ отъ Дедилова. Первоначальное устройство заводовъ стоило Виніусу большихъ денегъ; онъ задолжалъ и принужденъ былъ въ 1639 году вступить въ товарищество съ знаменитымъ Петромъ Гавриловичемъ Марселисомъ и Голландскимъ гостемъ Филимономъ Филимоновичемъ Акемою; по ихъ челобитью, приписана была къ Тульскимъ заводамъ дворцовая Соломенская волость съ 347 крестьянами. Но Марселисъ и Акема не довольствовались этимъ. Въ 1644 году государь пожаловалъ иноземца, Анбурскаго города гостя, Петра Марселиса съ дѣтьми Гаврилою и Леонтіемъ, да Голландской земли торговаго человѣка, Филимона Акему, велѣлъ имъ желѣзный заводъ заводить на трехъ мѣстахъ: на Вагѣ, Костромѣ и Шекснѣ, или гдѣ они пріищутъ другое мѣсто, къ желѣзному дѣлу годное, на порожнихъ земляхъ, на двадцать лѣтъ, безоброчно и безпошлинно: вольны они мельницы ставить и желѣзо на всякія статьи плавить. Когда заводъ будетъ заведенъ и работы нач-

нутся, то брать у нихъ желѣзо по договору: въ пушкахъ по 20 алтынъ пудъ, въ ядрахъ по 10 алтынъ пудъ, стволъ мушкетный и карабинный по 20 алтынъ. Если кромѣ взятаго въ казну останется у нихъ лишнее желѣзо, то можно имъ его вывозить въ чужія земли, которыя съ великимъ государемъ въ дружбѣ; если они желѣзо продадутъ въ Архангельскѣ или за моремъ на ефимки, то должны отдавать эти ефимки въ казну по указной цѣнѣ, а на сторону никому не продавать и не отдавать. Нанимать всякихъ людей по добротѣ, а не въ неволю, тѣсноты и обидъ никому бы не было, и промысловъ ни у кого никакихъ не отнимать; если царское величество велитъ научить желѣзному дѣлу Русскихъ людей, то Петру и Филимону учить ихъ всему и ремесла никакого отъ Русскихъ людей не скрывать. Въ 1634 году посланы были за границу переводчикъ Захаръ Николаевъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ Павелъ Ельрендорфъ напять мастеровъ, которые умѣютъ въ горахъ мѣдь изъ руды дѣлать и всякое мастерство, какое пристойно къ мѣдной плавкѣ. Въ 1630 году посланъ былъ за границу бархатнаго дѣла мастеръ Фимбрандъ для найму ремесленныхъ людей. Въ 1631 году дана опасная грамота въ вольныя государства, въ Голландскую и Нидерландскую землю подмастерьямъ, которые умѣютъ дѣлать городовое дѣло, въ ней говорится: «Билъ намъ челомъ алмазнаго и золотаго дѣла мастеръ Иванъ Мартыновъ да Англійской земли торговый человѣкъ Френчикъ Главертъ: по нашему указу начали было въ нашемъ государствѣ на Москвѣ дѣлать тянутое и волоченое золото и серебро, канитель и друнцаль и всякое мелкое золотое и мѣдное дѣло; но дѣло это начало становиться дорого, и прибыли нашему царскому величеству отъ него было мало, потому что прямаго, добраго мастера въ нашемъ государствѣ не было, и то дѣло дѣлать перестали, а въ Нѣмецкихъ земляхъ такихъ мастеровъ сыскать можно, и то бы дѣло нашему царскому величеству было прибыльно и славно, въ торгу дешевле, и нашего бы государства люди то ремесло переняли: такъ нашему бы царскому величеству пожаловать ихъ, позволить имъ къ тому дѣлу ма-

стеровъ призвать изъ Нѣмецкой земли, десять человѣкъ и больше на своихъ проторяхъ, и тѣмъ дѣломъ имъ промышлять и торговать на себя десять лѣтъ, и кромѣ ихъ этого дѣла никому не дѣлать, пока урочные годы пройдутъ». Царь согласился дать эту привилегію. Въ 1634 году встрѣчаемъ Христофора Головея, часоваго дѣла и водянаго взвода мастера; въ 1643 Фалка, пушечнаго и колокольнаго мастера, Детерсона живописца; въ томъ же году Шведъ каменщикъ Кристлеръ началъ строить каменный мостъ черезъ Москву рѣку. Въ 1634 году была выдана десятилѣтняя привилегія Фимбранду на выдѣлываніе лосинныхъ кожъ; выдана была также пятнадцатилѣтняя привилегія Коэту на заведеніе стекляннаго завода. Тому же Коэту дана была грамота на заведеніе поташнаго завода на 10 лѣтъ. Въ 1643 году Англійскому агенту Дигби отданы были на 10 лѣтъ безпошлинно золяные промыслы въ Ярославскомъ, Вологодскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ. Въ 1644 году полковнику Краферту позволено было на 7 лѣтъ жечь золу и дѣлать поташъ въ Муромскомъ лѣсу. При дворѣ царя Михаила находились и органнаго дѣла мастера, Яганъ и Мельхартъ Луневы, выѣхавшіе изъ Голландіи; привезли они съ собою стрементъ (инструментъ) на органное дѣло, стрементъ этотъ они въ Москвѣ додѣлали, сдѣлали около него станокъ съ рѣзью и разцвѣтили краскою и золотомъ, на стрементѣ сдѣлали соловья и кукушку съ ихъ голосами; когда заиграютъ органы, то обѣ птицы запоютъ сами собою; за такое мудрое дѣло государь велѣлъ дать имъ изъ казны 2,676 рублей, по сороку соболей, да вмѣсто стола кормъ и питье. Мельхартъ отправленъ былъ за границу съ порученіемъ вывезти двоихъ часовыхъ мастеровъ, которые бы обязались служить своимъ мастерствомъ государю и учениковъ научить. Приплывъ иностранцевъ былъ такъ силенъ, что два Московскіе священника, одинъ отъ церкви св. Николая въ Столпахъ, а другой отъ Кузьмы и Даміана подали челобитную: въ ихъ приходахъ Нѣмцы на своихъ дворахъ близь церквей поставили ропаты; Русскихъ людей у себя во дворахъ держать и всякое оскверненіе Русскимъ людямъ отъ

Нѣмцевъ бываетъ; не дождавшись государева указа, покупаютъ они дворы въ ихъ приходахъ вновь; вдовыя Нѣмки держатъ у себя въ домахъ всякія корчмы, и многіе прихожане хотятъ свои дворы продавать Нѣмцамъ, потому что Нѣмцы покупаютъ дворы и дворыя мѣста дорогою цѣною, передъ Рускими людьми вдвое и больше, и отъ этихъ Нѣмцевъ приходы ихъ пустѣютъ». Отвѣтомъ на эту челобитную былъ указъ: въ Китаѣ, въ Бѣломъ городѣ и въ загородскихъ слободахъ у Русскихъ людей дворовъ и дворовыхъ мѣстъ Нѣмцамъ и Нѣмкамъ вдовамъ не покупать и въ закладъ не брать; Русскимъ людямъ, которые будутъ продавать, быть въ опалѣ; ропаты, которыя на Нѣмецкихъ дворахъ близь Русскихъ церквей, велѣть сломать. Тогда же старымъ служивымъ иноземцамъ, разныхъ чиновъ Нѣмцамъ, посольскаго приказа переводчику, золотаго и серебрянаго дѣла мастерамъ и старымъ Московскимъ торговымъ Нѣмцамъ отведена была между Фроловскими и Покровскими воротами земля подъ ихъ богомолье, подъ избу съ комнатою и подъ дворъ, гдѣ имъ съѣзжаться для богомолья по ихъ вѣрѣ. По свидѣтельству Олеарія въ Москвѣ жило въ это время до 1000 протестантскихъ семействъ.

Иностранцы охотно давали Русскимъ деньги за хлѣбъ. Мы видѣли также, что иностранцы добивались позволенія вывозить селитру изъ Россіи; эта промышленность была довольно развита у насъ въ описываемое время; кромѣ мѣстъ, извѣстныхъ намъ уже прежде по селитряному производству, теперь о немъ упоминается въ Сѣверской странѣ; такъ при исчисленіи служилыхъ людей, находившихся въ Курскѣ, читаемъ: «изъ нихъ на Романовыхъ селитряныхъ варницахъ съ весны во все лѣто до отпуску дѣтей боярскихъ 50 человѣкъ, живутъ, перемѣняясь по два мѣсяца;» при исчисленіи Бѣлогородскихъ служилыхъ людей: «изъ нихъ дѣтей боярскихъ и козаковъ конныхъ 30 человѣкъ, живутъ на селитряныхъ варницахъ Михалка Лимарова». Разные люди, пушкари, бараши, подряжались въ пушкарскомъ приказѣ варить селитру въ разныхъ мѣстахъ, въ Ливнахъ, Воронежѣ, извѣстное количество пудъ; въ 1634 году они брали

за пудъ по два рубля и 10 алтынъ. Наконецъ къ извѣстіямъ о промышленности въ царствованіе Михаила относится указъ о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу 1626 года: велѣно городовымъ прикащикамъ и цѣловальникамъ ходить повсюду и вѣсить хлѣбы ситные и рѣшетные, калачи тертые и коврищатые мягкіе; если окажется, что хлѣбы и калачи ниже установленнаго вѣса, то продавцовъ подвергать пени; прикащики и цѣловальники должны были также смотрѣть, чтобъ хлѣбы и калачи были выпечены, и хлѣбники и калачники не прибавляли въ нихъ гущи или какой-нибудь другой подмѣси. Прикащикамъ и цѣловальникамъ дана была подробная роспись издержкамъ производства въ приготовленіи разнаго рода хлѣбовъ и калачей, напримѣръ: «на калачи, на четверть, дрозжей на два алтына на двѣ деньги, соли на шесть денегъ, дровъ на восемь денегъ, отъ сѣянья четыре деньги, за работу десять денегъ, лавочнаго два алтына двѣ деньги, свѣчи и помело двѣ деньги, и всего харчу на четверть вышло на одиннадцать алтынъ [18].

Что касается до сельскихъ жителей, то для нихъ подтверждалась та перемѣна, которая была произведена въ концѣ прошлаго вѣка, ибо обстоятельства и отношенія были тѣ же самыя. Дворяне и дѣти боярскіе били челомъ, что «бѣгаютъ изъ за нихъ старинные ихъ люди и крестьяне въ государевы дворцовыя и черныя волости и села, въ боярскія помѣстья и вотчины, патріаршія, архіерейскія и монастырскія, на льготы; помѣщики, вотчинники и монастыри этимъ бѣглымъ ихъ людямъ и крестьянамъ на пустыхъ мѣстахъ слободы строятъ, отъ чего ихъ помѣстья и вотчины становятся пусты. Кромѣ того тѣ же ихъ бѣглые люди и крестьяне, выживя за этими помѣщиками, вотчинниками и монастырями урочные годы, надѣясь на нихъ, какъ на сильныхъ людей, приходятъ и остальныхъ людей и крестьянъ изъ за прежнихъ помѣщиковъ подговариваютъ, домы ихъ пожигаютъ и раззоряютъ всякимъ раззореніемъ». Въ слѣдствіе этого челобитья опредѣлено: «которые люди къ кому-нибудь пріѣдутъ, людей и крестьянъ за себя вывезутъ, и при этомъ случится смертное убійство, грабежъ или другое какое-

нибудь дурно, то государь указалъ и бояре приговорили: сыскивать про то всякими сысками накрѣпко, и вывозныхъ крестьянъ отдавать за 15 лѣтъ, а бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавать по-прежнему за десять лѣтъ; если крестьяне будутъ вывезены насильно, то вывезенныхъ отдать со всѣми пожитками, да заплатить за крестьянское владѣнье за каждаго крестьянина на годъ по пяти рублей.—Въ 1614 году Іосифовъ Волоколамскій монастырь билъ челомъ, что во время Литовскаго нашествія крестьяне его разбрелись розно за бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, и показалъ, кто именно за кѣмъ живетъ, при чемъ жаловался, что дворяне и дѣти боярскіе этихъ монастырскихъ крестьянъ, которые у нихъ живутъ, грабятъ и продаютъ, не проча себѣ, или требуютъ порукъ, чтобъ эти крестьяне оставались навсегда за ними, а за монастырь не выходили. Государь велѣлъ по сыску возвратить крестьянъ монастырю. Жалобы мелкихъ помѣщиковъ касались вывоза и бѣгства старыхъ крестьянъ; что же касается до вновь рядившихся въ крестьяне вольныхъ людей, то они рядились или съ условіемъ не сбѣжать изъ вотчины, или обязывались по-прежнему: не стану на тягломъ жеребьѣ жить, податей и поборовъ платить, то мнѣ ссуду (взятую у землевладѣльца) отдать всю сполна, и взять на мнѣ (землевладѣльцу) заряду 10 рублей денегъ; точно такое же обязательство встрѣчаемъ и со стороны рядящагося въ бобыли. Встрѣчаемъ извѣстія, что переходъ крестьянъ изъ черныхъ въ помѣщичьи вредилъ ихъ благосостоянію: такъ въ челобитной Англійскаго гостя Фабина Ульянова на крестьянъ помѣщика Морина Вологодскаго уѣзда находимъ, что крестьяне эти подрядились везти товаръ въ Москву, потеряли его и дали на себя кабалу въ 160 рубляхъ; въ то время были они за государемъ въ черной волости, а теперь отданы Ивану Морину въ помѣстье, и по кабалѣ денегъ имъ платить нечѣмъ, потому что отъ помѣщика оскудѣли. Годовой оброкъ, который крестьяне должны были платить помѣщику, опредѣлялся царскимъ указомъ; объ этомъ мы узнаемъ изъ слѣдующей любопытной челобитной: «царю госуда-

рю и великому князю Мих. Ѳед. всея Руси бьютъ челомъ сироты твои государевы Ярославскаго уѣзда села Ширинги крестьянишки, старостишка Гришка Олферьевъ во всѣхъ мѣсто крестьянишекъ села Ширинги. Жалоба, государь, намъ на своего помѣщика, на князя Артемья Шейдякова: въ нынѣшнемъ 133 году за недѣлю до Николина дни осенняго, пріѣхалъ тотъ князь Артемій изъ Москвы въ твое царское жалованье, а въ свое помѣстье, къ намъ въ село Ширингу, и которые крестьянишки начали къ нему приходить на поклонъ съ хлѣбами, какъ у другихъ помѣщиковъ, тѣхъ онъ началъ бить, мучить, на ледникъ сажать, Татарокъ отъ некрещеныхъ Татаръ началъ къ себѣ на постелю брать и кормовыхъ Татаръ началъ къ себѣ призывать; годовой денежный оброкъ противъ твоего государева прежняго указа взялъ весь сполна на нынѣшній 133-й годъ, а отписей намъ въ томъ оброкѣ не далъ, и когда мы станемъ ему объ этихъ отписяхъ противъ твоего государева указа бить челомъ, то онъ насъ бьетъ и мучитъ, а отписей намъ не даетъ; тотъ же князь Артемій правилъ на насъ кормовымъ Татарамъ въ постъ столовые запасы, яловицъ, барановъ, гусей, куръ. Взявши на насъ свои оброчныя деньги всѣ сполна, уѣхалъ изъ села въ Ярославль, а съ собою взялъ некрещеную Татарку, а въ Ярославлѣ взялъ другую Русскую жонку Матренку Бѣлошейку на постелю, и въ праздникъ въ Николинъ день въ Ярославлѣ у себя на подворьѣ баню топилъ; живя съ этими жонками въ Ярославлѣ до Рождества Христова, игралъ съ ними зернью и веселыхъ держалъ у себя для потѣхи безпрестанно; оброчныя деньги, что на насъ взялъ, тѣмъ жонкамъ всѣ зернью проигралъ, да веселымъ роздалъ, и платье съ себя все проигралъ; проигравшись князь Артемій изъ Ярославля опять съѣхалъ въ село Ширингу наканунѣ Рождества Христова, а Татарку и Матренку Бѣлошейку свезъ съ собою въ помѣстье, и пріѣхавъ въ праздникъ Рождества Христова, баню у себя топилъ, а насъ сталъ мучить смертнымъ правежомъ въ другихъ оброчныхъ годовыхъ деньгахъ, и доправилъ на насъ въ другой разъ че-

резъ твой государевъ годовой указъ 50 рублей денегъ да 40 ведръ вина, да на него же варили 10 варь пива, да на насъ же доправилъ 10 пудъ меду; у которыхъ крестьянишекъ были нарочитыя лошаденки, тѣхъ лошадей взялъ онъ на себя. И мы, сироты твои, не перетерпя его немѣрнаго правежа и великой муки, разбрелись отъ него розно, а которые нарочитые крестьянишки, тѣхъ у себя держитъ скованыхъ, и правитъ на нихъ рублей по пяти, по шести и по десяти на человѣкѣ; а по домамъ тѣхъ крестьянъ, которые разбрелись, посылаетъ кормовыхъ Татаръ, которые нашихъ женъ позорятъ; животишки наши велитъ брать на себя, а иные печатать. Тотъ же князь Артемій прежнимъ своимъ служивымъ Татарамъ деревни въ помѣстья роздалъ, и женѣ своей, княгинѣ Ѳедорѣ, также далъ двѣ деревни въ помѣстье; а которые прежде на того князя Артемья били челомъ тебѣ государю въ его насильствѣ и немѣрномъ правежѣ объ указѣ, на тѣхъ крестьянишекъ онъ похваляется смертнымъ убійствомъ, хочетъ ихъ посѣкать своими руками.» Чѣмъ кончилось дѣло — неизвѣстно, потому что конецъ дѣла утраченъ; что же касается до Матренки Бѣлошейки, то эта особа сослана была изъ Москвы въ Ярославль за воровство (развратъ) по дѣлу Нефедья Минина.—Помѣщикъ, посягавшій на святыню семейства крестьянина, платился иногда за это жизнію. Что касается до крестьянъ черныхъ волостей, то они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не благоденствовали. Въ 1633 году былъ сдѣланъ допросъ въ Тотемскихъ волостяхъ, отъ чего крестьяне разбѣжались? Отвѣтъ былъ такой: разошлись крестьяне отъ многихъ податей и отъ великихъ немѣрныхъ правежей, отъ солдатскихъ кормовъ, отъ запасныхъ денегъ, отъ ямскихъ отпусковъ, отъ судовыя немѣрныя кортомы, отъ тяжелаго вытнаго и сошнаго письма [19].

Въ Европейской Россіи народонаселеніе было такъ рѣдко, что землевладѣльцы переманивали льготами и перевозили силою крестьянъ другъ отъ друга, не смотря на законъ; а между тѣмъ на востокѣ за Уральскими горами все больше и больше прибавлялось къ Русскимъ владѣніямъ пустынныхъ прост-

ранствъ, требовавшихъ населенія. На западѣ въ царствованіе Михаила были отданы Польшѣ и Швеціи населенныя области и города, за то на востокѣ Русскія владѣнія увеличились на 70,000 квадратныхъ миль пустынныхъ пространствъ, ибо прокладыватели путей, козаки продолжали пробираться по пустыннымъ рѣкамъ все далѣе и далѣе къ восточному океану и границамъ Китайскимъ, приводя подъ высокую руку государя разсѣянныя толпы дикарей, сбирая съ нихъ ясакъ, часто выводя ихъ изъ терпѣнія своими грабительствами, за которыя иногда приходилось платиться жизнію. Чтобъ имѣть понятіе о томъ, какъ происходило это распространіе Русскихъ владѣній, какъ отыскивались новыя землицы по тогдашнему выраженію, взглянемъ на донесенія нѣкоторыхъ изъ вождей отдѣльныхъ предпріятій. Въ 1641 году Василій Власьевъ доносилъ, что онъ съ отрядомъ своимъ ходилъ на Брацкихъ людей (Бурятъ), Чепчюгуевъ улусъ погромили, побили людей человѣкъ съ 30, а живкомъ взять не могли ни одного человѣка, потому что Тунгусы сѣли въ юртахъ въ осаду; Власьевъ велѣлъ толмачу говорить Братамъ и Чепчюгую, чтобъ они въ осадѣ не сидѣли, а сдались бы на государево имя, но Чепчюгуй сталъ говорить толмачу съ бранью: «али вы не знаете Чепчюгуя, каковъ Чепчюгуй своею головою?» и сталъ изъ юрта стрѣлять, крича: «живъ я вамъ, козаки, въ руки не дамся.» Ранилъ одного человѣка; на комъ были куяки и панцыри, и онъ куяки пробивалъ на сквозь; Русскіе стрѣляли по юртамъ и въ юртахъ, но стрѣльбою ничего взять не могли, и зажгли юрту, Чепчюгуй сгорѣлъ съ сыномъ, а жену съ другими двоими дѣтьми выкинулъ вéрхомъ. — Какъ скоро служилые люди приводили кого-нибудь изъ туземцевъ подъ государеву высокую руку, то сейчасъ же начинали распрашивать его о земляхъ, лежащихъ далѣе до самыхъ границъ Китайскихъ; такъ тотъ же Власьевъ доноситъ: «послѣ шерти, мы поили Коршуна и Адамугая государевымъ виномъ и дали имъ подарки, два аршина сукна краснаго, да блюдечекъ оловянныхъ три фунта и распрашивали у него, по наказной памяти, про Ламу, про Тун-

гузскую вершину и про Мугальскихъ людей, какіе на Ламѣ живутъ люди, и Мугальскій князецъ далеко ли отъ нихъ живетъ, и кто именно? города и остроги у нихъ есть ли, и какой у нихъ бой? въ Китайское государство какою рѣкою ходятъ, и сколько судоваго хода или сухимъ путемъ до Китайскаго государства? Шилка рѣка какъ отъ нихъ далеко, и Ладкай князецъ, который живетъ на Шилкѣ, далеколь отъ нихъ? серебряная руда и мѣдная на Шилкѣ далеколь отъ Ладкая, и какой хлѣбъ на Шилкѣ родится?» Пролагатели путей должны были отказываться и отъ хлѣба; Постникъ Ивановъ доносилъ: «будетъ впередъ на Индигерской рѣкѣ въ Юкагирской землицѣ и сто человѣкъ служивыхъ людей, то имъ можно сытымъ быть рыбою и звѣремъ безъ хлѣба; въ Юкагирской землицѣ соболей много; въ Индигирь рѣку многія рѣки впали, а по всѣмъ по тѣмъ рѣкамъ живутъ многіе пѣшіе и оленные люди, соболя и звѣря всякаго много по всѣмъ тѣмъ рѣкамъ и землицамъ; да у Юкагирскихъ же людей серебро есть, а гдѣ они серебро берутъ, того я не знаю.» Въ сороковыхъ годахъ царь велѣлъ смотрѣть на Ленѣ пашенныхъ мѣстъ, и гдѣ пашенныя мѣста объявятся, то ихъ смѣтить, сколько на нихъ пашенныхъ крестьянъ устроить можно. По государеву указу воевода велѣлъ въ Енисейскомъ острогѣ на торгу и по деревнямъ кликать не однажды: кто захочетъ изъ гулящихъ и изъ промышленныхъ людей въ государеву пашню садиться на Илимѣ рѣкѣ, и имъ льготы на пять лѣтъ, а послѣ льготы давать имъ на государя ото всей своей пахоты пятый снопъ; а кто захочетъ сѣсть на пашню на Ленѣ рѣкѣ, тѣмъ изъ государевой казны на лошадь деньги безъ отдачи, а на другую лошадь дадутъ денегъ взаймы изъ государевой же казны на два года, да имъ же изъ государевой казны серпы, косы и сошники, на государевы десятины сѣмена по вся годы государевы, а пахать имъ на государя отъ своей пахоты съ перваго года седьмую десятину въ полѣ, а въ двухъ потому же. Правительство безпрестанно твердило воеводамъ, чтобъ они обращались кротко съ покорившимися туземцами: «служилымъ лю-

дямъ приказывать накрѣпко, чтобъ они, ходя за ясакомъ, ясачнымъ людямъ напрасныхъ обидъ и налоговъ отнюдь никому не чинили, сбирали бы съ нихъ государевъ ясакъ ласкою и привѣтомъ, а не жесточью и не правежомъ, чтобъ съ нихъ сбирать государевъ ясакъ съ прибылью, брать съ нихъ ясакъ сколько будетъ можно, по одному разу въ годъ, а по два и по три ясака на одинъ годъ не брать. Которые новыхъ землицъ люди станутъ непослушны, такихъ прежде уговаривать ласкою, а если никакими мѣрами уговорить будетъ нельзя, то смирять ихъ войною, небольшимъ разореньемъ, чтобъ ихъ смирить слегка. Воеводамъ, дьякамъ, подъячимъ и служилымъ людямъ никакихъ иноземцевъ, женъ и дѣтей ихъ во дворъ къ себѣ не брать, засылкою самимъ ни у кого не покупать и не крестить, въ Москву съ собою не вывозить и ни съ кѣмъ не высылать, чтобъ Сибирская земля пространилась, а не пустѣла. Если же кто изъ ясачныхъ людей захочетъ по своей волѣ креститься, такихъ людей крестить, обыскавши допряма, что добровольно хотятъ креститься; окрестя, устраивать ихъ въ государеву службу, верстать денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, смотря по людямъ, кто въ какую статью пригодится, въ выбылыя Русскихъ служилыхъ людей мѣста; если женщины захотятъ креститься, то окрестя ихъ, выдавать за-мужъ за новокрещенныхъ или за Русскихъ служилыхъ людей [20].

Такъ отодвигаемые отъ образованнаго запада, Русскіе люди на востокѣ, въ пустыняхъ Сѣверной Азіи прокладывали пути для Европейской гражданственности: гдѣ поселятся, тамъ явится городокъ, пашня, церковь. Въ концѣ 1620 года положено было назначить архіерея въ Тобольскъ, и поставленъ былъ уже извѣстный намъ по Новгородскимъ событіямъ Кипріянъ, игуменъ Хутынскій. До насъ дошелъ наказъ, данный преемнику Кипріянову, Макарію [21], о томъ, какъ обращаться съ туземцами окрестившимися и некрещенными: наказъ этотъ, по одинаковости положенія сходенъ съ извѣстнымъ намъ наказомъ Казанскому архіепископу Гурію [22].

Но, заботясь о распространеніи и утвержденіи христіянства между народами Сѣверной Азіи, Русская церковь въ царствованіе Михаила особенно должна была заботиться о прекращеніи нравственныхъ безпорядковъ, которыхъ было не мало между Русскими людьми. Источникомъ этихъ безпорядковъ было сильное невѣжество, которое высказалось во всемъ своемъ безобразіи при первой попыткѣ внести болѣе правильное пониманіе необходимыхъ для христіанина предметовъ. Мы видѣли, какъ въ XVI вѣкѣ накоплялись и освящались мнѣнія, которыя впослѣдствіи явились основными мнѣніями раскольниковъ [23]; видѣли, что мнѣнія эти замѣшались между постановленіями такъ называемаго Стоглаваго собора (1551 года). Когда началось у насъ печатаніе церковно-богослужебныхъ и учительныхъ книгъ, то въ эти книги мало-по-малу внесены были и прежнія и вновь возникшія раскольническія мнѣнія, которыя такимъ образомъ пріобрѣли общеизвѣстность и освященіе, и попытка исправить что-либо въ нихъ встрѣчалась сильнымъ сопротивленіемъ какъ дерзкая, еретическая попытка нарушить освященную старину. Во время междоцарствія, при сожженіи Москвы Поляками, сгорѣлъ печатный домъ, вся штанба погибла, мастеровъ осталось мало, да и тѣ разбѣжались по другимъ городамъ; когда «Божіимъ изволеніемъ и всей Русской земли излюбленіемъ» избранъ былъ Михаилъ, то онъ возстановилъ печатное дѣло, велѣлъ собрать въ Москву мастеровъ (хитрыхъ людей), Никиту Ѳедорова Ѳофанова съ товарищами, который жилъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Но прежде чѣмъ печатать книги, нужно было ихъ исправить. Въ Ноябрѣ 1616 года Троицкій архимандритъ Діонисій, келарь Авраміи Палицынъ и вся братія получили такую царскую грамоту: «по нашему указу взяты были къ намъ въ Москву изъ Троицкаго Сергіева монастыря канонархистъ старецъ Арсеній, да села Клементьева попъ Иванъ для исправленія книгъ печатныхъ и Потребника; да къ тому же дѣлу велѣно было прислать вамъ книгохранителя старца Антонія. Вы писали къ намъ, что старецъ Антоній боленъ, а старецъ Арсеній и попъ Иванъ били намъ че-

ломъ и сказали: отъ временъ блаженнаго князя Владиміра до сихъ поръ книга Потребникъ въ Москвѣ и по всей Русской землѣ въ переводахъ разнится, и отъ неразумныхъ писцовъ во многихъ мѣстахъ неисправлена; въ пригородахъ и по украйнамъ, которые близь иновѣрныхъ земель, отъ невѣжества у священниковъ обычай застарѣлъ и безчинія вкоренились: потому имъ, старцу Арсенію и попу Ивану однимъ у той книги Потребника для исправленія быть нельзя, надобно ее исправлять, спрашивая многихъ людей и справляясь со многими книгами. —И мы, продолжаетъ царь, указали исправленіе Потребника поручить тебѣ, архимандриту Діонисію, и съ тобою Арсенію и Ивану и другимъ духовнымъ и разумнымъ старцамъ, которымъ подлинно извѣстно книжное ученіе, грамматику и риторику знаютъ».

Такимъ образомъ мы опять встрѣчаемся съ знаменитымъ Діонисіемъ на новомъ поприщѣ. Чтобъ понять положеніе Діонисія на этомъ поприщѣ, чтобъ понять тѣ препятствія, которыя встрѣчала дѣятельность людей, ему подобныхъ, надобно обратить вниманіе на нѣкоторыя стороны тогдашняго общественнаго быта. Общества необразованныя и полуобразованныя страдаютъ обыкновенно такою болѣзнію: въ нихъ очень легко людямъ, пользующимся какимъ-нибудь преимуществомъ, обыкновенно чисто внѣшнимъ, пріобрѣсть огромное вліяніе и захватить въ свои руки власть. Это явленіе происходитъ отъ того, что общественнаго мнѣнія нѣтъ, общество не сознаетъ своей силы и не умѣетъ ею пользоваться, большинство не имѣетъ въ немъ достаточнаго просвѣщенія для того, чтобъ правильно оцѣнить достоинства своихъ членовъ, чтобъ этимъ просвѣщеніемъ своимъ внушить къ себѣ уваженіе въ отдѣльныхъ членахъ, внушить имъ скромность и умѣренность; при отсутствіи просвѣщенія въ большинствѣ, всякое преимущество, часто только внѣшнее, имѣетъ обаятельную силу, и человѣкъ имъ обладающій можетъ рѣшиться на все — сопротивленія не будетъ. Такъ, если въ подобномъ необразованномъ или полуобразованномъ обществѣ явится человѣкъ бойкій, дерзкій, на-

четчикъ, говорунъ, то чего онъ не можетъ себѣ позволить? кто въ состояніи оцѣнить въ мѣру его достоинство? Если явится ему противникъ, человѣкъ вполнѣ достойный, знающій дѣло и скромный, уважающій свое дѣло и общество, то говорунъ, который считаетъ всѣ средства въ борьбѣ позволенными для одолѣнія противника, начинаетъ кричать, закидывать словами, а для толпы несвѣдущей кто перекричалъ, тотъ и правъ; дерзость, быстрота, неразборчивость средствъ даютъ всегда побѣду.

Древнее наше общество, въ слѣдствіе отсутствія просвѣщенія, сильно страдало отъ такихъ мужиковъ-горлановъ, какъ ихъ тогда называли; противъ нихъ то долженъ былъ ратовать и Діонисій въ своемъ монастырскомъ обществѣ. Мы видѣли, какъ въ бѣдственное время Діонисій умѣлъ возбудить духовные интересы и сдѣлать изъ своего монастыря успокоительную обитель скорбящимъ; но когда бѣда прошла, матеріяльные интересы взяли верхъ, и святая ревность архимандрита встрѣтила сильное сопротивленіе: мужики-горланы никакъ не хотѣли дать ему воли на доброе устроеніе монастыря, и сдѣлали то, что монастырь, пріобрѣтшій, благодаря Діонисію, такое высокое значеніе въ смутное время, возбудилъ къ себѣ вражду многихъ во время мира: затѣяно было изъ монастыря множество споровъ съ окольными людьми, землевладѣльцами, горожанами, крестьянами; искали въ судахъ, поклепавши напрасно въ деньгахъ, земляхъ, крестьянахъ, искали именемъ Чудотворца Сергія, а брали не въ монастырь, но родственникамъ своимъ села и деревни устроивали; разгнѣвили и самого государя, потому что брали въ городахъ посадскихъ людей и сажали ихъ въ монастырскихъ слободахъ на житье. Монастырскіе слуги били и грабили на дорогахъ; когда же пріѣзжали въ монастырь дѣти боярскіе или слуги знатныхъ людей съ жалобами, что монастырь вывелъ изъ-за нихъ крестьянъ и холопей на свои земли, то имъ давали управныя грамоты, но прежде посылали перевести ихъ холопей и крестьянъ въ другія монастырскія вотчины, и когда истцы пріѣдутъ съ управными грамотами, то имъ показываютъ пустые дворы.

Діонисій умолялъ со слезами удерживаться отъ такихъ поступковъ, но понапрасну: мужики горланы брали верхъ, что имъ было легко по тогдащнему монастыркому устройству: главное лице, архимандритъ вѣдалъ церкви, въ церквахъ образа и книги, сосуды и всякую церковную казну; келарь вѣдалъ монастырь, всякое монастырское строеніе, вотчины, денежную казну, вкладныя деньги, платье и всякую рухлядь, деньги кормовыя и кружечныя, за свѣчи и за медъ, собиралъ всякіе доходы. Въ неопредѣленное время, по согласію братіи, въ монастыряхъ бывали соборы, на которыхъ происходили выборы въ конюшіе, чашники, житничные, подкеларники, сушильные, по селамъ на приказы и во всякія монастырскія службы; на этихъ же соборахъ опредѣлялись раскладки оброковъ на крестьянъ. Всѣ приговоры собора записывались въ книгу, которая хранилась въ монастырской казнѣ. Келарю предоставлено было право суда между братьею, служками, служебниками и крестьянами; большія дѣла судныя и сыскныя вершилъ онъ съ архимандритомъ, казначеемъ и соборными старцами вмѣстѣ; если же какого-нибудь суднаго дѣла однимъ имъ вершить было нельзя, то это дѣло рѣшалось на всемъ черномъ соборѣ, по совѣту со всею братьею. Безстрашный на площади среди мятущагося народа, Діонисій былъ необыкновенно кротокъ и ласковъ въ отношеніи къ управляемымъ. При тогдашнемъ состояніи нравовъ многіе изъ братій никакъ не могли понять учтивыхъ формъ, которыя употреблялъ Діонисій: такъ когда надобно было что-нибудь приказать монаху, то онъ говорилъ: «Если хочешь, братъ, то сдѣлай то-то и то-то.» Монахъ, выслушавши такое приказаніе, спокойно отправлялся на свое мѣсто и ничего не дѣлалъ; когда же другіе спрашивали его, отъ чего онъ не исполнялъ архимандричьяго приказанія? то онъ отвѣчалъ: «Вѣдь архимандритъ мнѣ на волю далъ: хочу дѣлаю, хочу нѣтъ.»

Кромѣ людей, ревностно заботившихся о матеріальныхъ выгодахъ монастыря, т. е. своихъ родственниковъ, въ монастырѣ были два мужика — горлана: головщикъ Логинъ и уставщикъ

Филаретъ. Логинъ пріобрѣлъ удивленіе братіи и посѣщавшихъ монастырь голосомъ необыкновенно пріятнымъ, свѣтлымъ и громкимъ; въ чтеніи и пѣніи ему не было подобнаго; на одинъ стихъ сочинялъ распѣвовъ по пяти, по шести и по десяти. Что стихъ искажался отъ этихъ распѣвовъ, терялъ смыслъ, что, напримѣръ, вмѣсто сѐмени слышалось сѐменѝ, до этого Логину не было дѣла, потому что онъ» хитрость грамматическую и философство книжное» называлъ еретичествомъ. Надмѣнный своими преимуществами, удивленіемъ, которое оказывали къ его голосу, этотъ мужикъ—горланъ не зналъ никакой мѣры, бранилъ, билъ не только простыхъ монаховъ, но и священниковъ, обижалъ въ милостынѣ, и никто не смѣлъ ему слова сказать. Діонисій часто обращался къ нему съ своими тихими поученіями, называлъ его государемъ, отцомъ, братомъ, величалъ по имени и по отечеству:» Что тебѣ, свѣтъ мой, пользы въ этомъ, говорилъ ему Діонисій, — что всѣ жалуются на тебя, ненавидятъ тебя и проклинаютъ, а мы, начальники, всѣ какъ въ зеркало на тебя смотримъ? и какая будетъ польза, когда мы съ тобою брань заведемъ?» Но увѣщанія не помогали нисколько.

Другой мужикъ–горланъ, уставщикъ Филаретъ возбуждалъ удивленіе толпы и получилъ право быть горланомъ также по внѣшнему достоинству, которое въ то время очень цѣнилось: сѣдинами добрыми; онъ жилъ у Троицы больше пятидесяти лѣтъ, уставщикомъ былъ больше сорока лѣтъ — преимущество громадное по тогдашнимъ понятіямъ: всѣ остальные, не исключая архимандрита, были передъ нимъ молодые люди. Логинъ своими распѣвами искажалъ смыслъ стиховъ; Филаретъ пошелъ дальше: по его мнѣнію, Христосъ не прежде вѣкъ отъ отца родился; Божество почиталъ онъ человѣкообразнымъ. Филаретъ и Логинъ были друзья и оба ненавидѣли Діонисія за обличенія: «Пощадите, не принуждайте меня ко грѣху, говорилъ имъ Діонисій: вѣдь это дѣло всей церкви Божіей, а я съ вами по любви наединѣ бесѣдую и спрашиваю васъ для того, чтобъ царское величество и власть патріарше-

ская не знали, чтобъ намъ въ смиреніи и въ отлученіи отъ церкви Божіей не быть.» Логинъ отвѣчалъ ему: «Погибли мѣста святыя отъ васъ дураковъ, вездѣ васъ теперь много неученыхъ сельскихъ поповъ; людей учите, а сами не знаете, чему учите.» Больше всего сердился Логинъ на Діонисія за то, что архимандритъ вмѣшивался, по его мнѣнію, не въ свое дѣло, т. е. заставлялъ читать поученія св. отцовъ, и самъ часто читалъ ихъ, часто и пѣвалъ на клиросѣ. «Не ваше дѣло пѣть или читать, говорилъ ему Логинъ: зналъ бы ты одно, архимандритъ, чтобъ съ мотовиломъ своимъ на клиросѣ, какъ болванъ, онѣмѣвъ, стоять». Однажды на заутрени, Діонисій сошелъ съ клироса и хотѣлъ читать; Логинъ подскочилъ къ нему и вырвалъ книгу изъ рукъ, налой съ книгою полетѣлъ на землю, стукъ, громъ, соблазнъ для всѣхъ; Діонисій только перекрестилъ свое лице, пошелъ на клиросъ и молча сѣлъ; Логинъ, окончивъ чтеніе, подошелъ къ архимандриту и вмѣсто того, чтобы просить прощенія началъ плевать на него и браниться. Діонисій, махнувши посохомъ, сказалъ ему: «перестань, Логинъ, не мѣшай божественному пѣнію, и братію не смущай, можно намъ объ этомъ переговорить и послѣ заутрени». Тутъ Логинъ выхватилъ у него изъ рукъ посохъ, изломалъ на четыре части и бросилъ къ нему на колѣни. Діонисій взглянулъ на образъ и сказалъ: «Ты, Господи Владыко! вся вѣси, и прости мя грѣшнаго, яко согрѣшилъ предъ Тобою, а не онъ». Сошедши съ своего мѣста, онъ всю заутреню проплакалъ передъ образомъ Богородицы, а послѣ заутрени вся братія никакъ не могла уговорить Логина, чтобъ просилъ прощенія у архимандрита.

Напрасно Діонисій старался укрыть поведеніе Логина и Филарета въ стѣнахъ монастыря: они писали на него жалобы въ Москву, въ Кирилловъ монастырь; наконецъ исправленіе книгъ, возложенное на Діонисія возбудило еще бо́льшую ненависть ихъ къ исправителю и дало имъ возможность довести его до бѣды. Діонисій съ товарищами, исправляя Потребникъ, между прочимъ вычеркнули и ненужную прибавку: и огнемъ въ молитвѣ водоосвященія: «Пріиди, Господи, и освяти воду сію Духомъ

Твоимъ Святымъ и огнемъ!» И вотъ Филаретъ, Логинъ и ризничій дьяконъ Маркеллъ отправили доносъ въ Москву, что Діонисій съ товарищами еретичествуютъ: «Духа Святаго не исповѣдуютъ, яко огнь есть». Логинъ считалъ себя знатокомъ дѣла, потому что въ царствованіе Шуйскаго онъ печаталъ уставы и наполнилъ ихъ ошибками. Въ это время патріарха не было въ Москвѣ, дожидались Филарета Никитича, и дѣлами патріаршества управлялъ Крутицкій митрополитъ Іона, человѣкъ неспособный разсудить дѣло между исправителями и противниками ихъ. Діонисій съ товарищами былъ потребованъ къ объясненію; четыре дня приводили его на патріаршій дворъ къ допросу съ безчестіемъ и позоромъ; потомъ допрашивали его въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ келліяхъ матери царской, инокини Марѳы Ивановны, и рѣшили, что исправители еретичествуютъ. Но при этомъ рѣшеніи, кромѣ невѣжества, высказалась еще другая язва общественная: тутъ дѣйствовала не одна ревность по буквѣ, по старинѣ, на которую наложили руку смѣлые исправители; тутъ обрадовались, что попался въ руки архимандритъ богатѣйшаго монастыря, и потребовали у него за вину пятьсотъ рублей. Діонисій объявилъ, что денегъ у него нѣтъ и что онъ платить не будетъ: отсюда страшная ярость, и оковы, и побои, и толчки, и плевки. Діонисій, стоя въ оковахъ, съ улыбкою отвѣчалъ тѣмъ, которые толкали его и плевали на него: «Денегъ у меня нѣтъ, да и дать не за что: плохо чернецу когда его разстричь велятъ, а достричь-то ему вѣнецъ и радость. Сибирью и Соловками грозите мнѣ: но я этому и радъ, это мнѣ и жизнь». За Діонисіемъ присылали нарочно въ праздничные или торговые дни, когда было много народа, приводили его пѣшкомъ или привозили на самой негодной лошади, безъ сѣдла, въ цѣпяхъ, въ рубищѣ, на позоръ толпѣ, изъ которой кидали въ него грязью и пескомъ; но онъ все это терпѣлъ съ веселымъ видомъ, смѣялся, встрѣчаясь съ знакомыми. Привезутъ его иногда до обѣдни, иногда послѣ обѣдни, и поставятъ скованнаго въ подсѣньи, на дворѣ митрополичьемъ, стоитъ онъ тутъ съ утра до вечера и не дадутъ ему

воды чашки, а время было Іюнь, Іюль мѣсяцы, дни жаркіе; митрополитъ Іона послѣ обѣдни сядетъ съ соборомъ за столъ, а Діонисій съ учениками своими празднуетъ подъ окнами его келлій въ кулакахъ да въ пинкахъ, а иногда достанется и батогомъ. Словомъ ересь напугали царскую мать, Мароу Ивановну, вооружили ее противъ мнимыхъ еретиковъ, а въ народѣ распустили слухъ, что явились такіе еретики, которые огонь хотятъ въ мірѣ вывести—и вотъ страхъ и злоба овладѣли простыми людьми, особенно ремесленниками, которымъ безъ огня нельзя ничего сдѣлать: они начали выходить съ дрекольемъ и каменьями на Діонисія.

Мужественно вынося испытаніе, не позволяя себѣ унизиться до заботъ о самомъ себѣ, Діонисій заботился о товарищахъ своей бѣды, хлопоталъ, чтобъ они поскорѣе отъ нея избавились. Одинъ изъ нихъ, старецъ Арсеній Глухой, не одаренный твердостію духа, не могъ выдержать испытанія; онъ подалъ боярину Борису Михайловичу Салтыкову челобитную, въ которой подлѣ сознанія правоты своего дѣла, подлѣ негодованія на невѣжественныхъ обвинителей, видимъ упадокъ духа, выражающійся обыкновенно желаніемъ обвинить другихъ въ своей бѣдѣ. «24 октября 1615 года (говорится въ челобитной), писалъ изъ Москвы государевымъ словомъ Троицкаго Сергіева монастыря келарь Авраамій Палицынъ къ архимандриту Діонисію, велѣлъ прислать въ Москву меня, нищаго чернеца, для государева дѣла, чтобъ исправлять книгу потребникъ на Москвѣ въ печатное дѣло; а попъ Иванъ Клементьевскій пріѣхалъ въ Москву самъ собою, а не по грамотѣ, и какъ мы стали передъ тобою, то я сказалъ про себя, что меня не будетъ на столько, что я ни попъ, ни дьяконъ, а въ той книгѣ все потребы поповскія; а Иванъ попъ самъ на государево дѣло набился и билъ челомъ тебѣ для себя, потому что у него тамъ у Троицы жена да дѣти, чтобъ государь приказалъ править книгу Троицкому архимандриту Діонисію, а намъ бы, попу Ивану да мнѣ чернецу Арсеньишку, да старцу Антонію съ архимандритомъ же у дѣла быть: и ты, государь, по Иванову

челобитью и по докукѣ, велѣлъ ему дать съ дворца государеву грамоту на архимандричье имя». Оправдавъ сдѣланныя въ потребникѣ поправки, Арсеній продолжаетъ: «Есть, государь, иные и таковы, которые на насъ ересь взвели, а сами едва и азбуку знаютъ, незнаютъ, которыя въ азбукѣ буквы гласныя, согласныя и двоегласныя, а что восемь частей слова разумѣть, роды, числа, времена и лица, званія и залоги, то имъ и на разумъ не всхаживало, священная философія и въ рукахъ не бывала, а не зная этого, легко можно погрѣшить не только въ божественныхъ писаніяхъ, но и въ земскихъ дѣлахъ, если кто даже естествомъ и остроуменъ будетъ.... Наше дѣло въ міръ не пошло и царской казнѣ никакой протори не сдѣлало; если бы мы что и недоброе сдѣлали, то дѣло на сторону, а трудивыйся неразумно и неугодно мзды лишенъ бываетъ: а не малая бѣда мнѣ нищему чернецу, поднявши такой трудъ, сидя за государевымъ дѣломъ полтора года день и ночь, мзды лишаему быть; всего намъ бѣднымъ клирошанамъ идетъ у Троицы на годъ зажилаго денегъ по тридцати алтынъ на платье, одѣваемся и обуваемся рукодѣльемъ.... Не довольно стало, чтобъ наши труды уничтожить, но и государыни, благовѣрной и великой старицы, инокини Мареы Ивановны кроткое и незлобивое сердце на ярость подвигнули. Если бы наше мороковаціе было дѣлано на Москвѣ, то все было бы хорошо и стройно, государю пріятно и всѣмъ православнымъ въ пользу, и великій святитель митрополитъ Іона по насъ былъ бы великій поборникъ. Я говорилъ архимандриту Діонисію каждый день: архимандритъ государь! откажи дѣло государю, не сдѣлать намъ этого дѣла въ монастырѣ безъ митрополичья совѣта, а привезешь книгу исчерня въ Москву, то и простымъ людямъ станетъ смутно. Но архимандритъ меня не слушалъ ни въ чемъ и ни во что меня ставилъ, во всемъ попа Ивана слушалъ, а тотъ и довелъ его до безчестія и срамоты. Попъ Иванъ на соборѣ слюнями глаза запрыскалъ тѣмъ, съ которыми спорилъ, и это честнымъ людямъ стало въ досаду; и мнѣ думается, что я нищій чернецъ страдаю отъ попа Ивана да

отъ архимандрита, потому что архимандритъ меня не послушалъ, дѣла не отказалъ, а попъ Иванъ самъ на государево дѣло набился, у дѣла былъ большой, насъ въ бѣду ввелъ, а самъ вывернулся, какъ лукавая лисица козла бѣднаго великобородаго завела въ пропасть неисходную, а сама по немъ же выскочила».

Наконецъ порѣшили дѣло, осудили Діонисія на заточеніе въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; но трудно было тогда провезти его туда, по причинѣ непріятельскихъ отрядовъ, загораживавшихъ дорогу на сѣверъ, и потому велѣли содержать его въ Новоспасскомъ монастырѣ, наложили на него епитемью — тысячу поклоновъ, били и мучили его сорокъ дней, ставя въ дыму на полатяхъ. Но заточеніе Діонисія не было продолжительно: пріѣхалъ въ Москву Іерусалимскій патріархъ Θеофанъ, при которомъ, какъ мы видѣли, возвратился Филаретъ Никитичь и былъ поставленъ въ патріархи; Филаретъ, по современнымъ извѣстіямъ, спрашивалъ, Θеофана: «Есть ли въ вашихъ Греческихъ книгахъ прибавленіе: и огнемъ?» Θеофанъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, и у васъ тому быть непригоже; добро бы тебѣ, брату нашему о томъ порадѣть и исправить, чтобъ этому огню въ прилогѣ и у васъ не быть». Вслѣдствіе этого созванъ былъ соборъ, опять былъ сильный и долгій споръ, Діонисій стоялъ въ отвѣтѣ больше осьми часовъ, успѣлъ обличить всѣхъ своихъ противниковъ, и съ торжествомъ возвратился въ свой монастырь, гдѣ продолжалъ «искать красоты церковной и благочинія братскаго». Впрочемъ Филаретъ Никитичь не былъ еще успокоенъ доказательствами Діонисія и свидѣтельствомъ Θеофана, онъ говорилъ послѣднему: «Тебѣ бы, пріѣхавъ въ Греческую землю и посовѣтовавшись съ своею братьею, вселенскими патріархами, выписать изъ Греческихъ книгъ древнихъ переводовъ, какъ тамъ написано». Исполняя его желаніе, Θеофанъ и Александрійскій патріархъ Герасимъ прислали въ Москву грамоты, гдѣ подтверждали, что прибавка: «и огнемъ» должна быть исключена. О знаменитомъ Логинѣ сдѣланъ былъ достойный отзывъ въ 1633 году, въ грамотѣ патріарха Фила-

рета, которою приказывалось отбирать уставы, напечатанные при Шуйскомъ, «потому что эти уставы печаталъ воръ, бражникъ, Троицкаго Сергіева монастыря крылошанинъ чернецъ Логинъ, и многія въ нихъ статьи напечаталъ не по апостольскому и не по отеческому преданію, а своимъ самовольствомъ». Въ 1633 году протосингелъ Александрійскій, архимандритъ Іосифъ пріѣхалъ и опредѣленъ для перевода Греческихъ книгъ на Славянскій языкъ.

Стремясь къ чистотѣ вѣроученія, церковь должна была стараться и о возстановленіи нравственной чистоты между вѣроучителями. Въ 1636 году послана была отъ царя такая грамота въ Соловецкій монастырь: «Вѣдомо учинилось, что въ Соловецкій монастырь съ берегу привозятъ вино горячее и всякое красное Нѣмецкое питье и медъ прѣсный, и держатъ это всякое питье старцы по кельямъ, а на погребѣ не ставятъ, келарей и казначеевъ выбираютъ безъ соборныхъ старцевъ и безъ чернаго собора тѣ старцы, которые пьяное питье пьютъ, на черныхъ соборахъ они смуту чинятъ и выбираютъ потаковниковъ, которые бы имъ молчали, въ смиренье не посылали, на погребѣ безпрестанно квасъ поддѣльный давали; а которые старцы постриженники старые, житіемъ искусны, преданія великихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія хранятъ, тѣхъ старцевъ безчестятъ и на соборѣ говорить имъ не даютъ; келари, казначеи и соборные старцы держатъ у себя учениковъ многихъ, а подъ началъ священникамъ и рядовымъ старцамъ старымъ и житіемъ добрымъ не отдаютъ, живутъ въ Соловецкомъ монастырѣ кельями и заговоромъ, старецъ помогаетъ ученику своему, а ученикъ помогаетъ старцу своему; въ монастырскія службы и по усольямъ посылаютъ старцевъ простыхъ, которые монастырской службы не оберегаютъ и монастырю прибыли не ищутъ, а въ монастырѣ ихъ не считаютъ, и отъ того монастырская казна пропадаетъ; добрыхъ старцевъ по промысламъ не посылаютъ, и которые молодые работники работаютъ въ огородахъ, тѣхъ кормятъ и зимою держатъ въ монастырѣ съ братіею вмѣстѣ, за монастыремъ

келлій особыхъ имъ не устроено и приставовъ у нихъ старцевъ и служебниковъ добрыхъ не бываетъ; и другія многія статьи теперь въ Соловецкомъ монастырѣ дѣлаются не по прежнему, чего прежде не бывало и чему быть не годно».

Въ 1636 же году царь писалъ къ строителю Павлова Обнорскаго монастыря: «вѣдомо намъ учинилось, что въ Павловѣ монастырѣ многое нестроенье, пьянство и самовольство, въ монастырѣ держатъ питье пьяное и табакъ, близь монастыря подѣлали харчевни и бани, брагу продаютъ; старцы въ бани и харчевни и въ волости къ крестьянамъ по пирамъ и по братчинамъ къ пиву ходятъ безпрестанно, бражничаютъ и безчинствуютъ, и всякое нестроеніе чинится;» царь приказываетъ строителю унимать монаховъ и прибавляетъ: «да и крестьяне пиво варили бы во время, когда пашни не пашутъ, и то по-немногу, съ явкою, чтобъ мужики не гуляли и не пропивались.» Мы видѣли обращеніе Логина съ архимандритомъ Діонисіемъ въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ; понятно, что строители незначительныхъ монастырей могли подвергаться еще бо́льшимъ насиліямъ уже прямо въ слѣдствіе отсутствія общественной безопасности: такъ въ 1613 году строитель Стародубо-ряполовскаго Хотимльскаго монастыря билъ челомъ, что пріѣхалъ къ нему въ монастырь монахъ Гермогенъ, силою взялъ церковные ключи, потому что пріѣхалъ со многими людьми, съ своимъ родомъ и племенемъ, захватилъ монастырскую казну, вотчиною владѣетъ, живетъ не по монастырскому чину, строителя бранитъ и бьетъ. Если слабость общественнаго устройства допускала насилія, то мы не должны удивляться, встрѣчая случаи самоуправства: въ 1628 году билъ челомъ монахъ Лаврентій, что присланъ онъ былъ въ Шую отъ Суздальскаго архіепископа Іосифа собирать пошлины, и велѣлъ взять дворника Троицкаго монастыря, иконника Ивана Яковлева въ великомъ духовномъ дѣлѣ; но Троицкій слуга Горчаковъ, собравшись со многими незнаемыми людьми, пришелъ на архіепископскій дворъ, архіепископа и его, монаха Лаврентія бранилъ неподобною бранью, неудобь сказаемо, Ивана иконника

у него отбилъ, пограбилъ пошлинныя деньги, разрубилъ ларецъ топоромъ, прибилъ самого Лаврентія и покинулъ замертво; ночью, послѣ этого грабежа Горчаковъ опять пришелъ къ архіепископскому двору, и стрѣлялъ изъ пищалей въ окна. Горчаковъ же, въ свою очередь, билъ челомъ, что Лаврентій, сказавши на иконника Ивана Яковлева духовное дѣло, посадилъ его въ цѣпь да въ желѣза и вымучилъ на немъ 200 рублей; онъ, Горчаковъ пришелъ къ Лаврентію съ упреками, зачѣмъ онъ такъ дѣлаетъ, а Лаврентій, собравшись со многими людьми незнаемыми, его Горчакова билъ, увѣчилъ, топоромъ изрубилъ, и монастырскихъ денегъ полтораста рублей отнялъ. Кто изъ нихъ оказался правымъ, кто виноватымъ, неизвѣстно; извѣстно намъ только, что Лаврентій былъ присланъ отъ архіепископа Іосифа Курцевича, который былъ сосланъ въ 1634 году въ Сійскій монастырь за безчинство, за многія непристойныя дѣла; къ обвиненіямъ въ нравственныхъ безпорядкахъ были присоединены и обвиненія политическія. Извѣстно намъ также, что Шуяне были очень недовольны управленіемъ этого Іосифа, какъ видно изъ челобитной ихъ на попа Алексѣя Кузьмина и на сына его, дьякона Ѳедора: «прислалъ къ намъ въ Шую бывшій Іосифъ архіепископъ иноземецъ изъ Суздаля этого попа Алексѣя и сына его Ѳедора по мздѣ, по накупу; Алексѣй, стакавшись съ архіепископскими намѣстниками, съ иноземцами же, Кіевлянами, и съ архіепископскими приказными людьми, умысля продать насъ духовными дѣлами и иными всякими бездѣльными составами, учинили намъ налогу и тѣсноты и продажи многія. Когда на мѣсто Іосифа поступилъ нынѣшній архіепископъ Серапіонъ, то онъ, сыскавши ихъ бездѣлье и безчинства, изъ Шуи отъ церквей отослалъ; теперь они, Алексѣй съ сыномъ, живутъ въ Покровскомъ Красномъ селѣ (въ Москвѣ) и берутъ на насъ засыльныя грамоты въ поклепныхъ всякихъ составныхъ искахъ и на Москвѣ придираются къ тѣмъ изъ насъ, которые туда пріѣдутъ для своего промыслишка, сами пристаютъ и бездѣльниковъ нанимаютъ приставать.

Преемникъ Филарета Никитича, патріархъ Іоасафъ долженъ

былъ вооружиться противъ безпорядковъ, происходившихъ въ Московскихъ церквахъ: «въ царствующемъ градѣ Москвѣ, пишетъ патріархъ, въ соборныхъ и приходскихъ церквахъ чинится мятежъ, соблазнъ и нарушеніе вѣрѣ, служба Божія совершается очень скоро, говорятъ голосовъ въ пять и въ шесть и больше, со всякимъ небреженіемъ; а мірскіе люди стоятъ въ церквахъ съ безстрашіемъ и со всякимъ небреженіемъ, во время св. пѣнія бесѣды творятъ неподобныя съ смѣхотвореніемъ, а иные священники и сами бесѣдуютъ, безчинствуютъ и мірскія угодія творятъ, чревоугодію своему послѣдуя и пьянству повинуясь, обѣдни служатъ безъ часовъ; во время великаго поста службы совершаютъ очень скоро; въ воскресные дни и праздники заутрени поютъ поздно и скоро, учительныя Евангелія, Апостолы, поученія св. отецъ и житія не читаются. Пономари по церквамъ молодые безъ женъ; поповы и мірскихъ людей дѣти, во время св. службы въ алтарѣ безчинствуютъ; во время же св. пѣнія ходятъ по церквамъ шпыни, съ безстрашіемъ, человѣкъ по десятку и больше, отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ, то они бранятся, то дерутся; другіе, положивъ на блюда пелены да свѣчи, собираютъ на церковное строеніе; иные притворяются малоумными, а потомъ ихъ видятъ цѣлоумными; иные ходятъ въ образѣ пустынническомъ, въ одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ волосы; иные во время св. пѣнія въ церквахъ ползаютъ, пискъ творятъ и большой соблазнъ возбуждаютъ въ простыхъ людяхъ. Также въ праздники, вмѣсто духовнаго торжества и веселія, затѣваютъ игры бѣсовскія, приказываютъ медвѣдчикамъ и скоморохамъ на улицахъ, торжищахъ и распутіяхъ сатанинскія игры творить, въ бубны бить, въ сурны ревѣть, въ ладоши бить и плясать; по праздникамъ сходятся многіе люди, не только молодые, но и старые, въ толпы ставятся, и бываютъ бои кулачные великіе до смертнаго убійства; въ этихъ играхъ многіе и безъ покаянія пропадаютъ. Всякія беззаконныя дѣла умножились, Еллинскія блядословія, кощунства и игры бѣсовскія; ѣдятъ удавленину и по торгамъ продаютъ; да

еще другъ друга бранятъ позорною бранью, отца и мать блуднымъ позоромъ и всякою безстудною нечистотою языки свои и души оскверняютъ.

Жалоба патріарха Іосафа на кулачные бои показываетъ, что этотъ крѣпко вкорененный обычай не ослабѣвалъ и отъ строгихъ мѣръ, предпринятыхъ противъ него патріархомъ Филаретомъ, который запретилъ ходить за старое Ваганьково на кулачные бои, ослушникъ подвергался кнуту; Филаретъ указалъ также: «кликать биричамъ по рядамъ, улицамъ, слободамъ и въ сотняхъ, чтобъ съ кобылками не ходили, на игрищахъ мірскіе люди не сходились, чтобъ смуты православнымъ христіянамъ отъ этого не было, коледы бъ, овсеня и плуги не кликали». Церковный судъ при Филаретѣ Никитичѣ не спускалъ нарушителямъ семейной нравственности: такъ сосланъ былъ въ оковахъ въ Корѣльскій Никольскій монастырь боярскій сынъ Семичевъ за то, что съ рабынями своими прижилъ семерыхъ дѣтей, а рабыни эти были между собою двоюродныя сестры; также поступлено и съ стольникомъ Колычевымъ за подобное преступленіе.

Понятно, что нравственные безпорядки наиболѣе были сильны въ мѣстахъ отдаленныхъ, на степныхъ границахъ государства, за Уральскими горами. Въ Воронежѣ, напримѣръ, могъ быть такой случай: билъ челомъ сынъ боярскій Ѳедоръ Плясовъ: вечеромъ когда сидѣлъ онъ въ торгу въ ряду, прислалъ за нимъ посадскій Ильинскій попъ Яковъ сына боярскаго, своего зятя, Ивашку Полубояринова звать его къ себѣ вина пить; пришелъ онъ къ попу и видитъ, что сидитъ у него прежній его разбойникъ Антошка, который его, Плясова разбивалъ; попъ сталъ этого Антошку съ нимъ мирить; а когда смерклось, то попъ, Антошка, Полубояриновъ и наймитъ Ивашка, связали Плясова, мучили его и пытали, а потомъ повели изъ посаду къ рѣкѣ, переволокли черезъ острогъ, вымучили 20 рублей денегъ и привели къ кресту въ томъ, что жаловаться на нихъ не будетъ. — Сильныя жалобы слышались отъ правительства церковнаго на упадокъ нравственности въ

Сибири; патріархъ Филаретъ писалъ Сибирскому архіепископу Кипріану: «въ Сибирскихъ городахъ многіе Русскіе люди и иноземцы, Литва и Нѣмцы, которые въ нашу православную вѣру крещены, крестовъ на себѣ не носятъ, постныхъ дней не хранятъ, которые изъ нихъ ходятъ къ Калмыкамъ и въ иныя землицы для государевыхъ дѣлъ, тѣ пьютъ и ѣдятъ и всякія скаредныя дѣла дѣлаютъ съ погаными заодно; иные живутъ съ Татарками некрещеными, какъ съ своими женами и дѣтей съ ними приживаютъ, а иные хуже того дѣлаютъ, женятся на сестрахъ родныхъ, двоюродныхъ, названныхъ и на кумахъ, иные на матерей и дочерей посягаютъ. Многіе служилые люди, которыхъ воеводы и приказные люди посылаютъ въ Москву и въ другіе города для дѣлъ, женъ своихъ въ деньгахъ закладываютъ у своей братьи у служилыхъ же и у всякихъ людей на сроки, и тѣ люди, у которыхъ онѣ бываютъ въ закладѣ, съ ними до выкупу блудъ творятъ беззазорно, а какъ ихъ къ сроку не выкупятъ, то они ихъ продаютъ на воровство же и въ работу всякимъ людямъ, а покупщики также съ ними воруютъ и за мужъ выдаютъ, а иныхъ бѣдныхъ вдовъ и дѣвицъ безпомощныхъ для воровства къ себѣ берутъ силою, у мужей, убогихъ работныхъ людей женъ отнимаютъ и держатъ у себя для воровства, крѣпости на нихъ берутъ воровскія заочно, а тѣ люди, у которыхъ женъ отняли, бѣгаютъ, скитаются между дворами и отдаются въ неволю, въ холопи всякимъ людямъ, и женятъ ихъ на другихъ женахъ, а отнятыхъ у нихъ женъ послѣ выдаютъ за другихъ мужей. Попы такимъ ворамъ не запрещаютъ, а иные попы, черные и бѣлые такимъ людямъ и молитвы говорятъ и вѣнчаютъ безъ знаменъ. Многіе люди, мужчины и женщины въ болѣзняхъ постригаются въ иноческій образъ, а потомъ выздоровѣвши, живутъ въ домахъ своихъ по-прежнему, а многіе другіе и разстригаются; въ монастыряхъ мужескихъ и дѣвичьихъ старцы и старицы живутъ съ мірскими людьми вмѣстѣ въ однихъ домахъ и ничѣмъ отъ мірскихъ людей не рознятся. Сибирскіе служилые люди пріѣзжаютъ въ Москву и въ другіе

города и тамъ подговариваютъ многихъ женъ и дѣвокъ, привозятъ ихъ въ Сибирскіе города и держатъ вмѣсто женъ, а иныхъ порабощаютъ и крѣпости на нихъ берутъ силою, а иныхъ продаютъ Литвѣ, Нѣмцамъ и Татарамъ и всякимъ людямъ въ работу; а воеводы, которые въ Сибири теперь и прежде были, о томъ небрегутъ, людей этихъ отъ такого воровства, беззаконныхъ, скверныхъ дѣлъ не унимаютъ и не наказываютъ ихъ, покрывая ихъ для своей корысти; а иные воеводы и сами такимъ ворамъ потакаютъ, попамъ приказываютъ говорить имъ молитвы и вѣнчать ихъ силою, и всякое насильство и продажи воеводы тутошнимъ торговымъ и всякимъ людямъ и улуснымъ иновѣрцамъ чинятъ великія.» Такимъ образомъ причина зла вскрывается въ концѣ патріаршей грамоты; эта же причина указывается и въ царской грамотѣ самимъ воеводамъ Сибирскимъ: «въ Сибирскихъ городахъ служилые и всякихъ чиновъ люди, въ духовныхъ дѣлахъ архіепископа и его десятильниковъ слушать и подъ судъ къ нему ходить не хотятъ, научаютъ другъ друга на архіепископа шумѣть, и вы, воеводы, имъ въ томъ потакаете, а которыхъ нашихъ людей посылаете къ Татарамъ, Вогуличамъ и Остякамъ собирать нашу казну, и тѣ люди Татарамъ, Вогуличамъ и Остякамъ чинятъ всякое насильство и посулы берутъ великіе, а нашей казнѣ прибыли ни въ чемъ не ищутъ; въ пьянствѣ у васъ многіе люди бьются и рѣжутся до смерти, а вы про то не сыскиваете.» Сибирякамъ дана была грамота, которою дозволялось имъ уводить женъ и дѣвицъ изъ другихъ городовъ: патріархъ Филаретъ приказалъ архіепископу взять эту грамоту и доставить къ нему въ Москву. О дѣятельности митрополита Кипріяна въ Сибири лѣтописецъ говоритъ слѣдующее: «невѣрныхъ многихъ крестилъ и слабость многую въ беззаконныхъ женитьбахъ и въ другихъ многихъ духовныхъ дѣлахъ исправилъ и утвердилъ, и отъ многихъ неискусныхъ людей многую молву, мятежъ и тѣсноту терпѣлъ.» При архіепископѣ Макаріѣ, въ 1625 году произошелъ въ Тобольскѣ слѣдующій случай: въ самое Свѣтлое Воскресенье у заутрени къ боярину князю

Юрью Яншеевичу Сулешову начали подходить христосоваться дѣти боярскіе и разныхъ чиновъ люди; всѣ цѣловались по обычаю, но сынъ боярскій Низовцовъ поцѣловалъ князя въ руку; Сулешовъ тутъ же при архіепископѣ и при всѣхъ людяхъ зашибъ Низовцова, велѣлъ посадить его подъ стражу, и подалъ жалобу, что Низовцовъ сдѣлалъ это, умысля воровски, по наученью Сибирскихъ людей. Чѣмъ кончилось дѣло, неизвѣстно.

Видимъ и преслѣдованіе чародѣйства со стороны правительства: въ Тобольскѣ обыскали какого-то протопопа и нашли у него въ коробьѣ траву багрову, да три корня, да комокъ перхчеватъ бѣлъ; воевода тотчасъ далъ знать объ этомъ царю, и протопопъ вмѣстѣ съ коробьею былъ отосланъ въ Москву. У церковнаго дьячка Григорьева обыскали какія-то гадальныя тетради, называемыя рафли; тетради, по указу патріарха, сожгли, а дьячка сковали и сослали въ монастырь на черную работу. Въ 1632 году царь писалъ Псковскимъ воеводамъ: «Писали къ намъ изъ Вязьмы воеводы наши: посылали они за рубежъ для вѣстей лазутчиковъ, и тѣ лазутчики, пришедъ изъ-за рубежа, сказывали имъ, что въ Литовскихъ городахъ баба вѣдунья наговариваетъ на хмѣль, который изъ Литвы возятъ въ наши города, чтобъ этимъ хмѣлемъ на людей навести моровое повѣтріе.» Въ слѣдствіе этого запрещено было, подъ опасеніемъ смертной казни, покупать хмѣль въ Литвѣ. Въ Іюнѣ 1635 года пріѣхалъ въ Москву Силистрійскій митрополитъ Іоакимъ съ просьбою о милостынѣ, и говорилъ, что былъ онъ въ Царѣградѣ, и патріархъ Кириллъ приказывалъ ему извѣстить государю и его ближнимъ людямъ тайно, чтобъ государь велѣлъ свое здоровье остерегать отъ грамотъ Турскаго царя и отъ подарковъ его: не было бы какого насылочнаго дурна отъ Турскаго султана въ грамотахъ и подаркахъ, потому что на государя султанъ имѣетъ досаду за миръ съ Польскимъ королемъ [24].

Средствомъ противъ преступленій считали усиленіе наказанія, усиленіе преступленій считали слѣдствіемъ уменьшенія строгости наказаній. Въ прежнія времена фальшивымъ монет-

чикамъ заливали горло воровскими ихъ деньгами; царь Михаилъ перемѣнилъ было эту казнь на торговую, «чая того, говоритъ указъ, что они отъ такого воровства уймутся отъ наказанія, безъ смертной казни; но тѣ воры нашей государской милости къ себѣ не узнали, такихъ воровъ теперь умножилось, и отъ ихъ многаго воровства, по поклепнымъ воровскимъ оговорамъ, многіе простые невинные люди пострадали.» Въ слѣдствіе этого возобновлена была казнь заливанія горла. Гнѣздо фальшивыхъ монетчиковъ открыто было въ 1634 году за Шведскимъ рубежемъ въ Корельской землѣ; занимались этимъ дѣломъ здѣсь Русскіе перебѣжчики. Мы видѣли, что царь Михаилъ въ грамотѣ своей къ Новгородцамъ объявлялъ всепрощеніе; ясно видно, что новое правительство поступило точно также въ Москвѣ и во всѣхъ другихъ областяхъ; но само предавая забвенію политическія преступленія, совершенныя въ страшную эпоху смутъ, правительство потребовало и отъ частныхъ людей, чтобъ они прекратили всякіе иски относительно вреда, претерпѣннаго ими въ смутное время: въ 1622 году великіе государи указали: въ поклажахъ, бояхъ, грабежахъ, что дѣлалось до разоренья и въ разоренье, по кабаламъ въ долгахъ, которыя кабалы не подписаны больше пятнадцати лѣтъ и челобитья по нимъ не бывало, суда не давать. Для прекращенія сутяжничества и волокиты, въ 1635 году велѣно было биричамъ прокликать повсюду, чтобъ никто взаймы денегъ, хлѣба, подъ закладъ платья, лошадей и всякой рухляди, и никакой ссуды, безъ кабалъ и безъ памятей никому не давалъ и не ссужался. Въ 1617 году царь подтвердилъ постановленіе Грознаго—не мириться съ разбойниками: «которые истцы съ разбойниками или съ приводными людьми съ поличнымъ, въ разбойныхъ дѣлахъ, не дожидаясь указа, станутъ мириться, и мировыя челобитныя въ приказъ приносить, то этотъ ихъ миръ не въ миръ ставить и разбойниковъ наказывать по государеву указу, кто чего доведется; а съ истцовъ за то пеню брать, смотря по дѣлу: не мирись съ разбойниками.» Но относительно убійства въ ссорѣ по-прежнему, какъ

и во времена Русской правды, мировыя допускались; въ 1640 году черный попъ Никандръ помирился съ крестьянами Бѣлозерской Тупбажской волости, убившими сына его, священника Луку: «послѣ обѣдни у Николы Чудотворца учинился споръ у вдоваго попа сына моего Луки съ троими крестьянами Тунбажской волости, и одинъ изъ нихъ, Омросъ Семеновъ сына моего зарѣзалъ до смерти; я было старецъ Никандръ пришелъ на разнимку, но тотъ Омросъ Семеновъ и меня ножемъ же рѣзалъ. Я его Омроса съ товарищами во всемъ простилъ, и впередъ мнѣ на нихъ не искать, въ головныхъ деньгахъ и похоронныхъ на нихъ государю не бить челомъ, кромѣ государевыхъ пенныхъ, а пени что государь укажетъ, въ томъ его царская воля, а я старецъ Никандръ и съ своими дѣтьми то все дѣло отдали Богу судить, въ чемъ я съ своими дѣтьми и мировую запись дали Омросу съ товарищами.» Въ 1636 году въ Сольвычегодскѣ была любопытная мировая: посадскіе люди и волостные крестьяне, выведенные изъ терпѣнія насильствами воеводы Головачева, написали одиначную запись, чтобъ другъ друга не выдавать, пошли всѣмъ міромъ къ воеводѣ и разграбили его, говоря: «которыя-де мы деньги давали, тѣ и взяли;» они хотѣли было убить Головачева, но пріѣхали на воеводскій дворъ Андрей и Петръ Строгановы, и помирили Головачева съ мирскими людьми, написана была мировая, и мірскіе люди взяли у воеводы за миромъ триста рублей. Закрѣпленіе крестьянъ необходимо вызывало опредѣленіе, какъ поступать въ случаѣ убійства крестьянина, которое теперь прямо причиняло ущербъ землевладѣльцу. Въ 1625 году князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій докладывалъ боярамъ, и бояре приговорили: убьетъ боярскій человѣкъ боярскаго человѣка, и съ пытки станетъ говорить, что убилъ въ дракѣ, неумышленно или пьянымъ дѣломъ: то убійцу, высѣкши кнутомъ, выдать тому боярину, у кого убилъ человѣка, съ женою и дѣтьми въ холопи, а жены и дѣтей убитаго у его боярина не отнимать; если сынъ боярскій или его сынъ или племянникъ или прикащикъ боярскій, дворянскій, или приказныхъ людей или сына

боярскаго прикащикъ убьетъ крестьянина, и съ пытки скажетъ, что убилъ неумышленно, то изъ его помѣстья взять лучшаго крестьянина съ женою и дѣтьми не отдѣленными и со всѣмъ имѣньемъ и отдать въ крестьяне тому помѣщику, у кого крестьянина убили; жену и дѣтей убитаго крестьянина у помѣщика не отнимать, а убійцъ метать въ тюрьму до государева указа. Убьетъ крестьянинъ крестьянина до смерти и скажетъ, что неумышленно, то убійцу, высѣкши кнутомъ, выдать съ женою и дѣтьми помѣщику убитаго.

Подтверждено было и прежнее уложенье, ограничивавшее страшную свободу языка, подтвержденіе это показываетъ, что прежнее уложеніе не исполнялось: писалъ съ Костромы воевода, что сидитъ въ Костромѣ въ тюрьмѣ разбойникъ Васька Щербакъ шестой годъ; и тотъ старый тюремный сидѣлецъ говорилъ на людей вновь язычную молку, а въ первыхъ годахъ, какъ онъ пойманъ, съ первыхъ пытокъ на тѣхъ людей не говорилъ; и тѣ люди, на которыхъ языкъ говорилъ, били челомъ государю, что языкъ этотъ многихъ людей клеплетъ, и къ нимъ присылалъ, чтобъ они ему дали на хлѣбъ денегъ, а если не дадутъ, то онъ на нихъ язычную молку всговоритъ; воевода распрашивалъ его и пыталъ, и языкъ признался, что этихъ людей онъ поклепалъ напрасно, иныхъ по недружбѣ, а другихъ за то, что не дали денегъ. Государь указалъ: не вѣрить язычнымъ молкамъ, если тюремные сидѣльцы, спустя долгое время, станутъ оговаривать кого-нибудь, на кого прежде ничего не говорили. Въ 1637 году приказано было, чтобъ воеводы по городамъ не сажали въ одну тюрьму съ уголовными преступниками людей, судящихся по гражданскимъ искамъ, потому что «отъ того татямъ и разбойникамъ и оговорнымъ людямъ чинится тѣснота и голодъ, и отъ тѣсноты и отъ духу помираютъ;» людей, судящихся по гражданскимъ искамъ, велѣно держать за приставами. Въ томъ же году запрещено казнить смертію беременныхъ женщинъ, потому что «рожденное отъ преступницы не виновато;» а казнить когда послѣ рожденія минетъ шесть недѣль. Смутное время имѣло то ги-

бельное слѣдствіе, что пріучило Русскихъ людей къ обманамъ, подстановкамъ самозванцевъ, заставило ихъ во всемъ сомнѣваться, во всемъ видѣть обманъ и подстановку. Указывали Русскому человѣку: вотъ царевичь! а уже у него готово было возраженіе: «да настоящій ли это царевичь?» Разумѣется не нужно было обращать вниманія на такія сомнѣнія, которыя должны были пройти вмѣстѣ съ изглаженіемъ изъ памяти печальныхъ явленій смутнаго времени. Но до такого взгляда возвыситься не умѣли, и Русскій человѣкъ дорого долженъ былъ платиться за привычку сомнѣваться. Тѣмъ съ бо́льшимъ уваженіемъ долженъ вспомнить историкъ о лицѣ, которое поднялось выше современниковъ въ этомъ случаѣ. Буйный монахъ Хутынскаго монастыря, Тимоѳей Брюхановъ подалъ доносъ на архимандрита своего Ѳеодорита въ непригожихъ рѣчахъ. Митрополитъ Аѳоній хотѣлъ затушить вздорное дѣло, но не успѣлъ; Ѳеодорита и нѣкоторыхъ другихъ взяли къ допросу, пытали накрѣпко и огнемъ жгли, не допытались и не дожглись ни до чего, и не смотря на то митрополиту торжественно, въ Софійскомъ соборѣ, при всемъ народѣ сдѣланъ былъ строгій выговоръ за неисполненіе святительской обязанности.

Относительно мѣръ общественной безопасности сдѣланы были слѣдующія распоряженія: въ 1622 году черныхъ сотенъ соцкіе и черныхъ слободъ старосты подали челобитную: съ 1613 по 1622 годъ было съ насъ на земскомъ дворѣ тридцать человѣкъ ярыжныхъ да три лошади; а въ нынѣшнемъ 1622 году взяли съ насъ къ тридцати человѣкамъ въ прибавку сорокъ пять человѣкъ ярыжныхъ; даемъ мы этимъ ярыжнымъ, да на три лошади въ мѣсяцъ по 60 рублей денегъ; но кромѣ этихъ денегъ съ насъ же берутъ на земскій дворъ, для всякой пожарной рухляди, паруса, крюки, трубы мѣдныя, топоры, заступы, кирки, пешни, бочки и ведра. Кромѣ того теперь правятъ съ насъ еще пятнадцать человѣкъ ярыжныхъ и три лошади, да со всякаго человѣка по трубѣ мѣдной: и намъ стало не въ силу, взять трубъ негдѣ, купить нечѣмъ, людишки все бѣдные, молодшіе, и отъ такого тягла бредутъ розно. Госу-

дари указали: съ черныхъ сотенъ, и съ гостиной и суконной сотни быть сотнѣ ярыжныхъ, по лишнихъ лошадей брать необходимо для пожаровъ, зимою велѣть быть по четыре лошади, а трубъ больше прежняго не наметывать, дать имъ для пожарнаго времени по сотнямъ тридцать трубъ держать на земскомъ дворѣ, и приказать по сотнямъ накрѣпко: гдѣ случится пожаръ, и у нихъ бы съ трубами были люди готовы тотчасъ, и людямъ велѣть смотрѣть для того, если уже взяли это на себя, то на пожары ходить не лѣнились бы. Но сотни ярыжныхъ оказалось недостаточно: въ 1629 году прибавлено было еще 100 человѣкъ, деньги велѣно давать имъ изъ государевой казны, изъ большаго приходу; велѣно устроить 50 парусовъ, по пяти саженъ и по четыре, на щиты взять 100 лубовъ и сдѣлать съ рукоятьми; устроить телѣги и бочки изъ государевой казны—20 телѣгъ и 20 бочекъ, извощиковъ росписать по 20 человѣкъ въ ночь, а днемъ съѣзжать имъ для извозу; если же и днемъ случится пожаръ, то быть имъ на земскомъ дворѣ по 20 человѣкъ; въ Бѣломъ каменномъ городѣ и за городомъ, по большимъ улицамъ, сдѣлать большіе колодези, съ десяти дворовъ по одному, для пожарнаго времени. Пожары по-прежнему были страшные: въ 1626 году загорѣлось въ Китаѣ городѣ на Варварскомъ крестцѣ, начали горѣть ряды, Покровскій соборъ, перекинуло въ кремль, загорѣлись церкви въ монастыряхъ Чудовѣ и Вознесенскомъ, дворъ государевъ и патріаршій, въ приказахъ всякія дѣла погорѣли, такъ что государь послалъ писцовъ во всю землю; въ 1629 году загорѣлось въ Чертольѣ и выгорѣло по Тверскую улицу и за Бѣлымъ городомъ погорѣли слободы; а потомъ загорѣлось на Неглинной, на Покровкѣ и въ другихъ мѣстахъ. Послѣ этого пожара черные сотни били челомъ: «ставятъ у насъ въ сотняхъ и слободахъ выходцевъ пановъ, и Нѣмцевъ и всякихъ иноземцевъ, и Русскихъ людей, Сибирскихъ и Донскихъ и Круговой станицы козаковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые пріѣзжаютъ изъ городовъ съ государевыми дѣлами и отписками, и городовыхъ писцовъ; а въ нынѣшнемъ

году погорѣли Дмитровская, Новгородская, Ржевская, Ростовская, Устюжская и Чертольская сотни, и погорѣлые люди разведены по насъ же стоятъ, и изъ Бѣлаго города всякихъ чиновъ торговые люди у насъ же поставлены; и намъ отъ этихъ стояльцевъ тѣснота великая.» Государь пожаловалъ, велѣлъ погорѣлыхъ людей ставить также по дворцовымъ слободамъ. Въ 1633 и 1634 году опять сильные пожары, въ слѣдствіе которыхъ черныя сотни опять били челомъ: «погорѣлыя сотни дворы свои съ тяглыми мѣстами закладываютъ дворянамъ и всякимъ людямъ мимо черныхъ тяглыхъ людей, въ большихъ закладахъ; на сотскихъ старостъ и сотенныхъ людей по этимъ закладнымъ бьютъ челомъ, чтобъ дворы и дворовыя мѣста выкупать сотнями, но имъ по такимъ большимъ закладамъ выкупать нельзя; и на этихъ дворахъ живутъ и на дворовыхъ мѣстахъ строятся всякихъ чиновъ люди, а тягла не тянутъ; тѣже люди, которые закладываютъ, изъ сотенъ и изъ слободъ, изъ тягла бредутъ розно, отъ чего черныя сотни и слободы пустѣютъ, и впередъ государева тягла и податей взять будетъ не съ кого. Государь указалъ: кликать биричю по улицамъ и переулкамъ, чтобъ въ черныхъ сотняхъ и слободахъ дворяне, дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди у посадскихъ людей дворовъ и дворовыхъ мѣстъ не покупали и въ закладъ не брали.

Мы слышали на соборѣ сильныя жалобы на неудовлетворительное состояніе правосудія; какъ образчикъ понятій нѣкоторыхъ Русскихъ людей о современныхъ имъ дѣлопроизводителяхъ, приведемъ наказъ стольника Колонтаева слугѣ: «сходить бы тебѣ къ Петру Ильичу, и если Петръ Ильичь скажетъ, то идти тебѣ къ дьяку Василію Сычину; пришедши къ дьяку, въ хоромы не входи, прежде разведай, веселъ ли дьякъ, и тогда войди, побей челомъ крѣпко и грамотку отдай; приметъ дьякъ грамотку прилежно, то дай ему три рубля, да обѣщай еще, а куръ, пива и ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухѣ. За Прошкинымъ дѣломъ сходи къ подъячему Степкѣ Ремезову, и попроси его чтобъ сдѣлалъ, а къ Кирил-

лѣ Семенычу не ходи: тотъ проклятый Степка все себѣ въ лапы забралъ; отъ моего имени Степки не проси: я его, подлаго вора чествовать не хочу; понеси ему три алтына денегъ, рыбы сушеной, да вина, а онъ Степка жадущая рожа и пьяная.» Мы видѣли, что въ царствованіе Михаила, въ слѣдствіе разгрома и оскудѣнія посадскихъ, тяглыхъ людей, многіе изъ нихъ, избывая тяжкихъ повинностей, бѣгали и закладывались. Средствомъ избывать отъ повинностей для тяглыхъ людей грамотныхъ было также поступленіе въ подъячіе, должность выгодную, которая привлекала къ себѣ многихъ изъ духовнаго званія. Такимъ образомъ уменьшалось число тяглыхъ людей, обогащавшихъ казну своими промыслами, и чрезмѣрно увеличивалось число подъячихъ, людей, стремившихся жить и обогащаться на чужой счетъ, вредныхъ обществу и государству. Мы видѣли, какъ посадскіе люди жаловались на такое ненужное увеличеніе числа подъячихъ, поступавшихъ въ это званіе изъ посадскихъ же, тяглыхъ людей. Поэтому неудивительно, что въ концѣ 1640 года царь Михаилъ указалъ: во всѣ приказы послать памяти, чтобъ поповыхъ и дьяконовыхъ дѣтей, гостинной и суконной сотенъ торговыхъ и черныхъ сотенъ посадскихъ всякихъ и пашенныхъ людей и дѣтей ихъ въ подъячіе не принимали [25].

Относительно народнаго права руководились прежними понятіями и обычаями, но важною новостію было появленіе резидентовъ; должно замѣтить, что стѣсненныя обстоятельства, въ которыхъ находилось Московское государство въ описываемое время, заставляли прибѣгать къ подкупамъ уполномоченныхъ и вообще сильныхъ людей при дворахъ иностранныхъ.

Соблюдались еще во всей строгости старые обычаи въ сношеніяхъ съ чуждыми народами и ихъ представителями, пріѣзжавшими въ Москву; но допущеніе все бо́льшаго и бо́льшаго количества иностранцевъ внутрь государства, явно высказываемая потребность въ нихъ, явно высказываемое признаніе превосходства ихъ въ наукѣ, необходимость учиться у нихъ, предвѣщали скорый переворотъ въ жизни русскаго общества,

скорое сближеніе съ западною Европою. При царѣ Михаилѣ вызывали изъ-за границы не однихъ ратныхъ людей, не однихъ мастеровъ и заводчиковъ, понадобились люди ученые, и въ 1639 году дана была опасная грамота для пріѣзда въ Москву извѣстному ученому Голштинцу Адаму Олеарію: «Вѣдомо намъ учинилось, говоритъ царь въ грамотѣ, что ты гораздо наученъ и навыченъ Астраломіи, и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ, великому государю таковъ мастеръ годенъ.» По государеву указу въ 1637 году переведена была съ Латинскаго полная Козмографія Иваномъ Дорномъ и Богданомъ Лыковымъ. Съ одной стороны въ наукѣ нуждалось государство для удовлетворенія самымъ необходимымъ потребностямъ, для охраненія цѣлости и самостоятельности своей отъ иностранцевъ болѣе искусныхъ и потому болѣе сильныхъ; съ другой стороны нуждалась въ наукѣ церковь для охраненія чистоты своего ученія отъ людей подобныхъ Логину и Филарету, и вотъ патріархъ Филаретъ заводитъ въ Чудовѣ монастырѣ Греко-Латинское училище, которое поручено было уже извѣстному намъ исправителю книгъ, Арсенію Глухому. Надобно было спѣшить просвѣщеніемъ, ибо необходимое сближеніе съ иностранцами, признаніе ихъ превосходства вело нѣкоторыхъ къ презрѣнію своего и своихъ; узнавши чужое и признавши его достоинство, начинали уже тяготиться своимъ, старались освободиться отъ него. Мы видѣли, что Русскіе люди, посланные Годуновымъ за границу, не возвратились въ отечество; но и внутри Россіи въ описываемое время Русскій человѣкъ рѣшился высказать рѣзко недовольство своимъ старымъ и стремленіе къ новому, чужому. Около 1632 года сказанъ былъ такой указъ отъ великихъ государей князю Ивану Хворостинину: «Князь Иванъ! Извѣстно всѣмъ людямъ Московскаго государства, какъ ты былъ при Разстригѣ въ приближеніи, то впалъ въ ересь и въ вѣрѣ пошатнулся, православную вѣру хулилъ, постовъ и христіанскаго обычая не хранилъ, и при царѣ Василіи Ивановичѣ былъ за то сосланъ

подъ началъ въ Іосифовъ монастырь; послѣ того, при государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, опять началъ приставать къ Польскимъ и Литовскимъ попамъ и Полякамъ, и въ вѣрѣ съ ними соединился, книги и образа ихъ письма у нихъ принималъ и держалъ у себя въ чести; эти образа и письмо у тебя вынуты, да и самъ ты сказалъ, что образа Римскаго письма почиталъ наровнѣ съ образами Греческаго письма; тутъ тебя, по государской милости, пощадили, наказанья тебѣ не было никакого, только заказъ сдѣланъ былъ тебѣ крѣпкій, чтобъ ты съ еретиками на знался, ереси ихъ не перенималъ, Латинскихъ образовъ и книгъ у себя не держалъ. Но ты все это забылъ, началъ жить не по христіянски и впадать въ ересь, опять у тебя вынуто много образовъ Латинскаго письма и много книгъ Латинскихъ, еретическихъ; многія о православной вѣрѣ и о людяхъ Московскаго государства непригожія и хульныя слова въ собственноручныхъ письмахъ твоихъ объявились, въ жизни твоей многое къ христіянской вѣрѣ неисправленье и къ измѣнѣ шатость также объявились подлинными свидѣтельствами: ты людямъ своимъ не велѣлъ ходить въ церковь, а которые пойдутъ, тѣхъ билъ и мучилъ, говорилъ, что молиться не для чего и воскресеніе мертвыхъ не будетъ; про христіянскую вѣру и про святыхъ угодниковъ Божіихъ говорилъ хульныя слова; жить началъ не христіянскимъ обычаемъ, безпрестанно пить, въ 1622 году всю страстную недѣлю пилъ безъ просыпу, наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья былъ пьянъ и до свѣта за два часа ѣлъ мясное кушанье и пилъ вино прежде Пасхи, къ государю на праздникъ Свѣтлаго Воскресенья не поѣхалъ, къ заутрени и къ обѣдни не пошелъ. Да ты же промышлялъ, какъ бы тебѣ отъѣхать въ Литву, дворъ свой и вотчины продавалъ, и говорилъ, чтобъ тебѣ нарядиться по гусарски и ѣхать на съѣздъ съ послами; посылалъ ты памяти къ Тимохѣ Луговскому и Михайлѣ Данилову, чтобъ тебя съ береговой службы переписали на съѣздъ съ Литовскими послами. Да ты же говорилъ въ разговорахъ, будто на Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупый, жить тебѣ не съ кѣмъ, чтобъ тебя госу-

дарь отпустилъ въ Римъ или въ Литву: ясно, что ты замышлялъ измѣну и хотѣлъ отъѣхать въ Литву; если бы ты въ Литву ѣхать не мыслилъ, то зачѣмъ было тебѣ дворъ свой и вотчины продавать и съ береговой службы переписываться на Литовскій съѣздъ? Да у тебя же въ книжкахъ твоего сочиненія найдены многія укоризны всякимъ людямъ Московскаго государства, будто Московскій народъ кланяется св. иконамъ по подписи, хотя и не прямой образъ; а который образъ написанъ хотя и прямо, а не подписанъ, тѣмъ не кланяются, да будто Московскіе же люди сѣютъ землю рожью, а живутъ все ложью, пріобщенья тебѣ съ ними нѣтъ никакого, и иныя многія укоризненныя слова писаны на виршъ (стихами): ясно, что ты такія слова говорилъ и писалъ гордостію и безмѣрствомъ своимъ, по разуму ты себѣ въ версту никого не поставилъ, и этимъ своимъ бездѣльнымъ мнѣніемъ и гордостію всѣхъ людей Московскаго государства и родителей своихъ обезчестилъ. Да въ твоемъ же письмѣ написано государево именованье не по достоинству, государь названъ деспотомъ Русскимъ, но деспота слыветъ греческою рѣчью—владыка или владѣтель, а не царь и самодержецъ; а ты, князь Иванъ, не иноземецъ, Московскій природный человѣкъ, и тебѣ такъ про государское именованье писать было не пристойно; за это довелось было тебѣ учинить наказанье великое, потому что поползновеніе твое въ вѣрѣ не впервые и вины твои сыскивались многія; но по государской милости за то тебѣ наказанья неучинено никакого, а для исправленья твоего въ вѣрѣ посыланъ ты былъ подъ началъ въ Кирилловъ монастырь, въ вѣрѣ истязанъ и далъ обѣщанье и клятву, что тебѣ впередъ православную вѣру, въ которой родился и выросъ, исполнять и держать во всемъ непоколебимо, Латинской и никакой ереси не принимать, образовъ и книгъ Латинскихъ не держать и въ еретическія ученья не впадать. И государи, по своему милосердому нраву, милость надъ тобою показали, изъ Кириллова монастыря велѣли взять тебя къ Москвѣ и велѣли тебѣ видѣть свои государскія очи и быть въ дворянахъ по прежнему».

Образцомъ учености Московскихъ грамотѣевъ описываемаго времени можетъ служить споръ по поводу катехизиса Лаврентія Зизанія. Лаврентій Зизаній Тустановскій, протопопъ Корецкій, въ Февралѣ 1627 года привезъ въ Москву книгу свою— Оглашеніе и билъ челомъ патріарху Филарету, чтобъ ее исправить. Патріархъ началъ исправленіе измѣненіемъ заглавія книги: вмѣсто Оглашенія онъ назвалъ ее Бесѣдословіе, на томъ основаніи, что подъ именемъ Оглашенія уже извѣстна книга Кирилла Іерусалимскаго, а подъ однимъ именемъ многимъ книгамъ быть нелѣпо; о другихъ статьяхъ, которыя найдены несходными съ Русскими и Греческими переводами, патріархъ велѣлъ поговорить съ Зизаніемъ Богоявленскому игумену Ильѣ да Гришкѣ отъ книжныя справки (справщику типографіи), говорить велѣно любовнымъ обычаемъ и со смиреніемъ нрава. Разговоръ происходилъ на казенномъ дворѣ, въ нижней палатѣ, передъ государевымъ бояриномъ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ и думнымъ дьякомъ Өедоромъ Лихачевымъ. Между прочимъ Илья и Гришка говорили Зизанію: «У тебя въ книгѣ написано о кругахъ небесныхъ, о планетахъ, зодіяхъ, о затмѣніи солнца, о громѣ и молніи, о тресновеніи, шибаніи и перунѣ, о кометахъ и о прочихъ звѣздахъ: но эти статьи взяты изъ книги Астрологіи, а эта книга Астрологія взята отъ волхвовъ Еллинскихъ и отъ идолослужителей, а потому къ нашему православію несходна». Зизаній: «Почему же не сходна? я не написалъ колеса счастія и рожденія человѣческаго, не говорилъ, что звѣзды управляютъ нашею жизнію; я написалъ только для знанія, пусть человѣкъ знаетъ, что все это тварь Божія». Илья и Гришка: «Да зачѣмъ писалъ для знанія? Зачѣмъ изъ книги Астрологіи ложныя рѣчи и имена звѣздамъ выбиралъ, а иныя рѣчи отъ своего умышленія прилагалъ и не правильно объявлялъ?» Зизаній: «Что же я неправильно объявлялъ? какія ложныя рѣчи и имена звѣздамъ выбиралъ?» Илья и Гришка: «А развѣ это правда, говоришь: облака надувшись сходятся и ударяются и отъ того бываетъ громъ, огонь и звѣзды называешь животными звѣрями, что на тверди

небесной!» Зизаній: «Да какъ же по вашему писать о звѣздахъ?» Илья и Гришка: «Мы пишемъ и вѣруемъ какъ Моисей написалъ: сотворилъ два свѣтила великія и звѣзды, и поставилъ ихъ Богъ на тверди небесной свѣтить по землѣ и владѣть днемъ и ночью, а животными звѣрями Моисей ихъ не называлъ». Зизаній: «Да какъ же эти свѣтила движутся и обращаются?» Илья и Гришка: «По повелѣнію Божію, Ангелы служатъ тварь водя». Зизаній: «Воленъ Богъ да государь святѣйшій киръ Филаретъ патріархъ, я ему о томъ и бить челомъ пріѣхалъ, чтобъ мнѣ недоумѣніе мое исправилъ, я и самъ знаю, что въ книгѣ моей много недѣльнаго написано». Илья и Гришка: «Прилагаешь новый вводъ въ Никифоровы правила, чего въ нихъ не бывало, намъ кажется, что этотъ вводъ у тебя отъ Латинскаго обычая; сказываешь, что простому человѣку или иному можно младенца или какого человѣка крестить». Зизаній: «Да это есть въ Никифоровыхъ правилахъ». Илья и Гришка: «У насъ въ Греческихъ Никифоровыхъ правилахъ нѣтъ, развѣ у васъ вновь введено, а мы такихъ новыхъ вводовъ не принимаемъ». Зизаній: «Да гдѣ же у васъ взялись Греческія правила?» Илья и Гришка: «Кипріанъ митрополитъ когда пришелъ изъ Константинограда на Русскую митрополію, то привезъ съ собою правильныя книги христіанскаго закона, Греческаго языка, правила, и перевелъ на Славянскій языкъ, Божіею милостію они пребываютъ и до сихъ поръ безо всякихъ смутковъ и прикладовъ новыхъ вводовъ, да и многія книги Греческаго языка есть у насъ старыхъ переводовъ, а которыя теперь къ намъ выходятъ печатныя книги Греческаго языка, то мы ихъ принимаемъ и любимъ, если они сойдутся съ старыми переводами, а если въ нихъ есть какія нибудь новизны, то мы ихъ не принимаемъ, хотя они и греческимъ языкомъ тиснуты, потому что Греки теперь живутъ въ великихъ тѣснотахъ, въ невѣрныхъ странахъ, и печатать имъ по своему обычаю невозможно». Зизаній: «И мы новыхъ переводовъ Греческаго языка книгъ не принимаемъ же; я думалъ, что въ Никифоровыхъ правилахъ въ самомъ дѣлѣ написано, а теперь

слышу, что у васъ этого нѣтъ, такъ и я не принимаю; простите меня Бога ради, я для того сюда и пріѣхалъ, чтобъ мнѣ отъ васъ здѣсь лучшую науку принять». Илья и Гришка: «Скажи намъ, что еще съ нами объ этой книгѣ хочешь говорить?» Зизаній: «Всегда радъ я съ вами бесѣдовать, а книгу государскаго жалованья я всю прочелъ, прилежно трудился при васъ и безъ васъ, и много просвѣщенія душѣ своей пріобрѣлъ; дивлюсь великой премудрости православнаго государя патріарха: какой разумъ, какой смыслъ, какую великую богодарованную премудрость имѣетъ въ себѣ! какъ онъ государь такую большую книгу въ такое малое время сочинилъ! воистину Богъ дѣйствуетъ въ немъ». При этихъ словахъ Зизаній началъ прижимать книгу къ груди и любезно всюду ее цѣловать. Разговоръ этотъ описанъ Гришкою справщикомъ.

Самымъ плодовитымъ писателемъ Михаилова царствованія былъ князь Семенъ Шаховской. Онъ писалъ и лѣтописи, и похвальныя слова святымъ, и каноны, и разныя посланія. Потерявши три жены одну за другою, онъ женился въ четвертый разъ, но его развели; тутъ онъ написалъ два умильныя посланія — одно къ патріарху Филарету, другое къ Тобольскому архіепископу Кипріану, съ просьбою, чтобъ позволили ему опять жить съ женою, выставляя свою молодость, невозможность жить безъ жены. Въ числѣ его сочиненій находится длинное письмо къ шаху Аббасу отъ имени патріарха Филарета: въ письмѣ этомъ авторъ увѣщеваетъ шаха креститься, но не принимать христіанства отъ папы, ибо, какъ пронесся слухъ, шахъ принялъ къ себѣ ксёндза. Многоглаголивый тамъ, гдѣ вовсе это не нужно, Шаховской до крайности кратокъ въ томъ сочиненіи своемъ, которое при бóльшихъ подробностяхъ одно могло бы имѣть для насъ важное значеніе, именно въ своихъ запискахъ. Шаховской былъ начетчикъ, грамотѣй, владѣлъ книжнымъ языкомъ, писалъ и виршами, но внутреннихъ достоинствъ сочиненія его не представляютъ никакихъ; они страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ, какимъ страдаетъ вообще наша древняя литтература съ XVI вѣка преимущественно — стара-

ніемъ выражаться какъ можно красивѣе, кудреватѣе, подбирать слова и фразы за отсутствіемъ мыслей [26].

Этимъ недостаткомъ страдаютъ и нѣкоторыя лѣтописи. Такъ нечужда ему оффиціальная лѣтопись смутнаго времени, составленная при царѣ Михаилѣ, и изданная подъ именемъ Рукописи Филарета, патріарха Московскаго. Эта лѣтопись важна для насъ въ томъ отношеніи, что она черновая, съ помарками, изъ нея мы можемъ видѣть, какія извѣстія о смутномъ времени хотѣли сохранить въ оффиціальной лѣтописи, составлявшейся въ Михаилово царствованіе, и какія считали нужнымъ уничтожить, какія наконецъ особенно хотѣли распространить и изукрасить. Въ избраніи Шуйскаго первоначально было написано такъ: «Маія 19 день пріидоша на Крайнево мѣсто, глаголемое лобное, весь синклитъ царскаго величества, митрополиты и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены и всякихъ чиновъ люди Московскаго государства, и собрашася весь народъ отъ мала же и даже до велика и нача глаголати о томъ, дабы разослати грамоты во всѣ окрестные грады Московскаго государствія, чтобы изо всѣхъ градовъ съѣзжались въ царствующій градъ Москву вси народи для ради царьсково обиранія и да быша избрали въ соборную апостольскую церковь патріарха, кого Богъ благословитъ. Народи же отвѣщаху: напередъ же патріарха да изберетца царь на царство, и потомъ патріаршское избраніе произвольно будетъ имъ великимъ государемъ; власти же, боляра жъ и тустоящіе людіе начаша глаголати между собою: яко имъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ Шуйскимъ избави Богъ люди отъ прелести вражія и богопроклятаго онаго еретика растриги, ему же нынѣ подобаетъ и царьскій престолъ воспріяти. Сіяжъ слышавше и народи вси воздвигаша гласы свои, да будетъ надъ ними надо всѣми сій князь Василей Ивановичь, утвержаютъ крѣпце совѣтъ сей и нарекоша его государемъ себѣ царемъ и великимъ княземъ всея Русіи». Это извѣстіе показалось не довольно изукрашеннымъ; почли нужнымъ вложить въ уста народа болѣе витіеватую рѣчь, и потому послѣ словъ:

«народи же отвѣщаху» зачеркнуто и внесена другая рѣчь народа: «Яко напреди да изберется самодержавный царь, иже можетъ наше сокрушеніе исцѣлити и раны обезати, нанесенныя богопопустною язвою неблагочестнаго еретика и зловопнаго вепря, ижъ озоба виноградъ Богомъ насажденный. И сего аще Господь царя открыетъ намъ, якожъ древле Саула Израилю, и той убо да изведетъ патріарха пастыря Богомъ снабдимой церкви. И угодно быть сіе слово и начаша глаголати: яко убо обличитель и посрамитель нечестиваго Богопротивника Гришки Отрепьева бысть благородный князь Василей Ивановичь Шуйскій, иже и до смерти мало не пострада отъ плотояднаго того медвѣдя, и за избавленіе Россійскаго народа живота своего не пощадѣ; еще же и отрасль благороднаго корени царьскаго изчадія великихъ государей Россійскихъ; и сего ради, многаго ради мужества и благородія, да врученно будетъ ему царьствія Россійскаго скипетродержаніе. И егда услышась сіе рѣченіе въ собравшемся народѣ, и абіе вси народи предстоящіи ту, яко по нѣкоему благовѣщенію или съ небесе шумящу, или отъ земли возглашающу, воздвигоша гласы своя великими жрѣлы, яко аще рещи и земли противу возглашати, бѣ бо собранныхъ всѣхъ безчисленное сочетаніе и мѣсто необрѣташесь имъ, всѣжъ единогласно глаголюще: «да будетъ царьствуя надъ нами царь и великій князь Василей Ивановичь, иже избавивый насъ отъ належащія пагубы свирѣпаго еретика Гришки Отрепьева. И такъ всѣмъ совѣтомъ избраша на Россійское самодержавство благочестиваго царя Василія».

Послѣ извѣстія о вступленіи князя Скопина-Шуйскаго въ Москву первоначально были помѣщены слова: «Царь же Василей наполнися зависти и гнѣва и не возлюби его за сію бывшую побѣду, якожъ и древле Саулъ позавиде незлобивому Давыду, егда уби Голіяѳа, и поюще Саулу въ тысящахъ, а Давыду во тмахъ, тако и сему князю Михаилу Васильевичу побѣдную пѣснь приношаху и о избавленіи своемъ радовахуся. Оле зависти и рвенію, въ колико нечестіе и погибель пореваетъ

душа благочестивыхъ и во адъ низводитъ и безконечному мученію предаетъ». Это мѣсто зачеркнуто.

Кромѣ этой оффиціальной лѣтописи дошли до насъ другія лѣтописи, сказанія и хронографы, заключающіе въ себѣ извѣстія о смутномъ времени; большая часть этихъ лѣтописей составлена въ царствованіе Михаила, и потому теперь время обратиться къ нимъ, посмотрѣть, какъ въ первой половинѣ XVII вѣка, тотчасъ послѣ смутъ, высказалось въ тогдашней исторической литературѣ сознаніе объ этихъ великихъ и страшныхъ событіяхъ. Прежде всего, разумѣется, мы должны обратиться къ вопросу, какъ представлялись причины смутнаго времени?

При разсматриваніи общаго характера нашей лѣтописи мы замѣтили, что лѣтописцы смотрятъ на всѣ народныя бѣдствія какъ Божіе наказаніе за грѣхи народа [27]. Этотъ взглядъ не измѣнился и въ описываемое время, особенно у лѣтописцевъ, принадлежавшихъ къ духовному званію. Вотъ почему самозванцы и смуты ими произведенныя являются какъ Божіе наказаніе за грѣхи, какъ слѣдствіе нравственнаго паденія жителей Московскаго государства: «Премилостивый и премудрый человѣколюбецъ Богъ нашъ, не хотя созданія своего до конца потребить, видя человѣческое поползновеніе ко грѣху, всячески отвращая насъ и отводя отъ всякихъ неподобныхъ студодѣяній, многія и различныя бѣды и напасти посылаетъ на насъ грозными знаменіями, яростно устрашая насъ и запрещая намъ съ милостивымъ наказаніемъ; были на насъ бѣды многія, пожары, нашествія иноплеменниковъ, голода, смертоносныя язвы и междуусобное нестроеніе; потомъ всѣхъ бѣдъ намъ горчайшее — прекратилъ Богъ у насъ царскій корень. Мы же грѣшные это наказаніе Божіе ни во что вмѣняли, и болѣе еще къ своимъ злымъ дѣламъ уклонились, къ зависти, гордости, отъ неправды не отстали, но на бо́льшую пагубу поострились. Богъ же видя наше неисправленіе, навелъ ради грѣховъ нашихъ сугубое наказаніе: какъ въ древности навелъ Богъ окаяннаго Святополка на Русскую землю, на убійство братіи его: такъ и на нашу православную христіанскую вѣру, на Московское государство на-

велъ этого окаяннаго Гришку; не хотѣлъ Богъ насъ наказать ни царями, ни королями, не хотѣлъ отомстить за праведную кровь царевича Димитрія никакими ордами; но взялъ въ Русской землѣ прахъ отъ земли—этого окаяннаго чернеца Гришку [28]». Здѣсь выставляются общіе грѣхи всей земли; Борисъ Годуновъ не выдѣляется, не выставляется какъ грѣшникъ по преимуществу, навлекшій своими дурными дѣлами бѣдствія на родную землю, и убіеніе царевича Димитрія выставляется какъ общій земскій грѣхъ. Здѣсь слѣдовательно мы имѣемъ дѣло съ общелѣтописнымъ представленіемъ, которое не занимается ближайшею связью между явленіями, не занимается разсматриваніемъ того, какъ, по закону Вѣчной Правды, въ грѣхѣ, въ дурномъ дѣлѣ уже заключаются гибельныя его слѣдствія, заключается наказаніе, какъ въ обществѣ, способномъ сносить неправду, дѣятели стараются достигать своихъ цѣлей путями неправыми, и этимъ самымъ еще болѣе развращаютъ общество; какъ въ обществѣ, допустившемъ неправду, встаетъ смута, смѣшеніе чистаго съ нечистымъ и клятвы съ благословеніемъ. Общелѣтописному воззрѣнію вѣренъ и знаменитый Аврамій Палицынъ; но у него подлѣ народа, казнимаго за нравственное паденіе, является на первомъ планѣ Годуновъ, котораго безнравственныя мѣры, распоряженія и нововведенія возбуждаютъ всеобщую ненависть и способствуютъ нравственному паденію народа [29]; у Палицына встрѣчаемъ указаніе и на причину смуты въ неправильномъ отношеніи сословій, встрѣчаемъ указаніе на характеръ народонаселенія прежепогибшей украйны. Палицынъ, выставивши сильное участіе Годунова въ нравственномъ паденіи народа, которое вызвало наказаніе Божіе, сводитъ согласно съ прежде приведеннымъ лѣтописцемъ, играя противоположностью могущества Борисова и тѣмъ орудіемъ, которымъ было разрушено это могущество: «Много и другаго зла въ насъ дѣлалось, и когда мы увѣрились въ спокойствіи и твердости управленія Борисова, тогда внезапно пришло на насъ всегубительство: не попустилъ Богъ никого отъ тѣхъ, которыхъ остерегался царь Борисъ,

не всталъ на него никто отъ вельможъ, которыхъ роды онъ погубилъ, ни отъ царей чужеземныхъ; но кого попустилъ? смѣху достойно сказаніе, плача же великаго дѣло было!» Наконецъ извѣстный намъ хронографъ причину гибели Борисовой и начало смутъ прямо указываетъ въ отношеніяхъ Бориса къ вельможамъ, которыхъ онъ ожесточилъ [30]. И такъ въ исторической литтературѣ нашей XVII вѣка сталкиваются три воззрѣнія на причины смутнаго времени: воззрѣніе, что народъ былъ наказанъ за грѣхи безъ выдѣленія личностей, особенно грѣховныхъ; то же воззрѣніе съ указаніемъ на такую личность; наконецъ воззрѣніе, ограничивающееся одними личными отношеніями, отношеніями Годунова къ вельможамъ.

Всѣ извѣстія приписываютъ смерть царевича Димитрія Годунову; но потомъ, приступая къ описанію смутнаго времени, нѣкоторые лѣтописцы, какъ мы видѣли, не выставляютъ Годунова главнымъ виновникомъ бѣдствія, его грѣхъ сливается съ массою грѣховъ народныхъ. Одинъ Палицынъ, говоря о смерти царевича Димитрія, старается какъ бы ослабить степень участія въ ней Годунова раздѣленіемъ этого участія съ другими лицами и указаніемъ причины преступленія не въ властолюбіи Годунова, но въ той опасности, которая грозила и Годунову и другимъ отъ Димитрія: «Царевичь Димитрій, приходя въ возрастъ, смущается отъ ближнихъ своихъ, которые указываютъ ему, какъ онъ обиженъ чрезъ удаленіе отъ брата; царевичь печалится, и часто въ дѣтскихъ играхъ говоритъ и дѣйствуетъ противъ ближнихъ брата своего, особенно же противъ Бориса. Враги, ласкатели, великимъ бѣдамъ замышленники, въ десятеро преувеличивая, разсказываютъ объ этомъ вельможамъ, особенно Борису, и отъ многія смуты ко грѣху его низводятъ, и краснѣйшаго юношу насильно отсылаютъ въ вѣчный покой». Этотъ взглядъ на дѣло тѣмъ важнѣе для насъ, что Палицынъ въ другомъ мѣстѣ очень неблагосклонно отзывается о Борисѣ, приписывая ему порчу нравовъ и вредныя нововведенія. Самыми сильными выходками противъ Бориса отличается авторъ ска-

занія о смутномъ времени; онъ въ тоже самое время обличаетъ въ себѣ ревностнаго приверженца Шуйскаго [31], и такимъ образомъ указываетъ источникъ ненависти своей къ Годунову, который у него является убійцею Димитрія, убійцею царя Ѳеодора и многихъ другихъ, похищающимъ царство лукавствомъ и неправдою; появленіе самозванца есть прямо наказаніе Божіе Годунову за его вопіющія преступленія: «Видѣвъ же это всевидящее недреманное око Христосъ, что неправдою восхитилъ Борисъ скипетръ Россійской области, восхотѣлъ ему отомстить пролитіе неповинной крови новыхъ своихъ страстотерпцевъ, царевича Димитрія и царя Ѳеодора Іоанновича и прочихъ неповинно отъ него убіенныхъ, неистовство его и злоубійство неправедное обличить и прочимъ его радѣтелямъ образъ показать, чтобъ не ревновали его лукавой суровости; попустилъ на него врага, главню, оставшуюся отъ Содома и Гомора, или непогребеннаго мертвеца, чернеца, ибо чернецъ, по слову Іоанна Лѣствичника, прежде смерти умеръ, обрѣтши себѣ келлію вмѣсто гроба». Это сказаніе отличается особеннымъ красноглаголаніемъ; таково напримѣръ описаніе двухъ битвъ Борисовыхъ воеводъ съ самозванцемъ; описаніе первой: «Войско съ войскомъ скоро сходится; какъ двѣ тучи наводнившись темны бываютъ къ пролитію дождя на землю: такъ и эти два войска сходятся между собою на пролитіе крови человѣческой; какъ громъ не въ небесныхъ, а въ земныхъ тучахъ пищальный стукъ; былъ вопль и шумъ отъ голосовъ человѣческихъ и оружный трескъ такой, что земля тряслась и нельзя было разслышать, что одинъ говорилъ другому; брань была престрашная, какъ на Дону у великаго князя Димитрія съ Мамаемъ». Очевиденъ образецъ краснорѣчія, который имѣлъ передъ глазами нашъ авторъ — Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. Описаніе второй битвы: «Какъ ясные соколы на сѣрыхъ утятъ, или бѣлые кречеты носы чистятъ ко клеванію и остры когти къ вонзенію въ плоть, крылья расправляютъ и плечи натягиваютъ къ убійству птичному: такъ воеводы, поборники православной христіанской вѣры съ христолюбивымъ своимъ вой-

скомъ противъ сатанина угодника и бѣсовозлюбленнаго его воинства въ брони облачаются» и проч.

Къ Борису нѣкоторые лѣтописцы равнодушны, другіе съ восторгомъ отзываются о его достоинствахъ, хотя и указываютъ на недостатки, бывшіе причиною его погибели; нѣкоторые, писавшіе очевидно подъ вліяніемъ духа партіи, сильно чернятъ его память. Вообще лѣтописцы снисходительнѣе къ Шуйскому, хотя большинство изъ нихъ смотритъ на него, какъ на человѣка, поторопившагося взять въ свои руки верховную власть и оказавшагося неспособнымъ удержать ее; нѣкоторые впрочемъ безусловно превозносятъ его. Но относительно Лжедимитрія всѣ отзывы согласны не въ пользу его. Это явленіе понятно: никто не сочувствуетъ палачу, потому только что онъ исполнитель справедливаго приговора надъ преступникомъ, не могли сочувствовать и предки наши орудію кары небесной за грѣхи цѣлаго народа или одного Годунова; и люди, коснувшіеся (впрочемъ очень слегка, очень боязливо) вопроса о подстановкѣ, не раздѣляя общаго мнѣнія о сверхъестественныхъ причинахъ появленія Лжедимитрія, могли не сочувствовать его личности и поступкамъ, уже не говоря о томъ, что не хотѣли высказывать этого сочувствія. Большинство, какъ проговорился Палицынъ, любило Лжедимитрія; но люди изъ большинства обыкновенно не записываютъ своихъ мнѣній; притомъ же большинство было напугано страшными словами, страшными отзывами, которые повторялись людьми, имѣющими высшій авторитетъ, людьми знающими, разумными, а большинство, особенно въ то время, было болѣе всего способно повѣрить этимъ отзывамъ и напугаться ими, въ слѣдствіе чего могло даже возненавидѣть прежняго любимца, когда было объявлено и утверждено, что онъ былъ еретикъ и чернокнижникъ. Откуда же взялось это представленіе о еретичествѣ Лжедимитрія? Ежедневный опытъ учитъ насъ, что люди, не получившіе посредствомъ образованія, посредствомъ науки привычки идти на встрѣчу явленіямъ новымъ, непонятнымъ, вступать съ ними въ борьбу и наконецъ одолѣвать ихъ какъ древняго сфинкса раз-

гадкою ихъ загадокъ,—такіе люди всякое явленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, приписываютъ дѣйствію таинственныхъ, сверхъестественныхъ силъ; кромѣ уже того, что самозванецъ являлся орудіемъ врага рода человѣческаго какъ виновникъ смутъ и бѣдствій, онъ являлся такимъ еще какъ другъ иновѣрцевъ, какъ вводитель чуждыхъ обычаевъ, какъ человѣкъ несообразовавшійся съ принятыми, освященными уставами и обычаями. Слово ересь въ то время имѣло обширнѣйшее и часто превратное значеніе, ибо значеніе религіозное, вѣчное, неизмѣняемое, божественное придаваемо было и тому, что не имѣло ничего общаго съ нимъ, придаваемо было формѣ, внѣшнему, измѣняемому; то, что въ самомъ дѣлѣ было ересью, какое-нибудь неправильное, нелѣпое толкованіе мѣста св. Писанія, основанное на непонятомъ, искаженномъ мѣстѣ церковнаго писателя, не казалось ересью; но страшною ересью являлось нарушеніе принятаго, освященнаго древностію обычая: оно производило могущественное, тяжелое впечатлѣніе, нарушало весь строй жизни, не давало покоя, порывало священную связь съ отцами умершими, являлось грѣховныхъ возстаніемъ противъ ихъ памяти, противъ ихъ жизни. При отсутствіи духовнаго простора, при господствѣ внѣшняго, формы, при неразвитости духовныхъ, настоящихъ, самыхъ крѣпкихъ основъ народности, однообразіе, сходство внѣшняго, формы служили единственною связью между членами общества, членами народа. Эта неразвитость внутренней, духовной народной связи, неразвитость народности вообще, производило то, что человѣкъ, порвавшій внѣшнюю связь съ своимъ народомъ, разрывалъ съ нимъ окончательно; такъ окончательно разорвали съ отечествомъ тѣ молодые люди, которые были отправлены при Годуновѣ за границу; князь Хворостининъ также не хотѣлъ оставаться въ Россіи; слышали мы и опасенія князя Ивана Голицына: «Русскимъ людямъ служить вмѣстѣ съ королевскими людьми нельзя ради ихъ прелести: одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины Русскихъ лучшихъ людей, не только что боярскихъ людей, останется

кто старъ или служить не захочетъ, а бѣдныхъ людей не останется ни одинъ человѣкъ». Понятно слѣдовательно, почему общество преслѣдовало всякое нарушеніе отцовскаго обычая какъ измѣну, и такъ какъ внѣшнее, формы имѣли религіозное значеніе, а Русскій народъ своимъ вѣроисповѣданіемъ разнился отъ другихъ Европейскихъ народовъ, отдѣлить же сознательно правды своего вѣроисповѣданія отъ внѣшняго, формъ не могъ, не могъ понять, что православіе не имѣетъ ничего общаго съ бородою, употребленіемъ телятины въ пищу и т. п.,—то всякое измѣненіе своего внѣшняго, измѣняемаго на чужое внѣшнее, измѣняемое же считалось измѣненіемъ основнаго, существеннаго, религіознаго, считалось необходимо ересью, грѣхомъ; да и дѣйствительно, какъ мы видѣли, люди измѣнявшіе внѣшнее, однимъ этимъ не ограничивались опять по недостатку сознанія объ отдѣльности внѣшняго отъ внутренняго, существеннаго отъ несущественнаго, по привычкѣ все это смѣшивать; Русскій человѣкъ, выѣхавшій за границу, одѣвшись въ иностранное платье, принявши чужіе обычаи, измѣнялъ съ тѣмъ вмѣстѣ и вѣрѣ отеческой, ибо о вѣрѣ этой онъ яснаго понятія не имѣлъ, она въ его представленіи неразрывно была соединена съ обычаями, внѣшностями, отъ которыхъ онъ отказался, и въ слѣдствіе этой-то неразрывной связи отказавшись отъ одного, онъ не могъ не отказаться отъ другаго.

Такимъ образомъ объясняется намъ, почему Лжедимитрій является въ современныхъ литтературныхъ памятникахъ какъ еретикъ и чернокнижникъ, орудіе темной, адской силы: онъ измѣнилъ древнимъ обычаямъ, окружилъ себя чужими, иновѣрцами, еретиками, хвалилъ чужое, смѣялся надъ своимъ; онъ явился слишкомъ рано еще, именно столѣтіемъ раньше; люди, которые могли не оскорбиться его поведеніемъ, не составляли въ это время даже и меньшинства, они составляли исключеніе; притомъ же въ послѣдствіи открыли, что онъ былъ самозванецъ, обманщикъ, обольститель, слѣдовательно необходимо орудіе духа лжи и обольщенія; наконецъ явился невѣдомо какъ, достигнулъ царства изумительными, чудесными для боль-

шинства средствами. Самъ Палицынъ, безспорно разумнѣйшій изъ тогдашнихъ грамотѣевъ, говоритъ, что Лжедимитрій былъ чернокнижникъ, еще въ молодости навыкшій чернокнижію. Впрочемъ свидѣтельство о чернокнижіи Лжедимитрія можно принимать и буквально: при умственной неразвитости людей того времени таинственныя знанія, книги, въ которыхъ они заключались, имѣли неотразимую прелесть для молодыхъ людей живыхъ, у которыхъ сильно работали мысль и воображеніе, которые хотѣли узнать побольше того, что могли имъ предложить тогдашніе мудрецы—нечернокнижники; очень легко могло быть, что въ рукахъ пылкаго, пытливаго Отрепьева видали и запрещенныя книги, какіе-нибудь Аристотелевы врата.

Если Лжедимитрій былъ еретикъ и чернокнижникъ, то, разумѣется, съ такимъ же характеромъ, и даже еще въ сильнѣйшей степени, явилась жена его Марина, еретица, воруха, Латынской вѣры дѣвка, Луторка и Калвинка. Сочетаніе трехъ послѣднихъ отзывовъ объ одномъ и томъ же лицѣ, сочетаніе, встрѣчаемое въ писаніяхъ тогдашнихъ грамотѣевъ, разумѣется, поражаетъ насъ теперь; но предки наши не обращали вниманія на различіе исповѣданій; они употребляли эти три названія—Латынецъ, Люторъ, и Калвинъ, какъ бранныя, говоря о всякомъ чужомъ, о всякомъ западникѣ. Требованіе перекрещиванія отъ людей другихъ христіянскихъ исповѣданій, переходящихъ въ православіе, всего лучше объясняетъ намъ дѣло, всего лучше показываетъ намъ, какое сильное впечатлѣніе производило на нашихъ предковъ слово: чужой; это магическое слово отнимало способность находить въ человѣкѣ другаго христіанскаго исповѣданія что-либо сходное, находить общую основу и вмѣстѣ опредѣлить, какое изъ этого исповѣданій ближе къ нашему, и какое дальше.

Что касается представленія о другихъ знаменитыхъ дѣятеляхъ смутной эпохи, выраженнаго въ современныхъ литтературныхъ памятникахъ, то оно очень неудовлетворительно, очень не ясно. Живыхъ людей, съ рѣзко опредѣленнымъ образомъ мы не найдемъ ни въ Скопинѣ, ни въ Ляпуновѣ, ни въ По-

жарскомъ, ни въ Мининѣ, какъ они представляются въ лѣтописяхъ и сказаніяхъ. Разсказываются ихъ внѣшніе подвиги, произносятся похвальные отзывы въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ, идущихъ ко всякому другому хорошему человѣку. Отъ Скопина-Шуйскаго не дошло до насъ ни одного слова, не дошло ни записокъ, ни писемъ, ни его собственныхъ, ни людей къ нему близкихъ, въ слѣдствіе чего фигура эта представляется историку покрытою съ головы до ногъ пеленою: можно догадываться, что это что-нибудь величественное, но что именно — не знаемъ. Точно также безжизненною представлялась бы намъ и фигура другаго вождя-освободителя, Пожарскаго, если бы мы должны были ограничиться одними лѣтописями, еслибъ, по счастію не дошло до насъ описаніе Новгородскаго посольства къ Пожарскому въ Ярославль; тутъ сказалъ Пожарскій нѣсколько словъ о себѣ, о своемъ положеніи, о другихъ лицахъ,—и прорѣзалъ яркій лучь и освѣтилъ, оживилъ образъ! Но все это нѣсколько словъ только! Яснѣе представляется характеръ Ляпунова уже по самому разнообразію его внѣшней дѣятельности, не допускающей сначала до конца общихъ, неопредѣленныхъ отзывовъ. Въ дѣятельности Минина много темнаго, недосказаннаго: тоже таинственный образъ! Любопытно, что если въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ фигура Минина стирается предъ фигурою Пожарскаго, то въ народномъ представленіи, какъ оно записано въ одномъ хронографѣ [32], Мининъ является исключительнымъ дѣятелемъ при освобожденіи Москвы. Здѣсь видно явное желаніе противопоставить его боярину князю Трубецкому, при чемъ лице Пожарскаго, какъ мѣшавшее силѣ желаннаго впечатлѣнія, отстранено: «Призвавши Бога на помощь, хотя и неискусенъ стремленіемъ, но смѣлъ дерзновеніемъ, пошелъ Кузьма къ царствующему граду. Въ то время стоялъ съ войскомъ князь Дмитрій Трубецкой, и услыхавъ, что идетъ Кузьма Мининъ съ войскомъ, отступилъ прочь, говоря: «Уже мужикъ нашу честь хочетъ взять на себя, а наша служба и радѣніе ни во что будетъ». И свѣдалъ келарь Троицкій, Аврамій Палицынъ, что Дмитрій Тру-

бецкой съ товарищемъ своимъ Прокофьемъ Ляпуновымъ (?) прочь отступилъ отъ кремля города; и пріѣхалъ келарь въ полки князя Дмитрія Трубецкаго, началъ его молить, что тотъ мужикъ пришелъ къ тебѣ на помощь, а не честь вашу похищать; и едва умолилъ князя Дмитрія. А въ то время Кузьма Мининъ съ своимъ войскомъ облегъ городъ Кремль, и началъ Трубецкой говорить: «Я стою подъ городомъ Москвою немалое время, а взялъ Бѣлгородъ и Китай; что будетъ у мужика того, увижу его промыселъ!» И поѣхалъ келарь въ полки Нижегородскіе къ Кузьмѣ Минину и говорилъ: «Я едва умолилъ князя Дмитрія Тимоѳеевича, а ты, Кузьма Миничь, не прекословь ему ни въ чемъ, ополчайся какъ тебя Богъ наставитъ», и отъѣхалъ въ свой монастырь. На другой день Кузьма отряжаетъ два полка и т. д.» — Патріархъ Гермогенъ вообще является въ лучезарномъ блескѣ, и самый блескъ этотъ препятствуетъ различать отдѣльныя черты въ образѣ; только предатель-хронографъ нашептываетъ слова, нарушающія общее впечатлѣніе.

Къ сказаніямъ, содержаніе которыхъ составляютъ событія смутнаго времени, принадлежатъ два сказанія, составленныя во Псковѣ. Они замѣчательны потому, что въ нихъ высказались взгляды двухъ противоположныхъ, враждебныхъ сторонъ, стороны лучшихъ и стороны меньшихъ людей. Въ нашей исторіи, при описаніи борьбы этихъ сторонъ во Псковѣ, мы держались лѣтописнаго разсказа именно по его относительному, по крайней мѣрѣ, безпристрастію: ибо лѣтописецъ, хотя и сильно вооружается противъ воеводы и лучшихъ людей, однако не щадитъ и меньшихъ, когда они начали приликать съ Кудекушею. Но въ одномъ изъ упомянутыхъ сказаній событія представлены такъ, что поступки лучшихъ людей являются постоянно въ хорошемъ свѣтѣ, поступки меньшихъ въ дурномъ. Сказаніе это носитъ заглавіе: «О смятеніи и междоусобіи и отступленіи Псковичь отъ Московскаго государства, и какъ быша послѣди бѣды и напасти на градъ Псковъ отъ нашествія поганыхъ и плѣненія, пожаръ, гладъ, и откуду начаша злая сія быти и въ кое время». Въ сказаніи вотъ какъ

описывается начало смуты: «Явились въ Псковскихъ пригородахъ смутныя грамоты отъ вора изъ–подъ Москвы, на прельщеніе малодушныхъ, и возмутились люди, начали крестъ ему цѣловать. Въ то же время вскорѣ умеръ епископъ Геннадій отъ кручины, услыхавъ такую прелесть; во Псковѣ люди стали волноваться, заслыша, что кто-то идетъ отъ ложнаго царя съ малою ратью. Воеводы, видя такое смятеніе въ народѣ, много укрѣпляли его, но не могли уговорить; народъ схватилъ лучшихъ людей, гостей и пометалъ ихъ въ тюрьму, а воеводы послали въ Новгородъ за помощію. Въ то же время какой-то врагъ креста Христова распустилъ слухъ, что Нѣмцы будутъ во Псковъ; тогда нѣкоторые мятежники возопили въ народѣ, что Нѣмцы пришли къ мосту на Великой рѣкѣ; тутъ всѣ возмутились, схватили воеводъ, посадили въ тюрьму, а сами послали за воровскимъ воеводою Плещеевымъ и цѣловали крестъ вору, начали быть въ своей волѣ, взбѣсились и лихоимствомъ разгорѣлись на чужое имѣніе. Осенью пришли во Псковъ изъ Тушинскаго стана мучители, убійцы и грабители, объявляя малоумнымъ державу его и власть, а эти окаянные воздали хвалу темной державѣ его, начали хвалиться предъ ними своимъ радѣніемъ къ вору, и клеветать на тѣхъ богомольцевъ и страдальцевъ, которые не хотѣли преклонить колѣна Ваалу, на городскихъ начальниковъ и нарочитыхъ мужей, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ; лютые звѣри извлекли ихъ изъ тюрьмы и уморили, однихъ на колья посадили, другимъ головы отсѣкли, прочихъ различными муками мучили, имѣніе ихъ побрали, боярина же Петра Никитича Шереметева въ тюрьмѣ удавили, и, побравши имѣніе во владычнѣ дворѣ, по монастырямъ, у городскихъ начальниковъ и у гостей, отъѣхали подъ Москву къ своему ложному царю, и тамъ послѣ были побиты своими». Это извѣстіе о поступкѣ Тушинцевъ очень правдоподобно, но почему его нѣтъ у лѣтописца? Лѣтописецъ Тушину не благопріятствовалъ, называетъ безумными тѣхъ, которые цѣловали крестъ Тушинскому царю?

Опустивши причины народнаго возстанія на лучшихъ людей,

причины, разсказанныя у лѣтописца, а именно посаженіе въ тюрьму гонца отъ казачьяго атамана и бѣгство духовныхъ лицъ къ непріятелю, авторъ Сказанія, послѣ описанія большаго пожара, говоритъ: «чернь и стрѣльцы начали грабить имѣніе у нарочитыхъ людей и, по наущенію дьявольскому, стали говорить: «бояре и гости городъ зажгли!» и начали въ самый пожаръ камнями гнать ихъ, и тѣ побѣжали изъ города; а на другой день стали волочить нарочитыхъ дворянъ и гостей, мучить и казнить и въ тюрьмы сажать неповинныхъ, начальниковъ городскихъ и церковный чинъ.» Описавши вторичное торжество меньшихъ людей, лѣтописецъ прибавляетъ: «Далъ Богъ безъ крови разошлись, а еслибъ воля лучшихъ людей сотворилась, то было бы крови много; которые изъ нихъ въ Новгородъ отъѣхали, тѣхъ имѣніе переписали, а которые въ Печорахъ и во Псковѣ крылись, тѣхъ имѣнія не переписывали.» Совершенно иначе разсказываетъ дѣло авторъ нашего сказанія: «которыхъ отыскали православныхъ неповинныхъ (меньшіе люди-побѣдители), тѣхъ влекли на сонмище, мучили, въ палаты и погреба пустые пометали, которые же изъ города побѣжали душою да тѣломъ, у этихъ женъ метали въ погреба, а потомъ мучили и смерти предавали, входили въ домы ихъ, ѣли, пили и веселились, имѣнія ихъ по себѣ раздѣлили; кто былъ въ тюрьмѣ, тотъ отдалъ послѣднее, чтобъ откупиться отъ муки и смерти, у кого же не было что дать, тѣ были замучены или въ темницѣ померли, и жены и дѣти по міру ходили. Было такихъ страдальцевъ, мужчинъ и женщинъ больше двухъ сотъ, и страдали они до тѣхъ поръ, пока ни пришелъ ложный царь и воръ Матюшка: онъ освободилъ ихъ всѣхъ и вмѣсто ихъ заточилъ ихъ гонителей, и такимъ образомъ всѣ приняли возмездіе по своимъ дѣламъ.» И такъ послѣдній самозванецъ Матюшка или Сидорка является дѣйствующимъ въ пользу лучшихъ людей противъ меньшихъ. Но въ томъ же сказаніи вотъ что говорится объ этомъ самозванцѣ: «явился воръ въ Иваньгородѣ, и начали къ нему такіе же воры и убійцы собираться; изъ Новгорода козаки, изъ Пскова стрѣль-

цы. Псковскіе граждане отказались принять его, и онъ приходилъ подо Псковъ съ нарядомъ стѣнобитнымъ и наметнымъ, но граждане крѣпко противъ него стали, и онъ ничего не успѣлъ сдѣлать городу. Нѣмцы послали на него войско изъ Новгорода, и окаянный бѣжалъ изъ подъ Пскова. Тогда Псковичи, не зная что̀ дѣлать и куда приклониться, не надѣясь ни откуда получить помощи, положили призвать къ себѣ ложнаго царя, послали отъ всѣхъ чиновъ людей бить ему челомъ, послали повинную. Окаянный обрадовался и пришелъ во Псковъ вскорѣ, и начали къ нему собираться многіе, которые радовались крови и чужому имѣнію; къ тому же онъ любилъ поганыхъ, Литву и Нѣмцевъ, было гражданамъ большое насиліе и правежъ въ кормахъ и во всякой дани, и многихъ замучили. Псковичи стали тужить. Литва въ это время осаждена была въ Москвѣ Русскими людьми, и прислали оттуда нѣкоторыхъ нарочитыхъ людей дозрѣть прелести этого новопарекшагося царя, и дозиратели эти, боясь смерти, не обличили его; но потомъ, найдя удобное время, когда онъ отослалъ своихъ ратныхъ людей подъ Порховъ, сговорились съ гражданами, схватили его и свели подъ Москву.» Любопытныя подробности встрѣчаемъ въ сказаніи и о пребываніи Лисовскаго во Псковѣ: «Псковичи, услыхавши, что панъ Лисовскій съ Литвою и Русскими людьми стоитъ въ Новгородской землѣ, въ Порховшинѣ, послали къ нему бить челомъ, чтобъ шелъ во Псковъ съ Русскими людьми, и онъ, поплѣнивши Новгородчину, пришелъ во Псковъ; его самого пустили въ городъ, а Литву поставили за городомъ на посадѣ и въ Стрѣлецкой слободѣ: но мало-по малу начала и Литва входить въ городъ, казну многую пропивать и платьемъ одѣваться, потому что было множество у нея золота, серебра и жемчугу, послѣ разграбленія славныхъ городовъ, Ростова, Костромы, монастырей Пафнутьевскаго, Колязинскаго и другихъ, гдѣ они раки святыхъ разсѣкали, сосуды и образные оклады грабили, было у нихъ также множество плѣнниковъ, женщинъ, дѣвицъ и отроковъ. Когда все это они проворовали и проиграли въ зернь и про-

пили, то стали грозить гражданамъ: «мы уже много городовъ поплѣнили и разорили, тоже будетъ отъ насъ и этому городу Пскову, потому что весь животъ нашъ здѣсь положенъ въ корчмѣ.» Граждане, слыша это, пришли къ варвару и начали льстивыми словами говорить, чтобъ шелъ на выручку къ Ивань-городу, который тогда осаждали Шведы: «а мы казну соберемъ и пришлемъ къ тебѣ,» говорили Псковичи. Лисовскій согласился, вышелъ изо Пскова со всѣми своими людьми, и послѣ только догадался, что Псковичи обманули его, но уже было поздно». Наконецъ въ этомъ сказаніи находимъ любопытное извѣстіе объ отношеніяхъ Пскова къ Ливоніи во время смутнаго времени: «Велика милость Пречистой Богородицы Печерской, что только мимо своего дома (Печерскаго монастыря) не затворила пути къ Литовскому рубежу въ Ливонскую землю, откуда во все это время хлѣбъ шелъ во Псковъ, потому что миръ великій имѣли мѣщане съ Псковичами; если бы эта земля не подмогла хлѣбомъ, то Псковичи никакъ не избыли бы отъ поганыхъ.»

Теперь обратимся къ сказанію, написанному въ противоположномъ духѣ, въ духѣ меньшихъ людей, въ духѣ собственно Псковскомъ, съ сильнымъ нерасположеніемъ къ Москвѣ, ко всему, что̀ тамъ дѣлалось, преимущественно къ боярамъ, ихъ поведенію и распоряженіямъ. Если на извѣстія, заключающіяся въ предыдущемъ сказаніи, мы сочли себя въ правѣ смотрѣть подозрительно, подмѣтивши односторонній взглядъ, взглядъ партіи, то еще съ большею подозрительностію должны смотрѣть на извѣстія втораго сказанія, ибо здѣсь встрѣчаемъ явныя искаженія событій. Сказаніе носитъ заглавіе: «о бѣдахъ и скорбехъ и напастехъ, иже бысть въ Велицѣй Россіи Божіимъ наказаніемъ, грѣхъ ради нашихъ, напослѣдокъ дней осмаго вѣка, а въ началѣ второсотнаго лѣта.»—«Сбылось, говоритъ авторъ, слово апостола Іоанна Богослова: ангелъ Господень возлилъ фіалы на землю, въ море и на всю тварь, да погибнетъ, да останется третья часть во всей твари живущихъ. Не знаю чужихъ странъ, не смѣю говорить, что̀ тамъ творится. Но здѣсь

въ Великой Россіи всѣ люди знаютъ, что не осталось отъ этихъ злыхъ бѣдъ и напастей и тысячной доли, потому что гдѣ прежде жило 1,000 или 100 человѣкъ, тамъ изъ тысячи едва одинъ остался, и тѣ въ скорбяхъ, налогахъ и бѣдахъ отъ сильныхъ градодержателей и лукавыхъ людей продаются и насилуются.» На первыхъ строкахъ слѣдовательно мы уже встрѣчаемся съ этимъ знакомымъ намъ припѣвомъ Псковской лѣтописи, съ этою жалобою на воеводъ, откуда все зло, все нерасположеніе Псковичей къ Москвѣ. Сказаніе обвиняетъ Шуйскаго въ усиленіи смуты, потому что, говоритъ оно, послѣ побѣдъ надъ возмутителями, «дьяволъ разжегъ царя похотію на блудъ; онъ оставилъ войско свое, пришелъ въ царство свое, взялъ жену, началъ ѣсть, пить и веселиться.» Сказаніе передаетъ за достовѣрное объ отравленіи князя Скопина-Шуйскаго женою дяди его, Димитрія Шуйскаго, которая называется Христиною. О сверженіи Шуйскаго разсказывается такимъ образомъ: «однажды люди всѣхъ чиновъ собрались къ патріарху Гермогену на совѣтъ, и говорили: не хотимъ этого царя Василія видѣть на царствѣ, пошли къ Польскому королю Сигизмунду, чтобъ далъ намъ на царство сына своего Владислава. Патріархъ долго уговаривалъ ихъ, что и прежде много напасти было отъ Польскихъ людей, когда приходили съ Гришкою Отрепьевымъ, а теперь чего еще надѣетесь? только конечнаго разоренія царству и вѣрѣ? или нельзя вамъ избрать на царство изъ князей Русскихъ? Князья и бояре отвѣчали ему: «не хотимъ своего брата слушаться; ратные люди царя изъ Русскихъ не боятся и не служатъ ему.» Тогда патріархъ, посовѣтовавшись съ боярами и съ народомъ, отправилъ пословъ къ королю Польскому, чтобъ далъ имъ сына своего на царство и чтобъ королевичь крестился по закону Греческому. Но поганый король умыслилъ лесть и сказалъ: «какъ мнѣ вамъ вѣрить? у васъ царь сидитъ на царствѣ, а просите у меня сына моего на царство; если приведете царя вашего съ братьями сюда, то я дамъ вамъ сына моего.» Тогда собрались нѣкоторые отъ боярскаго рода, измѣнники и нарушители хри-

стіянству, любящіе поганскіе обычаи и законы, устремились они въ палаты къ царю, исторгли у него изъ рукъ посохъ царскій, свели съ царства, постригли и свезли съ братьями къ королю подъ Смоленскъ. Когда услышалъ король, что цѣловали крестъ сыну его въ Москвѣ и на Руси, то поганый умыслилъ такой отвѣтъ посламъ Русскимъ: «что вы ко мнѣ пришли за сыномъ? какъ мнѣ вамъ его дать? вы одного своего царя убили, другаго теперь ко мнѣ какъ плѣнника привели: что̀ же сдѣлаете съ моимъ сыномъ? онъ вамъ не единовѣрецъ, не Русскій родомъ, вы съ нимъ еще хуже сдѣлаете что-нибудь; но если вся Русь цѣлуетъ крестъ мнѣ королю, то дамъ вамъ сына моего на царство.» И послалъ гетмана, пана Жолкѣвскаго на Московское государство со многими людьми, приказавши ему привести всѣхъ людей къ крестному цѣлованію на его королевское имя; но въ Москвѣ люди этого не захотѣли, и сказали: «не цѣлуемъ креста королю Польскому.» И сбылось на царствующемъ градѣ Москвѣ тоже, что̀ и на Іерусалимѣ, который былъ плѣненъ въ самый праздникъ пасхи Антіохомъ. Услыхали объ этомъ нѣкоторые православные на Низу; начальникомъ у нихъ былъ нѣкто отъ простыхъ людей, но теплый вѣрою и поборникъ по христіянствѣ, именемъ Козма Мининъ: собравши множество имѣнія по городамъ на людяхъ, онъ нанялъ войско и передалъ его князю Дмитрію Пожарскому, и самъ съ нимъ. Когда пришли поганые Польскіе люди на князя Дмитрія Пожарскаго и начали гнать, то дьяволъ вложилъ древнюю гордость въ князя Дмитрія Трубецкаго, не вышелъ онъ на помощь брату своему, потому что самъ себя считалъ выше: «я осадилъ городъ,» говорилъ онъ; тогда христолюбецъ Козма пришелъ въ полкъ князя Трубецкаго и началъ со слезами молить ратныхъ людей о любви, да помогутъ другъ другу, обѣщая имъ большіе дары. Въ этотъ часъ воздвиженія поднялся у нихъ голосъ, всѣ какъ львы заревѣли, и пошли конные и пѣшіе на поганыхъ.» — Такимъ образомъ демократическое Псковское Сказаніе отплатило Палицыну за то, что онъ въ своемъ Сказаніи поставилъ Минина въ такой

тѣни: Псковское Сказаніе подвигъ Палицына приписало Минину, не сказавши ни слова о знаменитомъ келарѣ, который такъ любилъ самъ поговорить о себѣ.

Объ избраніи царя Михаила Сказаніе говоритъ слѣдующее: «начальники опять захотѣли себѣ царя иновѣрнаго, но народъ и ратные люди не согласились, и вмѣсто храбраго князя Михаила Скопина воздвигъ Богъ втораго Михаила нечаемаго, котораго Самъ избралъ. Какъ въ старину Царьградъ очистился Михаиломъ царемъ отъ Латинъ, такъ теперь на Руси Богъ воздвигъ на царство тезоименитаго Архистратигу силы Его Михаила, кроткаго, тихаго царя, Христова подражателя. Былъ царь молодъ, когда сѣлъ па царство, лѣтъ 18, но былъ добръ, тихъ, кротокъ, смиренъ и благоувѣтливъ, всѣхъ любилъ, всѣхъ миловалъ и щедрилъ, во всемъ былъ подобенъ прежнему благовѣрному царю и дядѣ своему Ѳеодору Ивановичу. Не было у него еще столько разума, чтобъ управлять землею, но боголюбивая его мать, инока великая старица Марѳа правила подъ нимъ и поддерживала царство съ своимъ родомъ, ибо отецъ его былъ еще тогда въ плѣну у короля Польскаго. Но и тому благочестивому и праведному царю, смиренія его ради, не безъ мятежа сотворилъ державу дьяволъ, опять возвыся владѣющихъ на мздоиманіе, опять стали они насиловать православныхъ, беря ихъ въ работу себѣ. Люди, оставшіеся въ живыхъ, начали собираться по городамъ, выходя изъ плѣна Литовскаго и Нѣмецкаго; но эти окаянные, какъ волки, забирали ихъ себѣ, позабывши прежнее свое наказаніе, какъ отъ своихъ рабовъ разорены были, опять на тоже устремились, а царя ни во что вмѣнили и не боялись его, потому что былъ молодъ. Они его и лестію уловили: когда посадили его на царство, то къ присягѣ привели, что не будетъ казнить смертію никого изъ нихъ, роду вельможескаго и боярскаго, но только разсылать въ заточеніе; такъ окаянные умыслили; а кому изъ нихъ случится быть въ заточеніи, то другъ за друга ходатайствуютъ. Всю землю Русскую раздѣлили они по своей волѣ, царскія села себѣ побрали, а царю было неиз-

вѣстно, потому что писцовыя книги въ разореніи погибли; а на царскую потребу и расходы собирали со всей земли оброки и дани и пятую часть имѣнія у тяглыхъ людей. Послалъ государь подъ Смоленскъ своихъ государевыхъ воеводъ, князя Дмитрія Мастрюкова (Черкасскаго) да князя Ивана Троекурова, и воеводы эти государевымъ дѣломъ промышляли съ радѣніемъ, и едва города не взяли; но бояре этихъ воеводъ перемѣнили и другихъ послали, новые воеводы распоряжались уже не такъ, на нихъ напала Литва, осадила ихъ, сдѣлался большой голодъ; осажденные нѣсколько разъ посылали къ государю просить хлѣба, но бояре этихъ посланныхъ въ тюрьму сажали, отъ царя таили; тогда ратные люди, не стерпя голоду, отошли отъ Смоленска прочь, и начали свою землю воевать и людей мучить, сердясь на бояръ. Таково то было попеченіе боярское о землѣ Русской! Потомъ пришелъ Шведскій король подъ Псковъ со многими Нѣмецкими людьми и съ нарядомъ; къ государю царю много разъ посылали о выручкѣ: но всѣхъ этихъ посланниковъ бояре царю не показали, держали въ заперти, а государя утѣшали, говоря, что поганыхъ немного, а въ городѣ людей много, о людской же печали и голодѣ не сказали ему, а гонцовъ отсылаютъ назадъ съ радостною вѣстію, что тотчасъ государь посылаетъ войско вамъ на выручку. Царь захотѣлъ сочетаться законнымъ бракомъ, и обручена была царица Анастасія Ивановна Хлопова; но врагъ дьяволъ научилъ нѣкоторыхъ сродниковъ, царской матери племянниковъ, остудить царицу царской матери, нѣкоторымъ чародѣйствомъ ненависть произвели, разлучили ее съ царемъ и послали въ заточеніе. Когда пришелъ митрополитъ Филаретъ и посвященъ былъ въ патріархи, то началъ земскими дѣлами управлять и сталъ говорить сыну о бракѣ: «хочешь взять за себя дочь Литовскаго короля, этимъ примиришь его себѣ и города, взятые у тебя, отдастъ назадъ.» Но Михаилъ не согласился. Тогда мать и отецъ посылаютъ къ Датскому королю сватать дочь его за царя; король отказалъ: «прежде брата моего взяли къ вамъ на Русь при царѣ Борисѣ, кото-

рый хотѣлъ отдать за него дочь свою Ксенію; но какъ пріѣхалъ въ Москву, то и часу тутъ не жилъ, отравою уморили его; тоже и дочери моей сдѣлаете теперь.» Опять отецъ и мать стали уговаривать царя жениться; но онъ отвѣчалъ: «сочетался я бракомъ по закону Божію, обручена мнѣ царица; кромѣ ея другой не хочу взять.» Отецъ хотѣлъ послать за нею, но сказали ему, что она испорчена, неплодна и больна; долго развѣдывали, кто такъ сдѣлалъ надъ нею? Нашлись окаянные дѣти Михайлы Салтыкова, два брата, царевой матери племянники, Борисъ да Михайла, повинились, что сдѣлали это изъ боязни, что ихъ удалятъ отъ царева лица и сана своего лишатся; осудили ихъ на заточеніе, а на смерть не осудили по причинѣ родства съ царемъ, отецъ же ихъ умеръ въ Литвѣ. Потомъ послали докторовъ къ царицѣ; доктора ее вылѣчили, и патріархъ хотѣлъ царя вѣнчать съ нею, но царева мать клятвами закляла себя, что не быть ей въ царствѣ у сына, если онъ женится на этой царицѣ. Царь не захотѣлъ разлучиться съ матерью и оскорбить ее, человѣческое существо матери не раздражилъ, Хлопову за себя не взялъ, хотя отъ отца своего много укоризны принялъ» [33].

Приведенное сказаніе носитъ ясные признаки, что оно составлялось по стоустой молвѣ народной. Дошли до насъ и пѣсни народныя, которыя имѣютъ содержаніемъ событія смутнаго времени. Такова пѣсня о Гришкѣ Разстригѣ, въ которой высказывается народное воззрѣніе на причины гибели самозванца: онъ женился въ проклятой Литвѣ, на еретницѣ, безбожницѣ, свадьба была на Николинъ день и на пятницу; когда князья и бояре пошли къ заутрени—Гришка пошелъ въ баню съ женой. Послѣ бани Гришка вышелъ на Красное крыльцо и закричалъ: «Гой еси ключники мои, приспѣшники! Приспѣвайте кушанье разное, а и постное и скоромное; завтра будетъ ко мнѣ гость дорогой, Юрья панъ съ паньею». А втѣпоры стрѣльцы догадалися, за то-то слово спохватилися». Стрѣльцы бросились къ царицѣ-матери, и когда та отреклась отъ Лжедимитрія, то стрѣльцы взбунтовались: Маринка безбожница соро-

кою обернулася, и изъ палатъ вонъ она вылетѣла. А Гришка Разстрига втѣпоры догадливъ былъ, бросился онъ съ тѣхъ чердаковъ на копья острыя къ тѣмъ стрѣльцамъ, удалымъ молодцамъ, и тутъ ему такова смерть случилась». Другая пѣсня разсказываетъ о смерти князя Скопина-Шуйскаго. На крестинномъ пиру князя Воротынскаго «пьяниньки тутъ расхвастались: сильный хвастаетъ силою, богатый хвастаетъ богатствомъ; Скопинъ князь Михаилъ Васильевичь а и не пилъ онъ зелена вина, только одно пиво пилъ и сладкой медъ, не съ большаго хмѣлю онъ похвастается:» «А вы глупой народъ, неразумные! А всѣ вы похваляетесь бездѣлицей: я Скопинъ, Михайло Васильевичь, могу князь похвалитися, что очистилъ царство Московское и велико государство Россійское; еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку отъ стараго до малаго, отъ малаго, до вѣку моего». А и тутъ боярамъ за бѣду стало, въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали: поддернули зѣлья лютаго, подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе, подавали кумѣ его крестовыя, Малютиной дочи Скурлатовой». Здѣсь пѣсня выставляетъ намъ туже самую черту, о которой свидѣтельствуетъ и актъ неоспоримый, именно обычай хвастаться своими подвигами и унижать подвиги другихъ: вспомнимъ хвастовство Шеина, за которое онъ такъ дорого поплатился. Приведенная пѣсня о Скопинѣ причиною смерти послѣдняго прямо выставляетъ зависть бояръ вообще, а не одного Димитрія Шуйскаго, зависть, возбужденную хвастовствомъ Скопина. Другая пѣсня о томъ же Скопинѣ рѣзко выставляетъ противоположность горя лучшихъ горожанъ, надѣявшихся прекращенія смутъ, съ злорадствомъ бояръ:

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося:
Съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.
А росплачются гости Москвичи:
А тепере наши головы загибли,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
А съѣзжалися князи, бояре супротиво къ нимъ,
Мьстиславской князь, Воротынской,

И межу собою они слово говорили;
А говорили слово, усмѣхнулися:
«Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся» [34].

Отъ описываемаго времени дошло до насъ любопытное сказаніе, изображающее частную, домашнюю жизнь Русскихъ людей конца XVI-го и начала XVII-го вѣка: это житіе Іуліаніи Лазаревской, написанное сыномъ ея Каллистратомъ — Дружиною Осорьинымъ. Іуліанія была дочь царскаго ключника; оставшись сиротою послѣ матери, она воспитывалась въ домѣ тетки своей; здѣсь хотѣли ее воспитывать по обычаю, понуждали ее съ ранняго утра ѣсть и пить; но она съ раннихъ лѣтъ прилежала молитвѣ и посту, отъ смѣха и всякой игры удалялась; только о пряжѣ и пяличномъ дѣлѣ прилежаніе великое имѣла, и во всю ночь не угасалъ свѣтильникъ ея; сиротъ, вдовъ и немощныхъ во всемъ околоткѣ обшивала. Церковь была версты за двѣ отъ деревни, гдѣ жила Іуліанія, и ей, до самаго замужества, ни разу не случилось быть въ церкви. Вышедши за мужъ за богатаго Муромскаго дворянина Осорьина, Іуліанія поступила въ домъ къ свекру и свекрови, которые поручили ей управлять всѣмъ хозяйствомъ. Когда мужъ ея находился на службѣ царской, по году, по два и по три, то она въ это время всѣ ночи безъ сна проводила, много Богу молилась, пряла и шила, продавала работу, а деньги раздавала нищимъ. Всѣ въ ея домѣ были одѣты и сыты, каждому дѣло, по силѣ его, давала; а гордости и величанья не любила. Простымъ именемъ никого не называла и не требовала, чтобъ ей кто на руки воды подалъ, или сапоги снялъ, но все сама дѣлала. Развѣ по нуждѣ, когда гости приходили, тогда ей рабыни по чину предстояли и служили. Когда же уходили гости, и то она себѣ въ тяжесть вмѣняла и всегда со смиреньемъ говорила: «Кто же я сама убогая, что предстоятъ мнѣ такіе же люди, созданье Божіе!» Никого отъ провинившихся рабовъ она не оклеветала: и за то много разъ отъ свекра и отъ свекрови и отъ мужа своего бывала бранима. Хотя и не умѣла

она грамотѣ, но любила слушать чтеніе божественныхъ книгъ. Дьяволъ всячески старался бѣду и искушеніе ей сотворить: воздвигалъ пустыя брани между дѣтьми ея и рабами. Но она все смысленно и разумно разсуждала и усмиряла. Навадилъ врагъ одного изъ рабовъ, и тотъ убилъ ея старшаго сына [35].

Мы встрѣчали уже имя Московскаго купца Котова, слышали отвѣтъ его на вопросъ: позволять ли Англичанамъ ѣздить въ Персію черезъ Московское государство? Этотъ Котовъ въ 1623 году съ осьмью товарищами ходилъ за море въ Персидскую землю въ купчинахъ съ государевою казною, и оставилъ намъ описаніе: «ходу въ Персидское царство». Изъ Москвы шелъ онъ обычнымъ воднымъ путемъ — Москвою рѣкою, Окою и Волгою до Астрахани. «Съ Астрахани, говоритъ Котовъ, ходятъ на Русскихъ бусахъ и на большихъ стругахъ моремъ подлѣ Черни, только это далеко, ходу моремъ при хорошей погодѣ двое сутокъ, а въ тихое время недѣля. Ходятъ сухимъ путемъ степью въ станицахъ: отъ Терека на Быструю рѣку, по обѣ стороны которой лѣтомъ лежатъ козаки по перевозамъ; оттуда на Тарки и Дербентъ; между Тарками и Дербентомъ живутъ Лезгины, князь у нихъ свой, слыветъ Усминскій, живутъ въ горахъ далеко, никому не послушны и воровство отъ нихъ: на дорогѣ торговыхъ людей грабятъ, а иныхъ запродаютъ; а когда и смирно бывало, то брали у торговыхъ людей съ вьюка по три киндяка; это мѣсто проходятъ съ провожатыми. Отъ Дербента три дня ходу до Ширвани степью между горъ и морей. Ходятъ изъ Астрахани въ Персію и въ мелкихъ стругахъ до Низовой пристани, а отъ Низовой на Ширвань сухимъ путемъ; но ходъ въ малыхъ судахъ тяжелъ тѣмъ: если погодою прибьетъ стругъ къ берегу, то въ Дербентѣ и Таркахъ берутъ съ торговыхъ людей большія пошлины, а къ пустому мѣсту прибьетъ, то Лезгинцы побиваютъ и грабятъ, воровство большое берегомъ». Мы не считаемъ нужнымъ приводить подробнаго описанія Персидскихъ городовъ, сдѣланнаго Котовымъ; приведемъ только одно извѣстіе: «Въ Испагани ворота высокіе, а надъ воротами высоко

стоятъ часы, а у часовъ мастеръ Русскій». Въ Москвѣ часовые мастера были Нѣмцы, а въ Персіи Русскій!

Въ связи съ Персидскою торговлею находится и путешествіе въ палестинскія мѣста Василія Гогары, ибо вотъ что говоритъ путешественникъ въ началѣ своего разсказа: «Послалъ я человѣка своего съ товарами за море торговать въ Персидскую землю. И Божіимъ гнѣвомъ за мое окаянство, на морѣ бусу со всѣми товарами разбило, и все имѣніе мое потонуло; а тутъ и другія многія бѣды и напасти приключились мнѣ. Въ этихъ скорбяхъ и напастяхъ я началъ обѣщаться быть въ Іерусалимѣ и прочихъ святыхъ мѣстахъ». Изъ Казани пошелъ Гагара въ Астрахань, изъ Астрахани на Грузинскую землю. «Въ Грузинской землѣ, говоритъ онъ, между горами высокими и снѣжными, въ непроходимыхъ мѣстахъ есть щели земныя и въ нихъ загнаны дикіе звѣри Гогъ и Магогъ, а загналъ ихъ въ древнемъ законѣ царь Александръ Македонскій; и многіе о тѣхъ звѣряхъ разсказывали, что недавно они были пойманы, изъ щелей вонъ выдрались». Въ Іерусалимѣ Греки говорили ему, что отъ Трифона Коробейникова, присланнаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ, до него, Гогары никто не бывалъ у нихъ изъ Русскихъ людей. Въ Свѣтлое Воскресенье, зажегши свѣчу свою чудеснымъ огнемъ, сошедшимъ съ неба, Гогара началъ палить ею свою бороду—и ни одинъ волосъ не сгорѣлъ, принимался палить въ другой и въ третій разъ — и все борода осталась цѣла: «послѣ этого я, говоритъ путешественникъ, просилъ прощенія у митрополита, что былъ одержимъ невѣріемъ, думалъ, что Греки составляютъ огонь своимъ умышленіемъ». Гогара пробрался и въ Египетъ: «Въ Египтѣ за Ниломъ рѣкою подѣланы палаты большія какъ горы; дѣлалъ ихъ царь Фараонъ, ругаясь надъ Израильтянами, ставилъ ихъ, потому что писано Египту отъ водъ потоплену быть» [36].

Но для насъ важнѣе этихъ описаній Персіи и Египта, сдѣланныхъ русскими путешественниками, описаніе двухъ путешествій въ Московское государство, сдѣланное знаменитымъ Голштинскимъ ученымъ Адамомъ Олеаріемъ (1634 и 1636 г.). Въ старин-

ной Русской области, уступленной Шведамъ, между Копорьемъ и Орѣшкомъ, былъ онъ принятъ и угощенъ Русскимъ помѣщикомъ; хозяинъ показывалъ ему раны, полученныя имъ въ Лейпцигскомъ сраженіи, гдѣ онъ находился съ королемъ своимъ Густавомъ-Адольфомъ; несмотря на то однако, что находился въ Шведской службѣ, помѣщикъ продолжалъ жить по Русскимъ обычаямъ. При самомъ въѣздѣ въ Московскія области, Олеарія поразила дешевизна съѣстныхъ припасовъ: курица стоила 2 копѣйки (2 шиллинга), девять яицъ одну копѣйку. Поразила Олеарія Русская пляска, что пляшутъ Русскіе не схвативши другъ друга за руки, какъ Нѣмцы, но каждый пляшетъ порознь. Во всю дорогу путешественники сильно страдали отъ комаровъ и мошекъ; въ одномъ мѣстѣ видѣли двѣнадцатилѣтняго мальчика, который былъ уже женатъ, и одиннадцатилѣтнюю дѣвочку, которая была уже за мужемъ. Олеарій былъ въ Москвѣ во время Пасхи: ему разсказывали, что въ Святый день царь прежде чѣмъ идти къ заутрени, идетъ въ тюрьму, и раздаетъ заключеннымъ по яйцу и по овчинному тулупу, говоря: «Радуйтесь, Христосъ, умершій за грѣхи ваши, теперь воскресъ». Въ первый день праздника послѣ обѣдни кабаки наполнились народомъ, духовными и свѣтскими, мужчинами и женщинами, на улицахъ валялись пьяные, утромъ на другой день подняли много мертвыхъ. Во время пребыванія Олеарія въ Москвѣ по ночамъ вдругъ въ разныхъ мѣстахъ вспыхивали пожары, для тушенія которыхъ употреблялись стрѣльцы и сторожа; водой не заливали, но ломали окружные дома; какъ легко сгорали цѣлыя улицы, также легко и отстраивались, потому что въ Москвѣ былъ особый рынокъ, гдѣ продавались деревянные дома, совсѣмъ готовые: ихъ разбирали, перевозили въ назначенное мѣсто и складывали опять. Улицы широки, и посерединѣ настланы круглыми бревнами, положенными другъ подлѣ друга: безъ этихъ мостовыхъ въ мокрую погоду нельзя было бы двигаться отъ грязи. Земля въ Московскомъ государствѣ вообще чрезвычайно плодородна; нѣкоторыя мѣста производятъ превосходные садовые плоды — яблоки, вишни, сливы, сморо-

дину; также овощи, особенно огурцы и дыни; но красивыхъ садовыхъ цвѣтовъ въ Москвѣ мало; царь Михаилъ истратилъ много денегъ на выписываніе дорогихъ растеній для своего сада; настоящихъ, махровыхъ розъ въ Москвѣ не знали до тѣхъ поръ, пока Петръ Марселисъ не привезъ ихъ изъ Готторпскаго герцогскаго сада. Нѣмецкіе и Голландскіе купцы развели спаржу и салатъ; Русскіе сначала смѣялись надъ Нѣмцами, что ѣдятъ сырую траву, но потомъ нѣкоторые сами стали находить въ ней вкусъ. Къ табаку сильно пристрастились съ самаго начала, какъ и другіе народы, и точно также какъ и у другихъ народовъ чудодѣйственная трава, одаренная такою притягательною силою, подверглась жестокому гоненію; Олеарій былъ свидѣтелемъ, какъ въ Москвѣ рѣзали носы за табакъ мужчинамъ и женщинамъ. Олеарій жалуется на грубость Русскихъ, на ихъ чрезмѣрную склонность къ чувственнымъ удовольствіямъ, даже къ противуестественнымъ порокамъ, жалуется, что разговоры ихъ имѣютъ содержаніемъ грязныя исторіи; отдаетъ справедливость умственнымъ способностямъ и ловкости Русскихъ въ дѣлахъ, но жалуется на ихъ лживость. Жизнь простаго народа отличается простотою; пища состоитъ изъ небольшаго числа самыхъ дешевыхъ блюдъ; дрова также чрезвычайно дешевы; мебели въ домахъ никакой, образа составляютъ единственное украшеніе голыхъ стѣнъ. Роскошь богатыхъ и знатныхъ обнаруживается въ большомъ количествѣ холопей (отъ 30 до 60) и лошадей. Часто даютъ они большіе пиры, на которыхъ подается множество блюдъ и напитковъ; но это стоитъ имъ недорого, потому что запасы получаются изъ деревень; кромѣ того гости хорошо платятъ за честь быть приглашенными на пиръ знатнаго человѣка; если Нѣмецкій купецъ приглашается на такой пиръ, то знаетъ, какъ дорого обойдется ему эта честь; воеводы въ торговыхъ городахъ отличаются подобнымъ гостепріимствомъ. Холопи не получаютъ пищи отъ господъ, но кормовыя деньги и въ такомъ маломъ количествѣ, что едва могутъ поддерживать жизнь; отъ этого въ Москвѣ происходятъ частыя воровства и смертоубійства.

Затворничество дѣвушекъ у достаточныхъ людей, невозможность жениху видѣть невѣсту до свадьбы и обманы, подстановка невѣстъ препятствуютъ супружескому счастію, мужья съ женами часто живутъ какъ кошки съ собаками. Изъ Русскихъ обычаевъ Олеарій упоминаетъ о слѣдующемъ: за восемь дней до Рождества Христова и до крещенья по улицамъ бѣгаютъ люди съ огнемъ особеннаго рода (жгутъ они порохъ, сдѣланный изъ травы плауна) и подпаливаютъ бороды прохожимъ, особенно достается отъ нихъ бѣднымъ крестьянамъ; кто хочетъ впрочемъ можетъ откупаться отъ нихъ, заплативши копѣйку; ихъ зовутъ халдѣями, потому что они изображаютъ тѣхъ служителей царя Навуходоносора, которые разжигали печь Вавилонскую для трехъ Еврейскихъ отроковъ. Въ Крещенье ихъ окунаютъ въ прорубь и такимъ образомъ очищаютъ отъ халдѣйства [37].

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Собр. гос. грам. и дог. т. III, № 4, 10, 50, № 11, 12, 16; Дворцовые разряды, т. I.

2) Акты арх. экспед. т. III, № 3, 4, 5, 1, 11, 9, 17, 40, 43, 48, 50; Акты историч. III, № 2, 3, Собр. гос. грам. и дог. III, № 14, 17; Дворцовые разряды, т. I; Дѣла Турецкія въ столбцахъ № 1, годъ 1613.

3) Дворцовые разряды, т. I; Акты арх. эксп. т. III, № 18, 19, 20, 21, 22—29; Акты историч. т. III, № 12, 13, 14, 248, 257, 264, 265, 277, 15, 278, 280, 32, 26, 35, 36; Соб. гос. грам. и дог. III, № 20; Kobierzicki-Histor. Vladisl. p. 471; Дѣла Турецкія въ столбцахъ, связка 2.

4) Книги разрядныя, т. I; разрядная книга 7124 года, стр. 52, 53; Собран. госуд. грам. и догов. III, 22; Акты арх. экспед. III, № 44, 50, 53.

5) Дворцовые разряды, т. I; Книги разрядныя, т. I; Дѣла Польскія № 29 и 30; Соб. гос. грам. и дог. III, № 7, 9, 13, 24, 25, 26; Акты Западн. Россіи IV, № 208, 209, 210.

6) Памятники Дипломат. сношен. т. II. Дѣла Турецкія, Крымскія и Персидскія 1613—1645 г.

7) Дворцовые разряды I; Книги разрядныя, I; Scheltema — Rusland en de Nederlanden, I; Дѣла Англійскія № 3, 4 и 5; Дѣла Шведскія № 10, 12, 13, 16, Mosers-Dyplomatische und historische Belustigungen,

I; Дополн. къ Акт. Истор. I, 160, 162, 164, 166; II, 3, 4, 11, 12, 14, 20, 21, 32, 42, 43, 44; Лѣтопись о мног. мятежахъ; Adelung-Übersicht der Reisenden, II, 259; Соб. гос. грам. и дог. III, № 34, 35; Пол. Соб. Зак. I, № 19; Акты истор. III, № 284.

8) Акты арх. эксп. III, 327 и 328; Книги разрядныя, т. I; Kobierzicki-Histor. Vladisl., p. 480 et squ. Bobrowicza-Zycia slawnych Polaków (życie Chodkiewicza, Ossolinskiego, Lwa Sapiehi); Акты истор. т. III, № 72; Сборникъ Муханова, № 113, 114; Historica Russiae Monum. appendix, № XXIV; Собр. гос. грам. и дог. III, № 39, 40, 42, 44, 43, 45; Временникъ Москов. истор. общ. № 4 (Помѣстныя дѣла); Дополн. къ акт. истор. II, № 76; Дѣла Польскія, № 32, 34, 38; Zbiór Pamiętników o dawney Polscze, t. VI; Kazanie na pogrzebie Kniazia W. W. Galicyna, w Cerkwi brackiey Wilenskiey S. Ducha 1619, które mial Leonty Karpowicz; Грамота Владислава къ Донскимъ Козакамъ въ Архивѣ Мин. Ин. Д. Архивъ царства Польскаго, связка 2; Времен. Моск. Истор. общ. кн. 25.

9) Письма Русскихъ государей, стр. 14 и 274; Описаніе государ. арх. стар. дѣлъ, стр. 257; Хронографъ Карамзинскій, № 3 (въ Археограф. Коммисс.); Никонов. лѣтоп. VIII, 245; Акты историческ. III, № 81; Собран. госуд. грам. и дог. III, № 57; Дѣла Датскія и Шведскія 1613 — 1645 г.; Дѣла Крымскія 1613 — 1645 г. Акты арх. эксп. III, № 206, 207, 213, 230, 239, 242, 246, 247, 248; Собран. госуд. грам. и догов. III, 83, 85, 99; Акты историч. III, № 80. 91; Собр. госуд. грам. и догов, III, № 63, 64, 65; Акты историч. III, № 284; Акты арх. эксп. III, № 107, 108, 111, 127, 128; Дѣла Шведскія, № 19; Дѣла Англійскія, № 7; Дѣла Французскія, № 1 и 2; Дѣла Голландскія, № 1; Дѣла Датскія, № 3, 4, 5; Памятники дипломат. сношеній, т. III; Дѣла Польскія, № 39, 40, 42, 43, 49; Книги разрядныя, т. I и 2-й; Pamietniki do panowania Zygmunda III et. c. wydał Woycicki, I, стр. 204 и слѣд.; Pamiętniki A. S. X. Radziwiłła t. I, стр. 153 и слѣд.; Врем. Москов. истор. общ. кн. 4; Плейтнеровъ планъ осады Смоленска, 1636 г.

10) Дѣла Польскія № 50 52, 54, 57, 59, 60, 61, 62, 63; Дѣла Шведскія, № 23; Дѣла Голштинскія; Акты арх. эксп. III, № 318; Времен. Москов. истор. общ. кн. IV; Собр. гос. грам. и дог. III. № 108, 112, 113, 114, 115; Ригельмана — Исторія войска Донскаго (въ Чтеніяхъ Москов. истор. общ. 1846, № 3); Лѣтопись о мятежахъ; Акты арх. эксп. III, № 275; Hammer. — Geschichte des osmanischen Reiches; Дѣла Турецкія 1613—1645 г.; Собр. гос. грам. и дог. III № 117, 121; Дѣла Датскія, 1613 — 1645 г.; Сборн. Синод. библ. № 565; Büsching's Magazin, X; Pamiętniki A. S. Radziwilla, II, 116; Дѣла Польскія, №

66, 67, 68; Рукопись Синодал. библіот., № 69 (Аѳанасій Филипповичь, наставникъ Лубы, говоритъ; «Лацно познати каждому гды бы былъ зъ Мнишковны, то Мнишки одозвали быся въ повиноватство; до того еще зъ устъ небожчика Сапѣги гетмана слышалемъ гды педагогомъ былъ, просилемъ килима (ковра) обить ему надъ лужкомъ (кроватью). Теды голосно съ гнѣвомъ рекъ, на що обить, хто его вѣдаетъ, хто онъ есть? Заледве казалъ килимокъ и колдерку (одѣяло) купить»). Акты историч. III, № 246, 296; Новый лѣтописецъ, изданный по списку князя Оболенскаго.

11) Татищева—Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства, напечат. въ Альманахѣ Утро 1859 г. Полн. Собран. русск. лѣтоп. V, стр. 55 и см. Собран. государст. грам. и договор. т. III, № 70; Арх. Минист. Иност. Дѣлъ дѣла приказныя, связка 4.

12) Неиздан. бумаги Татищева въ библіот. Арх. Минист. Иностран. Дѣлъ.

13) Исторія Россіи, VIII, стр.

14) Книги разрядныя, т. I и II; Дворцовые разряды, т. I и II; Собр. гос. грам. и дог. III, № 48, 55, 56; Акты арх. эксп. III, № 71, 83, 85 125, 215, 218; Времен. Москов. Истор. общ. кн. 4, 14; Чтенія Моск. истор. общ. годъ III, № 7; Москвитянинъ 1841, № 3; Госуд. разряд. Архивъ, Записная книга Москов. стола 134 и 158 года; тамъ же, Столбцы Москов. стола, связка 133.

15) Книги разрядныя, т. I и II; Дворцовые разряды, т. I и II; Дѣла Англійскія № 4 и 6; Акты относящ. до юридическ. быта, стр. 84; Собран. госуд. грам. и договор. III, № 83, 87; Акты арх. эксп. III № 206, 34, 319, 260, 261, 268, 304; Акты историческ., III, № 240, 305, 268; Русскій истор. Сборн. т. I, стр. 86; Русск. Вѣстн. 1842 г., № 11 и 12.

16) Акты арх. эксп. III, № 11, 12, 14, 15, 88, 105, 115, 36, 37, 98, 126, 171; Временникъ Моск. истор. общ. № 3, 4; Борисова—Описаніе города Шуи; Гарелина—Старинные акты; Дополн. къ актамъ историч. II, № 69, 101; Акты арх. эксп. III, № 171; Владимірск. губернск. Вѣдом. 1856 года, № 28; Книги разрядныя, т. I и II; Акты историч. III, № 164; Полн. Собр. Русск. лѣтоп. IV, 329 и слѣд.; Приказныя дѣла Арх. Мин. Ин. Д. связка 39, 24, 42.

17) Указатель законовъ Максимовича, I, 149; Акты арх. эксп. III, № 227: Гарелина—Старинные акты; Собр. гос. грам. и дог. III, № 14, 17, 49; Акты арх. эксп. III, № 17, 182; Supplementum ad histor. Russ. Monum. p. 268; Полн. Собр. Зак. I, 207; Акты арх. эксп. III, № 180; Акты историч. III, № 154, 295; Полн. Собр. Зак. II, 816; Дѣла Пер-

сидскія 1613 — 1645 годовъ; Приложенія къ Царств. Мих. Θед. Берха, № XVI.

18) Акты арх. эксп. III, № 320; Собр. гос. грам. и дог. III, № 118, 76, 89, 94, 100, 102, 103, 116; Книги разрядныя, I, стр. 1346 и 1347; Дѣла Архива Мин. Ин. Д. касающіяся выѣзда иностранцевъ; Гамеля—Описаніе Тульскаго оружейнаго завода; Приложенія къ книгѣ Берха—Царств. Мих. Θеод.; Госуд. разр. архивъ, столбцы Московъ. стола, № 106.

19) Акты истор. III, № 92; Акты арх. эксп. III, № 41; Москвитян. 1846, № 1; Дѣла Англійскія, № 4; Акты юридич. стр. 204 и слѣд.; Архивъ Мин. Ин. Д. Приказныя дѣла, связка 15 и 63; Разрядн. архивъ — столбцы Москов. стола. св. 133.

20) Дополн. къ актамъ истор. II, № 88, 90, 91, 92; Акты арх. эксп. III, № 261, 268.

21) Описаніе государств. архива старыхъ дѣлъ, стр. 263.

22) См. нашей Исторіи т. VII, стр. 83.

23) См. тамъ же, стр. 122.

24) Сказаніе извѣстно о воображеніи книгъпечатнаго дѣла, Сборн. Синод. библ. № 850; Житіе Діонисія по рукоп. Синод. библ. № 416; о Θеофанѣ патріархѣ — Сборникъ тойже библіот. № 850. Акты арх. эксп. III, № 166, 329, 228, 166; Собр. гос. гр. и дог. III, № 77; Акты арх. эксп. III, № 176, 177, 197, 198, 226, 249, 258, 262, 264, 331; Дополн. къ акт. истор. II, № 64; Старинные акты, изд. Гарелинымъ, № 8, 26, 27, 32; Акты истор. III, № 92, 113, 114, 137, 190; Воронежскіе акты, II, № LXXIV; Собр. гос. грам. и дог. III, № 60; Полн. Собр. русск. лѣтоп. III, 188; Дѣла Греческія 1613—1645 годовъ; Описаніе архива стар. дѣлъ стр. 261.

25) Собр. гос. грам. и дог. III, № 106; Акты истор. III, № 67, 92, 168, 214; Дополн. къ акт. истор. II, № 70; Акты арх. эксп. III, № 272; Максимовича—Указатель Рос. зак. I, 147; Лѣтопись о мятежахъ, стр. 338, 342; Москвитян. 1852 года, № 1; Разрядн. архивъ, столбцы Приказнаго стола, связка 1245; Архивъ Мин. Ин. Д., приказныя дѣла, св. 84.

26) Собр. гос. грам. и дог. III, № 110, 90; Акты арх. эксп. III, № 147, 149; Сборникъ Синод. библ. № 623; Москов. Вѣстникъ 1830 года; Архивъ Мин. Ин. Д. Приказн. Дѣла св. 88.

27) Исторія Россіи, III, 144.

28) Лѣтоп. о мятеж., стр. 73.

29) Палицына—Сказаніе, стр. 20, 14.

30) Исторія Россіи, VII, 259.

31) Иное сказаніе о Самозванцахъ, во Временникѣ Истор. общест. кн. 16.

32) Хронограф. князя М. А. Оболенскаго.

33) Полн. Собр. русск. лѣтоп. V, стр. 55 и слѣд.

34) Древнія Росс. стихотв. стр. 102, 295; Памятники и образцы народнаго языка, при Извѣстіяхъ Академіи Наукъ, т. I.

35) Русск. Вѣстн. 1858 г. Статья профес. Буслаева: Юліанія Лазаревская.

36) Временникъ Москов. Истор. общ. кн. 15; Сахарова — Сказанія Русскаго народа, т. II.

37) Offt begehrte Beschreibung der newen orientalischen Reise, durch Adamum Olearium. Schlesswig, 1647.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

ДОПОЛНЕНІЯ и ПОПРАВКИ.

Томъ I-й, примѣч. 314: Вмѣсто: Накпи, Накои, Наадеи—должно читать: Hakun, Hakon, Haagen. Очень благодаренъ я г. Ламбину за указаніе этой смѣшной опечатки, происшедшей отъ смѣшенія при наборѣ Русскихъ буквъ съ Латинскими. —По мнѣнію г. Ламбина, должно читать въ лѣтописи не: «бѣ Якунъ слѣпъ», а «бѣ Якунъ сь лѣпъ» (т. е. былъ Якупъ этотъ красивъ). Журналъ Мин. Народ. Просв. Май 1858 года.

Томъ II, примѣч. 37. О Нѣмигѣ въ Минскѣ см. Teka Wilenska, № 1, стр. 204.

Томъ III, стр. 172: Можно думать, что городъ, взятый Даніиломъ у Тевтонскихъ рыцарей въ 1235 году былъ Дрогичинъ, который рыцари получили отъ Конрада Мазовецкаго (Conferimus et donamus castrum Drohiczyn et totum territorium, quod ex eadem castri parte continetur, a medietate fluminum Bug et Nur, usque ad metas Ruthenorum.). См. Этнографич. Сборникъ, выпускъ III, стр. 60.

Т. III, генеалогическая таблица, № III. Г. Иловайскій (Исторія Рязанскаго княжества, стр. 308) выводитъ, что великій князь Олегъ Ивановичь былъ сынъ не Ивана Ивановича Коротопола, а Ивана Александровича. Мнѣніе свое онъ основываетъ на жалованной грамотѣ Олега Ольгову монастырю, которая начинается такъ: «Милосердіемъ Божіимъ и молитвою св. Богородици и молитвою отця своего князя великаго Ивана Олександровича»; потомъ на договорныхъ грамотахъ Рязанскихъ кня-

зей съ Московскими: «А что Владимерьское порубежье, а тому какъ было при твоемъ прадѣдѣ Иванѣ Ярославичѣ, при твоемъ дядѣ (д. ч. дѣдѣ) Иванѣ Ивановичѣ, и при твоемъ дядѣ (д. ч. дѣдѣ) Иванѣ Александровичѣ и при твоемъ отцѣ Олегѣ Ивановичѣ».

Т. III, стр. 357 (355 перваго издан.) вмѣсто 1373 долженъ читать 1378.

Т. IV, стр. 74; вмѣсто 1448 года должно читать: 1447.

Т. V, стр. 335: вмѣсто 1574 должно читать 1514.

Т. V, стр. 386: Г. Иловайскій (Исторія Рязанскаго княжества, стр. 231) догадывается, что Крубинъ Герберштейна есть испорченное Коробьинъ, ибо фамиліи Крубиныхъ никогда не слыхали въ Рязани, тогда какъ Коробьины тамъ извѣстны. Послѣднее извѣстіе о послѣднемъ князѣ Рязанскомъ относится къ 1533 году; оно приведено у г. Иловайскаго на стр. 239.

Т. VI, стр. 12: вмѣсто 2 Мая должно читать. 2 Мая 1537 года.

Т. VII, стр. 413, строка 31. При Θеодорѣ состоялся боярскій приговоръ, что людямъ, которые на себя въ разбоѣ съ пытокъ не говорили, сидѣть въ тюрьмѣ до смерти, а смертью ихъ не казнить. (Акты истор. III, стр. 296.

Т. VIII, стр. 10, строка 26: И заповѣдь положена, если кто не придетъ, на томъ по два рубли править на день (Времен. Москов. истор. общ. кн. 16, Иное сказаніе о Самозванцахъ).

Т. VIII. стр. 113, строка 6: вм. Годуновымъ д. ч. Годуновыми.

— — — 141, — 3: вм. на придало д. ч. не придало.

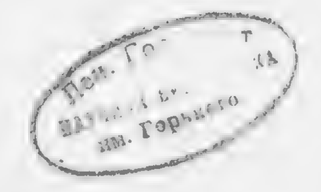
— — — 160, — 21: вм. повелѣлъ д. ч. поволилъ.

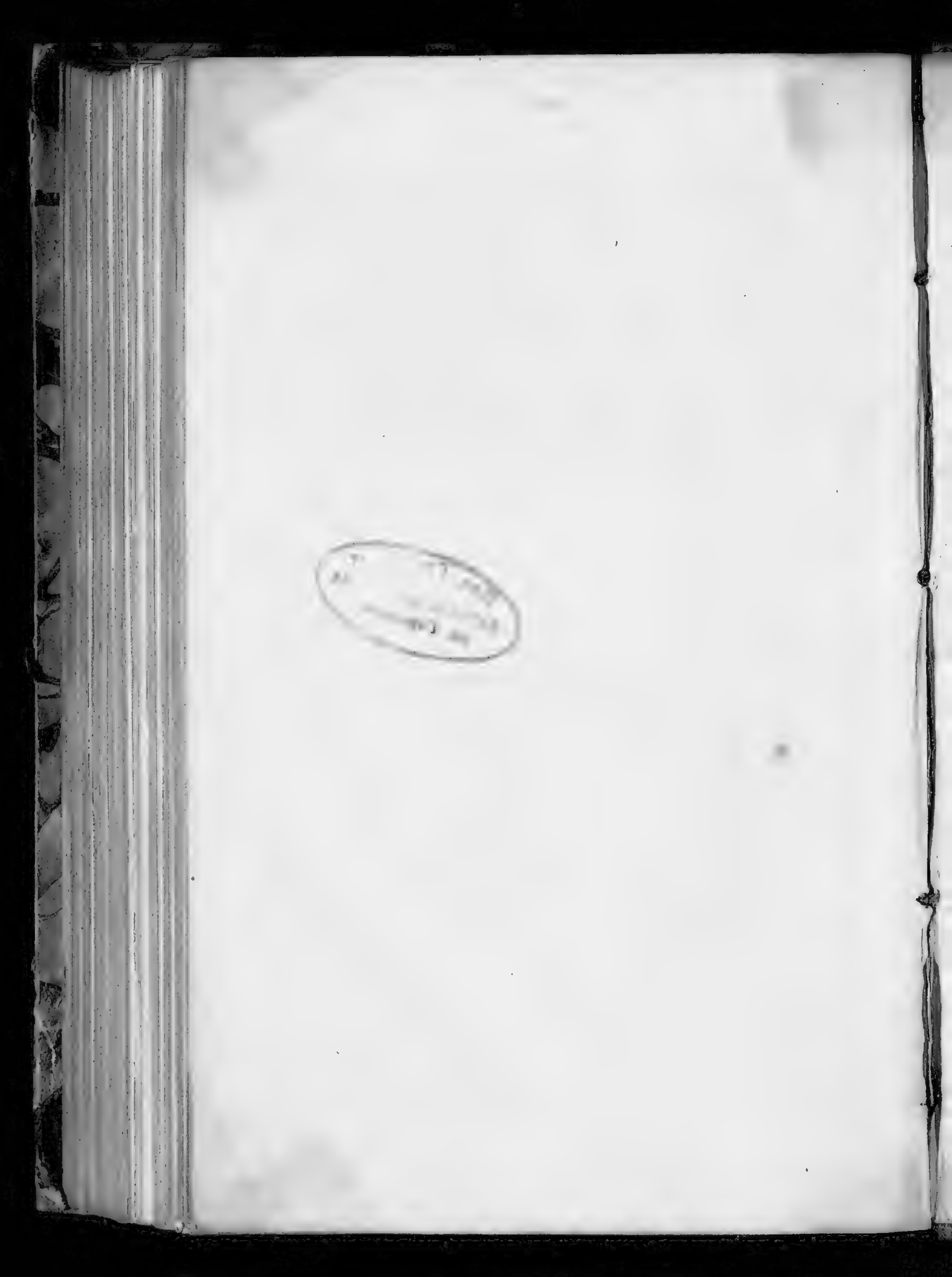
— — — 435, — 34: вм. Юрія Никитича Салтыкова должно читать Юрія Никитича Трубецкаго.

Т. VIII, стр. 460, строка 26: вмѣсто казни д. ч. козни.

Т. IX, стр. 428. До какой степени для мелкихъ помѣщиковъ было важно поддержаніе закона объ укрѣпленіи крестьянъ, до какой степени они раздражались тѣмъ, что выводъ продолжался, можно видѣть изъ слѣдующаго: въ 1624 Ливенскій помѣстный козакъ Авдѣй Яковлевъ, пришелъ къ своему крестьянину и при постороннихъ людяхъ сказалъ: «Государь насъ не жалуетъ, крестьянъ изъ за насъ велитъ выводить; насъ въ заговорѣ человѣкъ съ пятьсотъ: кто изъ за насъ крестьянъ выводитъ, у тѣхъ мы вотчины выжжемъ, а крестьянъ побьемъ, а найдемъ де инаго государя».—Горько жаловались Елецкіе помѣщики на прикащиковъ и крестьянъ Ивана Никитича Романова, которые, надѣясь на силу господина своего, позволяли себѣ выводъ крестьянъ и всякаго рода насилія. Челобитчики писали: «Намъ въ Украйномъ городѣ съ такимъ великимъ бояриномъ въ сосѣдствѣ жить

невозможно; мочи нашей отъ насильства людей и крестьянъ боярина Ивана Никитича не стало: каково намъ разоренье было отъ Литвы, и Литва поплѣнила насъ на одно время, а нынѣшнему плѣну, каковъ на насъ плѣнъ отъ людей и крестьянъ боярина Ивана Никитича, и конца не вѣдаемъ, пуще намъ стало Крымской и Ногайской войны: во всемъ Елецкомъ уѣздѣ не осталось за нами крестьянъ и бобылей третьева жеребья». Но при большомъ повальномъ обыскѣ 1865 человѣкъ сказали, что протакія насильства сами ничего не знаютъ и отъ другихъ не слыхали; въ новыхъ слободахъ Ивана Никитича чужихъ крестьянъ не объявилось ни одного человѣка. Въ слѣдствіе этого челобитчики, за ихъ воровство, биты нещадно батогами и посажены въ тюрьму. (Разрядн. Архивъ, Столбцы Приказн. стола, св. 1161, 1180).

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	строка.	*Напечатано*	*Должно читать*
34	23	а на Унжу	да на Унжу
43	6	показателю	наказателю
56	3	схаченъ	схваченъ
82	27	въ подароквъ	въ подарокъ
90	25	Котовъ	китовъ
—	34	на рѣкѣ.	на рѣкѣ
97	20	на привежѣ	на правежѣ
128	13	Пожарскаго и Лыкова	Черкасскаго и Лыкова
129	30	не разсуждали	не разсуждая
136	21	можетъ	можемъ
149	20	непригожіе	непригоже
162	15	окольничій	окольничіе
207	30	государямъ	государемъ
222	2	Прозовскому	Прозоровскому
252	28	пріязнію	пріязни
253	25	учинялся	учинился
254	8	такъ онъ	такъ онъ бы
275	7	двѣ комеги	двѣ комяги
298	9	сборамъ	сборомъ
357	1	правительствъ	правительства
389	5	по $4^4/_2$	по $4^1/_2$
390	4	представить	представятъ

[8R]

